К-52

В. О. Ключевский

ОПЫТЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЕРВЫЙ
СБОРНИК СТАТЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Просвещению
ПЕТРОГРАД. 1919

С.П.Григоро

В. О. Ключевский.

ОПЫТЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ.

ПЕРВЫЙ
СБОРНИК СТАТЕЙ.

Российский Нии культу
и прародного наслед
Библиотек

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Комиссариата Народного Просвещения.
Петроград 1918.

Сочинения В. О. Ключевского монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Настоящее издание перепечатано без всяких изменений с издания, выпущенного в Москве в 1912 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар
Литер.-Изд. Отдела *П. И. Лебедев-Полянский.*

Первая Государственная Типография.

Настоящее издание собрания статей В. О. Ключевского рассчитано на три тома. План и названия двух первых томов были составлены самим автором. В первый том включены «Опыты и исследования». Во второй войдут «Очерки и речи». Остальные статьи составят третий том. Уже по отпечатании настоящего тома в бумагах Василия Осиповича были найдены дополнительные заметки, сделанные им после того, как соответствующие статьи впервые появились в печати. Труд пересмотра этих заметок, составление введения и примечаний к ним принял на себя один из ближайших учеников покойного историка.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае . . . . . 1—31

Псковские споры . . . . . 32—106

I. Русское церковное общество в XV в. 32. II. Псковское церковное общество в XV в. 43. III. Спор с владыкой 53. IV. Спор с латинами 62. V. Богословский спор 76. VI. Литературная полемика 96.

Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему . . . . . 107—183

I. Постановка вопроса 107. II. Древнерусская хлебная четверть 112. III. Приёмы исследования 126. IV. Рубль XVI в. Поверка выводов 133. V. Рубль XVII в. 158. VI. Рубль первой половины XVIII в. 174. VII. Главные выводы 182.

Происхождение крепостного права в России. . 184—267

Гл. I. 184—194. Гл. II. 194—220. Гл. III. 220—267.

Подушная подать и отмена холопства в России . 268—357

I. Первая ревизия 268. II. Церковь и холопство 289. III. Холопы-страдники 314. IV. Задворные люди 333.

Состав представительства на земских соборах древней Руси . . . . . 358—472

Введение 358. I. Собор 1566 г. 378. II. Собор 1598 г. 408. III. Происхождение земскихъ соборов 428.

Приложения . . . . . I—XXIV

Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском Крае [1]).

В начале XV века подвизался в монастыре Кирилла Белозерского инок Савватий. Суровые подвиги его привлекли к нему внимание и удивление игумена и братии. Боязнь людской славы встревожила подвижника, искавшего уединения и безмолвия, и он стал прислушиваться к рассказам пришельцев о далеком, пустынном острове на озере Нево, об обители на этом острове, в которой иноки, «в неослабном житии», трудятся своими руками и этим трудом добывают себе необходимую пищу. Людна и шумна показалась Савватию Белозерская пустыня, и он ушел на Валаамский остров. Но людская слава и там неразлучно сопутствовала его подвигам и не давала ему покоя в новой пустыне, а между тем до него стал доходить рассказ про другой остров, еще более чудный и пустынный, на море-океане, искони не имевший не только мирского, но и иноческого жилья. С силами, испытанными и укрепленными многолетним подвигом в двух обителях, оставил он Валаам и направился к студеному морю. Прибрежные русские поселенцы встретили изумлением и насмешками предприятие старца, «во всякой убожественной нищете» задумавшего поселиться на далеком безлюдном острове; но это не смутило его. На пустынной реке Выгу, у часовни, он нашел подобного себе подвижника пустыни, инока Германа. Перебравшись на Соловецкий остров, они поселились там, выстроив себе кельи. Шесть лет прожили они одни на острове. Недостаток пищи заставил Германа отправиться на поморский берег; вслед за ним

---

[1]) Московские Университетские Известия, 1867—68, № 7.

и Савватий покинул остров и скоро скончался у прежней часовни на Выгу. Память современников не сохранила известия ни о месте рождения и родителях, ни даже о времени пострижения Савватия, и в самом начале XVI века жизнеописатель его ничего не мог узнать об этом от людей, между которыми хранились еще свежие предания о первых обитателях Соловецкого острова. Но пустынные труды Савватия и кельи, поставленные им вместе с Германом на Соловецком острове, не остались забытыми. Через год после его смерти пришел в Поморье другой искатель пустыни, Зосима, гонимый мирским шумом; на реке Суме нашел он того же старца Германа и, выслушав повесть о Савватии, мужественно пошел по проложенному им трудному пути.

Монастырь основался. Вместе с ним возник центр и двигатель разнообразной деятельности в окружающем его Беломорском крае.

Еще на Валааме Савватию рассказывали, что на Соловецком острове, удаленном на два дня пути от земли, от жилых мест, много озер, богатых рыбой, вокруг этого острова много рыбных ловищ, которые, по временам, случайно посещали одинокие рыболовы; что этот остров богат лесами, вершины гор и долины покрыты высокими соснами, годными для построек, и другими деревьями, что в этих лесах в изобилии растут различные ягоды. Рассказчики заключали, что остров «добр и благодарен к сожитию человечества по всему» [1]). Картина такого острова могла пленить подвижника пустыни и безмолвия; но другие рассказы услышал он от поселенцев, живших по берегу моря «прямо против острова». Ему сказали здесь, что тот остров велик и имеет «всякого устрою человеческого жития», но много лет многие пытались не раз поселиться там и не могли прожить долго «страха ради морские нужа». Уже по основании монастыря,

---

[1]) Житие Зосимы и Савватия, рукопись Синод. библиотеки, № 91. Главным материалом настоящего очерка, кроме этого жития, служил рукописный сборник соловецких грамот, который находится в Соловецкой библиотеке, принадлежащей теперь (1866) Казанской духовной академии, №№ 18, 19 и 20.

когда братия просила игумена у новгородского архиепископа, последний въ недоумении говорил: «Ваш монастырь стоит так далеко от людей; кто пойдет туда, и как церкви там быть, в соседстве с землею Мурманской и Каянской?».

В такой суровой глуши, где не живало человека, «отнележе и солнце в небеси», по выражению жития, возникла обитель и, благодаря нравственным силам своих основателей, победила трудности, пугавшие новгородского архиепископа и прибрежных русских поселенцев. Но, возникши вдали от людей, она завязывала все более и более тесные связи с прибрежьем, обитатели которого так неприветливо встретили начинание ее основателей. Завоевав у природы брошенный людьми остров, монастырь показал пример и много помог в деле подобного же завоевания пустынной страны русскому человеку, пришедшему на Корельское и Лопское поморье.

Во время основания монастыря многие из тех черт, которыми описывали Савватию Соловецкий остров, были уже неприложимы к поморскому берегу, огибающему остров с севера, запада и юга. Смелые дружины новгородских купцов и промышленников давно знакомы были с отдаленными северными краями Заволоцкой Чуди и Корелы. В житии Зосимы и Савватия, еще до основания и по основании монастыря, мы не раз встречаем новгородских гостей, которые плавали по Белому морю, добывая рыбу и морского зверя, или скупая этот товар у прибрежных жителей. Но за этими временными посетителями Беломорского края в населении его ясно обозначаются, в эпоху основания монастыря, более прочные и постоянные элементы. Из этих элементов на первом плане стоит туземный, который составляли давние обитатели нынешнего Поморского, Корельского и Терского прибрежья—корелы. В житии Соловецких чудотворцев и в новгородских грамотах XV века они обозначаются именем к о р е л ь ских людей, к о р е л ь с к и х д е т е й. Новгородцы XV века различали в этом финском поморском населении п я т ь р о д о в к о р е л ь с к и х д е т е й, в соседстве с которыми далее к северу и вглубь страны обитала л о п ь. Эти «корельские дети» жили разбросанно на всем протяжении Беломорского прибрежья от реки Варзуги до реки Сумы и далее к востоку и считались собственниками, вотчин

никами занятых ими здесь земель; встречаем в грамотах XV века указания на земли, «куда ходят корельские дети» или «куда владеют вотчинники корельские дети». Они считали даже себя ближайшими собственниками еще незанятых земель, каких в XV веке много было в Беломорском крае. Когда Савватий поселился с Германом на Соловецком острове, корелы ближайшего к острову прибрежья присвояли себе преимущество пред пришлыми иноками в праве на владение этим островом. Но рядом с этими туземными элементами поморского населения во время основания монастыря выступает другой элемент, пришлый, обозначаемый именем людей насельников, которые жили между родами корельских людей так же рассеянно, какъ и последние. Основание обители застало край в тот любопытный момент, когда его финское разбросанное население начинало более и более перемешиваться с пришлым русским населением, легко уступая ему место среди своих редких жилищ, на обширных пустошах, остававшихся еще незанятыми. Задолго до основания монастыря началось это движение; по прибрежью, преимущественно в низовьях многочисленных порожистых рек, пересекающих западный берег Белого моря, возникали один за другим поселки новгородских промышленников, привлеченных сюда прибыльными речными и морскими промыслами. Между соловецкими грамотами XV века мы имеем несколько грамот новгородцев на владение приобретенными ими в Беломорском крае землями; эти грамоты, переданные потом в распоряжение монастыря вместе с землями, бросают некоторый свет на то, какой степени развития достигла новгородская колонизация в том крае к половине XV века, к первым годам существования монастыря, кто были главные двигатели ее и каков был состав русского населения, занимавшего край. Главными приобретателями земель въ Поморье видим именитых новгородских людей. Встречаем указание на четыре сельца на Бобровой горе, принадлежавшие новгородскому архиепископу. Занимают земли и покупают прежде занятые другими посадники, бояре и другие богатые люди Новгорода. Около половины XV века многие имели там о т ч и н ы; у некоторых были уже о т ч и н ы и д е д и н ы. К числу самых значительных землевладельцев Поморья в последние годы новгородской вольности принадле-

жали Борецкие: знаменитой Марфе Посаднице только по рекам Суме и Выгу принадлежало 19 деревень, которые в писцовых книгах 1496 г. обозначаются еще именем Марфинских Исаковых. Все эти богатые новгородские люди высылали в Поморье, на занимаемые ими земли, своих рабов или вольных поселенцев рабочих, бобылей, козаков: это были первые, по крайней мере наиболее значительные по количеству, новгородские колонисты Беломорского края. Боярские рабы и насельники, при жизни основателей Соловецкого монастыря, постоянно указываются в житии рядом с туземцами, корелами и лопью, как второй элемент поморского населения. Боярские рабы приезжали к острову на рыбные ловли; они же вместе с корельскими людьми старались выжить с острова поселившихся на нем иноков, говоря им: «остров по отечеству наследие наших бояр». Наконец, кроме боярских рабов и вольных поселенцев, селившихся на чужих землях, сквозь неясные выражения новгородских грамот XV века можно рассмотреть и третий разряд людей в составе русского населения Беломорского края: это поселенцы-собственники, на себя приобретавшие земли в Поморье и селившиеся на них. Так вотчинник Марк из Варзуги дал монастырю вотчину на реках Умбе и Варзуге, по морскому берегу. Иные компаниями, вдвоем, втроем, покупали в Поморье землю и селились на ней [1]).

Земельные новгородские владения XV века в Беломорском крае, как они описываются в указанных выше грамотах, носят на себе одну любопытную характеристическую черту, живо объясняющую порядок и способ заселения новгородцами того края. Большая часть новгородских вотчин в Поморье, даже у мелких собственников, не представляла сколько-нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных, мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по рекам морским, как выражаются грамоты, часто на огромном расстоянии друг от друга. У одного владельца, например, вотчина состояла из участков у «Золотца (порога

---

[1]) Сборник соловецких грамот, 18, грам. № 5.

на реке Выгу), и в Шуе реке, и в Кеми реке, и в Кореле между пятью родов и по всем рекам морским», другие владельцы, три брата, купили два участка, которые были рассеяны на Поморье по морским рекам и по лешим озерам, по Кеми, между корелою, куда все пять родов владеют; а между тем за эти участки, так неопределенно обозначаемые, покупщики заплатили 8 сороков белки да рубль серебра—цена не очень крупного владения сравнительно с ценами других владений, встречаемыми в тех же грамотах. Еще более разбросаны были крупные владения: встречаем отчину и дедину, купленную новгородским посадником за полчетверта рубля, которая состояла из участков «на море, на Выгу, и в Шуе реке, и в Кеми реке, и на Кильбострове, и по морскому берегу, и по обеим сторонам Понгамы реки, и по лешим озерам», т. е. тянулась отдельными участками на длинном пространстве нынешнего Поморского берега и далеко уходила в Корельский берег. Новгородский промышленник занимал сам или своими рабами и вольными крестьянами участок у моря на прибрежном острове, на приморской реке или озере и строил здесь двор; при дальнейшем движении он переходил на другое прибрежное место, на другую приморскую реку, занимал там другой такой же участок, не обращая никакого внимания на промежуточные пространства, вдали от моря, между впадающими в него реками, ибо они не представляли ему прибыльных промыслов и угодий. Границы занимаемых таким образом земель не везде обозначались, ибо не везде встречались с границами земель других владельцев. Такой порядок занятий земель, такая разбросанность поселений условливались главным образом свойствами Поморского края. Глухое, суровое Поморье манило к себе русского поселенца преимущественно своими обильными рыбою «лешими» озерами и «морскими» реками, своим морем, доставлявшим промышленнику соль и опасного, но прибыльного морского зверя. В поземельных описях, какие представляют новгородские грамоты XV века, сохраненные монастырем, даже повторяется однообразный перечень одних и тех же угодий и промыслов, разрабатывавшихся на занятых поселенцами землях Поморья. Чрезвычайно редко упоминается в этих описях поморских земель «страдомая»

или «орамая земля»[1]); скудное земледелие по Поморскому берегу, ограничивающееся сеянием почти одного только ячменя, и ныне идет немного севернее Кеми; дальше не родится уже никакой хлеб. За исключением этих редких указаний на страдомые земли, во всех описях повторяются одни и те же угодья и промыслы: земли (нестрадомые) и воды, рыбные ловища и тони по морскому берегу, по лешим озерам или морским рекам, лес полеший или—в противоположность ему—страдомый, наконец пожни; в некоторых присоединяются ко всему этому еще сала морские. На этих-то прибрежных, речных и морских землях, с развитием новгородской колонизации в Беломорском крае, возникали промышленные поселки, или страдомые деревни, заселявшиеся боярскими рабами или вольными насельниками. Около половины XV века эти поселки еще сохраняли на себе свежие следы своего недавнего появления в пустынном крае: разбросанные редкими точками на далеких друг от друга пунктах, они были бедны и поселенцами и хозяйственными постройками. В деревне Марфы Посадницы на реке Суме жили только два бобыля. У другого владельца на уступленных им монастырю землях по рекам Выгу, Шуе, Кеми и другим находился всего один двор с хоромами. У одного вотчинника в Великокурье, при море, был в вотчине городец под горою и ворище. Среди этих разбросанных поселков, к половине XV века, начали уже появляться местные центры, которыми служили «молитвенные храмы», или часовни, возникавшие у моря, на реках, в местностях, наиболее заселенных русскими колонистами. Так была часовня на реке Выгу, при впадении в нее реки Сороки; при ней Савватий нашел одиноко-жившего старца Германа, который, может быть, и поставил ее. Среди Сумских деревень Марфы Посадницы, у речной пристани, куда заходили с моря суда промышленников, также была часовня, у которой жили два поселенца ближней

[1]) Из 35 или 36 земельных владений, приобретенных Соловецким монастырем до начала XVI века на Поморском, Корельском и Терском берегу, только в четырех указываются страдомые или орамые земли и эти владения все были на Поморском берегу. Сборник соловецких грамот, №№ 2—5.

деревни. К этим часовням изредка заходили странствующие иноки—священники «посещения ради ту православных христиан», по выражению жития Соловецких чудотворцев,—и тогда из окрестных деревень приходили сюда русские поселенцы по своим духовным требам. Сюда же заходили и новгородские гости, плававшие по Белому морю, останавливались подле часовни в шатрах и, поклонившись в часовне святым образам, оставляли здесь какие-нибудь вклады [1]). Но о церквах в Поморских поселениях нет и намека до основания монастыря; они стали строиться уже монастырем, под влиянием его просветительных стремлений.

Таковы были элементы населения, среди которого и на которое приходилось действовать монастырю; такова была почва, на которой предстояло ему развить свою широкую хозяйственную деятельность. Около половины XV века, русско-христианская жизнь, занесенная сюда, в среду финского язычества, русскими поселенцами, проявилась еще очень слабо и робко. В неприветливом Корельском крае русскому населению, которое заходило сюда, по привычной северной дороге, с топором, косой и мережей, со скудными средствами, нелегко было собрать в себе и вызвать к деятельности столько сил, чтобы воссоздать на новой, чуждой почве главные основы жизни, выработавшиеся на родном, давно насиженном месте. Лет через сто по основании Соловецкого монастыря, когда его значение для края выяснилось уже многими результатами, составитель похвальных слов его основателям говорил о движении русских к Поморью, предшествовавшем основанию монастыря: «Много слышалось им (финским туземцам Поморья) и древле христианское имя, но не познали они благоразумия христианского; ибо многие христиане обращались между ними, но только ради *тленного* и *суетного прибытка*, продавая и покупая мертвенные животы, но ни единым словом не старались какъ бы показать тем людям многоценный бисер... Так эти христиане приходили к Лопи праздными в благовестии, пока не пришел к ней *носитель веры*» [2]). В этих словах есть

---

[1]) Житие Зосимы и Савватия по указан. рукописи, лист 284.

[2]) Прав. Соб. 1859 г., № 6: «Слово черноризца Зиновия», стр. 237—238.

намек на то, чего недоставало, чтобы обеспечить за русско-христианской жизнью успешное развитие в северном Поморье. Недоставало деятеля, который выступил бы во имя более высоких и многосторонних интересов, чем те, с какими пришли туда промышленные поселенцы, который, став средоточием для края, мог бы этими интересами сблизить и объединить рассеянные силы финского и русского населения и привлечь туда новые. Такова роль, которая предстояла обители, возникшей на острове Белого моря. В истории этой обители материальная деятельность ее иноков является в таком тесном соединении с нравственной, что одна везде неразлучно сопутствует другой.

Много тяжелых минут пережила обитель в первое время своего существования. Возникнув на диком острове, среди лишений, она встретила вражду и зависть в прибрежном, и русском и финском, населении. Но в то время, как своею просветительною деятельностью она создавала себе нравственный авторитет, который мог бы защитить ее от враждебных сил, она на скудной почве острова приготовлялась к труду мирного завоевания нетронутых или мало тронутых средств Беломорского края. Уже первые поселенцы острова, старец Герман с Савватием, а потом с Зосимой, познакомили почву острова с земледельческим орудием: «землю копали мотыками и тем питались»,— говорит о них житие. Но, может быть, не раз повторялись с ними случаи, подобные описанному в житии, когда «мало не доставши ему (Зосиме) пища, и о сем поусумнеся мало помыслом». Собравшаяся братия усвоила себе занятия основателей обители: так началась первая разработка средств, какие представляла природа острова. Данная Соловецкому игумену Ионе властями Великого Новгорода грамота (около 1450 г.). укреплявшая за монастырем право на владение Соловецкими островами, перечисляет эти средства: «в тех островах (пожаловал Новгород игумена и братию землею и ловищами и тонями, пожнями и лешими озеры, *земля им делати* и пожне косити, и лешие озера и тоне ловити добровольно» [1]). Из той же грамоты видно, что около Соловецких островов производилась ловля морского зверя, доставлявшего сало и кожу. Если в этой новгородской грамоте между угодьями упоминается

[1]) Летоп. Солов., 1815 г., стр. 7 и 8.

просто земля, которую монастырь получал право возделывать, то в великокняжеской жалованной монастырю грамоте 1479 года на владение теми же островами сверх простой необработываемой земли с прежними угодьями обозначается и новая статья—«страдомая земля». Но хлеб не родится на Соловецком острове, и земля обработывалась только под огородные овощи. Житие Соловецких чудотворцев рисует нам хозяйственные занятия первых иноков, к ним собравшихся, «землю копали и деревья на постройки монастырские готовили, также множество дров рубили, и воду из моря черпали и соль варили, и продавали ее купцам и брали от них всякое орудие, потребное монастырю. И в других работах трудились и рыбную ловлю творили, и так от своих потов и трудов кормились».

Но сила вещей вызывала пустынножителей на более широкое поприще. С одной стороны, высокий авторитет основателей привлекал в обитель нравственные силы из далеких краев, и скудные средства, которые можно было извлечь из островов, становились недостаточны для умножавшейся братии. С другой стороны, не все русские люди отнеслись к возникшей среди моря иноческой общине как боярские рабы Поморья. Новгород, давно двинувший свои промышленные дружины в тот край для присоединения его к русско-христианскому миру, чувствовал, какое значение может иметь в этом деле монастырская община, появившаяся в крае с интересами и стремлениями, каких не могли принести с собой туда промышленные поселенцы,—и житие, рассказывая о двух путешествиях Зосимы в Новгород, каждый раз прибавляет, что многие из бояр дали монастырю довольно имения, церковных сосудов, одежд, серебра и жита, и обещались во всем помогать обители. Под влиянием этих двух причин начинается любопытный процесс сосредоточения в руках Соловецкого братства обширных и многочисленных земельных участков в Беломорье, столь важный по своим следствиям для истории этого края. Занятые земли дарятся, закладываются, продаются монастырю,—а между тем на них возникают одно за другим хозяйственные заведения, привлекаются поселенцы, эксплоатация усиливается, и заселенные земли незаметно растут, округляясь присоединением к ним еще нетронутых пустошей.

Первые и главные земельные приобретения сделаны были монастырем на нынешнем Поморском берегу,—там, где к половине XV века с наибольшей силой развилась новгородская колонизация Беломорья. Одними из первых и едва ли не самыми значительными были вклады Марфы Посадницы: на Поморском берегу она подарила монастырю несколько страдомых деревень и угодий по реке Суме, у часовни и речной пристани. Затем следовал длинный ряд вкладов других новгородских землевладельцев, даривших монастырю свои участки по рекам Поморского и Корельского берега. Между грамотами Соловецкого монастыря мы имеем до 33 вкладных, которые почти все относятся еще к XV веку, особенно ко времени 3-го Соловецкого игумена Ионы; изъ нихъ 28 предоставляли во владение монастыря множество участков по рекам Поморского и Корельского берега и по прибрежным островам. Из этих участков насчитывается до 44 только таких, местность которых сколько-нибудь ясно обозначена, именно по реке Суме 1, по Вирме 2, по Выгу и Сороке до 16, по Шуе 9, один с двором, избой, двумя хлевами и мыльней, по Кеми 9, по Поньге (на Корельском берегу) 1, по Жеравне 1 (село против церкви), на Князь-острове 1, на Кузострове 1, на Кильбострове 1 и на Кембострове 1; об остальных участках говорится только, что они находятся на море или на Лопи, въ Кореле, между 5-ю родами Корельских детей. Кроме вкладов монастырь приобретал земли куплей: так в XV веке куплены были им у порога Золотца на Выгу 2 участка, на Шуе 2, на Кеми 2, на Кильбострове 3 и весь Лотошкин остров. Скоро стали распространяться владения монастыря и на далеком Терском берегу. Еще в 1466 году один из землевладельцев дал монастырю участки по рекам Умбе и Варзуге и по морскому берегу. В 1470 году Марфа Посадница подарила Зосиме свою вотчину между теми же реками, у Кашкаранского ручья и на Кашкаранском Наволоке. Кроме этих двух вкладов, в числе вышеупомянутых грамот Соловецкого монастыря имеем еще позднейшие вкладные, по которым монастырь приобрел несколько новых участков на Терском берегу, по рекам Умбе и Варзуге и на Песьем Наволоке. Из поселенцев на Монастырской земле по реке Варзуге к 1491 году был уже образован церковный приход и поставлена монастырем цер-

ковь [1]). Приобретая вотчины, монастырь ставил в них дворы, куда посылал своих старцев—приказчиков для управления промыслами и угодьями. Так в житии упоминается монастырский двор при устье Сумы, у пристани, на приобретенной там монастырской земле; другой двор был в селении на Вирме, также у пристани; здесь жил монастырский приказчик, *старец-ватаман*, и хранились, по выражению жития, «всякие потребы и запасы». Есть намек и на то, что здесь рано образовалась волость и содействием монастыря поставлена была церковь, одна из первых в крае, при которой жил назначавшийся монастырем «инок-иерей», соединявший с должностью приходского священника обязанность надзора за монастырским двором.

Государи и люди московские также охотно содействовали развитию хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря, как и люди вольного Новгорода. Грамотой великого князя Ивана III, 1479 года, подтверждавшей за монастырем право на владение всей группой Соловецких островов, открывается длинный ряд грамот московских государей, которыми они жаловали монастырю новые земли в Беломорском крае. В 1539 г. пожаловано было монастырю 13 луков [2]) по рекам Шизни и Выгу и на Сухом Наволоке (у Сороцкой губы) с деревнями, в которых жило 4 или 5 поселенцев, со всеми угодьями, с рыбными ловлями и соловаренными (цренными) оброками [3]). При этом встречаем любопытное для истории колонизации края прибавление, постоянно повторяющееся в грамотах при пожаловании пустошей: «и кто у них в тех 13 луках учнут жити людей и крестьян и наместники наши и волостели тех их людей и крестьян не судят ни в чем, опричь разбоя и татьбы с поличным... а ведает и судит тех своих людей и крестьян игумен с братьею» и проч. [4]).

---

[1]) Грамота арх. Геннадия 1491 г. в Оп. Сол. мон., арх. Досифея, ч. 3, стр. 182. В конце XVI в. монастырь имел в волости Варзуге 224 лука земли, на которой было 7 дворов крестьянских жилых, да 8 мест дворовых пустых.

[2]) Лук содержал в себе 2 обжи, а обжа имела 126 саж. длиннику и 32 поперечнику.

[3]) С приобретением Шизни у монастыря явилась третья пристань на Поморском берегу, сверх приобретенных прежде в Суме и Вирме.

[4]) См. грамот. в 3-й части Оп. Сол. мон. Досифея, № 1.

Между тем начавшееся до монастыря движение колонизации продолжалось, и мы встречаем указание, бросающее свет на силу и размеры этого движения в начале XV века. Мы видели выше, что одним из первых земельных приобретений монастыря в Поморье были 2 лука при устье р. Сумы, у часовни, где жили 2 поселенца. По писцовым книгам 1496 года, на реке Суме значилось 19 деревень, принадлежавших Марфе Посаднице; они составляли волость, имевшую уже церковь. Писцовые книги 1551 года, повторяя означенные 19 Сумских деревень, прибавляют 5 новых с $6^1/_2$ луками земли, говоря, что «они стали после письма» (1496 года). Занятие земель углублялось и внутрь края: одна из этих 5 новых деревень «стала починком» на острове Сумозера у деревни, поставленной еще до 1496 года. Все эти Сумские деревни, старые и новые, с двумя Марфинскими деревнями по реке Выгу, всего $78^1/_2$ луков царь пожаловал в 1555 году Соловецкому монастырю, присоединив к ним еще 33 варницы в Сумской волости, по рекам Суме и Колежме, по приморским наволокам и прибрежным островам. Но пожалование сделано было монастырю не даром: казна нашла выгодным уступить эти деревни, приносившие ей около 19 рублей ежегодного дохода, и этим вознаградить монастырь за отнятие данного прежде права беспошлинной продажи 10.000 пудов монастырской соли [1]).

Не даром досталось монастырю и другое приобретение, еще более округлявшее его прежние, уже значительные владения по реке Выгу. Несмотря на давность и значительность его приобретений по этой реке, священное для него место, откуда отплыл на остров и где потом похоронен был основатель монастыря, пр. Савватий, у часовни, при впадении реки Сороки в Выг, оставалось еще вне монастырских вотчин. Во время пребывания Савватия на острове (1429—1435) вблизи этой часовни были уже христианские поселки, для которых она служила средоточием по церковным делам. Когда возвратился к этой часовне с острова Савватий, сюда пришел иеромонах Нафанаил, служивший приходским священником для обширного пространства, на котором разбросаны были русские селения,

---

[1]) Там же, № 3.

и тогда «от насельных тамо», по выражению жития, стекались к часовне для удовлетворения своих духовных треб. Похоронив при этой часовне Савватия, Нафанаил построил здесь потом и церковь,—первую по времени известную нам церковь в Поморье. Но, несмотря на раннее появление здесь часовни и церкви, среди приливов и отливов еще не осевшегося прочно пришлого населения, заселение места шло очень медленно, и по писцовым книгам 1496 года у церкви, при устье Сороки, была деревня, в которой жило только двое жильцов, а в начале XVI века церковь опустела и стояла без «пения, попа и *прихода* 40 лет, и дозирати было ее некому», как говорит грамота, до самого 1551 года. В это время царь пожаловал опустевшую церковь монастырю с условием «ту церковь строить, попа держать и ругу ему давать». Но вместе с этим надобно было восстановить и церковный приход.—и на подмогу монастырю в этом деле ему пожалованы были тоня на реке Сороке, близ церкви, приносившая казне рубль новгородский ежегодного дохода, и самая деревня Сорока с луком земли, причем казна удерживала за собой право взимать и с тони и с опустевшей деревни оброк и обежную дань, освобождая только от волостелина и тиунского суда *тех людей и крестьян*, которые *в той деревне учнут жити* [1]).

Так постепенно округлял монастырь свои вотчины в местностях, где он стал давно утверждаться. Вотчины его уже тянулись на обширном пространстве по прибрежным рекам от Сумы до Кеми и по Терскому берегу; но до половины XVI века нет известия о том, чтобы они шли далее реки Сумы к востоку; реки Колежма, Нюхта, Унежма и др. до Онеги, кажется, не имели еще на своих прибрежьях ни одного монастырского участка. Но колонизация уже коснулась и этой части Поморья, и в начале XVI века житие Соловецких чудотворцев указывает здесь волость, составившуюся из русских поселений по реке Унежме. Встречаются указания на значительное развитие в приморских окрестностях реки Колежмы солеварения. С половины XVI века монастырь и сюда направляет свое движение: в 1550 году пожалованы

---

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 16 и 17.

были монастырю на строение каменной церкви на Соловецком острове. Сумский островок с тремя дворами и две деревни по реке Колежме с 9-ю обжами земли и 8-ю варницами, и опять с тем же указанием на задачу, которая предстояла монастырю на этих новых его землях: «а кто у них в тех деревнях и у варниц и на острову учнут жити людей и крестьян» и т. д. [1]). В 1555 году к этим колежемским приобретениям прибавилось еще несколько варниц на Колежме и на ближних приморских чаволоках, из числа 33-х, пожалованных в этом году монастырю на Поморском берегу.

Уцелевшие грамоты монастыря не дают возможности следить за каждым приращением его вотчин. Между тем как приобретал он новые земли и сообщал им жизнь и деятельность призывом «людей и крестьян», прежде приобретенные вотчины его росли и распространялись, и этот рост совершается незаметно для нас: мы только встречаем указания на некоторые результаты его. До сих пор мы не имели прямого известия о том, чтобы монастырские вотчины по Корельскому берегу шли севернее реки Поньги; мы знаем только, что монастырь рано приобрел несколько участков по Терскому берегу, по рекам Умбе и Варзуге. Но у него были владения и на промежуточном береговом пространстве от Поньги до Умбы: грамота 1584 года показывает, что здесь, кроме 10 луков на Умбе, у монастыря были в Керети и Порьегубе приморские угодья с 14 луками земли и 1 лук в Кандалакше. Но вотчины монастыря простирались еще дальше, выходя из пределов Беломорского прибрежья: по той же грамоте, у монастыря было $1^1/_2$ лука земли на далеком Мурманском берегу, в Кольской волости [2]). Но если нельзя точно определить место и объем всех земель, приобретенных монастырем до 1584 года, то есть известие, указывающее на результаты, достигнутые им в заселении своих вотчин. Мы видели, что монастырь приобретал большею частию пустые земли, ждавшие рабочих рук; из другой грамоты того же 1584 г. узнаем, что к этому времени у него было жилых, заселенных земель 40 обеж., и здесь же встречаем черты того значения для государства и для благо-

---

[1]) Грам. в 3-й части Оп. Сол. мон., № 4.

[2]) Сборн. Сол. грам., № 43

устройства края, какое сообщал монастырь этим землям: «а вотчины у Соловецкого монастыря во всех монастырских деревнях *живущего* только 40 обеж, и с них правят всякие государевы сборы, и на ям правят деньги, а у них в Сумском остроге устроен ям свой, монастырем и монастырскими крестьяны 40 обжами и от охотников стоят с подводами беспрестанно и годные (sic) гоняют многие в Поморье с Москвы на Мурманское море до устья Колы, а из Новгорода в поморские волости, да из Сумского острога посылают в посылки и на сторожи на немецкий рубеж монастырских людей [1]).

Кроме Варзуги, на Терском берегу образовалась во второй половине XVI века другая волость—Умба. Соловецкий монастырь имел здесь соперника в другом знаменитом монастыре, Кирилло-Белозерском, которому принадлежали здесь три четверти волости. Волость составляла два прихода и имела две церкви, между которыми распределены были крестьяне, жившие на землях того и другого монастыря. Соловецкому монастырю принадлежало здесь в 1584 году 10 луков земли, которые, с прибавкой нового полулука, в 1585 году составляли четверть волости; с этих $10^1/_2$ луков монастырь платил оброка в казну 25 руб., тогда как с $77^1/_2$ луков в Сумской волости, по перечневым книгам 1551 года, шло в казну оброка только 7 руб., да волостелина корма 3 руб. 22 алт. Эту огромную разницу в доходности тех и других земель для казны можно объяснить только тем, что находившиеся на Сумских луках деревни, отходя в 1585 г. к Соловецкому монастырю, были еще слабо разработаны, не имели хозяйственного устройства, которое позволяло бы извлекать из земли значительные средства, тогда как на 10 умбских луках монастырь успел уже к 1585 году развить хорошее хозяйство: среди соляных варниц, рыбных и звериных ловель, лесов, пожней и *всяких угодий* монастырь наставил там дворов, амбаров, лавок и мельниц. Поселенцев, впрочем, было в волости немного: в позднейшей грамоте 1607 года находим любопытное указание на их число в этой сравнительно доходной для казны волости: на трех четвертях Кириллова мона-

---

[1]) Там же, № 44.

стыря было 25 дворов, а на Соловецкой четверти жило всего 4 крестьянина [1]).

Между тем и по Кеми, среди поселков Валдеинского рода, одного из 5 родов Корельских детей, благодаря приливу русских поселенцев, около начала XVI века образовалась волость. Здесь, вблизи моря, давно, еще в XV веке начал утверждаться Соловецкий монастырь, получая участки вкладом от русских владельцев. В 1589 году монастырь ставил ратных людей с своего «жеребья» в Кеми. В следующем году этот жеребий определяется точнее: по грамоте этого года, монастырю принадлежала половина Кемской волости, а другая половина состояла из угодий и деревень царских оброчных крестьян, платившихъ в казну оброка по 64 руб. 17 алт. с деньгой в год. Русская колонизация, двигаясь вверх по этой реке, вглубь страны, сталкивалась с противоположным, враждебным движением со стороны Каянских Немцев. Если на нижнем течении рано, в половине XV века, встречаем русские поселения, то верхнее и в конце XVI века оставалось недоступным для них, называясь Кемью Немецкою. Немецкие люди спускались на судах реками Кемью и Ковдой и разоряли приморские варницы и деревни русских поселенцев. В царствование Федора Ивановича особенно усилились эти вторжения,—и мы встречаем любопытные указания, на кого государство возлагало защиту русской промышленности в этом крае: среди борьбы с Беломорской природой Соловецкий монастырь вступает в борьбу с этим новым врагом, мешавшим русскому человеку мирно утверждаться в Поморье. В 1590 г. монастырю поручено было вместе с оброком его половины Кемской волости сбирать и представлять в казну оброк и с другой половины, на которой жили царские оброчные крестьяне. В следующем году вся Кемская волость отдана была монастырю на любопытных условиях, показывающих, какое значение приобретала хозяйственная деятельность монастыря в том крае. Соловецкий игумен с братией бил челом царю в 1591 году и сказал, «что у них царское жалованье в Поморье половина Кемской волости, а другая половина той волости за царем, и та Кемская волость к Соловецкому монастырю ближе всех волостей

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 46 и 120.

за 60 верст, и по той Кеми реке от прихода немецких воинских людей и зимой и летом из монастыря у них заставы и сторожа живут беспрестанно, и им кемские крестьяне застав и сторож никаких крепостей по Кеми реке ставить не дадут, и в том между ними смута великая, и немецкие люди приходят войною безвестно, и опричь Кеми да Ковды реки Каянским Немцам иного судового пути нет, и та Кемская волость от немецких людей дважды воевана в 87 (1579) да в 98 (1590) году». Царь по этому челобитью пожаловал монастырь всею Кемскою волостью и Подужемьем (в 18 верстах от нынешнего города Кеми вверх по реке) и Пебо-озером и Масло-озером в вотчину в прок с крестьянами, дворовыми местами, соляными варницами, с рыбными и звериными ловлями и со всеми угодьями, на следующих условиях: в той Кемской волости поделать монастырю всякие крепости и острог сделать, и в нем людей ратных из монастыря устроить и заставы учинить крепкие, чтобы в приход немецких людей сидеть было не страшно, и царских гонцов возить из Кеми до Керети, а в казну со всей Кемской волости платить оброка и разных пошлин по 134 руб. и 24 алт. с деньгой ежегодно. Кроме всего этого у монастыря взят был за это пожалование приобретенный им в Новгороде двор с каменной палатой и садом, приносившим по 70 руб. дохода [1]).

На других пунктах Поморья не было по крайней мере борьбы с порубежными воинскими немецкими людьми, какая шла на пространстве от реки Сумы до северного края нынешнего Корельского берега, и монастырь мог свободнее углубляться в пустоши, привлекая в них с собою жизнь и рабочие руки. Узнаем и причину, заставлявшую монастырь искать и разрабатывать новые пустоши: в 1590 г. он жаловался, что главный источник его доходов, соляные поморские варницы, начинали пустеть, потому что около них леса высечены и соль варить уж нечем. Вследствие этого обстоятельства монастырь в 1590 г. бил челом, чтобы царь пожаловал его у моря *пустою* волостью Нюхчею да Унежмою, прибавляя, что в той волостке церковь стоит без пения 4-й год, а *жильцов* в той волостке *нет*, и в царскую казну с той волостки нейдет ничего, и соляные варничишки в той волостке стоят

---

[1]) Сборн. Сол. грам., № 64. Оп. Сол. мон., ч. 3, грам. №№ 15 и 16.

пусты, а волостка эта с их *монастырскою вотчиною смежна, а иных волосток и деревень меж теми волостками нет*. Казне было выгодно сделать доходной опустевшую, ничего не дававшую ей волость, и царь пожаловал Нюхчу и Унежму монастырю в вотчину, освобождая ее от царских податей на два года с теми же любопытными условиями: «в те им льготные лета в волостке Нюхче да Унежме устроить церковь, и варницы и двор поставить, а после льготных лет давать им оброку ежегодно с тех волосток по 50 руб. на год» [1]). Так подвигался монастырь к Онеге и своим турчасовским землям в Каргопольском уезде. На Унежме уже в начале XVI века была волость, упоминаемая в житии Соловецких чудотворцев; но среди передвижений русского населения в Поморье она опустела, начавшиеся промыслы были брошены; тут и взял ее в свои руки Соловецкий монастырь, чтобы продолжать дело, начатое промышленными поселенцами.

Опустение Унежмы в 80-х годах XVI столетия, может быть, имело какую-нибудь связь с теми опустошениями, которым около этого времени подверглись русские поселения на Поморском и Корельском берегу Белого моря со стороны Шведов. Со всею силою обрушились эти опустошительные вторжения на волость Шую Корельскую (по реке Шуе, почти на половине пути между реками Кемью и Выгом). Шуйская волость принадлежит к числу самых давних в Поморье; заселение ее Русскими началось еще до основания Соловецкого монастыря. В житии преподобных Зосимы и Савватия встречаем рассказ, показывающий, что во второй половине XV века «на Шуе реке, на берегу моря» было русское поселение, обитатели которого выезжали весной в море на ловлю морского зверя, «на добытки весновальники», по выражению жития, и продавали свою добычу Новгородским купцам, которые приезжали к ним за звериным салом и кожей: «то-есть добыток их», прибавляет житие о Шуянах. В половине XVI века в волости была церковь, и в казну шло с поселян оброка по 29 руб. 29 алтын и $1^1/_2$ деньги в год. В конце XVI века эту волость со всех сторон окружали вотчины Соловецкого монастыря, который еще прежде начал приобретать участки по реке Шуе. В то время как

[1]) Сборн. Сол. грам., № 61.

почти все приморские волости, расположенные при устьях рек Поморского и Корельского берега, вошли уже в состав вотчин монастыря, Шуя оставалась вне их. Но тут, может быть, в одно время с Кемью, Шуя была разорена «Свейскими Немцами», которые сожгли и ее храм, и скоро после этого Шуя отошла к монастырю, привлеченная тою же естественно образовавшеюся экономическою зависимостью, которая сосредоточила в руках монастыря и другие волости Поморья. Грамота 1614 года передает нам любопытную историю этого присоединения. Игумен Соловецкий с братией бил челом царю и сказал, «что ныне после разорения в той волостке Шуе жильцы немногие и те кормятся морскими промыслами, *а иные кормятся у них около Соловецкого монастыря*, а пашенной земли у них нет, и ныне с той волостки оброку в Великом Новгороде не дают потому, что *стала за их* монастырскою вотчиною, *за Сумским острогом*, а к ним и в монастырь и в Сумский острог ничем не тянут же, и караулов не караулят, *и стоит та волостка за их обереганьем*». Царь отдал эту волость монастырю в вотчину с крестьянами, дворовыми местами, амбарами и луками, с мельницею, соляными варницами, рыбными, звериными и птичьими ловлями и с двумя луками на приморском берегу, между Кемью и Керетью, принадлежавшими к той же волости,—на условии, какое предложил сам монастырь: платить с той волости оброк, какой платила она до разорения, т. е. 29 руб. 29 алтын и ½ деньги [1]).

Впоследствии округлилась и Керетская вотчина монастыря. До 1635 года в Керети монастырю принадлежала только четверть волости; в этом году отданы были царем и другие три четверти с крестьянами и со всеми угодьями [2]). Так все главнейшие русские поселения в устьях Поморских рек Варзуги, Керети, Кеми, Шуи, Выга, Сумы, Колежмы, Нюхчи и Унежмы, в первой половине XVII века сосредоточились под управлением монастыря, энергическому содействию которого они главным образом и обязаны своим развитием, а многие и своим возникновением.

---

[1]) Оп. Сол. мон., часть 3, грам., № 27.

[2]) Летоп. Солов., 1815 г., стр. 35.

В конце XVI века, в то время как монастырь, утвердившись на Поморье, подвигался к Онеге, встречаем первые ясные указания на приобретения, выходившие в этом направлении за пределы Выгозерского стана и Новгородского уезда. Из грамоты 1585 года узнаем, что монастырь имел уже промыслы и деревни в уездах Двинском и Каргопольском [1]). Но уцелевшие грамоты Соловецкого монастыря не говорят, какие это были деревни и когда они приобретены монастырем. Подробнее определяет Каргопольские земли монастыря грамота 1604 года. Здесь монастырская вотчина простиралась по реке Онеге, в Турчасовском стану, в Пияльском Усолье, и состояла из 2 обеж тяглой земли и 1½ црена соляного промысла против дворов монастырских, на берегу реки, с лодейною пристанью [2]). С начала XVII века заметно усиливается стремление монастыря расширить свои вотчины приобретениями вне пределов области, в которой он первоначально стал утверждаться: в грамотах реже и реже встречаются известия о новых его приобретениях в собственном Поморье, в Новгородском уезде; зато чаще и чаще повторяются известия о ново-занятых им землях в уездах Каргопольском и Двинском. Может быть, в этом стремлении не без участия оставалась причина, высказанная самим монастырем: промышленная эксплоатация истощила первые, легко дававшиеся средства удобных пустошей Поморья и заставляла искать таких же пустошей в другом крае. К старым турчасовским вотчинам монастыря принадлежали в начале XVII века деревни и рыбные ловли его по реке Онеге, в волостях Городецкой и Владычинской. Эти деревни описываются в грамоте 1618 года, и представляемая ею опись любопытна по указаниям на условия и характер землевладения в том крае. В упомянутых волостях монастырь имел давно купленные им 6 деревень целых, 2 полдеревни и большие или меньшие жеребьи в 4 других деревнях, владение которыми он разделял с волостными крестьянами. В этих деревнях были сенокосы с соляными промыслами и во всех «пашни паханые», хотя в большей части их земля обозначена худою; только в некоторых из этих 12 дере

---

[1]) Сборник Сол. грам., №№ 48 и 49.

[2]) Сборн. Сол. грам., № 108.

вень у монастыря было по одному двору, в котором жил и землю пахал крестьянин половник, и только в одной деревне было их двое; в других или двор стоял пуст, или вовсе не было двора; в том и другом случае монастырские половники пахали «наездом»; всех крестьян в этих деревнях на монастырской земле работало 12 человек. Количество «пашни паханой» гораздо больше количества земли, действительно обрабатывавшейся половниками; последняя и обозначается названием «живущей», или земли «в живущем»; затем сверх сенокосов везде указывается земля впусте, переложная и поросшая лесом. Опись, представляемая в грамоте, показывает любопытное количественное отношение между всеми этими родами земель в деревнях. В Ордомском погосте полдеревни Федоровой, во дворе половник Трофимка, на полчети выти пашни паханой, да перелогом 14 четей *в поле, а в дву потому ж*, земля худа, в живущем полчети выти, да впусте выть без полчети, сена по р. Онеге 50 копен; деревня Пыкшинская пуста, двор пуст, пашут на монастырь наездом четь выти, пашни паханой 4 чети, да перелогом и лесом поросло 12 четей в поле, а в дву потому ж, земля худа, в живущем четь выти, а впусте выть без чети, сена по р. Онеге 50 коп.; в Городецкой волости полдеревни Боклановской место дворовое пусто, пашет наездом монастырский половник Ефимко, пашни паханой 6 четей с третником, да перелогом и лесом поросло 4 чети с третником в поле и проч., земля худа, в живущем четь выти и полполтрети и полполчети выти, а впусте полчети и полполтрети выти и т. д. На каждую выть в живущем приходилось в этих деревнях по 2 выти с четью впусте. Относительно царской дани и оброка описанные деревни делились на белые и черные: с первых шло 8 алт. 3 деньги, по 3 алт. 5 ден. с выти в живущем, со вторых 3 руб. 13 алт., по 2 руб. 2 алт. 5 ден. с выти в живущем. Описанные деревни не могли быть особенно доходны для монастыря, и он вступает в сделку с казной, также характеризующую землевладение в северном крае того времени. В Турчасовском стану у монастыря сверх описанных 12-ти было еще 4 деревни, из которых в одной был двор, где жил монастырский старец-приказчик, в другой также двор «на приезд старцам и слугам монастырским», в котором жили трое Корелян, в третьей был двор с одним поселенцем корелянином,

в четвертой жили трое половников. В том же стану в 1607 году монастырь купил 5-ю деревню с двором, в котором жил половник, и двумя пустыми дворами. В этих 5-ти черных деревнях было в живущем 2 выти с небольшим, и царского дохода шло с них 4 руб. 8 алт. 4 ден. В 1617 году монастырь предложил казне отписать на царя вышеупомянутые деревни в волостях Владыченской и Городецкой, вместо них приписать к монастырю купленные им для соляных промыслов 2 деревни в Пурнеме и Лямце (на Онежском берегу) с 2 руб. 5 алт. царского дохода, а взамен отходивших при этом от монастыря белых деревень, имевших 2 выти слишком в живущем, обелить соответствующее количество земли в других монастырских черных деревнях. Казна согласилась, и последние 5 деревень были обелены, т. е. вместо 4 руб. 8 алт. 4 ден. царского оброка на них положено только 7 алт. 5 ден., и прибавлено условие: «а крестьянам и слугам и половникам, которые в тех деревнях учнут жити, с прочими крестьянами не тянут» [1]).

Причина, приводившая монастырь к таким мерам в своем хозяйстве, ясна: в то время, как он отказывался от своих «старых» деревень, удаленных от моря, в которых почти исключительно разрабатывались пашни и сенокосы, но на худой земле, он покупал новые деревни на земле, еще менее благоприятной для земледелия, но зато по своей близости к морю более удобные для соляного промысла, главного источника средств монастыря. Действием этой причины объясняется и то, что, отказываясь от земель внутри Турчасовского стана, монастырь старался приобретать в том же стану окрайные, приморские земли, продолжая таким образом свое движение по югозападному берегу Белого моря, по направлению к устью Онеги. Мы видели, что монастырь остановился здесь на волости Унежме. Грамота 1631 года рассказывает нам любопытную историю приобретения им и следующей волости по направлению к Онеге, Кушерецкой, передавая при этом подробности о населении этой волости. Соловецкий монастырь встретил здесь себе соперника в другом колонизаторе севера, в монастыре Кожеозерском; но экономическое значение и средства

---

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 114 и 177.

первого одержали верх. Кожеозерский монастырь просил у царя в Турчасовском стану волостку Кушерецкую *для соляной вари*. По писцовым книгам 1621 года, в этой волости написан погост Успенский с церковью, с 4-мя местами дворовыми на церковной земле и с 4-мя тяглыми деревнями *живущими* да 2-мя *пустыми* да с 5-ю пустошами, а в них 5 дворов пустых крестьянских, а людей в них 10 дворов пустых да 8 мест крестьянских, а денежных доходов (казенных) с живущего 6 руб. 13 алт. Кожеозерский монастырь взял волостку на оброк по 8 руб. на год. Но вот Соловецкий игумен с братией бьет челом о той же волостке, сказывая, что она сошлась смежно с их монастырским унежемским соляным промыслом, который скуден дровами и сенными покосами, и как та волостка отойдет к Кожеозерскому монастырю, им соляной промысел придется покинуть впусте, а Кожеозерский монастырь просил ту волостку, чтобы стеснить их соляной промысел, а *крестьяне* Кушерецкой волости им должны и в *воинские годы прибегали к ним в Сумской острог и жили за их монастырской оборонью*. Игумен с братией просил отдать им волостку, а оброка брать старого с новой наддачей по 9 руб. Царь отдал им волостку за оброк с наддачей по 9 руб. «опричь новоприбыльных доходов после письма писцовых книг, стрелецких хлебных запасов и ямских отпусков» [1]).

Наконец в 1635 году предоставлены были во владение монастыря 4 пустоши во Владыченской волости с сенными покосами по реке Онеге и деревня Исаковская со всеми угодьями; в 1650 г. это пожалование подтверждено новою грамотой [2]).

Между тем как монастырь подвигался к Онеге, давно уже он перенес свое движение и за эту реку, по направлению к Двине, держась берегов Онежского и Летнего. Уже с конца XVI века грамоты начинают упоминать о вотчинах монастыря в Двинском уезде; начало водворения его там остается неуказанным в существующих монастырских грамотах. С 1584 года началось вокруг монастыря строение каменной крепости, вызванное опасностями его украйного поло-

---

[1]) Сборн. Сол.-грам., № 239.

[2]) Сборн. Сол. грам., № 268. Летоп. Солов., стр. 39.

жения, и в 1585 году между деревнями Паниловым и Ступиным, в 30 верстах от Холмогор вверх по Двине, у Орлеца, известного подвигами и несчастиями удалых новгородских ушкуйников XIV в., монастырь выпросил «для монастырского церковного строения и городового дела» 4 версты пустого места, «где камень белый известный ломати и лес на дрова сещи и известь жещи» [1]).

Монастырь принес в Двинский край стремление, столько раз обнаруженное им в Поморском краю, на западе от Онеги, стремление вносить свою деятельность в пустоши, от эксплоатации которых отказались местные поселенцы, и которые вследствие этого стали бесплодны для казны. В конце XVI века там у монастыря у моря, на реке Куе были соловарни, и от той речки по морскому Ницкому берегу подошла к его соловарням пустая земля верст на 5 в длину. Прежде по тому берегу всякие люди, приезжая, кашивали сено и рыбу лавливали, а *ныне позаросло*,—сказывал монастырь в 1595 году, и в Двинских писцовых книгах кн. В. Звенигородского тот берег не написан ни к которому стану и к волости не приписан, и оброку с него в казну нейдет ничего, лежит впусте в порожних землях. По челобитью монастыря ему отдан был этот берег для рыбной ловли, дров и сена лошадям при соловарнях [2]). Для поддержания того же соляного промысла куплены были в 1616 году на Онежском берегу две деревни в волостях Лямце и Пурнеме у 4-х частных владельцев, которые и остались в этих деревнях в качестве половников. В грамоте 1618 года перечисляются следующие монастырские промыслы и земли по Летнему берегу: в Ненекоцком Усолье обжа без получети, мельница и полуварница, на реке Куе земли и 2 варницы, 2 тони у Голой Кошки, 4 тони на Куйском берегу, обжа в Лудском Усолье, 2 варницы и мельница на реке Луде, земли и мельница на реке Кехте и другая мельница в Кехоцкой волости против Красной Горы, варница в Солокурье, Солоозеро и Слободское озеро и наволок Слободской реки; со всего этого монастырь платил в казну 18 руб. 26 алт. 4½ ден., не считая здесь вышеупомянутой пустоши на Ницком берегу [3]). В 1630 г.,

[1]) Сборн. Сол. грам., № 47.
[2]) Сборн. Сол. грам., № 87.
[3]) Там же, №№ 177 и 184.

вынуждаемый недостатком дров на своих Лудских соловарнях, монастырь выпросил у царя на оброк из наддачи речку с лесом в Унской губе, обязавшись платить вместо прежних 3 алт. 2 ден. по 30 алт. ежегодно; около того же времени он купил против своего Холмогорского двора в Куреской волости 2 черные деревни, в которых к 1634 году успел поставить двор для старца-приказчика, около двора 10 амбаров, сарай и двор коровий. Наконец в 1636 г. пожалован был царем монастырю Яренгский погост (на Летнем берегу) съ церковию, со всем строением и с живущими в погосте оброчными бобыльскими и казачьими людьми, с их дворами и со всеми угодьями [1]).

Заканчивая обзор вотчин Соловецкого монастыря, укажем еще на одно его приобретение, относящееся уже ко второй половине XVII века. Выше были поименованы земли монастыря по нижнему течению Двины. Двина имела огромное значение в истории Соловецкого монастыря. Она существенно определила развитие и направление его хозяйственной деятельности; от нее же много зависело и материальное существование монастыря. Ее течение служило для него тем путем, которым он связывал свою Беломорскую, украйную промышленность с промышленностью внутренних областей государства. По Двине ежегодно ходили монастырские насады, возившие в Вологду и другие города десятки тысяч пудов соли из монастырских варниц и возвращавшиеся с огромными хлебными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братии монастыря и многочисленных слуг, работавших на его землях. На этом-то пути, далеко от моря, в 1680 году монастырь приобрел новое перепутье для своих судов, Красноборский погост. Приобретение это любопытно тем, что по поводу его мы узнаем историю возникновения Красноборского погоста (ныне безуездного города Вологодской губернии), знакомящую нас с одним моментом того долгого и мало заметного процесса, который сделал из пустынь Заволоцкой Чуди обширную русскую область и привлек в нее русское население. При этом живо выступает перед нами и один из двигателей этого процесса, крестьянин-землевладелец. На Двине, в 75 верстах

---

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 232 и 260. Летоп. Солов., 1815 г., стр. 35.

от Устюга Великого, на Юрьеве наволоке, отдан был в 1620 году на пустом черном месте дикий лес, четь выти, крестьянину Рудачку Ожегову на льготу и на распашку, с обязательством платить в казну оброка 16 алт. 3 ден. Около этой пустоши находились 2 деревни, описываемые со всеми типическими особенностями северной деревни XVI или XVII века; это были: дер. Драчевская на Двине, а в ней бобыль, пашни паханой середней земли 14 чет. в поле, а в дву потому ж, сена на пожнях 135 копен, леса «пашенного» 7 десят., а непашенного 10 десят., в живущем выть, и дер. Сверчевская на Двине же, а в ней два двора крестьянских, пашни паханой 12 чет. с полуосминою, сена, «вопче» съ другою деревнею Сверчевскою за Двиною 111 копен, леса пашенного 6 десят., а непашенного 10 десят., в живущем выть без получети. Эти деревни отданы были тому же Ожегову в угодье на сенные покосы и на дровосек. Поселившись на этой земле, Рудачко Ожегов построил в 1627 г. здесь, на Красном бору, церковь Спаса нерукотворенного образа, и церковные всякие потребы, иконы и сосуды, книги, ризы и колокола купил на свои деньги. До 1632 года в церкви отправлялось богослужение, но потом, неизвестно вследствие чего, прекратилось, и церковь 9 лет стояла пустою. В 1641 году начались чудеса и исцеления многие от иконы в этой церкви и стали привлекать к ней жителей из окрестных деревень для моления [1]). Вследствие этого возобновилось в церкви богослужение, при ней явились старосты из выборных мирских людей, 2 попа, дьякон и 2 дьячка; из приношений образовалась в церкви «многая казна», на которую куплено было всякое церковное строение; в селе, при церкви,

---

[1]) Эти подробности о Красноборском погосте и Спасской церкви взяты из соловецкой грамоты 1680 г. (в 3-й ч. Оп. Сол. мон., стр. 167—178) и из повести о чудотворной Красноборской иконе (ркп. Синод. библиотеки № 809, л. 850—889). В этой повести, составленной около половины XVII в., читаем: «На Красном бору, в Устюжском уезде, над Двиною рекою, на устъ Неменжи реки, пониже Прокопия праведного, совершен и освящен храм во имя Бога и Спаса нашего, в 135 году, и без пения стоял со 140 году до 149 году». В этом последнем году было первое чудо от иконы, и «в то время бысть съезд великий на Красный бор ко Всемилостивому Спасу от многих весей и приходов, священницы со кресты и со всеми крылошаны».

ежегодно собиралась ярмарка. Между тем, в 1643 году Рудачко Ожегов уступил свою Красноборскую вотчину с церковью брату своему Степану Ожегову, который на церковные деньги прикупил к церкви несколько тяглых пашенных земель и сенных покосов на содержание церковного причта. Степан Ожегов передал эту вотчину с несколькими другими деревнями четверым своим сыновьям. Между тем крестьяне окрестных волостей неравнодушно смотрели на доходную вотчину, образовавшуюся на диком лесу трудами крестьянина Рудачка Ожегова, и задумали отнять ее у наследников. Возникшая по этому делу тяжба повела к тому, что из Москвы велено было в 1678 году описать Красноборские земли вместе съ церковию, и вот в каком положении нашли устюжские писцы погост, бывший диким лесом при поселении там Рудачка, 50 лет назад: в Юрьеве наволоке Спасский Красноборский погост на реке Двине, а на погосте 8 дворов бобыльских, да двор Соловецкого монастыря; в Пермогорской волости деревня Драчевская на реке Двине, а в ней 2 двора половничьих Ивашки Ожегова (одного из 4-х братьев), деревня Сверчевская, а в ней 2 двора половничьих Ивашки же Ожегова. Кроме того, там же по Двине еще Рудачко образовал на пустошах две деревни да починок с покосами. Тяжба волостных крестьян не удалась, но братья Ожеговы заняли у Соловецкого монастыря 300 рублей под залог своей Красноборской вотчины и, просрочив уплату, отступились в его пользу от этой «старинной» своей вотчины на Красном бору, со всем церковным строением и утварью, а также с Драчевскою и Сверчевскою деревнями и с прикупными церковными землями.

Мы проследили шаг за шагом постепенное распространение вотчин Соловецкого монастыря в Беломорском крае в продолжение двух столетий, насколько позволяют это сделать уцелевшие Соловецкие грамоты и краткие известия Соловецкого летописца. На скудную почву этих вотчин, для разработки средств, какие они представляли, монастырь привлекал поселенцев. Как определены были положение и отношения этих поселенцев к своему вотчиннику? Две уставные грамоты игумена Филиппа (1548 и 1565 гг.) указывают некоторые черты того устройства, какое вносил монастырь в свои вотчины; из них же узнаем и состав жившего в этих вотчинах населения. В мона-

стырской волости жили монастырские старцы, приказчик и келарь, которые при помощи доводчика и десятского управляли хозяйством волости и судили живших в ней крестьян. Приказчику крестьяне платили с лука по 4 московск. деньги, келарю по 1, а доводчику по 2: «то им поминка с году на год и с Великим днем», добавляет грамота. Бобыли, «кои живут о себе дворцами», платили приказчику по 2 деньги, келарю по ½ деньги, доводчику по 2 деньги; тоже и казаки, жившие в волостях монастыря. Придет в волость казак, незнаемый или прежде живший в ней, и захочет в волости жить и промышлять,—тот человек, у которого он станет жить, должен явить его приказчику и доводчику и заплатить за явку 3 деньги первому и 1 второму; а пойдет казак вон из волости,—тот, у кого он жил, должен отъявить его приказчику и доводчику, ничего не платя за это кроме разве пошлины, которая осталась неуплаченной за прожитое казаком время. Сбежит казак безвестно,—приказчику допросить того, у кого он жил, по крестному целованью ничего не брать за это, если казак сбежал действительно безвестно. Придет казак в волость на неделю или более, да пойдет прочь, явки за него не брать.—Из этих определений видно, какой элемент населения в вотчинах монастыря отличался особенной подвижностью. О бобылях и крестьянах нет в грамотах ни одного такого определения.—Какие торговые ездят зимой и летом по волостям с вином продажным, приказчику тех людей на подворье не принимать и вина у них не покупать ни приказчику, ни крестьянам, ни казакам, и своего не курить; за нарушение этого взыскивалось на монастырь рубль пени, да на приказчика 20 алтын и на доводчика 4 гривны. Какие крестьяне или казаки станут зернью играть, на тех доправить на монастырь полтину, на приказчика 10 алт., на доводчика 2 гривны, а игроков выбить из волости вон. Из других распоряжений грамоты узнаем, что не все казаки жили на чужих дворах у крестьян; некоторые имели свои дворы, держали лошадей и коров.—Особенно любопытны распоряжения о солеварении в монастырских вотчинах: «во всех наших деревнях,—пишет игумен,—цреном варить зимой и летом 160 ночей, а дров к црену сечь к зимней и к летней вари на год 600 сажен, запасать дров на один год, а вперед на другие годы не запасать; а кто станет лишние

ночи варить и лишние дрова сечь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь» [1]).

Из обзора вотчин монастыря мы видели, что большая часть их доставалась ему пустыми, нетронутыми и незаселенными. Медленно и трудно, среди суровой обстановки, развивалась на них жизнь, вносимая монастырем. Между тем, с одной стороны, значение монастыря привлекало в него многочисленную братию, содержание которой требовало обширных средств, с другой стороны, на монастыре лежала обязанность заботиться о нуждах своих слуг и крестьян, которые не всегда могли найти им удовлетворение на скудной почве; наконец, стоя на украйне, онъ долженъ былъ энергически защищать себя и свои вотчины от враждебных нападений с запада, с Каянского рубежа. Всем этим требованиям он удовлетворял широким развитием хозяйства в своих вотчинах. В его грамотах есть довольно указаний на размеры его промышленной деятельности. Оставляя подробности, ограничимся немногими цифрами. В конце XVI века (1584—1594) в монастыре было 270 чел. братии [2]). В 1649 году ее было уже 350 чел., да слуг и работных людей было в монастыре около 600 человек, не считая здесь рабочих на соляных варницах; в 1621 году этих последних было 700 человек, все они, по выражению грамоты, пили, ели и носили монастырское. В 1621 году, в Соловецкой крепости на содержании монастыря было 1.040 человек ратных людей, кроме бывших в Сумском остроге стрельцов. Соляной промысел был главным средством покрытия всех этих расходов. В грамотах монастыря постоянно слышится жалоба, что «монастырь—место невотчинное, пашенных земель нет, разве что соль продадут, тем и запас всякой на монастырь купят и тем питаются». Около половины XVI в. монастырь продавал в Вологде и других городах 6.000 пуд. соли из своих варниц; в половине XVII века он продавал ее уже 130.000 пуд., платя за это пошлины 658 руб. Кроме того, за крестьян, со своих вотчин, рыбных ловель и других угодий, он платил в казну до 4.000 руб. оброка и других царских сборов. В конце XVI в. он

---

[1]) Оп. Сол. мон., ч. 3, грам. на стр. 184—194.

[2]) По известию в сборн. Солов. библ. XVI в., № 860.

покупал ежегодно на вырученные за соль деньги до 20 пуд. воска, да 8.000 четвертей ржи на монастырский обиход братии, слуг и крестьян, кормившихся от монастыря. При этом он скоплял средства, которыми помогал государству в трудные минуты: в царствование Алексея Михайловича, напр., он выслал в Москву на жалованье ратным людям 41.414 руб. и 200 золотых.

ПСКОВСКИЕ СПОРЫ [1]).

I.

Русское церковное общество в XV веке.

Предпринимаемый рассказ имеет предметом некоторые явления, относящиеся к истории русской мысли. История русской мысли и именно мысли древнерусской наверное покажется несколько изысканным выражением, фразой, не точно передающей свое содержание: скажут, явления, которые под нею разумеются, дают материал только для истории русского усвоения чужой мысли, ничего не прибавившего к содержанию последней, кроме разве ошибок и искажений. Но одними новыми вкладами в умственный капитал человеческой образованности не ограничивается история мысли: она есть вместе и история мышления, формального развития народной мысли в работе над готовым чужим материалом. В этом отношении история русской мысли дает много для объяснения русского народного характера, склада народного духа.

Следовательно, есть научный интерес и в истории русской мысли. Этот интерес увеличивается своеобразными чертами, обнаружившимися в развитии русского мышления. С наибольшим напряжением и в продолжение очень долгого времени исключительно это мышление работало в области церковных предметов. Если в памятниках русской литературы, сюда относящихся, откинем чуждый по происхождению материал, перед нами останутся два элемента, характе-

---

[1]) Православное Обозрение, 1872 г., №№ 9, 10 и 12.

ризующие деятельность русского ума: это—духовные вопросы, преимущественно занимавшие его, и приемы, им усвоенные при их разрешении. Рассмотрев характер этих вопросов и пріемов, найдем, что умственная область, к которой с особенной любовью обращалась русская мысль в продолжение многих столетий, была церковно-нравственная казуистика. При случае, хотя и по чужим образцам, древнерусский книжник умел сказать много хорошего о значении женщины в христианстве, не делая и намека, что в ее природе находит что-либо непримиримое со спасением. Но он в смущении останавливался пред какой нибудь подробностью, например, перед вопросом: «можно ли священнику служить в одежде, в которую вшит женский плат?» Как будто путем своих общих христианских понятий о женщине задавший этот вопрос не мог добраться до ответа, ему данного: «а разве женщина погана?» Наоборот, в других случаях он умел делать очень смелые логические шаги и широкие обобщения. Он без труда решал, почему надо хоронить мертвеца не по закате солнца, а когда оно стоит еще высоко: потому что «покойник видит тогда последнее солнце до общего воскресения» *(Вопросы Кирика)*. Подняться до цельного и стройного религиозного мировоззрения в духе и истине слова Божия древнерусский человек не чувствовал себя в силах, сколько можно судить по его литературе; во внутренний смысл вопроса он вникал с трудом и неохотно; зато какая нибудь внешняя подробность этого вопроса, приложение его к тому или другому практическому случаю—это могло приковывать к себе древнерусский ум с неотразимою силой. Вступая в мир религиозных понятий, он обращался прежде всего к этим отдельным случаям, мелким казусам и на них способен был развить удивительную силу напряжения и стойкости; но чтобы твердо уяснить себе основные начала и по ним определить всевозможные практические случаи, для этого ему недоставало, повидимому, ни уменья, ни охоты. С нивы русских сердец, вспаханной, по выражению летописца, св. Владимиром и засеянной Ярославом, русская мысль потом дергала и молотила каждый колос отдельно, и потому, может быть, работа ее была так медленна и малоплодна, хотя производилась иногда с большими диалектическими усилиями.

Эта сила диалектического напряжения мысли рядом с недостатком внутреннего содержания в наивных вопросах, к которым она обращалась, одинаково характеризует и древнейшие произведения русского мышления, например, вопросы Кирика с ответами на них, и позднейшую умственную деятельность раскола, которая и по содержанию и по приемам составляет прямое продолжение древнерусского мышления. Можно утверждать, что обе эти черты имеют в сущности мало общего с византийским богословствованием. Последнее отличалось наклонностью к отвлечению, тонкостью в диалектическом развитии понятий и уменьем складывать их в стройную систему. Ничего этого не заметно в древнерусском богословствовании; в нем можно найти даже свойства прямо противоположные. Однако ж византийское влияние не оставалось здесь безучастным. Происхождения указанных черт древнерусской мысли следует, кажется, искать в отношении византийского умственного запаса, принятого Россией, к умственному уровню, на котором она стояла до конца XVII в. Когда непосредственное, эпическое настроение мысли встречается с тонкими религиозно-нравственными определениями, выработанными чересчур отвлеченной мыслью под влиянием сложной церковной жизни, может быть, естественным результатом такой встречи и является наивная церковно-нравственная казуистика.

Явления русской жизни XV в., избранные предметом настоящего рассказа, любопытны тем, что в них довольно ясно выступают не только указанные особенности русской умственной деятельности, но и некоторые условия, их создавшие. Эти явления довольно известны в нашей церковной истории, но их не любят рассматривать со стороны направления, какое приняла русская умственная жизнь с XV века, со стороны побуждений и интересов, какие начали действовать в ней и обнаруживаться с того времени. Притом в изображении этих явлений допускаются обыкновенно пробелы и неточности, исправимые на основании сохранившихся исторических памятников.

В истории русской церкви XV век тем замечателен, что он вместе с внешними отношениями глубоко изменил внутреннее настроение русского церковного общества, не прибавив однако ж ничего к прежнему запасу его понятий и знаний. Усилиями московских князей

в продолжение ста лет со времени Семена Гордого глава русской иерархии стал независимо к патриарху и перестал ездить в Царьград на поставление: Русь в церковной жизни сделалась самостоятельной поместной церковью и перестала считаться епархией цареградского патриарха. Вместе с этим внешним обособлением постепенно изменился ее взгляд на себя и на свое церковное отношение к Византии, откуда некогда принесли ей азбуку христианства. Греческие иерархи, занимавшие митрополичью и епископские кафедры в России, никогда не имели ни сильного влияния на господствовавший здесь общественный порядок, ни большого личного авторитета в глазах русской паствы. Флорентийский собор, «трагедия достохвальная с концем злым и жалостным», по выражению кн. Курбского, покрыл тенью свет греческого православия в глазах русского общества. Митрополит Иона, оправдывая свое поставление в Москве без участия цареградского патриарха, писал в своей окружной грамоте в 1448 г., что русские князья принимали и благословение, и митрополита из Царьграда, пока там было православие. Падение Константинополя еще более сгустило эту тень. По своей привычной логике русская мысль поставила это политическое и народное несчастие в прямую внутреннюю связь с изменой православию, тем более, что своих двухсотлетних владык, безбожных агарян, уже переставали бояться. «И о том, дети, подумайте, писал в 1471 г. митрополит Филипп зашатавшимся новгородцам: царствующий град Константинополь непоколебимо стоял, пока как солнце сияло в нем благочестие; а как покинул истину, да соединился с латиной, так и впал в руки поганых». В то же время сторонние люди, приезжие с Востока, обращали внимание русского общества на богатство его собственной церковной жизни. Приступая к жизнеописанию препод. Сергия Радонежского, ученый серб Пахомий с реторическим одушевлением спрашивает, не из Иерусалима ли, не с Синая ли засветился этот светильник, и отвечает: нет, из Русской земли, которая недавно вышла на свет из мрака кумирослужения, но уже озарилась многими светилами, так что превзошла издавна приявших просвещение. В Царьграде, говорили русские книжники XVI века, вера православная испроказилась Махметовой прелестью от безбожных турок, а здесь в

Русской земле паче просияла святых отец наших учением: это сравнение стало народным верованием, в котором пробудившееся чувство народной силы нашло себе самое понятное и гордое выражение. Явилась и легенда, чтобы закрепить это верование в народном воображении. Мир оскудел светом благочестия, старые звезды его, два Рима, померкли, и чудесными путями пошли их святыни искать нового приюта в третьем Риме, засиявшем среди лесов «российского острова», где не бывало стопы апостольской. Во второй половине XV в. начали распространяться в русском обществе рассказы о двух святынях, о белом клобуке и чудотворной Тихвинской иконе, появление которых на Руси легенда связывает с падением Константинополя. За много лет до этого, чтобы не сделаться добычею злого обдержания поганых, обе святыни покидают греховный царствующий град Константина для засветившегося благочестием Российского царства. Сознание собственного превосходства, выразившееся в этих рассказах, возвышалось до сожаления о своем падшем церковном учителе: это падение вызывает в правоверных русских рассказчиках теплые слезы и молитву, чтобы снова процвел благочестием этот преславный второй Рим, как иссохший жезл Аарона. Такие внешние обстоятельства, как политические несчастья Константинополя и иерархическое обособление всероссийской митрополии, дали русскому обществу случай впервые почувствовать себя взрослым в церковной жизни. Напряженность этого чувства была настолько сильна, что не дала ему остановиться и успокоиться на созерцании прав нового возраста, но доводила его до неясных помыслов о новой ответственности. В хороших головах XV—XVI в. начинала мелькать мысль о необходимости русскому обществу строже взглянуть на себя именно потому, что оно теперь осталось единственным в мире носителем чистого православия. С этой стороны любопытно анализировать наставления, изложенные в послании к великому князю Василию Ивановичу, которое приписывается старцу Филофею. Автор послания—инок псковского Елеазарова или Евфросинова монастыря, в котором за несколько лет перед тем происходил описываемый ниже церковный спор, Филофей вполне проникнут действием мировых событий, изменивших церковное положение

России. «Внимай тому, благочестивый царь,—пишет он: два Рима пали, третий—Москва—стоит, а четвертому не бывать. Святая соборная церковь этого нового третьего Рима в твоем державном царстве ныне по всей поднебесной ярче солнца светится православной христианской верой. Знай, все православные христианские царства сошлись в одно твое царство; во всей вселенной один ты христианский царь. Твое христианское царство уже другим не достанется: после него чаем царства, которому не будет конца. Подобает все это держать со страхом Божьим». Надобно оставить исключительное упование на земные материальные силы и самим подумать об устроении церковных и нравственных недостатков русского общества, чтобы приблизить его к начертанному высокому образу единственного и последнего истинно христианского царства. Для этой цели Филофей требует от великого князя выполнения трех задач: научить подданных своих правильно полагать на себе знамение честного креста, чего многие из них не делают, потом не оставлять соборных церквей в царстве без епископов, не допускать их вдовствовать и, наконец, искоренить из православного царства противоестественный грех, горький плевел, распространившийся между мирянами и даже не одними мирянами. И, оправдывая эти советы, автор послания снова молит князя внимать Господа ради тому, что все христианские царства соединились в одном его царстве.

В появлении мысли об оглядке на себя, о пересмотре своих внутренних недостатков, заключается все, что можно назвать духовным приобретением русского общества, вынесенным из событий XV в. Но это приобретение не было собственно церковным ни по своему первоначальному источнику, ни по своему практическому приложению. Из описанных внешних обстоятельств оно заимствовало язык и образы, чтобы облечься в привычную форму факта церковной жизни; но самые питательные элементы своего содержания оно извлекло из политических успехов московской Руси XIV—XV в. и преимущественно времени Ивана III. Государственный рост, доставивший русской иерархии церковную автономию, пробудил и в обществе чувство церковной возмужалости. В этом собственно нет ничего необычайного, ибо различные сферы народной жизни в то

время далеко не различались строго. Гораздо неожиданнее на первый взгляд практическое действие этой перемены на духовенство. В послании представителя его Филофея содержится программа, целая система отношений. Задачи, указываемые им, по существу своему, все принадлежат ведомству церкви и ни одной из них автор не доверяет духовенству, требуя и ожидая их разрешения только от государственной власти. Филофей—мыслящий монах: в своих посланиях, очень хороших по содержанию для XVI века, он смотрит гораздо выше и видит дальше сотен современных ему русских книжников. Оставаясь в кругу понятий времени, он однако ж ищет разумного объяснения событий, питавших суеверие в его современниках. «Перемены в судьбах царств и стран, пишет он в другом послании, вооружаясь против современного астрологического бреда, не от звезд происходят эти перемены. Подумай, в какую звезду стали христианские царства, которые ныне все попраны неверными. Греческое царство разорено и не созиждется, потому что греки предали православную свою веру в латинство». Однако ж в требовании и ожидании, какие Филофей развивает в послании к великому князю, звучит самоотречение русского духовенства. Тот самый писатель, который так ясно и энергично выразил почувствованное русским обществом в XV в. церковное превосходство, молчаливо признал недостаток внутреннего оправдания этого чувства. Приобретение автономии русской церковной иерархией сопровождается косвенным сознанием ее бессилия перед задачами, выполнение которых только и могло оправдать ее коренные права на существование. В этом видимом противоречии оказалось лишь действие очень последовательного общего закона русской исторической жизни. Известные условия этой последней искони могущественно задерживали образование и развитие общественных союзов, основанных на сознании общих прав и интересов, мешали образованию и развитию корпораций. Русская церковь со своими уставами и интересами, вынесенными из византийской купели, стала прямо против этих все уравнивавших и все смешивавших условий. Глубочайший научный интерес истории русской церкви состоит именно в борьбе этой единственной общественной организации, перешедшей в древнюю Русь из обра-

зованного исторического мира в готовом стройном виде, с подвижной, вечно колеблющейся волной русской жизни, которая смывала едва начинавшие обозначаться грани сложного общественного расчленения. В этой волне потонула не одна подробность церковного устройства, не один дорогой образовательный элемент церковной жизни. Политическое объединение Руси Москвой только усилило это поглощение, сделало еще незаметнее межу, которая отделяла духовную область церкви от мира, где действуют государственная сила и внешний закон. Если перемены в церковном положении и настроении Руси XV в. имели свой первоначальный источник в ее государственном росте, то самый этот рост для представителей церкви стал не только историческим фактом, который они благословили и подкрепили своим содействием, но и нравственным правом, которому они подчинились и на которое возложили свои лучшие церковные упования. В 1354 г. патриарх согласился посвятить в сан митрополита св. Алексия, избранного на Руси великим князем московским и прежним русским митрополитом, но согласился в виде исключения, «не обычного и не безопасного для церкви», допущенного ради московского князя. Черезъ 25 лет любимец и избранник другого князя московского, архимандрит Митяй, боясь ехать в Царьград на посвящение, с помощию покровителя своего уже доказывает, что можно вовсе не ездить в Царьград, а получить рукоположение от своих русских епископов помимо патриарха. В 1447 г. в соборном послании русского духовенства к Шемяке недавний московский порядок преемства великокняжеского стола от отца к сыну назван «земской из начала пошлиной», исконным народным обычаем, а основанные на старинном родовом праве притязания отца Шемякина Юрия уподоблены сатанинскому внушению, греху праотца Адама, пожелавшего сравняться с божеством. В 1458 г. русские епископы, собравшись в Москву, постановили впредь признавать законным русским митрополитом того, кто будет поставлен в Москве, у гроба св. Петра митрополита, по избранию Св. Духа, по правилам апостолов и св. отцев и «по повелению господина нашего великого князя, русского самодержца», а около того же времени великий князь, столь же мало заботясь об исторической точности, как и духовенство, в послании к Ше-

мяке написал князю литовскому: старина наша, которая повелась от прародителя нашего св. Владимира, та, что избрание и принятие митрополита всегда было правом прародителей наших великих князей русских и наших: кто нам будет люб, тот и будет митрополитом у нас на всей Руси. Наконец один наблюдательный иноземец (Герберштейн), бывший в Москве 5—6 десятилетий спустя, занес в свои записки любопытное замечание: прежде митрополиты и архиепископы избирались здесь собором всех архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов; а нынешний государь, говорят, обыкновенно призывает к себе одного из известных ему лиц и сам избирает его по своему усмотрению. Вот ряд последовательных ступеней, которые прошли обе великие силы, церковь и государство, движимые указанным русско-историческим законом. Но в практическом сознании отдельных, даже лучших умов времени действие общего исторического закона обыкновенно отражается в виде свободной теории, личного взгляда, оправдывая известную философическую притчу о камне, который, падая, находит досуг рассуждать, что он совершает это движение по собственному желанию, в силу свободного самоопределения. То же самое было со старцем Филофеем и благоразумным большинством русского духовенства, ему современного, взгляд которого он выразил в своем послании к великому князю. Указываемая здесь князю программа церковной деятельности является плодом личных взглядов Филофея, подобно тому, как личным взглядом руководился современник его преп. Иосиф Санин, переходя со своим монастырем из новгородской епархии в московскую, под непосредственное покровительство того же великого князя. Не замечая под собой все увлекавшей народной волны, русское духовенство думало, что угадывает насущные потребности времени и предупредительно им служит, добровольно передавая почин существенных церковно-нравственных отправлений в руки государственной власти. Если клерикализм полагать в бдительности, с какою церковные органы стерегут мир совести верующего от вторжений внешних сил, гражданского общества и государства, не имеющих своей прямой задачей спасения души, то русское духовенство уже тогда желало не быть клерикальным, подобно тому, как в XVII в.

русские служилые военные люди охотно отказывались от репутации воинственных, говоря: «дай Бог великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать».

События XVI в. осуществили программу Филофея. Церковная деятельность русского духовенства этого времени является слабой сравнительно с усиленным движением в других сферах, довершивших устройство Московского государства, и даже в этой слабой деятельности оно редко выступает начинателем. Может быть, оно сильнее участвовало в нецерковных делах, и наверное в сфере чисто-церковной гораздо больше его сделала власть государственная. Список вопросов, поставленных на Стоглавом соборе, был составлен царем. Едва ли не единственный крупный вопрос, который возбудило само духовенство и в котором оно обнаружило непривычную энергию и самостоятельность, был экономический—о земельных церковных имуществах. Церковная мысль, столь равнодушная к практическим вопросам церковной жизни, должна была принять особенное, своеобразное в своей односторонности направление. Замечательные признаки этого направления встречаем уже во второй половине XV и в начале XVI века, в одно время с первыми проявлениями описанного церковного самосознания. С этого именно времени, когда русское церковное общество почувствовало, что оно переросло свой прежний византийский авторитет, раздаются жалобы представителей русской иерархии на недостаток благочиния и упадок грамотности в среде духовенства. Бесплодная борьба с бесчинием духовенства московской епархии заставили митрополита Феодосия отказаться от кафедры (в 1464 г.). Об отвращении к грамотности и о полном невежестве людей, ищущих звания священнослужителей, горько сетует архиепископ новгородский Геннадий в своем знаменитом послании к митрополиту Симону (около 1500 г.). Те же жалобы повторились на Стоглавом соборе, и притом, несмотря на мрачную картину, начертанную Геннадием за полстолетие прежде, собор прямо заявил, что к его времени дело еще ухудшилось: «учиться негде, а прежде в Москве, Новгороде и по другим городам много училищ бывало, писать, петь и читать учили и грамоте гораздых тогда много было, бывали певцы, чтецы и добописцы славные по всей земле». Одновременно с этими явлениями в

различных частях русской митрополии поднимается ряд любопытных вопросов казуистического свойства. В 1455 г. возбуждено было церковное дело о ростовском архиепископе Феодосии, который разрешил мирянам мясо, а инокам молоко и рыбу в крещенский сочельник, случившийся в воскресенье. Этот самый Феодосий потом, в сане митрополита, сделался жертвой своей ревности к восстановлению благочиния в среде духовенства. В 1482 г. едва не разгорелось в большой церковный соблазн возбужденное митрополитом преследование Чудовского архимандрита Геннадия, который точно в таком же случае разрешил своим монахам пить богоявленскую воду поевши. Еще раньше этот Геннадий, впоследствии грозный бич новгородских еретиков и ревнитель школ для духовенства, защищал вместе с ростовским архиепископом мнение великого князя о хождении *посолонь*. В 1478 г. при освящении Успенского собора в Москве митрополит ходил с крестами «не по солнечному всходу»: это напугало Ивана III, ждавшего за это наслания гнева Божия, возбудило церковный процесс, заставило перерыть церковные книги, вызвало бесконечные толки в обществе и до темноты глубокомысленные умствования со стороны защитников мнения великого князя в прениях с митрополитом; приостановленный нашествием татар, спор возобновился в 1482 г. и едва не кончился полным разрывом между главами государства и иерархии. Филофей в изложенном выше послании жалуется на неправильность изображения на себе русскими крестного знамения, не указывая, в чем она состояла. Но именно в это время, в начале XVI в., появляется в русской письменности и прежде всего в одном слове митр. Даниила довольно распространенное уже мнение о двуперстном сложении креста, новый источник церковных споров и смущений. Из другого Филофеева послания видно, что в конце XV и начале XVI в. верующие смущались существованием двух летосчислений от сотворения мира и от Рождества Христова. В 1476 г., по известию летописи, возникло разногласие между новгородскими «философами» в пении *Господи помилуй*. Не много раньше в той же епархии, в Пскове, завязался бурный богословский спор о сугубой аллилуии, продолжавшийся и после бесконечными прениями. Остались следы ухищренных словопрений, вызванных некоторыми из этих вопросов; другие заставляют тоже

предполагать самым своим содержанием. Есть указание на связь умственного направления, вызывавшего подобные споры, с развитием в русском обществе описанного церковного самомнения и гордости своими церковными преданиями. В начале XVI в. впервые обнаружилось в русских книжниках слепое благоговение перед буквой старой книги. Максим Грек вызвал споры и бурю против себя исправлением нелепостей в русских богослужебных книгах и между прочим уничтожением слова *истинного*, которое некоторые русские списки символа веры ставили в члене о Духе Св. вместо *Господа*. Он чужой, приехал откуда-то, где и древнего благочестия уже нет, правит по своему разуму, хулит и отвергает все наши святые книги и тем оскорбляет наших чудотворцев, воссиявших от начала русской земли, которые по этим книгам спасались и угодили Богу: так думали и говорили малознающие русские ревнители домашнего церковного авторитета, обиженные приезжим знающим справщиком. Теперь они почувствовали себя в состоянии и праве рассуждать о многом, о чем прежде молчали или справлялись у учителей, рассуждать по своему, без указки, ссылаясь кстати и не кстати на свою родную старину,—и любимым предметом их рассуждений стали формальные церковные тонкости, тем более, что от практических вопросов церковной жизни они устранились или были устранены.

Изображенные три факта нашей церковной жизни, обнаружившиеся с половины XV века: чувство церковной самостоятельности, упадок образования в духовенстве и равнодушие последнего к практической церковной самодеятельности, достаточно объясняют происхождение четвертого—умножения споров о формальных или казуистических церковных тонкостях, а всеми четырьмя фактами довольно полно определяется умственное состояние русского церковного общества во второй половине XV в.

II.

Псковское церковное общество в XV в.

В России XV в. было одно местное церковное общество, которое, благодаря наивной запутанности своих внутренних отношений и

сложности внешних влияний, ясно, может быть, яснее какого-либо другого в то время, отражало на себе изменившееся настроение русской церкви с его последствиями. Это был Псков.

Приступая к рассказу о взятии Пскова великим князем московским в 1510 году, современный псковский повествователь рисует такую картину внешних отношений родного города перед его падением. От начала русской земли сей град Псков не был владеем никоим князем, но жили люди его на своей воле. Прежние удельные княжения взял под свою власть ратию великий князь московский не вдруг, а в разное время. Город же Псков тверд стенами и было в нем множество людей, и поэтому московский князь не пошел на них ратью, боясь, чтоб не отступили они к Литве: он обольщал псковичей злым лукавством и хранил с ними мир, и они крест целовали ему—никуда не отступать от великого князя. Князь великий посылал к ним своих князей по их желанию, кого просили, того и посылал, а иногда посылал туда наместников по своей, а не по их воле, и эти наместники насиловали, грабили и разоряли псковичей поклепами и судами неправедными. Жители же Пскова и окрестных городов посылали к великому князю посадников с жалобами на них. И так бывало много раз. Здесь довольно наглядно изображено, как из сравнительно богатых средств и разносторонних внешних влияний Псков не создал прочного внутреннего обеспечения своей вольности, того, чем он всего более дорожил и гордился. Разносторонние влияния обыкновенно содействуют устойчивости стоящей под ними исторической среды, если последняя имеет достаточно внутренних общественных сил. Мутное русское море медленным и тяжелым прибоем сбивало на своих окраинах клубы белой, красивой пены в виде вольных городских общин на севере и казацких дружин на юге. Но эти легкие массы, не отвердевшие, оседались и исчезали по мере того, как улегалось внутреннее беспокойное движение.

Точно также из разносторонних церковных влияний, шедших из Новгорода, Москвы, непосредственно с Востока и от стоявшего на псковском рубеже западного католицизма, Псков не вынес ни более богатого содержания, ни более правильного устройства своей церковной жизни сравнительно с другими частями русской митро-

полии. Псков со своими пригородами не составлял особой епархии. Политическое обособление от Новгорода, признанное последним в половине XIV века, не сняло со Пскова церковной зависимости его от новгородского владыки. Отношения вольного города к его епархиальному архиерею определились в угоду его политической автономии и в ущерб правильному и беспрепятственному развитию его церковной жизни. Владыке принадлежали в Пскове церковный суд, печать, воды, земли и оброки, церковные и судебные пошлины. Но эти административные и судебные права он передавал своему наместнику или владычнему судье, который его именем правил духовенством псковской области и заведывал владычными доходами. Со времени договора Пскова с Новгородом в 1348 г. стало действовать постановление: от владыки быть в Пскове наместником «их брату псковитину», а из Новгорода не позывать псковичей ни дворянами, ни подвойскими, ни *софьянами*. Владыка ставил в Пскове наместника на свой святительский суд и на свой подъезд, на все свои пошлины, по выражению грамоты; священники должны были приходить к нему на суд и на всякую расправу, вносить ему владычный подъезд и всякие пошлины и давать корм по старине. Сам владыка даже не всегда мог лично посетить свою псковскую паству. Для этого назначена была «чреда», известный срок, раз в каждые три года, как думают. Очередное посещение притом могло продолжаться не более одного месяца. Из всей новгородской епархии такие отношения существовали только в Пскове. Может быть, они не противоречили прямо церковным правилам, но во всяком случае принадлежали к тем русским церковным особенностям, которые, выходя из условий и побуждений вовсе не церковного свойства, постепенно и глубоко изменили первоначальную норму церковного порядка в России. Когда владыка приезжал в Псков в свою череду, «на свой подъезд и на старины», псковское духовенство с крестами, посадники и бояре со множеством народа выходили за город встречать его. Большею частью это бывало зимой, в декабре или январе. Город давал подворья и корм владыке с его свитой, софьянами. В этих посещениях псковичи более всего дорожили владычним соборованием, торжественным священнодействием владыки в главном

городском храме Св. Троицы. При этом читали синодик, проклинали злых, зла хотевших Новгороду и Пскову, и пели вечную память благоверным князьям, упокоившимся в дому Св. Софии и в дому Св. Троицы, и другим добрым людям, положившим головы свои за домы Божии, и православное христианство, а живущим окрест Св. Софии в Новгороде и окрест Св. Троицы в Пскове, также благоверным князьям и всем православным, пели великие многа лета. Со своей стороны владыки старались не пропустить очереди главным образом ради месячного своего суда с его пошлинами, ради «подъезда», или сбора с псковского духовенства за приезд и, наконец, ради хорошего поминка, которым дарил его Псков, посадники и все концы, при отъезде провожая его с великою честью из своей земли до рубежа. За неисправный взнос подъезда священнику грозило запрещение служить. За то летопись сохранила мало известий о духовных пастырских действиях владыки в эти приезды. Это был очень редкий, если не исключительный, случай, когда архиепископ Геннадий, посетив Псков по его челобитью в 1486 г., пришел на вече, благословил народ и «многа словеса учительна простер».

Такой порядок отношений влек за собой целый ряд следствий, расстроивавших церковную жизнь Пскова. Сами владыки не скрывали, что перечисленные доходы—единственная цель их посещений. Они не любили ездить в Псков «тако», чтобы только благословить и поучить «детей своих пскович и попов». В XIV в., в смутное для псковской паствы время, это случилось раза два, и то по мольбе и челобитью самого Пскова, когда злой мор свирепствовал в городе. Даже в очередные приезды владыки очень редко проживали в Пскове весь свой месяц, спеша взять свое и воротиться домой. Рассказывая о приезде архиеп. Феофила в декабре 1476 г., псковский летописец замечает: а пробыл он в Пскове весь свой месяц, все четыре недели; давно уж владыки в свой приезд не живали так в Пскове всего месяца. За то с денежными требованиями они являлись иногда в Псков и не в очередь, а «наровою», или даже не приезжали сами, а посылали своего протопопа просить с псковских попов подъезда. Это было источником смут и ссор паствы с пастырем. Случилось, что последний, уезжая из непокорного Пскова, предавал его про-

клятию. В 1435 г. архиеп. Евфимий посетил Псков не в урочный год, потребовал своего месячного суда и подъезда с духовенства, хотел даже, вопреки псковскому праву, посадить здесь новгородца наместником из своей руки, а от соборования отказывался. Вышел спор, и владыка в гневе уехал. Посадники и бояре воротили его с дороги, добили ему челом, дали суд, «и попы за его подъезд и оброк не стояли». Но когда он с наместником своим начал судить не по псковской пошлине, покинув старину, тогда стало по грехам и по навождению диавола, произошел бой у псковичей с софьянами. Владыка уехал, не взял и поминка от Пскова, причинив попам и игуменам много протора; не бывало так и от первых владык, как Псков стал, по грехам нашим,—прибавляет псковский летописец. Этот источник церковных нестроений пополнялся с другой стороны. Со времени признания политической автономии Пскова уцелевшая епархиальная зависимость его от новгородского архиерея сама по себе должна была производить неминуемые церковные затруднения для обеих сторон. Притом политическая автономия не порвала исторической связи обоих городов-братьев: у них остались общие политические интересы, одинаковые враги, продолжалась общая внешняя борьба, в которой они не всегда дружно поддерживали один другого. В рассказе псковского летописца XV в. о военных неудачах Пскова не раз звучит горькая жалоба на новгородское непособие, на холодность старшего брата к несчастиям младшего. В 1463 г. новгородцы не сдержали своего обещания, не пособили Пскову ни словом, ни делом в борьбе с немцами, не приняли его челобитья, хотя псковичи «много челом биша». Псков обратился за помощью к Ивану III и отнял у владыки его псковские земли и воды, доходы с которых обратил на корм великокняжеской вспомогательной рати, добивался даже особого для себя епископа. Политические столкновения обоих городов обнаруживали неправильность их церковных отношений. Владыка был слишком тесно связан с новгородским гражданством и слишком слабо со псковским, чтобы в подобных столкновениях направлять свое обширное гражданское влияние беспристрастно или в пользу второго. Оттого немирье Пскова с новгородцами обыкновенно превращалось в ссору его и с владыкой.

Из этих двусторонних затруднений развились любопытные черты, характеризующие церковную жизнь Пскова и всей Руси XIV—XV в. Прежде всего Псков рядом со стремлением к политической обособленности от Новгорода добивался и церковной. В материальном и духовном отношении он более многих епископских городов тогдашней Руси заслуживал особого епископа и притом самого деятельного и просвещенного, ибо здесь, особенно благодаря близости враждебных народных и церковных влияний, епископу предстояли трудные задачи, каких не существовало во многих других епархиях. Но московские митрополиты, и по своим собственным и по московским княжеским соображениям, опасались портить добрые отношения к новгородскому владыке, главе богатой епархии и представителю богатого вольного города. Потому на попытки, какие делал Псков в XIV и XV в., выпросить у митрополита особого епископа, отвечали отказом, ссылаясь на то, что не повелось старины быть владыке в Пскове, искони не бывал. Между тем сами митрополиты должны были допускать отношения, которые оправдывали эти попытки. Среди церковных смут и беспорядков, волновавших Псков в конце XIV и в начале XV в., почти незаметно деятельного пособия пастве со стороны новгородского архиепископа. Псковское духовенство со своими вопросами и нуждами обращается непосредственно к митрополиту, пишет ему о появившихся в городе церковных возмутителях стригольниках, и митрополиты отвечают на его вопросы, вмешиваются в подробности церковной жизни Пскова. Митроп. Фотий просит псковичей прислать к нему в Москву благонадежного священника, желая научить его церковным правилам, церковному пению и божественным службам, как будто у Пскова не существовало своего епархиального архиерея. Митроп. Исидор хотел, повидимому, совсем отделить Псков от новгородской епархии, отняв в 1438 г. у владыки суд и печать, воды, земли и оброки, всю пошлину владычню в Пскове, которую поручил своему митрополичьему наместнику.

Отсюда же, а не из какого-либо лучшего источника, вытекали и особенности в отношениях псковской церкви к гражданскому обществу. Внимание, утомленное сухостью и бесплодием церковной жизни в Московском государстве последующего времени, соблазняется жи-

вым участием, какое принимало мирское общество вольных городов, Новгорода и Пскова, в своих церковных делах, и наоборот—участием новгородского и псковского духовенства в мирских делах своих городов. Псковские посадники являются церковными старостами в соборе Св. Троицы. Владыка помогает псковичам в укреплении их города, дает свое серебро на постройку городских стен. Наместник владыки едет вместе с псковским посадником к литовскому князю для мирных переговоров. Городское вече поднимает и обсуждает чисто-церковные вопросы, псковское духовенство непосредственно участвует в совещаниях веча, предлагает ему на обсуждение свои церковные дела. Люди, занятые другими, позднейшими церковными идеалами, о которых и не грезилось псковичам XV века, готовы видеть в этих и подобных нарядных чертах признаки высшего и более глубокого церковного развития обеих вольных общин сравнительно с остальною Русью. Но некоторые ручьи кажутся чисты только потому, что они очень мелки, а не потому, что текут очень прозрачной струею. Непривычка разделять и обособлять различные сферы жизни одинаково присуща незрелым наивным обществам; но общества, одаренные сильным самородным общественным чутьем, источником будущего богатого развития и всевозможных тонких различений,—такие общества в самой этой непривычке умеют находить тем вернейшие средства к обеспечению своего жизненного интереса и устранять отношения, ему угрожающие. Напротив, общества, которыми общественное чувство с трудом, по каплям наживается горькими испытаниями, помощью нужды, и падает с удалением этого строгого, искусного, но не творческого учителя, малодушно жертвуют самыми дорогими интересами минутному увлечению или случайному давлению со стороны. В этом отношении Псков был истым русским городом, и его церковная жизнь не стала ни глубже, ни правильнее от вмешательства мирского общества, городских властей: она была только тревожнее,—хотя, без сомнения, и эта неправильность и эти тревоги все же лучше взаимного фарисейства, которое характеризует церковную жизнь, где одни верхи иерархии боязливо пишут законы безучастной и равнодушно-покорной пастве. Привычка видеть в новгородском архиепископе рядом с церковной властью, одинаковой для Пскова и Новгорода, еще чуждую

силу вовсе не церковного характера, блюстителя светских интересов другого вольного города, приучала и псковскую паству не доверять и противодействовать владыке не только в политических, но и в чисто церковных делах. Незаконное требование владыки, церковное нововведение, всякое прямое или косвенное нарушение церковной псковской старины, неприятное псковскому духовенству, становилось вопросом псковского веча, и город являлся защитником своего клира от сторонних притязаний. Псковское духовенство со своей стороны не только уступало такому вмешательству, но и радушно призывало его в случае столкновения с Софийским домом в Новгороде. Не захочется владыке ехать самому на свой месяц в Псков, но не захочется и потерять подъезд, пошлет он своего протопопа просить его с псковских попов, как это было в 1411 году; Псков станет за свою старину, не велит попам давать посланцу подъезда, шлет ответ в Новгород: «коли, даст Бог, будет сам владыка в Пскове, тогда и подъезд его чист, как пошло исперва по старине». Точно также приезд архиепископа не в урочное время (1435 г.) с намерением поставить наместником новгородца, а не псковича, поднял на защиту местной церковной старины посадников, бояр и весь город; а когда, не удовольствовавшись уступками, владыка позволил наместнику своему судить не по пошлине, пересужать решенные дела и ряды, сажать в тюрьму дьяконов, чего прежде не бывало, тогда псковичи, стоя за старину, побились с людьми владыки. В 1485 г. архиепископ Геннадий прислал в Псков со своим боярином некоего игумена Евфимия. Этот Евфимий прежде, когда был еще мирянином, занимая влиятельное место в псковском управлении, замутил всем Псковом, наделал много зла народу, много людей пострадало из-за него без вины, сам он едва успел бежать от плахи и спасся пострижением. Теперь Геннадий думал сделать его своим наместником в Пскове и послал туда с поручением переписать церкви и монастыри по всей псковской земле. Псковичи заступились за свое духовенство и остановили распоряжение владыки, хотевшего навязать им дурного человека. Но вовлекаемое в церковные дела являвшимися здесь непорядками, псковское вече вступалось в такие дела, в которых его участие могло только колебать установившийся церковный порядок. Еще в конце XIV в. митрополит Киприан в послании к

псковичам жаловался на них, что в Пскове миряне судят и наказывают своих попов в церковных делах, помимо святительского суда отставляют от службы молодых попов, овдовевших и вступивших во второй брак, вступаются в церковные земли и села, купленные или завещанные по душе. Следы этого церковного самоуправства в Пскове заметны и в XV в. Архиепископ новгородский Иона жаловался митрополиту Феодосию на Псков с его городскими властями, что там обижают церковь Божию, отнимают земли, воды, оброки и всякие пошлины, издавна принадлежавшие в псковской области новгородскому Софийскому дому, и ни в чем старины не правят своему владыке. Немного времени спустя, в 1471 г. псковский летописец скорбит о таком же произвольном обращении сограждан с имуществом своих псковских церквей, даже Троицкого собора, главной святыни города. Он рассказывает о крамоле, которая направлена была против имущества одной приходской церкви и в которой участвовало псковское вече с посадниками; а некоторые иноки, одевшись в бесстыдство и злобу, приходили в мир и поднимали низшее население города, «препростую чадь», на самый дом Св. Троицы, оттягивая у него земли и воды и обольщая мирян коварными речами: вы только отнимите землю ту и воду, да мне дайте в монастырь, а греха вам в том не будет никакого. И посадники со всем городом на вече отдали льстивым монахам землю, завещанную некогда Троицкому собору одним посадником. Если епархиальный архиерей присылал в Псков священника и дьяконов осмотреть, исправны ли антиминсы в псковских церквах, этот церковный осмотр не был возможен прежде, чем псковский великокняжеский наместник, посадники и весь Псков, «много думавше», давали присланным свое согласие на осмотр. На пастырское нерадение жившего далеко епархиального архиерея без сомнения падала доля ответственности за соблазнительные поступки молодых овдовевших священников, на которые указывал псковичам Киприан. Но это не давало псковскому вечу права изрекать приговоры обо всех вдовых священнослужителях. Однако ж, псковский летописец рассказывает, что в 1468 г. псковичи самовольно отлучили от службы вдовствующих попов и дияконов по всей псковской волости, не спросясь ни у митрополита, ни у своего епархиального владыки. В 1494 г. это отлучение

повторилось: псковская летопись глухо замечает, что отставили вдовых попов от службы,—повидимому, опять без соглашения с архиепископом. Так незаметно переступали и стирали черту, которая отделяла церковную заботливость набожного и властного мирянина, его законное участие в делах и интересах своей церкви, от его церковного произвола. А привыкнув не останавливаться перед этой чертой, набожный мирянин без труда нисходил до такого обращения со своим духовенством, какого не допустило бы глубокое религиозное чувство даже и тогда, когда духовенство в нравственной и умственной жизни действительно стояло бы ниже своей мирской паствы. В одном своем послании к псковичам, по жалобе псковских священников, митроп. Фотий горько упрекает посадников и народ за уничижение, которому они подвергают свое духовенство на суде: случится священнику искать на ком или отвечать на поклеп,—его призывают на суд в полном священническом облачении, выводят «на тризнища и на понос и на бесчестия» и заставляют его клясться своим священным саном: о таком бесчинии я нигде ни читал, ни слышал, прибавляет Фотий [1]). В 1495 г. по зову великого князя псковичи стали сбираться в поход на немцев, брали с 10 сох по одному конному ратнику, хотели взять и с церковной земли. Духовенство указывало на церковное правило Номоканона, дающее льготу от ратных повинностей церковным землям. Но посадники позвали духовенство на вече, двоих священников поставили здесь в одних рубахах и хотели кнутом избесчестить, и иных всех попов и диаконов иссоромотили. Однажды архиепископ Геннадий посетил Псков, когда у него было немирно с псковскою паствой. Псковичи запретили Троицким священникам служить с владыкою и просвирням не велели просфор печь для владыки.

Приведенные факты важны, как знаки, которыми псковская летопись отметила путь, пройденный Псковом в определении отношений церковной жизни к гражданской. В столкновениях со своей церковной, но политически удаленной властью псковская церковь

---

[1]) См. это послание, кажется, нигде не напечатанное в рукоп. Рум. Муз. XVI в. № 204, л. 438.

искала защиты у силы не церковной, но близкой, домашней, у веча: последнее из покровительства сделало для себя церковное полномочие, усвоило властный, решающий голос в делах, не подлежавших прямо его ведомству; из этих столь перепутавшихся отношений вышло падение церковного авторитета в Пскове, стеснение необходимого для духовенства общественного простора, ослабление его энергии в духовной деятельности.

Если теперь сравнить описанные явления на небольшой областной сцене Пскова с тем, что в то же время происходило в Москве, на большой сцене всероссийской митрополии, и при этом вспомнить, как определялись отношения церковного общества к гражданскому в центре новгородской епархии, часть которой составлял Псков,— в этих трех различных исторических кругах представится сходство, способное остановить на себе внимание. Везде местное церковное общество без внутренней устойчивости становится между далекой церковной властью и близкой мирской силой. Тяготясь притязаниями первой, оно отвертывается от нее, но при этом берется за протянутую руку второй и становится ее послушным орудием. Следствия везде одинаковы: выпадение церковного авторитета и ослабление деятельной церковной жизни. Так было впрочем не в одной церковной сфере. Следя с XIV в. за движениями в постепенно растущем средоточии древнерусской жизни, наблюдатель часто готов воскликнуть: нет, не может быть, чтобы так было везде! где-нибудь в областной дали или в социальном низу бьет более свежая жизнь. А заглянет он внимательно в эту даль или в этот низ и увидит те же движения и те же мутные струи, которыми так утомил его глаза центральный водоем. И нет тут ничего удивительного: последний наполняется первыми.

III.

Спор с владыкой.

В половине XV в. у Пскова завязался с владыкой спор, в котором довольно ясно обозначились повороты указанного пути и обнаружились элементы смуты и неправильности в церковной жизни города. Спор этот касался больше церковно-практических отношений

псковского общества, чем его церковных понятий; но развитие тех и других шло параллельными путями и уклонения в движении первых довольно точно соответствовали извилинам в ходе последних.

Частная жизнь псковичей не была свободна от тех церковных беспорядков, которые так распространены были в других частях древней Руси. Особенно трудно было церкви провести свое влияние в семейную жизнь и дать здесь правильное и глубокое действие своим постановлениям о браке. С этой стороны, семейные отношения в Пскове отличались такими же крайностями, то-есть таким же произволом и непониманием церковного учения, как и в остальной Руси: здесь рядом действовали и легкомысленная распущенность и [illegible]ливое преувеличение воздержания. Многие произвольно разводились с женами: иной, отослав от себя первую и вторую жену, брал третью, потом четвертую, и священники венчали его. Митрополит Фотий, упрекая псковичей за эти беспорядки, говорил, что между ними много даже пятероженцев и многоженцев. Люди, вступившие во второй или третий брак при жизни первых жен, оставались старостами при псковских церквах. Были монахи, которые своевольно слагали с себя иноческие обязанности и одежду, и уходили в мир, даже женились. С другой стороны многие жены постригались в иночество тайно от мужей, без взаимного уговора. Этому не мешали ни признаваемая церковью и обществом широкая власть мужа над женой, ни проповедуемый древнерусским духовенством взгляд на третий брак как на законопреступление. Псковское духовенство не только допускало такое нарушение церковных определений в светском обществе, но еще поощряло его собственным примером. Биограф преп. Евфросина псковского напрасно забывает пределы своего негодования в рассказе об одном псковском священнике XV в., который, овдовев и сложив с себя священство, «распопившись», женился во второй и потом в третий раз и однако ж нисколько не ослабил этим влияния и уважения, каким он пользовался прежде среди духовного и мирского общества в городе. Частная жизнь белого Псковского духовенства представляла явления, которые гораздо резче противоречили церковным понятиям древней Руси. Мы видели в послании митрополита Киприана к псковичам указание на неко-

торых молодых священников в Пскове, которые, овдовев и женившись въ другой раз, продолжали священствовать. Послание Фотия показывает, что это явление повторялось и после Киприана. Он же говоритъ о вдовом псковском диаконе, женившемся на жене расстриги-схимника, о вдовце-попе, взявшем за себя вдову-попадью [1]). Кроме этих явных нарушений чина церковного в псковском духовенстве не было недостатка в тех тайных бесчиниях, которые были распространены между вдовыми священнослужителями и в остальной Руси и вызвали соборное постановление 1503 года о вдовых священниках и диаконах. Потому ли, что в Пскове эти беспорядки достигли большей степени развития сравнительно с остальною Русью или потому, что большая общественная свобода, при одинаковом равнодушии к собственным нравственным недостаткам, делала псковской мир более притязательным к своему духовенству, только псковичи задолго до этого соборного постановления не раз обнаруживали особенную горячность в вопросе о предосудительном поведении вдовствующего духовенства. Выше было замечено, что даже митрополит Киприан принужден был сдерживать их нравственную ревность в этом отношении, доказывая, что не их дело судить духовенство в церковных проступках. Невнимательность высшей епархиальной власти к церковным нуждам псковской паствы еще более развязывала руки для такого непризванного усердия. Замечательно, что указанные церковные беспорядки в Пскове возбуждают заботливую деятельность верховных пастырей русской церкви, митрополитов Киприана и Фотия: они пишут туда длинный ряд посланий, учат, разъясняют, обличают; помогали ли им в этом случае такими же духовными мерами новгородские владыки,—для утвердительного ответа на такой вопрос недостает данных. За то спор 1468—69 г. дает прямые указания на то, что развитие нестроений в жизни псковского духовенства облегчалось в значительной степени неправильным отношением владыки к псковской пастве.

Соблазнительные явления, происходившие от преждевременного вдовства священнослужителей, давно заботили высшую рус-

---

[1]) См. указанное в предыдущей главе послание Фотия в Псков.

скую иерархию мыслию, что делать со вдовцами. Русское общество XV века, которое, несмотря на свои немолодые годы, не вышло еще изъ нравственного и умственного детства и, несмотря на это детство, хорошо было уже знакомо с пороками очень зрелого возраста, создало из этого повидимому несложного затруднения сериозный и тяжелый церковный вопрос. В XVI в. митрополит Петр дозволил вдовым священникам только под условием пострижения в монашество продолжать священнослужение и притом лишь в монастырях, но не в мирских церквах. Едва ли это распоряжение строго выполнялось. В XV в. митрополит Фотий возобновил его. В упомянутом послании к псковичам, изложив обнаружившиеся в тамошнем духовенстве беспорядки, он дает правило, чтобы вдовые священники и диаконы шли в монастыри и там по испытании и покаянии священнодействовали, а в мирских церквах отнюдь не служили бы: как только, прибавляет он, пришел я на Русь, я положил таковое запрещение и заповедь на вдовствующих священников, по всей своей святейшей митрополии, согласно преданию св. отцов. Мера эта похожа на лечение пальца отнятием руки по самое плечо: она въ одно и то же время свидетельствует и о смелой простоте тогдашней нравственной медицины и о нравственной ненадежности врачуемого организма. Распоряжение Фотия имело не лучший успех. Но псковичи снова вмешались в церковную дисциплину и возобновили вопрос о вдовцах.

С половины XV в. отношения Пскова к Новгороду и владыке становились еще натянутее прежнего. Смутно было и в самом псковском обществе; внутренние церковные замешательства тем сильнее давали чувствовать недостаток заботливой пастырской власти. Покинутые старшей братией в борьбе с немцами, псковичи в 1463 г. поссорились и с архиепископом и пытались выпросить себе в Москве особого архиерея. Едва уладилась эта двухлетняя распря, псковскую волость посетил опустошительный двухлетний мор. Через год после мора, в июле 1468 года, лишь только успели сжать рожь, пошли проливные дожди, продолжавшиеся без перерыва до конца октября: сделалось половодие точно весною, луга затопило, много неубранного хлеба сгнило на полях, многие не успели посеять озимое; в буду-

щем году грозила дороговизна. В эту тревожную осень псковское духовенство всех пяти соборов, белое и черное, пришло на вече и, благословив великокняжеского наместника, посадников и весь город, сказало:

— Видите, чада, и сами, какую милость посылает нам Господь с небес, наказует нас за наши грехи, ожидая нашего исправления. Теперь, по правилам св. апостолов и св. отцов, хотим мы, все священство, между собою укрепиться обязательством, как бы нам, священникам, устроить свое управление и жить по Номоканону. А вы, дети, будьте нам в этом поборниками, потому что здесь, в этой земле, над нами нет правителя, а самим нам той крепости удержать между собою не можно в каких ни есть церковных делах; да в иные дела наши и вы вступаете с миром, вопреки правилам св. апостолов и св. отцов: так мы и на вас хотим такую же духовную крепость положить.

— То ведаете вы, все Божие священство, отвечало вече, а мы вам поборники на всякое доброе дело.

Духовенство всех соборов написало грамоту из Номоканона о своих священнических крепостях и церковных делах и положило ее на хранение в вечевой ларь. Для надзора за исполнением изложенных в ней постановлений здесь же на вече «перед всем Псковом» духовенство избрало в правители двоих приходских священников города.

Впрочем участие вече в деле было гораздо сильнее пассивного согласия, которым оно отвечало на предложение духовенства. Из приводимого рассказа псковской летописи нельзя усмотреть, что собственно написано было в крепостной грамоте, составленной на вече. Очевидно только, что вопрос о вдовых священниках и диаконах нашел в ней место и был решен отрицательно, как прежде решали его митрополиты Петр и Фотий. Другая местная летопись отметила 1468 год кратким известием о событии, совершившемся повидимому немного раньше описанного совещания духовенства с городом: «того же лета псковичи отставили от службы вдовствующих попов и диаконов по всей псковской волости, не сославшись и не спросившись ни с митрополитом, ни с архиепископом; и архиепископ Иона хотел за это положить на псковичей неблагословение, но митрополит Феодосий возбранил ему это». Здесь совершенно неожиданно

имя митрополита Феодосия, который за 4 года перед тем покинул кафедру и вместо которого тогда занимал ее митрополит Филипп. Едва ли однако имя Феодосия явилось в известии псковского летописца по ошибке. Управляя митрополией, Феодосий настойчиво вооружился против распущенности московского духовенства, особенно вдовствующего, и пытался восстановить во всей строгости забытое правило Петра и Фотия о вдовцах. Бесплодная борьба заставила его отказаться от пастырской деятельности [1]). Но вероятно и в монастырской келии, куда он удалился, он сохранил долю прежнего нравственного влияния, которым и сдержал гнев новгородского архиерея на псковичей, когда последние обратили меру Феодосия против своего вдовствующего духовенства. Высказанные сейчас догадки подтверждаются еще тем, что в дальнейшем развитии происшедшего столкновения владыки с Псковом вопрос о вдовых священнослужителях выступает на первый план, и тогдашний митрополит Филипп становится на сторону Ионы, а не Пскова. Нельзя не заметить, что выписанное выше известие летописи представляет отлучение вдовцов от службы делом всего Пскова, т. е. веча, не одного духовенства. Отсюда можно заключить, что это новое вмешательство псковского мира в церковные дела именно и вызвало торжественное появление псковского духовенства на вече и между прочим его жалобу, что Псков вступается миром в духовные дела не по правилам. Чтобы обеспечить крепостной грамоте поддержку со стороны всего города, духовенство занесло в нее и постановление о вдовцах: допускало ли оно здесь невольную уступку своей пастве, или само согласно было с ее желанием удалить вдовцов от священнослужения, решить трудно. Восстановляя в таком виде связь отрывочных известий, легко видеть, что крепостная грамота имела двоякую цель: одной стороной, как новая попытка установить церковное самоуправление Пскова, она была направлена против новгородского архиерея, а с другой стороны ограждала свободу действий местного духовенства от произвольных посягательств на нее городских властей.

---

[1]) Оставивъ митрополию въ 1464 году, Феодосий жилъ въ Чудовомъ, потомъ въ Троицкомъ Сергиевомъ монастыре и умеръ здесь въ 1475 году.

Не делая полного разрыва псковской паствы с ее епархиальным архиереем, новая попытка Пскова однакож грозила самым существенным правам последнего, стесняла еще более, если не уничтожила совершенно, его влияние на церковный суд и управление в Пскове, ставя рядом с полузависимым наместником владыки другие, совершенно независимые от него, выборные органы церковного суда и управления. Опираясь и на Номоканон и на содействие местного веча, крепостная грамота подвергала опасности очень чувствительные материальные интересы Софийского дома, державшиеся на обычае или усердии паствы к духовному пастырю; в то же время, открыто заявив на вече, как признанный факт, бессилие или нежелание новгородского владыки установить правильный церковный порядок в Пскове, здешнее духовенство разрушало с практической стороны его пастырский авторитет, на место которого ставило какое-то самодельное церковное уложение с самодельными блюстителями, не получившими надлежащего благословения. Каноническая сторона вопроса остается в полумраке: все заинтересованные стороны заботились о ней всего менее и слишком перепутали ее своею небрежностью, непониманием или практическими сделками и интересами нецерковного свойства. В январе следующего (1469) года архиепископ Иона приехал в Псков. Он приехал с миром и принят был радушно, по старому: все священство с крестами и посадники с народом вышли к нему навстречу за город. Владыка благословил граждан, потом соборовал у Троицы с обычными церемониями. После того Иона призвал к себе на подворье псковских посадников и все духовенство и стал допытываться у них про крепостную грамоту.

— Кто это сделал так без моего ведома? спрашивал он: я сам хочу судить здесь, а вы бы ту грамоту вынули да подрали.

Духовенство и вече не хотели возобновлять недавнюю распрю с владыкой. Года за три перед тем они написали мирную грамоту и целовали ему крест всем Псковом. Теперь они решились уговориться с ним мирно, уладить дело «пословно». Все Божие священство, посадники и весь Псков, «огадав», дали такой ответ о грамоте:

— Сам, господине, ведаешь, что пробудешь у нас недолго, а в короткое время дел наших нельзя тебе управить, потому что в послед-

нее время у нас в церквах Божиих стала смута большая, между священниками в церковных делах беспорядки такие, что и пересказать тебе всего не можем: знают то сами, кто творит все эти бесстыдства. Вот об этом священство и грамоту выписало из Номоканона, и в ларь положило по вашему же слову, как ты, господине, и братия твоя, прежние владыки, приезжали прежде в дом св. Троицы, вы сами велели и благословили священство всех соборов с вашим наместником, а нашим псковитином, всякие священнические дела править по Номоканону.

— Я, дети, доложу об этом митрополиту Филиппу,—сказал владыка,—и что он мне прикажет, сообщу вам. Вижу и сам из слов ваших, что дело это большое, между христианами соблазн, в церквах Божиих мятеж, а иноверным радость, что мы живем в такой слабости, и укоры от них за нашу беспечность.

Пробыв всего две недели, владыка побрал с попов свой подъезд и уехал; псковичи проводили гостя до рубежа, много честив и дарив его. Ни с той, ни с другой стороны не было речи о праве: обе стороны как будто чувствовали, что у них затрясется почва под ногами при этой речи. Потому они ссылаются только на факты, говорят друг другу не то, что законно, а то, что прилично в вежливой беседе, которую решили кончить без ссоры. Между тем, каждая сторона думала про себя свое, особенно владыка. Он перенес дело на суд в Москву. Но посла туда пошлет он один, а в Москве также более всего любили факт, и с какой стороны являлся туда челобитчик с этим фактом в руках, та находила здесь поддержку. Притом владыка мог ссылаться на старину, а Москва в чужом деле любила стоять за нее: въ капитале русской цивилизации старина, понятие менее трудное для разумения, с успехом заменяла тогда право, как кунья морда с металлическим гвоздиком, при скудости чистого металла, с успехом ходила в экономическом обороте вместо денежной ценности куньего меха.

Ровно через год по написании крепостной грамоты, в октябре 1469 года, в Псков приехали послы из Москвы от великого князя и митрополита с грамотой последнего и с послом от владыки. В грамоте своей митрополит писал, что он шлет всему Пскову свое благословение

и богомоление, по челобитью владыки Ионы, и вместе с князем великим приказывает псковскому духовенству и всему Пскову положить священническое управление на богомольца их архиепископа, потому что тем делом искони дано управлять святителю, и об этом сам владыка шлет к ним теперь же своего человека. Этот человек сказал Пскову от имени владыки: вас, все священство и весь Псков, детей своих, благословляю: если те святительские дела на меня положите, увидите сами, что я лучше вас поддержу духовную крепость в священстве и во всяком церковном управлении. Псков со своим священством согласился, положил на своего богомольца архиепископа все церковное управление, доверил ему надзор за исполнением правил Номоканона о священниках, а свою крепостную грамоту, вынув из ларя, порвал и с этими решениями отправил посадника в Новгород к владыке и в Москву к великому князю. Не успел посол вернуться из Москвы, как Иона прислал в Псков с призывом: «вдовые священники и диаконы ехали бы ко мне в Великий Новгород на управление». Трудно решить, подходил ли этот исключительный случай под условие договора 1348 года: от владыки судить псковичей их брату псковичу, а из Новгорода их не позывать ни дворянами, ни подвойскими, ни софьянами. Повидимому, подходил, потому что касался дела из разряда таких, в которых владыки привыкли переносить свою пастырскую власть на посредников, например, на своего псковского наместника, о котором говорит договор. Однако ж, сопротивления владычнему зову не было: Псков рад был решить дело о вдовцах, и последние поехали въ Новгород охотно. Здесь владыка начал брать с них мзду, с кого по рублю, с кого по рублю с полтиной, и без всякого испытания разрешал им петь по прежнему, давая им на то благословенные грамоты за своею печатью, не по правилам, как сам обещался всему Пскову по Номоканону править о всяком церковном деле и о священниках вдовствующих,—прибавляет в заключение псковской летописец, сильно недовольный таким исходом шумного и хлопотливого дела.

IV.

Спор с латинами.

Что особенно ясно сказалось в описанном споре псковского духовенства с владыкой,—это взаимное недоверие обеих сторон и их равнодушие к праву, к точному на нем основанному определению взаимных отношений. Потом нельзя не заметить, что псковское предприятие пало так легко от недостатка внутренних средств у местного духовенства, независимой церковной опоры, способной поддержать начатую попытку местного церковного самоуправления. Само духовенство в приводимой у летописца вечевой речи как будто невольно призналось в этомъ недостатке. Затеянное им дело направлено было одной стороной против неправильного вмешательства псковского мира, веча в дела духовенства, и однако ж единственным оплотом задуманной «духовной крепости», единственным поборником ее призван тот же мир: « а нам о себе тоя крепости удержати немочно попромежи себе», говорили священники на вече. Следовательно, судьба дела предоставлена была случайностям вечевого настроения и отношений веча к Новгороду. Побуждаемое равнодушием и недеятельностию пастырской власти владыки, духовенство попыталось само установить некоторый порядок в своих церковных делах, наиболее смущавших умы; но этот порядок стал разлагаться прежде, чем коснулась его с такой успешной осторожностью рука владыки. Скупой на подробности, объясняющие внутреннюю сторону событий, летописец однако отметил черту, прямо указывающую на это. Едва успело духовенство выбрать из среды своей блюстителей за исполнением крепостной грамоты, как по грехам встали клеветники на одного из них, попа Андрея Козу, и он сбежал в Новгород жить *к владыке*.

Но предприятие вызвано было убеждением паствы в бессилии или в бездействии пастыря,—мотивом, который бывал творцом великих дел, хотя не в Пскове и не в древней России. В мысли, отсюда вытекавшей, о необходимости призвать местные церковные силы к действию там, где сказывалось это бессилие,—в этой мысли надобно искать один из источников другого явления, не шумного и повидимому

не тревожившего владыку, но довольно заметного в деятельности псковского духовенства. В XV в. это последнее, в каждом важном деле, касавшемся всей псковской церкви, является соединенным в несколько обществ или своего рода корпораций, *соборов*. Митрополиты в посланиях своих обращаются к псковскому духовенству всех соборов. В моровые поветрия посадники и весь Псков, погадавши и сдумавши со своими отцами духовными, со всеми соборами, ставили миром новую церковь, в которой при освящении служило литургию духовенство всех соборов. Всеми соборами духовенство являлось на псковском вече.

Ни происхождение, ни значение этих соборов не указываются с достаточной ясностью в известных памятниках псковской истории. Трудно решить, в какой мере эти церковные союзы вызваны или внушены были стремлением городского населения обособиться в местные общества по концам или улицам. Во всяком случае, объяснение, только отсюда заимствованное, было бы слишком поверхностно. Притом соборы не соответствовали псковским концам ни числом и никакими другими заметными отношениями. Каждый собор имел средоточие около одной или нескольких церквей в городе, именем которых он назывался. До 1357 г. Псков имел всего один собор Троицкий, сосредоточенный около главного городского храма св. Троицы. В этом году образовался другой собор при храме св. Софии. В послании к псковскому духовенству, писанном около 1395 года, митрополит Киприан обращается еще к попам только двух соборов, Троицкого и Софийского. В первой половине XV в. (с 1417 г.) становится известен третий собор, Никольский, при церкви чудотворца Николая. Во второй половине к прежним трем соборам прибавилось три новых: в 1453 г. Спасский при церквах Спаса на Торгу и мученика Димитрия в Довмонтовой стене; в 1462 г. пятый при трех церквах Похвалы св. Богородицы, Покрова и св. Духа за Довмонтовой стеной; первая из них была главной, по имени которой назывался собор; в 1471 г. возник шестой собор при церкви Входа в Иерусалим. В первой половине XVI в. появился еще седьмой собор, на что указывают некоторые списки псковской летописи. Впрочем, среди этих соборов Троицкий продолжал сохранять первенство, как старший по времени и важ-

нейший по церковному значению для города, и назывался «передним большим» собором; Троицкий причт пользовался привилегиями, каких не имело духовенство остальных соборов. В состав соборов входило духовенство не одного только города Пскова, но и его пригородов, а также сельских приходов и монастырей. Об этом можно заключить по составу шестого собора, в который вошли 102 священника и иеромонаха, а в 1402 г. причт главной соборной церкви Троицкой состоял всего из двух священников, одного дьякона и одного дьяка. Но еще яснее указывает на такой состав соборов одно известие псковской летописи XVI века: в 1544 г. произошло разделение в псковском духовенстве, сельские и пригородские попы «откололись» от городских, от «всех седьми соборов», и владыка дал отколовшимся особого старосту.

Новый собор открывался с ведома и согласия веча или городских властей. Местная летопись сообщает некоторые подробности об учреждении четвертого собора. Несколько попов *невкупных*, не принадлежавших к прежним трем соборам, согласились и обратились к наместнику великого князя, к степенному и старым посадникам с челобитьем, быть бы в Пскове четвертому собору. В начале 1453 г. архиепископ приехал в Псков на свой подъезд и на старины. Наместник и посадники со своей стороны били челом отцу господину владыке Евфимию: «благослови, господине, четвертому собору быть в Пскове». И владыка благословил попов невкупных держать четвертый собор, совершать вседневную службу. Подобным же образом, повидимому, учреждены были второй и пятый соборы, судя по кратким известиям летописи. Участие митрополита при этом незаметно. Несколько иначе учрежден был шестой собор. В 1471 г. священники невкупные били челом Пскову, чтобы попечаловался, похлопотал у великого князя и митрополита о новом соборе. Посадники вместе с челобитьем от всей псковской земли представили митрополиту грамоты, в которых священноиноки, священники и диаконы всех старых соборов просили митрополита благословить их на устроение шестого собора в Пскове, при церкви Входа в Иерусалим, приводя в объяснение просьбы, что для того собора у них набралось уже 102 служителя церковных, священноиноков и священников. Митрополит

отвечал на челобитье Пскова грамотой (22 сентября 1471 г.) посадникам и прочим классам псковского населения, благословляя их и соизволяя на устроение нового собора. Непосредственное отношение Пскова к митрополиту в этом деле помимо епархиального архиерея объясняется случайным обстоятельством: в то время не было архиепископа в Новгороде; избранный еще в конце 1470 г. Феофил до декабря следующего года не мог получить посвящение от митрополита, вследствие тогдашних политических событий.

Средоточиями новых соборов становились городские церкви, из которых некоторые были построены недавно, так что количество соборных храмов в Пскове увеличивалось вместе с умножением приходских церквей в городе. Так псковские купцы в 1357 г. поставили деревянную церковь во имя Св. Софии, а священники устроили при ней второй собор. Церковь Спаса, ставшая в 1453 г. средоточием четвертого собора, построена была в 1435 г. В 1442 г. во время мора псковичи поставили деревянную церковь Похвалы Богородицы: в 1466 г. вместо деревянной явилась каменная; за 4 года перед тем храм этот сделался пятым собором в Пскове. Может быть, подобным же путем развивались и самые соборы, по мере размножения и церковно-административного сближения приходских причтов и монастырских братств в псковской области. Но довольно трудно разглядеть основания, на которых слагалось соборное общество, и его внутреннюю организацию. Благословенная грамота митрополита Филиппа на открытие шестого собора описывает лишь внешнюю его сторону: священники, вступившие в собор, должны держать свою соборную церковь честно, со святым пением и чтением, по тому же уставу, как держат божественные правила в прежних пяти соборах, а петь должны по неделям; собор учреждается для вседневной службы; который священник не будет беречь церковного пения и чтения и не будет пристоять к церкви Божией, тот примет вину и казнь церковную, по правилам св. апостолов и св. отцов, вместе с неблагословением от митрополита. Есть однако несколько следов церковно-административного и судебного значения соборов. Во главе духовенства, составлявшего тот или другой собор, стояли старосты *соборские*. Их надобно отличать от простых церковных старост

которыми в Троицком соборе бывали посадники и другие знатные миряне. Архиепископы обращались к соборским старостам в грамотах, писанных к одному духовенству, и по делам чисто-церковным, в которых они не обращались ни к кому из мирян; перечисляя различные классы псковского населения, владыки ставили старост соборских не среди посадников, бояр, купцов, а причисляли их к «сослужебникам своего смирения» вместе с игуменами и священноиноками [1]). Одною из административных обязанностей соборных властей была раскладка и исправный сбор подъезда и кормов в пользу архиепископа с духовенства, принадлежавшего к собору; за это отвечали старосты и священники собора. Напоминая об уплате недоимок и угрожая запрещением священнодействовать не заплатившим подъезда, архиеп. Феофил прибавляет в грамоте своей: «и то, старосты соборские и священницы соборские, положено на ваших душах». Городское духовенство с соборскими старостами, очевидно, имело в соборной администрации, по крайней мере в раскладке и сборе владычних кормов, преобладающее значение над сельским и пригородным одного с ними собора. В 1544 году, когда приехал в Псков владыка Феодосий, в здешнем духовенстве произошло большое смятение: сельские и пригородные игумены, попы и диаконы возбудили перед владыкой тяжбу против городского духовенства всех соборов за то, что городские попы взяли с них корма для архиепископа больше, чем с самих себя; обиженные отделились от городских однособорян и владыка благословил их, дал им особого старосту, одного из городских же приходских священников. При такой обязанности соборские старосты имели непосредственное отношение к владычнему наместнику. То же заметно в судебной и пастырской деятельности соборов. В 1469 г. псковское духовенство и посадники напомнили владыке Ионе, что он и его предшественники благословляли и велели всем псковским соборам со своим наместником и их братом псковитином всякие священнические дела править по Номоканону. Следовательно, в организации псковских соборов заметны некоторые черты, сходные с церковным устройством

---

[1]) См., наприм., Акт. Ист. I, №№ 31 и 284.

соседней полоцкой епархии XV—XVI в. Там главная соборная церковь в городе Полоцке была средоточием церковного управления для города и его округа. Протопоп соборной церкви, бывший вместе и наместником епископа, имел надзор над всеми церквами и монастырями как городскими, так и уездными; со своим клиром он составлял низшую инстанцию церковного суда в уезде и вместе с городскими властями наблюдал за имуществом церквей в городе [1]). Часть этих отправлений принадлежала, очевидно, и псковским соборам, хотя они не соответствовали церковно-уездному делению полоцкой земли на протопопии и едва ли соответствовали делению города Пскова на концы, а его области на пригороды с их уездами.

Из приведенных замечаний можно сделать несколько соображений о происхождении и значении псковских соборов. Новые соборы появляются с половины XIV века, с того времени, когда Псков добился политической независимости и вместе с ней некоторой доли автономии церковной. С особенной силой соборы размножаются во второй половине XV века, когда особенно расстроились отношения псковской паствы к владыке и в первой усилилось стремление отделиться совершенно от последнего. Соборы присвояли себе часть тех церковно-правительственных полномочий, которыми облечен был псковский наместник владыки. Следовательно, соборы вызваны были тем же стремлением Пскова, плодом которого был владычний наместник-пскович, стремлением обеспечить свою церковную самостоятельность и местными церковными средствами восполнить недостаток энергии владычней пасторской руки, не всегда достававшей до Пскова или равнодушно опускавшейся по получении с него пошлин и подъезда.

Эти церковные формы, сложившиеся в Пскове под влиянием скрытого или явного противодействия епархиальному архиерею, надобно сопоставить с теми внутренними духовными средствами, которые церковное общество Пскова имело или развило среди этой борьбы. С этой стороны неожиданны черты, встречающиеся в посла-

---

[1]) «Полоцкая православная церковь», *И. Д. Беляева*, в *Правосл Обозр.* 1870 г. № 1 стр. 114 и след.

ниях митрополитов Киприана и Фотия к псковичам. В конце XIV в. у псковского духовенства не было хорошего списка церковного правила, не было и других необходимых церковных книг. Киприан велел списать и послал в Псков устав службы Иоанна Златоуста и Василия Великого, также и самую службу и чин освящения в первый день августа, синодик цареградский правый, чин поминовения православных царей и великих князей, чин крещения и венчания; о других книгах, в которых нуждалось псковское духовенство, митрополит замечает, что они переписываются и будут пересланы в Псков. Тут же Киприан учит псковских священников, как надобно причащать народ. Митрополит Фотий называет псковских священников искусными в божественном писании; но из другого его послания в Псков видно, что здешнее духовенство было незнакомо с самыми простыми, элементарными церковными правилами и священники обращались к митрополиту с просьбою вразумить их и наставить. Тот же митрополит в позднейших посланиях своих упрекает псковских священников во множестве церковных беспорядков, указывает между ними некоторых, которые живут не в славу Божию и не в честь своему знанию, а на людской соблазн, к церквам Божиим не радеют и людей, приходящих в храмы Божии, только соблазняют своим небрежением, не умеют правильно совершать таинства; митрополит просит прислать к нему толкового священника, чтобы научить его церковным правилам, церковному пению и служению, обещает прислать в Псков недостающих там церковных книг. Один священник приобщил человека, не бывшего его духовным сыном и уже исповеданного и приобщенного его духовником. Мелкие соблазнительные распри возникали между белым и черным духовенством. Приходские священники жаловались Фотию на игуменов, которые имеют в миру между замужними женщинами дочерей духовных, или, постригши перед смертью мирянина, не позволяют уже белому священнику вместе с собою ни провожать, ни отпевать, ни поминать того человека по смерти. Все эти явления помогали развитию церковных и нравственных беспорядков в среде мирян. Выше было указано, как некоторые члены псковского духовенства собственным примером увлекали паству к нарушению церковных пра-

вил о браке. Митрополиты упрекают псковских игуменов, священников и простых монахов в неприличном занятии торговлей и ростовщичеством, а мирян в сквернословии, суевериях, в языческих обычаях: басни слушают, лихих баб принимают, зелиями и ворожбами занимаются, великим постом устроют бои и позорища бесчинные. В 1411 г. в Пскове торжественно сожгли 12 вещих женок за колдовство. Фотий в одном послании упоминает о каком-то мирянине в Пскове, самовольно присвоившем себе сан священника и совершавшем таинство крещения [1]). Эти явления происходили в то самое время, когда церковное общество Пскова смущаемо было проповедью стригольников. Можно утверждать, что одним из источников стригольничьей секты была вражда низшего псковского духовенства к высшей иерархии за ее церковные поборы; но несомненно, что главную пищу это раскольническое брожение находило себе в описанных церковных и нравственных беспорядках самого низшего духовенства, а первым и главным следствием своим имело подрыв доверия ко всей иерархии вообще, восстановляло «народ на священники».

С такими внутренними средствами псковская церковь стояла на страже русского православия против столь близкого к псковским пределам латинства. Вековая борьба Пскова с ливонским рыцарством была борьбою не только за родную землю, но и за веру, и с обеих сторон принимала иногда вид религиозной мести. В 1460 г. псковичи, прося у великого князя помощи, жаловались, что приобижены от поганых немцев и водою и землею и головами, и церкви Божии пожжены погаными на миру и на крестном целовании. За год перед тем служивший тогда Пскову князь с посадниками и другими псковичами поехал на пограничную обидную землю, предмет давнего спора с немцами, которую Псков считал собственностью своей городской святыни, Троицкого собора. Приехав, псковичи покосили здесь сено и стали ловить рыбу по старине,—поставили там церковь во имя архистратига Михаила, а попавшуюся в руки Чудь повесили. Но скоро поганая Латына, не веруя в крестное

[1]) См. послание Фотия въ сб. Рум. Муз. № 204, л. 420—426.

целование, на то обидное место врасплох напала, на землю св. Троицы, сожгла церковь и с нею 9 голов псковичей. Вслед за удалявшимися врагами погнались псковичи с князем и посадниками и, вторгнувшись во вражескую землю, также пожгли много людей обоего пола: месть мстили за те неповинные головы, прибавляет летопись. Почти в то же время немцы напали на псковскую землю со стороны р. Наровы. Псковичи отплатили и за это: зимой вошли в немецкую землю, наделали много «шкоты», повоевали на 70 верст, много пожгли и пограбили, выжгли большую немецкую божницу, сняв с нее крест и 4 колокола, и поймали немецкого попа: а эту месть мстили псковичи за повоеванное на р. Нарове.

Эта борьба изощряла о камень политической и народной ненависти те церковные различия, которые отделяли латинство от православия. Псковское духовенство спрашивало митрополита Фотия, как поступать с хлебом, вином и другими припасами, привозимыми из немецкой земли; митрополит отвечал, что их можно употреблять, впрочем, не иначе, как очистив предварительно молитвой чрез священника. Опасность увеличилась в XV веке, когда литовско-киевская половина всероссийской митрополии отделилась от московской и потом подчинилась влиянию латинствующей греческой иерархии, принявшей церковную унию. Уже в 1416 г., указывая псковичам на церковный мятеж близ их границы, произведенный избранием особого киевского митрополита литовскими епископами, Фотий убеждал Псков хранить свои православные обычаи, избегая «и слышати тех неправедных предел, отметающихся Божия закона и святых правил».

Однако, как ни сильна была вражда, она не уберегала от действия враждебной церковной силы. Резкость выражений в послании Фотия указываетъ только на степень опасности, грозившей из-за этих неправедных пределов, а не на возможность разорвать все сношения с ними, перерезать все пути влияния оттуда. Вслед за политическим соединением Литвы с Польшей, в начале XV в. римский престол праздновал свои первые победы в литовско-русском княжестве. В дальнейших предначертаниях папы ставили на очереди ближайшие земли Московской Руси, Новгород и Псков: вместе с званием папских наместников в этих

городах. Рим слал Ягеллу и Витовту благословение и повеление всеми мерами подготовлять и там торжество латинства. Решительно заявлено было и намерение отделить православные епархии в Литве от Московской митрополии. Но в 1426 г., когда были еще живы перекрестившиеся из православия вооруженные наместники папы, и Ягелло, и Витовт, новгородский архиепископ Евфимий въ послании к псковичам пишет о людях, которые ездили из Пскова в литовскую землю ставиться в попы или дьяконы и потом возвращались в свою епархию: владыка предписывает псковскому духовенству прежде допущения таких пришельцев к священнодействию осматривать у них ставленные и отпускные грамоты и требовать, чтобы каждый изъ них нашел себе отца духовного, который, исповедав его, поручился бы за него перед псковским духовенством; кто не представит ни грамоты, ни поруки, того принимать запрещалось. Владыка не доверяет этим ставленникам из Литвы и однако ж не возбраняет их появления на будущее время. Есть следы соприкосновения с латинством более глубокие. Уже в происхождении стригольничьих мнений подозревают влияния, навеянные с католического Запада. Еще неожиданнее то, что в церковной практике псковского духовенства указываются черты, заимствованные с той же стороны. Фотий со смущением и прискорбием пишет, что тамошние священники при крещении обливают младенцев водой по латинскому обычаю и въ миропомазании употребляют латинское, а не цареградское миро. Небрежность местного духовенства и беспорядочность церковных отношений облегчали подобные незаметные вторжения латинства въ псковскую православную жизнь: на первую указывает в таком смысле сам Фотий; вторая открывается из совокупности явлений церковной жизни в то время.

Боролись не одним мечем: с половины XV в. вооруженная борьба не раз сменялась богословским прением. Неистощимой и возбуждающей приправой этой полемики стала флорентийская церковная уния. Два противоположные чувства, связанные с собором во Флоренции, производили особенно раздражающее действие на русских богословских борцов. Видя твердость, с какою великий князь московский отвергнул всякое соглашение с Римом во имя

древнего благочестия, и сравнивая с ней малодушную уступчивость, с какою царь и патриарх Константинополя жертвовали чистотой православия на богопротивном осьмом соборе, русское сердце XV в. наполнялось непривычным беспредельным восторгом. «Как богонасажденный рай мысленного Востока, праведного солнца Христа, или как Богом возделанный виноград, цветущий в поднебесной, сияя благочестием, веселится Богом просвещенная земля Русская о державе владеющего ею великого кн. Василия Васильевича, боговенчанного царя всея Руси, хвалясь мудростию обличения его, богоразумно обличившего и прогнавшего врага церкви, сеятеля плевел злочестия, тьмокровного Исидора и другого такого же развратника веры, ученика его Григория, от Рима пришедшего, латином поборника; величается св. Божия церковь своими пастырями и учителями». Так начинает русский грамотей в 1461 г. свое полемическое повествование о флорентийском соборе; в том же тоне он и заканчивает свой рассказ: «ныне, богопросвещенная земля Русская, тебе подобает с православным народом радоваться, одевшись светом благочестия, имея покровом многосветлую благодать Господню, наполнившись Божиими храмами, подобно звездам небесным сияющими под державою богоизбранного богошественника правому пути богоуставного закона и богомудрого изыскателя св. правил» [1]). Одним нарушалось это торжественное и самодовольное настроение мыслей: столько ударов пало на православный Восток, а еретический Запад стоял невредимо и католики кололи этим глаза православному миру. «Подумай Господа ради, писал позже известный Филофей псковскому дьяку, в какую звезду стали христианские царства, которые ныне все попраны неверными. Греческое царство разорено и не созиждается, потому что греки предали православную свою веру латинству. И не дивись, избранник Божий, что латины говорят: наше царство Ромейское недвижимо стоит; если бы мы неправо веровали, не поддерживал бы нас Господь. Не подобает нам слушать их прельщения, прямые они еретики, своевольно отпали от православной веры, более же всего ради опресноч-

[1]) См. это сказание в сб. Рум. Муз. № 204, л. 315—349.

ного служения». Остается заметный пробел в этой нравственно-исторической диалектике псковского инока.

Сохранились отрывочные отголоски полемики, завязывавшейся во второй половине XV в. с православной стороны в Пскове, с католической в старом русском городе Ярослава Юрьеве (Дерпте). Эти прения служили продолжением давней церковно-народной борьбы Пскова с ливонскими католиками и иногда также сопровождались жертвами взаимного раздражения. Таким образом явились мученики и материалы для местной церковной эпопеи. Псков имел давнюю и тесную связь с Юрьевом. Здесь в Русском конце был православный приход при церкви св. Николая и великомученика Георгия, построенной псковичами. В 1471 г. при этой церкви служили два священника Исидор и Иоанн. Первый часто состязался с неверными немцами о вере, убеждая их отступить от латинства и опресночного служения и принять крещение; этим он не раз подвигал на гнев безбожных юрьевских латин. В том году возобновилась борьба Ливонии с Псковом: безбожная Латина рассвирепела на христиан, как рассказывает псковский повествователь об Исидоре (в XVI в.), умыслила воздвигнуть брань на богоспасаемый град Псков и на все церкви Христовы, на месте их поставить свои храмы и ввести опресночное служение. Незадолго перед тем получили безумные латины подтверждение своим проклятым ересям от папы Евгения, антихристова предтечи, на осьмом соборе, и захотели совратить людей Божиих в свою веру, к своему опресночному служению. Вошел тогда бес в одного юрьевского старейшину, в немца Юрия Трясоголова; восстал он на Исидора и его прихожан и нажаловался бискупу, капланам, старейшинам и всем католикам города: «Русский поп с своими христианами, которые в нашем городе живут, хулят нашу чистую латинскую веру и опресночное служение, называют нас безверниками и развращают обычаи нашей веры». Рассерженные бискупъ и старейшины положили выждать большей вины со стороны православных. Видя, что латины задумали ласками и угрозами «соединять» обитателей Русского конца к своей вере, товарищ Исидора Иоанн удалился в Псков. 6 января Исидор с прихожанами вышел на реку Омовжу освящать воду; посланцы бискупа схватили

их всех и с поруганием представили на суд в ратушу. На допросе бискуп стал принуждать православных к церковному соединению с католиками и к принятию опресночного служения.

— Не бывать тому, беззаконный бискуп, друг сатаны и поборник бесов, сын погибели и враг истины, отвечал Исидор: не бывать тому, чтобы мы отреклись от Христа Бога нашего и от христианской веры. Мучь нас, как хочешь. Еще скажем тебе, безумный бискуп, и вам всем, беззаконные латины, молим вас: пощадите свои души Господа ради: ведь и вы, окаянные, тоже Божие создание, отступите от проклятого опресночного служения. О богомерзкая ваша прелесть! Получили вы подтверждение своей веры от злоименитого папы Евгения и от других учителей злочестивой вашей веры, которые бороды и усы свои подстригают. Так и вы, окаянные, поступаете и пойдете в муку вечную с бесами, к отцу своему сатане в подземные места, в мглянную землю, где нет света и жизни.

Исидора с прихожанами посадили в тюрьму. Бискуп велел быть в Юрьеве торжественному съезду «всех держателей градских» юрьевского округа. Когда узники стали перед этим собранием в ратуше, бискуп начал ласково говорить им о вере:

— «Теперь лишь послушайтесь меня и судей нашего города, повинитесь перед этим множеством немцев, сошедшихся на ваше позорище со всех городов моей области: примите нашу честную веру и опресночное служение. Наша вера одна с вашей. Не губите себя, будьте нашей присной братией; захотите,—и вы будете держать свою веру, мы вам не возбраняем. Только теперь повинитесь предо мною и этим собранием».

Православные сурово отвечали на эти льстивые речи и повторили то же, что сказали на первом допросе. По решению судилища их всех в числе 72 человек побросали под лед в Омовжу, там, где за два дня перед тем Исидор совершал водоосвящение.

Более мирный исход имело прение, бывшее несколько лет спустя в Пскове (около 1491 г.). Латинские монахи, «серые черцы» из Юрьева прислали к псковскому дьяку Филиппу Петрову грамоту об осьмом соборе, которую он явил исковскому наместнику и посадникам. Потом серые чернецы сами явились в Псков и начали толковать о вере,

были у священников, но идти в Новгород к владыке отказались. Псковские священники много потязали их от Писания; при этом споре присутствовал и дьяк Филипп, описавший его в отписке к архиепископу Геннадию.

— «Папа наш, говорили католики, с вашими архиереями соединили веру на осьмом соборе; и мы и вы христиане и веруем в Сына Божия».

Но говорить древнерусским людям о примирении с католицизмом без уничтожения обрядов последнего, считавшихся на Руси самыми ненавистными его особенностями, без уничтожения поста в субботу и служения на опресноках, значило предполагать в православной Руси способность примириться с богопротивным жидовством, т. е. в глаза смеяться над нею.

— Не у всех вера права, отвечали псковские священники. Если вы веруете в Сына Божия, то зачем последуете богоубийцам жидам, поститесь в субботу и служите на опресноках и этим богопротивно жидовствуете?

Меньше тревожили, по крайней мере реже затрогивались в русской полемической литературе того времени чисто догматические особенности католицизма. Одна из них была задета в описываемом споре.

— Еще вы говорите, продолжали псковские священники: «и в Духа Святого животворящего, от Отца и Сына исходящего», и этим беззаконно два духа вводите, в два начала сходите, в пропасть духоборца Македония ниспадаете. Много и другого делается у вас против божественных правил и соборов.

Осьмой собор был, разумеется, главным и наиболее раздражающим пунктом спора.

— А что вы говорите нам об осьмом сонмище,—возражали священники,—о скверном соборе латинском во Флоренции, нам это хорошо известно: то окаянное соборище было на нашей памяти и кардинал Исидор едва утек от нашего государя великого князя и бедственно скончал в Риме живот свой. Мы о том соборе не хотим и слышать, отринут он Богом и четырьмя патриархами; будем держать семь соборов вселенских и поместные, ибо в тех благоволил Бог,

как сказано: *Премудрость созда себе храм и утверди столпов седмь*, что значитъ семь соборов св. отцев и семь веков, доводящих до будущего века, по Иоанну Богослову.

Много и другого отмолвили от Писания Господни священники тем студным латинам, прибавляет дьяк, оканчивая свой краткий рассказ о прении.

V.

Богословский спор.

Общественный ли бытъ Пскова, благодаря своим болсе тонким формам, живее отражал на себе внутреннее движение, или уже все русское общество в XV веке пережило такие сильные государственные и нравственные потрясения, которые прорывались и сквозь толстую оболочку, покрывавшую внутреннее содержание русской жизни, и прорывались заметнее в тех местах, где эта оболочка меньше их сдерживала,—только в Пскове рядом с препирательствами, вызванными запутанностию внутренней церковной администрации и столкновениями с внешними врагами православия, сильнее чем где-либо в тогдашней России проявилась церковная полемика отвлеченного свойства, вызванная вопросами из области богословия или того, что тогда принимали за богословие. И к этим вопросам теологической метафизики прилагалась та же логика, какую можно заметить в полемике псковичей с владыкой и латинами, та же наклонность делать из формы содержание, при неохоте прикрывать дорогое содержание формой, способной защитить его от действия губительных исторических ветров.

В начале XV в. из подгородного псковского монастыря на Снетной Горе вышел инок Евфросин, чтобы углубиться в необитаемую пустыню и там, «аще будет Господеви годе», основать свой монастырек. Тогда в русских монастырях действовало еще с полной силой это пустынное движение, обнаружившееся с половины XIV века по причинам, которые недостаточно уяснены и уяснение которых, может быть, еще более вскрыло бы и без того заметную силу, с какою чисто материальные общественные условия древней Руси действовали под аскетическими формами на характер, направление и судьбу рус-

ского монашества. Выселения из старых монастырей в лес для основания новых, в одиночку или товариществами, совершались тогда по всем углам северо-восточной Руси, и русские святцы сохранили нам имена лишь незначительной части этих первых усердных вырубателей старорусских лесов в таких местах, куда дотоле не отваживался проникнуть даже топор русского непоседного крестьянина. Поселившись верстах в 25 от Пскова, в пустыне на р. Толве, Евфросин собрал около себя братство любителей пустыни и основал обитель с храмом во имя Трех Святителей. Он родился в псковском крае и вырос в понятиях и отношениях вольной области, если только эти понятия и отношения могли положить на человека отпечаток, заметно отличавший его от людей других краев тогдашней северной Руси. Впрочем, Евфросинов биограф XVI века, слишком знакомый с литературной техникой житий, умел заткать личность своего святого густою сетью привычных образов, моральных изречений, библейских текстов и аллегорических видений. Новый монастырь возник, как возникали почти все монастыри в тогдашних лесах северной Руси. К одинокой хижине, поставленной отшельником в лесу, стали собираться другие монахи, подобно Евфросину уходившие из старых монастырей искать нового места для подвигов уединения; за монахами стала являться и «простая чадь пользы ради», ища назидательного поучения и примера. Когда собралась братия, святой построил для нее церковь, начал рубить лес вокруг обители и пахать землю, «нивы страдати», чтобы тем кормиться. Но потом явились христолюбцы, начавшие веру держать к новой обители, приносили милостыню и села давали на ее устроение, в наследие вечных благ. Монастырь Евфросина рано завязал тесные связи с городом Псковом. В числе первых иноков его был один зажиточный пскович с четырьмя сыновьями. В числе первых христолюбцев, поддерживавших монастырь своими приношениями, был один псковский посадник. Эти связи установили или поддерживали близость между монастырем и городом и в духовных интересах церковной жизни.

Биограф Евфросина указывает в нем одну черту, выходящую из ряда обычных явлений, сопровождавших русское пустынножительство того времени. Рано появилась у Евфросина одна богословская

забота, давно тревожил его тяжелый отвлеченный вопрос о пресвятой аллилуии, о том, двоить ли ее или троить в церковном пении. Он повидимому не разделял теологической осторожности большинства современных ему русских подвижников, об одном из которых ученик-жизнеописатель замечает, что он «в догматех велико опасение и ревность имяше, аще и мало кто кроме божественного писания начинаше глаголати, не точию слышати не хотяше, но и от обители изгоняше». Вопрос об аллилуии по самому существу своему заставлял Евфросина искать его разрешения в источниках церковного ведения, лежавших «кроме божественного писания». Прежде всего преподобный обратился к местным церковным авторитетам, много вопрошал о нем у старейшего церковного люда, «от церковные чади старейших мене», по словам самого Евфросина, записанным в его житии. Но никто изъ церковной чади Пскова не мог протолковать ему ту великую вещь божественного любомудрия: сами они тогда волновались этим вопросом, полагая великий раскол и разногласие посреди Христовой Церкви; одни двоили пресв. аллилуию, другие троили. Устроив уже свою обитель, Евфросин решился искать вразумления у церковного авторитета, более отдаленного, но и более надежного. «Братия,—говорилъ онъ, созвав иноков своего монастыря, помышляю итти к Царствующему Граду, потому что от юности много труда и подвизания положил и безмерною печалию сетовал о пресвятой аллилуии; иду к святейшему патриарху в Царьград, где воссияла православная вера, и узнаю там истину о божественной аллилуии: если тамъ двоится, то и я буду двоить, а если там троится, то и я буду троить». Евфросин простился с братией и отправился в далекое догматическое странствие. Прибыв в Царьград, он вошел в соборную церковь во время службы, после которой патриарх Иосиф пригласил его к себе в келью. Здесь была у них долгая беседа о тайне аллилуии. Патриарх благословил русского странника и повелел ему двоить святую аллилуию. После того Евфросин прислушивался къ пению в соборной церкви, обошел святые места и монастыри в области Царьграда, навестил и пустынных молчальников: везде он находил подтверждение патриаршего приказа о пении аллилуии. Прощаясь с Иосифом перед отходом в обратный путь на родину,

Евфросин получил от него икону Богородицы в знак благословения и писание о божественной тайне пресвятой аллилуии. Владыка напутствовал его словами: «мир ти, чадо, пустынное воспитание! иди с миром и спаси душу свою, и Бог буди с тобою и наше благословение, и падут соперники под ногами твоими, приразившись как волны морские к твердому камню: камень не сокрушится, а волны разобьются». Воротившись в свой монастырь и передав братии вместе с иконой патриарха и его писание об аллилуии, Евфросин ввел в чин церковного пения для своей обители сугубую аллилуию, «по преданию вселенского патриарха». Этот чин не был простым обрядом в мнении Евфросина, но выражал догматическую мысль, «еже славословити едиными усты божество же купно и человечество единого Бога славяще въ животворящей аллилуии».

Так рассказывает Евфросиново житие. Этот рассказ издавна служил камнем преткновения для церковно-исторической критики. Набрасывая сомнение на все его подробности, особенно находили подозрительными три черты. Невероятным считали, чтобы в псковском духовенстве уже во время юности Евфросина, т. е. в самом начале XV в., существовало разномыслие по вопросу о пении аллилуии, чтобы некоторые и тогда сугубили ее. Потом находили много странного и невероятного в повествовании о путешествии Евфросина въ Царьград, во времени, к которому житие относит это путешествие. Наконец, решительно отвергали, как невозможность и клевету на греческую церковь XV в., известие жития, что Евфросин нашел обычай двоения аллилуии в цареградских церквах и монастырях, что сам патриарх дал русскому страннику подтверждение этого обычая. Источник всех этих невероятных или совершенно невозможных известий видели в отдаленности жития, написанного в половине XVI века, от времени описываемых им событий и в произволе авторской фантазии биографа. Основанием критики или ее исходным пунктом служила собственно мысль о невозможности того, чтобы пустынножитель XV в., причисленный русскою церковию к лику святых, был приверженцем церковного обычая, ставшего потом, через 200 лет, одною из особенностей русского раскола.

Может быть, не одушевляясь этим практическим побуждением, критика не была бы так строга к произведению Евфросинова биографа, пресвитера Василия, который по литературному характеру своему принадлежал к числу самых обыкновенных мастеров житий в XVI в. и очень мало отличался литературной изобретательностию. Большую часть своего повествования он заимствовал из старого сказания о Евфросине, ограничив свое литературное участие в этом заимствовании незначительными стилистическими поправками, сокращениями, да более правильным расположением отдельных рассказов, беспорядочно рассеянных в повести его предшественника. Дошедшая до нас в редком списке повесть о Евфросине содержит в себе не мало указаний на то, что она не переделка труда пресвитера Василия, а именно то писание «некоего прежнего списателя», из которого полными руками черпал этот позднейший биограф и о котором он отозвался нелестно, сказав, что оно написано «некако и смутно, ово зде, ово инде» [1]). Почерк списка этой повести относится к началу XVI в., а Василий писал житие Евфросина в 1547 г.; автор является в ней иноком Евфросинова монастыря, а Василий писал это житие, по его словам, в другом сочинении, «мне еще в мире сущу и белые ризы носящу», и никогда не был иноком той обители; автор повести говорит о своих сношениях с игуменом Евфросинова монастыря

---

[1]) Эта повесть известна нам по рукописи Ундольского в моск. Рум. муз. № 306. Ее происхождение, состав и отношение к житию Евфросина, составленному Василием, рассмотрены автором настоящей статьи в исследовании *Древнерусские жития святых как исторический источник*, стр. 252—257. Здесь приводятся некоторые объяснительные или дополнительные замечания. Старая повесть сопровождается 4-мя чудесами; в сочинении Василия 5-ое чудо совершилось с Киприаном, в котором он упоминает в предисловии как о своем современнике и об одном из иноков, просивших его написать житие Евфросина. Старая повесть написана при иг. Памфиле и архиеп. Геннадии. В предисловии Василий упоминает об иноке Маркелле, постриженнике Памфиловом, который в 1547 г. был уже старцем, иночествовавшим 50 лет. Значит, в последние годы XV в. Памфил был уже игуменом. К 1505 г. относится его известное послание в Псков. Таким образом старая повесть написана в конце XV или в самом начале XVI в., не позже 1504 г.

Памфилом, которого не знал и уже не застал в живых Василий, состав повести вполне соответствует отзыву о ней Василия; ряд посмертных чудес Евфросина прерывается в повести на 4-м чуде, а в труде Василия продолжен 15-ю новыми позднейшими чудесами; повесть, обращаясь к христолюбивому граду Пскову, называет его еще «землею свободной», а Василий, писавший после катастрофы 1510 года, нашел уже политически-приличным пропустить эти слова в своем переложении, хотя и в его время не существовало цензуры, слишком чуткой к политическому приличию.

Таким образом не один Василий виноват в том, что он рассказывает об аллилуии и о хождении Евфросина в Царьград за правдой об ней: он составил свой рассказ по известиям, какие нашел у своего предшественника, а обвинять в произволе необузданной фантазии, в вымыслах повествователя, писавшего лет 20 спустя по смерти святого и в его монастыре, где в то время находилось еще столько живых обличителей, современников Евфросина,—обвинять его несколько труднее, чем пресвитера Василия, писавшего спустя 66 лет после кончины Евфросина.

Хронологические сомнения критики в рассказе о путешествии Евфросина в Царьград успокоены издателями жития, написанного Василием [1]). Самый факт путешествия, как и его цель, едва ли может тревожить ученую подозрительность. Евфросин ходил к патриарху раньше Флорентийского собора, до 1437 года, «в добрую пору, в самый благодатный цвет и во время прекрасные тишины нерушимые веры во Христа, еще бо не обладан быть тогда богохранимый Константин-град от поганых бесермен», как писал Евфросин в послании к новгородскому архиепископу Евфимию; биограф со своей стороны замечает, что это было «за долго лет» до взятия Царьграда. В то время византийский и славянский православный юг сохранял еще большую долю своего церковного авторитета в глаза русских; до нечестивого сонмища в Италии там еще видели прекрасную тишину нерушимой веры. Продолжались еще довольно тесные взаимные связи, оживляемые

---

[1]) Памятн. стар. русск. литер. гг. Пыпина и Костомарова, вып. VI, стр. 118.

обоюдосторонними странствованиями с набожной или практической целью. Если основатель псковского монастыря ходил в Царьград, чтобы разрешить свое недоумение об аллилуии, то учеником его и иноком его монастыря на Толве был преп. Савва (впоследствии основавший Крыпецкий монастырь в 15 верстах от Евфросинова), о котором псковское предание, занесенное в его житие и уже разделившееся в XVI веке, помнило, что он пришлец из чужой страны, но выводило его то из Сербской земли, то со Святой Горы [1]). Это по крайней мере значит то, что такие явления считались возможными в XV в. Напрасно было бы останавливаться на некоторых мелких чертах в рассказе Василия о пребывании Евфросина в Царьграде, которые могут показаться подозрительными. Этот рассказ составлен по неполным признаниям, какие сделаны самим Евфросином в послании к Евфимию или вырвались у него из уст во время спора и со слов свидетелей полемики записаны первым повествователем. Тогда ни противники, ни сторонники Евфросина, очевидно, не сомневались в его путешествии. Но неточности, может быть, допущенные здесь позднейшим биографом, не изменяют сущности факта.

Остаются два тревожные для критика вопроса, тесно связанные взаимно: 1) вероятно ли, чтобы в некоторых местах псковской области существовал церковный обычай сугубить аллилуию уже в начале XV века? 2) вероятно ли, чтобы этот обычай находил поддержку где-нибудь на Востоке, в византийской церкве? Евфросин не вынес этого обычая из Константинополя, а искал там только его оправдания. Споря с посланцами Иова, он говорил: «когда еще был я юн и не был монахом, я много труда положил, много думал и молился о тайне аллилуии». В послании к архиеп. Евфимию он пишет: «у меня от юности обычай двоить божественную аллилуию, а не троить». Начиная рассказ о споре Евфросина с Иовом, биографы уверяют, что «утвердился один обычай у всех псковичей по мирским и по монастырским церквам троить аллилуию» и что только в Евфросиновом монастыре отступали от этого обычая. Биографы не только не преувеличивали действительности в известии о двоении аллилуии, но даже стесняли

---

[1]) См. указанное выше исследование о житиях, стр. 259.

ее размеры. Находим достаточно указаний на то, что в конце XIV и в начале XV в. не только в псковской области, но и в других частях новгородской епархии по местам употреблялась сугубая аллилуия и этот обычай является в связи с примерами, приходившими с византийского или славянского юга. Не заходя далеко в глубь старины, ограничимся указаниями памятников, относящихся к обозначенному времени, к XIV—XV в., выражая при этом предположение, что ближайшее знакомство с письменностью древней Руси значительно увеличит известное нам количество этих указаний.

В одном списке Златоуста, входившем в состав новгородской Софийской библиотеки и относящемся к XIV—XV веку, помещена статья о «петьи мефимона» с прямым указанием, что во время составления ее многие двоили аллилуию [1]). Известна рукопись, содержащая в себе псалтирь следованную Киприанова письма (т.-е. митрополита Киприана, умершего в 1406 г.): здесь в чине вечерни и утрени несколько раз указано петь: «аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже—трижды [2]). Эта псалтирь Киприанова письма имела значение образца, с нее списывали, перенося в списки и сугубую аллилуию. Между рукописями той же библиотеки находим псалтирь с восследованием «Каприанов перевод», письма XV—XVI века, где в последовании вечерни и утрени аллилуия обозначена совершенно так же, как в следованной псалтири Киприанова письма [3]). В одной частной рукописной библиотеке хранится ветхая псалтирь, пергаменная рукопись, писанная не позже XVI века и сильно попорченная временем: здесь после псалма CXXXIV явственно читается заметка киноварью: «аллилуйа сугуби». По некоторым особенностям языка и транскрипции в этой рукописи можно с большою вероятностию утверждать, что она не русского, а южно-

---

[1]) Рукоп. Софийск. библ. теперь в Петерб. дух. акад. № 1264, л. 15 об. Эта статья или «устав» выписан в указанном выше исследовании о житиях, стр. 256, примеч. 2. Здесь прямо сказано: «Иже мнози поют подвоицю аллилугиа, а не втрегубна, на грех себе поють».

[2]) Рукоп. Моск. дух. акад. № 142. Места с сугубой аллилуией см. на л. 146 об., л. 155 и об.

[3]) Рукоп. Московск. дух. акад. № 152, л. 143 об. и 152.

*

славянского и именно сербского происхождения [1]). Известно далее, что в начале XV века псковское духовенство, обращаясь с различными церковными недоумениями к митрополиту Фотию, спрашивало его и о том, как петь аллилуию, и Фотий, отвечая ему в 1419 году, указывал именно троить этот церковный припев: это заставило преосв. Макария сделать очень естественное предложение, что некоторые в Пскове уже тогда пели или хотели петь аллилуию не так, как научает в послании митроп. Фотий, т.-е. не трижды, а вероятно дважды [2]). Во второй половине XV века псковичи, оставшиеся верными троению аллилуи, винили в обычае двоить ее именно греков, указывали на них, как на соблазнителей, распространивших этот нечестивый обычай. Сохранилось послание неизвестного по имени псковского Троицкого соборянина к игумену Афанасию, стороннику Евфросина и сугубой аллилуии [3]). Здесь читаем: «Аще ли по Еллинох дващи глаголы стихове и их творец в вселеньстей и апостольстей церкви именоватися? Но и ныне веди, отче, яко от Греческыя земли развратился еси... Уже мерзость и запустение, реченное пророком Даниилом, на месте святем стоит, сиречь на соборней и апостольстей церкви Констянтинаграда... Уже бо прочии погибоша, глаголавшеи двократы (аллилуию); и мы да не такоже погыбнем». Энергичность этих выражений свидетельствует о силе распространенного тогда в псковском духовенстве мнения, что двоение аллилуии опиралось на византийский авторитет. Автор послания не отвергает этого основания двоителей: он указывает только на ненадежность самого авторитета. Наконец один грек, известный современник новгородского архиепископа Геннадия, Димитрий оставил нам свидетельство, которое подтверждает все вышеизложенное и одно достаточно объясняет рассказ Евфросинова

---

[1]) Эта любопытная рукопись принадлежит Е. В. Барсову, писана уставом. Приведенное замечание об аллилуии см. на. л. 85. К числу особенностей письма в этой рукописи относится употребление буквы ь вместо ъ: *вовлюбиль еси, язык льстивь от врагь моихь, вьнми, Богь*, и т. п.

[2]) Ист. Русск. Раскола, *преосв. Макария*, стр. 5.

[3]) См. это послание в синод. списке Макар. Четьих-Миней, мес. август, л. 809, и в синод. рукоп. № 466, л. 260. О нем будет еще речь ниже.

биографа о хождении преподобного в Царьград. В 1493 г. он писал Геннадию из Рима: «Велел ты мне, господин, отписать к тебе о трегубном аллилуиа. Высмотрел я в книгах; но, господин, того и здесь в книгах не показано, как говорить, трегубно или сугубно. Но помнится мне, что и у *нас* о том спор бывал между великими людьми, и они решили, что все равно, потому что трегубное аллилуиа, а четвертое *Слава тебе, Боже*, являет триипостасное единосущное Божество, а сугубое аллилуиа являет в двух естествах единое Божество (надлежало бы сказать, замечает преосв. Макарий: в двух естествах единое лицо Христа-Бога). Потому как ни молвит человек тою мыслию так и добро». На этом основании Геннадий безразлично допускал и двоение и троение аллилуии, хотя как за той, так и за другой формой признавал догматический смысл, подобно греческим «великим людям».

Изложенные свидетельства письменности XIV и XV в. достаточно объясняют, каким образом мог Евфросин с юности усвоить себе обычай двоить аллилуию и как потом мог он найти подтверждение этого обычая на юге, в греческой церкви. Неизвестно, когда закралась сугубая аллилуия в пределы новгородской епархии; но очевидно она уже употреблялась здесь по местам и вызывала порицания со стороны приверженцев троения, несомненно преобладавшего. В XV и в начале XVI в. не заметно следов полемики по этому вопросу в Москве. Но есть указание на то, что сугубая аллилуия была известна и здесь за много лет до Стоглавого собора. Современник, описывавший кончину великого князя Василия Ивановича, повидимому, близкий к двору москвич, пишет, что князь, томясь предсмертными муками, пел сугубую аллилуию. «А противу недели тоя нощи, коли причастися Пречистых Таин, и утишися мало и начат аки во сновидении пети: аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже». Потом, высказав желание постричься в присутствии митр. Даниила, великий князь сказал ему: тако ли ми, господине митрополит, лежати? И начат креститися и говорити: аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже» [1]). Трудно решить, откуда проник сюда этот обычай, из новгородской ли епар-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лет. VI. 271 и 274.

хии или из книг, подобных указанным выше псалтирям. Но в XV в. и двоившие и троившие аллилуию одинаково, хотя и с различными чувствами, указывали на византийский юг, как на источник двоения или авторитет, оправдывающий своим примером этот обычай.

Таким образом нет ничего невероятного в главных обстоятельствах, которыми биограф окружает происхождение спора, завязавшегося между Евфросином и троившими аллилуию. Рассматривая этот спор вообще, как факт из умственной русской жизни XV века, также трудно найти в нем что-нибудь несогласное с характером эпохи или общества. Вторая половина XV в. была именно временем казуистических вопросов в истории нашей духовной жизни, и мы пытались указать причины этого явления в настроении русского церковного общества того времени. Но в этих вопросах, поднявшихся в XV веке, отразилось лишь давно сложившееся и удивительно долго жившее направление русского мышления. Древняя Русь так же хорошо была знакома с игрой в богословские термины, как новейшая с игрой в термины естествознания; но если она не оставила резкого выражения своей боязни перед богословской мыслью, то потому только, что нечего было бояться. Отвергать этот двойной факт прошлого—значит совершенно не знать русской современности. Нельзя отвергать направления, путем преемственной передачи оставившего столько живых цельных, нетронутых временем представителей не только в среде раскола, но и в том кругу нашего богословствующего мира, который почему-то усвояет себе особенное призвание в борьбе с расколом, но, ощущая больше развязности в своем языке, чем в пере, предпочитает воинствовать не литературной полемикой, а устным обличением, открывающим широкий простор для практических аргументов и в то же время позволяющим забыть обязанность логической последовательности. Это—прямое наследие нашего прошлого XV века, когда мышление, воспитанное на эпических образах и мелких житейских казусах, от сказки, загадки и пословицы перешло с теми же приемами к трактатам о глубочайших истинах христианства. Потому-то и есть так много сходного между теми и другими, между этими народными загадками и пословицами с одной стороны и этими книжными трактатами с другой. Из множества образчиков, наглядно указываю-

щих на перенесение одних и тех же форм мысли с одного содержания на другое,—образчиков, изобильно рассеянных по древне-русским рукописям, приведем несколько далеко не самых выразительных.

«*Вопрос*. Иже всю вселенную сотворивый и пядию измеривый небо, а дланию землю, той же единою дланию покрыт бысть?

— «*Ответ*. Иоанн возложи на Христа руку во Иердани.

«*Вопрос*. Прииде богатый к нищему, много имея, и единого не имеяше, и дасть ему нищий?

— «*Ответ*. Христос прииде ко Иоанну, не имеяше крещения.

«*Вопрос*. Древян ключ, водян замок, заец убеже, а пловец погыбе?

— «*Ответ*. Моисей удари жезлом море и пройде, а Фараон потопе.

«*Вопрос*. Который пророк дланию седмь небес покры?

— «*Ответ*. Еда Предтеча Господа крести и на него руку положи во Иердани, то есть седмь небес покры.

«*Вопрос*. Что есть: живый мертвого боится, а мертвый кричаще и на глас его вси людие течаху, да спасутся?

— «*Ответ*. Живый есть пономарь, а мертвый есть клепало церковное».

Есть одна неясная черта в рассказе обоих биографов Евфросина о споре, им вызванном. Этот спор произошел, когда в Пскове было пять соборов. Пятый собор утвержден на псковском вече в 1462 г. Но биографы поместили в своем рассказе написанное вследствие спора послание Евфросина к новгородскому архиепископу Евфимию и ответ последнего Евфросину. Владыка Евфимий II умер в 1458 г. Оба письма так просты и естественны, что не располагают исследователя сомневаться в их подлинности. Притом наша полемическая церковная литература, вообще не дружелюбная к исторической критике и доверчивая, всегда была так скептична и строга к рассказу позднейшего Евфросинова биографа, так много въ нем отвергала, что критическая осторожность беспристрастного исследования располагает больше к доверчивости, чем к сомнению. Наконец, первый повествователь делает искреннюю, повидимому, характеристику владыки Евфимия, которую за эту искренность пресвитер Василий почел нужным опустить в своем изложении. «Архиепископ Евфимий

был свят жизнию и имел препростой обычай в книжной премудрости, вместе с тем и к законному рассуждению неглубокий искус учительства имел, и потому ничего не управил и не рассудил святому об аллилуии, но только отписал к нему в таких словах». Все это не позволяет остановиться на предположении, что составитель подложных писем, мало знакомый с временем жизни последних новгородских владык, по ошибке поставил в своем неблаговидном литературном изделии имя Евфимия вместо преемника его Ионы, столь памятного в новгородской епархии и скончавшегося лет за 30 до составления повести древнего биографа. Более вероятной представляется ошибка в числе псковских соборов, при которых происходил спор: может быть, автор древней повести поместил в рассказе пять соборов, когда их было еще всего четыре; может быть, пятый собор начался слагаться при построенной в 1442 г. церкви Похвалы Богородицы и начинал уже действовать, как церковная корпорация, прежде чем псковское вече по просьбе составивших его «невкупных попов» формально признало его существование. Эти соображения заставляют отнести спор к последним 1450-м годам (к 1457 или 1458 г.).

Когда Евфросин, воротясь из Константинополя, установил в своей обители обычай двоить аллилуию, жил в Пскове священник Иов, известный всему городу своим смысленным разумом и уменьем толковать всякое писание, ветхое и новое, искусством много говорить от писания и изъяснять силу княжную. Псковичи, духовные и миряне, привыкли спрашивать у него объяснения всякого неясного места в писании, справляться у него о церковном устроении, о вопросах церковного чина и права, и «в сласть» слушали его учения. За это все в городе почитали его, звали дострочным философом и столпом церковным. Повидимому, это был тот самый священник Иов, котораго около 1427 г. духовенство трех псковских соборов посылало к митрополиту Фотию с жалобой на беспорядки в церковной жизни Пскова [1]). Способности и общий почет внушили гордость и самомнение ученому священнику, не дав ему искусства владеть собою. Биографы Евфросина повествуют, что, овдовев, Иов распопился и женился в другой, потом,

---

[1]) Рукоп. Рум. Муз. № 204, л. 438. Ср. Акт. Ист. I, № 34.

после второго вдовства, в третий раз, и однакоже не потерял своей чести и славы среди псковичей «вины ради распопные». Этотъ разсказ достаточно объясняется митрополичьими посланиями в Псков, откуда видно, что в то время овдовевшие священники в Пскове не только женились вторично, но иногда и после этого продолжали священствовать. Поступок Иова был довольно обычным явлением и потому мог сохранить за ним по крайней мере долю прежнего авторитета в мнении горожан. При этом, конечно, мы предполагаем, что рассказ биографов точно передает хронологическое отношение событий, что Иов распопился до спора, а не после: в последнем случае еще менее остается невероятного в этом рассказе. Иов не сложил вместе с званием своей учительной кичливости и притязательности: он продолжал одних учить, других осуждать, одним предписывать законы, другим указывать заповеди, священникам уставлял чин церковной службы, был законодавцем и для иноков, учительствовал не только в городе, но и в его окрестностях, наблюдал за чином служения и образом жизни отдаленных монастырей. Услышал он, что на Толве живет какой-то старец, который в монастыре своем двоит аллилуию, наперекор обычаю большинства псковских церквей и монастырей. Не стерпел этого своеволия дострочный философ. Откуда взял старец этот обычай и где научился ему, спрашивал Иов в негодовании: или тот пустынник разумеет лучше великих соборов наших, от которых вся псковская страна учением просвещается? Он принялся со многими укоризнами наговаривать на Евфросина священникам и всему причту городских соборов.

— Господа священники и христолюбивые люди! Есть старец, на р. Толве живущий, по имени Евфросин. Все мы считали его человеком Божиим за его премногую добродетель, за воздержание и постные труды, за строгое исправление монастырского чина по скитскому уставу; а он, как один из безумных, в суету живот живет, всуе все труды его, как мерзость неугодная Богу, потому что установил он в монастыре своем обычай двоить пресвятую аллилуию, разрушая этим правило церковное и обычай, которого мы согласно держимся «по уставу письменному». Подобает нам теперь воедино собраться и с испытанием допросить того черноризца в его монастыре,

откуда взял он такую вещь и кто научил его двоить св. аллилуию.

Несмотря на свой острый разум, Иов скоро дошел до последнего аргумента, которым к сожалению так легко и часто кончается церковная полемика: он стал называть Евфросина еретиком за двоение аллилуии. Впрочем, первые речи Иова не встретили большого сочувствия в духовенстве и мирянах Пскова: здесь так привыкли чтить пустынника за его подвиги, что наговоры Иова не вызвали большинства ни на одно «тяжкое слово» против Евфросина. Только немногие из духовенства и народа пристали к псковскому «столпу». В числе их находился бывший диакон Филипп, подобно Иову сложивший с себя духовное звание вследствие вторичной женитьбы, также очень ученый в писании ветхом и новом, с развязным языком и скорым словом, с пространным умом и быстрым помыслом, премудрый «дохтор» на книжную силу и изящный, многоречивый философ. Высказано было предположение, что этот бывший диакон— тот самый псковский диак Филипп Петров, который в послании к архиепископу Геннадию описал прение католических монахов с псковскими священниками [1]). Если эта догадка справедлива, то она объясняет близость расстриг Иова и Филиппа к духовенству псковских соборов, о которой говорят биографы Евфросина. Оба защитника тройной аллилуии начали ковать обличение на толвского подвижника. Присоединив в помощники к Филиппу одного священника, также мудрого философа, и вооружив их наставлениями своего «высокого разума», Иов послал обоих «непреоборимых витий, умителей книжной глубины», в монастырь к Евфросину, чтобы обличить и опровергнуть его самочинный обычай. Но они не были вполне уверены в возможности победить Евфросина своим витийством; они знали, что и пустынник силен книгами и хорошо ведал многую глубину божественного писания, сокровенные тайны доведомых и недоведомых вещей. Поэтому Иов написал от имени Троицкого собора, к которому, вероятно, принадлежал прежде, обличительное послание: в случае, если полемические силы послан-

[1]) Архиеп. *Филарета*. Обзор русск. дух. лит. I, стр. 161.

ных витий ослабеют в борьбе с таким опасным противником, они должны были вручить ему это послание, как последнее и неотразимое орудие против него.

Прибыв в монастырь и вкусив от монастырской трапезы, философы сели в кельи Евфросина на долгую беседу.

— Зачем навестили вы грешного человека, во всякой слабости и неисправлении перед Богом присно живущего?—спросил их Евфросин.

У гостей не скоро развязался язык. Они смотрели в разные стороны, переглядывались между собою. Постническое лицо Святого смущало их, сокрушало их мысль; от взглядов его таяло как снег буйство их сердца. Они уже подумывали о послании Иова. Потом, приободрившись, один из них сказал:

— Позволь нам, невеждам, отче святый, вопросить тебя об одном слове, которое имеем мы к тебе от Иова Столпа и от других церковных чад. Многие люди восколебались, тяжкое слово говорят на твое преподобие за преложение великое церковной вещи, святой аллилуии. Мы пришли теперь наставить твой разум и щадим седины твоей старости, чтобы в конец не восстали на тебя все наши церковные соборы и с ними все народное множество города Пскова. Смотри, как бы без лепоты не скончать тебе своей старости; оставь, отче, свое начинание, говорим тебе прямо.

— Говорите, братие, обличайте прямо грехи мои,—отвечал Евфросин. Я знаю и сам, что много грехов ношу от юности моей и доныне во зле пребываю, доживаю старость свою нелепо пред Богом и людьми. Так обнажайте, братие, словами вашими любимое терние, неисчетные грехи мои.

— Ты, отче, колеблешь церкви Божии, мутишь благодатный закон среди них, а мы как от лютой бури погружаемся в волнах от твоего разногласия. Все церкви Божии по всей земле нашей троят по уставу пресв. аллилуию; так подобает всякому христианину; а ты не так, ты самочинием дерзнул переложить на свой обычай ведомую всем великую церковную вещь. Скажи, откуда взял ты это, у кого научился говорить дважды пресв. аллилуию?

— Я, отцы мои, много греховъ стяжал перед Богом с крещения моего и доселе,—сказал Евфросин попрежнему тихо и кротко.— Но молю вас, Господа ради, отпустите мне мои тяжкие беззакония. А что спрашиваете вы меня о пресвятой аллилуии, то я желал бы сперва от вас слышать силу слова о ней. Вы, конечно, уже знаете и хорошо испытали глубинную тайну аллилуии: так покажите мне словом уст ваших искомую глубину, откровение премудрости Божией, чтобы уразумел я мудрование ваших слов и ясно узнал, о чем вы меня пытаете. Будет добро ваше свидетельство о Боге, и я приму наставление от вас; не будет добро, и я не вразумлюсь от вашей беседы. Сказано: *с преподобным преподобен будеши и со строптивым развратишися.*

— Мы, отче, не убавляем божества от единосущной Троицы и не умаляем Христа, единосущного Отцу Слова и присного Пресвятому Духу, но еще величием исполняем Божество, почитаем Христа в Троице единого Бога и совершенного в божестве и человечестве; ставим прямо перед тобою праведного послуха и свидетеля, могущего обличить твое нечестие,—самую ту пресв. аллилуию, которую мы все трижды воспеваем, прославляя Христа в Троице единого Бога, Троицу почитаем, утроя пресв. аллилуию: аллилуия Отцу, аллилуия Сыну, аллилуия Святому Духу; и потом единого Бога изображаем, когда после каждой утроенной аллилуии поем: *Слава Тебе, Боже.* Где утроена аллилуия, там купно Отец и Сын и Святый Дух, единосущная Троица, Бог совершен, купно же Слово Божие плоть бысть, как человек совершенный и так совершенно славим Его, исполняя все, и божество, и человечество. Вот почему троим мы пресв. аллилуию, соединяя славою неразделимого и неразлучного Отца и Сына и Святого Духа, плотью Слова Бога Христа, Сына Божия. Ты же, отче, не так держишь, как мы и вместе с нами весь христоименитый народ псковичей: ты один двоением аллилуии не исполняешь божества; тем ты и умаляешь Христа, убавляешь славу Его отъ божества и человечества. Напоминаем тебе это, вразумляя тебя. Мы не знаем, откуда навык ты неправедно двоить единый троичный свет тресв. аллилуии, но знаем, что ты явно не чествуешь Бога и всуе живот живешь, без ума про-

вождая свои годы, и все труды твои, как мерзость, неугодны пред Богом.

Евфросина больнее всего тронуло обвинение его въ том, что своим двоением аллилуии он убавляет славу Божию, умаляет Христа и делает труды свои неугодными пред Богом. Распалив сердце свое пламенем ревности по Боге, он поднял брошенное ему тяжкое слово и простер словесные крылья к высоте боговедения.

— Братия мои возлюбленные! Никто не может сделать волос белым или черным или один локоть прибавить к своему росту; паутина не выдержит прикосновения к огню и свет не смешается с тьмою: тем более божество, живой и разумный пламень и огнь Вседержителя.

Изобразив в возвышенных чертах величие и всемогущество Божие, Евфросин привел собеседников своих к мысли, что никто не может ни прибавить чего-либо к величию и славе Бога, ни убавить троичной славы Христа. Он указал на тщетные попытки в этом отношении еретиков, отвергавших воплощение Божества или доказывавших тленность естества Христова. Проклятие и исчезновение подобно дыму было следствием этих безумных усилий такими средствами увеличить или умалить славу единосущной Троицы.

— Поймите сказанное мною, врачи мои, продолжал Евфросин, и вразумитесь, что не следовало вам говорить такой неподобной вещи; мы-де прибавляем славы к божеству, а ты умаляешь ее; говорю вам: ни мне умалить ее, ни вам умножить, но какова она есть, так и будет: Бог Слово без истления с Плотию Христос, *и в том живот бе, и живот бе свет человеком, и свет во тме светится, и тма его не объят.*

Евфросин рассказал собеседникам, откуда онъ заимствовал обычай двоения аллилуии, как в юности, еще до иночества, тревожило его недоумение об этом предмете, как напрасно искал он разъяснения дела у псковского духовенства, как ходил в Царьград и там нашел полное разрешение мучившего его вопроса.

— Как держит великая церковь Константинограда, прибавил Евфросин, так держу и я и до исхода души своей тщусь совершить, удвояя божественную аллилуию. А вы откуда взяли троить ее?

— «Издревле, смотря друг на друга, так все и навыкли троить св. аллилуию, ибо так и подобает, потому что Бог в Троице прославляется. Где троится аллилуия, там есть совершенная Троица, Отец, Сын и Святый Дух, неразлучное божество и сила живоначального Слова Отча Христа Бога нашего.

— Вы, братия, сказали тяжкое слово, будто я самочинно двою аллилуию и этим убавляю божество и не исполняю единосущной Троицы. Теперь вы знаете, что я взял это у вселенской церкви цареградской, и что напротив вы сами самочинно, своим произволом уставили троить аллилуию. Спрошу вас еще об одном. Вы пришли вразумить меня и исправить мое нечестие, узнав, что я заблудился во тьме неведения: так молю вас, выведите меня на путь света и скажите мне силу, откройте утаенную глубину пресвятой аллилуии, покажите, какая премудрость лежит в ней и какой образ таинственно запечатлен в ней.

Но противники молчали: глубина витийства их иссякнула. Они обратились к последнему оружию, подали Евфросину написанное с хулами и укоризнами послание Иова Столпа. Евфросин взял лист и прочитал.

— Не доброе благоумие принесли вы мне, но скорее тельчие вещание; труд этот будет в неправду и в погибель от Бога вашему учителю Иову Столпу.

— «Помолчи, старче, возразил Филипп, не поноси укоризнами нашего учителя: он у нас в город высокий славный вития, церковный столп и благочестия подражатель.

— Нет, отныне он не столп благочестия, а столп, смрада исполненный. Он оставил свет божественного служения, сам отторгнулся от церкви Христовой и возлюбил тьму больше света, взял три жены, мудрствуя постыдное. Не будет он уже зваться простым столпом, а прозову его столпом мотыльным. Много смущал он меня и без меры оскорблял тяжкими словами, еретиком называл за двоение аллилуии. Кого мне лучше слушать, вселенской ли церкви или вас невегласов, свински мудрствующих о божественном, которые учите меня и не умеете ничего сами о себе управить. Много вопрошал я вас о тайне и сокровенной силе аллилуии и ни одного слова светлого не услышал

от вас. Напрасно вы трудились: идите обратно с своим делом, потому что нездраво учение ваше и слова ваши к вам возвратятся. А мне подобает держаться здравого учения, принятого от вселенской церкви, от которой на все страны разлился свет благодати. Этот свет освещает мне правую стезю благочестия и поэтому я проразумеваю тайну божественного хотения, истинный путь пресв. аллилуии. Вы же идите с миром домой и пекитесь о домочадцах своих, мудрствуя о тленном. Не вам мудрить о такой тайне. Вещь эта не изложена св. отцами в ясных писаниях и пророки не раскрыли ее тайны; даже в Царьграде не нашел я «достоверного сказателя», совершенного истолкователя; только указали мне там двоить пресв. аллилуию.

По мнению Евфросиновых биографов, посланцы Иова возвратились не только без успеха, но и совершенно разбитые, хотя из сделанного въ житии изложения спора не видно, какое толкование сугубой аллилуии противопоставил Евфросин объяснению, данному его противниками. Последние донесли Иову о своем поражении, прибавив, что пустынник не только их поносит и укоряет, но и его самого называет столпом мотыльным, исполненным всякого смрада и гниения греховного.

Иов заскрежетал зубами, получив через посланных своих это жестокое прозвище. «Теперь, авва, я уже знаю подлинно, что ты еретик»,—мог он выговорить в раздражении. Начал он ходить по городу, наговаривая встречному и поперечному, что Евфросин злой еретик и враг Божий; с такими речами носился он по торгам, по собраниям, даже бывал на вечерних пирах, говорил и на вече.

— Господа псковичи, Божий народ! посмотрите на того старца, что живет на Толве. Вы зовете его светильником, сияющим в нашей стране; и мы его считали святым мужем, исполненным благочестия, но теперь мы истинно удостоверились, что этот старец еретик. Все мы исполняем божество, утрояя св. аллилуию; а он один не делает этого, но самовольно двоит аллилуию и тем умаляет божество. Но вы сами знаете, Божий народ, какое благочестие лучше, прибавлять ли славы божеству или убавлять ее.

На этот раз речи Иова имели гораздо более действия. Народ поверил его словам, будто Евфросин убавляет славу божества, и

стал считать старца еретиком. Перемена последовала так же быстро, как прежде, повидимому, быстро утвердилось в Пскове высокое мнение о подвижничестве преподобного на Толве. Монастырь и иноки Евфросина стали подвергаться оскорблениям. Неудобно стало инокам с Толвы показываться в городе: на них сыпали укоризнами и жестокими словами, никто не хотел спросить их, зачем пришли в город, никто не спешил пригласить к себе и гостеприимно угостить пришельцев, но подобно рассерженным осам все нападали на них, говоря: это монахи того еретика, что двоит аллилуию. Идучи или едучи мимо монастыря Евфросинова, псковичи говорили: вот тут авва еретик живет, не следует нам и церкви его кланяться, потому что он двоит аллилуию,—и путники не скидали шапок перед монастырским храмом Трех Святителей вселенских.

VI.

Литературная полемика.

Спор не возобновлялся в прежней форме. Главный двигатель его Иов вовсе не выступал в нем непосредственным участником, скрывался за другими, подстрекая и направляя их. Это лишило нас возможности наблюдать в открытом действии силу его «ума острого на божественное писание», по выражению враждебных ему биографов Евфросина. Вообще образ Иова является в тени именно от того, что эти биографы говорят о нем слишком много: их пылкая речь, исполненная желчи и раздражения, больше дымит, чем освещает; в потоке многословного порицания, проведенного по всем тропам и фигурам риторики, они часто забывают указать самые существенные обстоятельства дела. Туман, в котором они поставили Иова в своей повести, сообщает его фигуре грандиозные очертания, как это часто делает полумрак с самыми обыкновенными предметами. Вдобавок биографы, поглощенные своим чувством и забывая о впечатлении, какое должна произвести их повесть, придали Иову въ рассказе о его смерти трагический интерес и этим еще более закупили сочувствие читателя в его пользу. Предсказание Евфросина жестоко исполнилось на нем.

Он пережил своего толвского противника. Услышав о блаженной и мирной кончине Евфросина (1481 г.), он не утерпел и сказал: «старец тот всю жизнь прожил в ереси и прогневал Господа: дивлюсь, как это он получил такой преподобный конец, будто праведник пред Богом». Смерть Евфросина не затворила уст философа, продолжавших изрекать хулы и поношения на покойного двоителя аллилуии. Но скоро постиг его неисцельный недуг, и он начал болеть «не человечески»; все тело его превратилось в один струп, по рассказу биографов Евфросина, покрылось червями, и никто не мог приблизиться к нему, чтобы позаботиться о его язвах, источавших «мног мотыл». Видя беду, Иов постригся. Но буйный умом и строптивый сердцем, он не смирился и в монашеской мантии и на смертном одре не покаялся в том, что заставил вытерпеть Евфросина. Два года продолжались его страдания и «тако нелепо умре»: при погребении братия едва могла отдать ему последнее целование, «ноздри своя заемлющи». Поссорившись за величие Богочеловека, соперники отошли на суд Его непримиренные и обвиняя друг друга в том, что не по уставу прославляется это величие.

Но теологические страсти не улеглись вместе со спором в кельи Евфросина: они перешли на новую арену, в область литературной полемики. Ее начал тот же Иов: к сожалению, остается неизвестным его послание от имени соборного псковского духовенства: старый повествователь не поместил в своем рассказе этой «эпистолии», хотя посланцы Иова передали ее Евфросину, и он прочитал ее, назвав «телчием вещанием». Может быть, ответом на соборную эпистолию Иова было послание Евфросина Троицкому псковскому собору, хотя в нем нет прямых указаний на такое происхождение. Послание это сохранилось, как приложение к древней повести о споре по поводу аллилуии. Сомневаться в его подлинности можно еще менее, чем в подлинности переписки Евфросина с владыкой Евфимием. Здесь даже очень мало говорится об аллилуии: это ряд не вполне ясных богословских размышлений и упреков, вызванных дошедшими до Евфросина слухами о порицании, какому он подвергается в Пскове. Во всяком случае, это первый памятник литературной полемики по вопросу об аллилуии.

«Господам нашим, священникам собора Св. Троицы и прочим, всему священническому чину, грешный в иноках метание творю, прося о Христе вашей молитвы и благословения. Слышу от многих, что вы много потязаете меня, больше же всех вас мотыльный столп Иевко; но не на меня нападает он, а скорее на святую и апостольскую церковь за то, что вот-де дважды говорят аллилуию, а не трижды, как делает сам и другие. Но большое сомнение во мне о том, вас ли послушаться, а соборную церковь оставить и проклятие на себя принять от всех семи святых соборов, или послушаться предания святых, которые из начала православной веры так предали. Совесть обличает, многие писания свидетельствуют, что подобает мне больше по святой и соборной апостольской церкви поборать и союза с ней держаться; в нее я веровал и крестился: так мне подобает веровать по Давиду, который *изволи приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селех грешничих.* Напомню вам кое-что и от свидетельств: во-первых, Дух Святый устами Давидовыми рек: *Бог Отец наш прежде всех сдея спасение посреде земля.* Где же это, как не в Иерусалиме? Там заповедал Господь благословение и живот до века, там Аврааму обещал Бог и семени его до века, там Авраам принес Богу в жертву сына своего Исаака на том месте, где предстояло Христу распяться. Оттуда пророками проповедано было о воплощении Христовом, там изволил сам Господь родиться от Пречистой девы Марии, там избрал Он 12 апостолов, по сказанному от Господа: *идеже трупие, ту соберутся орли.* Трупом Господь назвал себя, а орлами пророков и апостолов, от которых *изыде во вся земля вещание их и в концы вселенная глаголы их.* О них Павел говорил, что по отшествии моем проникнут к вам волки тяжкие, не щадящие стада Христова, и из среды нас самих выйдут люди, говорящие развращенное, чтобы оттор-гать от него учеников вслед за собою... И потом святые отцы, прозрев, что придут еретики исказить веру святую, во многие времена собирались Духом Святым в разных местах, и было семь вселенских соборов св. отцев, и они утвердили православную веру и положили так: *Верую во единого Бога* и прочее. О том сам Господь сказал Своими святыми устами: *на сем камени созижду церковь Мою и врата адова не одолеют ей*, т. е. еретическое учение не вредит православной вере.

И еще сказал Господь: *не мните, яко приидох разорите закон или пророки, но исполнити; имеяй заповеди моя и соблюдаяй сии, той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам...* И Павел сказал: *сего ради оставит человек отца и матерь и прилепится жене своей и будет оба в плоть едину; тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и церковь.* Соборной же и апостольской именуется церковь, потому что есть в ней четыре патриарха по образу четырех евангелистов, которые содержат единство святой церкви, православную веру».

В том же направлении Евфросин продолжает свои размышления о церкви и о тех, которые от нее отделяются. Мы представили начало послания с пропуском некоторых текстов, чтобы по этому образчику можно было составить понятие о приемах богословского изложения того века. Общие размышления автор прилагает потом к случаю, вызвавшему письмо.

«Вы же, Господни священники, имея очи, не видите, уши имея, не слышите, потому что омрачены они сребролюбием и пьянством и прочими житейскими печалями и гневом. Телесные очи и уши у вас есть у всех, но духовных нет совсем, о которых Господь сказал: *имеяй уши слышати да слышит.* Особенно же ты, столь погибельный Иовка, свиния окаянная, тьма омраченная, законопреступник, отметник Христов, не восхотел благословения Господня, но удалился от него, облекся в проклятие, как в ризу, и сам ввергся в погибельный ров и прочих неразумных увлекаешь за собой; *обратится болезнь его на главу его и на верх его неправда снидет.* Как можешь ты, скверные уста имея, отверзать их и свой богохульный язык изострять на святую церковь Божию, подобясь первым еретикам, Македонию и прочим духоборцам? Но древний поборник церкви Христовой Давид к таковым сказал: *немы да будут уста льстивого, глаголющии на праведного беззаконие гордынею уничтожением...* Если же ты думаешь окаянный, не по достоинству-де пишет против меня таковое, то я приведу еще больше свидетельств против тебя для твоего раскаяния, чтобы не изострял ты своего языка на церковь Божию. Григорий Богослов сказал: первый брак закон, второй прощение, третий законопреступление, свинское житие. Это сказал он о простых людях, а не

*

о священниках. Послушай же, что в Евангелии: бесы молили Спаса войти им в свиней, и Он повелел им, свиньи же все устремились с берега в море. Так все живущие свински—бесы входят в них и повергают их, словно в море, в отчаяние погибели. Послушай же, что сказал Бог: не давайте псам святого и не кидайте бисера перед свиньями, чтобы не попрали они его ногами своими. И это неверные; а верные и живущие житием скверным и смрадным не свиньи ли?. Все это сказано о простых, а об вас Дионисий Ареопагит говорит: достоит быть священнику Господню»...

На этом прерывается в рукописи послание, очевидно, недописанное. Полемики с враждебным соборным духовенством было однако ж недостаточно. Евфросин не мог переносить равнодушно, что передавали ему монахи его о тяжких словах, выговариваемых проезжими мимо их монастыря. Начал святой рассуждать про себя: назови они меня блудником, татем, разбойником или убийцей,—я перенес бы это с радостью и веселием; но они зовут меня еретиком; не могу стерпеть прозвания врага Христова, и закон повелевает всякому православному христианину отрицаться от такого прокаженного имени. Он берет чернила и хартию и пишет послание к епархиальному архиерею своему Евфимию:

«Обижаемый, я молю тебя: помоги мне Господа ради своею верховною властию. Поносит меня здесь некий Иов, прозываемый Столпом,—еретиком и врагом Божиим обзывает меня, и не только сам ругается надо мною, но и городской народ привлек в единомыслие с собою—крамольники, Бога не боящиеся! Говорят, он-де умаляет славу у Божества, а мы-де прилагаем славы к Божеству. Точно мерой измеряют неизмеримое Божество и неразлучное единство, нелепо чтут имя единосущной Троицы, убавляя и прибавляя, разделяя и слагая неразделимого и неизменного Бога нашего Иисуса Христа, равное Слово Отцу и Св. Духу в божестве и человечестве, и таким образом от неведения, без ума установился у них обычай нелепо троить пресв.-аллилуию. А у меня обычай с юности двоить божественную аллилуию, а не троить, какъ они делают, и за это говорят на меня нечестивое слово, будто я своим двоением убавляю славу у Троицы, и зовут меня еретиком, про себя же думают, что очень приятны они

Богу, исполняя славою Троицу посредством своего троения. Но я не сам измыслил двоение аллилуии, а от вселенской церкви научился так говорить ее; затем и ходил я в Царьград в добрую пору. Теперь в прискорбии я молю тебя: рассуди прю нашу междоусобную, наставь меня на путь истины, укажи, что свет и что тьма, что лучше для меня, повиноваться ли вселенской церкви или послушаться Иова Столпа, крамольника моего, троеженца. И судя нас верховною твоею властию, запрети ему, Господа ради, называть меня еретиком за двоение аллилуии: я не еретик, хоть и грешный человек, но христианин и раб Христов, не могу носить богомерзкой той ризы, тяжкого еретического имени. Утиши мятеж своей расправой и сними печаль с унылой души моей».

Но владыка не рассудил при междоусобной. Когда игумен Евфросинова монастыря Игнатий принес ему в Новгород послание своего учителя, Евфимий велел книгчему прочитать его перед собою. Имея неглубокий искус в учительстве, по выражению древнего повествователя, архиепископ ограничился тем, что ответил Евфросину письмом, в котором писал между прочим:

«Ты повелеваешь нашей власти судить твое преподобство с тем твоим противником. Ведай, отче, что я немощен уставить меру такому делу и не дерзну открыть Богом запечатленное сокровище, ибо все тайны Божии в Боге, и я не умею приставить к такой вещи ключ моего разумения. Но ты и без меня своими очами видел и ушами слышал от царьградского патриарха и от всего клироса вселенской церкви уразумел меру той вещи. Если ты оттуда взял обычай двоить аллилуию, то не спрашивай меня об этом: разве я выше патриарха вселенского? Держи свой обычай до конца, двоя божественную аллилуию во славу св. Троицы, и не зазирай моей грубости, что я ничего не открыл тебе о вещи и не управил полезного твоей святыне».

Ответ владыки опечалил Евфросина еще более. По свидетельству биографов, преподобный съ прискорбием увидел, что пастырь не завязал уст Иова браздою энитимии, не отразил остроты суровости его строгостию смирения, даже не проронил ни одного жесткого слова, чтобы сдержать его беснование.

Но полемика не ограничилась главными противниками и не кончилась с их жизнию. Спор волновал все псковское общество. Первый повествователь о нем яркими чертами рисует эту богословскую смуту, продолжавшуюся и при нем. Самая повесть, им написанная, вызвана была еще громкими отзвуками догматической борьбы. «Призываю на помощь к себе угодника Евфросина, — пишет он в предисловии,—да возмогу откровением сего преподобного отца открыть свет ведения церкви Божией, великую тайну пресв. аллилуии. Ныне великий плевел укоренился и волчец нечестия цветет посреди соборной апостольской церкви, весьма большой прах от неведения засорил церковное око и великий раскол произошел в церкви Божией: одни дважды поют пресв. песнь божественной аллилуии, другие трижды. Тяжкою бурей на два чина расторглись в споре: двоящие св. аллилуию укоряют троящих, а троящие с такой же укоризной молвят на двоящих. Чин троегласников в неведении нечествует Христа: чин двоегласников свободен от нечестия пред Богом, но как пресветлое солнце простирает в лучах свое непорочное сияние и сугубо освещает светлость дневного света, так и двоящие светятся перед троящими, точно день перед ночью или солнце перед месяцем».

Полемическая переписка шла между сторонниками Евфросина и Иова в псковской области. Из нее сохранился один любопытный памятник. Это—послание неизвестного автора троегласника к какому-то иноку, ктитору общежительной лавры св. Николы Афанасию, сторонник Евфросина. Послание намекает на спор Евфросина с Иовом, как на недавнее событие, в таком же тоне говорит и о взятии Константинополя и в конце, ссылаясь на известное послание Фотия к псковскому духовенству об аллилуии, говорит: «подобало тебе, отче, послушать митрополита киевского и московского Фотия, который писал к *нам* в дом св. Троицы в Псков». Очевидно, автор послания пскович и, может быть, принадлежавший к причту Троицкого собора. Это несколько поддерживает догадку архиеп. Филарета, что автор послания тот бывший диакон Филипп, «премудрый дохтор», который приходил от Иова и Троицких соборян состязаться с Евфросином [1]).

---

[1]) Арх. *Филарета*, Обз. русск. дух. лит. 1, стр. 161.

Если действительно его перу принадлежит послание, то последнее получает двойной интерес, вознаграждающий за потерю «эпистолии» Иова. Достаточно, впрочем, привести некоторые места из этого довольно пространного письма, чтобы составить о нем понятие: изысканная диалектика в толковании тройной аллилуии здесь та же, какую видели мы в споре посланцев Иова с Евфросином; нет только жестких выражений, какими испещрен спор в рассказе биографов.

«Я не решался, честной отец, сказать что либо твоей святыне своими нечистыми устами или посмотреть на твое ангельское лице моими скверными очами, имея житие бесчестное окаянными делами; но решаюсь поговорить с твоей святыней этим малым писанием. Но прошу тебя, Господа ради, общежительный верх, не упрекай меня, дерзнувшего на это. Ты писал священникам в соборы, потом и до мирян дошло твое послание, и многие подивились твоей решимости, потому что дерзнул ты смело написать и послать о том и о другом, именно о св. Троице, т. е. об аллилуии и об Иове. Что до последнего, то знаю, отец, знаю, ты и ко мне о том писал и посылал. Но ведает Бог и твоя святая душа, где ты нашел и прочитал в писании, чтобы звать мотыльным или Иудою христианский род, хотя и грешный. Знаю, отец, знаю, что мотылом прозывался один Константин Копроним еретик, который окалял ту самую купель, в которой был крещен, за то и прозван был мотыльным. Он на св. иконы лютый гнев держал, разбивал образа и мучил святых: онъ и есть мотыльный, а не другой кто. Если ты назвал Иова Иудой, то знаем, отче, и настоящего Иуду, который продал Сына Божия жидам за 30 сребренников. Перестану говорить об этом: пусть знает то любовь твоя, отче, если ты дерзнул на это против нас. Еще сказал ты, что от Сиона исшел закон и слово Господне от Иерусалима. Знаю, отче, знаю, что исшел и к нам пришел, но не ныне, а при апостолах и их настольниках, святых патриархах. А ныне не антихрист ли вышел из Иерусалима с своим пагубным учением? Много говорить о том. Еще говоришь ты: который пророк вышел от Пскова? Отвечаем тебе: не во всю ли землю *изыде вещание их*, т. е. апостолов, *и в концы вселенные глаголы их?* Иоиль говорит тебе: *излию на всяку плоть отъ Духа Моего*. Но ты говоришь: кому подобает веровать, не вселенским ли патриар-

хам? И мы говорим: веруем, отче, и мы, но веруем, как семь вселенских соборов и поместные по проповеданию и учению апостолов утвердили и нам предали веровать во св. Троицу, т. е.: *Верую во единого Бога Отца* и прочее. А не так мы веруем, как еллинские отроки, которые сошли во многобожие. Еллинами и греческое царство зовется,—да и в правду: на этих летах они при кресте Христовом к погибели своей свернулись с истины и приняли печать антихристову на челе и на деснице; ибо печать антихристова есть не иное что, как не полагать десницы на челе, не знаменовать честного и животворящего креста Христова,—вот что печать антихристова по Богослову Иоанну.—Апостол говорит: *в последняя дни отступят нецыи от веры никим же нудими* о пресв. Троице, т. н. об аллилуии: совратились с истины и впали во многобожие. Кто говорит аллилуия Отцу, аллилуия Сыну, *Слава Тебе Боже* Св. Духу, тот видит девять богов: не раскол ли это и раздор Божества, не впал ли тот в многобожие? О премудрые Еллины, сиречь Греки! как же дерзнули вы разделить на 9 богов триипостасную Троицу единого Бога. И мы веруем по апостольскому проповеданию и учению св. отцев, как изначала предали нам веровать во единого Бога, а не в 6 или 9 богов.—Не такой ли обычай держит соборная вселенская церковь: на день св. Георгия писаны стихи кир. Феофаном и на конце первого стиха писана троекратно аллилуия: первая Отцу, вторая Сыну, третья Св. Духу, а в четвертых, соединяя св. Троицу во единого Бога, за *Слава Тебе Боже* говорится: *Христу Жизнодавцу;* а во втором стихе говорится троекратно аллилуия Отцу и Сыну и Св. Духу, а за *Слава Тебе Боже* говорится: *Христу воскресшу;* и в третьем стихе также троекратная аллилуия, а за *Слава Тебе Боже* говорится: *Христу Благодателю*. Трижды возгласив аллилуия Отцу и Сыну и Св. Духу, триипостасному Божеству, четвертое *Слава Тебе Боже* воздаем единому Богу. Не говорится: *Слава вамъ, бози*, но единому *Боже*. Если же согласно Еллинам дважды говорить аллилуию, а третье *Слава Тебе Боже*, то как могут те стихи с творцем их во вселенской церкви именоваться, когда Феофан говорит аллилуию троекратно и четвертое за *Слава Тебе Боже* поет *Христу воскресшу*, а Греки возглашают аллилуию двоекратно и третие *Слава Тебе Боже?*

Кому следует больше верить, тому ли творцу стихов, которому лице сожгли медной керемидой и который потерпел исповеднически много бед за Христову церковь, или Еллинам, которые не приводят ни одного свидетеля из св. апостолов и отцев.—Не обольщайся, отче, двоекратно поя аллилуию: не истинно это. Другие уже погибли, говорившие двоекратно: как бы не погибнуть и нам.—Не подобает нам принимать новое учение. Вижу, отче, что ты от Греческой земли развратился. Близко уже время; мерзость и запустение, реченное пророком Даниилом, стоит на месте святом, т. е. в соборной и апостольской церкви Константина-града. Знай, от чего развратилось и римское царство,—не от нововводных ли учений проклятых пап и их архиепископов и священников и треокаянных иноков? От папы Христофора и окаянного Формоза, от их нового учения отторгнулись римляне от православной веры и до ныне лытают в заблужденияхъ».

Если бы во главе послания не стояло имя Афанасия, можно было бы подумать, что оно писано Евфросину в ответ на изложенное письмо его к священникам Троицкого собора: так мысли Евфросина сходны с аргументами Афанасия, насколько последние указаны в послании сторонника троения.

Спор не смолк и в начале XVI в., сопровождаясь обычными увлечениями: так толкование аллилуии, сделанное Димитрием Греком в приведенном выше послании к Геннадию, переписывалось уже с заглавием: «О трегубной аллилуиа» от книги Феодора Эдесского [1]). При дальнейшем развитии спора одна сторона даже увеличила запас своих полемических аргументов. Если в XV в. в распространении обычая двоения троегласники винили развратившихся греков, то в XVI в. двогласники упрекали троителей в подражании латинам. В одном сборнике находим апокрифическое сочинение, осененное авторитетом имени Максима Грека, под заглавием: «Сказание Максима Грека, словцо к смеющим трищи глаголати аллилуиа чрез предания церковного, а четвертое *Слава Тебе Боже*». Любопытно особенно то, что этот сборник принадлежал Иосифову волоколамскому монастырю и писан игуменом (с 1573 г.) его Евфимием Турко-

[1]) Волокол. сб. в моск. дух. акад. № 514, л. 499.

вым в 1562—1563 г. [1]). Некоторые места из этого «словца» хорошо завершают описанную полемику XV в.

«Много существует разных церковных преданий: одно из них есть древнее предание, это—дважды говорить аллилуиа и потом припевать *Слава Тебе Боже;* и такому церковному обычаю первый научен был самими бесплотными ангельскими силами блаженный Игнатий Богоносный, когда они явились ему, конечно, по Божию строению, воспевая божественные псалмы, на лики разделенные. Как же ныне смеют некоторые переиначивать это ангелами преданное староперковное предание, трижды говоря аллилуиа и четвертое *Слава Тебе Боже.*—Что вы ответите на это? Скажете, что Божия церковь в ветхом Риме так держит и возглашает? Если так, то вы явно признаете себя причастниками Латинской части, а не преданного апостолами неблазненного богоразумия. Рассудите сами полезно ли и спасительно ли вам петь св. Троицу с зловерными Латинами, а не с благоверно проповедующими слово евангельской истины четырьмя православными патриархами. Но в таком случае, добрые мои, пора уже вам принять и прочие церковные папины обычаи, во всю четыредесятницу до самой великой субботы молчать и не петь аллилуиа, потому что молчит папа, и не на квасной просфоре, а на опресноках совершать священную тайную службу, как и он совершает, и проскомисания не считать нужным, как не считает и он, и теплоты не вливать в священный потир, но трижды вдыхать в потир как и он. А минеи, октоихи, каноны, стихиры, тропари и кондаки, всегодное украшение и духовное наслаждение св. апостольской церкви, все это бросьте и считайте ненужным, потому что и папа в этом не нуждается».

В такие темные уголки холодной диалектики пряталась русская мысль, волей или неволей покинув просторное, согреваемое солнцем жизни поприще насущных нравственных потребностей.

---

[1]) Там же, л. 501.

РУССКИЙ РУБЛЬ XVI—XVIII в. [1])

в его отношении к нынешнему.

Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен).

I. Постановка вопроса.—II. Древнерусская хлебная четверть.—III. Приемы исследования.—IV. Рубль XVI в. Поверка выводов.—V. Рубль XVII в.—VI. Рубль первой половины XVIII в.—VII. Главные выводы.

I.

Предлагаемая статья есть не более, как рискованная попытка не решить, а только поставить один вопрос, касающийся историографической техники. В источниках нашей истории сохранилось довольно много известий, рисующих экономическую жизнь русского общества в минувшие века. К сожалению, лучших из этих известий, именно тех, в которых точно обозначены старые русские цены предметов, мы не умеем прочитать, как следует. Например, в известии, что такой-то русский землевладелец XVI века брал с своих крестьян оброка по 3 рубля с выти, скрывается указание на стоимость земли, труда, капитала, на условия поземельной аренды, настроение рынка и на многое другое, что мы желали бы знать о русском обществе того времени; только мы не понимаем ни того, что такое выть в данном случае, ни того, что значил рубль на рынке во всех случаях, о которых нам говорят известия XVI в. Подобные известия—историографические загадки, шифрованное письмо, ключ к которому потерян. Пока не будет найден этот ключ, значительный запас таких

---

[1]) Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., 1884, I.

известий, сохранившийся в источниках, остается заманчивым, но недоступным, т.-е. бесполезным для науки материалом. Поискать не самого ключа, а пути, которым можно найти его,—вот задача предлагаемого небольшого метрологического опыта.

Вопрос, о котором идет речь, был поставлен уже 30 лет тому назад в сочинении М. Заблоцкого *О ценностях в древней Руси*. Но эта постановка сообщила задаче излишнюю сложность и трудность. Чтобы понять древние цены, их надобно перевести на язык цен нашего времени, т.-е. определить меновое отношение старинных денежных единиц к нынешним. Для этого нужно, по мнению Заблоцкого, произвести последовательно три вычисления. Во-первых, надобно определить весовое отношение древних металлических денежных единиц к нынешним, например, узнать, насколько московская серебряная деньга XVI в. тяжелее или легче нашей копейки серебра. Во-вторых, так как номинальная цена монеты обыкновенно бывает выше действительной стоимости заключающегося в ней чистого драгоценного металла, чем покрываются издержки лигатуры и самого производства монеты, то при сравнении древней монетной единицы с нынешней надобно вычислить эту разницу в той и другой, чтобы таким образом определить взаимное отношение обеих единиц по весу чистого драгоценного металла, из которого они сделаны. Наконец, так как стоимость монетных драгоценных металлов, серебра и золота, изменчива, то, высчитав вес и пробу старой и нынешней монеты, остается определить, насколько теперь вздорожал или подешевел самый металл, употребляющийся на монету, сравнительно с тем, что он стоил в прежнее время. Эта относительная стоимость монетного металла определяется на основании рыночного отношения его, как товара, к другим товарам и именно к предметам первой необходимости, а также и к труду, необходимому для их производства.

Таковы три операции, которые М. Заблоцкий считал необходимыми для приблизительно точного перевода древних цен на современные. Две первые операции, чисто нумизматические, основаны на изучении разновременных монетных систем; последняя не касается нумизматики, а относится к другим частям метрологии, требует изучения системы мер и весов. Нельзя ли упростить этот сложный

процесс, сократив одни вычисления и совсем отбросив другие? Чтобы наглядно показать, какие возможны здесь сокращения, возьмем такой пример: Кильбургер, живя в Москве в 1674 году вместе со шведскими послами, к свите которых он принадлежал, покупал здесь чай по 30 коп. фунт [1]). Вычислим по способу Заблоцкого, что стоил фунт чаю в Москве 200 лет назад на наши деньги. Серебряная копейка в царствование Алексея Михайловича, по исследованию Заблоцкого, весила 10 долей. В нынешней серебряной копейке (банковой монеты) 4 $^{4}/_{5}$ доли. Значит, копейка царя Алексея по весу равнялась 2 $^{1}/_{2}$ нашим серебряным копейкам. Теперь надобно высчитать разницу пробы в обеих копейках, определить их отношение по весу чистого серебра без лигатуры. Но уже сам Заблоцкий, определяя отношение старинной монеты к нынешней, не пользуется этим вычислением, на необходимости которого он настаивает, излагая программу своего исследования. В его книге находим сравнительную таблицу старинных серебряных денег и нынешних серебряных копеек по весу с лигатурой, но не находим таблицы, в которой было бы показано их взаимное отношение по весу чистого серебра. Причиной этого пробела был недостаток точных сведений о степени чистоты древнерусской серебряной монеты. Заблоцкий ограничивается только недостаточно доказанным общим заключением, что проба наших денег от Ивана Грозного до Петра Великого «могла разниться от 80 до 90 золотников» и что, говоря вообще, древнерусская монета была не ниже пробы нынешней нашей серебряной монеты, определенной 83 $^{1}/_{8}$ золотника [2]). Но это проба банковой монеты, рядом с которой у нас ходит еще серебряная разменная монета с значительно низшей пробой, а цены нашего внутреннего рынка выражаются этой последней монетой, а не банковой. Следовательно, перевод древних цен на нынешние усложняется еще новым нумизматическим вычислением: приняв заключение Заблоцкого о пробе древнерусской монеты, надобно еще банковые серебряные копейки переложить на размен-

---

[1]) Кратк. известие о русской торговле. *Кильбургера*, перев. *Языкова*, стр. 66 Дворц. Разр. III, 915.

[2]) О ценностях в др. Руси, стр. 36, 93 и 98.

ные, чтобы получить точное отношение древних цен к нынешним. Не заботясь о совершенной точности, положим, что копейка царя Алексея равняется приблизительно 3,7 копейкам нынешней разменной монеты [1]). Определив относительную степень чистоты металла в древних и нынешних копейках, остается сделать последнюю операцию, с помощью хлебных цен узнать стоимость серебра, как товара, в XVII в. и теперь. Ограничимся для этого ценою ржи. Тот же Кильбургер пишет, что когда он жил в Москве, четверть ржи продавали здесь по 70—60 коп. В 1882 г. средняя цена четверти ржи в Московской губернии была 8 р. 40 коп. Умножив среднюю цену у Кильбургера 65 коп. на 3,7 и отбросив дробь, найдем, что эти 65 десятидольных копеек 85 пробы по количеству чистого серебра равняются приблизительно 240 нынешним копейкам 48 пробы. Итак, в 1674 г. за четверть ржи платили столько чистого серебра, сколько его в 240 нынешних разменных серебряных копейках, а в 1882 г. столько, сколько его в 840 таких же копейках. Значит, серебро в 1674 г. было в 3 ½ раза дороже, чем в 1882 г. Поэтому копейка 1674 г., по количеству чистого серебра равняющаяся нынешним ходячим 3,7 коп., по сравнительной стоимости серебра равняется $3,7 \times 3,5 = 12,9$ нынешним.

Теперь, отбросив все эти нумизматические вычисления, сложные и трудные, даже не всегда удающиеся по свойству сохранившегося материала, ограничимся одним простейшим метрологическим рассчетом: разделив цену четверти ржи в 1882 г. 840 коп. на 65 коп., ее цену в 1674 г., получим ту же цифру 12,9, определяющую рыночное отношение копейки 1674 г. к нынешней. Помножив на эту цифру цену фунта чая в Москве в 1674 г. 30 коп., найдем, что она равнялась нашим 3 р. 87 к., т. е. была значительно выше нынешней цены этого товара, если только Кильбургер покупал в Москве простой черный чай, а не какой-либо из высших сортов. Легко заметить, что при точном вычислении этот упрощенный прием всегда приведет к тому же

---

[1]) *У г. Прозоровского* проба московских денег XVII в. определена приблизительно в 85⅛. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII стр. 705. На этом основано выведенное нами отношение копейки царя Алексея къ нынешней разменной серебряной копейке 48 пробы.

результату, какой получается посредством сложных операций по способу Заблоцкого, потому что все разницы в весе и пробе монеты, в стоимости монетного металла и проч. сводятся к одной, все выражаются в различии хлебных цен. Точнее говоря, изменение хлебных цен происходит не от того, что изменяется полезность хлеба, всегда одинаковая, а от перемен в весе и пробы монеты, как и в стоимости монетного металла, т. е. от изменений качества меновых знаков, посредством которых оценивается на рынке полезность хлеба. Значит, пользуясь изложенным приемом при сравнении старых цен с нынешними, мы вместо того, чтобы последовательно вычислять частные отношения, основанные на изменении веса и пробы монеты, как и стоимости металла, прямо вычисляем окончательное общее отношение, в которое эти частные отношения входят, как производители в свое произведение.

Разумеется, выведенное только для примера отношение копейки царя Алексея к нынешней не имеет надлежащей точности. Такой точности нельзя достигнуть помощию единичного известия о цене хлеба только в Москве 1674 г. и притом о цене одной ржи. Для этого необходимы более сложные основания; только эти основания—не нумизматические. Это не значит, что нумизматика совсем не нужна для исторического изучения цен. Она может понадобиться, но не для определения самого отношения старых денежных единиц к нынешним, выводимого на основании хлебных цен, а только для исторического объяснения колебаний, каким подвергалось это отношение. Если, например, в короткое время хлеб стал вдвое дороже, мы должны прежде всего узнать, не изменилась ли денежная единица, которой выражалась новая цена хлеба. Если окажется, что в то же время вошла в обращение монета с прежним названием, но вдвое легче весом или с пониженной вдвое пробой, то мы признаем вздорожание мнимым. Если же на монетном дворе все осталось попрежнему, надобно будет искать причин явления на рынке. Но было ли вздорожание мнимое или действительное, произошла ли нумизматическая перемена в денежной единице, или нет, отношение этой единицы к нынешней, определяемое хлебными ценами, стало иное, именно показатель отношения уменьшился вдвое.

II.

Изложенный упрощенный способ тем удобнее, что и без того остается много затруднений, которые необходимо одолеть при определении рыночного отношения старинных денежных единиц к нынешним. Самое важное из этих затруднений заключается в разнообразии и изменчивости древних хлебных мер.

Наиболее употребительные хлебные меры в Московской Руси XVI—XVII в. были: *бочка*, *кадь* или *оков*, *зобница*, *коробья*, *рогожа*, *мех* или *мешок*, *мера*, *четверик*, наконец *четверть*. Четверть была четвертая часть бочки, кади или окова. Псковская зобница XV и XVI в. делилась также на 4 четверти, следовательно, соответствовала бочке или кади. Новгородская коробья была половина бочки или кади. В одном акте начала XVI в. 554 рогозины или рогожи ржи приравнены 800 бочкам «в белозерскую меру»; следовательно, рогожа ржи содержала в себе около $1^1/_2$ бочки (1,44). Мех или мешок—трудно определимая и, вероятно, изменчивая мера; ниже будут приведены некоторые указания на вместимость, какую имел мех в иных местах древней Руси. По *Торговой книге* XVI—XVII в. *мера* равнялась четверику; но в Двинской земле мерой называлась половина четверти, т. е. осмина. Четверик получил свое название от того, что он составлял четвертую часть осмины, почему акты и называют и его иногда «четвериком осминным» [1]). Таким образом все хлебные меры Московской Руси могут быть сведены к наиболее употребительной из них, к четверти, как части к целому или наоборот.

При возможности восстановить отношение четверти к другим хлебным мерам сравнительное изучение старинных и позднейших цен не представляло бы никакой трудности, если бы сама четверть была в древней Руси мерой однообразной и устойчивой. К сожалению для метролога она была неодинакова в разные времена и в разных

---

[1]) Акт. Юрид., стр. 445. Записки отд. русск. и слав. археол. Имп. Археол. Общ. 1, 3, стр. 115 и 89. *Крестинина*. О сельск. стар. домостроительстве Двинского народа, стр. 38.

местах древней Руси. Теперь едва ли где уцелели самые орудия хлебной меры (посуда), употреблявшиеся в древней Руси, например, клейменые казенные осмины, четверики и т. п. Поэтому, чтобы хотя приблизительно определить вместимость какой-либо старинной хлебной меры, надобно знать вес входившего в нее хлеба. Но в древней Руси не любили определять количество хлеба весом и переводить меры сыпучих веществ на меры веса. Остается собирать косвенные указания, часто даже ловить очень неясные намеки, которые позволяют догадываться о том, что такое была четверть в разные времена и в разных местах древней Руси. В этом состоит самое большое затруднение, мешающее изучению старинных хлебных цен; в этом же заключается и источник пробелов, неточностей и ошибок, которых трудно избежать в изучении как этих цен, так и самых хлебных мер древней Руси. Начнем с известий о четверти во второй половине XVII в.

Упомянутый выше Кильбургер замечает, что четверть самая большая мера в Московии [1]). Следовательно, в его время более крупные меры, бочки, рогожи и другие были уже малоупотребительны. Кильбургер знает четверть четырех величин: московскую, новгородскую, псковскую и печорскую. Новгородская четверть заключала в себе две стокгольмские тонны. По *Метрологии* Петрушевского шведская тонна хлебная равняется 5,59 нашим четверикам с надбавкой хлеба в зерне по 8 канн на тонну. Так как канна есть $^1/_{56}$ тонны, то шведская тонна зернового хлеба содержит в себе 6,38 четвериков [2]). Значит, новгородская четверть времен Кильбургера равнялась 12,76 нынешним четверикам. Три московские четверти по Кильбургеру равнялись двум новгородским, т.-е. в московской четверти было 8,5 нынешних четвериков. Выходит, что московская четверть в конце царствования

---

[1]) Кратк. изв. о русск. торговле в 1674 г., стр. 139.

[2]) *Петрушевского*, Метрология, 1831 г., стр. 223. В Dictionnaire du commerce (Paris, 1839. T. II, p. 1765) выведено несколько иное отношение шведской тонны къ русской четверти: именно тонна определена в 6,77 четвериков. Мы принимаем отношение, выведенное по Петрушевскому, потому что оно поддерживается указаниями русских источников XVII в.

Алексея Михайловича была на полчетверика больше нынешней. Происхождение этого излишка несколько объясняется вычислением веса старинной четверти. Полагая четверик ржи в $1^1/_8$ пуда или 45 фунтов согласно с нормальным весом, какой имеет этот хлеб при хорошем урожае, найдем, что в старинной четверти ржи было 382,5 фунта. Но известно, что фунт XVII и первой половины XVIII в. у нас был больше нынешнего, равнялся 112 нынешним золотникам, как разъяснил это г. Прозоровский при помощи *Арифметики* Леонтия Магницкого 1703 года. Такой же фунт употреблялся в Москве, как весовая единица, и в XVI в., что видно из записки посетившего Московию в 1565 г. итальянца Барберини, который, говоря о московском весе, замечает, что в унции 6 московских золотников [1]). Так как нынешний фунт составляет $^6/_7$ старого московского фунта, то, переложив 382,5 фунта на старый вес, получим для московской четверти времен Кильбургера 8 пудов 6 фунт. тогдашнего московского веса. В Арифметике Магницкого есть задача, которая дает основание догадываться, что он считал меру или четверик ржи в 1 пуд весом (л. 106 об.). Отсюда следует, что московская четверть, какую знал Кильбургер, заключала в себе 8 пуд. ржи нормального веса, иногда немного больше или меньше, смотря по качеству урожая. Такая вместимость четверти подтверждается наказом 1696 г. нерчинским воеводам, которым предписывается хлеб с казенных пашен «в приход принимать и в расход давать и писать четвертями в московскую четверть, а не пудами», также хлебное жалованье служилым людям, которое «пишут в прежнюю четверопудную четверть», выдавать новой московской четвертью, «расчитая вполы» против прежней четверти, «а не против веса» [2]). Хлебные оклады служилым людям определены были известным количеством прежних четверопудных четвертей. Теперь велено было выдавать хлебное жалованье новой московской четвертью, т.-е. рассчитывать оклады на новую единицу вдвое больше прежней по вместимости и по весу. Но так как зерно

---

[1]) Монета и вес в России. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII, 416. *Барберини* въ Сыне Отечества 1842 г., № 7, стр. 48.

[2]) Полн. Собр. Зак. III. № 1542, стр. 238.

родилось неодинакового веса, то для устранения недоразумений и произвола в рассчете предписывалось при переложении окладов с прежней меры на новую принимать во внимание не вес, а только вместимость, «расчитая вполы», т.-е. деля на 2, хотя бы переложенный таким образом оклад по весу зерна не равнялся прежнему. Значит, в новой московской казенной четверти предполагалось ровно 8 пудов зерна (ржи) нормального веса. Объяснением такого распоряжения может служить сохранившаяся на бумагах Сибирского приказа воеводская смета хлеба, не доданного в окладное жалованье разным служилым людям и ружникам города Якутска за 1654—1691 года; обозначив, сколько пудов и четвертей разного хлеба не додано, смета продолжает: «а в новую великих государей *осьмипудную* четверть на все прошлые выше писанные годы хлеба будет дать» столько-то [1]). Все это приводит к тому заключению, что московская казенная четверть конца XVII в. отличалась от нынешней торговой не объемом своим, а только весом зерна, какой тогда считался нормальным. Ныне четверть содержит в себе около 9 пудов ржи нормального веса: это средний вес ржи, которая в разных местах России родится качеством от 8 пуд. 22 ф. до 9 пуд. 16 ф. на четверть. По отношению старого московского фунта к нынешнему (как 7 к 6) 8 пудов четверти XVII в. равнялись нынешним $9^1/_3$ пуд. это вес нынешней очень тяжеловесной ржи. Поэтому можно думать, что в московской России XVII в. считалась нормальною рожь такой доброты, какая ныне значительно выше нормы. Если это соображение имеет некоторое основание, то вес тогдашней московской четверти дает нам не лишенное интереса косвенное указание на производительность русской почвы 200 лет назад.

Если московская четверть времен Кильбургера по вместимости равнялась нынешней, то новгородская содержала в себе $1^1/_2$ нынешних, а по весу ржи заключала в себе 12 старых московских пудов или 14 нынешних. Кильбургер не определяет точно отношения псковской и печорской четверти к новгородской, замечая только, что первая немного более последней, а вторая немного более первой.

---

[1]) Дела неполных производств в Моск. Арх. Мин. Юстиции, вязка № 1.

В наказе нерчинским воеводам 1696 г. и в смете якутского воеводы 1691 г. четверопудная четверть названа «прежней», а осьмипудная казенная «новой». От псковского летописца узнаем, что действительно в начале XVII в. была в ходу четверть вдвое или почти вдвое меньше той, какая употреблялась позднее. Описывая голод и дороговизну 1602 г., он замечает: «а четверть была старая невелика, против нынешней вдвое менши, полумера». Говоря о дороговизне хлеба в Пскове в 1612 г., он опять прибавляет: «а четвертина мала была, мало болше осмака» [1]). Последовательный рассказ этой летописи прерывается на известии о смерти царя Михаила в 1645 году: следовательно, замечание об отношении «старой» четверти к «нынешней» могло принадлежать человеку, жившему около половины XVII в. и позднее и знавшему удвоенную четверть второй половины этого века. Из сочинения о Московском государстве английского посла Флетчера, бывшего в Москве в 1588 и 1589 гг., узнаем, что такая половинная четверть употреблялась здесь и во второй половине XVII в. В одном месте он говорит вообще, что четверть содержит в себе три английских бушеля или несколько менее; в другом месте читаем, что именно четверть пшеницы равняется *почти* трем английским бушелям [2]). Возьмем возможно старое отделение бушеля, какое имеется у нас под руками. В одном немецком энциклопедическом словаре начала XVIII века английский бушель сыпучих веществ приравнен 64 фунтам [3]). Согласно с Флетчером, который считает на четверть пшеницы три бушеля без малого, мы убавим у трех бушелей или 192 фунт. примерно 6 фунт. Во времена Флетчера на Руси сеяли только яровую пшеницу. По урожаю 1882 г. средний вес четверти этого хлеба около 9 п. 12 ф. Разделив эти 372 фунта на 186, найдем, что четверть пшеницы времен Флетчера была ровно вдвое меньше нынешней. К тому же выводу приходим и другим путем. Превратив 186 нынешних фунтов в старые русские фунты, получим $159\frac{3}{7}$: недостает только $\frac{4}{7}$ фунта до 4 пудов,

[1]) Полн. Собр. Рос. Лет. IV, 321 и 330.

[2]) *Флетчер*, гл. 12 и 3.

[3]) Hübners Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Geverck und Handlungs-Lexicon. Leipzig, 1755. S. 820. Первое издание вышло в 1712 г

т.-е. до той четверопудной «прежней» четверти, о которой говорит наказ нерчинским воеводам.

Итак, во второй половине XVI и в первой половине XVII в. ходячей хлебной мерой в московской Руси была четверть в 4 старых пуда или $4^2/_3$ нынешних. Находим косвенное указание на то, что и прежняя новгородская четверть была вдвое или почти вдвое меньше той, какую знал Кильбургер. Из наказа нерчинским воеводам видно, что и по введении новой казенной четверти по местам продолжали пользоваться старыми местными четвертями. Грамота чердынскому воеводе 1681 г., говоря о том, сколько четвертей ржи и ржаной муки платили посадские люди и крестьяне северных поморских уездов на содержание сибирских служилых людей, прибавляет, что они платили столько четвертей «в прежний вес муки ржаной по 5 пуд. с четью, а рожь по 6 пуд. с четью жь четверть и с мехами» [1]). Поморские уезды принадлежали некогда к Новгородской области или по крайней мере имели с нею тесные торговые связи; четверть ржи в 6 пуд. 10 фунт. с мешком можно поэтому считать старой новгородской четвертью, которая принята была за ходячую хлебную меру на всем поморском севере. Излишком 10 фунт. с мешком объясняется замечание псковского летописца о прежней четверти, что она «мала была, *мало больши* осмака», т.-е. осмины второй половины XVII в.

Трудно решить вопрос, решение которого необходимо для истории хлебных цен XVII века: когда введена была новая удвоенная четверть? По крайней мере мы не встретили прямых известий об этом. Остается довольствоваться косвенными указаниями. В делах Сибирского приказа сохранилась смета хлебных запасов, собранных с казенных пашен Томского уезда в 1642 г. Озимой ржи было сжато 331 сотница (копна во 100 снопов) и 30 снопов; из этого было намолочено 690 четвертей [2]). Значит, сотная копна дала 2 четверти с очень мелкой дробью. Из хозяйственных книг по вотчине известного боярина Б. И. Морозова узнаем, что в 1659—1661 г. в его арзамасских

---

[1]) Акты Ист. V, № 76.

[2]) Дела неполных производств в Моск. Арх. Мин. Юст., вязка 1.

и курмышских деревнях из сотницы ржи умолачивали не больше четверти зерна, чаще гораздо менее, иногда только по осмине. Тоже и с овсом: из 328 сотных копен и 15 снопов томского казенного овса в 1642 г. намолотили 796½ четвертей, почти по 2½ четверти из копны, а в вотчине Морозова копна овса давала четверть зерна, иногда несколько более, иногда немного менее [1]). Таким образом в 1642 г. копна того и другого хлеба давала вдвое больше четвертей зерна, чем в 1659—1661. Как ни различны могли быть копны по качеству колоса или зерна, такая значительная и однообразная разница заставляет догадываться, что она происходила не от изменчивости умолота, а от неодинаковой хлебной меры: в 1642 г. копна давала вдвое больше четвертей зерна, потому что четверть тогда была вдвое меньше, чем в 1659 году. Некоторым подтверждением этой догадки может служить указание одной духовной 1548 г., из которой видно, что в XVI в. в московских областях из копны овса получалось умолоту по 3 четверти московских, т.-е. немного больше, чем из сотницы томского казенного овса в 1642 г. [2]). Менее вероятно предположение, что разница в умолоте копны томской и арзамасско-курмышской происходила от различной вязки снопов: сколько можно судить по сохранившимся известиям об отношении густоты посева к ужину, в древнерусском земледелии на всем пространстве московской Руси принят был довольно однообразный нормальный сноп.

Меньше, чем можно было бы ожидать, дает для разрешения исследуемого вопроса известная указная книга «о хлебном и ка-

---

[1]) «Книги посевные, ужинные и умолотные» во Временнике Общ. Ист. и Др. Росс. кн. VII, отд. 2. К этому надобно еще прибавить, что в вотчине Морозова употреблялась «боярская дворовая» четверть, которая была несколько меньше «таможенной», т.-е. казенной: по одному указанию посевных книг этой вотчины можно рассчитать, что дворовая четверть равнялась 6,9 четверикам таможенной.

[2]) Акты Юр. № 420. Сопоставляя цифры умолота копны в арифметических задачах *Счетной Мудрости*, изданной в 1879 г. Обществом Любителей Древнерусской Письменности, легко заметить, что они произвольны.

лачном весу» 1623—1631 г. [1]). Это ряд актов, касающихся полицейского надзора за торговлей печеным хлебом в Москве. От времени до времени особо назначенная для «хлебного дела» комиссия устанавливала таксу, с которой обязаны были соображаться московские хлебники и калачники. Эта комиссия составлялась из дворянина с несколькими выборными присяжными или «целовальниками» от посадского торгово-промышленного населения столицы. Комиссия делала «опыт», покупала в мучном ряду по четверти муки пшеничной и ржаной, из которой хлебники под ее наблюдением выпекали калачи и хлебы ситные и решетные, потом высчитывала издержки производства, причисляя к ним содержание лавки, также «тягло и промысл», и рассчитывая все это на каждую четверть муки. Эти издержки производства, «харч», как тогда говорили, прикладывали к торговой цене муки и сумму разверстывали на вес выпеченного хлеба. Тогда на московском хлебном рынке продавались хлебы и калачи алтынные, грошовые, двуденежные и денежные; следовательно, от колебаний цены муки изменялся вес печеных хлебов и калачей. Сметив стоимость четверти муки с харчом и свесив выпеченный из нее хлеб, комиссия высчитывала, какого веса должны быть хлебы и калачи алтынные и другие. На основании этого опыта составлялась «роспись» или весовая такса, показывавшая, сколько должны весить каждый хлеб и калач алтынный или другой при той или другой цене четверти муки. Вот для примера начало росписи ржаных решетных хлебов, составленной на основании опыта комиссией Немира Киреевского в 1626 г.

«На решетные хлебы купят муки ржаные четь по 6 алт. по 4 деньги, да харчу на ту четь положено на хлеб: провозу до двора и из двора в ряд 6 д., подквасья на 3 д., дров на 8 д., выдачи на лавку 10 д., на тягло и на промысл 9 д., на свечи и на помело деньга, и всего харчу положено 7 алт. с деньгою; и обоего мука куплею с харчом в хлебах станет 12 алт. 5 денег; и выпечи из тое муки хлебов алтынных 11, да 2 хлеба грошовых, хлеб двуденежный, хлеб денежный; весу в алтынном хлебе 23 гривенки (фунта) с четью, в грошовом 15 гри-

[1]) Временник Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. VI, отд. 2. Текст памятника не совсем исправлен: есть погрешности в вычислениях.

венок с полугривенкою, в двуденежном 8 гривенок без чети, в денежном 4 гривенки без полчети».

В росписи приведено 26 разных цен четверти ржаной муки и высчитано количество решетного хлеба, какое должно быть выпечено из каждого сорта. Роспись этих цен составлена по известной системе: каждая следующая цена алтыном выше предыдущей. Вес четверти муки не указан прямо; но его можно определить по количеству выпекаемого из нее хлеба, исключив пропек. Для этого переложим роспись в нижеследующую таблицу, обозначая в первой графе цены четверти ржаной муки в деньгах (полукопейках), во второй количество выпекаемого из нее решетного хлеба (без дробей), а в третьей цены (в сотых долях деньги) фунта печеного хлеба, какие выходят по росписи при различных ценах муки:

40	298	0,25 ден.
46	314	0,26
52	329	0,26
58	344	0,27
64	357	0,28
70	370	0,28
76	381	0,29
82	391	0,30
88	400	0,31
94	409	0,32
100	422	0,32
106	428	0,33
112	434	0,34
118	438	0,35
124	441	0,36
130	443	0,38
136	$444^{19}/_{24}$	0,39
142	$444^{23}/_{24}$	0,40
148	439	0,42
150	423	0,43
160	435	0,45
166	431	0,47

172	426	0,47
178	421	0,51
184	414	0,53
190	406	0,55

Эта таблица возбуждает много недоумений, разрешить которые, может быть, сумеет только знаток-пекарь. Однообразная прогрессия, по которой увеличиваются цифры первой графы за исключением двух, заставляет видеть в них не справочные, а примерные, математические цены: рыночные цены едва ли могут расти с такою правильностью. Так как вместе с поднятием цен увеличивается и количество выпекаемого из четверти хлеба до цены 142 ден. включительно, то в основании таблицы цен до обозначенного предела предполагаются, очевидно, разные сорта муки на одном и на том же рынке в данную минуту, а не колебания курса мучных цен на разных рынках или в разное время. Все это пока понятно; надобно только спросить знатоков хлебного дела, возможно ли было найти на старинном московском рынке зараз 18 разноценных сортов ржаной муки. Но что такое концы обоих первых столбцов, где цены муки возвышаются по мере уменьшения припека, т. е. по мере падения доброты муки? Это и не повторительная таблица пересчитанных выше сортов муки при другом, высшем курсе хлебных цен, и не дальнейший перечень новых, высших сортов муки при прежнем уровне цен: в первом случае следовало ожидать во второй графе после числа $444^{23}/_{24}$ повторения прежних цифр выпеченного хлеба, а во втором — дальнейшего возвышения этих цифр. Вместо того находим в последних 8 рядах таблицы какое-то соединение прогрессивно дорожающих цен муки с прогрессивно падающей ее добротой. Трудно угадать, какую практическую цель по отношению к хлебному рынку имела эта математическая выкладка. Благодаря такому построению таблицы в ней не за что ухватиться, чтобы точно определить, какой припек предполагается в ней от разных сортов муки. Остается довольствоваться догадками. Возьмем низший сорт муки, из четверти которого Киреевский выпек 298 фунтов хлеба. Меньше 15 фунт. на пуд припека, кажется, не бывает; да и при таком припеке едва ли какой пекарь согласится работать. Предположив такой припек, найдем, что четверть ржаной муки ценой

в 40 денег по таблице весила 5 пудов 16 фунтов. Но к этому надобно прибавить, что в 1631 г. один из преемников Киреевского Львов производил новый опыт и из одинаковых по цене сортов ржаной и пшеничной муки получил меньше печеного хлеба, чем его предшественник. Объясняя это, Львов, производивший опыт летом, замечает в своей записке, что Киреевский делал опыт зимой, а зимой четверть муки весит больше, «потому что мука в закроме вызябает и в мере садится, а ныне привозят с мельниц горячую муку и в мере мука ставится стромка», т. е. не так плотно укладывается, как зимой мука, давно привезенная с мельницы и улежавшаяся. Вследствие этого вышла значительная разница в результатах обоих опытов: Киреевский получил 434 фунт. ржаного хлеба из четверти муки ценой в 112 денег, из которой по опыту Львова можно было получить только 375 фунт. Уменьшив по этой пропорции цифру 298, найдем, что из четверти муки ценой в 40 денег Львов получил бы только 257 фунт. С припеком в 15 ф. на пуд ржаной муки, не успевшей плотно улежаться, окажется в четверти только 4 пуда 26 ф. Но так как припека по всей вероятности было больше 15 фунтов, то указная книга о хлебном и калачном весу дает некоторую поддержку выводу, извлеченному из сопоставления хлебной томской сметы 1642 г. с хозяйственными книгами морозовской вотчины: в 1626—1631 г. в Москве продавали муку четвертью, которая равнялась осмине второй половины XVII века или согласно со свидетельством псковского летописца была немного больше этой осмины.

Несмотря на шаткость изложенных оснований можно, кажется, с некоторой вероятностью признать, что замена старой четырехпудовой четверти новой осмипудовою произошла в промежуток 1642—1659 годов, т. е. около половины XVII в.

Эта четырехпудовая четверть, как мы видели, употреблялась в Москве и в XVI в. Но есть указания, возбуждающие недоумение о четверти, какая была в ходу в Новгородской земле во второй половине этого века. В таможенной грамоте 1563 г., данной таможенным целовальникам города Орешка и его уезда, и потом в откупной грамоте 1587 г. о сборе отданных на откуп таможенных пошлин в Великом Новгороде читаем одинаковое постановление: «продавати и ку-

пити хлеб всякой в новую меру и пятно (клеймо) на мерах держати, а старых мер не держати и хлеб в старую меру не продавати и не купити» [1]). Из недоумения, возбуждаемого вопросом об отношении этой новой меры к старой, можно выйти двумя догадками. Прежде всего возникает предположение, не хотело ли московское правительство, завершая политическое и административное объединение государства, водворить на всем его пространстве единство мер и весов, вытеснив местные метрические единицы московскими. В таком случае под новой мерой в приведенных таможенных уставах надобно разуметь московскую четверть, а под старой местную новгородскую. Но этому мешает одно обстоятельство: новгородская четверть, вместимостью превосходившая московскую в $1^1/_2$ раза, не исчезла с рынка и после указанных таможенных грамот. Приблизительно до половины XVII века, когда действовала московская четырехпудовая четверть, новгородский хлебный рынок пользовался шестипудовой четвертью, которую признавало и московское правительство. Когда московская казенная четверть из четырехпудовой превратилась в осмипудовую, тогда и новгородская удвоилась. Значит, и после выраженного в грамоте 1563 г. и повторенного грамотой 1587 г. решительного запрещения держать на новгородском рынке старую меру, местная новгородская четверть не только не была вытеснена казенной московской, но и при изменении обеих сохранилось их прежнее метрическое отношение друг к другу. Притом несколько странно, что в обоих приведенных актах московское правительство, вводя в Новгороде свою *старую* московскую меру, называет ее *новой* мерой, а не просто московской, как оно обыкновенно выражается в других таможенных грамотах, когда говорит о своей казенной четверти. Гораздо надежнее другое предположение: новая мера— та же старая новгородская мера; только теперь посуда этой меры, проверенная и заклейменная, была введена правительством с запрещением употреблять прежнюю посуду, которая делалась без надлежащего надзора и контроля и могла подвергаться фальсификации с корыстной целью, в ущерб покупателю хлеба или казенной таможне,

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 335. Доп. к Акт. Ист. I, № 116.

собиравшей померную пошлину с продаваемого хлеба по количеству четвертей. В таможенной грамоте 1563 г. есть намек, как будто оправдывающий такое предположение: она грозит штрафом тому, «кто учнет пуд свой держати и товар весити, или в меру в свою учнет хлеб продавати, не в пятенную меру». Речь как будто идет не о различной вместимости, а о мере клейменой и неклейменой, т. е. проверенной и не проверенной. Еще прямее указывает на то же одна заемная 1588 года: три крестьянина Новгородской земли заняли у ключника Вяжицкого монастыря коробью овса «в новую меру» [1]). Коробья—новгородская мера, равнявшаяся двум новгородским четвертям. На обороте заемной отмечено, что один из трех должников «свою треть овса заплатил, *осмину с третником*»; значит, коробья овса, занятая всеми троими, содержала в себе 4 осмины «в новую меру», т. е. те же две новгородские четверти, потому что московских осмин в новгородской коробье было 6, а не 4. Но всего более подтверждается второе предположение сравнением приведенных таможенных грамот с другими, в которых померная пошлина рассчитана прямо на московскую четверть [2]). Здесь также запрещается продавать хлеб «не в пятенную меру». При этом здесь установляются такие таможенные нормы: с четырех московских четвертей всякого хлеба померной пошлины 1 деньга; кто продаст 4 четверти, не явив померщикам, с того 1 рубль штрафа; кто продаст без явки меньше 4 четвертей, но не меньше двух или меньше двух четвертей, но не меньше осмины, с того взять штраф «по рассчету, как емлют протаможье с 4 четвертей»; меньше осьмины позволялось продать без явки и беспошлинно. Те же нормы встречаем в таможенных грамотах ореховской 1563 г. и новгородской 1587 г.; только здесь цифры другие. По ореховской грамоте пошлины с $1^1/_3$ четверти «новой меры» назначается 1 четверетца, т. е. четверть новгородской деньги; так как последняя была вдвое больше деньги московской, то четверетца равнялась московской полуденьге: действительно в новгородской грамоте с $1^1/_3$ четверти хлеба положено по-

[1]) Акт. Юрид. № 251.

[2]) Таковы, например, белозерская таможенная 1551 г., весьегонская 1563 г., села Еремейцева Ярославского уезда 1588 г., Чаронская 1592 г. А. Археогр. Эксп. I, №№ 230, 263, 342 и 356.

шлины полденьги. Так как в других таможенных грамотах 1 деньга пошлины положена на 4 четверти московских, то $1^1/_3$ четверть новгородской и ореховской грамоты соответствует 2 четвертям московским. В такой же пропорции изменены и другие цифры: 4 московские четверти соответствуют $2^2/_3$ четвертям, осмина заменена третью четверти. Если треть новгородско-ореховской четверти равнялась половине четверти московской, то первая четверть равнялась $1^1/_2$ второй: это и есть то самое отношение, какое существовало между новгородской и московской четвертью в XVII в. Очевидно, в новгородской и ореховской таможенных грамотах тарифные нормы по московскому счету переложены на метрическую систему Новгорода Великого. Так как в Москве не было никакой нужды вводить в Новгороде новую меру, отличную от московской, то она хотела в интересе таможенного сбора только упрочить своим клеймом старую местную меру, оградив ее от порчи, какой обыкновенно подвергаются торговые меры и весы при отсутствии надзора и проверки. Может быть, при этом была установлена и новая ходячая единица меры взамен прежней, что собственно и разумели грамоты новгородская и ореховская под «новой» и «старой» мерой: например, прежде самая крупная мерная посуда, которой продавали хлеб на тамошних рынках, могла быть в осмину, а теперь для более удобного расчисления тарифа была введена клейменая посуда в четверть.

Остается сделать несколько замечаний о *мехе* или *мешке*. Повидимому, он служил больше тарой, чем мерой: мешками не столько мерили, сколько продавали или ссыпали хлеб. Поэтому мешки могли быть очень разнообразны по объему. Впрочем, есть некоторые указания, как будто намекающие на однообразную вместимость наиболее ходячего мешка. Псковской летописец говорит о дешевизне предметов первой необходимости в 1467 году: зобница ржи стоила 18 денег, овса 8 денег, пуд соли 3 деньги. В 1499 г. он жалуется на дороговизну: четвертка ржи стоила 9 денег, овса 4 деньги; значит, зобница ржи стоила 36 д., овса 16 д., ровно вдвое дороже 1467 г. Можно предположить, что то же было и с солью, а соли мех покупали в 1499 г. по 35 ден. и меньше: значит, мех соли весил 5—6 пуд.[1]). Это само по себе

[1]) Полн. Собр. Русск. Лет. IV, 231 и 271.

шаткое сопоставление находит неожиданную поддержку в упомянутой выше смете казенных хлебных запасов по Томскому разряду 1642 г. В смете обозначено муки ржаной 91 мех: по мере казенной томской осмины оказалось в этих мешках муки $125^1/_8$ четверти, т. е. по 1,37 четверти в мешке. При тогдашней четырехпудовой четверти мешок муки ржаной весил около $5^1/_2$ тогдашних или около $6^1/_2$ нынешних пудов.

III.

Теперь обратимся к изучению хлебных цен. Наперед изложим приемы этого изучения.

В изданных памятниках XVI и XVII в. можно набрать значительный запас хлебных цен. Но немногие из них годятся в дело. Большею частию то больные цены, или голодные, или, если можно так выразиться, слишком сытые, дешевые. Они потому и были отмечены в свое время, что стояли выше или ниже нормального уровня. Въ древней Руси этот уровень был чрезвычайно шаток. Причиной этого была патология древнерусского рынка. Он был удивительно пуглив; малейшее затруднение производило на нем панику. В урожайные годы замешательство в подвозе поднимало цены втрое, вчетверо и более. Раз в Пскове (в 1467 г.) вдруг вздорожал хмель, когда хлеб был дешев: зобницу хмеля продавали по 120 денег. Но въ нем не было недостатка, а только отчего-то временно приостановился его подвоз. Скоро его навезли вдоволь и цена его также быстро упала до 15 ден. за зобницу, т. е. стала дешевле въ 8 раз. Можно представить себе, какие колебания производил неурожай. В голодные 1601—1603 годы цена ржи поднималась въ 80 и даже в 120 раз выше нормального уровня (с 5 денег за четверть до 2 и до 3 рублей). Всем этимъ затрудняется выбор здоровых, нормальных цен. В характере древнерусского хлебного рынка замечаем и другую особенность, повидимому, противоположную первой. Она состояла в том, что при мимолетных болезненных колебаниях цен от испуга этот рынок упорно держался прежних цен, как скоро приходил в нормальное настроение. Эту особенность можно формулировать так: *хлебные цены часто колебались, но медленно изменялись*. Без сомнения, главной причиной такой устой-

чивости нормальных цен было то, что при множестве частных, скоропреходящих затруднений, часто пугавших хлебный рынок, туго изменялись коренные условия, влиявшие на сельское хозяйство. Благодаря этому, при изучении движения цен сами собой обозначаются продолжительные периоды, в течение которых здоровые хлебные цены держались приблизительно на одинаковом уровне. Сопоставляя старинные цены с нынешними, надобно брать эти крупные периоды, а не отдельные моменты, выражающиеся в отдельных, случайно попавшихся исследователю ценах того или другого года. Отсюда вытекает вторая задача—определить этот уровень, т.-е. уловить основные цены, в которых выражалось действие коренных, устойчивых условий хлебного рынка в известный период. Разрешение этой задачи затрудняется разнообразием, каким, несмотря на эту устойчивость, отличаются даже, повидимому, нормальные цены, отмеченные в памятниках одного и того же периода. Это разнообразие объясняется различием времен года, к которым относятся дошедшие до нас цены, качеством или сортом хлеба и тому подобными условиями, колеблющими нормальные цены. Из всех таких условий на далеком хронологическом расстоянии исследователь может уловить только одно географическое, выражающееся в изменении цен по местностям, которое обусловливалось неодинаковым отношением спроса и предложения на разных рынках. На пространстве веков это отношение значительно изменилось вследствие перемен, происшедших в путях сообщения, в географическом размещении земледельческого труда, во всем складе народного хозяйства. Во многих южных черноземных краях России, которые теперь служат главными поставщиками центральных хлебных рынков, в XVI в. еще не было хлебопашества или оно только что заводилось. Между тем там уже водворялось неземледельческое население, которое должно было получать часть необходимого ему хлеба со стороны, иногда издалека. Разумеется, отношение хлебных цен в этих местностях к ценам центральных руководящих рынков тогда было далеко не то, какое существует теперь. Что делать съ такими местными ценами? Чтобы яснее понять значение этого вопроса, возьмем такой примерный случай. Положим, четверть ржи теперь стоит в Ельце 7 р., а в Москве 8 р. В конце XVI в.

экономическое состояние Елецкого края было таково, что нынешняя четверть ржи могла там стоить 25 денег в то время, когда в Москве ее покупали по 20 денег. Цель сопоставления цен разных местностей состоит в определении общего уровня цен, существовавшего в известное время, чтобы по этому уровню узнать отношение старинной денежной единицы к нынешней. Сравнив московские цены, найдем, что копейка конца XVI в. стоила в 80 раз дороже нынешней, а по елецким ценам выходит, что она равнялась только 56 нынешним. Такая разница произошла, как легко заметить, от того, что отношение московских цен к елецким теперь не то, какое существовало в XVI веке, а обратное: теперь первые выше вторых, а тогда были ниже. Получив два отношения копейки XVI в. к нынешней, столь далекие друг от друга, как 80 и 56, надобно взять средние цены, чтобы вывести среднее отношение. Средняя цена, выведенная из цен московской и елецкой, в XVI в. выйдет выше первой, а теперь она ниже. Но действительная средняя, определяющая нормальный уровень цен, в XVI в., как и теперь, была ближе к московской, чем к елецкой, которая в XVI в. принадлежала к числу высоких , а теперь принадлежит к числу низких. Следовательно, чем больше введем мы в рассчет цен подобных елецким, тем получаемые нами средние все более будут удаляться от нормального уровня, приближаясь одни к высшему пределу, другие к низшему. Определяя помощию таких средних рыночное отношение старинной денежной единицы к нынешней, мы, очевидно, берем величины несоизмеримые, сравниваем высокие цены XVI в. с нынешними низкими. Поэтому цены, какие держались на некоторых местных рынках древней Руси, находившихся в исключительном положении, и которые стояли к ценам московского рынка в отношении обратном их нынешнему отношению, должны быть причислены к больным, ненормальным, и подобно голодным не могут быть вводимы в рассчет.

Основанием при определении отношения старинных цен к нынешним послужит нам таблица хлебных цен 1882 г., помещенная в издании Департамента земледелия и сельской промышленности: *1882 год в сельскохозяйственном отношении* (общий обзор года). В этой таблице сведены средние цены хлеба, выведенные по губерниям на основании

полученных от сельских хозяев сведений о том, по чем продавали они полевые произведения на месте в августе, сентябре и октябре 1882 г. (стр. 40—52). В сельскохозяйственном отношении этот город отличался особенностями, которые представляют некоторые удобства изучающему историю русских хлебных цен. В нечерноземной полосе, которая составляла большую часть территории Московского государства XVI и XVII в., урожай ржи был вообще хороший, в северных, восточных и юго-восточных губерниях черноземной полосы средний или даже несколько ниже среднего; то же было с ячменем и гречихой; урожай яровой пшеницы и овса был большею частью средний, местами, в центральных промышленных губерниях, даже выше среднего. Таким образом по урожаю главных хлебов, наполнявших древнерусский хлебный рынок, 1882 год восстановил приблизительно то состояние, в каком находилось земледельческое производство в старой московской Руси: вообще не выходя из пределов нормального, урожай этого года дал лучший сбор на нечерноземной, нежели на черноземной почве. В Московском государстве XVI и XVII в. нечерноземная почва точно также давала больше хлеба, нежели черноземная, где успехам земледелия мешали редкость населения и неблагоприятные внешние обстоятельства. Климатические условия сделали в 1882 г. то же, что два-три века назад делали условия исторические. Другая особенность заключалась в уровне хлебных цен этого года. По замечанию названного выше издания, хлебная торговля отличалась в 1882 г. неустойчивостью и понижением цен, особенно с августа. Хлебные цены этого года стояли на 10—30% ниже цен 1881 г. Главною причиною такого упадка цен была слабость заграничного спроса на русский хлеб. В Венгрии, Германии, Франции, Англии был хороший урожай; к тому же Америка поставила на европейские рынки громадное количество своего хлеба по очень дешевой цене. Влияние заграничного спроса на уровень русских хлебных цен есть условие русского хлебного рынка, которого не знала старая московская Русь. Тогда хлеб не был важною статьей русского вывоза, и цены его определялись исключительно качеством урожая. Значит, и по характеру хлебных цен 1882 год напоминает древнюю Русь: в этот год слабо действовало условие, поднимающее цены на

хлеб, которое на древнерусском хлебном рынке совсем не действовало или оказывало малозаметное действие. Вследствие этого при определении отношения хлебных цен этого года к старинным знаменатели отношения выйдут несколько меньше тех, какие получились бы на основании более высоких цен другого года: сравнивая, например, старинную цену ржи с ценой 1882 г., мы найдем, что последняя в 80 раз выше первой, тогда как цена 1881 г. выше той же старинной раз в 85. Это представляет то удобство, что и въ отношении старинной денежной единицы к нынешней, выведенном помощию сравнения хлебных цен, труднее будет подозревать преувеличение дороговизны старинных денег сравнительно с нынешними: получив, например, из сопоставления хлебных цен вывод, что рубль известного времени стоил на рынке 80 нынешних, мы можем с некоторой уверенностью думать, что на самом деле он стоил скорее дороже, чем дешевле этого. Эта уверенность усиливается еще двумя вводимыми в наш расчет условиями, благодаря которым также понижается знаменатель отношения старых хлебных цен к нынешним: деля нынешнюю цену на древнюю для определения этого отношения, мы берем такие цифры нынешней цены, которые несколько меньше надлежащих, и такие цифры древней цены, которые выше надлежащих, т.-е. делим наименьшее делимое на наибольшего делителя, уменьшая частное с обеих сторон. Нынешние средние цены на хлеба в упомянутой таблице выведены из данных, показывающих, почем продавали хлеб на месте сами производители, а большая часть старых цен, вошедших в наши вычисления, показывает, почем покупали хлеб на рынке потребители. Значит, мы сравниваем величины не вполне соизмеримые, берем такие нынешние цены, в состав которых не входят ни плата за провоз, ни барыш скупщика-торговца, ни внутренняя таможенная пошлина, которой была обременена древнерусская хлебная торговля и от которой свободен хлеб на нынешнем рынке: словом, мы уменьшаем отношение старинных хлебных цен к нынешним на всю сумму накладных расходов, которые поднимают цену хлеба на пути от производителя к потребителю. С другой стороны, высчитывая отношение старых хлебных цен к нынешним, мы будем приравнивать московскую четверть с половины XVII в. к нынешней, а четверть более раннего

времени к половине нынешней четверти. Но это не вполне точно: старая московская осьмипудовая четверть ржи по отношению старого московского пуда к современному весила несколько больше нынешней; если в нынешней нормальной четверти ржи считать 9 пуд. 5 фунт., то старая московская осьмипудовая весила около 9 пуд. 13 фунт. нынешних. Соответственный этому перевес перед нынешней осминой имела и четырехпудовая московская четверть XVI и первой половины XVII в. Таким образом, для получения точного отношения старинных хлебных цен к нынешним следовало бы несколько возвышать последние или уменьшать первые; не делая этого, мы опять уменьшаем частное, получаемое от деления последних на первые.

Однако из всего этого не следует заключать, что мы намеренно сравниваем несоизмеримые величины, чтобы получить заведомо неточный вывод. Несоизмеримость эта только кажущаяся. Чтобы видеть это, надобно ближе войти в сущность нашей задачи. Эта задача состоит в оценке меновой стоимости старинного рубля сравнительно с нынешним, или, говоря проще, в определении того, во сколько раз большее количество хозяйственных благ можно было приобрести на старинный рубль сравнительно с нынешним. Вполне точная оценка должна быть основана на всей совокупности хозяйственных благ, приобретаемых за деньги. При невозможности взять в расчет всю их совокупность, мы ограничиваемся ценами хлеба, как предмета, вернее других выражающего меновое значение денежной единицы. Но хлеб по своей стоимости не всегда имеет одинаковое отношение к сумме остальных предметов, необходимых человеку и приобретаемых за деньги. Значительный заграничный спрос на русский хлеб теперь держит хлебные цены в России на уровне выше того, на каком они стояли сравнительно с другими предметами первой необходимости в XVI и XVII вв., когда этого условия не существовало. Следовательно, в общей сумме необходимых потребностей русского человека хлеб теперь составляет более ценную статью, чем какую он составлял два-три века назад. Определяя по одним хлебным ценам сравнительное меновое значение старинного и нынешнего рубля, мы оценим первый выше, а второй ниже того, как оценили бы его, взяв в расчет всю совокупность необходимых потребностей. Чтобы нагляднее выразить

то, о чем идет речь, воспользуемся такой примерной схемой: если древнерусскому человеку стоило 1 рубль такое же количество предметов, удовлетворяющих этим потребностям, какое нам обходится в 20 рублей, и если при этом на хлеб он издержал 10 коп., десятую долю всех своих расходов, то теперь за такое же количество хлеба надобно заплатить $2^1/_2$ рубля, не десятую, а осмую часть всех расходов, и не в 20, а в 25 раз дороже того, что стоила эта статья древнерусскому человеку. Соответственно этому и старинный московский рубль по хлебным ценам будет равняться 25 нынешним, а по стоимости всех необходимых предметов только 20. Чтобы устранить эту разницу и восстановить более точное отношение, надобно несколько возвысить старые цены или уменьшить нынешние: это именно и делают изложенные условия, введенные в наши вычисления. К этому следует прибавить еще одно обстоятельство. В древней Руси процент населения, занимавшегося хлебопашеством, был гораздо выше нынешнего. Численный перевес сельского населения над городским в настоящее время слабее прежнего; притом в древней Руси значительная часть и городского населения занималась хлебопашеством. Все это при отсутствии или слабости вывоза хлеба заграницу уменьшало оборот хлебной торговли, т. е. количество потребителей, покупавших хлеб. Пользуясь опять примерной схемой, можно предположить, что если в древнее время у нас из 20 человек занимались хлебопашеством 19, то теперь им занимается только 17; при том первые 19 пахали на 20 потребителей, а последние 17 пашут на 22, т. е. на 20 внутренних потребителей и на 2 иностранцев, получающих хлеб из России. В первом случае оборот хлебной торговли выразится цифрой 1, во втором цифрой 5. Благодаря такому ограниченному числу потребителей, покупавших хлеб, большая часть продажного хлеба переходила от производителя-продавца к потребителю-покупателю на месте, не уходя на далекие рынки, а внутренняя таможенная пошлина побуждала того и другого избегать и ближайших официально признанных рынков. Может быть, большее количество продажного хлеба тогда шло в оборот, минуя рынок, где была таможня; поэтому древнерусские торговые цены не вполне точно выражают действительную стоимость хлеба, которая была несколько ниже их, да и торговые цены не вполне

соответствуют ценам нынешних главных рынков, потому что хлеб, поступая на тогдашний рынок потребления из ближайших к нему мест производства, был свободен от доброй доли накладных расходов, которые теперь наростают на его цене вследствие передвижения его на далекие расстояния и неизбежного при этом размножения посредников, которые становятся между производителем и потребителем. Если бы у нас был обильный запас известий о хлебных ценах как на крупных, так и на мелких древнерусских рынках, из этого запаса можно было бы выбрать цены, соответствующие тем, какие держатся на главных русских рынках нашего времени. Но в древнерусских памятниках находим немного таких известий и очень значительная, если не большая часть их идет с рынков далеко не главных или даже дает не торговые, не потребительские цены. а такие, по которым покупали хлеб из первых рук, прямо от производителя. Вообще древнерусские хлебные цены, которыми может располагать исследователь, ближе к производительским, чем к потребительским. Поэтому и сравнивать их следует с низшими из нынешних цен; в противном случае мы будем сравнивать низшие старинные цены с высшими современными, получая при каждом сравнении такое частное от деления последних на первые, которое больше знаменателя действительного отношения старых цен к нынешним.

Итак, вводя в расчет такие условия, которые уменьшают этого знаменателя, мы этим только уравновешиваем ряд других условий, производящих обратное действие, исправляем неточность, происходящую от изменившегося значения хлебных цен. Руководясь изложенными соображениями, мы будем высчитывать по хлебным ценам рыночное отношение старинного рубля к нынешнему.

IV.

От последнего года XV века дошел до нас ряд данных, которые могут послужить точкой отправления при изучении хлебных цен в XVI веке. В известной окладной книге Вотьской пятины 1500 г. хлебный оброк, какой платили в казну оброчные крестьяне, сидевшие

на казенной государевой земле, иногда заменяется денежным [1]). Узнаем, что коробья ржи стоила 10 тогдашних новгородских денег, пшеницы 14 д., ячменя 7 д., овса 5 д. Так как мы занимаемся не местным новгородским, а московским рублем, который потом стал общерусским, то приведенное известие новгородского памятника надобно переложить на московские метрические единицы. Тогдашние рубли новгородский и московский были счетные денежные единицы различной величины; по количеству серебра новгородская деньга была вдвое больше московской, а новгородский рубль слишком вдвое больше московского: в первом считалось 216 новгородских денег или 432 московских, а во втором 200 московских или 100 новгородских денег. Со времени указа 1536 г., несколько понизившего вес новгородских денег или новгородок, повелевшего выделывать их из полуфунта серебра 300 вместо прежних 260, новгородки по новому «знамени» или штемпелю, на них появившемуся (великий князь на коне с копьем в руке), стали зваться еще «деньгами копейными» или *копейками*, а за вдвое меньшей по весу московской деньгой осталось название *московки* или *деньги* в собственном смысле. Поэтому с нынешней копейкой, сотой долей нашего рубля, мы будем сопоставлять одну новгородку или две деньги московки, которые в конце XV в. составляли также сотую часть тогдашнего *московского* рубля. Новгородская коробья содержала в себе две новгородские четверти, а новгородская четверть равнялась $1^1/_2$ московских. Принявши в расчет эту разницу в хлебной мере, найдем, что третья часть коробьи, равная московской четверти, стоила—ржи $3^1/_3$ новгородки, пшеницы $4^2/_3$, ячменя $2^1/_3$, овса $1^2/_3$. Принимая московскую четверть того времени за половину нынешней, эти цены надобно еще удвоить. Перелагая хлебный оброк на деньги, казна, вероятно, соображалась с местными ценами хлеба, разумеется, не обижая и себя. Можно думать, что ее оценка приближалась к торговой цене хлеба на главном рынке края, в Новгороде, если не совпадала

---

[1]) Временник Общ. Ист. и Др. Рос. кн. XI, отд. II, стр. 2, 3, 10 и 116; кн. XII, отд. II, стр. 36. Новгор. писц. книги, изд. Археогр. Комм., т. 3, ст. 5 и др.

с ней: этим можно объяснить и то, что казна нашла возможным назначить одинаковые цены оброчного хлеба для всех уездов Вотьской пятины, описанных в книге 1500 г. Это предположение оправдывается и летописными известиями о хлебных ценах. Рассказывая о поставлении архиепископа Макария на новгородскую кафедру в 1526 г., местный летописец замечает, что при этом владыке Господь послал его епархии времена тихие и прохладные и «обилие велие»: коробью ячменя покупали по 7 новгородок, т. е. по той же цене, какая назначена в писцовой книге 1500 г. С другой стороны, в Пскове в 1485 г., за 15 лет до составления этой книги, при хорошем, хотя не повсеместном урожае ярового покупали четверть ячменя по 5 псковских денег, $1^1/_2$ деньгами дороже казенной оброчной таксы 1500 г., а зобницу (две коробьи) овса по 10 и по 12 денег, т. е. ровно по той же цене, какая назначена в книге 1500 г. или с прибавкой 1 деньги на коробью [1]). Уезды Вотьской пятины, описанные в окладной книге 1500 г. (Новгородский, Копорский, Ямский, Ладожский, Ореховский и Корельский), захватывают угол нынешней Новгородской губернии, большую часть Петербургской и значительную часть Выборгской губернии. В издании департамента земледелия и сельского хозяйства 1882 г. нет цен Выборгской губернии. По Петроградской губернии в издании не показаны цены яровой пшеницы; при том остальные цены довольно близки к новгородским: одни, как цены ржи, немного ниже их, а другие, как цены овса, немного выше. Потому мы введем в расчет только средние цены Новгородской губернии. Удвоив выведенные выше по книге 1500 г. цены хлеба в уездах Вотьской пятины, получим следующий ряд отношений, в которых последующие члены означают выраженные в новгородках старинные вотьские цены количества хлеба, приблизительно равняющегося нынешней торговой четверти, предыдущие члены—выраженные в копейках средние цены этой четверти в Новгородской губернии 1882 г., а знаменатели отношений показывают, во сколько раз по сравнению тех и других цен

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лет. III, 148; V, 44. Псковская деньга была равна новгородке, а псковская четверть, вероятно, и в XV в., как в XVII, была немного больше новгородской.

московский рубль конца XV в. стоил на рынке дороже нынешнего:

Рожь . . . . . 900 : $6^2/_3$ = 135.
Пшеница . . . . . 1200 : $9^1/_3$ = 128.
Ячмень . . . . . 635 : $4^2/_3$ = 136.
Овес . . . . . 390 : $3^1/_3$ = 117.

Средний знаменатель 129. Мы не впадем в неточность, если, приближая этого знаменателя к знаменателю ржи, как главного хлеба, положим, что *московский рубль конца XV в. по хлебным ценам Вотьской пятины равнялся 130 нынешним.*

Цены XVI в. гораздо более затрудняют исследование. Известия этого века дают два ряда цен, дешевых и дорогих, хотя и не голодных. Первые почти не изменяются в продолжение всего столетия; но они страдают географической неопределенностью, не приурочены к месту. Из записок Герберштейна узнаем, что в 1520-х годах вообще в Московии, когда она не страдала от неурожая, принятая там мера хлеба продавалась по 4, 5 и 6 денег. По сравнению с другими известиями видно, что Герберштейн разумел под этой мерой московскую четверть и именно четверть ржи. Один хронограф, говоря о голоде, начавшемся в Московской земле в 1601 г., замечает, что до этого голода покупали бочку или оков ржи по 3 алтына и по гривне, т. е. по $4^1/_2$ или по 5 денег четверть: это даже немного дешевле казенной оценки ржи сто лет назад, по книге Вотьской пятины 1500 г. Флетчер, бывший в Москве в 1588 и 1589 г., говоря об изобилии и дешевизне хлеба в Московии, прибавляет, что пшеница продается иногда по 2 алтына четверть: если перевести московскую меру на новгородскую, то найдем, что новгородская коробья пшеницы, стоившая по книге 1500 г. 14 новгородских денег, по цене Флетчера стоила бы 18 новгородских [1]). В известиях XVI в. не находим дешевых цен овса и ячменя; но их можно приблизительно восстановить по тому отношению, какое существовало в древней Руси между стоимостью разных видов зернового хлеба: четверть овса ценилась обыкновенно

---

[1]) *Герберштейн* в переводе *Анонимова*, стр. 121. *Андр. Попова*, Изборник, стр. 219. *Флетчер*, гл. 3.

вдвое дешевле четверти ржи, а четверть ржи принимали за $1^1/_4$ четверти или за 10 четвериков ячменя. Приняв для московской четверти ржи в XVI в. цену 5 московок, получим для четверти овса $2^1/_2$ московки, а для четверти ячменя 4. Чтобы получить стоимость нынешней четверти, эти цены надобно удвоить, т. е. московки принять за копейки. Но эти цены не приурочены к определенной местности, являются в источниках с характером обычных, ходячих по всей Московии, по крайней мере в центральных ее областях. Чтобы найти соответствующие им нынешние цены, надобно вывести среднюю из средних цен каждого хлеба в нынешних центральных губерниях Великороссии, т. е. Московской и смежных с нею [1]). Получим такой ряд отношений, составив последующие члены из дешевых цен XVI в., выраженных в копейках, а предыдущие из средних цен каждого хлеба по центральным губерниям Великороссии:

Рожь	785 : 5	= 157.
Овес	307 : $2^1/_2$	= 123.
Ячмень	502 : 4	= 125.
Пшеница	1057 : 12	= 88.

Средний знаменатель отношений 123. Очевидно, понижение этого знаменателя в XVI в. сравнительно с XV в. произошло от того, что теперь средний в центральных, «низовых» областях государства пшеница стоила дороже, чем в Новгородской земле конца XV в.: без этого теперь средний знаменатель вышел бы больше того, какой выведен по книге Вотьской пятины 1500 г. Итак, *по дешевым ценам хлеба московский рубль XVI в. во 123 раза дороже нынешнего.*

Можно однако заметить, что цены, сообщаемые Герберштейном, Флетчером и русским хронографом, держались на рынке только

---

[1]) Только для яровой пшеницы (озимой в Московской земле XVI в. не сеяли) мы взяли средние цены в губерниях Московской (12 р. четверть), Тульской и более отдаленныхъ Нижегородской, Костромской, Новгородской, Тамбовской и Ярославской, потому что в издании департамента средние цены этого хлеба по губерниям, ближайшим к Московской, не выведены по недостатку данных.

в особенно благоприятные годы и часто сменялись более высокими. Правда, незначительное возвышение их уже считалось дороговизной: тот же хронограф, который сообщает, что в конце XVI в. покупали бочку ржи по 3 алтына и по гривне, прибавляет: «а коли дорого ино и по 5 алтын». Значит, 5 денег за четверть ржи не были ценой дешевой из дешевых, если $7^1/_2$ денег за четверть считались уже ценой дорогой. Замечательно, что все дошедшие до нас хлебные цены XVI в., которые можно приурочить к какой-нибудь местности, к определенному рынку, выше дешевых цен Герберштейна, Флетчера и хронографа. Известная Торговая Книга, изданная Сахаровым, по многим признакам отмечает цены, господствовавшие в городе Москве в конце XVI в. Отсюда узнаем, что при покупке большими партиями в столице продавали пшеницу по 13 алт. 2 деньги бочку, т. е. по 20 денег четверть, а гречневую крупу по 6 алтын 4 деньги бочку или по 10 денег четверть [1]). Если эти цены сравнить с московскими 1882 г., получится знаменатель отношения значительно меньше того, какой выведен выше из сравнения дешевых цен XVI в. [2]). Другие известия сообщают еще более высокие цены. Герберштейн говорит, что в год его поездки в Московию (второй в 1526 г.) в Вологодской земле была такая дороговизна, что четверть ржи продавалась по 14 денег. Из одного духовного завещания начала XVI в. узнаем, что в Белозерском краю бочка ржи «в белозерскую меру» ценилась по 50 денег, т. е. четверть стоила те же 14 денег, о которых говорит Герберштейн,

---

[1]) Записки отдел. русск. и слав. археологии Имп. Археол. Общ., т. I, отд. III, стр. 134. По словам Маржерета, в 1601 г., когда настал голод, *мера хлеба* поднялась с 15 су до 3 рублей; по хронографу именно четверть ржи тогда стали продавать по 3 руб. и выше. Маржерет считал 4 су в алтыне, следовательно 1 су равнялся $1^1/_2$ деньги, а 15 су $22^1/_2$ деньгам московкам. Мы относим эту цену к московскому рынку. Сказ. современ. о Дим. Самозванце, *Устрялова*, III, 50 и 74.

[2]) Нынешняя четверть пшеницы по цене Торговой Книги стоила 20 коп. Средняя московская цена ее в 1882 г. была 12 р. Отсюда отношение 1200 : 20=60. Нынешняя четверть гречневой крупы по Торговой Книге стоила 10 коп. В четверти гречневой крупы (велегорки и продельной) считается 8 пуд. Пуд этой крупы в Москве стоил в 1882 г. около 135 коп. Отсюда отношение 1080 : 10=108.

а белозерская мера, сколько можно судить о том по белозерской таможенной грамоте 1551 года, была та же московская или очень близкая к ней мера. В 1549 г. крестьяне поморской Шунгской волости (ныне Олонецкой губ. Повенецкого уезда) заняли полторы коробьи ржи с условием платить рост «на четыре пятое зерно», т. е. 25%; по истечении срока займа они обязались или возвратить занятой хлеб с таким ростом, или заплатить за хлеб деньгами по полтине московской за коробью. В состав этой полтины или 100 денег, разумеется, входил и рост; сделав учет по 25%, найдем, что коробья ржи при заключении займа была оценена в 80 денег: треть коробьи, т. е. московская казенная четверть ржи по этой оценке стоила $26^2/_3$ ден., почти вдвое дороже дорогой цены Герберштейна и слишком втрое дороже дорогой цены хронографа. В приходо-расходной книге Корнилиева Комельского монастыря 1576—1578 г. находим несколько любопытных указаний на хлебные цены и их колебания в вологодском краю. В сентябре 1576 г. куплена была четверть пшеницы за 4 алтына, а в ноябре 1577 г. за четверть пшеницы и четверть ржи монастырь заплатил 10 алтын; но так как в октябре того же года монастырь купил 3 четверти ржи за 10 алтын (по 20 д. четверть), то, предполагая, что цена ржи не изменилась впродолжение месяца, найдем, что четверть пшеницы стоила 40 денег, почти вдвое дороже, чем год назад. В апреле 1578 г. монастырь с одного своего должника взыскал 25 алт. 3 деньги за 5 четвертей ржи и за 2 четверти овса; в марте сам монастырь купил 9 четвертей овса за 20 алтын, по $13^1/_3$ ден. четверть; при такой цене овса монастырь засчитал своему должнику четверть ржи приблизительно в 25 денег, немного дороже, чем сам покупал рожь в октябре 1577 года [1]). Значение этих вологодских цен несколько уясняется сопоставлением их с псковскими 1560 г. По сельско-хозяйственным условиям Псковской край был довольно похож на Вологодский. В 1560 г. в Пскове покупали рожь по 16 денег (псковских) четверть, овес по 12, ячмень по 20 ден., а пшеницу по 33 деньги или 11 алтын [2]). Переложив псковские деньги и меры на

[1]) Акты Юр. №№ 415 и 239. Рукоп. Археогр. Комм. № 100, л. 7, 33 29 и 37.

[2]) Полн. Собр. Лет. IV, 312.

московские, получим цены очень близкие к вологодским, как это видно из следующей таблицы, в первом столбце которой обозначены вологодские цены московской четверти, а во втором псковские, выраженные также московками.

Рожь	20—25	$21^1/_3$.
Овес	$13^1/_3$.	16.
Пшеница	24—40	44.
Ячмень	— —	$26^2/_3$.

Мы считаем здесь псковскую четверть в полторы московских; но псковские цены еще более приблизились бы к вологодским, если бы мы вполне точно рассчитали отношение псковской четверти к московской: первая была больше последней слишком в $1^1/_2$ раза. Псковской летописец, записавший местные цены 1560 г., называет их дорогими и объясняет причину дороговизны: в то лето яровые хлеба не уродились, а в XVI в. яровыми хлебами были все, кроме ржи. В таблице эта причина отразилась как на отношении псковских цен к вологодским, так и на отношении псковских цен яровых хлебов к цене ржи. Псковские цены овса и пшеницы выше вологодских, тогда как псковская цена ржи приблизилась к низшей из двух вологодских. Овес, который обыкновенно стоил вдвое дешевле ржи, в Пскове продавался дешевле только на четверть цены ржи; ячмень, который, как мы видели выше, обыкновенно на 25% был дешевле ржи, теперь стоил в Пскове на 25% дороже ее. Значит, неурожай сильно поднял в Пскове только цены яровых хлебов, а цены ржи остались на нормальном уровне или стали немного выше его, т. е. 20 московок за московскую четверть можно считать не дешевой, но довольно обычной ценой ржи в северной заволжской полосе центральной Великороссии XVI в., как и на ее северозападной новгородско-псковской окраине. Это заключение несколько поможет нам разобраться в хаосе дешевых и дорогих цен XVI в. Оно подтверждается и другим известием псковской летописи [1]). В 1543 г. в Пскове был дорог всякий хлеб, не один яровой; но ячмень продавали по той же цене, как в 1560 г., по 20 псковских денег местную четверть, а овес даже де-

[1]) П. С. Лет. IV, 305.

шевле, по 10 денег, зато рожь продавали по 29—30 денег местную или по 33—40 московок московскую четверть. Сравнительно с этими цифрами цена 1560 г. (21 московка) может быть названа довольно умеренной. Но и псковские цены обоих этих лет далеко не достигали высшего предела дороговизны, какая иногда бывала в Московском государстве. По словам Флетчера, приехавшего в Московию в 1588 г., тогда была здесь такая дороговизна, что четверть ржи и пшеницы покупали по 13 алтын. В Белозерском краю уже в 1587 г. четверть ржи стоила 84 деньги, а четверть овса 56 денег: это вчетверо дороже дешевых вологодских цен 1577 и 1578 гг. На севере эта дороговизна продолжалась и в 1589 году: в Новгородской земле покупали рожь по 20 алтын местную четверть, т. е. по 80 денег московскую четверть [1]). Но, рассказывая об этой дороговизне, летописец уже прямо говорит, что это был голод.

Изучение хлебных цен XVI в. вполне подтверждает отмеченную выше особенность древнерусского хлебного рынка. В продолжение столетия незаметно постепенного роста хлебных цен; зато видим повторявшиеся от времени до времени сильные их колебания. Пределы этих колебаний обозначаются ценами ржи, которая в Белозерском краю в 1587 г. стоила 84 деньги четверть, а в самом конце века в Москве ее продавали, по свидетельству хронографа, по 4—5 денег, т. е. в 18 раз дешевле. При таких колебаниях, изучая отношение денежной единицы XVI в. к нынешней по ценам хлеба, очевидно, нельзя получить надежного вывода на основании одних дешевых цен. Когда мы из записок Герберштейна и из русского хронографа узнаем, что четверть ржи и в начале и в конце века продавали по 4—6 денег, отсюда при других известиях о других ценах мы должны заключить, что так бывало часто, но далеко не было так всегда: значительно более высокие цены были не мимолетным и редким затруднением хлебного рынка, а довольно обычным явлением. Чтобы получить более точный вывод, надобно взять такое сочетание дешевых и дорогих цен, которое выражало бы собою не одни счастливые или одни несчастные моменты древнерусского сельского хозяйства, а среднюю вели-

---

[1]) Чтения въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1883 г. кн. II. П. С. Лет. IV, 321.

чину, выведенную из сложности тех и других цен. Для этого мы возьмем рассмотренные выше дорогие цены разных местностей, сопоставим их со средними ценами 1882 г. по тем губерниям, к которым эти местности принадлежат ныне, выведем среднего знаменателя, который будет показывать отношение московского рубля XVI в. к нынешнему по дорогим хлебным ценам XVI в., наконец, сопоставив этого знаменателя с выведенным выше по дешевым ценам того же века, возьмем их среднюю величину, которая, как нам кажется, точнее выразит отношение московского рубля XVI в. к нынешнему. Повторяя при этом вышеуказанные приемы, мы присоединим к ним еще некоторые соображения. По дешевым ценам, как мы сказали выше, незаметно постепенного вздорожания хлеба въ продолжение XVI века: низкие цены конца этого столетия, отмеченные хронографом, не выше низких цен, записанных Герберштейном в начале того же века. Но высокие цены второй половины века вообще значительно выше высоких цен первой половины: так, например, Герберштейн в описании центральной московской области замечает, что в неурожайном 1525 г. за стоившее прежде (разумеется, четверть ржи) 3 деньги здесь платили 20 и даже 30 денег, а от Флетчера узнаем, что в 1588 г. рожь и пшеницу продавали в Московии по 78 денег четверть. Трудно сказать, есть ли это случайность, объясняющаяся скудостью дошедших до нас известий, или в самом деле хлебные цены второй половины века поднимались до высоты, какой они не достигали в первую. Большая вероятность последнего предположения заставляет принять эту разницу в расчет. Поэтому все отношения, какие можно вывести из сравнения дорогих цен XVI в. с нынешними, мы сведем в две таблицы, из которых одна основана на ценах первой половины, другая на ценах второй половины века [1]).

Москва	1520-х гг.	Рожь	840 : 30	28.
Вологда	1520-х гг.	Рожь	900 : 14	64.

[1]) Акты Юр. №№ 415 и 239. П. С. Лет. IV, 305.; III, 150. Мы не вводим в расчет цен не локализованных, не приуроченныхъ к известной местности, каковы отмеченные в тексте дорогие цены хронографа и Флетчера, а где встречаем несколько цен одного и того же хлеба, там берем высшую.

Белоозеро нач. XVI в.	Рожь	900 : 14	64.
Псков 1543 г.	Рожь	725 : 40	18.
	Овес	380 : $13^1/_3$	28.
	Ячмень	565 : $26^2/_3$	21.
Новгород 1544 г.	Рожь	900 : $13^1/_3$	67.
Шунга 1549 г.	Рожь	1350 : $26^2/_3$	51.

Средний знаменатель отношений 43. Сопоставив его с выведенным выше знаменателем 123, найдем, что по сложности средних знаменателей отношений дешевых цен XVI в. и дорогих цен первой его половины к ценам 1882 г. *московский рубль первой половины XVI в. равняется 82 нынешним.*

Подобным образом составим отношения дорогих цен второй половины века к нынешним. Приняв дешевые цены за низший предел, до которого падала стоимость хлеба в XVI в., мы можем ввести в расчет, как высший ее предел, и такие дорогие цены, которые современники считали уже голодными или близкими к голодным [1]).

Псков 1560 г.	Рожь	725 : $21^1/_3$	34.
	Овес	380 : 16	24.
	Ячмень	565 : $26^2/_3$	21.
	Пшеница	1200 : 44	27.

---

[1]) К указанным в тексте ценам второй половины века мы прибавляем архангельскую указную цену четверти ржи и четверти овса вместе (1596 г.). Такими парами четвертей ржи и овса, носившими название *юфтей хлеба*, казна выдавала хлебное жалованье служилым людям и хлебную ругу духовенству. Когда хлебное жалованье заменялось денежным, юфть хлеба перекладывали на деньги по указной цене, применяясь к ценам местного рынка; в книгах о выдаче жалованья, например, писалось в XVII веке: «за хлеб жалованье деньгами по указной цене за четь ржи по 8 алт. 2 деньги, за четь овса по 6 а. 4 д., и обоего за юфть хлеба по 15 алт.». По грамоте 1596 г. о руге Архангельскому монастырю положено было выдавать 49 денегъ за четверть ржи и четверть овса, разумеется, за четверть казенную московскую. Отношение цены овса к цене ржи в юфти изменялось, хотя нормальным считалось отношение первой ко второй, как 1 к 2. Потому мы сопоставляем цену юфти с суммой нынешних цен ржи и овса. *Крестинина*, Ист. опыт о сельском домостроительстве Двинск. народа, 41. Хлебных цен Торговой

Вологда 1577 и 1578 гг.	Рожь	900 : 25	36.
	Овес	355 : 13½	28.
	Пшеница	1240 : 40	31.
Белоозеро 1587 г.	Рожь	900 : 84	11.
	Овес	390 : 56	7.
Новгород 1589 г.	Рожь	900 : 80	11.
Архангельск 1596 г.	Рожь и овес	1750 : 49	36.
Москва конца XVI в.	Рожь	840 : 22½	37.

Средний знаменатель 25. Повторив прежний способ действия, найдем, что *московский рубль второй половины XVI в. в 74 раза дороже нынешнего.*

Легко заметить, что эти выводы получены довольно искусственным, так сказать, механическим способом, который не даеть никакого ручательства в том, что выведенные посредством него знаменатели показывают действительное среднее отношение хлебных цен XVI в. к нынешним. Но более надежные выводы едва ли и можно получить из таких случайных и неполных данных, какие можно собрать в памятниках XVI века: для этого надобно было бы знать, насколько устойчиво держались на тогдашних рынках дешевые цены, какъ часто сменялись они дорогими и т. п. По крайней мере в своем расчете мы приняли все предосторожности против преувеличения стоимости рубля XVI в. сравнительно с нынешним, из дорогих цен брали самые высокие, отбрасывая цены, приближавшиеся к дешевым, так что выведенные нами за обе половины XVI в. знаменатели можно считать наименьшими, какие можно вывести из известных

Книги мы не вводим в таблицу по многим причинам: нельзя сказать наверное, относятся ли они к XVI в., или к началу XVII; это оптовые цены, а не розничные, каковы другие цены в таблице; неизвестно, какую бочку разумеет книга, обыкновенную ли хлебную въ 16 тогдашних пудов ржи, или, например, упоминаемую в книге селедовку, которая была гораздо меньше; в первом случае цены Торговой Книги ближе к дешевым, чем к дорогим. Опускаем также по этой последней причине и цену овса (6 ден. четверть), отмеченную в одном акте Данилова переяславского монастыря 1566 г. *Г. Калачова*, Арх. ист. и практ. свед. 1860—1861 г. кн. IV.

цен XVI в., а такие знаменатели представляют меньше опасности, чем преувеличенные: руководствуясь такими знаменателями, исследователь экономического быта того века наделает меньше ошибок. Трудно придумать средство проверить, что полученные нами выводы если и не выражают вполне точно ценности рубля XVI в. сравнительно с нынешним, то и не преувеличивают ее. Цены других предметов потребления не могут служить такой поверкой, потому что значение самых этих цен определяется ценами хлеба. Все эти предметы можно разделить на два разряда, резко различавшиеся между собою по сравнительной стоимости, какую они имели в XVI веке: к одному разряду можно отнести предметы привозные, к другому туземные. Выше было уже замечено, что в сумме потребностей человека, которым удовлетворяет рынок, хлеб составлял в древней Руси более дешевую статью, чем какую составляет он теперь. Но если все другие предметы кроме хлеба обходились древнерусскому потребителю дороже, чем обходятся они нам, то особенно дорого стоили ему предметы привозные, что объясняется условиями внешней торговли России в те века. В следующей таблице показаны выраженные в копейках и пудах отношения нынешних цен некоторых из этих привозных предметов к ценам второй половины XVI и начала XVII в., заимствованным из записки Барберини и частию из Торговой Книги; в этой таблице мы сопоставили высшие нынешние московские цены с низшими тогдашними московскими же ценами, чтобы получить знаменатели отношений выше средних и таким образом нагляднее показать, как далеко не достигают и эти преувеличенные знаменатели до выведенного нами общего знаменателя отношений хлебных цен [1]).

Перец (черный).	1200 :	411	— 2,9
Сахар головной.	850 :	343	— 2,4

[1]) *Барберини* в Сыне Отечества 1842 г., № 7, стр. 46. Из Торговой Книги мы брали только такие цены, которые ниже цен Барберини или которых нет у последнего. При сравнении мы пользовались думскими ведомостями справочных московских цен 1882 г. Разумеется, древнерусский пуд мы переводили на нынешний, уменьшая его цены в $1^1/_6$ раза, так как он был в $1^1/_6$ раза больше нынешнего, т.-е. относился к последнему, как 7 к 6.

Гвоздика.	3000 : 2000	— 1,5
Мускатные орехи.	8000 : 1028	— 7,7
Имбирь.	1400 : 411	— 3,4
Чернослив.	1100 : 43	— 25,5
Изюм.	1100 : 34	— 32,3
Бумага хлопчатая.	1400 : 103	— 13,6
» писчая (стопа).	1200 : 40	— 30,5

Сами по себе эти отношения ничего не значат или значат противное тому, что должны значить. Если, например, стопу писчей бумаги в конце XVI в. в Москве покупали по 4 гривны, а мы покупаем по 13 р., отсюда вовсе не следует заключать, что с тех пор бумага вздорожала в 30½ раз: этого не могло случиться, потому что в XVI в. бумагу привозили в Московию голландцы, с большими издержками и риском совершая поездки к восточным балтийским и даже беломорским берегам, а теперь товар этот в огромном количестве выделывается в России. Действительный экономический смысл этим отношениям сообщают цены хлеба. Если стопа бумаги, которая стоит теперь 13 рублей, в конце XVI в. продавалась по 40 копеек, а на копейку тогда можно было купить хлеба в 74 раза больше, чем теперь,—значит, бумага теперь стала в 2,2 раза дешевле, чем была в то время. Эти отношения мы намеренно составили из низших цен XVI в. и высших нынешних, чтобы получить наибольшие знаменатели, какие получить можно: разумеется, деля 74 на этих знаменателей, мы получим наименьшие частные, показывающие, во сколько раз подешевел тот или другой привозный товар с конца XVI в. Так узнаем, что сахар стал дешевле не менее как в 30 раз, гвоздика не менее 49 раз. Если по отмеченным в таблице предметам можно судить о тогдашней стоимости вообще всех колониальных и мануфактурных товаров сравнительно с их нынешними ценами, то окажется, что эти товары, большею частью предметы роскоши, с тех пор *подешевели в 5½ раз.*

Туземные предметы по своей сравнительной стоимости гораздо ближе подходили к хлебу, как это видно из следующей сравнительной таблицы московских цен 1882 г. и цен второй половины XVI в.,

заимствованных из записки Барберини 1565 г., из статейного списка посольства Флетчера 1588—9 г. и частию изъ Торговой Книги [1]).

Курица	65 :	1½ к.=43
Утка живая	80 :	3=27
Масло коровье (фунт)	35 :	3/7=82
Солонина (фунт)	13 :	5/8=21
Яиц сотня	250 :	5=50
Кочней капусты сотня	500 :	12=42
Огурцов сотня	14 :	4/5=17
Масло семенное (пуд)	650 :	20=32
Воск (пуд)	2900 :	103=28
Мед (пуд)	2000 :	41=49
Лен (пуд)	1000 :	70=14
Сало говяжье (пуд)	640 :	24½=28
Овчина	250 :	6=42

Средний знаменатель 37. Итак, *домашняя птица, мясо, продукты пчеловодства и огородничества, как и другие туземные предметы продовольствия и домашнего хозяйства кроме хлеба съ конца XVI в. подешевели ровно вдвое*, если о сравнительной ценности всего этого можно судить по указанным в таблице статьям.

Еще ближе к хлебным ценам сравнительная стоимость скота в XVI в. Впрочем, для изучения этой статьи хозяйства мы имеем очень скудные данные, извлеченные из приходо-расходной книги

---

[1]) Для Флетчера со свитой, возвращавшихся из Москвы северным путем на Вологду и Холмогоры, приставу велено было в дороге покупать припасы «по тамошней цене, по прямой по указной цене»; в статейном списке помещена и роспись этих цен. По сравнению с ценами Барберини и приходо-расходной книги Корнилиева монастыря видно, что эти указные дорожные цены были значительно выше вологодских цен 1578 г. и близки к московским. Времен. Общ. Ист. и Др. Р. кн. VIII. Цены огурцов и капусты также не московские, а вологодские, заимствованы из приходо-расходной книги Корнилиева монастыря.

Комельского монастыря и Уставной книги Разбойного приказа [1]). Найденные здесь цифры мы сопоставляем со средними ценами на скот в издании департамента земледелия и сельской промышленности 1882 г., где показаны особо цены скота осенью и весной. В приходо-расходной книге помечено, в каком месяце и по какой цене продана лошадь или корова. Мы сопоставляем весенние цены департамента с весенними и летними ценами приходо-расходной книги, а осенние цены первого с осенними и зимними ценами второй. При этом надобно заметить, что в издании департамента выведены средние цены только рабочих лошадей, а в приходо-расходной книге обозначены цены и рабочих и более дорогих выездных: следовательно, средние цены лошадей, выведенные по этой книге, выше средних в издании департамента, а потому и средний знаменатель отношения, выведенный из сравнения тех и других, выйдет скорее ниже, чем выше действительного. Такса Разбойного приказа выше цен приходо-расходной книги и, повидимому, соображена с курсом более дорогих рынков: мы сопоставляем ее со средними годовыми ценами скота по Московской губернии в 1882 г. Получаем такой ряд отношений, в которых предыдущими членами служат цены 1882 г. (в копейках), а последующими цены XVI в.

Вологда. Лошадь весной и летом	5000 : 88	= 57
осенью и зимой	4000 : 60	= 67
Корова весной	3200 : 67	= 48
Москва. Лошадь осенью	4500 : 138	= 33
Указные цены. Лошадь рабочая	5250 : 150	= 35
Корова	4500 : 100	= 45
Бык	4500 : 100	= 45
Овца	400 : 10	= 40

[1]) Акты Ист. III, стр. 300: здесь помещена установленная указом царя Федора Ивановича такса, по которой удовлетворялись иски о пограбленных разбойниками животах. Известие Курбского, что в лагере под Казанью по взятии Арского города коров продавали по 10 ден., а больших волов по 10 аспр (белок), т. е. по 20 денег, разумеется, не может быть принято в расчет, как исключительный случай. Сказ. кн. *Курбского*, изд. 2, стр. 27.

Средний знаменатель 46, т. е. *скот подешевел с конца XVI в. только в 1,6 раза.*

Наконец, всего любопытнее было бы определить сравнительную стоимость труда. Но удовлетворительному решению этого вопроса кроме скудости данных мешает еще трудность найти соизмеримые величины, т. е. такие древние и нынешние цены, которые означали бы стоимость одинакового труда и при одинаковых условиях. В издании департамента приведены поденные цены на труд сельских рабочих во время производства ярового посева, сенокоса и уборки хлебов. Данных о стоимости такого труда мы не находим в памятниках XVI в. Но в приходо-расходной книге Корнилиева монастыря есть довольно много указаний на то, что̀ платил монастырь разным наемным мастеровым и чернорабочим. Все эти цены годовые, а не поденные. Все рабочие служили монастырю на его харчах; притом одни работали в своей «одеже и обутке», другие получали то и другое от монастыря; сообразно с этим изменялась и наемная плата деньгами. При таких разнообразных условиях сравнение древних и нынешних цен на труд становится очень рискованным. Чтобы получить возможно безопасный вывод, сделаем такой расчет. Цены на сельский труд в 1882 г. вообще были умеренные. Мастеровой труд ценится выше работы простого поденщика; но сельский рабочий весной и летом далеко не самый дешевый поденщик. Погодная наемная плата, разумеется, относительно ниже поденной; положим, что она вдвое ниже последней, то-есть считая в году 300 рабочих дней, положим, что сельский поденщик в 150 дней весенней и летней рабочей поры выработает столько же, сколько получил бы он, нанявшись на целый год. Поэтому средний по Вологодской губернии заработок сельского пешего рабочего за 150 дней на хозяйских харчах мы сопоставим с годовой платой тех мастеров и рабочих Корнилиева монастыря в 1576—1577 г., о которых в приходо-расходной книге прямо замечено, что они получали плату не только «за рубахи и рукавицы и ногавицы и за всю обутку», но и «за шубу и за сермягу, за все платье», то есть работали во всей своей одежде, тогда как другие, имея свои рубахи и обутку, получали шубу и сермягу от монастыря и за то пользовались меньшей денежной платой. Таким образом, мы по возможности уравновесим различные

условия древнего и нынешнего найма и вместе с тем приблизим цифры старинных цен на труд к цифрам нынешних, иначе говоря, уменьшив расстояние между этими цифрами, получим такие отношения между теми и другими ценами, знаменателей которых трудно будет заподозреть в преувеличении, что нам и нужно всего более. Пеший рабочий в Вологодской губернии получал в 1882 г. средним числом по 45 коп. за день работы в страдную пору на хозяйских харчах, что составит 67 р. 50 коп. за 150 рабочих дней. Комельский монастырь платил сапожному мастеру при его платье 90 к. в год, плотнику 110 к.; следовательно, в 1576—7 г. первый получал в 75, а второй в 61 раз меньше сельского рабочего 1882 г. Швецу монастырь платил 105 к. в год, а другому мастеровому, ремесло которого не обозначено, даже только 45 коп.; следовательно, первый получал в 64, а второй в 150 раз меньше нынешнего сельского поденщика. Чернорабочие получали почти столько же, сколько мастера, потому что обязаны были «всякое дело делати черное по вся дни», иногда даже по воскресеньям. Средняя плата им при своем платье была 110 коп., в 61 раз меньше заработка нынешнего сельского работника. Но Герберштейн говорит, что в городе Москве обычная плата за работу простому поденщику была $1^1/_2$ деньги, в 94 раза меньше, чем сколько получал чернорабочий поденщик в Москве в 1882 г. (60—80 коп.). Такие цифры заставляют думать, что *труд теперь нисколько не дешевле, чем он был в XVI веке, напротив, стал, повидимому, даже несколько дороже.*

Нельзя не заметить некоторой последовательности в выведенном при помощи хлебных цен отношении древней стоимости разных предметов потребления к нынешней. Предметы привозные, удовлетворявшие преимущественно потребностям роскоши, теперь подешевели больше, чем предметы туземного производства, а из этих последних скот подешевел меньше других предметов; наконец труд не подешевел вовсе, может быть, даже вздорожал. Когда мы утверждаем, что даже предметы туземные кроме хлеба теперь стали дешевле, чем были в XVI в., это значит, что они подешевели сравнительно с хлебом, т. е. хлеб вздорожал больше остальных предметов хозяйства, или, говоря точнее, *в общем подъеме цен с XVI в. до нашего времени стоимость хлеба поднялась гораздо выше, чем стоимость других предметов потребления,*

так что рыночное отношение первого к последним теперь далеко не то, какое существовало триста лет назад. Эту именно перемену и хотели мы обозначить, когда, соображая общие условия сельского хозяйства в древней и современной России, сказали, что в сумме хозяйственных потребностей хлеб для нас составляет более ценную статью, чем какою был он для древнерусского человека: вывод, основанный на этих общих условиях, вполне подтверждается результатами, к каким привело изучение истории цен.

При более подробном и внимательном изучении цен XVI в. можно, без сомнения, точнее определить, насколько изменилась сравнительно с ценами хлеба стоимость других предметов потребления. Мы коснулись этого мимоходом только для того, чтобы нагляднее показать, что цены этих предметов не могут служить поверкой выведенного по хлебным ценам отношения древнего рубля к нынешнему: напротив, хозяйственное значение цен самих этих предметов за известное время становится понятно только при условии, если наперед определено по хлебным ценам отношение тогдашнего рубля к нынешнему. Поверка выводов должна быть основана на разборе возможных ошибок в способе, каким они получены. Главное побуждение, заставляющее сомневаться в точности этих выводов, заключается в том, что мы недостаточно знаем свойство хлебных цен XVI в., на которых они основаны. Из хронографа узнаем, что до 1601 г. в Московской земле покупали четверть ржи по $4^1/_2$ и по 5 денег, а в дороговизну по $7^1/_2$ д. Но что значат эти низкие цены? Изложенные выше выводы построены на том предположении, что такие цены равномерно чередовались на центральных рынках с более высокими, т. е. что в каждое двухлетие круглым счетом один год господствовали низкие цены, а другой высокие. Но этому известию можно придавать и другое значение: по поводу страшного вздорожания хлеба хронограф для усиления контраста мог припомнить самые дешевые цены, какие бывали иногда, хотя и не часто. Недаром цены, находимые во всех других известиях второй половины XVI в., не такие общие, а приуроченные к известной местности, выше цен хронографа вчетверо, впятеро и больше. Другие памятники, к которым мы обращаемся для поверки своих выводов, внушают даже мысль, что чем более наберем мы в уцелевших источ-

никах XVI в. известий о местных ценах хлеба, тем более увеличим только список дорогих, а не дешевых цен. С этой стороны заслуживают внимания два памятника, расходная книга Болдина Дорогобужского монастыря и вкладная книга Кандалашского монастыря Кемского уезда Архангельской губ.[1]). В 1586 г. Болдин монастырь заплатил своим крестьянам по 36 денег за четверть ржи: это очень дорогая цена, в 7 раз дороже дешевой цены хронографа. Во вкладной книге Кандалашского монастыря находим ряд хлебных цен за 1584—1600 г. Некоторыми из них нельзя воспользоваться: в книге, например, записано 8 бочек с 1 мерой ржи и ячменя ценой в 5 рублей, но не обозначено, сколько ржи и сколько ячменя. Чтобы воспользоваться другими ценами, надобно предварительно объяснить своеобразную метрику поморского севера, которой держится книга. Она считает новгородками и деньгами, разумея под последними московки, но рубль принимает только московский в 100 новгородок или 200 московок. Хлеб измеряется в ней *мерами и бочками*. В 1655 г. положены были в монастырь две меры с четвериком ржи за $22^1/_2$ алтына: очевидно, мера оценена была в 10 алтын, а четверик в $2^1/_2$, т. е. в мере считалось 4 четверика; следовательно, мера была половина северной, т. е. новгородской четверти. В 1594 г. положены были в монастырь 4 бочки ржи за 3 р. 12 алт., по 7 алтын мера, т. е. в бочке считалось 4 меры: это малая бочка, равнявшаяся новгородской коробье. По цене монастырских вкладов мера ржи стоила в 1584 г. 30 денег, в 1585 г. 30 д., в 1593 г. 50 и 150 д., в 1594 г. 42 и 50 д., в 1599 г. 40 д., в 1600 г. 26 д. Переложив северные меры на тогдашние московские четверти, считая 6 московских четвериков в мере, найдем, что московская четверть ржи по оценке Кандалашского монастыря стоила в 1584 г. 40 д., в 1585 г.

---

[1]) Истор. Библиотека, изд. Археогр. Ком., т. 2, стр. 311. Вкладная Кандалашского монастыря, любопытная во многих отношениях рукопись, принадлежит Е. В. Барсову. Запись вкладов здесь начинается с 1563 г. и прерывается на 1687 г. Вклады делались деньгами, церковной утварью, платьем, хлебом, рыбой, рыболовными судами и снастями, домашней рухлядью, скотом, работой на монастырь и проч.; в числе вкладов является даже охотничья собака, оцененная в полтину, что равнялось половине обычной цены коровы.

40 д., в 1593 г. 66⅔ и 200 д., в 1594 г. 56 и 66⅔ д., в 1599 г. 53⅓ д., в 1600 34⅔ д. Если даже откинем непомерно высокую, близкую к голодной цену 200 д., то получим из остальных среднюю 51 д. за московскую четверть. Сопоставив эту среднюю и смоленскую цену 1586 г. со средними по Архангельской и Смоленской губерниям 1882 г. (1150 и 790 к.), получим отношения, знаменатели которых даже немного ниже того, какой выведен выше по дорогим ценам второй половины XVI в. (именно получим 23 и 22). Правда, цены обеих монастырских книг нельзя считать нормальными. Обе книги принадлежат двум далеко не самым хлебородным окраинам тогдашнего Московского государства. Цены, по которым Болдин монастырь покупал в 1585—6 г. не только хлеб, но и другие товары как в Москве, так и на месте, значительно выше обычных московских цен того времени: значит, болдинская книга отметила цены и дорогого края и дорогого времени. О беломорском побережье нечего и говорить: там на окраине земледельческой полосы всегда господствовала сравнительная дороговизна. Вообще подозрение, что выведенное выше отношение рубля второй половины XVI в. к нынешнему, как 74 к 1, преувеличено, значительно ослабляется географией дорогих хлебных цен XVI в. Если местные цены, дошедшие от этого века, как нарочно почти все много выше дешевых общих, отмеченных Герберштейном, Флетчером и хронографом, то при этом не следует забывать, что эти местные цены как нарочно идут из таких малохлебных или окрайных областей, как Смоленская, Псковская, Новгородская, Белозерская, Вологодская, Архангельская, и не дошло ни одного достаточно полного и ясного известия из местностей более центральных или хлебных, тянувших к Твери, Владимиру, Нижнему, Рязани, Туле, а дешевые цены у иностранцев и в хронографе прежде всего и могли быть взяты с этих центральных и обильных хлебом рынков. Несмотря на все это, для проверки своих выводов предположим в этих ценах не обычный, нормальный уровень, а только счастливые явления, такие же отдельные, одиночные случаи, какими были дорогие цены, и в таком значении поставим их в один ряд с последними; при этом мы будем выводить средние из дорогих и дешевых, когда те и другие относятся к одной и той же местности, а из таких же параллельных дорогих будем брать

низшие, которые можно принять за средние между дешевыми и самыми дорогими [1]). Из этих умеренно-дорогих местных цен и из средних общих составим отношения, сопоставляя первые с местными средними ценами 1882 г., а вторые с общими средними, выведенными из местных по центральным губерниям Великороссии, как уже делали выше. Средние знаменатели этих отношений, составленных с очевидной натяжкой данных в сторону их понижения, выйдут, разумеется, ниже выведенных нами за обе половины века цифр 83 и 74; их можно будет принять за крайние низшие пределы отношения рубля первой и второй половины XVI века к нынешнему. Цены первой половины явятся в таких отношениях:

Великороссия	Рожь	785 : 5	= 157
Москва	Рожь	840 : 14	= 60
Новгород	Рожь	900 : $13^1/_3$	= 67
	Ячмень	635 : $4^2/_3$	= 136
Белоозеро	Рожь	900 : 14	= 64
Псков	Рожь	725 : $33^1/_3$	= 22
	Овес	380 : $13^1/_3$	= 28
Шунга	Рожь	1350 : $26^2/_3$	= 51

Средний знаменатель 73

Легко заметить, что это понижение знаменателя произошло от псковских цен, которые, очевидно, много выше умеренно-дорогих: если бы их не было, средний знаменатель вышел бы не только не ниже, но даже выше 83, именно 89.

Выше мы заметили, что 20 и 21 деньга за московскую четверть были хотя не дешевой, но довольно умеренной ценой ржи для Вологодского и Псковского края во второй половине XVI века; такими же

---

[1]) Дешевая цена ржи в Московском краю у Герберштейна 3 деньги четверть, дорогая 20 и 30: возьмем среднюю 14. Для Московии вообще дешевые цены у него 4, 5 и 6 ден.: берем среднюю 5. Для Московии второй половины века в хронографе дешевые цены $4^1/_2$ и 5 д. четверть, дорогая $7^1/_2$, средняя 6.

ценами можно признать 30—35 ден. для Беломорья; для Москвы мы принимаем по показанию Маржерета 22 д. Соображая с этими умеренно дорогими местными ценами ржи выбор цен других хлебов, составим такой ряд отношений за вторую половину XVI века:

Великороссия	Рожь	785 : 6	= 131
	Пшен.	1057 : 12	= 88
Москва	Рожь	840 : 22	= 38
Переяславль	Овес	330 : 6	= 55
Псков	Рожь	725 : 21	= 35
Вологда	Рожь	900 : 20	= 45
	Пшен.	1240 : 24	= 52
Архангельск. . . .	Рожь и овес	1750 : 49	= 36

Средний знаменатель 60

Псковская цена опять оказалась сравнительно выше других: без нее средний знаменатель поднялся бы до 64. Это объясняется прежде всего тем, что псковские цены взяты из летописи, которая обыкновенно отмечала только особенно высокие цены, поднимавшиеся выше умеренно-дорогих. Итак, первая поверка приводит к тому, что знаменатель 83, выведенный для рубля первой половины XVI в., повидимому, нисколько не преувеличен, а знаменатель рубля второй половины 74, может быть, понижен до 64 или до 60.

Возможен и другой способ поверки. Определяя отношение дешевых и высших дорогих цен XVI в. к нынешним, мы сопоставляли те и другие со средними ценами 1882 г. Но, может быть, это неправильно: может быть, лучше было бы сопоставлять древние дешевые и дорогие цены раздельно с дешевыми и дорогими новейшими, составляющими низшие и высшие пределы колебаний, из которых выведены средние в издании департамента. Правда, и здесь мы сделаем явную натяжку с намерением понизить знаменателя отношения древнего рубля к нынешнему. Колебания цен в пределах одного урожайного года, происходящие от качества хлеба, от условий места и времени года, далеко не то же, что колебания на протяжении многих лет, зависящие от изменчивости урожая: последние, разумеется, несравненно сильнее первых; самая дорогая из цен урожайного года

еще не составляет дороговизны. Значит, сопоставляя наиболее дорогие цены XVI в. с высшими 1882 г., мы собственно будем сравнивать высшие из дорогих древних цен с высшими из дешевых новейших: полученные знаменатели отношений выйдут много ниже тех, какие получились бы при сравнении соизмеримых цен. Для ослабления этой натяжки мы только выбросим из числа дорогих цен те, которые названы в источниках голодными или приближались к ним. Помещенная выше (стр. 29) схематическая таблица дешевых цен XVI в. преобразится в следующую, в которой предыдущими членами отношений будут средние из низших цен по центральным губерниям Великороссии 1882 г.

Рожь	613 : 5	= 123
Овес	225 : 2½	= 90
Ячмень	364 : 4	= 91
Пшен.	875 : 12	= 73

Средний знаменатель 94

Сопоставив высшие из дорогих цен XVI в. с высшими 1882 г., получим два таких ряда отношений, из коих первый относится к первой половине XVI в., а второй ко второй половине.

Псков	Рожь	920 : 40	= 23	920 : 21	= 44
	Овес	450 : 13⅓	= 34	450 : 16	= 28
	Ячмень	750 : 26⅔	= 28	750 : 26⅔	= 28
	Пшен.	— —	—	1440 : 44	= 33
Вологда	Рожь	1050 : 14	= 75	1050 : 25	= 42
	Овес	— —	—	420 : 13⅓	= 31
	Пшен.	— —	—	1500 : 40	= 37
Новгород	Рожь	1350 : 13⅓	= 101	— —	—
Белоозеро	Рожь	1350 : 14	= 96	— —	—
Шунга	Рожь	2000 : 26⅔	= 75	— —	—
Арханг.	Рожьи овес	— —	—	2050 : 49	= 42
Кандалакша	Рожь	— —	—	1450 : 51	= 28
Дорогобуж	Рожь	— —	—	900 : 36	= 25
Москва	Рожь	— —	—	1000 : 22	= 45
Средние знаменатели		62		35	

Соединяя среднего знаменателя первой таблицы с тем и другим средним знаменателем второй, найдем, что рубль первой половины XVI в. относится к нынешнему, как 78 к 1, а рубль второй половины, как 64 к 1. Значит, вторая поверка еще более первой сблизила крайние низшие пределы этого отношения с выведенными прежде цифрами 83 и 74. Обе изложенные поверки позволяют свести исследование о рубле XVI в. по хлебным ценам к тому окончательному заключению, что *в первую половину века он равнялся 73—83 нынешним, а во вторую 60—74 нынешним.*

Одна черта хозяйственного быта древней Руси побуждает к возможному понижению цифры, указывающей, во сколько раз древний русский рубль стоил дороже нынешнего. Предмет потребления, по своему значению в хозяйственном обиходе больше других приближающийся к хлебу, как одна из насущных потребностей, соль была чрезвычайно дорога в древней Руси, что зависело от условий ее добывания в те века и от тяжелой пошлины, на ней тяготевшей. По кормовой книге Кириллова Белозерского монастыря [1]) и по приходо-расходной книге Корнилиева Комельского монастыря соль в Белозерском краю в 1570-х годах стоила 8 и 10 ден. пуд, в Вологодском 18 и 20 ден., а из статейного списка посольства Флетчера узнаем, что в 1580-х годах ее продавали в Москве по 20 и по 34 деньги, Казани по 18 ден. пуд. Если из таких данных позволительно выводить среднюю цену, то такою средней даже без слишком высокой московской цены 34 д. выйдет 16 ден. или 8 коп. за тогдашний или почти 7 коп. за нынешний пуд. Так как даже при крайнем низшем пределе отношения рубля того времени к нынешнему, как 60 к 1, эти 7 коп. (без $^2/_7$) равняются 403 нынешним, то при нынешней средней цене соли 40 коп. за пуд этот предмет во второй половине XVI в. был дороже нынешнего по крайней мере в 10 раз.

---

[1]) Записки отд. русск. и слав. арх. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 83 и 84.

V.

Для изучения хлебных цен XVII в. мы располагаем более обильным запасом данных и притом более удобных для изучения. Они дают возможность чаще пользоваться средними ценами, чем это можно было при изучении данных XVI в. Когда одно известие говорит о дорогой цене ржи в Поонежье 1549 г., а другое отмечает еще более дорогую дорогобужскую цену 37 лет спустя, то выводить среднюю из таких данных значило бы играть средними. В XVI в. по некоторым местностям можно собрать погодные известия о ценах за несколько лет, проследить их колебания и вывести из них такие средние, которые дают более точное понятие об уровне цен, чем одиночные, случайные данные, какие находим в известиях XVI в.

Смутное время, начавшееся голодом 1601—3 г., продолжавшееся самозванщиной и кончившееся великой «разрухой» государства, произвело крутой перелом в курсе хлебных цен: в это время они стали на уровне, до которого редко поднимались прежде, и потом остались на нем надолго. Народонаселение центральных областей страшно поредело от внешних войн и внутренних усобиц, а еще больше, может быть, от побегов на более безопасные северные и восточные окраины. В этом последнем отношении бедствия Смутного времени только послужили новым толчком, поддержавшим и усилившим отлив населения из центра к окраинам, начавшийся во второй половине XVI в. Среди уцелевшего сельского населения заметно в первое царствование новой династии чрезвычайное развитие бобыльства, маломочного безземельного или малоземельного крестьянства, которое, потеряв земледельческий инвентарь вследствие разорений, принуждено было совсем бросить пашню или брать ничтожные участки. Все это уменьшило число и силу производителей, поставлявших хлеб на центральные рынки.

Подъем цен начался в 1601 г., с первыми признаками трехлетнего неурожая, и дошел в Москве с 20 ден. до 3 рублей за четверть ржи. Но и по миновании этого голода цена хлеба при содействии политических бедствий иногда поднималась до 7 и даже до 9 *тогдашних* рублей за четверть ржи, как было при царе Василии Шуйском; это в 360 раз дороже дешевой цены, по которой продавали рожь до Смутного

времени, по свидетельству хронографа. Такие бедственные цены, разумеется, не могут быть приняты в расчет при изучении нормальных цен. Но и те цены Смутного времени 1601—1612 г., которые можно назвать нормальными, большею частью выше самых высоких цен XVI в., нам известных. Вообще они держатся около 100 денег за московскую четверть ржи и часто поднимаются выше. Из одного акта узнаем, что в 1601 г., при самом начале голодного трехлетия, прасолы в Сольвычегодске, скупив хлеб, продавали рожь по 200 денег за четверть, овес по 120, ячмень по 160 ден. Московское правительство, чтобы помешать спекуляции, установило указные цены, предписав продавать рожь по 100 ден. четверть, овес по 50, ячмень по 80 денег, т. е. понизило цены вдвое: эту пониженную таксу и можно считать нормальным уровнем хлебных цен на севере тогдашней Великороссии. Дешевые цены, какие бывали там в Смутное время, узнаем из акта продажи с публичного торга имущества, оставшегося после убитого в Новгороде народом за измену М. Татищева в 1608 г. Приказные, руководившие аукционом, разумеется, ценили вещи невысоко и продавали некоторые из них с наддачей. Рожь они оценили по 60 ден. за четверть «в таможенную меру», т. е. по 40 д. за московскую четверть, овес по 30 ден. за новгородскую или по 20 ден. за московскую четверть. Ту же цену ржи встречаем в кормовой книге Кириллова Белозерского монастыря, в которой записано, что в начале XVII в. в монастыре на помин души была принята рожь по 40 ден. за четверть. Эти известия несколько объясняются вкладной книгой Кандалашского монастыря, которой мы уже выше пользовались. Здесь отмечены цены ржи почти за каждый год с 1604 по 1611: и здесь 1608 год самый дешевый, когда рожь стоила те же 40 ден. за московскую четверть, как ценили ее приказные на новгородском аукционе [1]). При такой

---

[1]) Выписываем цены ржи из этой книги с переводом северных *мер* на московские четверти:

1604 г.	106 и 75 ден.
1605 »	61
1607 »	66
1608 »	40
1610 »	88
1611 »	48

Средняя цена ржи за эти годы 69 ден.

цене на крайнем севере хлеб мог продаваться и дешевле во многих центральных местах, хотя политические смуты отзывались на них больнее, чем на дальнем севере. С другой стороны, псковская летопись указывает и высшую из нормальных, неголодных цен Смутного времени: говоря, что в 1612 г. рожь продавали во Пскове по 180 денег (псковских) местную четверть, т. е. по 240 московок за четверть казенную московскую, она считает такую цену дороговизной.

Сопоставляя встреченные в известиях Смутного времени нормальные цены 1601—1612 г., низкие и высокие, со средними ценами 1882 г.. получим такой ряд отношений [1]):

Сольвычегодск 1601 г.	Рожь	900 : 100= 9
	Овес	355 : 50= 7
	Ячмень	700 : 80= 9
Холмогоры 1602 г.	Рожь	1150 : 120=10
	Овес	600 : 52=12
	Ячмень	960 : 78=12
Холмогоры 1609 г.	Рожь	1150 : 48=24
Кандалакша 1604—11 г.	Рожь	1150 : 69=17
Козельск 1603—4 г.	Рожь	800 : 100= 8
Арзамас 1603—4 г.	Рожь	760 : 190= 4
Новгород 1608 г.	Рожь	900 : 40=22
	Овес	390 : 20=19
	Пшеница	1200 : 100=12
Вологда 1611 г.	Рожь	900 : 80=11
	Овес	355 : 50= 7
Псков 1612 г.	Рожь	725 : 240= 3

Средний знаменатель 12

---

[1]) Сборн. кн. *Хилкова*, № 62, *Крестинина*, Опыт о сельск. домостроительстве, стр. 42—44. Акты, относ. до юр. быта др. России, II, стр. 277. Ист. Библ. II, стр. 82. Времен. Общ. Ист. и Др. Росс. VIII. смесь. 20. Акты Юр. № 216, XII. П. Собр. Р. Лет. IV, 330. Корм. книга Кирил. монастыря в Записках отд. русск. и слав. археол. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 57.

Итак, *в Смутное время рубль по ценам хлеба равнялся 12 нынешним*, т. е. хлеб в начале XVII в. стал в *пять раз* дороже, чем был во второй половине XVI в. Если эти выводы заслуживают какого-нибудь доверия, то они довольно выразительно обозначают силу народнохозяйственного потрясения, испытанного Московской землей в Смутное время.

Может быть, отношение рубля Смутного времени к нынешнему, как 12 к 1, вышло несколько ниже надлежащего вследствие того, что в случайных известиях, из которых оно выведено, преобладают более высокие цены хлеба сравнительно с теми, какие господствовали на рынках того времени. Если хлеб в начале XVII в. вздорожал впятеро против прежнего, то незаметно столь же значительного возвышения цен на другие предметы: в Дорогобужском уезде в 1603—4 г. мед и другие товары продавались немного дороже, чем 17 лет назад, скот не дороже, чем в Вологодском уезде в 1577 г., и дешевле указной таксы Разбойного приказа, установленной при царе Федоре [1]). Можно думать однако, что если знаменателя отношения 12 и следует поднять, то немного, на единицу и едва ли больше: по крайней мере из полевых растений, не принятых в расчет при его выведении, пенька в Дорогобужском краю 1603—4 г. стоила 20 и 26 денег, в 20 раз дешевле средней цены ее в Смоленской губернии 1882 г., а 1½ пуда льну и 1½ п. конопли, данные Кандалашскому монастырю за 1 рубль 32 коп. в 1607 г., по ценам Олонецкой губернии 1882 г. стоили около 12 р., только в 10 раз дороже, а цены льна и пеньки в Архангельской губернии (не обозначенные в издании департамента) ниже олонецких, судя по ценам других произведений земледелия.

Известия за время царствования Михаила также дают возможность уловить высшие и низшие цены, в пределах которых совершались колебания на хлебном рынке. Пользуясь или вынуждаемая этими колебаниями, казна позволяла себе своего рода игру на курсе хлеба, взимала хлебные налоги, например *посопный хлеб*, *стрелецкий хлеб*, иногда натурой, а в иных случаях деньгами, смотря по тому,

---

[1]) Акты, отн. до юр. быта, II, 264. Ср. Торговую Книгу и выписки из таможенных ведомостей у Карамзина X, прим. 426.

как ей было прибыльнее, точно также производила и свои платежи служилым людям. В 1617 г. хлеб в Новгороде был очень дорог: рожь продавали по 266 ден. за московскую четверть (по 2 рубля за новгородскую), овес по 146 ден., ячмень по 200 ден. В это же время в заонежских погостах Новгородского уезда цены на хлеб стояли втрое ниже, именно рожь стоила 80 ден. четверть, овес 40 ден., ячмень 66 д. Казна нашла более выгодным произвести на тот год сборы с Заонежья (ныне Олонецкой губ.) натурой и дала соответственное тому предписание новгородской администрации [1]). Поэтому, когда казна заменяла хлебные сборы денежными, отсюда довольно верно можно заключать, что цены, по которым натуральные платежи казне перекладывались на деньги, были довольно высоки, напротив, цены, по которым она переводила свои хлебные дачи служилым людям на деньги, можно считать довольно дешевыми. Если 80 д. за четверть ржи были умеренной или дешевой ценой для Заонежья в 1617 г., такими же ценами для Москвы были в 1620-х годах 50 д. за четверть ржи и 40 д. за четверть овса или 90 ден. за юфть хлеба, какъ платила казна жалованье справщикам и мастерам московского Печатного двора (типографии). По приходо-расходным книгам этого двора [2]) за 1620—1629 гг. видно, что это были цены очень умеренные, потому что сам Печатный двор для переплета книг покупал тогда в московских лавках ржаную муку от 96 до 256 ден. четверть, а пшеничную от 128 до 240 ден. Печатный двор покупал мелкими мерами, четвериками, переплачивая, разумеется, лишнее против покупной цены целой четверти; притом это была мука сеянная высоких сортов. Поэтому можно думать, что средняя цена ржаной муки по приходо-расходным книгам Печатного двора 157 ден. за четверть соответствовала средней цене 112 ден., какую находим в «Книге о хлебном и калачном весу» за 1631 г. [3]). При таких московских ценах может показаться невероятно дешевой цена, по какой казна принимала деньги за посопный хлеб с Ровдогорской волости близ Холмогор в 1626 году; в этом

---

[1]) Истор. Библиотека, изд. Археогр. Комм., II, 346.

[2]) В книгохранилище московской синодальной типографии. №№ 1—7.

[3]) Временник Общ. Ист. и Др. Рос. IV, 58.

малохлебном краю ей платили за казенную четверть ржи по 50 и по 54 ден. в то время, когда в Москве она сама находила выгодным платить взамен хлебного жалованья по 50 ден. за четверть ржи. Вкладная Кандалашского монастыря и здесь дает объяснительную справку. В ней отмечены вкладные цены ржи с 1613 по 1629 г. Цены эти съ 40 ден. за московскую четверть поднимались до 106 денег; средняя цена за эти годы 78 ден., на 9 ден. выше средней за Смутное время. В 1626 г. отмечена цена ржи по 106 ден. за четверть; но уже в следующем году даже в том безхлебном краю она падала до 40 ден., заставляя предполагать как в Москве, так и в Холмогорах цены еще ниже, оставшиеся неотмеченными в известных нам источниках. Этими местными колебаниями объясняется, каким образом казенная приемная, т. е. довольно высокая цена хлеба в Холмогорском округе 1626 г., могла стоять на одной высоте с казенной отдаточной, т. е. довольно дешевой ценой в Москве того же года. Соображая все это, надобно признать новгородские цены 1617 г. исключительными, почти голодными, и вывести изъ расчета. Другие соображения заставляют считать такими же исключительными сибирские цены хлеба. В то время там едва заводилось хлебопашество вокруг немногих новопостроенных русских городов и большая часть хлеба для продовольствия поселенцев доставлялась из Европейской России. В 1622 г. четверть пшеницы ценилась в Тюмени 264 деньги, а четверть ячменя 132 д., вдвое и втрое дороже стоимости этих хлебов в Холмогорском округе 1632—1634 г., а в 1882 г. хлебные цены по Тобольской губернии были более чем втрое ниже цен по Архангельской [1]). Согласно с одним из высказанных выше правил, принятых в руководство при настоящем исследовании, местности со столь изменившимися хлебными рынками не могут быть вводимы в расчет. Не смотря на эти исключения, оценка тогдашнего рубля сравнительно с нынешним по свойству ее оснований наверное выйдет ниже надлежащей. Этими основаниями служат данные центрального московского и северных рынков, а на этих рынках господствовали дорогие цены; говоря точнее, хлеб-

---

[1]) Истор. Библиотека, изд. Археогр. Комм. VIII, 648. *Крестинина* указ. сочинение, стр. 42.

ные цены тогда стояли на них гораздо выше сравнительно с другими центральными и особенно юговосточными рынками, чем стоят теперь: например, цены московские или новгородские в XVII в. были вдвое или втрое дороже казанских, а ныне только раза в $1^1/_2$ и даже меньше; эта любопытная экономическая разница заметна в истории хлебных цен до половины XVIII в. Правда, за время царя Михаила известны хлебные цены еще двух центральных рынков сверх московского, но и те как нарочно казенные приемные, т.-е. выше нормальных. В 1624 г. позволено было с тяглых людей Каширского уезда взять за стрелецкий хлеб, если они пожелают, деньгами, по 140 ден. за четверть ржи и четверть овса (юфть); это в $1^1/_2$ раза дороже того, что тогда сама казна платила в Москве за юфть хлеба. В 1633 г. с вотчины суздальского собора взято за тот же стрелецкий хлеб 160 ден. за юфть [1]). Казна в таких случаях назначала высшие цены, какие можно было назначить; для восстановления равновесия отношений и мы в праве сопоставить эти цены не со средними, а с высшими же ценами 1882 г. На основании изложенных замечаний из хлебных цен Михаилова времени можно составить такой ряд отношений [2]):

Москва 1620—31 г.	Рожь	840 : 50 = 17
	Овес	350 : 40 = 9
	Мука ржаная	1200 : 112 = 11
	Мука пшеничная	2100 : 150 = 14
	Ржан. печен. хлеб фунт	3 : $^1/_6$ = 18
Холмогоры 1626—36 г.	Рожь	1159 : 80 = 14
	Ячмень	960 : 68 = 14
Кандалакша 1613—29 г.	Рожь	1150 : 78 = 15
Заонежье 1617 г.	Рожь	1350 : 80 = 17
	Овес	635 : 40 = 16
Кашира 1624 г.	Рожь и овес	1200 : 140 = 9
Суздаль 1633 г.	» » »	1595 : 160 = 10
	Средний знаменатель	14

[1]) А. Ист. III, 207. А. Юр. 234, XVII. Здесь разумеется торговая московская четверть.

[2]) См. предыдущие примечания.

Кроме географии цен еще одно обстоятельство можно считать вероятной причиной того, что этот знаменатель вышел ниже надлежащего. В своих источниках мы не нашли хлебных цен за последние 9 лет царствования Михаила (1638—1645), а они в это время, кажется, шли вниз, так что, введя их в расчет, мы получили бы среднего знаменателя несколько выше 14. Значение обоих этих условий наглядно объяснится таблицей хлебных цен за вторую половину XVII в.

Изучение этих цен встречает одно метрическое затруднение. В это время вошла в употребление новая хлебная мера вдвое больше прежней; но неизвестно точно, когда именно была она введена на рынках, и притом рядом с новой мерой по местам употреблялась и старая, так что исследователь часто может недоумевать, к которой из них относится известная хлебная цена. Можно только с некоторой вероятностью объяснить, почему так незаметно повидимому произошла на рынке столь важная метрическая перемена. Новая четверть в 8 тогдашних пудов ржи не была совершенной новостью в системе мер сыпучих веществ. Уже в первой половине века существовали две казенные четверти: одна была торговая, которою и казна выдавала хлебное жалованье служилым людям и которая потому называлась *отдаточной;* но в свои магазины казна принимала хлеб, вероятно для упрощения счета, четвертью вдвое большей, которая потому носила название *приимочной.* [1]) Эта двойная четверть постепенно и вошла в употребление на рынке. Выше мы привели известие об этой четверти. В хлебных ценах второй половины XVII в. также можно найти некоторые указания на время, когда произошла эта перемена: по ним можно догадываться, что новая четверть была принята на хлебном рынке уже с первых лет второй половины века, если не раньше. Рижский купец де-Родес, отмечая в своей записке 1653 г. хлебные цены, господствовавшие в разных областях Московии, говорит, что в центральной московской области четверть хлеба (ржи) стоит 1 рубль. Это, очевидно, цена новой двойной четверти: если бы де-Родес разумел старую, мы имели бы в его сообщении цену хлеба, небывалую в Москве даже в голодные годы второй половины века, хотя Родес передает

---

[1]) Истор. Библиотека, II, 347.

обычные, нормальные цены; даже спустя слишком сто лет новая двойная четверть ржи стоила в Москве только 130 коп., на 70 коп. дешевле цены Родеса. Можно догадываться, что уже в 1651 г. новая мера была принята на московском хлебном рынке. В известной расходной книге митроп. Никона записаны расходы его с декабря 1651 по август 1652 г. во время поездки его из Новгорода в Москву, пребывания его в столице и путешествия в Соловецкий монастырь за мощами св. митрополита Филиппа и обратно [1]). В этом любопытном памятнике находим такие московские цены хлеба, которые могли относиться только к новой двойной четверти: овес покупали по 30 коп. четверть, пшеницу по 128 коп., горох по 80, 96 и 120 коп. Желябужский, перечисляя московские цены хлеба в 1698 г., когда был «недород велик», разумел новую двойную четверть; цена овса у него 45—48 коп., пшеницы 170 и 150 коп., гороха 150 и 120 коп. [2]). Значит, еслибы расходная книга разумела старую малую четверть, оказалось бы, что в урожайный 1652 год хлеб в Москве стоил гораздо дороже, чем в неурожайный 1698 г.

Повидимому всю вторую половину XVII в. можно принять за один период в истории хлебных цен, к которому, может быть, пришлось бы присоединить и два последние десятилетия первой половины, еслибы известны были в достаточной степени хлебные цены за это время. До начала реформ Петра или, лучше сказать, до начала Северной войны нормальный уровень хлебных цен, кажется, оставался один и тот же, хотя хлебный рынок по временам испытывал тяжелые кризисы. В 1660 г. сведущие люди из тяглых торговых классов, призванные для совещания с боярами об экономическом положении государства, в числе причин наступившей дороговизны указывали на эпидемию 1654 г., заявив при этом, что до морового поветрия, опустошившего села и деревни, хлеб был недорог [3]). Начавшаяся в том же году продолжительная война также содействовала поднятию хлебных цен. В 1652 г. для Никона покупали ржаную муку в Москве

---

[1]) Временник Общ. Ист. и Др. Р. кн. XIII, материалы.

[2]) По изд. Сахарова стр. 59.

[3]) П. С. Зак. I, № 286.

по 54 и по 58 коп. четверть, а в 1654 г. подрядчикам, которые бы взялись доставить ржаную муку в русский лагерь, осаждавший тогда Смоленск, указано было давать по 120, 135 и по 150 коп. за четверть [1]). Но всего более подействовали на курс цен вызванные войной финансовые операции правительства, особенно с медными деньгами, выпущенными в 1656 г. с номинальной стоимостью серебряных. Неудача этой кредитной операции произвела на рынке страшный безпорядок, который однакож не составляет важного затруднения при изучении цен. «Медные деньги несколько лет ходили наравне с серебряными, а потом быстро стали падать в цене, так что расчеты на медные деньги довольно легко отличить от расчетов на серебро. Притом сохранились две таблицы лажа на медные деньги, из коих одна представляет постепенное падение их курса в Москве, а другая в Новгороде. С помощью этих таблиц можно для многих местностей переложить *медные* цены на *серебряные*. По цене дров в одном акте узнаем, что в 1663 г. в Старой Руссе рубль серебряный равнялся 9 р. 75 коп. медью [2]). По оффициальной таблице в Новгороде с 1 сентября 1662 г. по 15 іюля 1663 г. серебряный рубль равнялся 10 медным. По этому известию можно думать, что курс медных денег в Новгороде и Старой Руссе был приблизительно одинаков и потому старорусские медные цены можно переводить на серебряные по новгородской таблице. Гораздо более затрудняется изучение цен тем странным явлением, что вместе с возвышением цен при расчетах на медные деньги вследствие упадка их курса поднимались цены хлеба и на серебро. В декабре 1661 г., когда в Москве серебряный рубль стоил 4 медных, правительство, желая сдержать усиление дороговизны в Смоленске, нашло возможным предписать, чтобы четверть ржи продавалась там по 3 руб., а четверть овса по 1½ р., считая повидимому на медные деньги. По Московскому курсу 3 рубля медью равнялись 75 коп. серебр., а 1½ рубля 37½ копейкам: это не дешевые, но сравнительно умеренные цены ржи и овса. В Вологде в сентябре 1661 г. четверть ржи при незначительном еще лаже на медные деньги стоила 120 коп.; в конце того же года и в

---

[1]) Там же, № 132.

[2]) Истор. Библиотека, т. V, 717.

следующем она продавалась уже по 6, потом по 16 медных рублей, но в то же время и на серебро стоила она 2 и потом даже 4 рубля: это непомерно высокая, почти голодная цена. То же явление заметно и в пределах Новгородской земли. В 1659 г. летом, когда в Новгороде лаж медных денег был не более 5 коп. на рубль, Воскресенский Новоиерусалимский монастырь брал с своих крестьян в Старорусском уезде за оброчный хлеб по 4 рубля за четверть ржи и по 160 коп. за четверть овса: на серебро рожь стоила по новгородскому курсу 380 коп., а овес около 152 к. В начале 1661 г., когда в Новгороде серебряный рубль стоил 140 коп. медью, в старорусских селах того же монастыря четверть ржи стоила уже 8 руб. медью, т. е. около 570 коп. серебром, а овес 240 коп. медью или около 170 коп. серебром; между тем в 1657 г., когда медные деньги еще ходили в одной цене с серебряными, Иверский монастырь, только предчувствуя дороговизну, закупил в Боровичах большую партию хлеба, заплатив за четверть ржи по 1 руб. слишком, впятеро дешевле цены 1661 г., а за четверть овса по полтине [1]). Котошихин замечает, что вследствие выпуска медных денег «в государстве серебряными деньгами учала быть скудость, а на медные было все дорого». Изложенные данные показывают, что все становилось дорого не только на медные, но и на серебряные деньги, т.-е. кризис финансовый усложнился еще экономическим, происходившим, может быть, от неурожаев или от последствий того же финансового кризиса. Если мы введем в расчет ненормальные цены, которыми обнаружился этот двойной перелом, мы дадим решительный перевес дорогим ценам и получим тем более неточный вывод, что этот кризис был непродолжительной бурей, налетевшей на русский рынок, напряженное действие которой длилось года три, во многих местах гораздо меньше. По крайней мере не заметно продолжительного действия неудачной операции на курс хлебных цен. Чрез несколько лет после изъятия медных денег из обращения (в 1663 г.) мы не только видим прежние цены, державшиеся до кризиса, но даже встречаем

[1]) П. С. Зак. I, № 317. *Г. Брикнера*, Медные деньги в России etc., стр. 35—43. Ист. Библиотека, т. V, стр. 254 и 358; в обоих актах разумеется новая, т.-е. двойная новгородская четверть.

случай такой дешевизны, о какой не говорит ни одно известие первой половины века: Матвеев рассказывает в своих записках, что в 1687 г. рожь продавали в Москве по 12 коп., а овес по 7 коп. четверть, т.-е. более чем вчетверо дешевле цен 1652 г. по расходной книге Никона [1]). В этом отношении любопытно составить сравнительную табличку цен по областям в записке Родеса 1653 г. с ценами после 1663 г. Торговый агент пишет, что в центральной Московской области четверть хлеба (ржи) стоит 1 рубль, в Казанской, Нижегородской и близ лежащих от 12 до 25 коп., в Ярославской, Ростовской и Вологодской от 36 до 50 коп. [2]). Взаимное отношение областных цен, обозначенное цифрами Родеса, не оправдывается данными второй половины века: не видно, например, чтобы казанские и нижегородские цены были в 4—8 раз ниже московских. Причина этого в том, что у Родеса слишком высока московская цена: может быть, в 1653 г. четверть ржи в Москве доходила до рубля; но обыкновенно она стоила значительно дешевле. Зато в Казанской земле в самом конце века встречаем цены, соответствующие как низшему, так и высшему пределу стоимости ржи по таблице Родеса: в наказе казанскому воеводе 1697 г. юфть хлеба оценена была в 20 коп., из которых 12—15 коп. по обычному отношению цены ржи к цене овса надобно отчислить на четверть ржи, а в 1696 г. Троицкий Сергиев монастырь, постановив взыскать хлебный оброк со свияжских вотчин деньгами, назначил за четверть ржи именно 25 коп. [3]). В числе нижегородских цен 1670—1680-х гг. также встречаем 25 коп. за четверть ржи, хотя другие известные нам цены значительно выше. По расходной книге Никона цена ржи в Вологде за год до Родеса (40 коп.) соответствует его показанию. Нам известны ярославские и вологодские цены после 1663 года; но если и тогда, как теперь, тверские цены занимают середину между теми и другими, то показание Родеса оправдывается хозяйственной запиской кашинского землевладельца Еремеева (1680—1690 гг.), который ценил рожь в своем имении по 40 коп. четверть [4]). Все это приводит к тому

---

[1]) Зап. *Матвеева*, по изд. Сахарова стр. 51.

[2]) Магазин землевед. и путешествий, изд. *Фролова*, V, 239.

[3]) П. С. Зак. III, № 1579. Рукоп. Тр.-Серг. Лавры № 577.

[4]) Временник Общ. Ист. и Др. Росс. кн. XX, смесь, 28.

заключению, что средний уровень хлебных цен во всю вторую половину XVII в. оставался одинаков и что возвышение цен, на которое жаловались в Москве после морового поветрия 1654 г., было временным затруднением, созданным в значительной степени искусственно, не столько народно-хозяйственными, сколько политическими причинами. Руководствуясь изложенными соображениями, сопоставим средние хлебные цены 1882 г. со средними и одиночными ценами второй половины XVII в., выражая, как и выше, в копейках тогдашнюю и современную стоимость нынешней четверти хлеба [1]).

Москва 1651—1698 гг.	Рожь	840 : 72	= 12
	Овес	350 : 33	= 11
	Пшеница	1500 : 144	= 10
	Мука ржаная . .	1200 : 95	= 13
	» пшенич. .	2100 : 105	= 20
	Пшено	1400 : 162	= 9
	Крупа гречн. . . .	1100 : 119	= 9
	Горох	1200 : 116	= 10
	Семя конопл. . .	1000 : 60	= 17
	Лен (пуд)	700 : 60	= 12
	Пенька	375 : 21	= 18

[1]) Средние цены московские и нижегородские выведены из таких данных. В 1651—52 г. в Москве и под Москвой по расходной книге Никона покупали четверть овса по 30 коп., пшеницы по 128 к., гороха по 80, 96 и 120 к., муки ржаной по 52, 54 и 58 к., пшеничной по 90, 105 и 120 к., крупы гречневой по 68 к., в Вологде рожь по 40, пшеницу по 100 и 80 к. У Родеса московская цена ржи 1 р. Подрядная цена ржаной муки по указу 1654 г., рассчитанная более всего на цены московского рынка, 120, 135 и 150 к. четверть. У Гордона цены 1666 и следующих годов: четверть ржи 50 и 54 к., овса 50 к. *Г. Брикнера*, Гордон, 116 и 181. У Кильбургера (стр. 71, 186 и 55) рожь въ 1674 г. 60 и 70 к. четверть, овес 32, пшено 160, крупа гречн. 120, пенька 20, 25 и 30 к. тогдашний пуд, лен 70 к. пуд (в таблице цены переложены на нынешний пуд). В 1687 г. по Матвееву рожь в Москве 12 к. четверть, овес 7 к., а в 1698 по Желябужскому рожь 130 к., овес 45 и 48, пшеница 170 и 150, пшено 150 и 180, горох 120 и 150, крупа гречн. 170, семя конопл. 60 к. четверть. Въ арзамасских селах Б. Морозова в

Смоленск 1661 г.	Рожь	790 : 75 = 11
	Овес	300 : 37 = 8
Новгород Вел. 1657 г.	Рожь	900 : 66 = 14
	Овес	390 : 33 = 12
Кандалакша 1650—65 г.	Рожь	1150 : 75 = 15
Вологда 1652 г.	Рожь	909 : 40 = 22
	Пшеница	1240 : 90 = 14
Устьсысольск 1684 г.	Рожь	900 : 60 = 15
Нижний 1670—81 г	Рожь	760 : 37 = 21
	Овес	270 : 19 = 14
	Ячмень	450 : 17 = 26
	Пшеница	960 : 50 = 19
Олонецк 1674—76 г.	Рожь	1350 : 50 = 27
	Овес	635 : 26 = 25
Кашин 1680—90-х гг.	Рожь	865 : 40 = 22
	Овес	335 : 25 = 13
	Ячмень	625 : 30 = 21
	Пшеница	1175 : 60 = 20
Свияжск 1596 г.	Рожь	540 : 25 = 22
	Овес	275 : 15 = 18
	Ячмень	400 : 20 = 20
	Пшеница	800 : 50 = 16
Казань 1697 г.	Рожь и овес	815 : 20 = 41

Средний знаменатель 17

Итак *рубль второй половины* XVII *в. равняется 17 нынешним.*

1670—71 г. продавали рожь по 60, 54, 45, 40 и 31 к. четверть, овес по 30, 25, 24, 18 и 15 к., пшеницу по 50 к., ячмень по 17 к. Времен. Общ. Ист. и Др. Росс. VI, смесь. На арзамасских, нижегородских и алатырских казенных будных станах (поташных заводах) в 1681 г. покупали рожь по $31^1/_2$ и 25 к. четверть, овес по 12, 18 и 20 к. Книги сметные будных станов, рукопись, принадлежащая автору.—Цены прочих местностей в таблице одиночные; см. о них в предыдущих примечаниях; об олонецких в Ист. Библ. VIII, 944, об устьсысольских в Акт. до юр. быта II, 330. Вологодские цены 1661—1663 г. не введены в расчет, как ненормальные.

Неровность частных знаменателей в таблице объясняется разнохарактерностью введенных в нее хлебных цен XVII в. Одни из этих цен средние, другие одиночные; притом некоторые из средних выведены из сложности дорогих и дешевых; другие только из дорогих; наконец и из одиночных цен одни очень дорогие, другие очень дешевые. Важным условием этой неровности является и география цен XVII в. Легко заметить, что частные знаменатели возвышаются, хотя без строгой постепенности, по направлению с севера и северо-запада к югу и юго-востоку: знаменатели вологодские выше беломорского, кашинские выше вологодских, нижегородские выше кашинских, казанско-свияжские выше нижегородских, московские выше смоленских. Это объясняется прежде всего бо́льшим непостоянством северных хлебных рынков сравнительно с южными: нормальные цены там чаще уступали место дорогим вследствие более частых неурожаев, и потому в известиях, идущих с тех рынков, мы встречаем больше дорогих цен, чем нормальных. Притом, как уже было замечено, северные цены хлеба прежде превышали южные гораздо больше, чем теперь. Эта географическая неполнота хлебных цен за время царя Михаила и заставляет подозревать, что выведенная из них оценка рыночной стоимости рубля того времени сравнительно с нынешним ниже надлежащей: если из предыдущей таблицы исключить цены кашинские, нижегородские и казанско-свияжские, которых нет в таблице цен Михаилова времени, то средний знаменатель уменьшится до $14^1/_2$, т. е. выйдет немного больше знаменателя, выведенного из цен Михаилова времени.

Несмотря на возможную неточность выводов вследствие неполноты и случайности данных, можно, кажется, с некоторой вероятностью так обозначить перемены в рыночной стоимости рубля, совершившиеся в продолжение XVII века: сравнительно со второй половиной XVI в. в Смутное время хлеб вздорожал в 5 раз, в царствование Михаила стал немного дешевле, именно был почти в $4^1/_2$ раза дороже, чем во второй половине XVI в., а во второй половине XVII в. подешевел еще более, так что стал только в $3^1/_2$ раза дороже сравнительно со второй половиной XVI века; иначе говоря, во столько же раз подешевел рубль в эти три периода XVII в. Такое значительное

падение рыночной стоимости рубля в XVII в. изменило прежнее отношение стоимости других хозяйственных предметов к нынешним их ценам. В памятниках XVII в. можно собрать очень обильный материал для истории цен самых разнообразных статей хозяйства, несравненно более обильный, чем для истории хлебных цен; чтобы исчерпать его, понадобилось бы особое исследование. Ограничимся немногими замечаниями. Другие предметы хозяйства в XVII в. вздорожали далеко не в одинаковой степени с хлебом. Так указом 1620 г. такса скота для Разбойного приказа возвышена была только вдвое против указных цен, установленных при царе Федоре Ивановиче [1]). У Кильбургера находим относящиеся к 1674 году московские цены домашней птицы, дичи, мяса, продуктов пчеловодства, огородничества и т. п. [2]). Цены эти большею частью сходны с теми, какие находим в расходной книге Никона и у Олеария, Лизека, Штрауса и Корба. Не приводя здесь самой таблицы отношений этих цен к нынешним, отметим только ее итог: цены Кильбургера относятся к нынешним приблизительно как 1 к 20. Выше мы видели, что по данным второй половины XVI в. цены тех же предметов относятся к нынешним как 1 к 37, т. е. почти вдвое ниже цен Кильбургера. Принимая рубль второй половины XVI в. за 60—74 нынешних, найдем, что тогда означенные предметы хозяйства были в $1^1/_2$ или в 2 раза дороже, чем теперь; так как рубль второй половины XVII в. по хлебным ценам равняется только 17 нынешним, то цены тех же предметов, которые в XVI в. стоили в $1^1/_2$—2 раза дороже, чем теперь, в XVII в. стали почти в $1^1/_3$ раза дешевле нынешних. Соответственно этому должно было измениться отношение цен и других предметов внутреннего производства, как и цен труда к нынешним. Выше был указан перелом в истории цен, состоявший в том, что в общем подъеме цен с XVI в. до нашего времени стоимость хлеба поднялась гораздо выше, чем стоимость других предметов потребления. Теперь можно точнее обозначить хронологию этого перелома: он начался именно чрезвычайным вздорожанием хлеба в начале XVII в.

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 301.

[2]) По переводу Языкова стр. 60, 71, 115 и др.

VI.

Обращаемся к изучению хлебных цен первой половины XVIII века, далее которой не простирается наш опыт.

К сожалению, за три первые десятилетия этого века мы не могли собрать достаточно полных и надежных данных, так что это время остается для нас пробелом в истории хлебных цен. В задачах известной Арифметики Магницкого, изданной в Москве в 1703 г., есть несколько хлебных цен; но по свойству источника трудно сказать, насколько эти данные согласны с действительными ценами московского рынка того времени. Впрочем цены Магницкого по сравнению с другими данными очень похожи на действительные и именно нормальные московские цены хлеба. Рожь у него стоит 96, 84, 60 и 46 коп. четверть; средняя цена 71, почти одинаковая со средней московской ценой ржи за вторую половину XVII в. В 1701 г. был издан указ, неоднократно повторенный впоследствии, который запрещал вывозить хлеб за границу, если в Московской области цена его поднималась выше рубля (за четверть ржи). По книгам о хлебном и калачном весу в 1631 г. тогдашний фунт печеного ржаного хлеба в Москве стоил $^1/_5$ коп.; в одной задаче Магницкого хлеб в $3^1/_3$ фунта оценен в 1 копейку, т. е. фунт в $^3/_{10}$ коп., в $1^1/_2$ раза дороже 1631 г., что очень вероятно [1]). Желябужский рассказывает, что в 1704 г. четверть ржи покупали по 150 и 180 копеек; но тогда был «голод великий по деревням» вследствие неурожая озимого. Если позволительно из таких скудных данных заключать что-либо, то можно думать, что хлебные цены мало изменились в первые 15 лет царствования Петра Великого. Имея в виду последние годы этого царствования, Фокеродт говорит, что 12 четвериков муки (ржаной) стоили внутри страны не более 150 коп., т. е. не больше 1 рубля четверть, а это предполагает цену ржи очень близкую к ценам Магницкого. С другой стороны, в 1724 г. было указано при заборе полками провианта и в другое время платить за четверть ржаной муки не более 150 коп., крупы не более 200, овса не

---

[1]) Эти $^3/_{10}$ коп. за тогдашний фунт соответствуют почти $^1/_4$ коп. за нынешний. Арифметика *Магницкого*, 83, 85, 106 и др. П. С. Зак. X, № 1872.

более 50, за пуд сена 3 коп. Судя по данным Магницкого и Желябужского, такие цены и в первые годы XVIII в. были высокими, но далеко не голодными. Все эти данные относятся преимущественно к центральному московскому рынку. О других местностях капитан Перри, живший в России с 1698 по 1715 год, пишет, что во многих местах по Волге между Шексной и Казанью четверик ржи продается обыкновенно по 6—7 пенсов (копеек), пшеницы по 9 пенсов и прочий хлеб соответственно этому, т. е. четверть ржи по 48—56 коп., пшеницы по 72 коп. Рядом с этими ценами встречаем и более высокие. По одной дорожной расходной книге 1719 г. овес покупали в Москве по 55 и 64 коп. четверть, в Твери по 80, в Новгороде по 120—180, в Петербурге по 165—185, муку ржаную в Петербурге по 290 и по 300 коп., что предполагает цену ржи около 2 руб. четверть. Значит, на рынках того времени бывали цены дороже высших указных 1724 г. В делах адмиралтейской провиантской канцелярии сохранились две ведомости о хлебных ценах в Козлове за июнь и октябрь 1724 года: цена ржи здесь 60—84 коп. четверть, пшеницы 106—200 к., почти вдвое дороже цен среднего Поволжья у Перри [1]). Все это заставляет предполагать значительное повышение цен в последние годы царствования Петра. Из рассмотренных цен составим сравнительную таблицу, выводя средние из параллельных цен и сопоставив цены Перри со средними ценами 1882 г. по губерниям Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской.

Москва.	Рожь.	840 : 71=12.
	Овес.	350 : 56= 6.
	Ячмень.	450 : 67= 7.
	Мука ржаная.	1200 : 100=12.
	Печен. ржан. хлеб. ф. . .	3 : ¼ =12.
	Пенька (пуд).	375 : 30=12.
Поволжье.	Рожь	735 : 52=14.
	Пшеница	1000 : 72=14.

[1]) *Желябужск.* 96. *Фокеродт* в Чтен. Общ. Ист. и Др. 1874 г. кн. 2, стр. 114. П. С. Зак. VII, № 4533. *Перри*, Состояние России. 158 и сл. В Моск. Рум. муз. из собр. рукоп. Беляева №№ 120 и 122.

Тверь.	Овес	335 : 80 = 4.
Новгород.	»	390 : 145 = 3.
Петербург.	»	450 : 175 = 3.
Козлов.	Рожь	650 : 74 = 9.
	Овес	235 : 43 = 5.
	Пшеница.	900 : 149 = 6.
	Семя конопл.	850 : 80 = 11.

Средний знаменатель . . . . . 9.

Этот знаменатель, выведенный из столь скудных данных, может иметь лишь то значение, что показывает, в каком направлении стали изменяться хлебные цены с начала XVIII в. В предыдущее столетие после Смутного времени, страшно их поднявшего, они все падали; теперь они опять пошли вверх. Этот поворот объясняется разными причинами, нумизматическими и экономическими. Новая монета, выпущенная Петром, была достоинством ниже прежней. Огромное количество народного труда было отвлечено от земледелия в армию, на фабрики и заводы, к разным казенным работам. Выведенный знаменатель может послужить связующим звеном между хлебными ценами второй половины XVII и 1730—1750 годов. Для изучения цен этих двух десятилетий мы имеем значительную коллекцию рапортов, какие присылались в Камер-коллегию и Ревизион-коллегию из провинциальных и уездных канцелярий или городовых ратуш [1]). Коллекция эта отличается довольно случайным, беспорядочно разнообразным составом: из некоторых городов встречаем сплошной ряд ежемесячных отчетов за один или несколько лет; зато из других нет ни одного отчета; притом находим отчеты о текущих ценах в нескольких городах за какой-либо один год, но разных месяцев, или за одни и те же месяцы, но разных лет, наконец, отчеты разных лет и разных месяцев, так что трудно сделать такой подбор ведомостей, который дал бы понятие об уровне одновременных цен хлеба в разных местностях или об их колебаниях на одних и тех же рынках в продолжение нескольких лет. Приноровляя тогдашнее областное деление

[1]) В Моск. Румянц. музее из собр. рукоп. И. Д. Беляева № 121.

к нынешнему, встречаем также большое разнообразие: по одним губерниям в коллекции есть сведения о ценах в губернском городе с одним или несколькими уездными, по другим только в одном или нескольких уездных, наконец, по некоторым есть прейскуранты только губернского города без уездных. Из 1730-х годов только за один 1737-й можно подобрать значительное количество ведомостей из разных городов, преимущественно за осенние месяцы; вместе с тем сохранились ведомости г. Тамбова за все месяцы 1732—1736 г. и за несколько месяцев 1737 г. Сколько можно судить о тогдашнем курсе хлебных цен по данным одного этого рынка, цены 1737 г. были довольно близки к средним ценам за все десятилетие 1731—1740 годов: по тамбовским ведомостям 1732—1737 г. не заметно последовательного роста цен; до 1737 г. хлеб в Тамбове бывал и значительно дороже, и дешевле, чем в этом году. Цены 1740-х годов вообще несколько выше цен предыдущего десятилетия. Сохранившиеся в коллекции ведомости 1740-х гг. сообщают спорадические данные разных лет, месяцев и местностей, не позволяющие составить из них ничего цельного и последовательного. На таком составе коллекции построен наш расчет. Отношение рубля 1730-х годов к нынешнему мы определяем по вѣдомостям 1737 года, выводя средние цены, где для этого есть материал, или довольствуясь одиночными и сопоставляя те и другие со средними ценами 1882 г. по тем губерниям, в состав которых ныне входят означенные в ведомостях города. Точно также поступили мы и с ценами 1740-х годов, соединив в одну таблицу данные из ведомостей разных лет и городов и не обращая внимания на то, к какому месяцу относится та или другая ведомость. Средние цены годовые мы выводили из относящихся к одному и тому же году месячных ведомостей одного или нескольких городов известной губернии по нынешнему областному делению России, средние за несколько лет из средних годовых; если ведомости разных городов одной губернии относятся к разным годам, мы не выводили по ним средних цен по губернии за эти годы, а сопоставляли цены каждого города со средними 1882 г. отдельно. По ведомостям 1737 г. можно составить такую таблицу.

Псков	Рожь.	725 : 102 = 7.
	Овес	380 : 64 = 6.

	Ячмень	565 : 70	= 8.
	Гречиха	500 : 71	= 7.
Смоленск	Рожь	790 : 78	= 10.
	Овес	300 : 44	= 7.
	Ячмень	545 : 60	= 9.
Тамбов	Рожь	650 : 50	= 13.
	Овес	235 : 33	= 7.
	Ячмень	475 : 40	= 12.
	Пшеница	800 : 132	= 6.
Пенза	Рожь	670 : 43	= 16.
	Овес	250 : 30	= 8.
	Пшеница	900 : 118	= 8.
Елец	Рожь	725 : 40	= 18.
	Овес	275 : 32	= 9.
	Ячмень	620 : 28	= 22.
	Пшеница	1095 : 120	= 9.
	Гречиха	580 : 30	= 19.
Курск	Рожь	725 : 61	= 12.
	Овес	270 : 52	= 5.
	Пшеница	1125 : 135	= 8.
	Гречиха	540 : 59	= 9.
	Ячмень	500 : 47	= 11.
Чугуев	Овес	270 : 55	= 5.
	Ячмень	550 : 56	= 10.
	Гречиха	550 : 53	= 10.
Вятка	Рожь	700 : 61	= 11.
	Овес	275 : 27	= 10.
	Ячмень	580 : 32	= 18.
Пермь	Рожь	512 : 120	= 4.
	Овес	238 : 52	= 5.
	Ячмень	320 : 95	= 4.
	Пшеница	685 : 210	= 3.
	Средний знаменатель		10.

Итак *рубль 1730-х годов равняется 10 нынешним.*

По ведомостям 1740 годов, сохранившимся в коллекции, можно составить более разнообразную таблицу [1]).

Руза и Волокол. 1744, 1745 и 1748 г. .	Рожь	840 : 110 = 8
	Овес	350 : 63 = 6
	Ячмень . . .	450 : 88 = 5
	Пшеница . .	1500 : 200 = 7
Архангельск 1745 и 1748 г.	Рожь	1150 : 120 = 10
	Овес	600 : 48 = 12
	Ячмень . . .	960 : 110 = 9
Новгород 1743 г. . .	Рожь	900 : 176 = 5
	Овес	390 : 137 = 3
	Пшеница . .	1200 : 256 = 5
Псков 1743—5 г. . .	Рожь	725 : 224 = 3
	Овес	380 : 113 = 3
	Ячмень . . .	565 : 152 = 4
Устюг 1748—9 г. .	Рожь	900 : 88 = 10
	Овес	355 : 30 = 12
	Ячмень . . .	700 : 62 = 11
	Пшеница . .	1240 : 190 = 7
Смоленск 1742—4 г. .	Рожь	790 : 155 = 5
	Овес	300 : 75 = 4
	Ячмень . . .	545 : 102 = 5
Вятка 1746 г. . . .	Рожь	700 : 70 = 10
	Овес	275 : 58 = 5
	Ячмень . . .	580 : 68 = 9
	Пшеница . .	880 : 198 = 4

[1]) Большею частию цены в этой таблице средние за несколько лет или за несколько месяцев одного года. Под именами почти всех губернских городов мы выводили в таблице средние цены из ведомостей губернского и одного или нескольких уездных городов и обозначали только уездные города, если не находили в коллекции ведомостей о ценах их губернского города.

Чухлома 1742 и 1746 г.	Рожь	875 : 93 =	9
	Овес	350 : 44 =	8
	Ячмень . . .	600 : 66 =	9
	Пшеница . .	1200 : 162 =	7
Кологрив 1750 г. .	Рожь	875 : 77 =	11
	Овес	350 : 48 =	7
	Ячмень . . .	600 : 62 =	10
Ростов 1742, 1749—50 г.	Рожь	765 : 114 =	7
	Овес	345 : 48 =	7
	Ячмень . . .	600 : 60 =	10
Казань 1743, 1746 и 1749 г.	Рожь	540 : 55 =	10
	Овес	275 : 34 =	8
	Ячмень . . .	450 : 67 =	7
	Пшеница . .	850 : 124 =	7
Сызрань 1744 г.	Рожь	650 : 66 =	10
	Овес	300 : 47 =	6
	Пшеница . .	800 : 160 =	5
	Семя кон. . .	960 : 140 =	7
Алатырь 1750 г.	Рожь	650 : 30 =	22
	Овес	300 : 28 =	11
	Пшеница . .	800 : 83 =	10
	Семя кон. . .	960 : 80 =	12
Рязань 1744 г. . . .	Рожь	675 : 82 =	8
	Овес	285 : 49 =	6
Пронск 1746 г. . .	Рожь	675 : 30 =	22
	Овес	285 : 28 =	10
Ряжск 1748 и 1749 г.	Рожь	675 : 58 =	12
	Овес	285 : 36 =	8
Ливны 1750 г. . .	Рожь	725 : 30 =	24
Тамбов 1743 и 1744 г. . .	Рожь	650 : 62 =	10
	Овес	235 : 35 =	7
	Ячмень . . .	475 : 46 =	10
	Пшен. яр. . .	800 : 112 =	7

Лебедянь 1750 г. . .	Рожь	650 : 64 = 10
	Овес	235 : 52 = 5
	Пшен. озим. .	900 : 160 = 6
	Гречиха . .	500 : 32 = 16
	Просо	570 : 32 = 18
	Семя кон. . .	850 : 72 = 12
Пенза 1743 и 1746 г.	Рожь	670 : 50 = 13
	Овес	250 : 37 = 7
	Пшеница . .	900 : 123 = 7
Керенск 1748—50 г.	Рожь	670 : 46 = 15
	Овес	250 : 34 = 7
	Пшеница . .	900 : 91 = 10
Воронеж 1743 г. .	Рожь	725 : 45 = 16
	Овес	230 : 23 = 10
	Пшеница . .	975 : 113 = 9
Курск 1749 г. . . .	Рожь	725 : 163 = 4
	Овес	270 : 125 = 2
	Гречиха . . .	540 : 120 = 4
	Семя кон. . .	750 : 240 = 3
Полтава 1743 г. . .	Овес	240 : 28 = 9
	Ячмень . . .	425 : 30 = 14
	Просо	485 : 42 = 12
Киев 1743 г.	Рожь	550 : 56 = 10
	Овес	270 : 31 = 9
	Ячмень . . .	400 : 39 = 10
	Пшеница . .	980 : 107 = 9
	Гречиха . . .	450 : 51 = 9
	Просо	450 : 60 = 7

Средний знаменатель 9

Итак *рубль 1740-х годов равнялся 9 нынешним.*

VII.

Изложенный опыт есть не более как материал, черновая работа, в которой наверное окажутся крупные пробелы и еще более крупные промахи, могут показаться подозрительными или неудачными не только выводы, но и самые приемы исследования. Предпринимая этот опыт, автор ставил себе целью не добиться окончательных, надежных результатов, а только поставить несколько проблематических положений, которые могли бы быть пополнены и исправлены знающими людьми, при помощи новых данных, какие наверное найдутся при более широком изучении источников [1]). Таким образом мог бы наконец хотя с приблизительною точностью разрешиться один специальный вопрос, который ложится поперек дороги всякому исследователю, предпринимающему изучение экономического быта России в минувшие века: этот вопрос состоит в определении рыночной стоимости или менового значения старинных наших денежных единиц сравнительно с нынешними. Пока не решена эта задача, исследователь не может воспользоваться, как следует, большей

---

[1]) Вследствие скудости собранного материала автор должен был отказаться от решения некоторых вопросов древнерусской хлебной метрики. К числу их относится вопрос о мере, называвшейся в XV и XVI вв. *пузом*. Выше (стр. 30) было упомянуто о 4 шунгских крестьянах, занявших $1^1/_2$ коробьи ржи в 1549 г. с обязательством уплатить 25% роста. По обычному условию древнерусского коллективного займа долг платили заемщики, оказавшиеся налицо по истечении срока. На заемной 1549 г. отмечено, что двое из заемщиков уплатили по $2^1/_2$ пуза ржи каждый, а в конце росписи приписано: «пуз ржи», что по догадке издателей значит, что 1 пуз недоплачен, эта росписка допускает различные толкования: или двое платили за всех четверых, а так как должно было заплатить 24 четверика капитала и 6 четвериков роста, то, заплатив 5 пуз и не доплатив одного, они считали в пузе 5 четвериков; или каждый платил свою долю долга, и в таком случае пуз равнялся 3 четверикам, а приписка ничего не значит. Впрочем возможны и другие толкования; вопрос неразрешим без новых более ясных указаний источников. Ныне в Архангельской губернии пузо-мешок соли мерою в 2 нынешних четверика, которые равняются почти $3^1/_2$ новгородским четвериками XVI в. Русск. Достоп. I, 132 и 139.

частью фактов экономической истории России и фактов наиболее ценных. Мы бы желали, чтобы пересмотру и исправлению подверглись прежде всего следующие главные выводы нашего опыта.

В XVI и первой половине XVII в. наиболее распространенными торговыми мерами хлеба у нас служили четверти московская в центральных и южных областях Московского государства и новгородская на севере. Первая вмещала в себе 4 древнерусских или $4^2/_3$ нынешних пуда ржи, т.-е. была фунта на 4 больше половины нынешней торговой четверти ржи весом в 9 пуд. 5 фунт.; вторая четверть была в $1^1/_2$ раза больше первой, т.-е. весила 7 нынешних пудов ржи. С половины XVII в., если не раньше, та и другая четверть удвоилась.

Определяя по ценам хлеба меновое отношение старого московского, потом всероссийского рубля к нынешнему кредитному, получаем такие приблизительные цифры:

Рубль 1500 года стоил не менее 100 нынешн.
» *1501—1550 г. равнялся 63—83* »
» *1551—1600 г.* » *60—74* »
» *1601—1612 г.* » *12* »
» *1613—1636 г.* » *14* »
» *1651—1700 г.* » *17* »
» *1701—1715 г.* » *9* »
» *1730—1740 г.* » *10* »
» *1741—1750 г.* » *9* »

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ [1]).

I.

В изданной недавно [2]) на немецком языке книге дерптского профессора русского права г. Энгельмана [3]) опять затронут старый вопрос, который столько раз и с таким напряженным вниманием обсуждался в нашей литературе и все еще остается нерешенным: это вопрос о происхождении крепостного права в России. К сожалению, надобно прибавить, что и книга г. Энгельмана не снимает этого вопроса с очереди, не дает на него удачного ответа. Одною из причин этой неудачи, и едва ли не главною причиною, был важный пробел, допущенный автором. В исследовании о происхождении, развитии и отмене крепостного права в России читатель не находит точного и ясного юридического определения русского крепостного права, не видит, что разумеет автор под этим термином. Повидимому, автор не находил нужным задавать и самому себе предварительный общий вопрос о том, что это за институт, историю которого он задумал изложить. В кратком введении он отличает древне-русское холопство как от поземельной зависимости, основанной на договоре крестьянина с землевладельцем и соединенной с прикреплением первого к земле последнего (Hörigkeit), так и от крепостного права

---

[1]) Русская Мысль 1885, № 8.

[2]) Напечатано и издано в 1885 г.

[3]) Die Leibeigenschaft in Russland. Dorpat, 1884.

в собственном смысле (Leibeigenschaft) [1]). Холопство исстари существовало на Руси; договорная поземельная зависимость, соединенная с прикреплением к земле, устанавливается только с конца XVI в. Первое было институтом частного права, вторая—институтом права государственного. С тех пор как установилось поземельное прикрепление, оба института существовали некоторое время рядом в строгой юридической раздельности. С конца XVII в. правительство начало сближать и смешивать их один с другим, привлекая прежде свободных от тягла холопов к несению государственных повинностей, какие лежали на крепких земле тяглых крестьянах. Это уравнение холопов с крестьянами повело к тому, что и землевладельцы стали обращаться с теми и другими, как с крепостными (Leibeigene). Этот момент излагаемого автором исторического процесса и не разъяснен им достаточно: именно, благодаря отсутствию определения крепостного права, остается неясным, стали ли землевладельцы относиться к крепким земле крестьянам, как они относились прежде к холопам, или наоборот, или же, наконец, установилось какое-либо новое отношение к тем и другим, не похожее на прежние отношения ни к тем, ни к другим. Для разъяснения этого пункта читателю приходится собирать рассеянные по книге намеки, в которых вскрывается взгляд автора на сущность русского крепостного права. Но тут читатель встречается с новым затруднением. Г. Энгельману не нравится старое московское правительство с теми политическими и юридическими порядками, которые оно устанавливало в своем государстве, и автор при каждом удобном случае спешит поделиться с читателями дурным впечатлением, какое он вынес из изучения этих порядков. Московскому правительству больно достается от автора за нетерпимость, с какою оно стирало местные особенности, все подгибая

---

[1]) Г. Энгельман утверждает, что Hörigkeit и Leibeigenschaft на русском языке выражаются одним и тем же термином—*крепостное право*. Это не совсем верно. Hörig соответствует термину *обязанный*, введенному в русский юридический язык законодательством Императора Николая, а обязанный по закону не считался крепостным (Св. зак. по изд. 1857 г., т. IX, кн. I, разд. IV, гл. 4—6).

под невысокий московский уровень, за непонимание самостоятельного местного права, самобытной местной культуры. Автор читает этому правительству суровый, правда, немного запоздалый урок, зачем оно не возвысилось до той мысли, что существование в известной части государства своеобразного и развитого гражданского порядка, крепкого самобытного права нимало не мешает прочному подчинению этой части государственному целому, хотя бы большинство остальных частей этого целого стояло на более низкой ступени развития. Автор того мнения, что это правительство вообще не думало о праве, не ценило его ради него, пренебрегало всяким правом во имя пользы, что единственной обязанностью московских судей было блюсти не право и правду, а близоруко рассчитанный казенный интерес, что московские чиновники понимали закон только в смысле произвольного мероприятия, направленного к удовлетворению минутных потребностей, и т. п. Такие исторические обобщения выступают за пределы научного изучения и соприкасаются с областью личных ощущений, характеризуя не столько предмет исследования, сколько самого исследователя, особенности его мышления. В «историко-юридическом этюде», как г. Энгельман назвал свое исследование, такие ощущения, несомненно, проникнутые теплой задушевностью, неудобны тем, что под действием их тают юридические определения, расплавляясь в неуловимые схемы, подчас лишенные реального содержания. Рассматривая значение уложения 1649 г. в истории крепостного права, автор говорит, что этот законодательный свод дал поземельной крепости новое основание, благодаря которому она стала превращаться в настоящее крепостное право. В чем же состояло это превращение? Определяя перемену, какую Уложение произвело в характере поземельной крепости, автор после одной из нетерпеливых жалоб на недостаток чувства права и правды в московском правительстве того времени говорит, что обязанный или крепкий земле крестьянин был тогда «связанный предоставлен личному произволу землевладельца». В другом месте автор утверждает, что проводимый в Уложении взгляд на поземельную крепость основан на мысли, впрочем, не выраженной прямо и положительно: «крестьянин принадлежит землевладельцу». С большой прямотой и юридической определенностью выражает

автор свой взгляд на сущность крепостного права в перечне признаков, которыми обозначилось постепенное превращение обязанного крестьянина в крепостного человека: здесь автор не раз высказывает мысль, что это превращение состояло именно в уравнении крестьянина с холопом, что не холопы поднимались до положения обязанных крестьян, а, напротив, обязанные крестьяне низводились до положения холопов, крепостных (стр. 62, 57, 64—73).

Итак, сущность крепостного права, по мнению автора, состояла во владении крестьянами на том же праве, на каком прежде владели на Руси холопами. Значит, крепостное право по своему происхождению имело самую тесную связь с древнерусским холопством: последнее было не только юридическим образцом, но частию и юридическим источником первого. Но во введении, строго различая холопство и крепостное право, г. Энгельман говорит, что по своему историческому происхождению обе эти формы владения людьми не имели ничего общего. Таким образом, приступая к работе, автор имел в виду не ту схему истории крепостного права в России, на какой он построил изложение этой истории. Можно заметить и другое противоречие в его взгляде. Холопство он назвал во введении институтом частного права, а поземельную зависимость обязанного крестьянина—институтом права государственного. Если крепостное право сложилось путем уравнения крепких земле крестьян с холопами, значит, оно было следствием превращения института государственного права в институт права частного. Но в своей книге автор не раз высказывает мысль, что корнем, из которого выросло крепостное право, был взгляд на землевладельца, какой проводило законодательство с XVII века: землевладелец по отношению к крестьянину, работавшему на его земле, рассматривался не как одна из договаривающихся сторон в поземельной сделке, чем он был прежде, а как орган правительства, обязанный по закону ответственностью за своих крестьян в известных случаях. Контрагент в поземельной сделке, несомненно, есть явление частного права, а орган правительства—явление права государственного. Выходит, что крепостное право развилось путем превращения отношений частного права в отношения права государственного или путем замены первых последними. Таким образом, автор допускает два

пути образования крепостного права, и пути настолько различные, что они исключают друг друга.

Все это дает некоторое основание догадываться, что автор приступил к изложению истории крепостного права в России, прежде чем у него установился твердый взгляд на это право, свободный от всяких колебаний. Этот недостаток оказал неблагоприятное действие на ход исследования, особенно на решение вопроса о происхождении института. Не зная, как понимает автор крепостное право, читатель не в состоянии объяснить себе выбора фактов, какой он находит в книге. Чтобы показать, что заставило московское правительство в конце XVI века установить поземельное прикрепление крестьян, г. Энгельман в первой главе книги делает очерк их положения в России до этого времени. В этом очерке отмечено много явлений, имеющих, повидимому, очень отдаленное отношение к вопросу и притом невсегда точно воспроизведенных, но зато опущены факты, которых никак нельзя обойти в истории крепостного состояния на Руси. Чтобы дать понятие о древнейших поземельных отношениях в России, автор пользуется результатами исследования г-жи Ефименко о крестьянском землевладении на крайнем севере России, в Архангельской губернии, не поясняя, насколько поземельные отношения, описанные в этой статье по памятникам XVI—XVIII веков, близки к тем, какие существовали у нас в древнейшее время, и почему для объяснения поземельного прикрепления и крепостного права понадобились особенности землевладения, развившиеся именно в краю, где не привилось крепостное право: в Архангельской губернии десятая ревизия насчитала всего 20 человек крепостных дворовых людей и не нашла *ни одного* крепостного крестьянина. Но автор ничего не говорит о древне-русском холопстве и даже решительно и строго отличает его от крепостного права, между тем как именно холопство и было первичной формой крепостного состояния на Руси и оставалось господствующей его формой до самого законодательного своего упразднения. Если историк крепостного права в России счел возможным обойти древнейшую и много веков господствовавшую форму этого права, отсюда можно заключить только то, что он составил себе свое особое понятие о крепостном

праве, не согласное с древне-русским законодательством, которое признавало крепостным человеком прежде всего и преимущественно холопа.

Эти колебания и недоразумения объясняются и до некоторой степени, может быть, даже оправдываются взглядами на сущность крепостного права, какие высказывались в нашей литературе и которых г. Энгельман не мог согласить и примирить. За это нельзя винить его строго по двум причинам. Во-первых, в нашей исторической литературе высказывались очень несходные взгляды на крепостное право, которые, притом, были обращены не столько на его юридическую сущность, сколько на его историческое развитие и значение, отвечали на вопрос не о том, что такое это право, а о том, как оно установилось и какое оказало действие на различные стороны народной жизни. Во-вторых, самое это право по своему юридическому составу было таким сложным институтом, который трудно поддается точному определению. Русское законодательство никогда не решалось на это, не пыталось точно и прямо формулировать основания крепостного права. Из всех определений, высказанных в нашей литературе, наибольший авторитет бесспорно принадлежит тому, какое встречаем в одной записке Сперанского, составленной в 1836 г. [1]). Составитель свода законов Российской империи пытался определить сущность «законного крепостного права» в России на основании — точного и буквального смысла действовавших тогда законов. «Законное крепостное состояние, по его словам, в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещичьей с потомственной и взаимной обязанностью: *со стороны крестьянина* обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил, *со стороны помещика* наделять крестьянина таким количеством земли, на коей мог бы он, употребляя остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное пропитание». Это определение страдает двумя пробелами: во-первых, в нем не обозначены отношения крепостных крестьян к государству; во-вторых, оно

---

[1]) *Арх. истор. и практ. сведений*, изд. г. *Калачовым*. 1859 г., кн. 2, отд. 1, стр. 43.

касается только крепостных крестьян, не захватывая дворовых людей. У нас издавна установилась понятная привычка, говоря о крепостном состоянии, разуметь под ним преимущественно или исключительно крепостное крестьянство, которое составляло коренной и многочисленнейший элемент крепостного населения в России. Этим объясняется и тезис, поставленный Ю. Ѳ. Самариным в одной из записок по крестьянскому делу, писанных в 1857 г. «Крепостное право,—писал он,—слагается из двоякой зависимости: лица от лица (крестьянина от помещика) и земледельца от земли, к которой он приписан; второе из этих отношений (зависимость поземельная) заключает в себе всю историческую сущность крепостного права». Пока говорят об экономическом и политическом значении крепостного права, эта привычка ничему не вредит; но как скоро заходит речь о крепостном праве, как юридическом институте, привычное представление может повести к важным недоразумениям. Важнейшее из них, всего более повредившее постановке и решению вопроса о происхождении крепостного права, состоит в предположении, что это право имело внутреннюю юридическую связь с поземельным прикреплением крестьян, т. е., что крепость лица землевладельцу обусловливалась по закону прикреплением к земле и взаимно обусловливала это прикрепление. Свод законов нисколько не оправдывает этого предположения. Правда, законодательство императора Николая I пыталось установить общую связь крепостного состояния с землей. Эта попытка выразилась в законе 15 февраля 1827 г., предписывавшем, чтобы в пользовании крестьян, поселенных на земле помещика, находилось не менее $4^1/_2$ десятин земли на душу; то же стремление еще заметнее в основанной на узаконениях того же царствования статье 1069 тома IX свода законов (по изданию 1857 г.), в силу которой дворянину дозволялось приобретать дворовых людей и крестьян без земли не иначе, как с припиской их к собственным населенным крепостными недвижимым имениям, т. е. запрещалось безземельное приобретение крепостных безземельными дворянами. Но и законодательство Николая I не прикрепляло отдельных крестьян ни к поземельным участкам, ни даже к целым селениям, от которых отрывать их помещик не мог бы по своему усмотрению. Если из свода законов исключить

узаконения этого императора о крепостных людях, то не останется заметной юридической связи крепостного состояния с землей; отношения крепостных людей к земле тогда определялись бы исключительно тремя постановлениями, основанными на узаконениях прежних царствований и также нашедшими себе место в своде; одно из них давало помещику право переводить своих крестьян во двор или дворовых людей на пашню, другое—переселять крестьян порознь или целыми селениями с одних земель на другие, а третье—продавать и закладывать крепостных людей поодиночке и без земли.

Итак, мысль связать крепостное право с землей является в законодательстве довольно поздно, уже в последнюю пору существования этого права. Одна статья свода законов (т. IX, ст. 1149 по изд. 1857 г.), основанная на законодательстве императора Александра I, вскрывает побуждение, внушившее эту мысль: сохраняя старинное право отпускать крепостных людей на волю без земли порознь и отдельно то селений, помещики могли освобождать целые селения не иначе, как с известным земельным наделом. Это ограничение вытекло не из сущности крепостного права, как юридического установления, а из стороннего источника, из финансовой политики государства, стремившейся обеспечить быт крепостных людей, как податных плательщиков, и исправное отправление ими государственных повинностей. Значит, по отношению к массе крепостных крестьян земля входила в состав крепостного права не как юридический элемент, а как экономическая необходимость; требуя, чтобы в пользовании крепостных крестьян находилось достаточное для их хозяйственного обеспечения количество земли, закон не прикреплял крестьян к земле и не предполагал такого прикрепления, как юридического основания крепостного права, а стремился оградить интересы казны и общественного порядка, исходя из того соображения, что без достаточного земельного надела невозможно прочное обеспечение быта крепостных крестьян и исправное отправление ими государственных повинностей.

Все это приводит к тому выводу, что крепостное право, как право в той окончательной форме, какую дало ему законодательство незадолго до его отмены, имело личный, а не поземельный характер. Крепостной был крепок землевладельцу не потому, что был прикре-

плен к его земле; напротив, он всегда мог быть оторван от земли именно потому, что был крепок только землевладельцу: и прикреплялся к земле лишь настолько, насколько этого требовали интересы, выходившие из другого источника и сторонним ингредиентом примешивавшиеся к крепостному праву. Этот вывод имеет немаловажное методологическое значение: он указывает, как лучше поставить вопрос о происхождении крепостного права, чтобы удобнее разрешить его. Припомним, как ставили его исследователи, неразрывно соединявшие мысль о крепостном праве с представлением о крепостном крестьянине. Они рассуждали так: некогда крестьяне были вольные люди и пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому; но потом правительство отняло у них это право, прикрепило их к земле и вследствие того они попали в неволю к землевладельцам. Все внимание исследователя сосредоточивалось на побуждениях, заставивших правительство прикрепить крестьян к земле, и на том, как это прикрепление изменило отношение крестьян к землевладельцам; поземельное прикрепление составляло центр тяжести в вопросе. Но такая постановка вопроса рождала двоякое затруднение: во-первых, благодаря ей, разъяснилось не происхождение крепостного права, а действие на него того стороннего ингредиента, который вовсе не составлял его сущности; во-вторых, оставалось неясным, каким образом крепостное право, построенное на поземельном прикреплении, потом утратило юридическую связь с землей, сошло со своего основания. Г. Энгельман собственно держится той же схемы, только пополняя ее. Русские исследователи не определяют точно юридического характера той неволи, в какую попали крестьяне вследствие поземельного прикрепления, не указывают, была ли накинута на крестьян форма порабощения, сложившаяся прежде, или это был новый вид личной зависимости, незнакомый древне-русскому праву. Г. Энгельман склоняется к первому решению, приравнивая крепостных крестьян со времени Уложения к древнерусским холопам. Но, договаривая недомолвку русских исследователей, он только прибавляет новое затруднение къ прежним: как можно утверждать, что крепостные крестьяне приравнивались к прежним холопам, когда не только первые, став крепостными, не пе-

рестали платить государственные подати, но и вторые, прежде не плативше податей, начали платить их и перестали быть прежними холопами? Итак, крепостное *право* надобно строго отличать не от холопства, как делает г. Энгельман, а от *состояния* крепостных крестьян, которое слагалось не из одних крепостных отношений. Крепостное право возникло прежде, чем крестьяне стали крепостными, и выражалось именно в различных видах холопства. Ставя вопрос о происхождении крепостного права, надобно брать за исходную точку крепостное состояние, как оно было формулировано законом в последний момент своего существования. Это состояние представляет сложный институт, слагавшийся из крепостных отношений, которые привязывали крепостного к владельцу, и из отношений государственных, поддерживавших политическую связь крепостных с свободным населением государства. Совокупность крепостных отношений, основанных на *крепости*, известном частном акте владения или приобретения, составляла крепостное право; отношения государственные, общая подсудность, подати, рекрутская и другие повинности, как и поземельное устройство крепостных для обеспечения исправного отправления ими этих повинностей,—все это особый порядок отношений, который надобно отличить от крепостных, хотя не следует уединять от них, потому что те и другие отношения развивались в тесном взаимодействии. Легко заметить, что при историческом взаимодействии между обоими порядками отношений не только не было юридического сродства, но господствовал скрытый антагонизм по самому свойству интересов, которые ограждались ими: крепостные отношения отдавали крепостных людей, по выражению закона, «в частную власть и обладание» и делали их слугами частного интереса, а отношения государственные соединяли их в одно общество с прочими подданными русской верховной власти. Крепостное право на крестьян и дворовых людей, как оно поставлено в своде законов, имеет прямую юридическую связь с древне-русским крепостным правом на холопов. Итак, вопрос о происхождении крепостного права есть вопрос о том, что такое было крепостное холопское право в древней Руси, как это право привито было к крестьянству и как переродилось вследствие этой пересадки на новую, чуждую ему почву. Значит, центром тяжести в

вопросе должно служить не поземельное прикрепление крестьян, а развитие и изменение личной крепости, процесс юридический, а не политико- экономический: ставя вопрос о происхождении крепостного права, надобно разъяснить не то, как государство создало крепостное право посредством поземельного прикрепления крестьян, а то, как оно допустило распространение на крестьян прежде существовавшего крепостного холопского права вопреки поземельному прикреплению крестьян, если только последнее было когда-либо им установлено. Мы увидим, что такая постановка вопроса не только дает иную схему исторического явления, каким было крепостное право, но и помогает найти иной ряд исторических условий, его вызвавших.

II.

Древне-русское право много работало над холопством, и на пространстве веков этот институт испытал значительные перемены как в своей юридической сущности, так и в своих экономических и бытовых формах. Непризнание этого было важной ошибкой со стороны такого ученого, как Беляев, так внимательно относившегося к тексту юридического памятника; а тексты говорят прямо против него. В одной из своих статей он доказывал, что законодательство времени обоих московских «Судебников» продолжало разрабатывать те же начала полного рабства и неполного порабощения, которые были высказаны в Русской Правде [1]). *Обельное* холопство Русской Правды соответствовало *полному* холопству «Судебников»; точно также *кабальные* холопы XV и XVI вв. были те же *закупы* Русской Правды, полусвободные люди, вступавшие во временную, уголовную зависимость, но при этом не терявшие прав личности и не переставшие быть членами русского общества. Но Русская Правда не причисляет закупа к холопам, даже прямо отличает его от них. Способ установления личной зависимости закупа не подходит ни под один из источников холопства, признаваемых Правдой; виды личной зависимости, подоб-

---

[1]) *Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние, в Архиве истор. и практ. сведений*, изд. Н. Калачовым, кн. 2, стр. 83 и след.

ные закупничеству, прямо отмечены в ней, как отношения, не устанавливающие холопства. Древне-русское право строго отличало холопство отъ простой личной зависимости. Главное основание различия заключалось в отношениях лица к государству: холопство лишало человека личных и гражданских прав и освобождало от государственных обязанностей, т.-е. прекращало непосредственные отношения лица к государству; простая личная зависимость не влекла за собою таких последствий. Не говоря о политическом способе обращения в рабство по судебному приговору за известное преступление, можно сказать, что Русская Правда знает только два гражданских источника холопства: продажу и безусловное вступление в личное услужение (по тиунству и по ключу «без ряду»). Два другие способа обращения в холопство, отмеченные Правдой, собственно нельзя считать особыми источниками: продажа в рабство несостоятельного по своей вине должника по воле кредиторов была только осложненным видом первого из указанных гражданских источников, а брачный союз с холопом или рабой без уговора, обеспечивающего свободу лица, вступающего в такой брак, был осложненным видом добровольной отдачи себя в безусловное личное услужение. Личная зависимость закупа создавалась заемным обязательством, которое состояло в обязательной работе закупа на хозяина-заимодавца до уплаты долга. Перечисляя источники холопства, Правда прямо говорит, что они установляют холопство *обельное*, т.-е. полное; но личная зависимость, не устанавливающая холопства обельного, в ней не признается и холопством. Таким образом, держась текста статей Русской Правды о холопах, можно указать две особенности, отличающие этот памятник от позднейшего московского законодательства о холопстве: Правда не знала холопства неполного, условного, на которое обращено было преимущественное внимание позднейшего законодательства; Правда не знала холопства по заемному обязательству, которое было первоначальным и коренным основанием позднейшего кабального, т.-е. неполного холопства. Можно возбуждать вопрос о точности, с какою Правда воспроизводила юридические отношения, действовавшие в ее время; но, держась прямого смысла ее статей, нельзя доказать ни того, что она различала холопство полное и неполное, ни того,

что долговая зависимость закупа разрывала его непосредственные отношения к государству.

Можно сказать и больше того: сохранившиеся памятники позволяют с некоторою точностью определить, когда завязалось на Руси и как развивалось кабальное холопство. В актах удельного времени, княжеских и частных, до конца XV в. нет и намека на этот институт, как не встречаем и термина, которым он обозначался впоследствии: в этих актах упоминаются люди *полные*, *приказные*, *купленные*, *челядь дерноватая*, т. е. холопы полные, но нет кабальных. Если не ошибаемся, о людях кабальных впервые говорят две княжеские грамоты: духовная удельного князя Андрея Меньшого, брата великого князя Ивана III, составленная около 1481 г., и духовная известного развенчанного Иванова внука Димитрия, писанная около 1509 г. Но уцелели явственные признаки, по которым можно догадываться, что кабальная зависимость, как новый вид холопства, тогда только еще зарождалась. В «Судебнике» 1497 г. нет и намека на кабальное холопство: он знает только холопство полное. Не встречаем его следов и в актах частных лиц того времени. Под руками пишущего эти строки набралось значительное количество духовных грамот, изданных и не изданных, относящихся к длинному промежутку времени с 1459 г. до конца XVI в. [1]). Завещатели все служилые люди московские высших и низших чинов или их вдовы; между ними со второй четверти XVI в. является много потомков русских удельных князей, Сицкие, Ромодановские, Ростовские, Пронские и др. Все они рабовладельцы и почти все в своих духовных очень точно описывают личный и юридический состав своей челяди, т.-е. перечисляют холопов поименно и обозначают, по какому холопству эти люди крепки им. Следя по этим духовным за юридическими видами холопства, замечаем любопытное явление: до 1526 г. в грамотах отмечаются холопы полные, в иных еще и старинные, т. е. те же полные, но ни в одной нет поми-

---

[1]) Изданные духовные известны. Не изданные заимствованы из двух сборников грамот Троицкого Сергиева монастыря, хранящихся в монастырской библиотеке, №№ 530 и 532.

ну о холопах кабальных, хотя число известных нам духовных, писанных с 1459 по 1525 год, простирается до двух десятков. Напротив, с 1526 г. редкая духовная не упоминает рядом с полными людьми и о кабальных; иные говорят об одних кабальных, не упоминая о полныхъ, и чем дальше, тем кабальная дворня становится все многочисленнее. Что еще замечательнее, в одном и том же рабовладельческом доме раньше указанного хронологического рубежа по духовным не заметно присутствия кабальных людей, а после они являются в составе челяди. Служилый человек Арбузов в духовной 1524 г. перечисляет поименно 14 голов холопов и холопок, одних отпуская на волю, других отказывая своим детям. Внук этого самого Арбузова в духовной 1556 г. поименовывает уже троих своих людей, «серебряников кабальных», прибавляя: «те мои люди на слободу и кабалы бы им выдати безденежно». В одной из духовных находим указание, бросающее некоторый свет и на юридическое состояние, из которого развивалось кабальное холопство. Потомок старинного московского боярского рода Белеутов в духовной 1472 г. перечисляет с дюжину семейств холопов полных и старинных, которых отказывает своим наследникам или отпускает на волю [1]). Окончив этот перечень, завещатель отдельно упоминает о некоем Войдане, который находился в зависимости особого рода от Белеутова; этот Войдан с семьей, пишет завещатель, «отслужат свой урок моей жене и моим детям десять лет да пойдут прочь, рубль заслужат, а рубль дадут моей жене и моим детям, а не отслужат своего урока, ино дадут оба рубля». Сколько можно понять это распоряжение, Войдан занял у Белеутова два рубля, уговорившись за один рубль служить урочные лета хозяину и, в случае его смерти, его наследникам, а по истечении срока отойти на волю, заплатив другой рубль. Это, очевидно, не полное или старинное холопство, а временная и условная зависимость, основанная на долговомъ обязательстве; завещание не дает права даже считать ее холопством. По своей юридической физиономии Войдан—закуп Русской Правды. В удельное время такие закупы назывались *закладнями* или *закладниками*. Из дого-

---

[1]) *Акты юр.* № 410.

ворных грамот Новгорода Великого с князьями XIII и XIV вв. узнаем, что князья и их бояре принимали к себе закладней из обывателей новгородских волостей. Не видно, каковы были условия этого закладa; видно только, что закладывались новгородские смерды и купцы, т. е. крестьяне и торговые городские люди. Но ничто не заставляет предполагать, чтобы эти закладни считались холопами тех, за кого закладывались, и в терминах, которыми грамоты обозначают их зависимость, нет никакого намека на это. Эти люди только выходили из состава тех городских и сельских обществ Новгородской земли, к которым принадлежали, порывали политическую связь с Новгородом Великим, как государем, и подчинялись князю, «позоровали к нему», по своеобразному выражению грамот, т. е. меняли одну политическую зависимость на другую, не выступая из прежних своих общественных состояний, не переставая быть смердами и купцами. Вот почему Новгород ставил в своих договорах условие, обязывавшее князей отступаться от таких закладней, возвращать их в те общества, из которых они выходили,—купца в его городскую сотню, смерда в его сельский погост. По духовным и договорным грамотам московских князей видно, что такие закладни были и в их собственных уделах. Те из этих людей, которые закладывались лично за князя, а не за его бояр, вступали в двойную зависимость от него: они подчинялись ему, как государю, наравне с закладнями бояр этого князя, и подчинялись ему, как хозяину, по частному обязательству на том же праве, на какомъ боярские закладни подчинялись своим боярам. Такая двойная зависимость, политическая и гражданская, если не по названию, то на деле, ставила княжеских закладней в положение холопов, только не полных, а условных, так как частная личная зависимость по древне-русскому праву только тогда получала характер холопства, когда хозяин зависимого человека становился для него вместе и государем, заменял для него верховную власть. Может быть, этим и объясняется, почему кабальные холопы являются по актам, прежде всего, не у частных лиц, а у владетельныхъ князей, какими были упомянутые выше удельный брат Ивана III Андрей и Иванов внук Димитрий. Если это соображение основательно, то становится объяснимо юридическое происхождение

кабального холопства и в домах частных лиц. То явление, что о кабальных холопах упоминают известные нам духовные частных лиц, писанные именно не раньше 1526 г., разумеется, не более, как случайность: могут найтись акты с указанием на таких холопов у частных лиц, составленные несколькими годами раньше. Но, в связи с молчанием «Судебника» 1497 г. о кабальных холопах, это явление внушает догадку, что кабальная или условная зависимость не раньше конца XV в. получила характер холопства и с таким характером еще не успела достигнуть заметного развития в частных гражданских отношениях. Надобно принимать, что именно во второй половине XV в. множество удельных князей утратило значение владетельных государей и перешло в положение служилых людей московского государя. Становясь частными лицами для своих удельных обществ, эти князья оставались государями для людей, находившихся в частной личной и условной зависимости от них, и, таким образом, внесли в гражданские отношения новую юридическую мысль, что и у частных лиц слуги, привязанные к хозяевам кабалой, личным и временным обязательством, принадлежат им на том же праве, как и холопы полные, только принадлежат лично и временно.

Но если юридическое происхождение кабального холопства можно связывать с переворотом, происшедшим в политическом складе Руси, то историческому его развитию, распространению его по дворам, никогда не бывшим владетельными, содействовал перелом, совершившийся в народном хозяйстве. Трудно объяснить, что именно произошло тогда в народном хозяйстве, но можно заметить, что произошло нечто такое, вследствие чего чрезвычайно увеличилось количество свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала. Иначе нельзя объяснить того незаметного прежде явления, что в то время, когда закон еще нисколько не стеснял права свободного лица располагать по усмотрению своею личностью, множество свободных людей, не отказываясь от свободы навсегда и безусловно, входило в долговые обязательства, устанавливавшие неволю временную и условную. Этой экономической перемене соответствовала юридическая физиономия, с какою впервые является ка-

бальный холоп в памятниках нашего права XVI века: это—должник, уплачивающий по договору рост с занятого капитала личной обязательной работой. Ни срок, ни другие условия этой работы, повидимому, не определялись однообразно и точно. Можно только заметить, что обязательство не прекращалось ни смертью кредитора, ни даже смертью «заимщика». Со второй четверти XVI в. рабовладельцы в духовных своих грамотах обыкновенно передают наследникам вместе с полными холопами и кабальных своих людей, иногда только ограничивая срок их дальнейшей службы. Кн. Никита Ростовский в духовной 1548 г. отказал своей жене четыре семьи кабальных людей, с условием держать их в службе пять лет со смерти завещателя, а после отпустить на свободу по княжой душе «безденежно». Даже отпуская кабальных людей на волю, завещатели XVI в. дают понять, что делают это не в силу закона, а по душе, по личной милости, прощая долг: юридическая возможность посмертного взыскания долга с кабального всегда предполагалась сама собою. Мордвинов в духовной 1526 г., самом раннем из известных нам завещаний, сохранивших след кабального холопства у частных лиц, отпускает на волю с семьей человека, который был ему крепок по кабале в $2^1/_2$ р., прибавляя: «а кабалу ему выдати, а денег на нем не правити». В других духовных встречаем распоряжение отпустить на волю вместе с полными и полоненными людьми и кабальных, а «кабалы и памяти изодрать и денег и хлеба по ним не брать». Такое необязательное освобождение кабальныхъ, простиравшееся и на полных холопов, называлось в духовных *простью:* «а людям моим прость, пишет вдова кн. И. Б. Горбатого Суздальского в духовной 1551 г., полным и докладным и приданым и кабальным,—все Божии и царевы государевы люди». Если долговое обязательство кабального не уничтожалось смертью заимодавца, то, с другой стороны, пока был жив последний, оно не прекращалось и смертью должника, переходило на его семью, с которой он отдался в кабалу или которой обзавелся во время холопства; однако, положение осиротелой семьи холопа по смерти заимодавца, повидимому, не определялось; но если холоп при жизни или по смерти господина получал волю, закабаленная им семья во всяком случае становилась свободна, что не было обязательно для го-

сподина при освобождении полных холопов. О недавнем возникновении кабального холопства вместе с этой неопределенностью условий говорит еще и то, что до половины XVI в. оно не успело усвоить ни терминологии, ни юридических форм холопства. Кн. Ногтев в духовной 1534 г. пишет: «а что мои *люди* по кабалам серебряники и по полным грамотам... *холопи*, и те все люди... на слободу». Завещатель приказывает своим душеприказчикам дать холопам полным и докладным отпускные, а людям кабальным только возвратить кабалы: не привыкнув еще видеть в кабальном настоящего холопа, не считали необходимым при освобождении давать ему отпускную. Но принцип кабального холопства был уже готов в начале XVI в. и лучшую формулу его находим в жалованной грамоте вел. кн. Василия 1514 г. жителям Смоленска: «а кто человека держит в деньгах, и он того своего человека судит сам», т. е. для должника, живущего в доме заимодавца, последний заменяет государя, верховную власть.

Так, в нашем праве XVI в. стали рядом два вида крепостного состояния: холопство полное и кабальное. То и другое слагалось из различных юридических элементов. Источником полного холопства была продажа лица, и из этого источника вытекали два последствия: 1) безусловная и бессрочная зависимость купленного от купившего, 2) потомственность и наследственность этой зависимости, т. е. переход ее от купленного на его потомство и передача права на холопа покупщиком своим наследникам. Потомственность, соединенная с наследственностью, носила на языке древне-русского холопства техническое название *старины:* сын полного холопа, родившийся в холопстве и по холопству отца холопивший его «государю» или наследнику этого государя, назывался полнымъ *старинным* холопом. Источником кабального холопства был заем с заменой роста личным услужением должника, и из этого источника вытекали два последствия: 1) условная зависимость должника от заимодавца, условия которой определялись добровольным уговором обеих сторон, 2) юридическая неразрывность семьи кабального холопа, который, выходя на волю при жизни или по смерти своего государя, во всяком случае выводил из неволи и жену с детьми, которых он за-

кабалил вместе с собою или которых нажил во время холопства. Крепость, которой утверждалось кабальное холопство, в отличие от простой заемной или закладной кабалы, называлась в XVI в. *кабалой за рост служити* или *служилой;* последнее название осталось за ней и в XVII в. Холопство полное и кабальное должно считать основными, первичными видами крепостного состояния в древней Руси. Из различных сочетаний юридических элементов, входивших в состав того и другого холопства, развились новые, производные виды, и это развитие отличалось такою юридической строгостью и последовательностью, какой не найдем в других процессах нашей юридической жизни, и которая несколько напоминает римское право: пусть читатель удержит улыбку, которую может вызвать это замечание.

Прежде всего, из холопства полного под действием кабального выделилось холопство *докладное.* Если не ошибаемся, доселе не найдено ни одной *полной* грамоты, как называлась крепость, которой утверждалось полное холопство; только в одной крепостной книге XVI в. сохранилось 7 записей, представляющих сокращенное изложение полных грамот 1489—1526 годов [1]). Во всех записях повторяется одинаковая формула: известное лицо покупало холопа «собе и своим детем в полницу». Но по 101 статье XX главы Уложения можно догадываться, что в иных полных грамотах писали не только детей, но и внучат, даже правнучат покупщика. Из той же статьи видно, что в XVII в. этот перечень поколений имел юридическое значение: если холоп, укрепленный полной грамотой, в которой обозначены только дети его государя, доживал до его внука, последний терял на него право, не мог искать на нем холопства по одной такой полной своего деда, не имея других крепостей на него. Но трудно решить, действовало ли это правило в XVI в. В этом легком смягчении полного холопства можно уже видеть действие принципа, лежавшего в основании холопства кабального: указанная формула полной грамоты сообщала некоторую условность неволе, которая укреплялась ею. К полным холопам причислялись

---

[1]) *Арх. ист.-юр. свед.* г. Калачова, кн. 2, отд. 2, стр. 32.

и люди, отдававшиеся в холопство не для всякой работы, какую укажет господин, а специально для службы приказчиками по его хозяйству. Они потому назывались *приказными* людьми; то были тиуны, посельские, ключники. Русская Правда отличает тиунство и ключничество от продажи, как особый источник обельного холопства: самая служба в этих дворовых должностях делала свободного человека холопом, если не была обусловлена «рядом», особым уговором, ограждавшим свободу слуги. «Судебник» 1497 г. знает холопство по тиунству и по ключу, но только сельскому: служба городским ключником не считалась холопской. «Судебник» не говорит и о ряде; это можно объяснить тем, что в XV и XVI вв., по крайней мере, сельские ключники обыкновенно покупались наравне с простыми полными холопами, и эта служба была уже не особым источником, а только привилегированным видом холопства. Это холопство укреплялось особой формальностью *доклада:* покупавший ключника представлял его наместнику, свидетельствуя, что это вольный человек, берет у него, покупщика, столько-то рублей и в тех деньгах дается ему на ключ в его село, «а по ключу дается и в холопи»; наместник проверял это показание, опрашивая покупаемого, и, в случае утвердительного ответа, скреплял сделку, прикладывая свою печать к грамоте, ее излагавшей. Эта грамота называлась *докладной*, а холопство, ею укреплявшееся, получило специальное название *докладного*. Обычным источником такого холопства, как и полного, была продажа. До нас дошли одна подлинная докладная 1553 г. и три краткие докладные записи 1509—1536 г., уцелевшие в упомянутой выше крепостной книге; во всех этих сделках сельские ключники продавали себя на ключ. Но при одинаковом источнике докладное холопство отличалось некоторыми существенными юридическими особенностями, которые выделяли его из холопства полного в особый вид крепостной зависимости. Выделение это произошло, повидимому, в промежутке обоих «Судебников»: первый из них еще признает холопство по тиунству и по сельскому ключу «с докладом и без докладу», т. е. без особой докладной процедуры, как заключались сделки и на полное холопство; второй «Судебник» не признает холопством сельского ключничества, не укрепленного

докладной грамотой, и самое право давать грамоты полные и докладные усвояет только некоторым наместникам высшего ранга. По самому существу своему докладное холопство было зависимостью условною: сельский ключник отдавался не на всякую работу, а только на службу в известной должности по хозяйственному управлению. К этому основному условию прикрепились и другие ограничения господского права на докладного холопа. Во-первых, это право было только пожизненное, прекращалось смертью господина и не передавалось наследникам; потому докладные писались только на имя покупщиков, без детей и дальнейших потомков. В законах 1597 и 1609 гг. эта пожизненность является уже давно утвердившимся, признанным правилом, но трудно объяснить ее происхождение. Кажется, это ограничение права на докладного холопа основалось на одном обычае, возникшем еще в удельное время. У князей удельных бывали и некупленные ключники, юридическое состояние которых отличалось тою особенностью, что по смерти князя, которому они служили, они и не отпускались на волю, и не передавались наследникам: это значит, что их зависимость непременно прекращалась самой смертью князя, а не его милостивым посмертным распоряжением, зависевшим от его воли. Следовательно, они не считались полными холопами; но так как хозяин, которому они служили «с рядом», по вольному уговору, владетельный князь, был для них и государем, каким он был и для всех вольных людей в своем княжестве, то это соединение частного личного услужения с государственным подданством делало свободного ключника условным и временным холопом князя. Таким образом, пожизненность докладного холопства имела одинаковое историческое происхождение с холопством кабальным: в удельное время заемная кабала не делала холопом, даже если соединялась с личным услужением должника кредитору; но когда кредитором становился удельный князь, соединявший с правами заимодавца авторитет верховной власти, тогда личная служба за долг создавала зависимость, ставшую первообразом кабального холопства. Вероятно, обычай удельных князей принимать некупленных ключников в службу по свою смерть, обобщаясь, стал потом обязательной юридической нормой и для

купленного ключничества в частных хозяйствах. Во-вторых, не давая детям господина наследственного права на отцова холопа, докладное холопство не создавало и детям холопа полной потомственной зависимости от отцова господина, не давало ему права распоряжаться ими отдельно от отца и не всегда давало право передавать их по наследству, как детей полного холопа. Из текста того же закона 1597 г. прямо следует, что дети докладного холопа, родившиеся во время его холопства, обязаны были служить отцову господину, но по смерти его становились свободны вместе с отцом: это была старина потомственная без наследственности. В этом легко заметить прямое действие того принципа кабального холопства, по которому семья холопа, при выходе последнего на волю, нераздельно следовала за своим главой. Но юридическое родство докладного холопства с полным, созданное их общим источником, продажей, оставило по себе след и после обособления одного от другого. По памятникам законодательства и по крепостным актам XVI и XVII вв. видим, что были старинные докладные люди, т. е. потомки докладных холопов-ключников, которых господа передавали своим детям в приданое и по завещанию наравне с полными холопами. Разгадку этого находим в приписке к одной из докладных записей в упомянутой крепостной книге XVI в. В 1509 г. Собака Скобельцын купил себе на ключ некоего Ивашка. В приписке, продиктованной внуком Собаки, перечислены потомки этого Ивашка, остававшиеся в холопстве у Скобельцыных. Сын Ивашка Беспута служил сыну Собаки, Константину, у него в холопстве и умер, а сын Беспуты, Томилка, прибавляет приписка, служит у Константина. В той же книге записана данная этого Константина, писанная в 1596 году: благословляя детей своих старинными своими докладными людьми и полоняниками, Скобельцын поместил в их списке и старинного докладного Томилку Беспутного. И так, родившиеся в холопстве дети докладного холопа, который умер, прежде чем успел выйти на волю, т. е. при жизни своего господина, не получали свободы по праву и после его смерти становились старинными потомственными и наследственными холопами подобно полным. Эта особенность докладного холопства, будучи остатком его юри-

дического родства с полным, однако, не противоречила и усвоенному им у кабального холопства принципу неразрывности семьи холопа при его освобождении: вследствие преждевременной смерти отца, дети докладного холопа по *праву* не могли получить свободы и, как потомки купленного холопа, попадали в вечную неволю, из которой их могла вывести только *милость* господина. Так из полного холопства, под действием начал кабального или одинаковых исторических условий образования того и другого, развился смягченный вид купленного холопства с *укороченной потомственной и случайной полной стариной:* право господина на купленного ключника, личное и пожизненное, превращалось в наследственную власть первого над потомством второго в случае, если купленный умирал раньше купившего.

В свою очередь, докладное холопство содействовало дальнейшему развитию кабального, сообщило ему некоторые свои черты и тем придало ему бо́льшую определенность. По свойству своего источника, кабальное холопство слагалось из займа и личной службы. Докладное холопство помогло этим прежде слитым элементам разложиться и образовать два особые вида кабального холопства. В «Судебнике» 1550 г. и в ближайших к нему по времени дополнительных указах кабальное холопство является еще вполне с характером заемнослужилого на довольно неопределенных условиях. Такой характер долго сохраняет оно и в дошедших до нас служилых кабалах. Самая ранняя из изданных кабал относится, если не ошибаемся, к 1596 г. [1]). Между неизданными нам попалась одна 1597 г. Все эти кабалы очень однообразны: вольный человек, один или с женой, иногда и с детьми, занимал у известного лица несколько рублей всегда ровно на год, обязуясь «за рост у государя своего служити во дворе по вся дни, а полягут деньги по сроце, и мне за росту государя своего потому же служити по вся дни»; иногда холоп с семьей прибавлял условие: «а кой нас заимщиков в лицах, на том деньги и служба». Это значит, что холоп формально обязывался служить до уплаты долга и на случай неуплаты его при своей жизни переносил обязательство

---

[1]) *Акты юр.*, № 252. *Полн. собр. зак.*, I, стр. 116—121.

на жену и детей своих. Некоторыми из этих черт служилые кабалы напоминают обычную форму простых заемных кабал или долговых росписок того времени.

Трудно объяснить происхождение такой формы служилой кабалы. Вероятно, она давалась первоначально только на год, после чего должники, уплатив долги, могли выходить на волю; но они обыкновенно оказывались несостоятельными. В 1560 г. казначеи докладывая царю о том, что господа ищут по служилым кабалам заемных денег, но холопам нечем платить, а иные даже уходят от господ без расплаты, унося господское добро, прибавляя, что последних по суду выдают истцам «головой до искупа», а другие *сами* просятся к истцам в холопы полные и докладные взамен уплаты. Отсюда можно понять, что делали истцы с выданными до искупа: они превращали их в своих полных или докладных холопов или продавали другим. Царь указал несостоятельных кабальных выдавать до искупа, запретив им продаваться в полные и докладные, т. е. указал оставлять их в кабальном холопстве до расплаты, не переводя в более тяжкую неволю. Может быть, по этому указу в служилую кабалу и было внесено новое условие, обязывавшее кабального продолжать кабальную службу своему господину и в том случае, если «деньги полягут по сроце». Но тогда господа, удерживая при себе кабальных, стали продавать или закладывать их жен и детей, разрывая кабальные семьи. Намек на это можно видеть у Флетчера, бывшего в Москве в 1588 году: он говорит, будто закон дозволял кредитору продать жену и детей выданного головой должника вовсе или на известное число лет. В свою очередь, и холопы старались перезаложиться другим, покрывая старый долг новым займом: из закона 1597 г. видно, что иные кабальные, уходя от своих господ, просили принять у них деньги в уплату по кабалам. Этот закон и пытался пресечь возникавшие отсюда беспорядки, применяясь к господствовавшим отношениям и понятиям. По духовным грамотам XVI в. видно, что кабальная зависимость чаще всего прекращалась по воле господина с его смертью: «отходя сего света вольного», он не только прощал долги своим добрым слугам, но и «наделял» их по силе, прося душеприказчиков дать его «людцам, мужич-

кам и женочкам, почему пригоже дати, а не оскорбити», чтобы люди, покидая господский двор, не заплакали, по прекрасному выражению некоторых завещательниц. Так, нравственный мотив приходил на помощь неопределенному или нерешительному праву, внося в кабальное холопство элемент докладного. Чтобы прекратить разрыв кабальных семей, тяжбы и побеги, закон 25 апреля постановил, что в случае спора, если кабальный уйдет от господина без его согласия, с такими кабальными следует поступать *как с докладными*, выдавать их в службу господам до смерти последних, а денег по кабалам не брать с холопов, хотя бы они просили о том; точно также и дети кабального, закабаленные вместе с отцом или родившиеся в холопстве, *подобно докладным людям*, служат отцову господину до его смерти, а жене его и детям после него не служат и денег им по отцовой кабале не платят. Закон не предписывал, чтобы кабальная служба всегда непременно продолжалась до господской смерти; он только давал норму для разрешения спорных случаев и запрещал продажу и заклад кабальных детей. По любовному уговору сторон кабальный мог по смерти господина служить его семье, по воле господина мог выйти на волю раньше его смерти. Пушкин в духовной, писанной в сентябре того же 1597 г., считал себя в праве написать: «людей моих кабальных во дворе и в деревнях всех отпустити на свободу, опричь тех, которых я приказывал жене моей по ее живот».

Таким образом, закон сам отметил историческую связь юридических явлений, постановив, что в спорных случаях по служилым кабалам «быть в холопстве, как и по докладным», т. е. приняв докладное холопство за образец для кабального в отношении срока службы. Это сообщало служилой кабале значение крепости, устанавливавшей личную связь кабального с господином. Отсюда с строгой юридической логикой развился ряд последствий, существенно изменивших характер кабального холопства. Во-первых, если кабальная неволя прекращалась смертью господина без уплаты долга, значит служба за рост превращалась в службу за самый долг с погашением его, т. е. холопство по займу превращалось в личное услужение по найму с выдачей наемной платы вперед. Так, одно из последствий прежнего

источника кабального холопства, личная служба за рост, незаметно само превратилось в источник холопства: прежде крепила долговая ссуда, соединенная с личной службой должника; теперь возникла мысль, что *может крепить личная служба во дворе сама по себе*, независимо от ссуды. Повидимому, эта мысль была примененной к кабале реставрацией старинного принципа, по которому служба тиуном или ключником без уговора делала слугу холопом. Во-вторых, служилая кабала могла быть даваема только одному господину, а не двоим вместе, например, отцу с сыном, т. е. *служилая кабала крепила каждого холопа только одному лицу*. Совместные кабалы были строго запрещены законом 1606 г., и этот запрет подтвердило Уложение 1649 г. Но практика с трудом усвояла себе это правило: совместные кабалы, утвержденные законным порядком, встречаются до 1648 г. В-третьих, кабальный холоп, крепкий одному лицу, *не мог быть передаваем другому без отпускной*, т. е. без уничтожения старой кабалы, что делало его свободным. Мы не знаем, было ли это правило прямо выражено в законодательстве раньше Уложения, которое одной статьей строго запретило отдавать кабальных людей в приданое, по духовным и другим грамотам, а другой—запретило отцам брать на своих кабальных новые кабалы на имя своих детей, не дав им предварительно отпускных, т. е. не обусловив передачи холопа его добровольным согласием (XX, 61 и 9). В-четвертых, как скоро личная дворовая служба без займа стала считаться особым источником холопства, *добровольное услужение без крепости стало создавать крепостную кабальную неволю*. Средством для этого было установление давности состояния *вольных холопей* или *добровольного холопства*. Вольным назывался холоп, служивший не по старине и без крепости. Пока личная служба без займа не считалась источником кабального холопства, добровольная служба, разумеется, не могла признаваться холопством и вести к нему: по закону 1555 г., добровольный слуга, сколько бы ни служил, мог уйти, когда хотел, и хозяин не имел даже права искать на нем сноса. Но апрельский закон 1597 г., косвенно превратив заем с условием службы за рост в наемную плату за кабальную службу, тотчас применил эту перемену к добровольной службе, постановив, что на слугу, прожившего без крепости не меньше полугода, госпо-

дин может взять служилую кабалу против его воли. Однако, новый способ кабального укрепления без займа был принят законодательством не без колебаний. Царь Василий Шуйский в 1607 г. вернулся было ко взгляду закона 1555 г., но в 1609 г. передумал, впрочем, не принял окончательного решения, обещав поговорить о том с боярами и приказав пока впредь до издания закона удерживать на прежней службе только тех вольных слуг, отказывавшихся дать на себя кабалы, которые прослужили не менее 5 лет. В том же году боярским приговором восстановлен был закон 1597 г. о шестимесячном сроке давности для превращения бескабальной службы в кабальную, а Уложение сократило и этот срок на половину; но в Уложение попал и закон 1555 г. Довольно трудно объяснить, как улаживались отношения при совместном действии этих двух законов, дававшем бескабальному холопу возможность и право до исхода третьего месяца службы и после до привода в приказ к принудительной записке в кабалу уйти от господина, безнаказанно похитив у него, что было можно или нужно. Но по расспросным сказкам кабальных о своей прежней жизни, которые приписывались к кабалам при их записке в приказные холопьи книги, видно, что множество холопов служило бескабально по несколько лет, иногда по 10 и более, и при этом незаметно, чтобы они злоупотребляли своим положением. Наконец, сейчас изложенное последствие помогло удержать в кабальном праве элемент *старины*, противоречивший природе служилой кабалы. Старинным собственно назывался холоп *природный*, родившийся в холопстве. Создаваемое происхождением старинное холопство обыкновенно также утверждалось крепостями, которые потому назывались *старинными:* это юридические акты, которыми не создавалось, а только доказывалось холопство лица, родившегося в холопстве и не укрепленного особой личной крепостью на его имя. Таковы были, например, духовные, рядные (сговорные о приданом) и другие передаточные записи. Передавать из рук в руки можно было только холопов полных и докладных или их потомков; следовательно, если на холопа, обозначенного в передаточном акте, не было полной или докладной, а самый акт не подвергся спору, считалось доказанным, что это холоп старинный. В таком смысле надобно понимать выражение «Судебников»:

«по духовной холоп». Первоначально к детям кабального, родившимся в холопстве, кажется, со всею строгостью прилагали условия старинного холопства, передавали их по наследству с отцом или без отца, если он умирал в неволе: в актах конца XVI в. еще встречаем указания на «старинных кабальных людей», которые по смерти господина шли в раздел между его детьми наравне со старинными полными холопами. На то же указывают и терминология, и обычаи кабального холопства. Юридические термины, как известно, долговечнее отношений, их родивших. В XVII в. люди, вступившие в кабальное холопство, разделялись на *вольных* и *старинных:* вольными называли себя те, которые родились на воле; старинными звали себя родившиеся в холопстве, всегда обозначая, чьи они старинные, у кого во дворе родились, хотя бы они уже давно освободились от первых господ и вступали на службу к другим «с воли». В XVII в. эта разница в званиях не имела уже никакого юридического значения; но можно догадываться, что некогда такое значение существовало. Далее по кабалам XVII в. можно видеть, что множество старинных холопов по смерти отцовых господ оставалось на службе у их детей, не давая на себя кабал, т. е. служа добровольно, несмотря на неоднократные и настойчивые законодательные запрещения держать холопа без крепости. Сила этой привычки показывает, что практика, ее воспитавшая, некогда признавалась вполне законной. Но когда служилая кабала стала личным обязательством без займа, должны были встретиться различные интересы, столкновение которых разрешилось установкой более тесного значения кабальной старины. В интересе порядка закон 1597 г. объявил службу детей кабального, родившихся в холопстве, обязательной только до смерти отцова господина. Но сын кабального, родившийся в холопстве, не давал на себя кабалы, и в его интересе было настаивать, чтобы его служба, как бескабальная, считалась добровольной. Наиболее прямое выражение этого взгляда находим в одной кабале 1646 г., при утверждении которой 20-ти-летний сын кабального заявил, что он родился во дворе у господина, которому исстари служит его отец, «а служил у него о сю пору в добровольной», хотя служба при таких условиях считалась тогда по закону обязательной. Против такового взгляда был интерес господ, нашедший

себе выражение в мысли о законном сроке давности добровольной службы. Законодательство попеременно отражало в себе эти интересы, определяя кабальную старину в связи с добровольной службой. Царь Василий, отменив в 1607 г. давность, в 1608 г. признал старинную службу без крепости вообще необязательной. В 1609 г., принимая во внимание и господский интерес, он в более подробном развитии постановленного им общего правила допустил одно исключение из него, постановив, согласно с законом 1597 года, что родившиеся в холопстве дети кабального крепки отцову господину и без крепости, «по старине»; при этом царь признал в принципе и давность, которая, несколько месяцев спустя, и была восстановлена согласно с тем же законом. Наконец, Уложение или более раннее узаконение, в него вошедшее, нашло комбинацию, установившую формальное согласие между всеми этими интересами: приняв очень короткий срок давности, оно постановило, что дети кабального, прожившие «многие годы бескабально» во дворе отцова господина, где родились, обязаны давать ему на себя кабалы. Этим Уложение признало, что рождение в кабальном холопстве само по себе не делает холопом, но им делает давность житья в господском дворе; а так как сын кабального, свободный в минуту рождения, обыкновенно становился многолетним жильцом господского двора, прежде чем мог жить на воле, то юридическим основанием кабальной старины, по Уложению, была давность добровольного бескабального холопства, создаваемая естественной необходимостью и только закрепляемая кабалой. Так переломилась докладная старина, отразившись в кабальном холопстве: здесь она уже никогда не переходила в полную; но и старина укороченная, потомственная без наследственности, получила другое юридическое основание, держалась не на потомственности, а на давности бескабальной службы, имела чисто личный характер. Служба по такой старине обозначалась в кабалах XVII века лаконической формулой *служить по старинному кабальному холопству отца своего*, т. е. по старинному холопству, унаследованному от кабального отца. Согласно с личным характером кабальной старины, сын кабального звал себя старинным человеком только того господина, во дворе которого родился; давая ему кабалу на себя, он говорил, что бьет челом государю

своему во двор *по старине*, переходя от него по новой кабале к его сыну, называл себя *старинным послужильцем* не его, а отца его.

Эти последствия закона 1597 г. произвели важную перемену во владении кабальными людьми и их семьями: прежде оно передавалось наследникам по праву, хотя часто бывало пожизненным по воле господ; потом оно стало пожизненным по праву, хотя часто переходило к наследникам по воле холопов. Прибавив к сказанному статью Уложения, по которой служилые кабалы могли давать на себя люди не моложе 15 лет, тогдашнего термина зрелости, можно так выразить основные черты кабального холопства в его законченном юридическом складе: это было простое личное обязательство взрослого вольного человека служить господину, прекращавшееся юридически смертью последнего, не переносимое ни с той, ни с другой стороны на другие лица и только разделяемое с отцом, родившимся в холопстве, детьми холопа, но не в силу потомственности холопства, а в силу давности бескабальной службы и, притом, с обязанностью закрепить эту давность особой кабалой. Освобождение служилой кабалы от долговой примеси изменило и ее прежнюю форму заемного обязательства. Эта форма господствовала до самого Уложения и несколько времени после его издания, становясь все более условной, фиктивной. До Уложения кабалы писались в 2, 3 и 4 рубля на каждую холопью голову; Уложение приняло однообразную норму 3 руб., чтобы в платеже пошлин согласить безденежные холопьи крепости, за которые еще по первому «Судебнику» взимали с головы по 3 алтына, с теми денежными обязательствами, по которым платили пошлины с рубля по алтыну. Но заем только писался в кабале, чтобы не нарушать привычной формы крепости: в некоторых новгородских кабалах 1650 года холопы откровенно признаются, что они заняли деньги у государей своих «с одное пословицы», т. е. как принято писать в кабалах, а не на самом деле. Точно также Уложение прямо высказало основное условие кабального холопства, что «всяких чинов людем холопи крепки по кабалам по смерть бояр своих». Но из многих сотен известных нам служилых кабал с фиктивным или действительным займом, писанных до 1649 г. и после, только в двух, составленных в 1647 и 1674 гг., встречаем прямое заявление холопов, что они дают

на себя служилую кабалу своему государю «по его живот» или обязуются служить ему за рост «по его век». Отсюда служилые кабалы и служившие по ним холопы получили название *вечных*, т. е. пожизненных, данных или отдавшихся господам по их век; это название уже знакомо Уложению и Котошихину. Самая поздняя нам известная кабала с займом относится к 1677 г. С 1680 г. встречаем служилые кабалы, составленные по новой, более простой форме; вольный человек, не говоря о займе, писал, что он бил челом такому-то в служилое холопство и служилую кабалу дает на себя ему волею своею, «и служити мне у государя своего во дворе в холопстве по его живот» [1]). Впрочем, служилые крепости без займа, как сейчас увидим, появились гораздо раньше 1680 г., еще до Уложения; только они в то время не назывались служилыми кабалами.

Когда служилая кабала утратила характер заемно-служилого обязательства, для таких обязательств выработался особый род крепостей, получивших название *жилых* или *житейских записей*. Все известные доселе жилые записи относятся к XVII или к самому началу XVIII века, и трудно решить, употреблялись ли они в XVI веке. Можно только сказать, что до закона 1597 г. в них не было юридической надобности. Этими записями скреплялись обязательства, условия которых не соответствовали формам и обычаям служилой кабалы, а до конца XVI века сама эта кабала не выработала точно определенных законом или обычаем форм и условий. Так, из закона 1608 г. узнаем, что в начале XVII века были в ходу записи, по которым вольные люди обязывались служить господам «до своего живота».

---

[1]) В сохранившихся записных холопских книгах по Новгороду Великому помещены 371 служилая кабала 1646—1650 г. и 94 порховские кабалы 1629—1648 годовъ: из них нет ни одной без займа. *Рук. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дел*, №№ 35 и 36. В записной книге 1687 г. по Новгороду Нижнему 12 служилыхъ кабал—все без займа. Там же, № 41. На этих сборниках преимущественно основаны изложенные соображения о кабальном холопстве. В собрании И. Д. Беляева, хранящемся в Моск. Пуб. Румянц. Музее, 57 служилых кабал 1613—1701 годов; из 34 кабал по 1674 г. включительно нет ни одной без займа; остальные с 1680 г. все без займа.

Древне-русскому кабальному праву была противна идея холопства по смерть холопа: юридическими условиями, которые могли прекращать холопскую зависимость, оно признавало смерть или волю господина; когда не было ни того, ни другого условия, обязательство холопа и по смерти его оставалось на детях, закабаленных им вместе с собою или родившихся в холопстве; условия политические, измена господина и плен холопа, действовали в исключительных случаях. Закон 1608 г. запрещает такие пожизненные записи, предписывая записи срочные, на определенное количество лет [1]). Незадолго до Уложения когда служилые кабалы еще сохраняли прежнюю заемную форму, житейские записи являются предшественницами позднейших «вечных» служилых кабал без займа; в новгородской кабальной книге 1647 г. помещена житейская запись, в которой «послуживец» подьячего, после его смерти оставшийся жить во дворе его вдовы, без займа, бьет челом последней «во двор служить до ее смерти». Со времени Уложения, которое признало служилую кабалу действительной только до смерти господина, а кабальный заем фиктивным, и жилою записью, согласно ее первоначальному отношению к кабале, стали закреплять обязательства, устанавливавшие личную зависимость на условиях, которые не соответствовали изменившемуся значению кабалы. Главное различие заключалось в самом источнике зависимости по той и другой крепости.

Зависимость по кабале вытекала из простого уговора о личной службе без оговоренного прямо действительного вещного основания, т.-е. вознаграждения за службу, которое, как последствие службы, разумелось само собою и определялось волей господина. В записи, напротив, вещное основание всегда на первом плане, а служба или работа является его последствием; таким основанием служили денежный не фиктивный заем, ссуда хлебом и скотом, наемная плата

---

[1]) Въ тверской половине Бежецкой пятины, как видно из новгородских кабальных книг, еще в 1649—1650 гг. писались служилые кабалы с тою местною особенностью, что в них вольные люди обязывались служить «до своей смерти». Со времени издания Уложения эта формула едва ли имела юридическое значение.

с содержанием или одно содержание, прокорм с одеждой; в иных записях особенно точно определялось, какую одежду обязан хозяин давать своему работнику. Это различие очень явственно обозначено Уложением (XX, 39): повторяя закон царя Ивана об исках по *кабалам за рост служити*, оно, поправляя устарелую терминологию, называет уже эти крепости *записями за рост служити*.— С указанным главным различием связаны были и другие особенности записи. Кабалу мог давать на себя только взрослый человек и, притом, «своею волею», за исключением известных случаев давности бескабальной службы; в неволю по записи отдавались и несовершеннолетние по воле родителей, дядей или старших братьев. Кабала писалась на имя одного господина; записи могли быть совместные, на имя отца с детьми, мужа с женой, двух братьев. Кабала крепила холопа по смерть господина; владение по записи также могло продолжаться по уговору до смерти владельца, могло быть и срочным, «на урочные лета», и бессрочным, с обязательством для крепостного служить не только хозяину, но и его жене и детям. Все эти особенности, отличавшие кабалу от записи, можно назвать юридическими в тесном смысле, относящимися к области гражданского права. Законодательство присоединило к ним и особенности политические, которыми определялись общественные состояния лиц, имевших право как принимать, так и вступать в крепостную зависимость по кабале и по записи. В XVI в. люди всех состояний, даже холопы, могли держать у себя кабальных слуг; но уже «Судебник» 1550 г. стеснил право вступать в кабалу, запретив это служилым государевым людям и их сыновьям, не получившим отставки. В XVII в. законодательство, сделав это запрещение безусловным, распространило его и на тяглых людей, городских и сельских. Разумеется, не вступали в кабалу духовные лица; но по кабалам XVII в. видно, что сыновья и дочери священников и других церковнослужителей часто вступали в холопство. Ограничен был и круг лиц, имевших право владеть кабальными холопами: этого права лишены были священники, диаконы и причетники церковные (но протопопы и протодиаконы по Уложению сохранили его), тяглые посадские люди и крестьяне, монастырские служки и холопы служилых людей. Владение по жилой записи имело более широкий

круг действия, оставалось доступно не только тем, кто сохранил право кабального владения, но и тем, кто потерял это право. Точно также за тяглыми людьми удержано по Уложению право отдавать в услужение нетяглым людям по жилым записям живших при них детей, братьев и племянников, а на практике, как видно по жилым записям конца XVII в., в такое услужение вступали и сами тяглые люди. От неодинаковых сочетаний столь разнообразных условий жилой зависимости происходило различие ее видов, выражавшееся в разнообразии самих записей. Всего удобнее обозначить эти виды по разрядам записей, а записи распределить по их основному признаку, способу вознаграждения за работу, применяясь к их собственной терминологии. 1) *Записи за рост служити.* Они, кажется, были очень редки: со времени Уложения самая мысль о службе за рост, как источнике зависимости, уже исчезала. Запоздалым образчиком такой крепости является акт 1694 г., которым вольный человек, занявший на 2 месяца 50 р. у князя Болховского, обязался жить у него и работать до срока и, в случае неуплаты долга в срок, продолжать жить у князя, его жены и детей «до расплаты». Это, очевидно, прикрытое бессрочное обязательство «за рост служити по вся дни», условиями своими всего ближе подходящее к тому значению, какое имела служилая кабала до закона 1597 года: оно и названо «заемной кабалой». 2) *Заемные заживные*, которыми заемщики обязывались работать на хозяев до их смерти или урочные лета «в зажив», погашая долг работой. Это была господствующая форма жилой записи, соответствовавшая служилой кабале, созданной или утвержденной законом 1597 года: такие записи иногда и назывались «заимными жилыми кабалами». К ним можно причислить и *записи за скупные деньги.* Эго обязательства, по которым несостоятельные должники, выкупленные с правежа, служили своим новым кредиторам, иногда и их женам и детям; по словам Котошихина, эта служба была вечная, т. е. бессрочная, прекращавшаяся смертью господина или продолжавшаяся при его жене и детях, его переживших, по «их век». 3) *Жилые ссудные*, называвшиеся так в отличие от заемных потому, что основанием зависимости по ним служил не денежный заем, а ссуда вещами, скотом, хлебом, платьем. Они имели тесную юридическую связь с ссудными крестьян-

скими записями и потому о них речь еще впереди. 4) *Наемные отживные*, отличавшиеся от заемных тем, что работник получал плату не вперед в виде займа, а «на отживе, как годы отживал», обыкновенно с условием, чтобы хозяин, отпуская его по истечении срока, одел и обул его по силе; потому эти записи давались всегда на урочные лета. 5) *Житейские* и *данные вечные* без займа. Котошихин говорит: «кто холоп кому бьет челом во двор, дают на того холопа *вечные* служилые кабалы и *данные* и на урочные годы *записи*». В записных холопьих книгах незадолго до Уложения встречаем житейские записи вольных людей с обязательством служить господам до их смерти и данные на детей с тем же условием, те и другие без займа, подобно позднейшим служилым кабалам, от которых первые отличались лишь тем, что давались и посадским торговым людям, не имевшим права владеть холопами по служилым кабалам, а вторые еще и тем, что давались на недорослей по воле родителей, а не взрослыми добровольно. По этим записям люди не зарабатывали долга и не нанимались на службу за условленную плату, а шли в работу «за прокорм», как выразилось Уложение. 6) *Закладные*. Олеарий, воспроизводя московские отношения первой половины XVII века, пишет, что несостоятельные должники могли за долги закладывать кредиторам своих детей, зачитывая по 10 талеров в год за работу сына и по 4 талера за работу дочери. Сибирские служилые люди, жалуясь в 1635 г. на дороговизну, писали, что рожь берут они в долг под кабалы по 4 р. четверть и «в тех кабалах закладывают жен и детей» [1]). Нам известна только одна закладная 1679 года на жену за 21 рубль на 12 лет, и та дана на Вилюе некрещеным якутом, а для некрещеных инородцев закон допускал большие отступления в крепостном праве. Зато закладные на детей во второй половине XVII века были очень обычным явлением; они давались на 5 лет или более даже на детей тяглых людей, вопреки Уложению, которое запретило давать на них записи более чем на 5

---

[1]) *A. Olearii:* Reisebeschreibung, по изд. 1656 г. III, стр. 102. Талер стоил тогда въ Москве немного менее полтины, а тогдашний рубль равнялся приблизительно 14 нынешним; следовательно, 10 талеров Олеария можно ценить рублей въ 60—70 на наши деньги. Столб. сибирск. прик. в Московск. Архиве Министерства Юстиции, № 6,105.

лет; незадолго до издания Уложения бывали даже крепости с характером закладных, по которым дети обязывались за долги отцов служить до смерти кредиторов. Но ни тем, ни другим канцелярский крепостной язык не давал в XVII веке названия закладных: первые назывались просто записями или жилыми записями, вторые—данными. Разнообразие условий, выразившееся в перечисленных видах жилой записи, было следствием юридической природы жилого холопства. Все эти условия можно свести к двум отличительным свойствам жилой зависимости: 1) она устанавливалась вполне свободным уговором, не стесняемым в своих условиях точными законными нормами; 2) сравнительно с кабалой она имела еще более личный характер, без всякой примеси наследственности владения и потомственности службы. Оберегая в кабале характер личного обязательства, закон, однако, обставлял ее условиями, стеснявшими лицо, благодаря которым кабальная зависимость иногда падала и на детей холопа не по воле отца, а по закону, «по старине». В жилом холопстве при его вещном основании незаметно и следа старины: зависимость могла распространиться с отца на детей и дальнейшие поколения, могла падать на детей и без отца, могла продолжаться после хозяина при его жене и детях, но во всех случаях по воле отца, а не по закону. Может быть поэтому ни в Уложении, ни в самих записях жилая зависимость не называется холопством, а господин носит в записях звание *хозяина*, а не *государя*. Но это было настоящее крепостное холопство по праву. Уложение точно отличает жилую запись вместе со служилой кабалой от простой наемной записи, как крепость в полном смысле от обязательства, которое не делало крепостным (XI, 32). Котошихин прямо называет жилого слугу холопом. Власть хозяина по жилой записи одинакова с государской по кабале: слуга обязуется жить у хозяина «в послушании и покорении и всякая работа работать», дает ему право «смирять его, слугу, всяким смирением за вину и от всякого дурна унимать», даже отказывается от права жаловаться за это государю-царю и «собину копить», т. е. приобретать собственность на службе [1]).

---

[1]) *Акты, отн. до юр. быта др. России*, I № 113, II, №№ 126 и 127, III, № 160, и новгор. каб. книга № 35, нижегородская № 41. Говоря

Юридические элементы, входившие в состав изученных видов холопства, можно перечислить в таком порядке: продажа лица, заем, наем, прокорм, безусловная зависимость, старина потомственная и наследственная (полная), старина потомственная без наследственности (докладная) и старина по давности (кабальная), юридическая неразрывность семьи холопа, служба бессрочная, по смерти господина или на урочные лета по личному уговору или по воле родителей. Разбирая сочетания, в каких эти элементы составляли каждый вид, можно изобразить древне-русское крепостное холопство в такой схеме: *полное* слагалось из продажи лица, безусловной зависимости и полной старины, *докладное* из продажи лица, службы по уговору до смерти господина, юридической неразрывности семьи и старины докладной, иногда и полной, *кабальное* XVI века из займа, службы по уговору на год, обыкновенно продолжавшейся до смерти господина или бессрочно, нераздельности семьи холопа и старины докладной или полной, *кабальное* XVII века из займа или найма, службы по уговору до смерти господина, юридической неразрывности семьи холопа и старины кабальной, *жилое* из займа, найма или прокорма, из службы по личному уговору или по воле родителей до смерти хозяина или на урочные лета.

Крепостное право на крестьян было новым сочетанием тех же элементов, приноровленным к экономическому и государственному положению сельского населения.

III.

Из двух первичных видов древне-русского холопства наиболее тесную историческую связь с крепостным правом на крестьян имело холопство кабальное. Потому мы коснулись полного холопства лишь в той мере, сколько это нужно, чтобы объяснить происхождение и разветвление кабальной неволи, как и ее воздействие на

о холопстве крепостном, мы не упоминаем о холопстве несостоятельных должников, выданных истцам головою до искупа, как и о холопстве по брачному союзу: эти виды зависимости создавались не крепостями, а актами другого рода,—первый судебным приговором, второй церковным правилом.

полное холопство. Сводя изложенные соображения, в истории кабального холопства можно различить такие моменты. До конца XV в. в нашем праве существовали два вида личной зависимости: *холопство* и *закладничество*. Условия последнего в удельное время предстоит еще исследовать; но несомненно, что в число их входил заем с обязательством условленного личного услужения за рост и с правом выкупа по воле должника. Условностью службы и правом выкупа закладник отличался от холопа, крепостного человека: то и другое сообщало закладничеству характер обоюдно-свободного соглашения заимодавца с заемщиком, не делая последнего подданным, холопом первого, потому что существенными признаками подданства или холопства были безусловность и непрекращаемость службы по воле слуги. С конца XV в. развивается мысль, что и условная служба делает холопом, как скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить ее. Эта мысль, отразившись на полном холопстве, выделила из него холопство *докладное*. В удельное время вольные люди рядились к вотчинникам в сельские ключники на неопределенный срок—до их смерти, не делаясь их холопами. Другие продавались в полные холопы с условием служить в той же должности, только бессрочно, как служили рядовые холопы. Под влиянием указанной мысли оба вида ключничества сблизились друг с другом, обменявшись условиями и образовав докладное холопство: ключничество купленное сообщало вольному характер холопства, заимствовав у него срочность службы. С другой стороны, та же мысль, прививая начала полного холопства к долговому закладничеству, выработала из последнего холопство *кабальное*. Это совершалось помощью того же права, которым закладничество отличалось от холопства,—права закладника устанавливать договором условия своей зависимости. Этим путем, прежде всего, вошло в служилую кабалу условие, по которому закладник, занимая деньги на год, отказывался на это время от права выкупа. Потом годовых холопов, которые не могли расплатиться после срока, господа стали превращать в холопов купленных, безусловных, прилагая к ним тот принцип закладного права, по которому просроченный заклад превращался в продажу.

Законодательство, ограничивая это притязание, сперва в 1560 г. удержало за несостоятельными кабальными закладниками право выкупа, потом в 1597 г. признало просроченный кабальный заем равносильным продаже в холопство, но условное, т.-е. докладное: кабальный холоп терял право выкупа без согласия господина; за то и господин лишался права взыскания долга без согласия холопа, а смерть первого погашала самый долг последнего. Так бессрочная вольная служба за рост с правом уплаты долга по уговору превратилась в обязательную службу за самый долг до смерти заимодавца по закону. Значит, древнее закладничество преобразилось в кабальное холопство посредством сочетания условной службы вольного должника с непрекращаемостью купленного холопства по воле холопа. В этом сочетании один элемент, условность службы, допускал большое разнообразие условий, благодаря чему и кабальное холопство въ XVII в. разветвилось: от служилого холопства без займа обособилось заемно-наемное холопство жилое, которое, в свою очередь, разделилось по различию условий на многие виды. В этом развитии кабальной неволи надобно отметить две черты, повторившиеся в развитии крестьянской крепости. Во-первых, условия неволи устанавливаются частным соглашением на основании действующего права и только регулируются законодательством. Во-вторых, по мере закрепления неволи упрощается ее источник: заем по уговору заменяется уговором без займа.

Объясняя происхождение крепостного права на крестьян, необходимо наперед сказать, в чем состоит вопрос. В XVI в. крестьяне в Московском государстве были вольными хлебопашцами; их отношения к землевладельцам определялись свободным договором. Исполнив условия контракта, крестьянин в назначенный законом срок мог уйти от землевладельца, мог даже выйти из крестьянства, записаться в посад, продаться в холопство. В конце XVII в. отношения владельческих крестьян определялись уже не одним договором, а еще *крепостью* особого рода, без их согласия утверждавшей принадлежность их своим господам. Значение такой крепости по преимуществу получили писцовые и другие правительственные поземельные книги: за кем записан был крестьянин в этих кни-

гах, тому он и был крепок. Самый договор его с землевладельцем становился для него крепостью: рядясь в крестьяне к землевладельцу, вольный человек этим самым отдавался навсегда в его власть и владение с женой и потомством. Напротив, землевладелец мог всегда разорвать свою связь с крепким ему крестьянином, мог продать, заложить и променять его вместе с его участком или без него.

Такими общими чертами можно обозначить перемену, происшедшую в юридическом положении крестьян в течение полутора столетия со времени *Судебника* 1550 г. Различно объясняли этот переворот. Прежде других сложилось мнение, что виной его был закон царя Федора Ивановича, прикрепивший всех крестьян к земле. Закон этот пропал или еще не отыскан в архивах; но о нем догадываются по указу 24 ноября 1597 г., который всех крестьян, покинувших своих господ не ранее 5 лет до 1 сентября этого года, объявил беглыми, подлежащими возврату на покинутые места по искам владельцев. Единственным оправданием такой меры мог быть закон, изданный прежде и именно не позднее 1592 г. и отменивший крестьянское право перехода в Юрьев день осенний. Погодин, поддержанный К. Аксаковым, лет 30 тому назад высказал другой взгляд на дело: правительство царя Федора не прикрепляло крестьян к земле; крепостное право установилось постепенно как-то само собою, не юридически, помимо права, ходом самой жизни. Г. Энгельман предложил третье решение вопроса, довольно своеобразное. Особого закона, который бы прямо и ясно отменял юрьевские переходы, никогда не издавало московское правительство; крестьяне были прикреплены к земле самым этим указом 1597 г., но не прямо, а косвенно, мимоходом (beiläufig und indirect): без всякого предварительного запрещения правительство, вопреки праву, признало незаконными все крестьянские переходы, совершившиеся в последние пять лет на точном основании неотмененного закона, вдруг взглянуло на владельческих крестьян, как на обязанных, давно уже прикрепленных к земле, и дозволило покинувших законным порядком прежние участки возвращать на них, как беглецов. И так, говоря проще, московское правительство обмануло целый класс своего народа, тихонько подкараулило и украло его свободу. Автор считает свою

мысль настолько серьезной, что всякое сомнение в ней заранее объявляет не только невозможным, но и прямо непозволительным (стр. 37). Смелость непогрешимости внушает ему преимущественно то соображение, будто «точь-в-точь» таким же образом было введено крепостное право в Малороссии при Екатерине II. Но в законе 3 мая 1783 г. очень мало сходного с указом 24 ноября 1597 г., как его толкует г. Энгельман. Во-первых, закон Екатерины был подготовлен рядом предварительных мер. Во-вторых, правительство Екатерины никого не обманывало; указ 3 мая, прикрепляя малороссийских крестьян к местам, где их застала только что законченная четвертая ревизия, не имел обратного действия, не предписывал возвращать даже тех, которые ушли после ревизии до издания указа: «каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан, кроме отлучившихся до состояния сего нашего указа». Толкование г. Энгельмана похоже на ученый tour de force, к которому он был вынужден не поддающимся решению вопросом.

Защитники двух других мнений, более внимательные к тексту указа 1597 г., однако, заставляют его говорить то, чего он не хочет сказать. Сторонникам поземельного прикрепления крестьян по закону 1592 г. Погодин справедливо возражал, что назначенный в указе 1597 г. пятилетний срок для исков о крестьянах, бежавших до этого указа, еще не дает достаточного основания предполагать такой закон. Но и сам Погодин был неправ, утверждая, что указ 1597 г. установил на будущее время пятилетнюю давность для исков о беглых крестьянах. Смысл устава очень прост и ясен: по искам о крестьянах, бежавших от владельцев не ранее 5 лет до 1 сентября 1597 г., велено давать суд и по суду беглецов возвращать к прежним владельцам; но если крестьянин бежал лет за 6 или больше до 1 сентября 1597 г. и владелец *тогда же*, т.-е. до 1 сентября 1592 г., не вчинил о беглеце иска, такой владелец терял право искать беглеца судом. Больше ничего не говорит указ. Значит, иски о крестьянах, бежавших не ранее 1 сентября 1592 г., можно было вчинать спустя 5, 6, 7 и более лет после побега; не допускались только до суда не начатые в указанный срок иски о бежавших лет за 6, 7 и более до 1 сентября 1597 г. Таков смысл *указа*, т.-е. закона или приговора государя с думой. Но, вероятно,

дьяк-докладчик доводил потом до сведения законодателей, что о крестьянах, бежавших до 1 сентября 1592 г., накопилось много челобитий, поданных *после* этого срока, из коих по одним уже начат суд, а другие еще не засужены по разным причинам, мешавшим приказу дать им немедленное движение, например, по чрезвычайной запоздалости иска, затруднявшей его разрешение. Вот почему не в самом законе, а в *памяти*, т.-е. в приказном циркуляре, его излагавшем к исполнению с пояснениями и дополнениями, встречаем любопытную прибавку, предписывавшую дела беглых, засуженные, но еще не решенные, «вершить по суду и по сыску»: эта оговорка могла относиться только к такого рода искам, не предусмотренным в тексте приговора, потому что дела о беглых, начатые до 1 сентября 1592 г. и еще остававшиеся не вершенными в ноябре 1597 г., если только были такие залежавшиеся в приказе дела, должны были вершиться по точному смыслу приговора, не требуя пояснительной прибавки. Итак, закон 1697 г. не устанавливал пятилетней давности для исков о беглых. То, что установил закон, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назад, не устанавливая постоянного срока на будущее время. След такой давности находим задолго до указа 1597 г. В 1559 г. Кириллов монастырь ходатайствовал за себя и других землевладельцев Белозерского уезда, чтобы царь не велел брать у них крестьян, вышедших к ним из черных волостей «не в срок без отказу», и возвращать на покинутые *пустые* места. Просьба была уважена. Под пустыми местами разумелись крестьянские участки, *давно* покинутые и запустевшие. Такую обратную давность законодательство устанавливало, как увидим, и после издания *Уложения*, т. е. после отмены давности срочной. Мысль Погодина была внушена ему законом 1 февраля 1606 г., который установил пятилетнюю давность, глухо сославшись на какой-то «старый приговор». Может быть, и виновники указа 1597 г. имели такую мысль; но она осталась невыраженной в указе. Законодатели 1606 г. могли знать эту мысль и договорить ее. Во всяком случае, указ 1606 г. был новым законом, дополнением, а не повторением указа 1597 г. По этой внутренней, скрытой для нас, связи обоих законов правительственные люди XVII в. могли и в приговоре 1597 г. видеть закон о пятилетней

давности, как и думали авторы писцового наказа 1646 года. Но позднейшему исследователю, связанному текстами и утратившему нить живых законодательных преданий, не дано тех экзегетических вольностей, какими пользовались законодатели законоведы древних времен. Сперанский со своим удивительным уменьем чутко угадывать и метко схватывать исторические явления по намекам памятников даже при недостаточном изучении последних давно указал настоящий смысл указа 1597 года: целью его было прекратить затруднения и беспорядки, возникавшие в судопроизводстве вследствие множества и запоздалости исков о беглых крестьянах. Подобным побуждением вызван был за несколько месяцев до ноябрьского указа и известный закон о холопах. Этой целью, может быть, объясняется и выбор 1592 г., как термина для исков. Указ 1607 г., устанавливая 15-ти-летнюю давность для исков о беглых, прямо принимает за основание для решения таких дел писцовые книги 1592—3-го (7101 сентябрьского) года. Надобно думать, что в этом году закончено было составление писцовых книг если не по всем уездам государства, то по большей их части, хотя по уцелевшим остаткам поземельных описей XVI в. трудно проверить такое предположение, а на поименных перечнях крестьянских дворов в писцовых книгах более всего основывались тогда при судебном решении дел о беглых крестьянах. Наконец, и в скудных остатках судебной практики со времени указа 1597 г. до закона 1606 г. незаметно действия пятилетней давности. У Вяжицкого монастыря в 1591 г. бежал крестьянин. Монастырь только в 1599 г. собрался бить о нем челом. Ответчица, в имении которой был найден беглец, «не ходя на суд», выдала его. По указу 1597 г. не следовало бы и принимать челобитья от монастыря, потому что крестьянин бежал более чем за 5 лет до 1 сентября 1597 г. Но если бы действовала пятилетняя давность, ответчице не было рассчета без суда выдавать беглеца, который принадлежал уже ей по закону: монастырь пропустил срок [1]).

Из разбора указа 1597 г. открывается любопытный двойной факт: в конце XVI в. у владельческих крестьян не было отнято законом право перехода, и, однакож, возбуждалось множество дел

---

[1]) *Р. Ист. Библ.*, II, № 36. *Акты Юр.*, № 189.

о беглых крестьянах, т.-е. было много крестьян, потерявших это право или неправильно им пользовавшихся. Этот факт ставит нас при самой колыбели крепостного права на крестьян.

Сохранилось достаточно памятников, по которым можно воспроизвести главные черты юридического положения крестьян в Московском государстве XV и XVI вв. Прежде всего, крестьянство было временным вольным состоянием, а не постоянным обязательным званием без права выхода из него: хлебопашец становился крестьянином, тяглецом, с той минуты, как «наставлял соху» на тяглом участке, и переставал быть им, как скоро бросал такой участок, переходил в другое нетяглое состояние. Далее, на всем пространстве государства не было крестьян-собственников, сидевших на *своей* земле: *своеземцы* в областях бывших вольных городов в XVI в. постепенно зачислялись в служилые люди или смешивались с черными государственными крестьянами. Чужую землю, черную, дворцовую, поместную или вотчинную, крестьяне снимали на короткие сроки, обыкновенно на год, ежегодно возобновляя контракты с прежним землевладельцем, пока не переходили к новому. Когда крестьянин беднел, опадал животами, он объявлял, что ему не под силу пахать и оплачивать прежний участок, и переходил в беспашные бобыли, либо выпрашивал себе льготный участок, в том и другом случае заключая новый уговор с землевладельцем или сельским обществом, если земля была государственная. Наконец, очень редкие крестьяне садились на участке со своим инвентарем, по крайней мере без подмоги от землевладельца или сельского общества. Эту подмогу крестьянин получал в различных видах: садясь на «жилой» участок, он входил в готовый двор с озимой рожью, посеянной и покинутой его предшественником, получал ссуду деньгами, скотом, земледельческими орудиями, чаще всего хлебом *на семена* и *емена* (на прокорм до жатвы); если участок был пустой, который предстояло разработать и обстроить, съемщику, сверх ссуды, давалась на известное число лет, «смотря по пустоте», льгота от казенных податей или господских платежей и повинностей, нередко от тех и других вместе. Уходя от землевладельца, крестьянин обязан был за все это вознаградить его, возвратить ссуду, заплатить пожилое за пользование двором по узаконенной таксе. В XV в. дозволялось

крестьянам, ушедшим без расплаты, выплачивать долги покинутым владельцам в течение двух лет без процентов. Ссуда, давалась ли деньгами или вещами, носила общее название *серебра*, а крестьяне, ее получавшие, назывались *серебряниками*. Итак, право выхода из состояния, чужеземелье, краткосрочность аренды и отсутствие или недостаток своего инвентаря и даже своего дома,—вот главные черты, которыми определялось юридическое положение крестьянства в те века.

Из них серебро имело роковое по своим последствиям значение для крестьянства. Страшное развитие этой формы долгового обязательства открывается из неизданной вотчинной книги Кириллова Белозерского монастыря, составленной во второй половине XVI в. Это перечень монастырских сел и деревень с обозначением вытей обрабатываемой крестьянами земли и оброка, получаемого с них монастырем. Всей арендуемой у монастыря земли показано в книге немного более $1^1/_2$ тысячи вытей, которые были неодинаковы по размерам пашни. Круглым числом сеяли на выть по 5 четвертей с небольшим озимой ржи и почти по 12 четвертей разного ярового хлеба, более всего овса. Крестьянские дворы не везде обозначены; но круглым числом их приходилось немного менее двух на каждую выть, так что их можно считать около 3 тысяч. Одни крестьяне имели свои семена, другие брали их у монастыря: первые пахали 464 выти, вторые 1,075, т. е. 70% снятой у монастыря пашни находилось в пользовании людей, без помощи вотчинника не имевших чем засеять свои участки. Развитие поместного владения в те века, несомненно, содействовало распространению серебряничества. Множество пустовавшей казенной земли перешло в частное владение. Новые владельцы льготами и ссудой усиленно вытягивали из городского и сельского населения пропасть бездомного и голого люда, сажая его на пашню. Уже в XV в. такое положение владельческих крестьян, как неоплатных должников, возбуждало набожное сострадание добрых владельцев: в духовных грамотах, ради спасения души отпуская на волю своих холопов, они массами прощали все серебро или половину его своим крестьянам. В памятниках тех веков, с некоторой точностью обозначающих экономическое положение владельческого крестьянина, он

обыкновенно является серебряником и чуть не в каждой владельческой духовной наравне с холопом служит предметом предсмертной благотворительности. Еще не встречая в законодательстве ни малейших следов крепостного состояния крестьян, можно почувствовать, что судьба крестьянской вольности уже решена помимо государственного законодательного учреждения, которому оставалось в надлежащее время оформить и регистрировать это решение, повелительно продиктованное историческим законом.

Серебро было двоякое: *ростовое* и *издельное*. Первое было обыкновенным займом с уплатой процентов; второе составляло долг, с которого рост оплачивался работой крестьянина, *изделием*. В этом же смысле различались «деньги в селах в *росте* и в *пашне*». Серебро ростовое брали и у своих землевладельцев и на стороне; издельное давали только своим крестьянам: это была арендная ссуда в собственном смысле. Так барщина имела долговое происхождение, была накладной повинностью за беспроцентную ссуду, составлявшую прибавку к оброку за снятую землю. Пока в праве не выработалась идея кабального холопства, серебро издельное ничем юридически не отличалось от ростового, было таким же имущественным обязательством, не простиравшимся на личную свободу должника, пока последний не объявлял себя несостоятельным. Но как скоро сложилась мысль, что работа за беспроцентный долг ставит должника в личную зависимость от заимодавца, эта мысль повлекла издельного крестьянина в сторону кабального холопа. Тогда в отношения крестьян и землевладельцев вмешалось государство, чтобы не потерять своих тяглецов. Захваченное двумя интересами, частным и государственным, которые оба опирались на действующее право, но тянули в разные стороны, издельное крестьянство пошло по диагонали между холопством и тяглой свободой и выработалось в особый вид крепостного состояния, не получивший, благодаря своему смешанному составу, тех резких юридических очертаний, какими отличались все виды древне-русского холопства. Этот процесс начался постепенным падением крестьянского права выхода.

Говоря о положении крестьян при Борисе Годунове, современный наблюдатель Шиль замечает, что еще при прежних государях москов-

ских землевладельцы привыкли смотреть на своих крестьян как на *крепостных*. Такой взгляд сложился посредством приложения начал древне-русского долгового права к положению владельческих крестьян. Долг становился источником крепостной зависимости, когда должник не только обязывался служить или работать за рост, но и терял право уплатить самый капитал, т. е. прекратить зависимость по своей воле: это последнее начало было прямо выражено в апрельском указе 1597 г., предписавшем не принимать от кабальных холопов челобитий об уплате долга по служилым кабалам. Этим отличалось кабальное и жилое холопство от зависимости несостоятельного должника, по судебному приговору выданного кредитору головою *до искупа:* по первоначальному значению этого термина такой должник сохранял право уплатить долг и прекратить свою зависимость, не дожидаясь, пока заработает занятую сумму по установленному законом или обычаем годовому зачету. Потому же и закупа *Русской Правды* нельзя считать холопом: по одной статье *Правды* он мог отлучиться от хозяина, чтобы поискать денег для расплаты с ним, не нуждаясь в его согласии на это. В XVI в. отношения издельных крестьян к землевладельцам складывались так, что делали возможной чистую расплату со стороны первых только в очень редких случаях. Из приходо-расходной книги Корнилиева-Комельского монастыря 1576—8 г. видно, что *пожилое* за пользование двором платилось крестьянином не из года в год, а при уходе от землевладельца за все прожитые годы, и отдавалось ему назад, когда он возвращался к прежнему владельцу. Таким образом, оно составляло постоянно наростающий долг. Этот налог был немаловажен по своим размерам: по *Судебнику* 1550 г. крестьянин платил за 4 года 124 деньги в местах лесных, а в полевых, где было до строевого леса, 224 деньги. По рыночному значению тогдашних московских денег первая сумма равнялась приблизительно нынешним 40 руб., а вторая 70 руб. По указу 21 ноября 1601 г. велено было взимать всюду высшую полевую норму пожилого. Точно также обыкновенно только при выходе возвращалась и ссуда; иногда, сверх того, уходящий крестьянин должен был по контракту заплатить еще неустойку. По порядным записям можно заметить постепенное увеличение и подмоги и неустойки с конца XVI в., вероятно, вследствие подъема

рыночных цен: первая с полтины возвышается до 5 руб. и при царе Михаиле иногда доходит до 20 р., вторая с 1 руб. поднимается также до 5 руб., и эта сумма в первой половине XVII в. становится под названием *крестьянского заряда* наиболее обычной нормой неустойки для крестьян, садившихся на участок с небольшой ссудой и льготой или вовсе без ссуды. При значительной ссуде неустойка иногда составлялась из ее удвоения с прибавкой стоимости льготы и возвышалась до 30, даже до 50 руб., что при царе Михаиле равнялось нынешним 420 и 700 руб. Чтобы понять, как трудно было большинству крестьян во второй половине XVI в. рассчитаться с землевладельцами, можно взять случай с легкими сравнительно условиями: крестьянин, взявший при поселении ссуду в 3 руб. и проживший у землевладельца 10 лет, должен был при уходе заплатить эти 3 руб. и за двор по низшей полевой таксе пожилого 1 руб. 55 коп., что в сложности равнялось приблизительно 300 руб. на наши деньги. Этим объясняется явление, которое становится заметно во второй половине XVI века: крестьянское право выхода замирает само собою без всякой законодательной отмены его, прямой или косвенной. Этим правом продолжали пользоваться те немногие крестьяне, поселение которых не соединялось ни с какими затратами для землевладельцев и которым потому легко было рассчитаться с ними, заплатив только за дворы, в которых они жили. Для остальных крестьян вольный переход выродился в четыре формы: побег, своз, сход с участка без ухода от владельца и сдачу участка другому крестьянину. Первая форма возвращала задолжавшему крестьянину свободу, но была незаконна; две другие допускались законом, но не возвращали крестьянину свободы; последняя допускалась законом и возвращала свободу, но была затруднительна сама по себе и возможна в редких случаях. Это экономическое перерождение права всего выразительнее засвидетельствовано указом 28 ноября 1601 года: указ начинается объявлением, что царь позволил во всем своем государстве «крестьянам давать *выход*»; но далее речь идет не о выходе крестьян, а о вывозе их одними землевладельцами у других; под крестьянским правом выхода от землевладельцев к началу XVII в. привыкли уже разуметь только землевладельческое право вывоза крестьян. На всем этом и основалось притязание

землевладельцев на задолжавших крестьян, как на своих крепостных.

Законодательство, не отвергая этого притязания, устанавливало только его границы, регулируя его основания. Переход крестьян с одного участка на другой без ухода от землевладельца был домашним делом последнего с первыми, не затрогивавшим ничьего стороннего частного интереса; но он чувствительно затрагивал интерес казны. Сколько можно вглядеться в поземельные отношения владельческих крестьян по немногим вотчинным книгам конца XVI и начала XVII в., среди них господствовала чрезвычайная подвижность. Крестьяне редко подолгу засиживались на одних участках, в одних дворах. Но они не бегали, а оставались у прежних владельцев и только по соглашению с ними или переходили на тяглые участки меньшего размера, или садились на пустошь, на которой не лежало казенного тягла, или становились беспашенными бобылями, обязанными платить только бобыльский оброк вотчиннику. Последний от этого не терял жильца и работника, но казна лишалась тяглеца или части его прежнего тягла. Все эти операции, совершавшиеся в начале XVII в., прямо говорят об отсутствии поземельного прикрепления крестьян; косвенно указывает на то же законодательная мера, против них направленная. Это былъ целый переворот в податной системе. В XVI в. поземельная подать распределялась по пространству пахотной земли, в царствование Михаила по количеству тяглых дворов; в писцовых книгах этого царствования окладной единицей служит не прежняя *выть*, известное количество десятин пашни, а живущая *четь*, состоявшая из известного числа тяглых крестьянских и бобыльских дворов независимо отъ пространства пашни. Предстоит еще расследовать, когда введена была эта важная реформа; можно только догадываться, что мысль ее или первый опыт относится к правлению Бориса Годунова. В нашей литературе большое недоумение возбудило неясное известие выше упомянутого Шиля, что Борис пожаловал крестьян, которых дворяне привыкли считать своими крепостными, и каждому дворянину-землевладельцу дал положение (Ordnung), сколько обязаны ежегодно платить ему и работать на него его поденные. Это известие едва ли не было внушено

предпринятой на новых началах поземельной описью, которая должна была переложить подати с земли на дворы и с которой обязаны были сообразоваться землевладельцы в распределении оброков и изделий между крестьянами. По крайней мере, в одном акте 1593 г. правительство сделало намек на задуманную им большую поземельную опись, которая должна была изменить основания не только податного обложения, но и землевладельческих поземельных доходов [1]). Как бы то ни было, подворное обложение избавляло казну от потерь, какие она терпела от перехода крестьян с больших участков на меньшие, с тяглых жилых жеребьев на нетяглые пустошные и из пашенных тяглецов в беспашенные бобыли: от всех этих операций количество значившихся в имении подворных казенных тягол теперь не уменьшалось.

Правительство издавна принимало меры против крестьян, покидавших свои участки не в срок и без рассчета съ землевладельцами: их возвращали на старые места доживать до срока или, не трогая с новых мест, заставляли доделывать условленные работы на покинутых землевладельцев за взятое у них серебро, а в уплате серебра представлять поруку. В конце XVI в. очень строго отличали законный выходъ крестьянина от незаконного или выход «с отказом» от выхода «побегом». Однако, отношение законодательства к беглым долго не поддерживало притязаний землевладельцев на личность задолжавшего крестьянина, как крепостного. Во-первых, оно предписывало преследовать беглого не иначе, как по иску землевладельца; притом самые иски были подчинены сроку давности, по истечении которого беглый не подлежал преследованию. С начала XVII века действовал пятилетний срок, законом 1607 г. был установлен 15-тилетний срок, какому подлежали всякие иски по обязательствам. В первые годы царствования Михаила был восстановлен прежний пятилетний срок, о чем узнаем из одной отступной записи, сохранившейся среди неизданных актов Троицкого Сергиева монастыря. У Колтовского в 1612 и 1615 году бежали крестьяне в деревни Троицкого монастыря; некоторые из них по своевременному иску владельца

---

[1]) *Акты, отн. до юр. быта России*, I, № 29, II.

были ему выданы; от других и в том числе от крестьянки, бежавшей в 1615 г., он отступился в 1621 г., потому что «из урочных лет они вышли». В 1615 г. Троицкому монастырю дана была временная привилегия возвращать своих беглецов за 11 лет, с 1 сентября 1604 года по 1 сентября 1615 г., потом установлена была для исков о беглых этого монастыря девятилетняя давность, в 1637 г. распространенная на дворян и детей боярских некоторых южных уездов, пока, наконец, в 1642 году для всех землевладельцев не был назначен десятилетний срок. Такое отношение законодательства к беглым сообщало договорам крестьян с землевладельцами характер совершенно частных гражданских сделок без всякой полицейской примеси. Указ 9 марта 1607 г. впервые внес полицейский элемент в вопрос о беглых крестьянах. Это едва ли не самый важный закон в истории установления крепостного права на крестьян [1]). Он первый прямо выразил начала, которые легли в основание этого права. Он, во-первых, признал личное, а не поземельное прикрепление владельческих крестьян, т.-е. признал возникшее в XVI веке притязание, считавшее крестьян по ссудным записям крепкими не земле, а лично землевладельцам; указ гласит, что крестьянам, которые за 15 лет до указа «в книгах 101 (1592—1593) года положены, быть за теми, за кем писаны». Далее, в число доказательств крепостной зависимости указ внес крепость особого рода, непохожую на прежние, *писцовую книгу*. Холопы

---

[1]) Этот указ необычными оборотами речи и другими странностями возбудил подозрение в подделке. Это—недоразумение. Наиболее подозрительными странностями отличается не самый указ, а приказный доклад, ему предшествующий и его вызвавший. Легко заметить, что это—сокращенное изложение подлинного доклада, состоявшего по обычаю приказных докладчиков Думы из дословных выписок из предшествующих указов по возбужденному в докладе предмету, именно из указов 1597, 1601 и 1602 гг. о беглых. Татищеву, издавшему указ 1607 г., не хотелось переписывать этих длинных выдержек, и он изложил доклад *своими словами* и с собственными пояснениями, основанными на предрассудке, будто за 5 лет до указа 1597 г. по внушению Бориса Годунова издан был закон, прикрепивший крестьян к земле. Доклад в указе 1607 г. не подделка, а неудачный исторический комментарий издателя. Содержание самого указа с изменениями почти все вошло в *Уложение*

укреплялись актами частного характера, полными кабалами, записями и т. д. Значение специальной и преимущественной крепости для крестьян получил теперь официальный документ общегосударственного характера: крестьяне, вышедшие после переписи 101 года, выдавались прежним владельцам, за которыми они записаны в книгах того года. Наконец, указ превратил крестьянские побеги из гражданских правонарушений, преследуемых по частному почину потерпевших, в вопрос государственного порядка: независимо от исков землевладельцев, розыск и возврат беглых возложен указом на областную администрацию под страхом тяжелой ответственности за неисполнение этой новой обязанности. Соответственно этому новому взгляду на побег, как нарушение не только частного интереса, но и общественного порядка, и за прием беглого, прежде безнаказанный, указ назначил, сверх вознаграждения потерпевшему владельцу, значительный штраф в пользу казны по 10 руб. (около 120 руб. на наши деньги) за каждый двор или одинокого крестьянина, а подговоривший к побегу, сверх денежной пени, подвергался еще торговой казни (кнутом).

Действие начал, признанных законом 1607 г., прежде всего, отразилось на праве своза крестьян землевладельцами. Это право было юридическим последствием и одной из форм крестьянского права выхода: крестьянин, не имевший средств расплатиться с своим землевладельцем, мог войти в соглашение с другим, который выкупал его и свозил на свою землю. Во второй половине XVI века эта форма крестьянского выхода заметно приобретала господство: большинство крестьян, которые меняли землевладельцев, уже не переходило, а перевозилось. Но успехи кабального права стали затруднять и свозы. Закон запрещал вывозить крестьян «сильно не по сроку, без отказу и беспошлинно». Отказ состоял в том, что отказчик, по соглашению с чужим крестьянином, заявлял его владельцу в ноябре около Юрьева дня о своем желании свезти его к себе и просил принять у него «выход» или узаконенные пошлины за того крестьянина, а также серебро или ссуду, взятую им у прежнего владельца; последний не мог не принять правильно сделанного отказа. Но когда под влиянием начал кабального холопства стал утверждаться взгляд на крестьянскую ссуду как на долговое обязательство, не прекращаемое без согласия ссудодателя,

землевладельцы начали считать себя в праве не принимать и правильно сделанного отказа. Притом некоторые виды ссуды, особенно многолетняя льгота, не легко поддавались точной и бесспорной оценке. Крестьянину, пришедшему с голыми руками, землевладелец помогал в льготные годы обзавестись, и едва он начинал приносить доход своему владельцу, являлся сосед с отказом, чтобы взять этого крестьянина к себе с его инвентарем и воспользоваться плодами чужих затрат и усилий. Узаконенной таксы для безобидной оценки этих затрат и усилий не было и быть не могло. Этим объясняются раздающиеся во второй половине XVI века жалобы отказчиков на то, что землевладельцы не выпускают отказываемых крестьян, куют их в железа, или, согласившись на вывоз, приняв отказ, грабят животы вывозимых крестьян и насчитывают на них слишком много пожилого. Значит, землевладельцы простирали притязание на самую личность задолжавшего крестьянина, а, отказываясь от личности, считали себя в праве удерживать его имущество, как вознаграждение за понесенные убытки. К концу XVI века среди споров, драк и насилий, ежегодно повторявшихся в ноябре и наполнявших суды кляузными тяжбами, повидимому, восторжествовал тот взгляд, что владельческих крестьян нельзя вывозить без согласия их владельцев. Этому взгляду давал некоторую опору настойчиво повторявшийся во второй половине XVI века запрет землевладельцам, получившим от правительства податные льготы для успешнейшего заселения пустых земель, перезывать на эти пустоши тяглых крестьян, хотя этот запрет имел в виду не столько владельческих, сколько черных казенных крестьян. На том же взгляде стали и ноябрьские указы 1601 и 1602 г.г. Эти указы выделяют крупных землевладельцев, людей высших чинов и церковные учреждения, запрещая крестьянский «выход», т.-е. вывоз как на их земли, так и с их земель; это запрещение распространено и на дворцовых и черных крестьян. Свозить крестьян дозволено только друг у друга людям низших чинов, мелким землевладельцам, масса которых состояла из провинциального дворянства; притом и это дозволение указ 1601 года ограничил одним условием: каждый отказчик мог отказать у одного владельца не более двух крестьян зараз. Легко рассмотреть мотивы этих указов. В условиях вывоза указы

обозначают уплату пожилого, но ничего не говорят о ссуде; следовательно, они имели в виду преимущественно крестьян, рассчет которых с землевладельцами был сравнительно прост, не осложнялся значительными ссудами и льготами, а такие чаще встречались у мелких, чем у крупных землевладельцев; притом мелкие и наиболее нуждались в крестьянах. Указы определяют, кому у кого дается *право* вывозить крестьян без согласия владельцев, но непременно с согласия вывозимых; при этом оба указа признаются, что они вызваны именно теми беспорядками и насилиями, которые происходили от нежелания владельцев выпускать отказываемых. Но это право было дано временно только на те сентябрьские годы, в начале которых были изданы оба указа. Значит, вывоз, как право отказчика, возникшее из соглашения его с крестьянином, допускался как временная уступка старым привычкам и частным интересам, а в принципе было уже признано постоянным правилом, что вывозить крестьян можно только с дозволения владельцев. В законе 1607 года ничего не сказано о вывозе, и в междуцарствие вопрос некоторое время оставался нерешенным. В наказе, данном от имени Владислава в конце 1610 года Левшину, посланному управлять Чухломой и черными волостями в ее уезде, московское правительство предписывало крестьян за государя в казенные волости ни из-за кого не вывозить *до указа*. Но люди, руководившие русским обществом в смутное время, уже склонялись к решению, подсказанному законодательством прежних лет, и за это им нельзя отказать в известном политическом такте: в большинстве крупные землевладельцы, которым было выгодно право вывоза, они были решительно против него, когда вывоз из права, ограждавшего крестьянскую личность, превратился в борьбу землевладельцев за крестьянина, в средство биржевой игры его личностью. Известно, что договор Салтыкова с Сигизмундом 4 февраля 1610 года и договор московских бояр 17 августа того же года поставили в число условий избрания Владислава на московский престол запрещение крестьянского выхода, под которым в то время, как мы видели, разумелся собственно вывоз без согласия владельца. Согласно с этим условием, в грамотах 1611 года на вотчины, пожалованные известному искателю приключений и автору любопытных записок о Московии Маржерету, читаем строгое

предписание крестьянам из-за вотчинника за бояр и других чинов людей не выходить и никому их не вывозить, а вышедших и вывезенных сыскивать и возвращать к прежнему владельцу [1]). В царствование Михаила вывоз был окончательно отменен, и закон 9 марта 1642 года отнесся к нему даже строже, чем к крестьянским побегам: для исков о вывозных крестьянах, т. е. вывезенных «насильством», без согласия владельца, назначена 15-ти-летняя давность, тогда как иски о беглых подчинены были давности 10-ти-летней.

Право вывоза было формой, в которую вырождалось крестьянское право выхода по мере того, как переставало действовать в первоначальном чистом виде. В свою очередь, и право вывоза по мере того, как его стесняло законодательство, перерождалось в право передачи или право сделок на крестьян без земли. Личная крепость задолжавшего издельного крестьянина, признанная законом 1607 г., не была вполне кабальная: она основывалась не на праве, а на экономическом факте, т.-е. не на том, что крестьянин не имел права уйти от владельца, расплатившись с ним, а на том, что он не имел собственных средств расплатиться с ним, чтобы уйти от него. Отмена права вывоза уничтожила только одно из последствий права выхода—вывоз без согласия владельца; но вывоз по соглашению с последним, не сопровождавшийся иском о вывозном крестьянине, не был отменен, а это и была сделка на крестьянина без земли. Такая сделка отличалась от прежнего вывоза только иным сочетанием прежних отношений, происшедшим от перестановки участвовавших в операции сторон: сделка крестьянина с отказчиком на счет своего владельца превратилась в сделку владельца с отказчиком на счет своего крестьянина. Безземельные операции с крестьянами появляются в актах вскоре после того, как законодательство начало стеснять вывоз, и принимают довольно разнообразные формы. Несколько таких операций встречаем в актах Троицкого Сергиева монастыря. В 1632 г. поместный есаул Бельский отдал монастырю вотчинного своего крестьянина с семьей, потому что «того крестьянина взяла бедность и была жена его в закладе у стародубца Гринева», у которого выкупили ее монастырскими день-

---

[1]) *Др. Росс. Вивлиоф.*, XI, 368. *Акты Зап. Росс.*, IV, № 183, стр. 409.

гами. В 1628 г. тот же монастырь, вчинивши иск против землевладельца Языкова и его крестьян «в безвестной смерти» попа из монастырского приселка, по сделке с Языковым взял у него за того священника двух его крестьян с семействами. За станичным мурзой в Алатырском уезде жили в крестьянах русские люди; в 1627 г. он поступился ими «не из неволи» с семьями и животами Троицкому Алатырскому монастырю, который вывез их в свою вотчину. Во второй половине XVII в. были в обычае разнообразные сделки на беглых крестьян: их продавали, дарили, меняли, закладывали. Одну такую сделку, притом на крестьян поместных, распоряжение которыми было более стеснено, встречаем уже в 1620 году. Писарев, искавший на Троицком монастыре двух крестьян, бежавших из его поместья, по мировой сделке уступил их монастырю с семьями и животами «вовеки» за 50 р., т.-е. продал их. К безземельным сделкам на крестьян относилось и условие, по которому при выкупе проданной, заложенной или отказанной в монастырь вотчины покупщику, залогодержателю и монастырю предоставлялось выводить из той вотчины крестьян, поселенных в ней после отчуждения. Это условие довольно обычно в купчих, закладных и вкладных грамотах первой половины XVII в. и всего нагляднее доказывает как успехи личного укрепления крестьян за владельцами, так и отсутствие их поземельного прикрепления. Самый ранний нам известный случай относится к 1611 году: вдова Власьева по духовной мужа отказала в Троицкий монастырь вотчину, предоставив ему право, в случае выкупа вотчины родственниками, вывести из нее крестьян, им посаженных, со всем их имуществом в свои вотчины. Наконец, довольно рано является и простейший, односторонний способ безземельного распоряжения крестьянами без участия другого владельца—отпуск на волю. По форме он близко подходил к своему первоначальному юридическому источнику—вольному крестьянскому выходу, так что иногда его трудно отличить от последнего. В 1622 г. Ларионов продал Маматову пустошь с дворишком, хлебом, животиной и «всякой деревенской посудой»; но об единственном крестьянине, жившем в той пустоши, в акте поставлено покупщику условие: «а до крестьянина ему и до его хлеба до ржи (в земле) дела нет, его отпустить со всем». По акту нельзя разобрать, получил ли крестьянин отпуск по милости

своего владельца, или по собственному праву, как вольный арендатор, рядившийся на землю Ларионова и не обязанный оставаться на ней по переходе ее к Маматову [1]).

Со стороны законодательства незаметно ни малейшего противодействия безземельному распоряжению крестьянами, этой третичной и наиболее извращенной форме крестьянского выхода,—незаметно даже такого противодействия, какое было оказано вторичной форме, вывозу. Потому не было оговорено законом согласие крестьянина при его передаче одним землевладельцем другому, как оно было оговорено в законах о вывозе. Но законодательство рано предусмотрело и спешило предупредить одно политическое неудобство, которым одинаково грозили обе формы. Переходя из рук в руки без земли, задолжавший крестьянин тем легче мог выйти из тяглого состояния, что второй *Судебник* давал ему право продаться с пашни в полное холопство. Но один из первых указов, ограничивавших право вывоза, ставил в 1602 г. непременным его условием, чтобы вывозимые крестьяне и у нового владельца оставались крестьянами. Согласно с этим, закон 1 февраля 1606 г. предписывал беглых крестьян, отдавшихся в холопство, возвращать прежним владельцам в крестьянство; исключение сделано только для крестьян бедных, не имевших чем прокормиться в голодные 1602—1604 годы. Этим законом отменена была упомянутая статья *Судебника*. Но до *Уложения* новое требование закона, повидимому, еще не было достаточно уяснено и нарушения его даже утверждались властями. В крепостной новгородской книге записан такой случай: вольный человек пошел в дом к крестьянину, женившись на его дочери; это значило, что он согласился стать крестьянином того владельца, за которым жил его тесть; но, «не похотя жить в крестьянстве», он с женой бежал к другому владельцу, в 1645 г. был выдан из бегов прежнему и в 1647 г. дал ему на себя служилую кабалу, которую утвердил губной староста [2]). *Уложение* грозит уже наказанием землевладельцам за прием своих крестьян

---

[1]) *Рукоп. Тр. Серг. мон.*, №№ 530 и 532.

[2]) *Рукоп. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дел по Новгороду*, № 35, л. 121 Ср. *Белевск. Вивл.*, I, 266.

во двор в кабальное холопство и резко обособляет крестьян даже от тяглого городского населения, запрещая им под страхом кнута приобретать в городах тяглые дворы и торговые заведения. Этим *Уложение* замыкало крестьянское сословие с одной стороны: всякий вольный человек, на котором не лежало ни тягла, ни службы, мог вступить в крестьянство; но раз попавший в это звание уже не мог перейти в другое. Землевладелец мог освободить своего крестьянина, крестьянское общество могло выслать своего члена; отпущенный или высланный тогда становился *вольным*, т. е. нетяглым человеком без звания, без определенного положения в обществе. Но если он хотел пристроиться, приобрести определенное положение, он должен был воротиться в прежнее звание, порядившись за кого-нибудь в крестьяне или бобыли. Этим крестьянство отличалось от холопства: отпущенный на волю холоп мог не только вступить в холопство к другому господину, но и принять городское или крестьянское тягло. После *Уложения* эта замкнутость крестьянства была выражена точнее и решительнее: по указу 23 мая 1681 г. если вольноотпущенные холопы или крестьяне били кому челом в холопство, велено на первых давать служилые кабалы, а на вторых ссудные записи, т. е. принимать их в крестьяне, а не в холопы, а указом 7 августа 1685 г. запрещено было принимать крестьян в посады даже с отпускными от их владельцев. Такая безвыходность крестьянского звания во второй половине XVII в. называлась *вечностью крестьянской*, в отличие от *крестьянства*, под которым разумели собственно зависимость, привязывавшую крестьянина к известному землевладельцу или крестьянскому обществу.

Это двойное прикрепление к званию и к лицу владельца подало повод думать, что владельческие крестьяне вместе с казенными были прикреплены к земле и что это общее прикрепление, установленное особым законом в конце XVI в., было завершено *Уложением* 1649 г. Этого мнения нельзя доказать. В законодательстве можно заметить стремление прикрепить к земле казенных крестьян, дворцовых и черных. Следы этого стремления заметны гораздо раньше предполагаемого общего прикрепления крестьян, еще в удельные века; источником этих попыток было естественное желание удельных правительств обеспечить себя тяглецом среди общей бродячести населения. С поло-

вины XVII в. в числе частных мер, направленных к удержанию крестьян на дворцовых и черных землях, действовало узаконение, неоднократно повторявшееся в жалованных грамотах: землевладельцам, получавшим право для заселения пустых земель давать поселенцам льготу от податей на известное число лет, ставилось условие «называти на льготу крестьян от отцов детей и от братей братью и от дядь племянников и от сусед захребетников, а не с тяглых черных мест, а с тяглых черных мест крестьян не называти», как читаем в грамоте Нагому 1575 г. Но общего решительного закона не было, и потому переходы крестьян с черных и дворцовых земель продолжались почти до самого *Уложения*. Из нерешительных попыток сложилась, по крайней мере, неясная идея поземельного прикрепления, выразившаяся в *Уложении:* оно предписывает беглых дворцовых и черных крестьян вывозить по писцовым книгам «на старые их жеребьи». Но владельческих крестьян никогда и не пытались прикреплять к земле, ни в XVI, ни в XVII в., и именно потому, что они не были прикреплены к земле, они стали крепостными. *Уложение* даже как будто не понимает прикрепления владельческих крестьян к земле, хочет знать лишь то, за кем они по книгам записаны, а не то, к какому обществу или к каким участкам приписаны. Потому оно предписывает просто возвращать беглых владельческих крестьян их владельцам по книгам, не упоминая об их старых жеребьях, и допускает много случаев, когда крестьянин мог быть оторван от насиженного участка: его передавали от одного владельца другому за женитьбу на беглой или за чужого крестьянина, убитого им либо его владельцем, иногда даже другим крестьянином того же владельца, переводили из отчуждаемого поместья или вотчины на другую землю отчуждавшего, отпускали на волю без земли. Практика до *Уложения* и после вводила и другие случаи, которым также не мешал закон: вывозы, разнообразные сделки без земли были бы невозможны при поземельном прикреплении. Все эти случаи нельзя считать исключениями, потому что не существовало самого правила. Законодательству приходилось оберегать три интереса, имевшие политическую важность: владельческий, крестьянский и казенный; первый состоял в упрочении личной крепости крестьян, второй в поддержке их хозяйственной и податной

состоятельности, третий в прикреплении их к государственному тяглу вообще, а не к тому или другому тяглому участку. Но все эти интересы, тесно связанные друг с другом и одинаково важные для законодателя, не всегда были дружны между собою и влекли его в разные стороны. Законодательство долго колебалось между этими влечениями. Его колебания обнаруживались всего яснее в узаконениях о сдаче участков и о давности по искам о беглых. Из всех производных форм крестьянского выхода сдача участков всего ближе подходила к своему юридическому первообразу: крестьянин, желавший покинуть участок, но не могший исполнить принятых на себя обязательств, сажал на свое место другого, соглашавшегося нести эти обязательства. Землевладельцы не мешали таким замещениям, не причинявшим им потерь и часто предупреждавшим их: обессилевший животами крестьянин, потерявшая главного работника семья переходили в малодоходные для владельца бобыли; но подысканные ими «жильцы» снимали с них участки и восстановляли их доходность. Зато казна ничего не выигрывала от этих сдач и нередко много теряла. Из поземельных актов видно, что в XVI и первой половине XVII в. дворцовые и черные крестьяне, тяготясь податями и повинностями, лежавшими на их участках, продавали их другим крестьянам, т. е. продавали собственно не землю, которая была казенная, а хозяйственные постройки, приспособления и инвентарь, сами же иногда рядились пахать только что проданные свои участки, но с условием в предстоящую перепись не записываться: это значило, что из тяглых крестьян они переходили в нетяглые съемщики или захребетники. Благодаря такой операции, при подворном обложении продавец переставал платить казне, а покупщик платил не больше прежнего. При переписи 1646 г. таких продавцов, переходивших в нетяглые состояния, велено было возвращать в тягло. Но безусловно запретить сдачу и всех сдатчиков водворять на прежние места значило бы отнять у бедневших казенных крестьян возможность поправиться переходом на владельческие земли с подмогой и разорить тех, которые успели устроиться на новых местах. Потому еще в 1661 г., как видно из одного наказа, косвенно разрешалась сдача тяглых дворов и участков с условием податной исправности заместителей: возвращать на прежние места предпи-

сывалось лишь покидавших свои жеребьи впусте, не трогая тех, которые продали или сдали в тягло свои участки, если преемники исправно тянули тягло и, разумеется, если сдатчики не выходили из тяглого состояния. В интересе мелких землевладельцев была отменена в 1646 г. давность для исков о беглых крестьянах. Но многие беглые устраивались в городах и становились хорошими посадскими тяглецами, прежде чем покинутые владельцы успевали вчинить о них иски. Во время переписи 1678 г. они были внесены в книги уже по новым местам жительства. Рядом указов с 1655 г. таких беглецов запрещалось возвращать по искам владельцев в прежнее состояние, потому что владельцы «не били о них челом многое время». Любопытно, что такая неопределенная обратная давность была распространена и на беглых холопов—знак, что мысль закона 9 марта 1607 г. не исчезла и после. О действии этих указов можно судить по составленному в 1694 г. списку беглых крестьян, записанных в псковский посад: таких беглецов, поселившихся в Пскове с 1646 по 1686 г., оказалось 476 человек [1]).

Итак, законодательство не устанавливало крепостного права на владельческих крестьян ни прямо, ни косвенно: оно не только не прикрепляло их к земле, но не отменяло и права выхода, т. е. не прикрепляло крестьян прямо и безусловно к самим владельцам. Однако, право выхода уже очень редко действовало в первоначальном чистом виде: уже в XVI в. оно начало принимать разнообразные формы, более или менее его искажавшие. Законодательство знало только эти формы: оно следило за их развитием и против каждой из них ставило поправку, предупреждавшую государственный вред, каким она грозила. Крестьяне бросали тяглые участки, не уходя от владельцев, правительство изменило систему тяглового обложения, чтобы помешать сокращению тяглой пашни. Усилились побеги и иски о беглых: усиливая меры против беглых и их приема, оно законами о давности старалось ослабить иски и споры. Право вывоза вызывало беспорядки и запутанные тяжбы: вывоз был стеснен условием согласия со стороны

---

[1]) *Доп. к А. И.*, IV, № 101. *Акты А. Э.*, IV, № 287. *А. И.*, V, № 226. *Рукоп. Моск. Арх. М. Ин. Д. по г. Пскову*, № 32.

владельца. Тогда вывоз превратился в безземельные сделки на крестьян: установление вечности крестьянской предупреждало вывод крестьян из тягла посредством этих сделок. Владельцы и крестьянские общества допускали выход крестьян со сдачей участков: сдача была ограничена условием податной исправности заместителей и обязательством сдатчиков оставаться в тяглом состоянии. Так, не внося в крестьянские отношения нежданных переворотов, предоставляя этим отношениям развиваться согласно с действовавшим привычным правом, законодательство только устанавливало границы, которых они не должны были переступать в своем развитии. Для изучения этого развития надобно обратиться к частным актам. Самые важные из них—*порядные* или *ссудные записи*. Нам известно до 200 таких записей, изданных и не изданных; ряд их начинается с половины XVI в. и идет до начала XVIII в.; половину этого запаса составляют новгородские записи 1646—1650 г. Следует наперед оговориться, что этого очень мало, чтобы проследить все моменты и местные видоизменения крепостного крестьянского права.

Право выхода было важно для крестьянина более всего потому, что обеспечивало ему право рядиться, договором определять свои отношения к владельцу или обществу, у которого он снимал землю. Порядные записи дают возможность видеть, в каких случаях имел место договор и на каких условиях. Очень редки порядные, написанные при переходе крестьянина от одного владельца к другому. Но любопытно, что такие случаи бывали еще в первой половине XVII века: из 6 таких порядных 2 относятся к 1576 и 1585 г.г., 1 к 1634 и 3 к 1648 г. Характерны две записи последнего года. В одной является крестьянин из-за Невы, который «от немецкого разоренья» бросил свой участок, бродил по наймам и, наконец, порядился за нового владельца. Другая описывает превратности, испытанные крестьянином: из вольных людей он порядился к Осинину, по смерти которого его силой вывез к себе со всеми животами Загоскин; от него он вернулся, но уже без животов, на старый свой жеребий по прежней порядной с Осининым и, наконец, порядился к Сукину [1]). Все эти

[1]) *Новгор. крепостн. книги*, № 35, л. 473; № 36, л. 84.

случаи наглядно подтверждают, что право выхода оставалось не отмененным еще в XVII в., но что оно замирало уже в XVI в. Гораздо чаще встречаются новые договоры с прежними владельцами или при переходе на новые участки или при изменении условий пользования прежними. Такие договоры идут с половины XVI в. до самого *Уложения*. Иногда они заключались целыми обществами; так, в 1599 г. пятеро крестьян Вяжицкого монастыря порядились на его пустошь с обязательством поставить пять дворов и распахать пашню, т. е. основать новое сельское общество. Даже с беглыми при возврате из бегов владельцы заключали новые договоры. Выше была упомянута порядная 1599 г. с крестьянином, выданным из 8-ми-летнего побега: беглец получил даже ссуду и льготу при поселении у старого владельца. Впрочем, это единственный прямой договор с беглым, нам известный; позднее такие договоры заменяются поручными, в которых владельцы рядились не с самими крестьянами, а с их поручителями, принимавшими на себя ответственность за исполнение беглецом условий договора. Притом и такие ряды скоро исчезают: самый поздний нам известный, сохранившийся в актах Троицкого Сергиева монастыря, писан в 1623 г. Любопытно, что с конца XVI в. и договоры с новыми крестьянами начали скреплять порукой других крестьян того же владельца или сторонних людей. Такие поручные идут с 1580-х годов. В первой половине XVII в. порука была, повидимому, обычным средством закрепления крестьянских договоров: в 1627 г. одна вдова, отдавая в Троицкий монастырь вотчину мужа, пишет во вкладной, что муж ее ту вотчину устроил и крестьян посадил, «и ссуда им всякая давана и поручные на них записи, что им жити в крестьянех поиманы».

Во всем этом пока еще нет прямых следов крепостного права. Однако, действие договора, видимо, стесняется, и отношения договаривающихся сторон становятся более натянутыми. На то же указывает и отсутствие порядных с вывозными крестьянами: если это не случайный пробел в материале, из этого можно заключить, что договоры отказчиков с вывозными крестьянами рано стали заменяться сделками владельцев на крестьян, а это было уже прямым предвестием приближавшейся личной крепости. В условиях порядных

находим подтверждение этой догадки. Огромное большинство порядных принадлежит вольным людям, впервые вступавшим в крестьянство. Но условия их договоров не были исключительными, по которым нельзя было бы судить об отношениях всего крестьянства; перемена, происходившая в положении последнего, разумеется, отражалась каким-либо новым условием и в порядных вольных людей. Прежде всего, заслуживает внимания неопределенность срока, на который заключался договор. Эта бессрочность объясняется судьбою права обеих сторон прекращать договор. В XVI в. это право было обоюдное: как владелец ежегодно мог отказать крестьянину от участка, так и крестьянин ежегодно мог уйти от владельца, расплатившись с ним. До последней четверти XVI в. по порядным не заметно никаких ограничений крестьянского права выхода. Эти ограничения являются неразлучными спутниками подмоги в ее различных видах. Порядные без всякой подмоги ничем не стесняют крестьянина в праве уйти от владельца. Но с конца XVI в. такие простые контракты становятся все реже. Вместе с тем, все усиливаются предосторожности владельцев: договор обязывает крестьянина, в случае ухода, возвратить подмогу или заплатить неустойку за подмогу и льготные лета, иногда неустойку сверх подмоги. Но сперва и уход оплачивался только при неисполнении обязательств, принятых крестьянином. Не ранее второго десятилетия XVII в. в числе обязательств крестьянина является условие не уходить или «на сторону не рядиться». Однако, до конца третьего десятилетия того века порядные признают за крестьянином право нарушить и это обязательство: заплатив «за убытки и волокиту», причиненные этим нарушением, крестьянин правомерно разрывал все свои связи с владельцем. Еще яснее обозначаются такие отношения в другой форме выхода, заменявшей уплату неустойки,—в праве посадить вместо себя другого «жильца», передав ему свои обязательства по участку. Это условие довольно часто является в порядных и поручных с конца XVI в. до самого *Уложения*. Словом, следя за порядными в продолжение 80 лет с половины XVI в., и не вспомнишь, что на половине этого хронологического пути стоит сказание о прикреплении крестьян к земле. Зато те же порядные дают понять, что еще до этого легендарного пункта в отношениях между крестьянами

и владельцами начался скрытый переворот, затягивавший эти отношения в крепкий узел. Сохранилась одна порядная 1628 г., в которой вольный человек обязуется «за государем своим жить в крестьянех *по свой живот* безвыходно» [1]). В одной ссудной 1630 г. крестьяне, обязуясь в случае ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, прибавляют: «и вперед мы Тихвина монастыря крестьяне». Значит, они сами навсегда отказывались от права выхода и неустойку превращали в пеню за побег, не возвращавшую им этого права и не уничтожавшую договора. Скоро это обязательство стало общим заключительным условием ссудных записей, принимая очень разнообразные формы выражения; наиболее стереотипная и сжатая из них гласила: «а крестьянство и впредь в крестьянство». Это условие впервые сообщало ссудной записи значение настоящей крепости, утверждавшей личную зависимость без права зависимого лица прекратить ее. Такое значение выражалось формулой, в какую облекали это условие иные ссудные, прибавляя к обязательству крестьянина уплатить неустойку за уход такое условие: «а впредь таки я государю своему по сей записи крепок безвыходно». Почти теми же словами выражалось это обязательство в жилых холопьих записях. Вместе с этим условием в ссудных записях является и новый термин: крестьянин стал звать своего владельца *государем*, как называли холопы своего господина. Если не ошибаемся, не раньше 1630-х годов появляется в актах и для владельческих крестьян название *крепостных*. В этом смысле владельческое крестьянство еще до *Уложения* обозначалось, как особый вид крепостного состояния, параллельный холопству. На соборе 1642 г. некоторые дворяне предлагали населить взятый у турок Азов, кликнув клич, кто пожелает пойти, «окроме крепостных людей, холопей и крестьян».

Итак, важное условие, сообщившее отношениям крестьян к владельцам крепостной характер, не было навязано им законодательством. Оно явилось юридическим подтверждением мысли, последовательно развившейся из кабального права посредством приложения условий служилой кабалы к издельному крестьянству. Этих условий было

---

[1]) Сообщена В. Е. Якушкиным.

два: служба или работа за рост и непрекращаемость службы по воле холопа. Работа за рост, изделие было давним условием крестьянской ссуды; но только с конца XVI в. ему стали придавать значение, какое имела кабальная служба за рост. Во второй четверти XVII в., если не раньше, явилось и другое условие, как последствие первого,— непрекращаемость обязательной работы и личной зависимости по воле крепостного. Вместе с этим в крестьянской крепости произошел совершенно такой же перелом, какой мы видели в крепости кабальной. Как неволя кабального холопа, первоначально вытекавшая из займа по уговору, стала потом утверждаться на уговоре без займа, так и крестьянин, укреплявшийся прежде порядной записью с подмогой, теперь становился крепостным по записи и без подмоги. В XVI в., когда начала служилой кабалы стали прививаться к порядной записи, кабальное холопство еще не успело разделиться на служилое без займа и заемное жилое. В первой половине XVII в., когда эта прививка закончилась, разделение кабального холопства совершилось. Порядная запись, усвоив основные условия кабального холопства, их последствия развивала по готовым схемам его позднейшего вида—холопства жилого. Это холопство отличалось от служилого большей свободой в установлении границ зависимости и разнообразием ее условий. В холопстве кабальном все это было точно определено законом или обычаем и не обозначалось в кабале, благодаря чему последняя усвоила простую и однообразную форму. Обязательство крестьянина жить весь свой век за государем сближало ссудную запись с теми жилыми, в которых слуга неопределенно обязывался служить своему хозяину, его жене и детям; в ссудных второй половины XVII в. иногда прямо обозначалось и это обязательство: «а крестьянство мое и впредь ему государю моему и жене его и детям в крестьянство». Зато нет ни одной ссудной с кабальным термином—жить за владельцем «по его живот», как нет ни одной, в которой крестьянин по смерти владельца возобновлял бы договор с его женой или детьми. Далее, жилые записи обыкновенно довольно подробно обозначали, что хозяин давал слуге и каких услуг за это мог от него требовать. Этими услугами собственно и определялось пространство власти хозяина. Таково же содержание и ссудных записей. Господскую власть над

личностью крестьянина они определяют, как совокупность прав хозяйственного распоряжения крестьянином, т. е. его трудом. Зависимость крестьянина выражалась в платежах и изделиях на владельца. Подробности тех и других не относятся к нашему вопросу, но важны некоторые их особенности. Обыкновенно платежи, подати и оброки соединяются в порядных с изделиями. Исключение составляли бобыли, которые не брали тяглых участков и обязывались либо за изделье платить известный оброк, либо за оброк исполнять известные работы, да те редкие крестьяне, которые садились на тяглые участки без ссуды и были свободны от изделья. Последних случаев в новгородских крепостных книгах не более 6 на 103 порядные записи. Далее, назначение изделья и оброка предоставлялось владельцу. Во многих порядных повторяется обязательство крестьянина «всякое помещицкое дело делать, чем меня помещик пожалует, изоброчит, с соседы вместе по своему участку». В других записях крестьяне обязуются владельцу «всякую страду страдать и оброк платить, чем он изоброчит». Так, порядные оправдывают замечание Котошихина, что владельцы «свои подати кладут на крестьян своих сами». Исключений очень мало: из 103 порядных в новгородских книгах только в двух выговорен крестьянином определенный оброк взамен изделья и только в шести точно обозначено, сколько дней в неделю обязан работать крепостной. Притом все эти шесть порядных принадлежат крестьянам одной половины Шелонской пятины и объясняются местным обычаем. Наконец, в порядных XVII в. нет следов прикрепления крестьян к земле по закону. Иные крестьяне обязывались жить на своих участках безвыходно. Но это было их добровольное условие: они сами прикрепляли себя к земле. Другие, напротив, уговаривались жить в известной деревне владельца или «где инде полюбится», либо «где государь пожалует, мне повелит в своих деревнях или в пустошах поставиться двором». До *Уложения*, как и после, крестьянские договоры предоставляли владельцам право переводить крестьян с одних участков на другие. В одной порядной, писанной после *Уложения*, крестьянин обязуется жить везде, «где он, государь, ни прикажет, в вотчине или в поместье, где он изволит поселить». В число обыч-

ных условий ссудной записи не вошло право владельца отчуждать своих крестьян. Между тем, это право со времени издания *Уложения* все расширялось: начали поступаться крестьянами не только за крестьян, но и за беглых холопов, и поступаться не только вотчинными, но и поместными крестьянами. Известна только одна ссудная 1690 г., в которой крестьянин пишет: «вольно ему, государю моему, меня продать и заложить и самому владеть». Этот пробел можно объяснить тем, что в ссудной записи обозначили только права непосредственного хозяйственного распоряжения крепостным лицом, умалчивая о правах производных, вытекавших из этого распоряжения, например о праве владельца судить своих крестьян и разрешать им браки. Право отчуждения крестьян выработалось по образцу жилого холопства и из одинакового источника, из не стесняемого законом права вольного человека при вступлении в крепость определять ее условия. То же право встречаем и в некоторых жилых записях. Мы видели, что в крестьянской крепости оно выродилось из прежнего права выхода, прошедши чрез посредствующий момент вывоза: договор вывозного крестьянина с новым владельцем превратился в сделку самих владельцев, в которой согласие крестьянина постепенно перешло из права в юридическое предположение. Такое же превращение совершалось и в холопстве жилом и служилом. Таких холопов с их согласия часто передавали из рук в руки; но закон требовал, чтобы передаче предшествовала выдача отпускной, с которой холоп вступал в договор с новым владельцем. Приноровляя это требование к передаче, стали давать отпускным записям значение передаточных крепостей. В 1647 г. была утверждена отпускная, которую Веригин дал своему дяде на работницу, «и ему тою работницею владеть по сей отпускной». Этим объясняется, почему в первой, как и в последней, четверти XVII в. не делали юридического различия между отчуждением крестьян с землей и без земли. Связь, прикреплявшая крестьянина к владельцу, была двойная: ссудная издельная и поземельная оброчная. Первая, как связь кабальная, не допускала передачи крестьянина из рук в руки; вторая делала возможной такую передачу его, как арендатора, вместе с землей и контрактом. Из этой двойной связи при

содействии не отмененного законом, но уже фиктивного права перехода и развился двоякий способ действия в одинаковых случаях: при выкупе родовой вотчины крестьян, поселенных покупщиком, либо переводили в другое имение последнего, не отрывая владельца, либо оставляли за выкупщиком, не отрывая от земли. При частных переходах имений из рук в руки крестьяне обыкновенно оставались на прежних участках, меняя владельцев; но это не было правилом, требованием закона и потому иногда оговаривалось в порядных. В 1668 г. вольный человек порядился в крестьяне за Ермолаева в одну его деревню; в договор вставлено условие: «по сей ссудной записи жить крестьянину Мишке в д. Чернышихе *и впредь за кем* та деревня будет».

Все эти черты показывают, какой простор давал закон влиянию кабального права на крестьянскую среду. Широта этого простора еще резче обозначается слабостью ограничений, стеснявших власть землевладельца над личностью и трудом крестьянина. Одни из этих ограничений вытекали из того же договора, на котором основывалась ограничиваемая власть. Ни одна порядная не дает владельцу часто повторяемого в жилых записях права «смирять всяким смирением», т. е. подвергать крестьянина телесным наказаниям. Далее, в известных случаях за крепостными удерживалось право возобновления договора с владельцем. Впрочем, этим правом пользовались только два разряда крепостных, находившихся в исключительном положении. К одному из них принадлежали крестьяне, которые, вступая в крестьянство, не прямо становились хозяевами особых дворов, а принимались в дом к другим крестьянам, обыкновенно в зятья: отделяясь от хозяев на особые участки, они заключали новые договоры со своими владельцами. Другой разряд составляли бобыли «непашники», которые не брали тяглых участков и не платили податей, хотя иногда получали от владельцев за оброк нетяглую пашню. Таких бобылей особенно много жило при церквах, за монастырями и архиерейскими кафедрами. Рядясь в бобыльство, они выговаривали себе право садиться на тяглые участки по своей воле и с новым договором. В 1647 г. вольный человек бил челом «во двор» к кн. Елецкому без крепости и получил от него нетяглый участок пашни. В апреле 1649 г. этот добровольный слуга дал князю порядную

в бобыли под условием съ осеннего Николина дня того же года сесть на тяглый участок в крестьяне, а до тех пор жить в бобылях «во дворе добровольно». Но это условие было скорее обещанием, чем обязательством: дворовый бобыль выговорил себе право нарушить это обещание и даже уйти из двора, только с платой владельцу ежегодного оброка «с своего бобыльства», а принимаясь за тяглую пашню, взять участок по своей силе, «на который я измогу», т. е. по новому уговору с владельцем. Третье ограничение состояло в том, что некоторые крестьяне, рядясь без подмоги, удерживали за собою право выхода со сдачей участка. Но в новгородских крепостных книгах за четыре года записано только два таких случая, из коих один был в июне 1649 г. после издания *Уложения* [1]). Наконец, важное условие, стеснявшее власть владельца над трудом крестьянина, было наложено законодательством и состояло в ответственности владельца за податную состоятельность своих крестьян перед казной. Это условие со строгой логической последовательностью вытекло из сочетания значения крестьянской подати с личной крестьянской крепостью. Крестьянин платил подать за право земледельческого труда; как скоро труд его был отдан в распоряжение владельца, на последнего переходила и ответственность за податную исправность крестьянина, обязанность заботиться о поддержании доходности его труда для казны. Самая давность для исков о беглых устанавливалась не без участия мысли о такой ответственности: владелец, долго не искавший своего беглеца, терял возможность поддерживать его тягловую состоятельность и потому терял свои права на него, особенно если беглый без его помощи успевал устроиться и стать исправным тяглецом на новом месте. Первый проблеск этой мысли встречаем в том же законе 1606 г., из которого впервые узнаем об установлении давности: онъ лишал владельцев права искать бедных крестьян, бежавших от них в голодные годы вследствие того, что владельцы «прокормить их не умели». *Уложение* признает уже установившимся порядком правило «имати за крестьян государевы всякие поборы с вотчинников и помещиков». Следы этого порядка

---

[1]) № 35, л. 369; № 36, л. 80 и 90.

становятся заметны вскоре после того, как в ссудных записях явилось условие о вечной крепости крестьянина владельцу. В 1639 и 1641 гг. у рязанца Тишенинова бежали два крестьянина. В челобитной, прося дать ему суд с беглецами, помещик прибавлял: «я за тех крестьян своих плачу тебе, государю, всякие твои государевы подати и городовые поделки делаю». Самый сбор крестьянских податей еще до *Уложения* был возложен на владельцев: в 1646 г. Страхов, передавая зятю своего крестьянина, обязывался в записи «тягла государева не спрашивать на том крестьянине».

Ответственность за податную исправность крестьян ставила владельца в прямое соприкосновение с их хозяйственным положением. Так, крепостное право на крестьянский труд, развиваясь из принципа долгового холопства, встретилось с элементом, не входившим в юридический состав последнего. В обычные условия служилой кабалы и жилой записи не входили отношения господина к имуществу холопа. Юридическая связь их друг с другом была чисто личная: холоп нанимался на службу, обязывался служить господину «по вся дни», за что господин содержал холопа. Крестьянин нанимал землю, работал на себя, уделяя только часть своего труда владельцу за средства для труда, у него заимствованные. Потому для отношений владельца к имуществу крепостного крестьянина долговое холопство не давало готовых схем: крестьянская крепость должна была выработать для них свои особые нормы, которые составили очень сложный юридический узел. Его довольно трудно распутать по памятникам законодательства: последнее и здесь держалось так же, как в вопросе о праве на личность и труд крестьянина, выжидало, какие отношения выработает практика, чтобы потом утвердить их с надлежащими поправками. Но с помощью порядных записей можно разобрать, по крайней мере, главные нити, из которых сплелся этот узел. И здесь отношения направлялись той же ссудой, которая поставила издельное крестьянство под действие начал долгового холопства; но здесь она имела иное значение. Крестьянская ссуда во многом не была похожа на холопий заем. Холоп занимал деньги: крестьянин брал в ссуду сельско-хозяйственный инвентарь, *крестьянский завод*, или также деньги, но непременно на этот за-

вод. Заем холопа, служа источником его обязательной службы, не был хозяйственным средством для последней; крестьянская ссуда выдавалась именно для того, чтобы дать крестьянину средства тянуть его крестьянское тягло. Холопий долг зарабатывался службой; крестьянская ссуда или возвращалась владельцу или оставалась на крестьянине бессрочным долгом. Из 103 крестьянских и бобыльских договоров в новгородских крепостных книгах 86 заключены со ссудой, не считая в том числе порядных с одной льготой без ссуды. В 20 случаях крестьянин обязывался возвратить ссуду или по прошествии льготных лет или когда наживет ее, и только в одной порядной часть ссуды взята «без отдачи». В порядной 1628 г. крестьянин, взяв полный инвентарь, обязался платить эту ссуду «исподоволу». Из этого можно заключить, что ссуда часто возвращалась и еще чаще оставалась в пользовании крестьянина неопределенное время до востребования; но ни в одной порядной не находим условия, чтобы она погашалась изделием. Впрочем, и возврат ссуды не очищал крестьянского имущества от владельческих притязаний. Огромное большинство крестьянских хозяйств создавалось с помощью ссуды: многие вольные люди приходили рядиться к владельцам без всего, только «душею да телом, в готовый двор ко всему крестьянскому заводу», по выражению порядных. Пользование крестьянским двором и другими хозяйственными статьями, которые не оплачивались ни оброком, ни изделием, ложилось на крестьянское имущество непрерывно-растущим налетом. Из всего этого вместе с ответственностью владельца за своих крестьян перед казной сложился взгляд на крестьянское имущество, как на совместное дело владельца и крестьянина и предмет их совместного владения, в котором оба участника имеют свои законные доли и по этим долям несут свои особые обязанности. Этот взгляд сообщил *крестьянским животам* характер своеобразного и сложного юридического института. Всего труднее провести в нем границы прав обоих совладельцев. Крестьянские договоры оказывают некоторую помощь в этом затруднении. Все условия ссудных записей построены на мысли, что животы крестьянина составляют его собственность: без этой мысли не имели бы смысла условия о возврате ссуды и уплате неустойки,

крестьянского заряда, за неисполнение обязательств. Далее, по ссудным записям видим, что животы крестьян переходили по наследству к их женам и дочерям. Многие вольные люди, рядясь в крестьянство, не заводили новых хозяйств, а садились на участки умерших крестьян, «в их дворы и хоромы и в их животы», женясь на их дочерях или вдовах. Эти животы имели значение ссуды, которую давал им владелец; женитьба на наследнице была непременным условием их получения; но и жених не мог получить их, не порядившись в крестьяне к владельцу, на земле которого жил отец или прежний муж его невесты. Точно также и при жизни крестьяне пользовались известным простором в распоряжении своими животами. Подростки из вольных людей и крестьянских детей принимались в дома крестьян к их дочерям и внучкам «в годы и в животы»; это значит, что вольный парень давал на себя землевладельцу ссудную запись, уговорившись наперед с его крестьянином стать зятем последнего и жить у него в доме известное число лет, после чего тесть обязывался выделить ему условленную часть своих животов. Образчиком такого двойного договора может служить одна порядная 1648 г. Бывший холоп порядился в бобыли к Муравьеву, на крестьянке которого женился, обязавшись жить у тестя 8 лет и слушаться его во всем, с условием, отжив урочные лета, взять у тестя треть всего, скота, хором, хлеба и участка, пашенной и огородной земли. Он мог уйти от тестя, не дожив до срока, но тогда лишался права на долю животов и превращался из сожителя, товарища, в простого наемника, которому тесть обязан был заплатить по рублю за каждый прожитой у него год. Однако, покинув тестя, он оставался крепостным Муравьева: «а бобыльство бобыльством». Такой приемыш, отжив урочные годы, мог отделиться от тестя с зажитой частью его животов и сесть на особый участок по новому уговору с владельцем. Иные рядились и без урочных лет, прямо на известную долю животов тестя, только с обязательством жить и работать с ним вместе. Но иногда вольные люди рядились к владельческим крестьянам в срочную или бессрочную работу за долг или за наемную плату на обычных условиях жилой записи, не роднясь с хозяевами: так как они не получали условленной доли в хозяйских животах, то не давали на себя и порядных

записей владельцев своих хозяев, не становились их крепостными. Нам известны две такие жилые записи 1648 и 1681 г. [1]). Значит, крестьяне свободно располагали своим имуществом, но с одним условием: наследники или участники их животов обязаны были стать крепостными их господ, если не были ими.

Законодательство не касалось прямо отношения владельцев к имуществу крестьян. Внимание *Уложения* занято более всего крестьянскими побегами и столкновениями владельцев из-за беглых; но при помощи порядных можно несколько уяснить его взгляд на юридическое значение крестьянских животов. *Уложение* представляет эти животы неразрывной принадлежностью крестьянина: его выдавали из бегов, по суду переводили от одного владельца к другому непременно «со всеми животы и с хлебом стоячим и с молоченым». Но *Уложение* допускает случаи, когда животы отрывались от крестьянина. Если принявший беглого крестьянина по иску его владельца сознавался в приеме, но показывал под присягой, что принял его без животов, животы беглеца не выдавались вместе с ним его владельцу. Далее, беглая крестьянская дочь, вышедшая в бегах за крестьянина чужого владельца, выдавалась своему вместе с мужем; но животы последнего оставались у его прежнего владельца. Закон считал крестьянские животы юридически привязанными к месту, где с них шло тягло. Из этого открывается правило, которым он руководился в разрешении споров о беглых: *лицо выдавать по крепости, животы по тяглу*. *Уложение* считало справедливым отнять у владельца крестьянина, которого он допустил жениться на беглой, но не находило правомерным отнять у него и животы этого крестьянина, следовательно, признавало за владельцем известное право на них рядом с правом крестьянским, которое беглый или женившийся на беглой терял за свою вину. Мерой владельческого права *Уложение* признавало именно ссуду: если владелец беглого, требуя его выдачи с животами, в иске своем не обозначал их стоимости, суд по *Уложению* ценил их в 5 руб., а это был тогда наиболее обычный, нормальный размер крестьянской ссуды. Тою же мерой опре-

[1]) *Новг. креп. кн.*, № 35, л. 388 и 308. *Нижег. креп. кн.*, № 41, л. 53.

деляли свою долю и сами владельцы: передавая крестьян другим владельцам или отпуская их на волю, они оставляли при них животы, иногда выделяя из них только свою ссуду. Братья Протопоповы, отдав в 1647 г. Веригину за долг крестьянина с женой и детьми, предоставили ему право вывести уступленную семью в свою вотчину или в поместье со всем, кроме животов «что мы ему давали в подмогу». Крестьянское тягло считалось по праву неразрывно связанным с крестьянскими животами. В XVII в. не понимали тяглого крестьянина без инвентаря: такой крестьянин сходил с тягла, и владелец, не восстановлявший его тягловой способности, подвергал вопросу свои права на него. Судебная практика XVII в. строго проводила взгляд на крестьянские животы, как на собственность крестьянина: Котошихин уверяет, что у землевладельцев, разорявших крестьян поборами великими не по их силе, отнимали поместья и вотчины, а перебор взыскивали с разорителей и возвращали крестьянам, «а впредь тому человеку поместья и вотчины не будут даны до веку». Итак, крестьянские животы состояли из двух частей с различными собственниками: одна, соответствовавшая ссуде, принадлежала землевладельцу и подлежала возврату по его требованию; другая была собственностью крестьянина, но с ограниченным правом распоряжения. Ограничение состояло, во-первых, в том, что крестьянин не мог передавать своих животов лицу, которое не было крепко его владельцу, во-вторых, в том, что все хозяйственные действия крестьянина подлежали надзору владельца, как ответственного опекуна его труда и животов.

Так вырабатывались путем ссудных договоров в поставленных законом пределах два порядка отношений, входивших в юридический состав крепостного права на крестьян: власть землевладельца над личностью крестьянина и власть над его имуществом. Основанием первой было вытекавшее из ссуды и не прекращаемое по воле крестьянина право распоряжения его трудом, ограниченное крестьянской вечностью и владельческой ответственностью за податную способность крестьян; вторая состояла в вытекавшем из того же источника праве собственности на часть животов крестьянина, соединенном с обязанностью поддерживать его инвентарь, и в обусло-

вленном податной ответственностью надзоре за крестьянским хозяйством. В связи с этими двумя порядками и под их влиянием складывался третий—власть землевладельца над потомством его крестьянина.

В 1623 г. Троицкому Сергиеву монастырю по суду выдан был из бегов его *старинный* крестьянин, сбежавший с отцовского двора и участка. Он выдан был «по старине», как значится в поручной записи о нем, а не по крепости. Отсюда можно заключить, что, садясь на участок отца, он не дал на себя особой порядной записи, а просто принял на себя по наследству вместе с участком и животами отца обязательства его договора. Звание *старинного*, какое акт 1623 г. усвояет беглецу, показывает, что в начале XVII в. землевладельцы смотрели на родившихся у них в крестьянстве детей крестьян, как на родившихся в их дворах детей кабальных холопов, считали их крепкими без крепости, по происхождению. Еще любопытнее то, что на старинных беглых крестьян, повидимому, не простиралась давность побега. Упомянутый крестьянин бежал до 1612 г., а такой давностью в то время не пользовался и Троицкий монастырь. Точно так же в 1614 г. указано было возвращать на покинутые участки беглых старинных крестьян Иосифова Волоколамского монастыря без всякого намека в грамоте на срок давности. В писцовых книгах времени царя Михаила встречаем нередко замечания об иных крестьянах, что они вывезены или отданы «по старине». Но поземельные отношения крестьян мешали строгому применению к их сыновьям кабальной старины. Крестьянские участки не были наследственны: подобно поместьям, они переходили от отца обыкновенно к одному из сыновей не по праву, а по хозяйственному удобству. Остальные сыновья или при жизни отца, или после него рядились на отдельные участки обыкновенно с новой ссудой. В том и другом случае они считались вольными людьми, которые могли рядиться не только к своему, но и к чужому владельцу, могли даже ни к кому не рядиться и выйти из крестьянства. До самого *Уложения* идут порядные крестьянских сыновей с отцовыми или чужими владельцами. Еще в апреле 1649 г. встречаем договор крестьянского сына, который, оставшись малолетним по смерти отца, долго бродил по наймам и, наконец, порядился в поместье, где жил отец, на отцовский участок, в «готовые

хоромы и к готовой ржи сеяной» [1]). Согласно с этим семейные люди, рядясь в крестьяне, давали крепости обыкновенно только на себя, иногда со взрослыми сыновьями, не упоминая о малолетках: то были личные обязательства, не простиравшиеся на потомство. Мысли, что крестьянские дети остаются вольными людьми, пока не сядут на тягло, держалось и законодательство до 1640-х годов: указы о приборе вольных людей на пустоши предписывали сажать на пустые участки нетяглых детей, братьев и племянников тяглых крестьян «по уговору, на которой доле кто похочет сести». Так мысль о кабальной старине вытеснялась в крестьянской среде мыслью о старине *тягловой:* сын тяглеца укреплялся не там, где родился, а там, где рядился в тягло и обжился, «застарел» в нем. Мысль эта была крепко укоренена в умах первой половины XVII в. В 1641 г. Троицкий монастырь искал двух крестьян, перешедших в посад г. Владимира. Посад отвечал встречным иском, доказывая, что один из этих крестьян до перехода в монастырскую вотчину был посадским человеком владимирцем. По суду этот крестьянин выдан был монастырю, потому что он за Троицким монастырем «застарел и в Володимере на посаде в тягле не живал и податей никаких не плачивал». Еще выразительнее случай с тем же монастырем в 1640 г. Архаров искал в нем своих давних беглецов, кабальных людей, дети которых, родившиеся в бегах, поженились на монастырских крестьянках, взяли ссуду и порядились за монастырь в крестьяне. По государеву указу, этих холопьих детей велено выдать Архарову, но с уплатой ссуды, данной монастырем. Не имея чем заплатить, Архаров отказался от присужденных ему людей в пользу монастыря, объяснив свой отказ любопытным соображением: «а они в троицких вотчинах *застарелися*». Казне представляли важные выгоды обе старины, и кабальная, и тягловая: первая прекращала бродячесть нетяглых крестьянских детей; вторая, обеспечивая казне доходность новых тяглецов, побуждала владельцев заботиться о поземельном устройстве крестьянских подростков, обзаводя их инвентарем на отдельных тяглых участках, прежде чем они успе-

---

[1]) *Новгор. крепк. кн.* № 36, л. 73.

вали устроиться на чужих землях. В писцовом наказе 1646 г. правительство задумало соединить эти выгоды. Предпринята была общая перепись тяглых людей, городских и сельских. Писцам указано было записать всех тяглых людей поименно с живущими при них нетяглыми сыновьями и родственниками на тех местах, за теми владельцами или обществами, где их застанут, а беглых записывать на покинутых местах, на основании действовавшего тогда срока давности, лишь в том случае, если они бежали не далее 10 лет до переписи; убежавших раньше записывали там, где их заставала перепись. Удовлетворяя неоднократным ходатайствам служилых людей об отмене срока давности, правительство обещало, что впредь тяглые люди с детьми и родственниками будут крепки по переписным книгам «и без урочных лет», т.-е. землевладельцы и общества получали право бессрочно возвращать беглых, записанных за ними в этих книгах. Статьи *Уложения* о беглых крестьянах основаны на этом наказе 1646 г. Новый закон, прежде всего, распространял на крестьянских детей вечность крестьянскую, которой подлежали их отцы, т.-е. устанавливал наследственность крестьянского состояния. Этим прекращались очень частые переходы крестьянских детей в холопство, продолжавшиеся до *Уложения*. Далее, закон, повидимому, признавал давнюю мысль владельцев о приложении к крестьянским детям принципа старины, укреплял последних за первыми, как укреплялись за господами родившиеся в холопстве дети кабальных холопов. Но с тех пор, как обнаружилось это владельческое притязание, в крестьянские договоры вошло новое обязательство о вечной, т.-е. пожизненной зависимости крестьянина, не прекращавшейся смертью владельца, за которого он рядился. Поэтому старина крестьянских детей должна была стать не кабальной, а полной, наследственной и потомственной, подобно старине докладных холопов, отцы которых умирали, не успев выйти на волю. Однако, законодательство не отказалось и от мысли о тягловой старине: отменив срочную давность для исков о беглых, оно и после *Уложения* допускало давность бессрочную. Благодаря такой двойственности взгляда законодательства, юридическое положение крестьянских детей после *Уложения* составляет один из самых темных

вопросов в истории крепостного права. Приведенного в известность материала недостаточно для разрешения этого вопроса. Действию наказа 1646 г. надобно приписать появление в 1647 г. самого выразительного признака крепостной зависимости крестьянских детей— отпуска их на волю с отпускной: в новгородской книге записана отпускная, данная Муравьевым в декабре того года родившемуся у него в крестьянстве старинному крестьянскому сыну. Но здесь же находим указание и на то, что накануне издания *Уложения* вечность крестьянская еще не распространялась на крестьянских детей: отпущенник Муравьева тотчас вступил в кабальное холопство к Веревкину. Но, перестав считать крестьянских детей, еще не севших на тягло, вольными людьми, закон не разъяснил, обязаны ли они садиться на тягло по требованию владельца, т.-е. потеряли ли право рядиться с ним, садясь на особые тяглые участки. Следовало бы думать, что потеряли, потому что укреплялись за владельцем не личным договором, а государственным актом, писцовою книгой. Так и понимал дело в 1660 г. тюменский воевода: восставая против взгляда на крестьянских подростков, как на вольных людей, он сыскивал и верстал в тягло тех из этих «подрослей», сыновей казенных крестьян, которые, находясь при неспособных к работе стариках-отцах или оставшись малолетними сиротами, не брали участков, когда поспевали в тягло. Но принудительное верстание возбуждало трудный вопрос о ссуде: сажая подростка на тяглый участок, въ большей части случаев его необходимо было обзавести инвентарем. Притом владелец должен был содержать остававшихся без животов малолетних сирот, чтобы сохранить на них право: отказ от этого равнялся их отпуску на волю. Таким условным характером писцового прикрепления крестьянских детей объясняются договоры последних с своими и даже чужими владельцами после издания Уложения. Встречаем несколько таких договоров в новгородских крепостных книгах 1649 и 1650 гг. Рядились большею частью дети крестьян или бобылей, остававшиеся малолетними сиротами и кормившиеся по миру или по наймам; иные в порядных зовутся «вольными». Выше упомянуто о договоре одного такого сироты на отцовский участок в апреле 1649 г. В сентябре порядился в кре-

стьяне за Турова бобыльский сын, отец которого жил за отцом этого Турова. В марте 1650 г. уроженец дворцового села, оставшийся малолетком после отца и живший на родине или уходивший на сторону работать, порядился в то же село, уже ставшее вотчиной новгородского митрополита. Один документ несколько разъясняет, какими интересами вызывалось и как устанавливалось принудительное верстание крестьянских детей в тягло. Уже в самом конце XVII в. маломочные крестьяне одной деревни Иверского монастыря жаловались на то, что у них в деревне есть крестьянские дети бестяглые, люди семьянистые, которые в тягло поспели, а тягла не берут и их, одиноких работников, «в пашне изобижают». Челобитчики просили, чтобы монастырские власти указали им, крестьянам той деревни, «промежь себя поровняться», т.-е. просили предоставить деревенскому обществу самому произвести передел участков, сложив часть пашни и платежей с малосильных тяглецов на семьянистых и бестяглых подростков [1]). Монастырь не принуждал последних к тяглу, а они как будто считали себя в праве брать или не брать тяглые участки; но старые тяглецы во имя справедливого распределения крестьянских тягостей требовали участия в тягле крестьянских детей; считая их, как считал и тюменский воевода, такими же вечными тяглецами, какими были сами. Значит, принудительное верстание крестьянских детей вышло не прямо из их писцового прикрепления, а из условия, его сопровождавшего, распространения на этих детей крестьянской вечности их отцов. Такое же колебание законодательства заметно и в другом последствии наказа 1646 г. По смыслу этого наказа и статей Уложения, перепись укрепляла не только наличных, но и будущих детей крестьян. По одной статье Уложения беглые крестьяне выдавались истцам с женами и детьми, при них жившими, хотя бы последние и не были записаны в писцовых книгах; но сыновья, успевшие отделиться от отца, оставались у ответчика. Исключение, очевидно, допущено во внимание к интересу приемщика, который устроил подростка в тягло.

---

[1]) Новг. кр. кн., № 35, л. 411; № 36, л. 473 и 433. Доп. к А. И., IV, № 92. Р. Ист. Библ., V, № 403.

Так наказ 1646 г. не вносил ничего нового в юридическое содержание крепостного права: он только пытался подложить политическое основание под юридическое последствие, вытекшее из приложения начал кабального холопства к детям крепостных крестьян. Признавая укрепление этих детей по праву старины, он косвенно обусловил это право обязанностью владельцев устроивать в тягло своих старинных крестьянских сыновей. Такую крепость, составленную посредством сочетания старины кабальной с тягловой, можно назвать стариной писцовой. Согласно со своим двойственным составом, она привела к двум последствиям. Во-первых, под ее влиянием в крестьянских договорах является новое условие о потомстве. Во-второй половине XVII в. вольные люди обыкновенно рядились в крестьянство с женами и детьми, даже будущими, если были холостыми. В порядной 1687 г. вольный человек, рядясь за кн. Черкасского, обязывался жить за ним «с женою и с детьми, а по мне и внучатом моим по смерть свою» [1]). С другой стороны, писцовая старина облегчила дробление крестьянских семей и вывод крестьянских детей из крестьянства. Она отделила крепостное право на личность крестьянского сына от права распоряжения его трудом: крестьянский сын, не получивший ссуды, не переставая быть крепостным, мог оставаться бестяглым, живя за тяглом отца, дяди или брата. Это разделение спутало установившиеся крепостные различия. Прежде различали крепостных людей тяглых или крестьян и нетяглых или холопов. Теперь явился новый крепостной класс—нетяглых крестьянских детей. Из этой путаницы к концу XVII в. развились два обычая: владельцы начали не только верстать в тягло крестьянских подростков, но и отчуждать их, как крепостных крестьян, отдельно от отцов, дробя крестьянские семьи, а как людей нетяглых, переводить их в дворовые холопы. Уложение запрещало брать служилые кабалы на крестьянских детей; владельцы переводили их во двор без кабал. Закон молчаливо признал тот и другой обычай; только указом 1690 г. было предписано, чтобы крестьянские дети, взятые во двор владельца, по смерти его выходили на волю подобно кабальным холопам. Это движение

---

[1]) Нижегор. креп. кн., № 41, л. 90.

крепостного крестьянства в сторону холопства встретилось с противоположным движением холопства в сторону крестьянства: с того времени, как крестьянство под влиянием холопства стало превращаться в крепостное состояние, под его воздействием в холопстве начал складываться класс задворных людей, усвоявший себе юридические и экономические особенности крепостного крестьянства. Этот любопытный двойной процесс, завершившийся первой ревизией, относится уже к истории не зарождения, а перерождения крепостного права и требует особого исследования.

Разбирая юридический состав крепостного права на крестьян, как оно сложилось к концу XVII в., легко различить в нем основные элементы долгового холопства: заем, работу за рост и старину. Но эти элементы, осложнившись условиями крестьянского состояния, прежде и более всего государственным тяглом, получили особый юридический характер, и, благодаря этому осложнению, прямые и резкие очертания долговой холопьей крепости в крестьянстве превратились в изогнутые и иногда неясные линии. Займу с погашением соответствовала ссуда с возвратом или без отдачи; служба за рост «по вся дни», срочная или по смерть господина, превратилась в пожизненное и наследственное владельческое тягло, состоявшее из оброка за нанятую землю, соединенного с изделием за ссуду по уговору или владельческому уставу; притом, тягловые отношения осложнились отношениями имущественными, вытекавшими из поземельной ссуды и тягловой ответственности владельца за крестьянина; наконец, кабальная старина под влиянием тягла переродилась в старину писцовую, т.-е. в наследственную власть владельца над потомством крестьянина, обусловленную обязанностью его хозяйственного обзаведения. Таким образом, крепостная зависимость крестьянина имела двойное основание, поземельную ссуду под условием изделья, соединенную с наймом земли под условием оброка, и из этого источника вытекали два последствия: 1) наследственная власть владельца над личностью и трудом крестьянина и его потомства, без права вывода крестьянина из крестьянства и под условием податной ответственности за него, 2) наследственная власть над имуществом крестьянина, слагавшаяся из права собственности на ссудную часть его и из права надзора за крестьянским хозяй-

ством и ограниченная юридической неразрывностью крестьянского тягла с крестьянскими животами. Ограничиваясь юридическими моментами развития крепостного права на крестьян, историческое его происхождение можно обозначить таким рядом явлений:

1) Исстари крестьяне на владельческих землях вели свое хозяйство с подмогой от владельцев и за это несли особые повинности сверх поземельного оброка; но эти повинности были простыми долговыми обязательствами, не уничтожавшими личной свободы крестьян, которая выражалась в праве выхода.

2) С половины XVI века, вместе с развитием частного землевладения, усилилась и задолженность крестьян своим владельцам и ссуда стала почти общим условием крестьянских договоров. Вследствие того право выхода уже к концу XVI века начало падать само собою, вырождаясь в формы, или запрещенные законом, или только усиливавшие долговую зависимость крестьян от владельцев.

3) К тому же времени возникновение и развитие кабального холопства породило среди землевладельцев мысль, что крестьянское изделье за подмогу создает такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую ставит кабального холопа служба за рост. Под влиянием этой мысли приблизительно со второй четверти XVII века в крестьянские договоры стали вносить условие, по которому крестьянин, нанимая землю с подмогой владельца, закреплял свои поземельные и долговые обязательства отказом навсегда от права прекращать основанную на этих обязательствах зависимость. Это условие сообщило крестьянскому поземельному договору значение личной крепости.

4) Признавая все эти последствия кабального права, законодательство ограничивало их известными условиями, которые все сводились к требованию, чтобы тяглый крестьянин, став крепостным, не переставал быть тяглым и способным к тяглу. Благодаря этим условиям, крестьянская крепость, развивавшаяся из кабальной, не сделалась холопьей, отличаясь от нее, во-первых, тем, что она давала владельцу право только на часть крестьянского труда и имущества, во-вторых, тем, что все владельческие права на крестьянина были обусловлены государственными обязанностями.

5) Около половины XVII века, утвердив наследственность крестьянского состояния, законодательство признало и наследственную власть владельцев над потомством их крестьян, развившуюся раньше из приложения кабальной старины к крестьянским детям, чем было завершено образование крепостного права на крестьян. Но и эту власть закон поставил, хотя и не прямо и не решительно, не на кабальном, а на политико-экономическом основании, обусловив ее обязанностью тяглового хозяйственного устройства крестьянских сыновей.

И так крепостное право в России было создано не государством, а только съ участием государства: последнему принадлежали не основания права, а его границы.

Подушная подать и отмена холопства в России [1]).

I.

Первая ревизия.

Подушная подать, повидимому, не могла иметь прямой связи с юридическими процессами нашей истории, особенно с теми гражданскими отношениями, в круг которых входило древнерусское холопство. Это была очень важная перемена в государственном хозяйстве, сопровождавшаяся не менее важными последствиями и для хозяйства народного; но с первого взгляда трудно заметить, какие последствия могли выдти из нее для гражданского права и в частности для холопства. Между тем, подушная подать не только оказала действие в этом направлении, но и сама могла быть введена только благодаря издавна подготовлявшимся переменам в порядке гражданских отношений, с которыми тесно связано было древнерусское холопство.

Вскоре после победы под Полтавой докончено было Петром завоевание Эстляндии и Лифляндии. В 1714 году довершено было покорение Финляндии, а победа над шведским флотом при Гангуде и занятие Аландских островов в том же году избавляли новую столицу России от опасности шведского нападения. Вместе с этим наступал конец страшного напряжения военных сил, в каком уже 14 лет держала Россию война с Швецией. Мир был еще далеко, но борьба уже переносилась с боевого поля в дипломатические кабинеты. В 1718 году на Аландских островах начались мирные переговоры шведских уполномоченных с русскими. Петр начинал думать о постановке ново-

---

[1]) Русская Мысль, 1886, №№ 5, 7, 9 и 10.

рожденной и испытавшей такое тяжкое боевое крещение регулярной армии на мирную ногу, а с этим неразрывно связывался вопрос о правильном устройстве ее размещения и содержания. Эту армию, комплектуемую рекрутскими наборами из разных классов населения, нельзя было распустить по домам, как распускалось в прежнее время дворянское конное ополчение для мирных занятий по своим поместным и вотчинным деревням. Регулярные полки необходимо было и по окончании военных действий держать под ружьем на постоянных казенных квартирах и на казенном содержании. Мысль об устройстве этого содержания уже давно тяготила Петра. По смете, составленной в 1710 году, на содержание полевой армии, гарнизонов и флота, на артиллерию и другие военные расходы шло немного более трех миллионов рублей, тогда как на остальные нужды казна тратила только 800 тысяч с небольшим: войско поглощало около 78% всего бюджета расходов. Между тем, сметив государственные доходы за 1707—1709 годы, нашли, что средняя ежегодная сумма доходов не превышала 3.134 тысяч: ежегодный дефицит простирался до 700 тыс. Значит, обыкновенными доходами казна покрывала только $^4/_5$ того, что расходовала; разницу она должна была восполнять экстраординарными средствами.

Необходимость прибегать к таким средствам в мирное время Петр задумал устранить очень своеобразным планом расквартирования и содержания полков. В то время, как его уполномоченные на Аландском конгрессе вырабатывали условия мира с Швецией, был издан указ 26 ноября 1718 года, изложенный с тем торопливым лаконизмом, каким отличался законодательный язык Петра [1]). Первые два пункта этого указа гласили: 1) «взять сказки у всех (дать на год сроку), чтоб правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола, объявя им то, что кто что утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том; 2) росписать, на сколько душ солдат рядовой с долею на него роты и полкового штаба, положа средний оклад». По смыслу указа, этот средний оклад должен быть выведен посредством деления стоимости содержания солдата на число наличных податных душ, какое придется на него по затребованным сказкам. Вычисленный

[1]) П. С. З., V, № 3245.

таким способом подушный оклад заменял собою все обыкновенные казенные подати и работы, падавшие до того времени на тяглое население. При каждом полку полагалось два комиссара, земский и полковой: первый, избираемый дворянами приписанного к полку уезда, должен был собирать с крестьян того уезда подушные деньги на содержание полка, а второй— принимать эти деньги у первого. Далее указ обещал, что будут посланы особые «росписчики», которые распишут полки по душам и проверят на местах самые сказки, которые будут даны им для этой душевой раскладки; крестьян, не заявленных в сказках, указ обещал отдавать с землей и со всем имуществом тем раскладчикам, которые их откроют. В свою очередь и раскладчики ставились под надзор полковых офицеров, которые обязаны были доносить на них, если и они станут скрывать пропущенных в сказках крестьян, не занося их в росписи душ по полкам; донесший об этом офицер получал утаенных крестьян вместе со всем движимым и недвижимым имуществом раскладчика. Наконец, как раскладчикам, так и самим офицерам указ грозил смертною казнью за неисполнение возложенных на них обязанностей.

Этот указ, подтвержденный и разъясненный в 1719 году рядом других, задал тяжелую и ответственную работу губернским начальствам и сельским управлениям, как и самим землевладельцам. Составление сказок о душах по селам и деревням возложено было на помещиков и вотчинников, а где их не было—на приказчиков с сельскими старостами и выборными людьми. За утайку душ указы грозили приказчикам и старостам с выборными людьми смертною казнью без всякой пощады, с бесповоротною отдачей утаенных душ обещанным раскладчикам и другим «доносителям», если утайка откроется в имениях частных владельцев, церковных или светских. Если сказки, в которых откроется утайка, составлены самими землевладельцами, у них, взамен смертной казни, велено было отбирать двойное количество крепостных против утаенного числа душ. Губернаторам было предписано назначить чиновников, которые собирали бы сказки и по ним составляли ведомости о числе душ. В течение 1719 года сказки и ведомости велено было из всех губерний выслать в Петербург к бригадиру Зотову, который по ним составлял росписи душ по уездам

и сличал их с переписными книгами 1678 года. Губернаторам за неисправность указы также грозили «жестоким государевым гневом и разорением». Несмотря на все угрозы, до декабря 1719 года присланы были Зотову сказки лишь из немногих мест и те оказались в большинстве неисправными. Тогда сенат разослал по губерниям гвардейских солдат с предписанием собрать неисправных чиновников в канцелярии, заковать в железа, не исключая и виновных в неисправности губернаторов, и держать их на цепях, не выпуская никуда, пока не приготовят и не пошлют в Петербург всех сказок и ведомостей. Неизвестно, как исполнено было это суровое предписание, но сказки продолжали высылать из губерний еще в начале 1721 года. Притом возникло новое затруднение, которым замедлялось дело. Указ 26 ноября 1718 года говорил только о переписи крестьян. Потом велено было заносить в сказки и дворовых, которые жили в деревнях. Несмотря на то, многие писали только крестьян. Поэтому в начале 1720 года затребованы были дополнительные сказки. Наконец, обнаружена была «многая утайка»: из указа 15 марта 1721 года узнаем, что к тому времени было приведено в известность более 20 тыс. утаенных душ. Чтоб ускорить присылку дополнительных сказок из губерний, сенат в начале 1721 г. пригрозил неисправным провинциальным воеводам вызовом в Петербург к розыску с конфискацией их поместий и вотчин, а для устранения утайки указом 11 мая того же года велено было губернаторам и воеводам проверить поданные сказки о дворцовых и церковных людях и подлежащих переписи разночинцах и с этою целью самим объехать города, села и деревни, где жили люди этих званий, а в случае болезни послать туда надежных чиновников. Проверка должна была непременно кончиться к 1 сентября того же года. Св. синод хотел оказать правительству содействие в этом деле и, вместе с печатными экземплярами сенатского указа, 11 мая разослал по епархиям инструкции, в которых особенно строго предписывал приходскому духовенству помогать губернаторам и воеводам в проверке подушной переписи, сообщая им об утаенных или пропущенных в сказках прихожанах. Указ св. синода гласил, что священники и причетники, которые будут покрывать замеченную ими утайку душ, «лишатся санов своих и мест и имения и по беспощадном на теле нака-

зании порабощены будут каторжной работе, хотя б кто и в старости немалой был» [1]).

Наконец, после многих законодательных хлопот и административных волнений, соединенных с угрозами, пытками и конфискациями, которые служили обычною смазкой для колес тогдашней правительственной машины, ревизские сказки были стянуты из губерний в канцелярию бригадира Зотова и к началу 1722 г. сосчитаны: оказалось 5 миллионов ревизских душ. Тогда только стало возможно приступить к душевой раскладке полков. Впрочем, предварительный опыт этой раскладки был сделан еще в 1721 г. Генерал-майору Волкову поручено было расположить два армейских полка, драгунский и пехотный, в Новгородской провинции С.-Петербургской губернии. Инструкция, данная Волкову 27 января того года, оказалась практичною и с некоторыми поправками и дополнениями принята была в руководство при расположении полков в других провинциях, предпринятом в следующем году. Коротенькими указами 10 января и 5 февраля 1722 года Петр в очень немногих строчках изложил сенату общие соображения о том, как произвести «раскладку войска на землю» и кого послать для этого. Полки конные и пешие предписано было размещать, «смотря по ситуации мест»; полки, которым по росписи достанутся отдаленные провинции, велено было селить в ближайших новозавоеванных областях: Ингрии, Карелии, Лифляндии и Эстляндии, в которых не было произведено подушной переписи. По соображению штатного состава армейских частей с ситуацией мест и с собранными в канцелярии Зотова данными о населенности губерний, военная коллегия составила предварительную общую роспись полков по местностям. Для расквартирования полков в 10 губерний, где произведена была подушная перепись, командированы были 5 генералов, 4 полковника и 1 бригадир. Каждому из них назначено было по нескольку провинций, на которые делились тогда губернии и которые подразделялись на уезды. Получив от сената инструкцию для раскладки, в военной коллегии список полков, которые предстояло разложить по ревизским душам в известных

---

[1]) П. С. З., №№ 3458, 3460, 3492, 3707, 3762, 3782, 3787.

провинциях, а из канцелярии Зотова подробную ведомость о количестве этих душ, посланный, приехав в свой округ, должен был созвать местное дворянство, объявить ему правила раскладки и пригласить его к содействию раскладчикам. Полки размещались поротно: на каждую роту отводился сельский округ с таким количеством ревизского населения, чтобы на каждого пешего солдата приходилось по $35^1/_2$ душ, а на конного $50^1/_4$ душ муж. пола [1]). Инструкция предписывала раскладчику настаивать на расселении полков особыми слободами, чтобы не расставлять их по крестьянским дворам и тем не вызывать ссор крестьян с постояльцами. С этою целью раскладчики должны были уговаривать дворян построить особые избы, по одной для каждого урядника и по одной для двух солдат. Каждая слобода должна была вместить в себе не менее капральства и находиться в таком расстоянии от другой, чтобы рота конная была размещена на протяжении не далее 10 верст, а пешая не далее 5, конный полк на протяжении 100, пехотный на протяжении 50 верст. Если дворяне не соглашались на постройку полковых слобод, солдат разводили по крестьянским дворам, применяясь по возможности к правилам слободского расселения. В середине ротного округа предписывалось дворянству построить ротный двор с двумя избами для обер-офицеров роты и с одной для низших служителей, а в центре расположения полка двор для полкового штаба с 8 избами, гошпиталем и сараем. Расположив роту, раскладчик передавал первому ротному офицеру список деревень, по которым она размещена, с обозначением числа дворов и ревизских душ в каждой; другой такой же список он передавал помещикам тех деревень. Точно также он составлял список селений, по которым размещался целый полк, и передавал его полковому командиру. Для содержания размещенных таким образом полков, дворянство должно было сомкнуться в уездные корпорации, ответственными агентами которых становились земские комиссары. Ежегодно в декабре уездное дворянство должно было собираться для выбора нового комиссара и для проверки действий

[1]) Так в одних инструкциях; в других назначено на пехотинца по $35^{15}/_{16}$, на кавалериста—по $50^5/_8$ душ.

прежнего, с правом судить и штрафовать последнего за незаконные действия; только в случае вины, подвергавшей земского комиссара «смерти или публичному наказанию», дворянство должно было отсылать виновного в губернский надворный суд [1]). Но прежде чем приступить к раскладке полков на души, раскладчики должны были проверить ревизские сказки о числе душ в своих округах. Эта проверка была вторичною ревизией, которая вызвала не меньше затруднений, чем первая. В поданных сказках обнаружилась огромная утайка и прописка душ, и первоначально сосчитанною цифрой 5 мил. стало невозможно руководствоваться при разверстке душ по полкам. Правительство обращалось к землевладельцам, приказчикам и старостам с угрозами и ласками, назначало последовательно несколько последних сроков для заявления утаенных и пропущенных в сказках душ, и все эти сроки пропускались, после каждого из них оказывалось много душ, оставшихся не заявленными. В 1723 г. бригадир Фамендин, проверяя сказки в ясачных волостях Казанского уезда, населенных преимущественно инородцами, на 1,019 чел., записанных в сказки, насчитал 1,995 утаенных душ, живших в одних дворах с записавшимися. Притом, частию по неясности указов и инструкций, а еще более по неуменью понимать их, сами ревизоры путались в сортировке душ, не знали, кого зачислять в подушный оклад, кого переписывать только для сведения, не кладя в подушный сбор, и кого совсем не писать. Со своими недоумениями они обращались к правительству, и по этим запросам Петру с сенатом пришлось написать длинный ряд разъяснений и дополнительных инструкций. Вследствие всего этого ревизоры, разосланные по губерниям в начале 1722 г., еще продолжали работу в течение всего 1723 г. и к концу этого года полки не только не были разведены, но не были и расписаны по местам своего подушного расположения. Притом не имелось точных сведений о наличном составе армии, и указом 20 мая 1723 г. только к августу велено было военной коллегии собрать по всем корпусам справки об этом. Точно также земских комиссаров, инструкция которым была составлена еще в начале 1719 г., велено было дворянству каждого

---

[1]) П. С. З. №№ 3873, 3720, 3871, 3899, 3901.

уезда выбрать на 1724 г. заранее, в октябре 1723 г.; но указ, изданный в конце этого месяца, только еще ожидал этих выборов. Несмотря на это, именными указами предписано было проверку сказок «всеконечно» кончить в 1723 г. и самим ревизорам к новому году вернуться в столицу, «понеже по указу Его Величества с предбудущего 1724 г. подушный сбор зачнется». Ревизоры, однако, к новому году не вернулись и заранее донесли сенату, что к 1724 г. своего дела они не кончат; указом 14 января 1724 г. им назначен был крайний срок в марте. Несмотря на то, не только в марте, но еще и в мае сенат продолжал рассылать разъяснения и дополнительные инструкции ревизорам, не успевшим покончить своих работ в губерниях. Пришлось отказаться от надежды начать правильный подушный сбор с 1724 г., и сенат указом 19 мая отложил его до 1725 года [1]).

Впрочем, дело подвинулось уже настолько, что можно было составить план распределения полков по ревизским душам и определить подушный оклад. В подвергшихся ревизии провинциях 10 губерний считалось в мае 1724 г. 5,409,930 душ, подлежавших раскладке на полки, без городских обывателей, положенных в тягло, которых насчитано было 172,385 душ. Из этого числа на 4,941,444 души расписано было 73 армейских и 53 гарнизонных полка. Сверх того, на остатки от подушного сбора с Сибирской губернии, назначенного на содержание 4 гарнизонных и 5 армейских полков, отнесено было содержание гвардейских полков, преображенского и семеновского, расквартированных в Петербургской губернии. Долго не удавалось установить подушный оклад. В 1721 г., при пробном расположении двух полков в Новгородской провинции, положено было считать по 95 коп. с ревизской души. В 1722 г., когда возникла надежда, что ревизских душ наберется больше, чем предполагалось сначала, оклад был убавлен: указом 11 января о раскладке полков на 5 мил. душ велено было считать «по 8 гривен с персоны». Но и этот рассчет оказался неточным, и в декабре 1723 г. Петр еще не знал, сколько придется на душу. Наконец, в 1724 г., когда душ насчитано было гораздо

---

[1]) П. С. З., №№ 4335, 4139, 4145, 4162, 4294, 4229, 4224, 4332, 4340 4413, 4485, 4515.

больше, назначен был окончательный оклад по 74 к. с души. Этот оклад падал одинаково как на владельческих крепостных людей и крестьян, работавших на своих владельцев или плативших им оброк, так и на городских тяглых обывателей, однодворцев и государственных крестьян разных наименований, которые были свободны от таких работ и оброков. Чтоб уравнять в тягостях всех податных плательщиков, предположено было обложить души, не принадлежавшие ни дворцу, ни частным владельцам, дополнительным сбором, применяясь к тому, «как помещики получать будут с своих крестьян, или иным каким манером, как удобнее и без конфузии людям». В 1723 г. этот сбор вычислен был в 40 коп. с души и не был изменен, когда общий подушный оклад понизился до 74 коп., только городские тяглые обыватели и после этого понижения должны были платить подушных и дополнительных 120 коп. Впрочем, и 74-ти копеечный оклад собирался только в первый пробный 1724 год: по указу преемницы Петра, с 1725 г. велено было убавить и этот оклад на 4 копейки [1]).

Присутствуя в сенате 1 мая 1724 г., Петр указал порядок размещения полков: предположено было разводить их большими концентрическими кругами, начать с Московской губернии, продолжить губерниями с нею смежными и окончить губерниями, которые граничили с последними. В августе предписано было полкам двинуться на доставшиеся им по росписи «вечные квартиры»: полки, которые стояли в 500 верстах или немного дальше от этих квартир, должны были идти в полном составе; полки, удаленные от назначенных им мест постоянного расположения на более значительное расстояние, высылали туда своих полковников с указанным числом офицеров и рядовых, оставаясь до времени на прежних квартирах. Вместе с тем полки, называвшиеся до тех пор большею частью по именам своих полковников, должны были получить новые названия—по провинциям, в которых размещались. Петру не суждено было видеть окончание предпринятого им трудного дела: ревизоры с полковыми офицерами, проверявшие ревизские сказки и располагавшие полки по душам, не

---

[1]) П. С. З. №№ 4503, 4472, 3753, 3873, 3894, 4191, 4332, 4390, 3983, 4650.

успели вернуться к 28 января 1725 г., когда преобразователь закрыл глаза; полки разводились по вечным квартирам в продолжение всего 1725 г., а следственные дела об утайке и прописке душ не были очищены и в этом году [1]).

На современный взгляд может показаться странным придуманный Петром способ содержания армии. При расположенном к карикатуре воображении может возникнуть и возникал вопрос: зачем народ, только что окончивший победоносно многолетнюю войну и ценой страшных жертв и усилий оттягавший у давнего врага восточный берег Балтийского моря,—зачем было подвергать его нашествию собственных его победоносных рекрутов с самым детальным указанием, какие капральства и роты на какие именно души садились; можно недоумевать, каким образом понятие, сильно отзывавшееся психологией, ревизская *душа*, стала окладною единицею военно-податного обложения. По 74-копеечному подушному окладу, было назначено на каждый драгунский полк по 60,268$^1/_8$ души, на каждый пехотный по 21,863$^7/_8$ души, и не только назначено, но и точно расписано, какие села и деревни и с какими именно душами должны были содержать известный полк и известную роту полка, так что всякая душа, справившись по книгам земского коммисара, могла рассчитать, какую долю драгуна или пехотинца она кормила и одевала. Мы привыкли к более замаскированному действию военно-государственной машины. Встречая на улице марширующий баталион, мы не умеем сказать, кто из наших сограждан заплатил за его мундиры и ружья и где теперь маршируют баталионы, мундиры и ружья которых оплачены нами. Но здесь разница только в системе рассчета сборов и распределения расходов, в приемах военно-финансовой бухгалтерии: вместо того, чтобы стягивать в общий водоем, называемый министерством финансов, бесчисленные питательные капли и отсюда бесчисленными трубочками распределять собранный запас по армейским частям, требующим питания, Петр хотел поместить каждую часть прямо там, откуда шли назначенные питать ее капли, определив точными правилами размеры ее аппетита. Но странно было не самое располо-

---

[1]) П. С. З., №№ 4542, 4589, 4673, 4701, 4715.

жение полков по душам, а способ вычисления подушного оклада и то отношение, в какое постояльцы поставлены были к хозяевам, их содержавшим. Высчитать стоимость штатного состава полков, потом сосчитать наличное количество тяглых мужских душ, «от старого до самого последнего младенца», наконец, приняв обе найденные величины за неизменные, разделить первую на вторую и полученное частное признать одинаковым для всех подушным окладом, не принимая во внимание неодинаковой доходности труда разных мест, возрастов и промыслов,—произвести такой рассчет мог математик, привыкший обращаться с послушными отвлеченными цифрами, а не финансист, имеющий дело с реальными хозяйственными силами. Прежде всего, самое основание рассчета лишено было всякой устойчивости. С одной стороны, наличное количество душ ежеминутно изменялось, и потому ревизские цифры, по которым рассчитывалась подушная подать, были величины чисто-фиктивные. С другой стороны, такое же фиктивное значение имела и самая окладная единица, ревизская душа: в народном хозяйстве нет душ, а есть только капиталы да рабочие руки; действительными плательщиками были, разумеется, только работники, а не все ревизские души. Таким образом, ревизское число душ не соответствовало наличному, а наличное число податных душ не соответствовало числу действительных плательщиков. Это двойное несоответствие ревизского счета платежной действительности должно было вносить постоянное колебание в действительную разверстку подати: по мере того как одни работники выбывали, а другие подростали, отдельным плательщикам приходилось платить то за большее, то за меньшее число ревизских душ. Математически рассчитанный, однообразный налог, целью которого, по мысли законодателя, было «уравнение подданных в казенных платежах», на деле оказывался чрезвычайно неравномерным. Можно было устранить это неудобство, сообщив ревизской душе значение не платежной силы, какою она не могла быть сама по себе, а только счетной единицы. Такое значение и было дано ей последующим законодательством; по указу 3 мая 1783 г. «подати с мещан и крестьян по числу душ полагаются единственно для удобности в общем государственном счете»; но такой счет не должен стеснять плательщиков «в способах, ими полагаемых

к удобнейшему и соразмерному платежу податей» [1]). Петр в своих многочисленных указах о первой ревизии не разъяснил порядка разверстки нового налога, и подушная подать была понята в самом буквальном смысле: ее не только рассчитывали в податных росписях, но и раскладывали при самом сборе прямо по ревизским душам, а не по работникам. Вскоре по смерти Преобразователя в народе становятся слышны жалобы на такой необычный способ раскладки. В подметном письме 1728 года «вышние господа», между прочим, обвинялись и в том, что они «учинили подушный оклад и тем разорение народу чинят». На допросе с пытки дьячек, составивший письмо, в объяснение этого пункта ссылался на крестьянские толки, подслушанные им на рынке: «подушным-де окладом народу отягчение, и у скудных крестьян хотя 3 или 4 сына маленькие, и с тех подушные деньги велят платить, а у которого крестьянина у богатого сын один, и с того одного подушные берут, и тем в народе неравенство, и они убогие от того холодны и голодны и деться им негде». Впрочем, сохранилось и оффициальное указание на тот же способ раскладки налога, действовавший в первые годы по введении подушной подати. Указом 9 января 1727 г. верховному тайному совету предложено было обсудить ряд мер для приведения внутренних дел в лучший порядок. В одном из пунктов указа, касающихся подушного сбора, встречаем такое предложение: «а почему впредь с крестьян и каким образом удобнее и сходнее с пользою народною—*с души так, как ныне*, или по примеру других государств с одних работников, кроме старых и малолетних, или тот платеж с дворового числа, или с тягол, или с земли положить, о том надлежит немедленно рассуждать и положить» [2]). Подушная подать была тяжела и сама по себе, независимо от способа ее раскладки. Чрезвычайно трудно по сохранившимся неполным данным высчитать ее отношение к прежним подворным налогам, которые она заменила: основания того и другого обложения так несходны, что нельзя сделать никакого точного вывода. Манштейн, повидимому,

---

[1]) П. С. З. XXI, № 15, 724, IV, § 5.

[2]) «Русская Старина» 1880 г., № 5, стр. 129. Сборн. отдел. русск. языка и словесн. Имп. акад. наук, IX, 88.

передал общее мнение людей, помнивших первую ревизию, заметив в записках, что подать, введенная Петром, была вдвое больше прежней [1]). Сопоставляя оба обложения в тех редких случаях, когда данные позволяют хотя приблизительно определить взаимное отношение подворных налогов к подушной подати, приходишь к мысли, что известие Манштейна едва ли можно заподозрить в преувеличении.

Еще страннее было отношение, в какое полки поставлены были к обывателям, их содержавшим. Полки не просто были размещены по душам: правительство хотело сделать их орудием администрации и, сверх их строевых занятий, возложило на них множество полицейских обязанностей. Инструкциями, данными в 1724 г. полковникам и земским коммиссарам, были точно определены порядок сбора подушных денег, повинности обывателей в пользу расквартированных среди них войск и обязанности полковых начальств по наблюдению порядка и благочиния в уездах, в которых размещены их полки [2]). Полковник с офицерами обязан был преследовать воров и разбойников в своем уезде, удерживать крестьян своего округа от побегов и ловить бежавших, наблюдать за беглыми, приходившими в округ со стороны, искоренять корчемство и контрабанду, помогать лесным надсмотрщикам в преследовании незаконных лесных порубок, с чиновниками, командированными от городских управителей в уезд по каким-либо делам, посылать своих людей, которые бы не позволяли этим чиновникам разорять уездных обывателей, и т. п. По мысли инструкций, полковое начальство должно было сельское население уезда «от всяких налогов и обид охранять». На деле это начальство, даже помимо своей воли, само ложилось тяжелым налогом и обидой на местное население, и не только на крестьян, но и на самих землевладельцев. Офицерам и солдатам запрещено было вмешиваться в хозяйственные распоряжения помещиков и в крестьянские работы; но пастьба полковых лошадей и домашнего скота офицеров и солдат на общих выгонах, где пасли свой скот помещики и крестьяне, право требовать в известных случаях людей для полко-

---

[1]) Записки, IV, 109.

[2]) П. С. З., №№ 4533—4536.

вых работъ и подвод для полковых посылок и, наконец, право общего надзора за порядком и безопасностью в полковом округе—все это должно было создавать постоянные помехи нормальному течению помещичьего и крестьянского хозяйства со стороны полкового начальства. Крестьянин не мог уйти на работу в другой уезд даже с отпускным письмом своего помещика или приходского священника, не явившись на полковой двор, где отпускное письмо свидетельствовалось и записывалось в книгу земским комиссаром, который от себя выдавал крестьянину пропускной билет, скреплепный подписью и печатью полковника, взимая за то известную пошлину. Столкновения между постояльцами и хозяевами были тем неизбежнее, что солдаты были поставлены в непосредственное соприкосновение с крестьянским населением, были, так сказать, втиснуты в него, а не размещены особыми поселками. Ревизорам, поверявшим сказки и распределявшим полки по душам, как мы видели, предписано было склонять помещиков к постройке для полков особых помещений, полковых слобод. Дело с этими слободами, вследствие плохо обдуманного плана, вызвало новую сумятоху. В плакате 1724 г. встречаем признание, что большинство помещиков не пожелало строить для полков особых квартир, предпочитая размещение солдат по крестьянским дворам. Плакат превратил предложение в обязательное предписание, повелев строить слободы по месту душевого расположения полков; только для полков, расквартированных не там, где находились содержавшие их души, каковы были полки гвардейские и гарнизонные, слободы велено строить по месту расквартирования, а не душевого расположения. Постройку предписано было начать в октябре 1724 г. и кончить непременно к 1726 году. Это предписание создало новую «великую тягость» для ревизских душ. Полки должны были сами строить свои избы, но доставка леса и других строительных материалов положена была на тяглых обывателей. Заготовку материалов начали торопливо, вдруг по всем местам, отрывая крестьян от их домашних работ; землю под слободы пришлось покупать и для этого обложили души единовременным сбором, что причинило замешательство и замедление в очередных подушных платежах. Эти затруднения заставили правительство тотчас по смерти Преобразователя издать указ, который предписывал

к 1726 г. построить из заготовленного материала только дворы для полковых штабов, а постройку слобод рассрочить на 4 года, причем в тех уездах, где помещики предпочтут размещать солдат по крестьянским дворам, велено было их «строением не принуждать». Манштейн пишет, что штабные дворы были построены, но слободы для солдат, уже по местам начатые, нигде не были кончены, и солдаты разместились по обывательским дворам [1]). Указ 9 января 1727 г., упомянутый выше, отметил и последствие такого размещения, признавшись, что бедные российские крестьяне разоряются и бегают не только от хлебного недорода и подушной подати, но и «от несогласия у офицеров с земскими управителями и у солдат с мужиками».

Так полки введены были в систему местных учреждений как новый и очень влиятельный орган управления. Полковники могли, по соглашению с воеводами и губернаторами, отдавать под суд выбранных дворянами земских комиссаров за неисправность, обязаны были даже наблюдать за действиями самих воевод и губернаторов по исполнению присланных из центральных учреждений указов, донося в те учреждения о неисполнении или медленном исполнении указов. Но всего тяжелее давало себя чувствовать местному населению полковое начальство при сборе подушной подати. По первоначальному плану этот сбор должны были производить земские комиссары без участия полковых командиров. Но потом Петром овладело раздумье и 18 октября 1723 г. он продиктовал коротенький указ: «К будущему году чтоб жалованье настало от комиссаров по полкам; но для новости сего дела, дабы комиссары какой конфузии не сделали, того для с оными комиссары первый год сбирать штаб и обер-офицерам, дабы добрый аншталт внесть, а потом на другой год чинить по определению »[2]). В переводе на простой язык это значило, что с будущего 1724 г. полки должны были получать содержание, по новому порядку, от земских комиссаров из подушного сбора; но чтобы эти комиссары по новости дела не напутали при сборе, они в первый год должны были брать съ собой полковых офицеров, которые могли надлежащим образом

---

[1]) П. С. З., № 4654. Записки Манштейна, IV, 135.

[2]) П. С. З., № 4328.

заправить дело так, чтобы потом комиссары умели собирать подать и без их содействия, по установлению. Военные команды с полковыми офицерами во главе, от которых Петр ждал доброго анштальта при введении подушной подати, были разорительнее самой подати. Первоначально предположенный только на 1724 г., такой способ сбора был повторен и в следующем году, а указ 1725 г. «для установления порядков» продолжил его и на 1726 год. В следующем году его отменили, поручив наблюдать за правильностью и исправностью сбора губернаторам и воеводам; в начале царствования Анны его восстановили, но на короткое время. Долго после плательщики не могли забыть этого порядка сбора. Подать вносилась по третям: три раза в год земские комисары с полковыми командами объезжали села и деревни, производя взыскания и экзекуции, и содержались на счет обывателей. Каждый объезд продолжался два месяца: шесть месяцев въ году села и деревни жили в паническом страхе, под гнетом или в ожидании вооруженных сборщиков. В мнении Меншикова и других сановников, представленном верховному тайному совету в 1726 г., было заявлено, «что мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров; крестьянских пожитков в платеже податей недостает, и крестьяне не только скот и пожитки продают, но и детей закладывают, а иные и врознь бегут; командиры, часто переменяемые, такого разорения не чувствуют; никто из них ни о чем больше не думает, как только о том, чтоб взять у крестьянина последнее в подать и этим выслужиться». На те же недостатки установленного Петром порядка сбора указывал сенат еще раньше, в 1725 г.; «платежем подушных денег земские комиссары и офицеры так притесняют, что крестьяне не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб за бесценок отдают, и от того необходимо принуждены бегать за чужие границы». Едва полки начали размещаться по вечным квартирам в назначенных им уездах, стала обнаруживаться огромная убыль в значившихся по ревизским книгам душах, происходившая от усиления смертности и побегов. Вскоре по смерти Петра генер.-прокурор Ягужинскій докладывал императрице, что в Казанской губернии один пехотный полк не досчитывался слишком 13.000 душ,

т.-е. более половины назначенных на его содержание плательщиков [1]).

Введение полков в систему уездных учреждений усложнило еще более и без того сложное местное управление, созданное Петром. В упомянутом выше коллективном мнении кн. Меньшикова с товарищами 1726 г. было указано на это неудобство нового расквартирования армии: «теперь над крестьянами десять или и больше командиров находится вместо того, что прежде был один, а именно из воинских начав от солдата до штаба и до генералитета, а из гражданских от фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих до воевод, из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут». Поставив полки в неестественное отношение к местному населению, новый порядок сбора подати создавал неестественное отношение и между главными классами местного населения, дворянами и их крепостными крестьянами. Давно, еще в XVI в., если не раньше, из уездных служилых вотчинников и помещиков, городовых дворян и детей боярских, сформировались местные сословные общества, своеобразно организованные. Ходя в походы территориальными отрядами, уездными ротами и баталионами, они имели свои съезды, выбирали коллегии предводителей, присяжных окладчиков, связывались соседскою (не круговою) порукой своих членов друг за друга в отправлении военно-служебных обязанностей и во многих отношениях были очень полезным вспомогательным средством местного управления. Развиваясь и укрепляясь, эти уездные дворянские корпорации с течением времени приобрели и некоторое политическое значение, которое становится заметно в XVII веке: дворянские окладчики являются депутатами на земских соборах и ходатаями перед центральным правительством по делам выбравшего их уездного дворянского мира. При Петре, с образованием регулярной армии, дворянские окладчики исчезают, но корпоративная жизнь сословия поддерживается самим правительством: дворяне выбирали из своей среды советников к уездным воеводам, а потом, с учреждением губерний, к губернаторам;

---

[1]) П. С. З., № 4637. Соловьев: Ист. России, XVIII, 281, 282 и 294; XIX, 283.

со введением подушной подати установлены были ежегодные дворянские съезды для поверки действий прежних земских комиссаров и для выбора новых с их запасными заместителями. Но странный вид должны были представлять эти ежегодные дворянские съезды на полковых дворах расквартированных по уездам полков. В дворянских имениях жили недоросли, не поспевшие на службу, отставные старики и калеки, негодные к службе, и служащие дворяне, отпущенные домой на побывку если не считать нетчиков, незаконно уклонявшихся от службы; прочие дворяне уезда были рассеяны по канцеляриям и полкам далеко от своих поместий и вотчин. Таким образом полицейское значение, какое получили полки в местном управлении, создавало служившим в полках дворянам-землевладельцам вдвойне фальшивое отношение к сельскому населению: они волей-неволей ложились тяжким притеснительным бременем на чужих крестьян и были лишены возможности оказывать своевременную защиту от притеснений своим. В правительственном кругу сознавали неправильность такого положения и придумывали средства для ее устранения. В царствование преемницы Преобразователя генерал-прокурор Ягужинский, кн. Меньшиков и другие сановники в оффициальных записках предлагали поочередно и в возможно большом количестве отпускать домой на побывку состоявших на военной службе дворян-землевладельцев, чтобы они могли осмотреть и привести в порядок свои деревни; Ягужинский даже находил нужным одного из младших братьев в дворянской семье совсем оставлять дома для ведения хозяйства, потому что только при этом условии «крестьяне будут в призрении и государственные сборы порядочны».

В 1725 г. дело ревизии и расквартирования полков находилось в таком положении. Разосланные по губерниям ревизоры оканчивали проверку ревизских сказок, а полки размещались по назначенным им постоянным квартирам. Ревизия насчитала немного более $5^3/_4$ миллионов душ [1]). Из этого числа 172,385 городских душ платили по

---

[1]) Точную цифру установить довольно трудно; в разные источники попали разновременные данные, а ревизские сказки собирались и проверялись в течение 7 лет. Кампредон в 1722 г. знал только 5 миллио-

120 коп. (206.862 р.). Остальные 5.622.543 души обложены были по указу 8 февраля 1725 г. семигривенною податью (3.935.780 р. 10 к.); из этого числа однодворцы и государственные крестьяне, которых считалось 1.282.895 душ, платили дополнительный налог по 40 коп. с души (513.158 р.). Итак, подушные сборы давали казне 4.655.800 р. Почти та же сумма (4.655.327 р.) была выведена в указе 22 мая 1724 г., когда было положено брать с души по 74 к., но душ считалось несколько меньше, чем в 1725 г. Вся эта сумма, составлявшая около половины государственного дохода того времени, шла на содержание сухопутной армии с артиллерией; флот содержался на таможенные кабацкие сборы. По приблизительному рассчету, содержание пехотного солдата с причитавшейся на него «долей роты и полкового штаба», выражаясь словами указа 26 ноября 1718 г., обходилось в 28 тогдашних рублей, равнявшихся приблизительно 250 нынешним, а содержание кавалериста в 40 р. (около 360 нынешних). Государственные люди сознавали, что подушный налог очень тяжел: по заявлению сената, в 1725 г. недоимки показали, что плательщики «никаким образом того платежа понести не могут»; в 1724 г. не добрано было около миллиона, в 1725 г. даже около половины всей окладной суммы. Сенат предлагал выключить из оклада умерших, дряхлых, беглых, младенцев, понизить самый оклад, уменьшить расходы на армию, сократить число войска. Общий семигривенный оклад равнялся

нов; Фоккеродт записал 5.198.000 душ. В ведомости, посланной Вольтеру для Истории Петра Великого, обозначено 5.436.054 души, по табели, составленной в мае 1724 г., значилось 5.409.930 без городских обывателей, которых было насчитано 172.385 душ, и татар Казанской и Астраханской губерний, положенных в подушный оклад, которых в мае 1724 года считалось 49.029 (П. С. З., №№ 4503 и 4512); всего 5.631.344. Голиков на основании составленного в 1727 г. сочинения Кирилова считал 5.794.928 сельских душ и 172.385 городских (Деян. XIII, 658, по 2 изд.). Кажется, здесь у Голикова недоразумение: городские души надо считать не сверх 5.794 т., а в том числе; тогда цифра сельских душ у Голикова (5.622.543) довольно близко подойдет к цифрам майских указов 1724 г. (5.458.959 с татарами); излишек в 163 тыс., может быть, насчитан был дальнейшею проверкой после мая 1724 г. Ср. Стат. исслед. Германа, 1819 г., ч. I, 8.

нынешним 6 р. 30 к., оклад однодворцев и государственных крестьян (110 к.)—нынешним 9 р. 90 к., а оклад городских обывателей—10 р. 80 к. Уже в 1725 г. успели обнаружиться и другие недостатки подушного сбора, совокупность которых показывала, что Преобразователю в последние годы его жизни стало изменять отличавшее его мастерство в разработке практических подробностей преобразовательных предприятий.

Все недостатки подушного сбора, на которые тогда жаловались, касались его экономических последствий и административно-полицейского устройства: жаловались на то, что подать сама по себе обременительна, а порядок ее взимания, связанный с расквартированием полков, еще обременительнее. Но ни тогда, ни после не было слышно жалоб на юридический переворот, какой произвела первая ревизия в составе общества и в частных гражданских отношениях: она коренным образом изменяла положение многочисленного класса холопов полных, кабальных и жилых. Этот класс отличался от других состояний тем, что люди, к нему принадлежавшие, находясь в личной крепостной зависимости, вечной или временной, не несли на себе никаких государственных тягостей и, освобождаясь от личной зависимости, вступали в класс вольных или гуляющих людей, продолжая пользоваться свободой от государственных податей и повинностей. По своему хозяйственному положению и по условиям крепостной службы этот класс разделялся на людей дворовых, деловых и задворных: одни жили во дворах своих господ, состоя в домашнем услужении; другие исправляли сельские работы на господ, живя в их сельских усадьбах и на их содержании; третьи, исправляя сельские работы на господ, получали от них земельные участки в пользование, и жили особыми дворами, имея каждый свое особое хозяйство. Указы Петра о ревизии постепенно подбирали один за другим разные разряды холопов, предписывая заносить их в ревизские сказки и класть в подушный сбор. В первом указе 26 ноября 1718 г. дано было неопределенное предписание заносить в сказки все души мужского пола, сколько их окажется в деревнях у землевладельцев, не различая крестьян и холопов. По указу 22 января 1719 г. велено было класть в подушный сбор наравне с крестьянами всех сельских

деловых и задворных людей, «которые имеют свою пашню», а деловых людей, которые своей пашни не имели, а только пахали на своих помещиков, предписано было заносить в сказки особою статьей «для ведома»: законодатель как будто еще колебался, не решив, класть ли их в подушный сбор. Но указом 5 января следующего года он, для предупреждения утайки, предписал помещикам заносить в сказки всех своих подданных без различия, «какого они звания ни есть» Однако сенат, излагая в своем указе это предписание, распространял его только на тех дворовых и прочих помещичьих подданных, «которые живут в деревнях», не различая пашенных людей и слуг домовых. Указом 23 августа 1721 г. велено было писать в сказки людей кабальных и «служивших на время по записям», т.-е. служилых, хотя бы они уже получили волю от своих господ; но при этом сенат предписывал не требовать «до указа» сказок о людях, служивших господам своим в их московских домах. В 1722 г. также несколько раз сенат подтверждал писать в подушный сбор только слуг, живущих в деревнях, пашенных и непашенных, а тех, которые служили в городских домах у светских господ и духовных властей, в душевую разверстку по полкам не класть, а только писать для ведома. Наконец, резолюцией 19 января 1723 г. на доклад одного из ревизоров Петр предписал заносить в сказки и класть в подушный сбор наравне с крестьянами всех слуг, не различая пашенных и непашенных, сельских и городских дворовых [1]). Так государственное тягло было распространено на всех холопов. Это равнялось законодательной отмене древнерусского холопства, ибо существенным юридическим отличием его от крепостного крестьянства была свобода от государственного тягла. Изложенные указы Петра вносили в положение холопов двоякую перемену, касавшуюся как государственного, так и гражданского права: они, во-первых, упраздняли целый класс в составе русского общества и, во-вторых, превращали временных холопов, кабальных и жилых, в вечных и потомственных крепостных тех господ, за которыми их записывали в ревизские сказки. Между тем такой важной перемены как будто никто не заметил в XVIII веке, хотя холопы

---

[1]) П. С. З., №№ 3287, 3481, 3492, 3817, 4023, 4026, 4145.

составляли довольно многочисленный класс: неизвестно, сколько насчитала их первая ревизия, но по синодским ведомостям в конце царствования Анны дворовых людей значилось 318,824 души мужского пола и 323,413 женского пола [1]). Это значит, что юридическая перемена, произведенная первою ревизией, была подготовлена настолько, что никому не показалась новостью. Эта подготовка началась давно, но долго совершалась в области экономических, а не юридических отношений.

II.

Церковь и холопство.

В истории русского права трудно найти другой институт, который достигал бы такой юридической выработки и, вместе, служил бы в продолжение многих веков таким могущественным рычагом народного хозяйства, как холопство. Эту юридическую выработку и такое экономическое значение оно получило благодаря своей гибкости, которая делала его способным принимать самые тонкие и разнообразные юридические определения и, вместе с тем, применяться к изменчивым условиям народного хозяйства. В опыте о происхождении крепостного права в России пишущий эти строки пытался описать разнообразные юридические виды, на какие разветвилось холопство с начала XVI века. Читатель мог видеть, как этим своим разветвлением оно задержало свободный рост многочисленного класса владельческих крестьян, привив к нему некоторые из своих юридических особенностей. История института усложнилась еще тем, что рядом с юридическими видами холопства развивались виды экономические, посредством которых холоп становился орудием удовлетворения самых разнообразных потребностей народного хозяйства. Этот экономический процесс, ранее начавшийся, завершился фактом не менее важным, но противоположным тому, к какому привел процесс юридический. Кабальное холопство, развивавшееся из долгового обязательства посредством усвоения закладничеством некоторых начал полного холопства, захватывая по мере

---

[1]) Соловьев: Ист. России XX, 477.

своего юридического разветвления все более широкий круг гражданских отношений, коснулось и ссудных обязательств владельческого крестьянства и, привив к ним холопий принцип, отказ обязанного ссудой лица от права прекратить зависимость возвратом ссуды, помогло превратить эти обязательства в крепостную зависимость. Напротив, экономические условия страны заставили рабовладельцев направить рабочие силы холопства на такие операции народного труда, которыми, главным образом, поддерживалось государственное хозяйство, из которых оно извлекало самые надежные свои средства. Это сблизило холопов в экономическом отношении с податным населением государства, всего более с крестьянством, а сходство экономического положения поставило холопство в одинаковые с крестьянством отношения к государству. Прежде холоп не имел непосредственной связи с государством, привязывался к нему посредством своего господина, не нес на себе государственных обязанностей, был отчужден от государства своим господином; теперь, принявшись за крестьянские занятия, холопство должно было принять на себя и государственные повинности, лежавшие на крестьянах, что положило конец его юридическому существованию. Поэтому последние моменты обоих процессов, юридического и экономического, можно представить в такой схеме: первый процесс вовлек частные отношения владельческого крестьянства в сферу холопства крепостного рабовладельческого права, а процесс экономический, наоборот, втянул холопство в круг государственных отношений крестьянства. Этим последним фактом и завершилась продолжительная подготовка юридического слияния холопов с владельческими крестьянами, закрепленного указами о первой ревизии. Достойно внимания значение двух высших классов древнерусского общества в обоих этих процессах. В процессе юридическом роль первоначальных руководителей принадлежала светским землевладельцам, в экономическом — землевладельцам церковным; если первые много содействовали отчуждению крестьян от государства посредством распространения на них холопьих отношений, то делом последних была первоначальная подготовка холопства к прямому служению государству посредством участия в крестьянских повинностях. Первых следов этой

подготовки надобно искать в древнейших памятниках русского права.

В конце VI века византийский император Маврикий, наблюдая быт задунайских славян, заметил, что они не обрекают пленных на вечное рабство, как делают другие народы, но что по истечении известного срока пленник у них получает право выкупаться на волю и воротиться на родину или остаться среди славян и жить вольным человеком. У той ветви славян, которая вскоре после Маврикия отлила на Днепр, не заметно этого обычая. В договорах Руси с греками X века встречаем условие, по которому жители одной из договаривающихся стран, попавшие пленными в другую, выкупались по установленной холопьей таксе или текущей «челядинной цене» и возвращались в отечество. Но это условие не доказывает того, что на Руси X века действовал обычай, замеченный Маврикием у славян VI века: это—условие международного договора, вероятно, и внушенное греками, законодательство которых признавало за купленным пленником право выкупаться на волю, заплатив купившему его господину условную по взаимному соглашению цену. Арабский писатель X в. Ибн-Даста замечает о руссах, что они хорошо обращаются с рабами; но это черта русских нравов, а не русского права того времени. В древнейших памятниках русского права холопство является очень суровым институтом с резко очерченными границами. Холоп, ударивший свободного человека, еще при Ярославе I мог быть убит безнаказанно потерпевшим; даже во времена Двинской уставной грамоты, в конце XIV века, закон не решался подвергать взысканию господина, от побоев которого умирал холоп. Русская Правда не различает видов холопства: она знает одно холопство обельное, т.-е. полное, вечное, потомственное и наследственное: как зависимость холопа переходила от него в его потомство, так и право на холопа передавалось господином своим наследникам. Успели выработаться довольно разнообразные источники холопства. Их было два ряда: холопами делались или по закону, или по договору, который въ иных случаях заменялся молчаливым согласием вступавшего в холопство. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1) пленом, 2) известными преступлениями, за которые закон навсегда лишал

преступника свободы, 3) несостоятельностью купца-должника по его вине, если кредиторы не согласились ждать уплаты долга, наконец, 4) происхождением от холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1) продажей в холопство, 2) женитьбой на холопке без уговора с ее господином, ограждающего свободу лица, вступающего в такой брак, 3) вступлением в частную дворовую службу приказчиком или ключником без такового же уговора слуги с хозяином. Питаясь такими разнообразными источниками, рабовладение уже к XI веку разлилось по русской земле широким потоком и стало могущественною силой в народном хозяйстве. Челядь стала одною из главных статей, если не главной, русского торгового вывоза; русские купцы обильно снабжали ею волжские и черноморские рынки; в Царьграде около половины XI века всякий хорошо знал торговую площадь, на которой приезжие руссы торговали челядью. При таком экономическом значении рабовладение рано стало важною политическою силой. В Русской Правде встречаем специальный термин, означавший человека привилегированного класса в отличие от смерда, простолюдина: это огнищанин. В нашей исторической литературе потрачено было много усилий, чтобы объяснить этот термин. Все затруднение состояло в неизвестности древнего значения слово огнище: одни толкователи разумели под ним выжженный лес, другие очаг, третьи княжеский двор. Между тем, из одного памятника русской письменности XI в. узнаем, что на литературно-юридическом языке Руси того времени это слово имело специальное значение раба [1]). И так, огнищанин—рабовладелец. Во времена Русской Правды привилегированное значение огнищанина в составе русского общества уже становилось анахронизмом; в большей части русских областей такое значение создавалось тогда не экономическим, а политическим условием, не рабовладением.

---

[1]) В одном из слов Григория Богослова, переведенных в Болгарии и списанных с болгарской рукописи на Руси в XI в. с русскими вставками и переделками, словом огнище переведено греческое ἀνδραποδον, холоп. Изв. И. акад. наук по отд. русского языка и слов. 1855 г., т. IV, стр. 311.

а службой при дворе князя; человеком высшего класса, господином считался к н я ж м у ж, занимавший известное положение в военно-правительственной иерархии княжеских слуг. Очевидно, привилегированное значение огнищанина создалось в то время, когда служба князю еще не давала слуге такого положения в обществе, когда господином, барином считался тот, кто имел своих слуг, вел свое хозяйство посредством челяди. Этим объясняется, почему огнищане долее сохраняли свое привилегированное положение в тех областях Русской земли, где не было постоянных князей, своей особой княжеской династии, и где потому служба при дворе князя оказывала менее влияния на склад местного общества. Так, в Новгороде до конца XII в. огнищане остаются на вершине местной общественной лестницы, когда в других областях их место заступили уже княжие мужи, служилые бояре.

Довольно трудно решить, какое влияние оказали на русское рабовладение тесные торговые связи Руси с Византией и особенно русская торговля рабами. Договоры Руси с греками X в. представляют очень искусное сочетание византийского и русского права, приноровленное к потребностям и юридическим понятиям обеих договаривавшихся сторон. Эти договоры предусматривают и разрешают некоторые столкновения, которые могли возникать между Русью и греками из-за челяди. Таким образом, русское рабовладение приходило в непосредственное соприкосновение с греко-римским правом. В старинных русских памятниках встречаем указания на то, что действительные юридические границы древнего русского холопства были шире тех, какие обозначены в Русской Правде. Последняя говорит только о том случае продажи в холопство за долги, когда кредиторы не захотят отсрочить уплаты долга купцу, ставшему несостоятельным по собственной вине. Но в одном поучении несомненно русского и очень древнего происхождения, близкого ко времени Русской Правды, если ей не современного, в слове на первую неделю Великого поста, которое надписано именем св. Кирилла, проповедник, обличая немилостивых заимодавцев, замечает: «вижу бо многи бьюща дружину свою (братию свою, православных соотечественников) из беззаконных накладов, дондеже продадятся по-

ганым» [1]). Значит, всякий неисправный должник, даже тот, которого «беззаконные наклады», т.-е. лихвенные проценты, лишали возможности расплатиться с заимодавцем, мог быть продан в рабство и притом за границу, некрещенным соседям Руси. И в Русской Правде можно найти косвенное указание на действие этого общего закона; по крайней мере, можно считать его последствием то постановление, по которому закуп, наемный работник-должник, пытавшийся бежать от своего хозяина-заимодавца, не расквитавшись с ним, обращался в его полного холопа: закон признавал его неоплатным должником. Был ли этот общий закон самобытным и исконным установлением русского права, возник ли он самобытно, но в более поздние времена под влиянием привилегированного положения, занятого богатыми рабовладельцами-огнищанами, или, наконец, он имеет какую-либо связь, прямую или посредственную. с известными древнеримскими законами о порабощении неоплатных должников, перешедшими и в византийское законодательство с некоторыми изменениями,—на все эти вопросы трудно дать решительный ответ. То же замечание применимо и к некоторым статьям Русской Правды о холопстве, представляющим большее или меньшее сходство с постановлениями византийского законодательства. Впрочем, рассматривая влияние христианской церкви на русское рабовладение, встречаем в последнем одну особенность, о которой с бо́льшою вероятностью можно думать, что она создалась под влиянием византийского рабовладельческого права и, притом, еще до водворения христианства на Руси.

Церковь произвела в положении русского холопства такой решительный перелом, которого одного было бы достаточно, чтобы причислить ее к главным силам, созидавшим древне-русское общество. Она, во-первых, установила случаи обязательного дарового отпуска холопов на волю. Таких случаев было три: 1) раба, прижившая детей с своим господином, обязательно освобождалась после его смерти вместе с прижитыми от него детьми; 2) свободный человек, совершивший насилие над чужою рабой, этим

[1]) Прибавление к творению святых отцов, ч. 17, стр. 45.

самым делал ее свободной; 3) холоп или раба, которым причинено увечье по вине их господина, выходили на волю.

Участие духовенства в установлении первого случая обличается тем, что в Русской Правде он отнесен к числу постановлений семейного права, которое со времени введения христианства на Руси регулировалось преимущественно духовенством. Этот случай представляет своеобразный опыт применения норм и понятий римского и церковного права к туземным русским семейным нравам. В римском праве с тонкою казуистическою логикой определена была зависимость положения детей от юридического состояния родителей и в частности от состояния матери в момент зачатия или рождения дитяти, если это состояние изменялось в промежуток обоих моментов. Это определение основывалось на возможности или невозможности законного союза вступавших в связь лиц разных юридических состояний, на которые делилось население римского государства. Здесь действовало правило: если родители принадлежали к различным состояниям, между которыми закон допускал правильные брачные союзы, то дети наследовали состояние отца, в противном случае—состояние матери. Так, не допускался законный брак свободного лица с несвободным; потому дети свободного и рабы становились рабами, дети свободной и раба—свободными. С другой стороны, положение детей от законного брака определялось юридическим состоянием родителей в минуту зачатия; напротив, дети от незаконного брака вступали в состояние, определявшееся положением родителей в минуту их рождения. Римская гражданка, сделавшаяся рабой во время беременности, рождала римского гражданина, если беременность была плодом законного союза, или холопа, если связь была незаконной. Напротив, раба, ставшая беременной от римского гражданина и отпущенная на волю до разрешения от бремени, рождала свободного. Все эти постановления имели большую цену в римском обществе, охраняя такие важные интересы, как право римского гражданства, право собственности на раба и пространство отеческой власти. Для нашего вопроса особенно важна в них одна черта: связь свободных лиц с несвободными, влияя на положение детей, не изменяла состояния несвободных ро-

дителей. Незаконно зачатый сын римской гражданки являлся на свет рабом того господина, чьей невольницей становилась его мать в промежуток между его зачатием и рождением; но раба, родившая от свободного, вследствие этого не становилась свободной. Те из этих постановлений, которые сохранили силу и после закона 212 г., распространившего право римского гражданства на все свободное население римской империи, были усвоены и законодательством византийских императоров с некоторыми поправками в пользу свободы [1]). Согласно с отмеченною чертой этих постановлений в Эклоге, византийском кодексе VIII века, находим статью, повторенную и в Прохироне, кодексе IX века, по которой свободный человек, вступивший в связь с чужою рабой, должен был заплатить за то ее господину 36 золотых (солидов), если был человек зажиточный, или подвергался телесному наказанию и платил, сколько мог, если был человек небогатый; но юридическое положение самой рабы оставалось прежним [2]). Христианская церковь, признавая эти постановления, оставалась равнодушна к языческим институтам, ими охраняемым, и старалась поставить под их защиту более близкие ей интересы. Так, ее влияние можно подозревать в статье, встречаемой в упомянутых византийских кодексах, которая, охраняя чистоту семейных отношений насчет права собственности на несвободное лицо, конфисковала рабу, ставшую наложницей своего женатого господина: местный управитель обязан был продать такую соперницу домохозяйки за пределы области в пользу казны [3]). Посредством брачного же союза, т.-е. при вероятной помощи того же церковного влияния, в греко-римском праве если не возник, то утвердился новый способ отпуска на волю, незнакомый древнеримскому праву и противный его духу. По одной статье Про-

---

[1]) Ср. Gai: Instit. I, 80—92 и Zachariae: Prochiron, tit. XXXIV, c. 5—7.

[2]) Эклога по изд. Цахариэ, тит. XVII, ст. 22. Прохир. т. XXXIX, ст. 61.

[3]) Эклога, XVII, 21. Прохир., XXXIX, 60.

хирона, брак свободного человека с чужою рабой, которую господин ее выдавал за свободную или которой он намеренно не помешал выйти за свободного, считался правильным, как союз свободных лиц: закон признавал такую рабу свободной по акту молчаливого освобождения [1]). По другой статье свободный человек, купивший пленницу и вступивший с нею в союз, как с женой, этим самым делал ее свободной: закон возвращал ей утраченную пленом свободу без вознаграждения покупателя в силу юридического предположения, что выкупивший ее господин актом союза с ней молчаливо прощал ей стоимость выкупа [2]). В византийском обществе римское право оставляло мало простора преобразовательным стремлениям церкви. Гораздо свободнее действовала она там, где не встречала такого стеснения. Греко-римское право сурово преследовало брачную и внебрачную связь свободного лица с несвободным. По закону императора Клавдия, римская гражданка, вышедшая замуж за чужого раба без позволения его господина, сама становилась рабой последнего, а закон императора Константина Великого даже осуждал на смерть женщину, вышедшую замуж за собственного раба. По статье Прохирона, бездетную вдову, вступившую в связь со своим рабом, подвергали телесному наказанию и остригали, а раба, сверх того, продавали в пользу казны; если же вдова имела законных детей, к последним тотчас переходило все ее имущество вместе с суммой, вырученной от продажи раба. Эта статья повторена и в извлеченной из Прохирона уголовной части компиляции, которая была составлена для южных или, может быть, для русских славян и известна была в древнерусской юридической письменности под названием Книг Законных; но здесь вслед за изложенным постановлением Прохирона составитель поместил оригинальную статью, по которой вступление вдовы в законный брак со своим рабом не подвергало ни ее самой, ни раба никакому наказанию, а только сопровождалось для нее обычными

---

[1]) Σιωπηρὰ ἐλευθερία Прохир., XXXIV, 14.

[2]) Там же V, 4; ὡς προλήψει (ex praesumptione) δοκῶν αὐτῇ συγχωρεῖν τὸ τίμημα.

последствиями, какие по Прохирону влек за собою брак вдовы со свободным человеком [1]). Это был довольно смелый протест воспитанного на греко-римском праве духовенства против греко-римского общественного строя во имя христианского равенства людей. Хотя переводы Эклоги и Прохирона с их статьей о связи женатого господина со своею рабой помещались в древнерусских Кормчих и эта статья нашла себе место в другой славянской компиляции, известной под названием Закона Судного людем и довольно распространенной в древнерусской письменности, однако, в древней Руси не заметно действия постановления, предписывавшего продавать рабу на сторону за связь с своим женатым господином. Легкие отношения женатых и холостых рабовладельцев к своим невольницам, господствовавшие в языческой Руси, продолжались и по принятии христианства. Если по летописным известиям о Святославовом сыне Владимире можно судить об отношениях частного общежития на Руси X века, робичичи, дети свободного от невольницы, в языческое время не отличались юридически от детей, рожденных свободною матерью, хотя разборчивые невесты подобно Рогнеде могли предпочитать свободно-рожденных женихов. У духовенства в первое время христианской жизни Руси не было средств действовать прямо против неопрятных отношений к невольницам, глубоко укоренившихся в нравах страны. Оно подступило к ним осторожно, со стороны и с большим уменьем. Щадя местные привычки и не покидая принесенных из Византии понятий о значении общественных состояний в брачных отношениях, оно не настаивало на конфискации рабы за связь с женатым хозяином и не требовало согласно с статьей Прохирона о наложницах [2]), чтобы неженатый закреплял свою связь с рабой женитьбой на ней. Оно не разрывало связи насильственно и оставляло рабу при господине до его смерти; но, применяя к ней греко-римскую презумпцию молчаливого освобождения, оно требовало, чтобы по смерти господина раба выходила

---

[1]) См. превосходное издание Книг Законных с греческим текстом А. С. Павлова, стр. 26 и 69.

[2]) Тит. IV, стр. 26.

на волю, право на которую она приобретала своею связью с ним, а применяя к плодам этой связи римское правило, по которому юридическое состояние незаконнозачатых детей определялось юридическим состоянием их матери в минуту их рождения, а не зачатия, оно настояло на признании и за прижитыми от господина детьми права следовать за выходившею на волю матерью. Последовательно развивая ту же презумпцию, русское духовенство прилагало ее и к случаям насилия, совершенного свободным человеком над чужою рабой, независимо от того, сопровождалась ли такая насильственная связь известным последствием, или нет: потерпевшая тотчас становилась свободной, т.-е. обидчик обязан был выкупить ее на волю. Но Русская Правда не договорила всего, сказав, что «робьи дети» свободного человека, не участвуя в наследстве, выходят на волю вместе с матерью. Духовенство пошло еще далее в своем человеколюбивом и нравовоспитательном стремлении и позаботилось о материальном обеспечении таких детей по смерти их отца. В византийском законодательстве было очень точно определено, какую часть отцовского состояния и в каких случаях могли получить незаконные дети с своею матерью по завещанию и по закону: по завещанию, при законных детях, они могли получить не более одной унции, т.-е. $^1/_{12}$ отцовского состояния, при отсутствии законных детей и близких родственников завещателя, родителей или братьев, даже все состояние, при таких родственниках не более половины его; по закону, при законных детях не более $^1/_{24}$, при отсутствии их и близких родственников, а также и законной жены $^1/_6$, в противном случае $^1/_{24}$. Руководствуясь этими постановлениями, русское духовенство установило «урочную прелюбодейную часть», которая обязательно выдавалась «рабочичищам», т.-е. детям рабы, из имущества прижившего их господина их матери [1]).

---

[1]) См. схолию к 24 ст. XXXIII тит. Эпанагоги по изд. Цахариэ, Устав кн. Всеволода в Ист. Русск. Церкви митр. Макария, изд. 2, т. II, стр. 383.

Оба изложенные случая обязательного отпуска несвободных людей на волю представляют тот интерес, что вскрывают процесс прививки руками духовенства греко-римских юридических понятий к русскому обществу. В другом отношении характерен третий случай. По византийским законам, смерть раба от побоев господина без намерения убить его оставалась безнаказанною. Из Двинской уставной грамоты 1397 года знаем, что также относилось к этому случаю и древнерусское право. Но холопа, вынужденного прибегнуть под защиту церкви жестокостью господина, последний, по византийским законам, обязан был продать. Русское духовенство поступило решительнее и нашло себе опору в более отдаленном источнике права. В упомянутом выше Законе Судном, компиляции, составленной для болгар вскоре по обращении их в христианство, рядом с извлечениями из Эклоги помещались и статьи, заимствованные из Моисеева законодательства. В числе этих статей встречаем взятое из книги Исход постановление, которое обязывало господина, выколовшего глаз или выбившего зуб своему холопу или рабе, освободить их. В древнерусских юридических памятниках не находим подобного постановления, но судебная практика уже во второй половине XI в. знала правило, что увечье холопа по вине господина дает первому право на свободу. В известном сказании мниха Иакова о св. князьях Борисе и Глебе читаем рассказ о тяжбе, решенной судом около времени перенесения их мощей в новую церковь, в 1072 г. В городе Дорогобуже госпожа заставила рабу работать в праздник Николая Чудотворца. Святые князья, явившись рабе, наказали ее за это болезнью: она пролежала месяц в расслаблении и после не могла работать, потому что у нее отнялась рука. Госпожа прогнала ее, а вместо нее поработила ее сына, родившегося, когда мать была еще вольной. Мать принесла жалобу в суд, который приговорил освободить обоих без возврата денег, заплаченных за рабу, «занеже по неволи делавши, казнь прияла есть», т. е. потому, что раба потерпела увечье вследствие невольной работы, а не по своей вине [1]). Из этого видно, что духовенство на Руси

---

[1]) Сказание Иакова в Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 года., кн. I, л. 12.

не держалось педантически византийского законодательства, но, когда находило возможным, шло дальше его в установлении согласных с христианством общественных отношений, ища опоры в других признанных церковью источниках права.

Другое нововведение, которым русское рабовладение было обязано духовенству, состояло в установлении принудительного выкупа холопов на волю. Эта перемена вводилась в тесной связи с первой и повидимому удалась даже раньше ее как более простая и доступная юридическому сознанию Руси того времени. В известных вопросах Кирика, памятнике XII в., есть место, бросающее тусклый свет на борьбу, выдержанную русским духовенством с местными обычаями и понятиями в деле преобразования туземного рабовладельческого права. Кирик жаловался новгородскому епископу Нифонту, что многие открыто живут с наложницами, а другие тайно грешат с своими холопками, и спрашивал: что лучше?—И то, и другое худо,—отвечал владыка.—Не отпускать ли таких холопок на волю?—спрашивал далее Кирик.—Здесь нет такого обычая, отвечал епископ, лучше заставить такого господина продать рабу, что и другим послужит уроком [1]). И так, около половины XII в. среди духовенства, возмущенного легкостью отношений русских господ к своим холопкам, была в ходу мысль о принудительном освобождении невольниц-наложниц еще при жизни их господ; но местный обычай был против этого. Епископ Нифонт не надеялся на успех дарового освобождения и предлагал принудительную продажу, как предостережение для распущенных господ. Эта мера могла найти оправдание в византийском законодательстве, которое давало церкви право требовать прибегнувшего под ее защиту холопа, если господин истязал его не в меру, или морил голодом, или склонял к постыдному по-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., VI, 42: «а лепше иного человека вскупити, абы ся и другая на том казнила». Иного человека вскупити значит или заставить подговорить другого купить рабу у невоздержанного господина, или выкупить ее у иного из таких господ на счет церкви, в обоих случаях против воли господина.

ступку [1]). И мысль Нифонта не имела успеха. Из Русской Правды, составление которой закончилось немного позднее смерти этого епископа, узнаем, что практика приняла среднюю меру: раба с детьми, прижитыми от ее господина, отпускалась на волю по смерти его, получая «урочную прелюбодейную часть» из его имущества. Духовенство могло достигнуть этого в XII в. теми же церковными средствами, какими митрополит Иоанн II в XI в. указывал отучать русских от обычая, купив некрещенных холопов и крестив их, продавать язычникам: он советовал духовенству действовать на таких работорговцев «наученьем и наказаньем многим», даже церковным отлучением непослушных [2]). Но неудавшаяся мысль Нифонта несомненно свидетельствует, что общее юридическое правило, которое он пытался применить к известному отношению, уже действовало: если взамен меры, предложенной Кириком и несогласной с господствовавшими обычаями, он находил возможным принуждать невоздержанных господ продавать своих невольных наложниц в другие руки, то можно думать, что к половине XII в. принудительная продажа рабов успела войти в ряд обычных явлений русской юридической жизни. Греко-римское право знало два случая принудительного отчуждения холопов с вознаграждением владельцев. Император Антонин предписал начальникам провинций принуждать господ продавать своих рабов, прибегавших в храмы или к статуям государей с жалобами на жестокое обращение с ними, если по следствию жалобы оказывались справедливыми [3]). Византийское законодательство требовало, чтобы принудительная продажа рабов, прибегавших под защиту церкви с такими жалобами, производилась разборчиво, с соблюдением предосторожностей, которые бы обеспечивали прода-

---

[1]) Излагаем это постановление, как оно приведено в Пире, составленном около половины XI в. своде приговоров и юридических мнений византийского судьи Евстафия (Zachariae: Jus graeco-rom., I, tit. XXVIII, c. 13).

[2]) Русск. Ист. Библ., VI, 12. Успехом этой меры объясняется позднейшая переделка Нифонтова ответа, который в некоторых списках читается так: «сде есть обычай таков».

[3]) Gai, I, 53.

ваемым более мягкое обращение со стороны новых владельцев. На Руси принудительная продажа холопов за жестокое обращение с ними не привилась, рано заменившись даровым отпуском раба в случае увечья по вине господина. Повидимому, больший успех имел другой случай такого отчуждения—выкуп холопом самого себя на волю. Греко-римское право признавало особое несвободное состояние временного и уголовного характера, которое можно назвать рабством по плену. Свободный человек, взятый в плен неприятелем, считался рабом и в своем отечестве. Тогда все права, которыми он пользовался на родине, приостанавливались до его возвращения. Но если его выкупал из плена соотечественник, он становился в личную зависимость от последнего с правом прекратить ее, заплатив условленную между ними сумму. Если он не был в состоянии заплатить ее, он оставался у выкупившего как бы наемным работником, и тогда судебным порядком определялось, по скольку зачитывать ему в счет выкупной суммы каждый год работы. Далее, были рабы, составлявшие общую собственность нескольких владельцев. Если один из них хотел отпустить такого раба на волю, остальные совладельцы обязаны были продать свои доли в рабе освободителю или его наследнику. Освободитель мог и освобождаемого написать своим наследником, и тогда раб сам выкупал себя у прочих совладельцев [1]). Одно обстоятельство должно было помочь успешному применению к русскому рабовладельческому праву выраженного в этих византийских узаконениях права холопа в известных случаях самому выкупать свою свободу. Завоевание непокорных туземных племен русскими князьями в IX и X вв. и княжеские усобицы XI и XII вв. вели к тому, что в этот продолжительный период времени русский невольничий рынок наводнялся холопами из туземных пленников. К этим пленным туземным рабам, которых победители после похода продавали своим соотечественникам, вполне шло византийское постановление о выкупленном пленнике. Пользуясь этим, духовенство, повидимому, успело дать довольно широкое действие принудительному выкупу самими холопами своей свободы. Следы этого успеха, правда, недостаточно

---

[1]) Эклога, VIII, 6. Прохирон, XXXIV, 9.

ясные, сохранились в одном русском памятнике очень древнего происхождения, содержащем наставление духовнику о принятии кающихся [1]). Этот памятник настойчивее всего вооружается против одного зла, распространенного в русском обществе,—против взимания изгойства. Юридическое и нравственное значение этого термина в древнерусском обществе создалось также при участии духовенства посредством проводимого последним влияния византийского рабовладельческого права на русское. Изгоем в древней Руси назывался, между прочим и даже преимущественно, холоп, выкупившийся на волю. В византийском законодательстве на случай выкупа отпускаемого на волю общего раба у совладельцев была установлена такса, по которой цены рабов определялись их возрастом и качеством работы, к какой они были способны. Путем торговых сношений с Византией русские рано познакомились с этою таксою, и она с изменениями вводилась в их договоры с греками, служа руководством при обоюдостороннем выкупе пленников [2]). В договоре Игоря, между прочим, было поставлено условие, что русских пленников, попавших в неволю к грекам, Русь выкупает, платя по десяти золотых за каждого; если же владелец русского пленника приобрел его куплей, ему платили по его показанию под присягой, за сколько он сам купил его. Вооружаясь против барышничества рабами, духовенство настойчиво проводило и на русском невольничьем рынке правило, что при продаже холопа не следует брать больше того, что за него заплачено. Оно немолчно твердило, что барышничать челядью, «прасолить живыми душами»—великий, непростительный грех, пагуба для души прасола. Прибавка к покупной цене при выкупе раба на волю, т. е. при переходе его в состояние изгоя, и называлось изгойством. Наставление духовнику различает 4 случая такого прасольства. Один из них, когда хозяин продавал холопа дороже, чем купил, не возбуждает недоумений; здесь не было места изгойству, потому что холоп оставался холопом, только менял господина, не становясь изгоем. Труднее объяснить два другие случая. Наставление воору-

---

[1]) Русск. Ист. Библ., VI, 835—846.

[2]) Прохир., XXXIV, 11, Лаврент. лет., 35 и 49.

жается против тех, кто брал изгойство «на искупающихся от работы», т. е. из рабства; потом оно предписывает, чтобы тот, кто «выкупается на свободу», давал за себя столько же, сколько было заплачено за него. Некоторые признаки первого случая, отмеченные памятником, дают возможность отличать его от второго, который при первом взгляде кажется его повторением. Владельцев, которые брали изгойство с «искупающихся от работы», наставление порицает за то, что они не довольствуются «ценою уреченной» и, чтобы добиться большего, губят не только свои души, но и души свидетелей, помогающих их злобе, и даже вовлекают судей в свои злые дела мздою и дарами. Значит, чтобы взять с выкупавшегося больше цены уреченной, владельцу надобно было с ним судиться, выставлять лжесвидетелей и подкупать судей. Под «ценою уреченной» можно разуметь только цену, за которую выкупавшийся уговорился некогда продаться в рабство; следовательно, речь идет о холопе, который сам продался своему господину, быв прежде свободным. Отсюда следует, что свободные люди, продававшиеся в холопство, сохраняли право выкупаться, возвратив господину полученную ими при продаже сумму. Это было в духе византийского законодательства, которое, стесняя право свободных людей располагать своею личностью, вместе с тем, поддерживало право их выкупа в случае потери ими свободы. Если можно так понимать объясняемое место наставления, то под «выкупающимися на свободу» этот памятник разумел холопов, которые родились несвободными; они не имели права выкупа, а могли выкупаться только с согласия господина, чем и отличались от холопов свободнорожденных. Право выкупа совершенно изменяло юридический характер продажи свободного человека в рабство: она превращалась в долговое обязательство, которым создавалось временно-обязанное состояние, прекращаемое по воле должника уплатой долга. Этим положено было начало широко развившимся впоследствии сделкам о срочной или бессрочной зависимости, обусловленной личным закладом и образовавшей в удельное время состояние закладней, а в XVII веке жилое холопство. Следы таких сделок можно найти уже в поздних частях Русской Правды. Перечислив главные источники полного холопства, она обозначает

три источника срочной зависимости, которой не признает холопством: это отдача детей родителями в работу и вступление свободного человека в услужение за один прокорм [illegible] памятник [illegible] прокорм или за прокорм с придатком, платой, выдаваемой вперед в виде ссуды [1]). Все эти виды зависимости Правда характеризует одною чертой, им общей; дослужив до условленного срока, слуга свободно отходил от хозяина, ничего не платя ему; но он мог уйти и до срока, возвратив ссуду или заплатив по условию за прокорм. Любопытно, что ни в Русской Правде, ни в других памятниках русского права тех веков, когда, благодаря внутренним усобицам и внешним бедствиям, плен служил обильным источником рабства, лишавшим свободы множество туземцев, не находим прямых указаний на условия именно этого вида холопства, несомненно помогшего духовенству ввести в русское рабовладение право выкупа из холопства в известных случаях, т. е. принцип условной зависимости. Это молчание памятников права можно объяснить разве тем, что положение пленного холопства на Руси тогда определялось не столько правом, сколько изменчивыми политическими отношениями, внутренними и внешними. Эти отношения складывались так, что и независимо от законодательных постановлений русский пленник, попавший в холопство к соотечественнику, не терял возможности выйти на волю. В летописях иногда попадаются заметки, что во внутренней усобице победители набрали много полона и взяли за него большой окуп. В мирных договорах ссорившихся князей XIV и XV вв. обыкновенно помещалось условие о взаимном

---

[1]) «А вдач не холоп, ни по хлебе роботят, ни по придатце». В числе русских прибавлений к Закону Судному есть две статьи, из которых одна согласно с Русскою Правдой говорит, что свободный человек, в голодное время отдавшийся в работу за прокорм, не должен считаться холопом и может всегда уйти от хозяина, заплатив ему три гривны, а другая применяет то же условие ко вдачу особого рода—к дитяти проданного несостоятельного должника, которое отдано заимодавцами на воспитание. П. С. Р. Лет., VI, 81 и 82. В требовании права выкупа для вдача духовенство могло опираться на законодательство римских императоров, в том числе и Константина, которые или запрещали продажу детей, или выговаривали для них право выкупа. Wallon: «Histoire de l'esclavage dans l'antiquité», III, 52 и 437.

возврате пленных. В иных договорах это условие принимало характерные формы. По грамоте 1433 г. князь можайский Иван обязывался воротить князю галицкому Юрию полон, захваченный в его княжестве во время усобицы: «а кто будет того полону,—сказано далее в акте от лица Юрия,—запродан за рубеж или инде где, и тебе тот полон выкупити весь да отдати мне». В договоре того же года князь рязанский Иван обязуется собрать и возвратить Юрию всех захваченных рязанскою ратью галицких пленников, даже тех, которые уже были проданы его ратниками в другие руки. В 1408 г. Эдигей вывел из Московского княжества огромный полон, часть которого попала в Рязанскую землю. В том же договоре с Юрием рязанский князь обязуется тех из этих пленников, которые были куплены рязанцами и оставались в неволе, освободить, взяв с них окуп [1]). Победители спешили взять с захваченных пленных окуп и отпустить их, продавая дома или на сторону только тех, кто не мог выкупиться; спешить этим их побуждало то, что по договорам после усобиц пленные, оставшиеся непроданными у бояр и других служилых людей, их захвативших, просто отбирались для возвращения на родину, тогда как проданные выкупались либо самим князем, либо тем, чья рать их пленила. Таким образом, княжеские правительства считали выкуп не столько правом пленных, сколько своею обязанностью, или, точнее, своею выгодой, побуждавшей их заботиться о возврате отнятых у них боевых слуг или податных плательщиков. Та же выгода побуждала их выкупать в орде не только своих, но и чужих пленников; селя их в своих пустевших уделах, князья не обращали их в холопство, а зачисляли в служилое или тяглое население, смотря по их состоянию до плена.

Четвертый порицаемый способ барышничества челядью изложен в наставлении очень неясно и, вместе с тем, возбуждает наиболее интереса. Сказав, что с холопа, выкупающегося на волю, не следует брать больше того, что за него заплачено, памятник продолжает: «если же потом, став свободным, он приживет детей, то те, кто будет взыскивать с них изгойство, явятся продавцами неповин-

---

) Собр. госуд. грам. и догов., I, 95 и 98.

ной крови, и эта кровь взыщется с них перед Богом на страшном суде». Кто мог искать изгойства на детях вольноотпущенного, родившихся после освобождения своего отца? Чтобы понять это темное место, надобно сопоставить некоторые едва заметные явления древнерусского права. В нравах русского холопства позднейшего времени можно заметить черты, как будто указывающие на то, что отпуск холопа на волю не разрывал всех его связей с домом, в котором он служил. Определяя свое общественное положение при поступлении на службу к новому господину, вольноотпущенный в крепостных актах XVII века обыкновенно называлъ себя послужильцем старого хозяина; сын холопа, вышедший на волю вместе с отцом, очень часто оставался в том же доме на добровольной службе. В крепостных актах можно встретить следы крепкой нравственной привязанности, приковывавшей холопа к господскому дому, когда порывалась связь юридическая: бывали, например, случаи, когда кабальная дворня, по закону став свободной по смерти господина, обращалась к местному начальству с коллективною челобитной, в которой просители писали, что служили они своему господину по крепостям многие годы, а теперь, когда судом Божиим его в животе не стало и остался у него сын, они, помня к себе отца его милость, хотят впредь служить с своими женами и детьми его сыну и просят дать ему на них крепости. Такие связи, не имевшие юридической обязательности, разумеется, нельзя сравнивать с теми строгими обязанностями, какие по закому или по воле патрона ложились на вольноотпущенного в греко-римском обществе. Но одна черта отношений патрона к отпущеннику по греко-римскому праву несомненно оказала действие и на русское рабовладельческое право. У византийских, как и у римских рабовладельцев было в обычае условное отпущение рабов на волю: продавая, например, своего раба, господин обязывал покупателя освободить его в известный срок, или, передавая раба по завещанию, лишал наследника права дальнейшей передачи, т. е. обязывал его освободить раба при своей жизни или по смерти. Часто освобождение обусловливалось уплатой денежного выкупа или какою-либо особенною предварительною услугой со стороны освобождаемого. Эти предварительные услуги

вместе с общими обязательствами, какие закон и воля патрона возлагали на отпущенника по освобождении, часто делали переход раба от зависимости к свободе очень нечувствительным. Этот обычай проник и в русское рабовладение. В завещаниях, передавая своих холопов женам или детям, завещатели ставили им условие тех холопов никому не передавать, отпустить их на свободу после своей смерти или пострижения, даже назначали определенные сроки освобождения, также предоставляли самим холопам на выбор оставаться в услужении у наследников или выйти на волю, заплатив им назначенный «окуп». Из распоряжений об условном освобождении холопов особенно любопытны те, которые касаются будущих детей освобождаемого лица. В 1657 г. Волутин дал отпускную старинному своему холопу на условии продолжать службу до смерти или пострижения его, Волутина, и его жены, а потом выйти совсем на волю с женой, сыном и детьми, «что у него впредь будет детей», также с «нажитком», который он наживет у него во дворе до того времени. Еще характернее отпускная, данная Путиловым старинному крепостному Тихону в 1624 г. Господин давал в отпускной Тихону позволение жениться на рабе Тушина с условием, что сам Тихон останется, попрежнему, холопом, но жена его будет вольной с минуты замужства, а дети, которых пошлет им Бог, как сыновья, так и дочери, будут разделены на две половины, из которых одна по матери пойдет на волю, а другая по отцу останется в холопстве, и когда Бог сошлет по Тихонову душу, жена его с половиной семьи может идти на все четыре стороны, а другая половина останется во дворе Путилова [1]). Если бы Тихон умер, оставив малолетних детей, которых нельзя оторвать от матери, Путилов мог предложить ей выкупить тех из них, которые приходились на его долю. Этот выкуп был бы очень похож на осуждаемое в наставлении духовнику изгойство с детей, прижитых вольноотпущенными после освобождения. Итак, из сложного и тщательно выработанного греко-римского института вольноотпущенничества русское рабовладение заимствовало только

---

[1]) Акты Юрид. № 406, I. Новгор. крепостн. кн. в Моск. Арх. Минист. Иностр. Дел. № 35, л. 58.

право условного освобождения, которое, при своеобразном местном его применении, родило обычай обусловливать отпуск холопов по выкупу обязательством выкупать и детей, которые родятся после освобождения родителей. Холопы, выкупавшиеся на волю, по княжескому законодательству XI и XII вв., становились церковными людьми, которых ведали и судили во всех делах церковные учреждения. Духовенству не было интереса ни вводить, ни поддерживать обычай, который, при своей внутренней несправедливости, стеснял сферу его власти и влияния, поддерживая зависимость вольноотпущенных от их прежних господ. Потому надобно думать, что это местное видоизменение греко-римского вольноотпущенничества образовалось еще до принятия Русью христианства под влиянием тесных торговых сношений с Византией.

Изложенные перемены в русском рабовладельческом праве существенно изменили юридический характер русского холопства. До этих перемен оно отличалось цельностью, однообразием и безусловностью; к нему вполне приложимы были слова Прохирона о рабстве греко-римском: «рабство неделимо; состояние рабов не допускает никаких различений: о рабе нельзя сказать, что он раб более или менее» [1]). Теперь в русское холопство внесены были различия и условность: из полного холопства стали выделяться виды зависимости ограниченной. Главными средствами, которыми духовенство вводило эти перемены, были исповедь и духовное завещание: первая подготовляла к реформе рабовладельческие умы и совести, второе из внушенных духовником предсмертных проявлений милосердия и сострадания к порабощенному ближнему создавало нравственный обычай, становившийся потом юридическою нормой, обязательным правилом. Энергия и постоянство действия в этом направлении облегчались тем, что духовенство пришло на Русь из Византии, когда там законодательство о рабстве и юриспруденция давно уже склонились в сторону свободы, колебля и разрушая жестокую рабовладельческую логику римского права. Законоведы старались истолковать в пользу рабов все сомнительные казусы в их отношениях к госпо-

---

[1]) Prochiron, XXXIV, 3.

дам. Константин Багрянородный издал закон, по которому треть имущества, оставшегося без завещания и прямых наследников, посвящалась Богу; в состав этой трети отчислялись все оставшиеся после умершего рабы, которые при этом получали свободу. Мотивируя этот закон, император прямо признал наследственность рабства установлением богопротивным и бессовестным: «допустить, что и самая смерть господина не разбивает тяготеющих на рабе оков, значило бы оскорбить святость Божию, мудрость государя, самую совесть человека» [1]). Духовенство на Руси не добилось всего, к чему стремилось. Оно старалось уничтожить продажу людей в рабство: древнерусские эпитимейники назначали значительные эпитимии господам за продажу челяди, родителям за продажу детей в рабство. Даже не все добытое удавалось удержать. Мы видели, как продажа свободного человека в полное холопство превратилась в личный долговой заклад с правом выкупа. В Русскую Правду не позднее XII века внесено было постановление, которое исключало из числа источников холопства как отдачу детей родителями в работу, так и службу свободного за прокорм. Но летопись рассказывает, что в Новгороде во время голода 1230 г. отцы и матери отдавали купцам своих детей «одерень из хлеба», т. е. в полное холопство за прокорм. Значит, уже в первой половине XIII в. совершались сделки на свободных людей с употреблением д е р н а, служившего символическим знаком того, что лицо или вещь передавались в собственность приобретателя, по древнерусскому юридическому выражению, «в прок без выкупа». Это возвращение к старине, впрочем, не вытеснило закладных сделок с условною зависимостью. В памятниках XIV в. оба вида зависимости иногда являются рядом и различаются очень явственно: в договоре с Дмитрием Донским 1368 г. тверской князь Михаил дал обязательство отпустить на волю тех обывателей Торжка, которые продались ему «одернь пословицею» (по добровольному соглашению), как и тех, на ком он «серебро дал пословицею». Таким образом, тяготение к холопству восстановило

---

[1]) Wallon: «H i s t o i r e d e l'e s c l a v a g e d a n s l'a n t i q u i t é». III, 456.

старую привычную юридическую норму, не уничтожив новой. Со времени этого раздвоения полное холопство, во времена Русской Правды называвшееся о б е л ь н ы м, получило в отличие от условной зависимости закладной название д е р н о в а т о г о. В XIV в. оно обыкновенно укреплялось письменными крепостями, г р а м о т а м и д е р н о в а т ы м и, которые в XV в. стали зваться п о л н ы м и [1]).

Несмотря на противодействие юридического обычая, разложение первобытного русского холопства уже в XII и XIII вв. сделало заметные успехи. Несвободные люди стали делиться на разряды по степени зависимости и общественного значения. О русских холопах уже можно было сказать, что один более холоп, другой менее. В составе челяди образовался привилегированный класс, состоявший из разных тиунов или приказчиков по управлению княжескими и боярскими хозяйствами. Одна из статей Русской Правды допускает боярского тиуна свидетелем в суде при недостатке свидетелей из свободных людей. Смоленский договор с немцами 1229 г. знал таких княжеских и боярских холопов, которых можно было причислить к «добрым людям», пользовавшимся известным почетом в обществе. Тот же договор назначает пеню за удар, нанесенный холопу,—знак, что с разложением древнего холопства росло и юридическое значение личности холопа. Вместе с тем, и его имущественное положение является более обеспеченным по закону. Первоначально холоп не мог иметь ничего своего: все, что он приобретал, принадлежало его господину. Но русские рабовладельцы, подобно римским, исстари доверяли часть своего имущества в распоряжение или пользование своим холопам: это—о т а р и ц а Русской Правды, п е к у л и й римского права, б о н д а польского. Такое доверенное имущество давало холопу возможность вести свое особое хозяйство и вступать в обязательства с посторонними лицами. Эти обязательства холопов признавались юридическими сделками; только ответчиками по ним были не сами холопы, а их господа. Еще в X в. арабские писатели заметили, что русские купцы имели обычай поручать

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов., I, стр. 48, 16 и 73.

своим рабам ведение торговых дел. Русская Правда подтверждает это известие одною своею статьей, которая говорит, что если холоп с согласия или по поручению своего господина будет торговать и задолжает, этот долг обязан заплатить его господин. В грекоримском праве связь раба с его пекулием укреплялась вместе с юридическим значением первого. Юристы империи вообще стояли за это укрепление, рассматривая пекулий как особое хозяйство раба, отличное от господского. Императорское законодательство подчинялось этому взгляду, и их соединенными усилиями был подготовлен декрет императора Льва Мудрого, в котором он решительно восстает против взгляда рабовладельцев на пекулий рабов как на свою собственность, и в пример им уступает рабам дворцовых вотчин полное распоряжение их имуществами. Русское право не заходило так далеко; но и в нем холопья отарица сделала некоторые юридические приобретения. В упомянутом смоленском договоре 1229 г. одна статья говорит, что если немец даст взаймы холопу княжескому (по некоторым спискам, и боярскому) или иному доброму человеку, а должник умрет, не расплатившись, то долг обязан уплатить тот, к кому перейдет по наследству имущество должника. В другом смоленском трактате с немцами, составленном на основании договора 1229 г. несколько лет спустя, то же условие применено ко всякому немцу, который забирал в долг товар у смольнянина и умирал, не расплатившись [1]). Из этого, повидимому, можно заключить, что, по крайней мере, имущество привилегированных холопов переходило по наследству одинаковым порядком с имуществом свободных людей.

Изложенные перемены в русском рабовладельческом праве сделали возможным, и также при деятельном участии церковных учреждений, образование класса, который имел решительное влияние на судьбу холопства,—того класса, который, вышедши из холопства, сначала стал между ним и крестьянством, а потом, сливаясь с последним, увлек за собою и первое и тем положил конец существованию самого холопства. Довольно сложную и темную историю

---

[1]) Wallon, ibid., III, p. 454. Русско-ливонск. акты, стр. 426 и 452.

этого класса можно разделить на два периода, из которых первый обозначен временем холопов-страдников, а второй временем задворных людей.

III.

Холопы-страдники.

Перемены, происшедшие в русском рабовладельческом праве со времени принятия христианства, открыли доступ в русское юридическое сознание двум понятиям, прежде немыслимым: теперь стало возможно настоять на признании того, что не всякая личная зависимость есть холопство, хотя бы она соединялась с обязательною работой на хозяина, и что с лицами, связанными даже холопскою зависимостью, можно вступать в юридические соглашения. Оба эти понятия нашли себе со временем широкое применение в русском землевладении и оказали значительное действие как на склад землевладельческого хозяйства, так и на юридические отношения несвободного земледельческого населения. Церковь, так много содействовавшая успеху этих понятий, дала и первые примеры их применения в своих вотчинах.

Можно, кажется, с приблизительною точностью определить эпоху возникновения на Руси частной земельной собственности вне княжеского рода, владевшего Русскою землею. Следов этой собственности не замечали до половины X в. арабские писатели, описывавшие состояние Восточной Европы: Русь, как называли они руководящие классы русско-славянского общества, по их словам, не имела ни сел, ни пашен, а занималась войной и торговлей. Но в торговый договор, заключенный киевским князем Владимиром с волжскими болгарами в 1006 г., сколько можно судить о его содержании по изложению Татищева, внесено было условие, по которому болгарские купцы получали право торговать на Руси только с купцами же по городам, но не могли ездить по селам и вступать в прямые торговые сношения с огневщиной и смердиной, ничего ни продавать им, ни покупать у них [1]). Смердина—

[1]) Татищев: «Ист.» II, 89.

классы свободных русских крестьян, смердов; огневщина—дворовая челядь. И так, уже к началу XI в. в составе несвободного населения Руси появилась челядь, жившая по селам рядом со свободным земледельческим населением. Эти села, заселенные огневщиной, были вотчины огнищан, привилегированных частных владельцев. Можно даже заметить, что в XI и XII вв. челядь составляла самое многочисленное, если не единственное рабочее население частных земельных имуществ как боярских, так и княжеских. Все известия русских памятников тех веков об этих имуществах отмечают одну существенную черту их сельско-хозяйственного инвентаря: все это «села с челядью» [1]). Переход к сельско-хозяйственной утилизации холопьего труда, прежде употреблявшегося только на домашние или торговые услуги, был, без сомнения, большим шагом вперед для русского народного хозяйства. Но этому экономическому успеху можно придавать и важное юридическое значение: он должен был оказать значительное действие и на развитие самого права земельной собственности. Известно, что везде люди долго не могли усвоить себе мысли о земле, как предмете частного владения; им даже скорее давалась мысль о возможности владеть человеком, как вещью. На Руси рабовладение было, повидимому, не только экономическим условием, но и первоначальным юридическим проводником идеи частного землевладения: сельский холоп давал землевладельцу возможность не только эксплуатировать землю, но и признавать ее своею. Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие, мною к ней привязанные,—таков был диалектический процесс усвоения мысли о частной земельной собственности первыми русскими землевладельцами. Такая юридическая диалектика была естественна в то время, когда господствующим способом приобретения земельной собственности на Руси служило занятие никому не при-

---

[1]) Путивльский двор-село кн. Святослава с 700 холопов, упоминаемый летописью под 1146 г., пять сел с челядью, завещанных в 1158 г. минской княгиней Печерскому монастырю, село Варлаама Хутынского с челядью и сотиною, описанное во вкладной конца XII или начала XIII в. Ипат. лет., 237 и 238. Доп. к А. Ист. I, № 5.

надлежащих пустынных пространств. Хлебопашество холопьими руками, повидимому, не было первичным способом эксплуатации частной земельной собственности на Руси: холопу-земледельцу предшествовал холоп-пастух. Обширные степные пространства, входившие в пределы русской земли X—XII вв., содействовали развитию значительного скотоводства княжеского и боярского, следы которого заметны в летописи XII в. О рабах, пасущих господские стада и травящих «нивы сиротины» пашни бедных крестьян, с негодованием говорит одно из древнейших русских поучений на св. Четыредесятницу. Самый термин о г н и щ е, которому древний славянский переводчик слов Григория Богослова придал производное значение челяди, собственно означал п а с т б и щ е, точнее стоянку пастухов на пастбище. Соединение в одном термине столь разнородных понятий указывает на тесную бытовую связь, некогда существовавшую между обозначаемыми ими предметами: орудием хозяйственной эксплуатации владельческих пастбищ на Руси XI века, для которой был если не сделан, то списан и переделан перевод этих слов, служили рабы-пастухи. О г н е в щ и н а—древнейшее русское название сельской челяди, которое вместе с о г н и щ а н и н о м, термином, ему родственным этимологически, успело уже обветшать ко времени составления Р у с с к о й П р а в д ы. Когда в составе этой челяди появились холопы пахотные, им усвоено было название с т р а д н и к о в или с т р а д а л ь н и к о в: с т р а д а, в широком смысле всякий черный труд, рано получила у нас тесное значение сельской полевой работы.

Везде, а в России особенно, перевод холопа из дворовой службы на пашню был для него шагом к некоторой самостоятельности. Свойство новых занятий и выгоды самого господина побуждали последнего давать пахотному холопу больше простора для действий сравнительно с холопом дворовым. Земледельческая работа не занимала холопа круглый год изо дня в день, как дворовая служба; отсюда возникало у господина желание заставить холопа в свободное от господской страды время работать на себя и тем добывать самому себе содержание, не требуя его от хозяина. Обилие пустопорожних земель, одна из самых характерных особенностей древнерусских вотчин,

указывало удобное и выгодное для вотчинника средство занять досуг, остававшийся у холопа от работы на барской пашне или гумне: это средство—отвести страднику земельный участок в пользование и дать ему обзавестись своим хозяйством. Так, переводом холопа из городского двора в сельскую усадьбу подготовлялось новое его переселение из общей усадебной казармы, где помещалась обрабатывавшая господское поле челядь, в отдельный двор с особым земельным участком и земледельческим инвентарем. Но этот перелом в земледельческом хозяйстве совершился не скоро: для него нужны были продолжительный опыт, выработанные хозяйственные отношения и испытанные приемы. Случилось такъ, что почин во всем этом принадлежал церковному землевладению, находившемуся в особенных условиях. Церковь едва ли не с первых пор своего существования на Руси стала приобретать земельные имущества; значит, церковное землевладение у нас возникло почти в одно время со светским. Первоначально церковные землевладельцы черпали рабочие силы для ведения сельского хозяйства из одного источника со светским землевладением. Главный запас этих сил доставляло холопство. В первую пору частного землевладения на Руси, когда русское рабовладельческое право еще не было тронуто церковно-византийским влиянием, это был даже, повидимому, единственный запас: в состав сельской страдной челяди вступали и немногочисленные рабочие, переходившие в частные вотчины из обществ смердов, государственных крестьян, из которых состояло все свободное сельское население Руси в начале XI века; едва ли уже в то время существовали вольные хлебопашцы, съемщики владельческой земли. Из того же запаса снабжалось рабочими и раннее церковное землевладение; но здесь установились иные юридические отношения между обеими сторонами, непохожие на те, какие господствовали в светских вотчинах, а сообразно с тем завелся и особый хозяйственный порядок. Положение, занятое церковью в новопросвещенном русском обществе, и перемены, внесенные ею в русское рабовладельческое право, поставили ее особенно близко к несвободному населению Руси и ввели в ее ведомство много дел о холопстве. Она наблюдала за освобождением холопов по духовным завещаниям, как и за наделом детей рабы урочною частью из имущества

прижившего их господина; под ее опеку и юрисдикцию поступали все холопы, выкупавшиеся или иными способами выходившие на волю; наконец, ей самой отказывали холопов по душе. Все эти лица входили в состав общества «церковных людей»; холопы первых двух разрядов, вступая в это общество вследствие освобождения, не возвращались в холопство; последние переставали быть холопами вследствие того, что становились церковными людьми. Духовные лица могли быть рабовладельцами, но у церкви не было холопов: холоп был крепок лицу, а церковные люди зависели от церковных учреждений. Холоп, вступая в общество церковных людей, становился изгоем, зависимым от церкви вольноотпущенным. Зависимость церковных людей состояла в том, что их судила церковная власть по всем делам, заменяя для них власть государственную, которая лишь выговаривала себе, и то не всегда, суд по некоторым важнейшим уголовным преступлениям или даже только участие в церковном суде по таким преступлениям. Это была благотворительная «богадельная», зависимость по поручению государства, которое подчиняло опеке и суду церкви всех бесприютных людей, лишившихся или не находивших себе места в государственном порядке, каковы были все изгои. Но, принимая от государства таких людей под свою опеку, церковь закрепляла государственное поручение частным гражданским соглашением с опекаемыми: одних она назначала на домовую службу при церковных властях или учреждениях, других сажала на оброк, селя их на церковных землях или приобретая их вместе с землей. Те и другие существенно отличались от холопов: они служили церкви по уговору и удерживали за собою право прекратить свою службу; они сохраняли также право собственности на свое имущество и жили своими хозяйствами; оброчники, селившиеся на городской или сельской церковной земле, имели свои дворы, а сельские, сверх того, получали в пользование земельные участки. Словом, переходя в ведомство церкви, бывшие холопы по гражданским сделкам становились к церковным учреждениям в отношение временно-обязанных закладней,—в ту условную зависимость, которая и была введена в русское право при содействии церкви. Смоленский князь Ростислав, учреждая епископскую кафедру в своем стольном городе,

в числе источников ее содержания пожертвовал ей и два села «со изгои»: очевидно, это были села княжеских холопов, получавших новое звание с переходом в церковное владение. Вероятно, из таких же холопов, пожертвованных церкви или выкупленных ею, состояли и две слободы епископских изгоев в Новгороде, упоминаемые в одной поздней статье Русской Правды. Но некоторые признаки напоминали холопское происхождение этих церковных слуг: подобно холопам, они не подлежали государственным повинностям; всего более сближала их с холопами наследственность их службы не по закону или обязательству отцов, а по доброй воле детей. Поэтому, неточно пользуясь юридическою терминологией, их иногда называли холопами; даже Русская Правда в одной статье говорит о холопах «черноческих», т. е. монастырских, если только не разумеет здесь холопов отдельных монахов, которых последние не освободили при своем пострижении. Инок Печерского монастыря Поликарп в послании, писанном в первой половине XIII в., рассказывает об иноке того же монастыря Григории, жившем во второй половине XI в. Из этих рассказов можно видеть, как делались монастырскими слугами и на каких условиях служили монастырю люди, отрывавшиеся от общества или угрожаемые изгнанием из него. Поликарп рассказывает о ворах, безуспешно пытавшихся обокрасть Григория. Одни, пойманные и отпущенные старцем, были привлечены к ответственности за покушение городским судьей; выкупленные у него Григорием, они раскаялись, пришли в монастырь и добровольно «вдашася на работу братии». Другие воры, успевшие бежать с места преступления, потом сами пришли к старцу с раскаянием, и Григорий «осуди их в работу Печерскому монастырю, и скончаша живот свой и с чады своими, работающе в Печерском монастыре». Особенно любопытен третий случай. Воры, пойманные братией, молили Григория отпустить их. Старец соглашался на это с условием, чтобы они променяли свое преступное занятие на честный труд. Те с клятвой обещали это. Тогда Григорий сказал им: работайте на святую братию и уделяйте от трудов своих на ее нужды. Воры исполнили свое обещание и до конца жизни оставались при Печерском монастыре, снимая у него огород, «их же, мню, исчадия до ныне суть»,—прибавляет

Поликарп, желая сказать, что потомки тех воров и до его времени, в течение более чем ста лет, продолжали служить монастырю подобно своим предкам [1]). Уловить юридический характер этого словесного договора старца с ворами на самом месте преступления тем труднее, что Григорий не был облечен ни судебною, ни хозяйственно-административною властью, а из первого случая видно, что уже и в тогдашней судебной практике отказ потерпевшей стороны от иска не снимал с преступника ответственности за преступление. В рассказанных Поликарпом случаях юридическое обязательство поглощено нравственным обетом, который, однако, ведет к установлению очень прочных отношений не только хозяйственных, но и юридических, ко вступлению раскаявшихся преступников в новое общественное положение, пожизненное и даже наследственное, и к пожизненному, если не наследственному пользованию монастырскою землей с уплатой владельцу известной доли дохода, т.-е. на условии оброка.

Таким образом, церковное землевладельческое хозяйство строилось на двух основаниях, одинаково непривычных для светских землевладельцев: на условной зависимости рабочих от землевладельца по уговору, соединенной с обязательною работой зависимого лица на владельца, но не переходившей в холопство, и на замене наемной платы и дворового содержания работника усадебным и полевым наделом. Благодаря такому хозяйственному порядку, из бывших холопов и других рабочих, переходивших в ведомство церкви, образовался новый класс в составе сельского земледельческого населения— класс временно или бессрочно обязанных оброчников на частной владельческой земле с земельными наделами. Возникновение этого класса в вотчинах церковных земледельцев было вызвано не только хозяйственными выгодами последних, но и юридическою необходимостью. Ни право, ни нравственное учение церкви не позволяли ее учреждениям становиться к своим чернорабочим слугам в отношения господ к холопам. Но, чтобы с наибольшею выгодой эксплуатировать приобретаемые ею земли и производительнее занять накоплявшийся в ее ведомстве рабочий люд, она помогала его хозяйственному

---

[1]) Вл. Яковлев: Пам. Русск. Лит., стр. 137—139.

обзаведению и отдавала ему в пользование свои земли, обязывая его за то платить ей либо работой на церковной пашне, либо долей дохода с уступленных участков. В том и другом случае хлебопашец-хозяин, собственным расчетом побуждаемый лучше обрабатывать свой участок, оказывался для землевладельца доходнее и удобнее бездомного и живущего на господских харчах сельского батрака-холопа, лично не заинтересованного в своей работе. Для светских землевладельцев не существовало юридической необходимости, которою были связаны церковные; но они разделяли хозяйственные расчеты, которые побуждали церковных землевладельцев заводить новый порядок эксплуатации своих вотчин. Впрочем, переход к новому хозяйственному порядку в вотчинах светских владельцев, повидимому, начался не прямо переводом сельского дворового холопа на особый участок, а раздачей участков свободным поселенцам-крестьянам на условиях зависимости, близкой к холопству. По крайней мере, Русская Правда, хорошо знавшая таких крестьян, еще ничего не говорит о холопах, наделенных земельными участками. Сомнительный намек на таких холопов можно найти в грамоте Ростислава об учреждении смоленской епископии. На содержание новой кафедры князь назначил, между прочим, п р о щ е н и к о в «с медом, и с кунами, и с вирою, и с продажами», т.-е. с оброком медовым и денежным и со всеми судебными пенями. Прощеники—это люди, доставшиеся князю в холопство за преступления или за долги, может быть, приобретенные и какими-либо другими способами и им п р о щ е н н ы е, отпущенные на волю без выкупа. Медовый и денежный оброк они платили, вероятно, за пользование бортными лесами и полевыми участками на княжеской земле, на которой они были поселены еще до освобождения и на которой остались, получив свободу, подобно тому как в Византии сельские рабы иногда получали личную свободу с обязательством оставаться на пашне в положении прикрепленных к земле крестьян. Не видно только, когда смоленские прощеники были наделены земельными участками, до освобождения, или после. Как бы то ни было, Русская Правда, не зная или игнорируя пахотных холопов, обращает заботливое внимание на владельческих крестьян. Они известны ей под двояким названием н а й м и т о в и р о л е й н ы х з а к у п о в.

Довольно трудно решить, имело ли первое название какую-либо историческую связь с однозначащим византийским термином μισθωτος, означавшим в средние века вольного крестьянина на владельческой земле. Нет ничего невероятного в том, что «наймит» Русской Правды есть буквальный перевод этого греческого термина: в Правде немало слов подобного происхождения. По крайней мере, русское слово неточно выражает юридическое положение русского крестьянина на владельческой земле, как его изображает сама Правда. Это был не простой наемный рабочий, что значил наймит во времена Поликарпа, как и обоих Судебников: за свою работу он получал земельный участок и земледельческие орудия для его обработки; кроме того, при поселении он брал у владельца ссуду, чтобы обзавестись своим хозяйством. Поэтому второе название, заимствованное прямо из народного языка, шло к нему гораздо более; ролейный закуп—пахотный закладень, съемщик земли со ссудой, уплату которой он обеспечивал личным закладом, обязательною работой на владельца-кредитора. Позднее слово закуп означало самый заклад: отдать в «закуп» значило заложить. Рабовладельческое право оставило на закупе резкие следы попытки превратить его в холопа: он не допускался полноправным свидетелем на суде; владелец сам наказывал его за некоторые проступки; за воровство и побег от владельца он превращался в его полного холопа. Но Русская Правда заметно становится на сторону закупа и старается защитить его свободу от рабовладельческих посягательств: согласно с византийским законодательством и, может быть, под его влиянием, она запрещала продавать и закладывать закупа и признавала за ним право собственности на свою отарицу, как и право судебной защиты от обид со стороны владельца; притом закуп всегда мог прекратить свою зависимость и уйти от хозяина, расплатившись с ним. В удельное время, и именно в верхневолжской Руси, закуп сделал новое юридическое приобретение: даже за уход с владельческой земли без уплаты ссуды крестьянин не обращался в холопство. Очевидно, состояние закупа стало возможно только после перемен, введенных духовенством в русское рабовладельческое право и выделивших из полного холопства закладничество, как особый вид условной зависимости.

По уцелевшим в памятниках указаниям нельзя решить, когда светские землевладельцы сделали второй шаг к новому хозяйственному порядку в своих вотчинах, начали наделять дворовую челядь земельными участками под условием барщины или оброка. Можно только сказать, что в XV веке, с которого в сохранившейся юридической письменности идут достаточно ясные и точные указания на поземельные отношения в России, пахотные холопы-страдники уже являются в составе сельского населения старинным и значительным классом, хозяйственный и юридический быт которого успел прочно установиться. К этому времени холопство распалось на несколько хозяйственных разрядов, точный перечень которых затрудняется спутанностью терминологии. Страдные люди, пахотные холопы, составляли низший разряд деловых людей, как называлась черноработная челядь, городская и сельская; высший разряд состоял из собственно дворовой прислуги, к которой причислялись конюхи, разные ремесленники и мастерицы. Все деловые люди под именем меньших холопов или черных людей отличались от привилегированной челяди, холопов больших или слуг, которые, в свою очередь, распадались на два класса, на людей служивых и приказных: первые были боевые спутники господина в походах, вторые служили по хозяйственному управлению или составляли ближайшую к господам комнатную прислугу, каковы были приказчики, повара, дьяки, няни, постельницы и т. п. Собственно дворовые холопы, высшие и низшие, в отличие от деловых пахотных или деревенских людей назывались еще людьми дворными или просто людьми. В конце XV в. и в начале XVI в. даже у землевладельцев далеко не крупных и очень скромного ранга встречаем многочисленные дворни: Игн. Талызин, владелец одного села, двух деревень и трех селищ, в своей духовной 1506 года перечисляет 85 голов холопов и холопок полных, из коих 19 отпускает на волю. Очень часто во владельческом селе не было ни одного крестьянского двора: все оно состояло из барской усадьбы, т. е. из главного или большого двора, где жил владелец с частью своей дворни, из дворцов, где помещались привилегированные слуги, и из деловых дворов, которыми обставлялся справа и слева большой двор. Деловые страдные люди и большая часть

сельских дворовых холопов жили своими хозяйствами; в XV и XVI веках это вызывалось хозяйственными удобствами землевладельцев, которым служба не позволяла жить постоянно в своих вотчинах, заставляя их переносить домовый завод на городские подворья. Сельские дворовые, не имевшие своих хозяйств, помещались на барском дворе; в некоторых имениях им отводился особый двор, который называется в поземельных описях того времени челяденным. Для хозяйственного обзаведения холопов господа снабжали их скотом: купчие, вкладные и духовные XV и XVI вв., перечисляя хозяйственный состав вотчины, часто упоминают о боярском жалованьи служивым и страдным людям, о лошадях, коровах и всякой животине, которая при отпуске холопов по духовной обыкновенно отдавалась им в собственность как «благословение» завещателя.

Людским и страдным дворам отводились огороды и пашни с сенокосами. Пашня людская и служняя, хлеб людской в вотчинных описях XVI в. всегда отличались от боярской пашни и боярского хлеба. Это холопье землевладение многими чертами походило на крестьянское и, притом, позднейшего времени, когда крепостное холопье право распространено было и на крестьян. Во-первых, земли отводились холопам не отдельными подворными участками, а общими полосами, как отводились они позднее обществам крепостных крестьян: это предполагает разверстку жеребьев между отдельными холопьими дворами самими холопами. Вкладная грамота Зубаревой 1571 г., описывая пожертвованную Троицкому Сергиеву монастырю вотчину, половину сельца Талызина, отмечает в той половине рядом с дворами боярским и челядинным три двора людских и три деловых, а «пашня содного», прибавляет вкладная; с барских лугов в той вотчине ставилось сена 300 копен «опричь служних и крестьянских покосов». Во-вторых, холопы страдные, недворовые, несли с своих участков одинаковые с крестьянами вотчинные платежи и повинности, барщину и оброк, точно также вместе с крестьянами платили пошлины с судных дел, подлежавших вотчинной юрисдикции, и с разных сделок, совершаемых в пределах вотчины. Великий князь рязанский Иван в договоре с братом Федором 1496 г. упоминает о находившемся в уделе последнего селе Переславичах, в котором жили принадлежав-

шие Ивану холомы Шипиловы; великий князь в грамоте оговаривает свое право собственности на это село «с данью и судом и со всеми пошлинами». Из духовной верейского князя Михаила, писанной около 1487 г., и из летописи XV в. также узнаем, что у князей и частных владельцев были целые села и деревни, населенные одними деловыми людьми и называвшиеся деловыми или делярными. В тех из них, где была барская запашка, сельские деловые холопы, как и крестьяне, за пользование своими участками иногда отбывали только барщину; гораздо обычнее было для тех и других соединение барщинной работы с денежным или хлебным оброком; наконец, в селах и деревнях, где не было господской пашни, страдные люди платили владельцу только дань или оброк. Об «оброчниках купленных», т.-е. холопах, посаженных на оброк, упоминает уже духовная кн. Ивана Калиты, писанная около 1328 г. На оброк отдавались страдным холопам не только земельные участки, но и скот, и эта оброчная животина отличалась от благоприобретенной и ссудной, которую холопы получали от господ на хозяйственное обзаведение. В духовной Тушина, составленной в 1563 году, встречаем такое распоряжение завещателя: «что у моих деловых людей животины, того у них не брать, а что у людей деловых оброчной животины, продать». В-третьих, страдные люди по своим участкам как бы прикреплялись к владельческим селениям, в которых жили, составляли их постоянную хозяйственную принадлежность и не отрывались от этих селений при их переходе к новым владельцам, как отрывались дворовые люди. Довольно выразительный случай такого отношения страдников к земле представляют сохранившиеся в сборнике грамот Троицкого Сергиева монастыря акты об отчуждении вотчины братьев Зворыкиных села Бужанинина. В 1543 г. братья разделили село между собою пополам; старшему досталась половина большого барского двора с 8 дворами деловых людей, младшему—другая половина с 10 деловыми дворами. В следующем году старший продал свою половину Троицкому Сергиеву монастырю, а младший боярину И. С. Воронцову. Троицкий монастырь обязал старшего брата очистить проданную им половину села к Ильину дню и вывести своих людей с большого барского двора; но деловые люди со своими дворами перешли к новому владельцу.

В XVII в., когда и крестьяне стали в крепостные отношения к землевладельцам, вотчины отчуждались обыкновенно с крестьянами и деловыми людьми, где были таковые [1]).

Все перечисленные разряды холопов имели только хозяйственное значение; однако, оно было источником некоторых актов чисто юридического характера. Оброк страдного человека, как и все его поземельные отношения к господину, устанавливался не обоюдно-свободным их уговором, а односторонним господским распоряжением. Но с в о е хозяйство, дозволенное холопу, и возможность, отбыв раз назначенные поземельные повинности, располагать остальным трудом по своему усмотрению сообщали положению страдника некоторую определенность отношений и самостоятельность действий и освобождали его от ежеминутных колебаний господского произвола. На все, что приобретал такой холоп-хозяин трудом на себя, а не на господина, обе стороны привыкали смотреть как на холопье добро, отличное от господского. Этот взгляд сообщал холопу значение лица в юридическом смысле слова: с ним, как с хозяином и собственником, считалось возможным вступать в сделки не только сторонним лицам, но и его господину. В актах XVI в. довольно часто встречаются следы формальных письменных обязательств холопов-хозяев со своими господами. Протоиерей московского Благовещенского собора и государев духовник Василий был довольно крупный землевладелец и держал на своем городском дворе и по селам много холопов дворовых и страдных. В духовной 1532 г. он упоминает об одном своем человеке, за которого он заплатил значительный долг в 30 руб. (около 2,000 руб. на наши деньги) и взял с него в том запись; завещатель предписывает наследникам не взыскивать денег с того человека и возвратить ему запись. Всего чаще, разумеется, вызывались такие сделки поземельными отношениями господ к деловым страдным холопам, которые, подобно большинству крестьян, снимавших владельческие земли, вели

---

[1]) С о б р. г о с. г р. и д о г о в. I, №№ 21, 121, 127, 301. С б. Т р. С. м о н. № 530, л. 71, 911, 532—542, 581, 652 и 906. А к т ы Ю р., № 416. П. С. Р. Л е т. VI. 232.

свои хозяйства с помощью господской ссуды хлебом, скотом и деньгами. Зажиточные и рассчетливые землевладельцы держали в своих вотчинах значительные оборотные капиталы, находившиеся на руках и на ответственности ключников, которые по мере надобности выдавали из них ссуды страдным людям и крестьянам. Богач и большой боярин кн. И. Ю. Патрикеев в духовной 1498 г. насчитывает 165½ руб. (не менее 16,000 руб. на наши деньги) такого ссудного серебра, розданного в шести ключничествах только сельским его холопам, не считая денег, розданных крестьянам его многочисленных сел и деревень. Ссуды хлебные и денежные обыкновенно выдавались сельским холопам под заемные кабалы и, повидимому, на одинаковых условиях с крестьянами: по крайней мере, в землевладельческих актах половины XVI века, когда еще не заметно следов крепостных отношений крестьян к землевладельцам, заемные кабалы крестьянские и холопьи обыкновенно упоминаются рядом, как однородные обязательства, без малейших указаний на их юридическое различие. Так, кн. А. И. Стародубский в духовной, составленной в 1557 году, пишет: «да взяти мне в Льялове и в Стародубе на своих крестьянех и на своих людех прямых своих денег и хлеба по кабалам, и по тем кабалам деньги и хлеб имати княгине моей» [1]).

Из тех же поземельных отношений холопов к господам образовались два своеобразных землевладельческих класса или, лучше сказать, состояния, значительных не столько по своей численности, сколько по своему юридическому характеру. Одно из них можно назвать состоянием холопов-землевладельцев на праве собственности, другое—состоянием вольноотпущенных землевладельцев на праве пожизненного пользования. Привилегированные служилые холопы, походные спутники господ, выходя на волю по завещанию, очень нередко получали в награду за свою службу части господских вотчин в полную собственность. Вступая в холопство к новым господам, они или их дети становились холопами-вотчинниками. Иногда такое состояние создавалось еще проще: господин в завещании жаловал верного слугу вотчиной, не выпуская его на волю. Характер-

[1]) Сб. Тр. Серг. мон. № 530, л. 1040 и 1125.

ный случай такого пожалования встречаем в известной данной И. Г. Нагого 1598 г., в которой он за прямую службу и терпение дарит своему человеку Сидорову старинную свою вотчину, сельцо с 6 деревнями и 4 починками, предоставляя ему право это имение продать, заложить или в монастырь по душе дать. При этом Нагой не отпустил Сидорова на волю, а обязал его по смерти господина, жены и детей его не покинуть и их устроить по духовной грамоте, сыновей его грамоте научить, беречь и покоить, «пока Бог подымет их на свои ноги и станут сами собой владеть». Судя по значительному количеству жалованных холопов-собственников, встречающихся в актах XVI в., можно думать, что правительство тогда еще допускало такие вотчинные пожалования; но уже и в то время начинали сомневаться если не в юридической их правильности, то в политическом удобстве. Княгиня Авд. Пронская, умирая бездетной, завещала в 1565 г. свою довольно крупную вотчину частью своим родственникам, частью церквам и монастырям; но несколько деревень и починков она отказала в собственность трем своим слугам, которых вместе с другими холопами она при этом отпустила на волю. Завещание в пользу родни и небогатых монастырей и церквей не возбуждало недоумений в завещательнице; но земельное пожалование слугам, как и распоряжение в пользу богатых монастырей, которым правительство уже начинало запрещать прием земельных вкладов по душе, княгиня сочла нужным оговорить условием, если «государь царь пожалует, не велит взяти той вотчинки, а нас не сотворит беспамятных, а возьмет—его царская воля» [1]).

Холопы-собственники выходили изъ привилегированного служилого слоя холопства, который и по военному ремеслу, и частью по самому происхождению стоял близко к тогдашнему провинциальному дворянству: до Уложения многие мелкие дворяне вступали в служилые холопы к знатным и богатым землевладельцам, а служилые холопы последних, выходя на волю, зачислялись в ряды уездного дворянства и получали от государства поместья. Вольноотпущенные землевладельцы на праве пожизненного пользования выхо-

[1]) Там же, л. 464 и 1066.

дили не только из этого привилегированного слоя, но и из низшего разряда холопов, из деловых страдных людей, которые по своим занятиям и происхождению близко подходили к крестьянству. Это состояние—мало заметное и еще меньше замеченное явление в истории нашего права. Упомянутый боярин кн. Патрикеев, распределяя в завещании свою вотчину и многочисленную челядь между наследниками, женой и двумя сыновьями, поименовывает 23 человека холопов, одиноких или семейных, которых он отпускает на волю; из них трое освобождаются с женами, детьми и с землею. Духовная не дает понять, какого рода были эти холопы, какую землю и на каком праве получали они по завещанию вместе с свободой и в какие отношения становились по смерти завещателя к его наследникам. В духовных XVI в. такими вольноотпущенными с землею являются обыкновенно деловые люди и их будущее поземельное положение определяется обращенным к наследникам распоряжением завещателя их с тех земель «не двигнуть». Значит, это были пахотные холопы-страдники, жившие особыми дворами с земельными наделами, которые не отнимались у них при освобождении и с которых наследники освободителя не должны были их удалять. Чебуков по духовной, составленной около половины XVI в., отказал все свое недвижимое имение частью в монастыри Троицкий Сергиев и Калязин, частью своей матери с братом, «а людям деловым,—прибавляет завещатель,—после моего живота земля на 4 части, а дела до них нет никому, а животов и хлебца их не вредить». Выше было замечено, что деловым людям, жившим в одном селении, земля отводилась общею полосой, которую они сами разверстывали между собою на подворные участки, вероятно, переделяясь сообразно с переменами в наличном составе рабочих сил каждого двора. Когда писалась духовная Чебукова, у него было 4 двора деловых людей; отпуская их на волю, он приказал наследникам не трогать их хлеба и прочего движимого имущества, а землю, которою они пользовались, разделить на 4 постоянных участка и отдать им во владение. Невероятно, чтобы эти участки отдавались деловым людям в полную собственность: трудно допустить, чтобы завещатели создавали о-бок со своими усадьбами поселения вольных хлебопашцев-собственников, выры-

вая из своих вотчин клочки земли и отчуждая их в вечное владение этим хлебопашцам. В актах встречаем скудные указания на юридический характер этих пожалований. В 1560 годах кн. Аф. Ногаев-Ромодановский отказал свои вотчины жене и сыну с условием, что по смерти сына, повидимому, не обещавшего жить долго, завещанные ему села и деревни должны перейти одни к его матери, жене завещателя, другие в Троицкий Сергиев монастырь. Из вотчины, назначенной по смерти сына Троицкому монастырю, две деревни князь отказал двум своим холопам, из коих один получал свободу тотчас по смерти завещателя, а другой по смерти его сына; владение каждого начиналось с минуты выхода на волю и продолжалось до конца его жизни; по смерти обоих деревни их отходили к монастырю. Завещатель запрещает сыну и монастырю высылать пожалованных людей из этих деревень; монастырю, впрочем, предоставлено было право очистить обе деревни от пожизненных владельцев раньше их смерти, заплатив им назначенный завещателем выкуп. Самое свойство обоих пожалований, состоявших в целых деревнях, а не в простых участках, какими наделялись деловые люди, указывает на принадлежность пожалованных к привилегированному служилому холопству. Тем вероятнее, что на таком же праве получали свои участки во владение по завещанию и рабочие деловые холопы. Впрочем, это предположение поддерживается и более прямым указанием. Писцовая книга Московского уезда, составленная в 1584—1586 г., описывая земли Стромынского монастыря в Объезжем стану, о монастырской пустоши Козиной замечает, что в ней два двора, И. и С. Собакиных «и живут в них деловые люди, а дано им до их живота»; в пустоши было пашни 15 десятин в трех полях [1]). Упомянутые в писцовой книге Собакины умерли за несколько лет до ее составления; потому замечание писцовой книги всего скорее можно понять так, что Козина с двумя дворами пахотных деловых людей принадлежала Собакиным, которые по духовным отказали ее в Стромынский монастырь съ условием, чтобы деловые люди, отпущенные ими на волю, оста-

---

[1]) Там же, л. 131 и 1097. Писц. книги XVI в., изд. Калачовым, I, 265.

вались в тех дворах до своей смерти, пожизненно владея пашней, которой были наделены при жизни завещателей. Ни в одном акте нет ни малейшего намека на какие-либо обязательства пожалованных, вообще на их отношения к наследникам своих бывших господ. Ясно только, что пожизненное владение вольноотпущенных по распоряжению завещателей имело совершенно личный характер и ни в каком случае не могло быть отчуждаемо владельцами помимо наследников. В духовных нет прямых указаний на границы юридической и нравственной обязательности таких распоряжений для наследников и ни на каких текстах нельзя основать решительного ответа на вопрос, в какой степени снабжено было это владение юридическою крепостью и правом судебной защиты от лица владельцев, или оно держалось исключительно на милости завещателя и на нравственном внимании наследников к его воле. Но против последнего предположения говорят некоторые косвенные указания: таковы назначение выкупа в духовной кн. Ромодановского и неразрывность таких пожалований с распоряжениями об отпуске жалуемых на волю, а такие распоряжения завещателей имели вполне обязательную силу для наследников. Эта неразрывность была, повидимому, юридическою особенностью, отличавшей холопье пожизненное владение от владения на праве собственности, для которого отпуск владельца на волю не был необходимым условием. Трудно догадаться, изменялись ли поземельные отношения вольноотпущенных пожизненных владельцев, когда они вступали в холопство к наследникам своего бывшего господина, собственникам участков, которыми они владели по завещанию; но очень вероятно, что это владение прекращалось вступлением их в холопство к посторонним лицам. В истории поземельных отношений вне России не легко найти форму землевладения, сходную с описанною русскою. Всего более напоминает она прекарий; но в ней совмещались некоторые особенности и римского, и средневекового прекария с прибавкой одного условия римского пожалования в случае смерти или средневековой немецкой посмертной передачи (mortis causa donatio, cessio post obitum). Римский прекарий, как определяет его Рот, состоял в передаче вещи в бессрочное и даровое владение, не соединенное

ни с каким обязательством ни для собственника, ни для владельца и не создававшее последнему никакого вещного права на предмет владения. Средневековой прекарий, или прекария, какъ называет его Рот в отличие от римского, пользуясь словоупотреблением IX века, состоял в передаче узуфрукта, обыкновенно на время жизни получателя, под условием оброчного платежа с уступленной во владение земли или без этого условия. С римским прекарием русское пожизненное владение вольноотпущенных по завещанию сходилось в безвозмездности владения пожалованною землей и в его личном характере без примеси вещного, а с прекарией средневековой в обязательственном значении этого владения для собственников, наследников завещателя, и в пожизненной продолжительности его для владельцев; наконец, с римским пожалованием в случае смерти и с немецкою посмертною передачей оно имело общего только одно то условие, что пожалованный или переданный предмет поступал в действительное владение получавшего лишь с минуты смерти его собственника, потому что обоими указанными актами, римским и немецким, передавалось право собственности, а не одного пользования [1]).

Во всяком случае, землевладение вольноотпущенных на праве пожизненного пользования было самобытным явлением русского гражданского права, завершившим собою ряд успехов, каких в половине XVI в. достигло древне-русское полное холопство в своем движении по пути к свободе. Эти успехи были экономические и юридические. Для народного хозяйства было важно образование класса сельских холопов-хозяев, наделенных земельными участками, которые без того оставались бы непроизводительными пустырями. Об экономическом значении класса можно судить по некоторым скудным данным, встречаемым в уцелевших остатках писцовых книг XVI в. В Каширском уезде на землях светских землевладельцев по писцовой книге 1579 г. считалось 972 людских двора на 2,828 дворов крестьянских и бобыльских, а в Тульском по книге 1589 г. 990 людских дво-

---

[1]) Roth: «Feudalität und Unterthanverband» S. 145—153.

ров на 2,229 крестьянских и бобыльских [1]). Следовательно, если определять сравнительную численность разных сельских классов тогдашнею хозяйственною единицей, двором, на землях светских владельцев сельские холопы-хозяева, в большинстве наделенные участками, составляли в первом из названных уездов 25% сельского земледельческого населения, а во втором даже 30%. Еще важнее были успехи юридические: имущество сельского холопа-хозяина юридически отделялось от господской собственности; по этому имуществу холоп мог вступать в обязательства от своего лица даже с собственным господином: наконец, за холопом, по крайней мере, высшего привилегированного разряда, признавалось право земельной собственности. Все эти успехи обнаружились в области поземельных отношений,—так, землевладение стало почвой, на которой продолжался процесс эмансипации холопства, начавшийся в области нравственных понятий. Заслуживают внимания обнаружившиеся в этом процессе взаимная связь и последовательность действия условий нравственных, юридических, экономических и, наконец, политических. Нравственные понятия, принесенные христианством, внесли в русское рабовладение новые юридические нормы, которые, коснувшись основной экономической силы страны, землевладения, сделали возможным новое хозяйственное устройство значительной части холопства,—такое устройство, которое, закрепив достигнутые холопством успехи, постепенно выводило его из области частного права и ставило в непосредственные отношения к государству, делая его способным нести государственные повинности. Этот последний политический момент обнаружился в судьбе задворных людей.

IV.

Задворные люди.

Перечисленные в предшествующей статье звания холопов служивых, приказных, деловых, страдных были экономические, а не юридические состояния; они различались только хозяйственным

---

[1]) Писц. книги, изд. Калачовым, II, 1534 и 1259.

назначением, какое давал господин своим холопам. Юридически все эти люди до второй четверти XVI века были холопы полные; с того времени к ним присоединяются еще холопы докладные. Довольно неожиданно появление этих последних в низшем разряде сельского холопства: так, уже духовная В. Ф. Сурмина, составленная в 1542 году, говорит о людях деловых «по полным и по докладным». Одним из основных условий докладной неволи была служба сельским ключником; потому люди, служившие по докладным грамотам, должны были бы входить в состав только высшего приказного холопства. Но до конца XVI в. в актах не заметно кабальных холопов на пашне, хотя есть следы, указывающие на то, что они служили не только в городских дворах, но и по селам своих господ. Духовная М. И. Пушкина 1597 г., упоминая о сельских кабальных холопах, прямо отличает их от деловых людей: «людей моих кабальных,—пишет завещатель,—во дворе и в деревнях всех отпустити на свободу опричь тех, которых я приказывал жене моей по ее живот, а что у которого человека моего жалованья, лошадей и платья, и то перед ними; да деловых моих людей также отпустити на свободу» [1]). Из того, что завещатель дарит кабальным людям лошадей и платье, никак нельзя заключать, что это были хлебопашцы; скорее можно думать, что речь идет о служилых дворовых людях, которых завещатель отпускал на волю с походными лошадьми и с платьем, какое тогда носили походные слуги светских служилых землевладельцев. Но в XVII в. кабальный холоп на пашне становится обычным явлением. Вместе с тем, в поземельных актах этого века исчезают столь часто упоминаемые в памятниках прежнего времени страдные люди; за то в составе несвободного сельского населения является новый класс задворных людей.

Происхождение этого класса надобно поставить в тесную историческую связь как с состоянием страдных людей, так и с кабальным холопством. Название его произошло от того, что люди этого класса селились особыми избами задворм землевладельца подобно страдникам; подобно им же задворные люди всегда наделялись земель-

---

[1]) Сб. Тр.-Серг. мон., № 530, л. 30 и 1009.

ными участками, так что по своему хозяйственному устройству они ничем не отличались от страдных людей. Но это было особое юридическое состояние, какого не существовало в прежнем составе сельской челяди. Ни в законодательстве, ни в поземельных актах и книгах XVII в. нет прямых указаний на юридическую связь задворного холопства с кабальным: закон, определяя юридическое положение кабальных холопов, оставался равнодушен к хозяйственному употреблению, какое делали из них господа; напротив, поземельные акты и книги, точно обозначая хозяйственное положение холопов, редко имели нужду отмечать их юридический характер. Однако, с некоторою уверенностью можно предполагать, что задворными людьми первоначально становились кабальные холопы, и что этот новый экономический класс образовался из недавно сложившегося юридического вида холопства путем перехода кабальных холопов в хозяйственное положение страдных людей. В актах второй половины XVII в., где только надобно было обозначить юридический характер задворного человека, он в большей части случаев называется кабальным холопом. Притом, как в законодательных, так и в поземельных актах этот класс появляется с конца первой четверти XVII века, вскоре после того как завершилось законодательное определение юридических условий служилой кабалы. Наконец, по писцовым книгам XVII в. даже при неполном знакомстве с ними можно заметить, что класс задворных людей возник в начале этого века и постепенно рос к концу его. В книгах первой половины столетия задворные люди встречаются очень редко и их усадьбы перечисляются в ряд с «людскими дворами», т.-е. с дворами прежних деловых полных и докладных холопов: поземельные писцы еще не привыкли выделять их в особое состояние. В книгах 1678 г. задворные люди являются уже значительным по численности классом и их дворы перечисляются особою статьей. Таким образом, этот класс по своему хозяйственному происхождению был преемником старинных страдных людей, а по происхождению юридическому примыкал к кабальному холопству.

Легко понять, что юридический характер задворных людей плохо мирился с их хозяйственным положением. Кабальный человек по условиям служилой кабалы обязывался служить во дворе госпо-

дина «по вся дни», а задворный человек жил особым двором и обрабатывал свой земельный участок, уделяя господину только часть своего труда или заменяя работу на него оброком. Притом, кабальная служба продолжалась до смерти господина, а поземельный договор по самому характеру поземельных отношений требовал более определенного и менее случайного срока. Надобно предположить особые побуждения, благодаря которым с начала XVII в. кабальные холопы становились в хозяйственные отношения, столь мало соответствовавшие условиям кабальной службы. Некоторый свет на эти побуждения проливают писцовые книги начала XVII века. Изучая их, замечаем важную перемену, происшедшую в составе сельского населения. Выше мы видели, какую значительную часть этого населения на землях светских владельцев составляли в некоторых местах холопы, жившие особыми дворами. После Смутного времени количественное отношение их к другим сельским классам низко падает. В Тульском уезде по книгам 1629 г. считалось на землях светских вотчинников и помещиков 205 людских дворов на 1,204 двора крестьянских и бобыльских, т.-е. немного менее 15% сельского земледельческого населения, тогда как в конце XVI в. их было вдвое более. Еще ниже количественное отношение таких холопов к земледельческому населению по писцовой книге Белевского уезда, составленной в 1630—1632 годах: в ней показано 149 людских дворов на 1543 двора крестьянских и бобыльских, т.-е. людских дворов было немного менее 9% всего количества дворов, принадлежавших рабочему сельскому населению на землях светских владельцев [1]). Разными причинами можно объяснять эту убыль. В Смутное время множество холопов разбежалось, покинув своих господ. Притом, вследствие общего разорения, у землевладельцев стало меньше средств селить оставшихся у них земледельческих холопов в особых дворах, помогая ссудами их хозяйственному обзаведению. К этому надобно прибавить еще одно условие, начавшее действовать после Смутного времени

---

[1]) Писц. книги Тульского уезда, №№ 489, 490 и 491 в москов. архиве министерства юстиции. Белевск. Вивлиофика, изд. Елагиным, II, 277: общий итог по уезду не вполне сходится с частными по станам; наш расчет основан на последних.

и содействовавшее общему уменьшению количества челяди в Московском государстве: при новой династии, еще до издания Уложения, закрыт был один из главных источников неволи—продажа в полное и докладное холопство свободных лиц из «крещеных людей», как выразилось Уложение. Между тем, отпуск холопов массами на волю по духовным продолжался, когда полное и докладное холопство уже не пополнялось притоком новых невольников путем продажи в крепость «с воли». В этом холопстве оставались только холопы старинные, т.-е. потомки прежних полных и докладных холопов. Все это должно было усилить среди землевладельцев нужду в рабочих крепостных руках для обработки пустопорожних земель, количество которых в Смутное время чрезвычайно увеличилось. Эта нужда, вероятно, и заставила землевладельцев искать новых рук для сельской работы в кабальном холопстве. С другой стороны, и свободных бедняков, которых обстоятельства вынуждали отдаваться в кабалу, положение задворных людей могло привлекать выгодами, каких лишена была дворовая кабальная служба: это были особый двор с земельным участком, свое хозяйство, определенное количество труда на господина. Притом, все юридические успехи, достигнутые полными и докладными страдниками, должны были перейти по историческому наследству и к кабальным задворным людям и даже увеличиться новыми приобретениями, обеспечивавшими еще большую личную и имущественную их правоспособность. С признаками такой правоспособности задворные люди являются уже в самом раннем известном законе, который говорит о них. Издавна гражданская ответственность за преступления холопов падала на их господ, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные преступником. Закон 14 октября 1624 г. сделал исключение из этого правила для холопов, живших «за двором»: задворные люди сами несли на себе и гражданскую ответственность за свои преступления наравне с уголовной, вознаграждая истцов из своего имущества; в случае смерти преступника до судебного решения его дела, имущество его продавалось для уплаты убытков истца [1]). Значит,

[1]) Акты Ист. III, 303.

имущество задворного человека признавалось его, а не господскою собственностью. Этот закон наглядно обозначает юридическое расстояние, на какое задворный холоп обогнал своих юридических и экономических предков, холопов и закупов времен Русской Правды; даже закуп, который не считался холопом, в случае преступления превращался из ответчика в страдательную вещь: хозяин мог по желанию или сам заплатить за преступника, который за то становился его полным холопом, или продать его и из вырученной суммы вознаградить истца, а остаток взять себе.

Выход из затруднений, какие создавались противоречиями между условиями служилой кабалы и задворного холопства, указан был развитием крестьянской крепостной зависимости. Задворное холопство складывалось в то самое время, когда в поземельные договоры крестьян с землевладельцами входило условие, делавшее первых крепостными людьми последних,—условие, по которому крестьянин навсегда отказывался от права прекратить свои договорные обязательства [1]). Может быть, одновременность обоих явлений тем и об'ясняется, что оба они были вызваны одинаковыми причинами: нужда землевладельцев в крепостных рабочих руках и нужда рабочих людей в ссуде, встретившись, заставили вольных крестьян подчиниться некоторым условиям кабального холопства, а кабальных холопов стать в хозяйственные отношения, в каких стояли крестьяне. Когда служилая кабала, определявшая условия дворовой службы холопа, стала изменяться применительно к положению задворных холопов, связанных с господами поземельными отношениями, крестьянская ссудная запись послужила для нее готовым образцом: ее условиями постепенно вытеснялись обязательства служилой кабалы. У нас под руками очень скудный запас задворных крепостей, которые вообще довольно редки; но и по этому запасу можно видеть, как задворное холопство постепенно усвояло условия крестьянской крепостной зависимости. Договор, которым укреплялся задворный человек, назывался, подобно крестьянской крепости, ссудною записью, иногда ссудною жи-

---

[1]) См. статью Происхожденне крепостного права в России.

лою записью. Задворные люди заключали с господами договоры двоякого рода: одни прямо рядились жить за двором, другие прикрывались обязательством жить и работать во дворе господина. Образчиком крепости первого рода может служить ссудная одного вольноотпущенного, писанная в 1652 г. [1]). Вступавший в новую кабалу взял у госпожи в ссуду 20 четвертей хлеба, лошадь, корову, овец и 15 рублей денег «на дворовое строение» с обязательством «жить у государыни своей за двором себе избою, потому что, прибавляет рядившийся, взял я у государыни своей ссуду, денег и хлеба и животину, и за ту ссуду мне у государыни своей с женою и с детьми служить и всякую работу работать». Здесь вступление в задворное холопство поставлено в прямую юридическую связь с получением крестьянской ссуды, какая выдавалась на сельско-хозяйственное обзаведение. Записи второго рода явились, кажется, позднее. Одна из них дает любопытное и очень редкое указание на то, что даже холопы, становясь пахотными людьми на условиях задворной крепости писали на себя особые крепости, подобные ссудным записям вольных людей, рядившихся в крестьянство. В ноябре 1686 г. Мостинин отдал своему сыну старинного своего человека Водопьянова с семьей, а через месяц этот старинный холоп дал новому господину ссудную запись на себя в том, что он взял у Мостинина-сына на всякий домовый завод 5 рублей и лошадь, обязуясь за себя и за свою семью жить у нового господина и у детей его с тою ссудой «во дворе в деловых людях, где они укажут, и живучи всякую работу на него и на детей его работать по вся дни и тягло им всякое платить»; в случае побега, господин мог взять беглеца с семьей, попрежнему, в деловые люди и взыскать с него свою ссуду. Легко заметить несообразности этого договора: человек, уже принадлежавший к дворовой челяди, как холоп старинный, рядился жить во дворе своего господина и, в то же время, брал ссуду на всякий домовый завод или, вступая в дворовую службу, обязывался платить тягло, которого никогда не платили дворовые люди. Очевидно, дворовою службой здесь прикрывалось

---

[1]) И. Д. Беляев: «Собрание историко-юридическ. актов», в Моск. Публ. Румянц. Музее, папка № 14.

состояние, отличное от простого дворового холопства. Такими же особенностями отличается и другая запись на дворовую службу 1687 г. Вольноотпущенный Романов взял у дьяка Богданова 10 руб. ссуды на лошадь, корову и на хоромное строение, обязавшись за те деньги жить у дьяка в доме и всякую работу работать. Но особенно характерна ссудная жилая запись 1689 г., составленная совершенно по образцу ссудных крестьянских записей того времени. Вольный человек Карпов взял у помещика в ссуду лошадь, корову, 5 овец, 4 свиньи, 3 козы, гнездо гусей, платья верхнего и исподнего на $3^1/_2$ руб. (около 60 руб. на наши деньги) и 15 четвертей разного хлеба, обязавшись с семьей жить у господина, его жены и детей «во дворе вечно» и всякую дворовую работу работать. По такой же записи, повидимому, служила в половине XVII в. одна холопья семья у помещика Айдарова, сколько можно судить об условиях ее службы по предсмертной отпускной, данной ей господином в 1652 г. Айдаров отпускал «из двора на волю» дворовую свою работницу, двух ее женатых сыновей и третьего холостого «со всеми их животы, с хоромы, и с хлебом клетным, и с гуменным, и с полевым, и с лошадьми и с коровы, и со всякою мелкою животиной». Очевидно, дворовая работница с семьей жила в особом дворе, имела гумно, скот и полевой участок, полное земледельческое хозяйство [1]). В изложенных записях на дворовую службу встречаем главные отличительные черты задворного холопства, составлявшие содержание и крестьянской ссудной записи: особый двор и земледельческий инвентарь, сельскохозяйственную ссуду, барщину с тяглыми платежами и бессрочность договора, которая переходила в обоюдостороннюю наследственность или вечность крепости, привязывавшей как самого крепостного, так и его потомков не только к первому владельцу, укрепившему за собою их предка, но и к его наследникам. В договорах умалчивалось только о коренном условии, служившем основанием для всех

---

[1]) Нижегородская крепостная книга в Моск. Арх. Минист. Иностр. Дел, № 41, л. 36 и 93. «Собрание грамот» Беляева в Моск. Публ. Румянц. Музее, папка № 15. Запись Карпова в собрании грамот, принадлежащем автору.

остальных, о пользовании земельным участком; но это условие, как разумевшееся само собою, не всегда обозначалось и в крестьянских ссудных записях.

Применение условий крестьянской крепости к пахотным кабальным людям вызвало ряд новых явлений в крепостном праве. Прежде всего, оно положило начало слиянию юридических условий холопства с хозяйственными состояниями холопов. Прежде первые строго отличались от последних: полный холоп оставался полным, служил ли он у своего господина приказчиком, или деловым человеком; хозяйственное положение крепостного при господском дворе не влияло на условия крепости, как и не зависело от этих условий. Но сама крепость обыкновенно была условием всякого хозяйственного положения слуги при древнерусском господском дворе, который не любил слуг вольных: так, нужно было сделаться холопом полным или докладным, чтобы стать деловым человеком. Первоначально и задворное холопство было только хозяйственным состоянием: задворные люди укреплялись обыкновенными служилыми кабалами, по каким были крепки своим господам и другие кабальные холопы, служившие в господских дворах, а не за дворами. Но во второй половине XVII века условия задворной крепости неразрывно слились с известным хозяйственным положением задворного человека: если холоп по полной или докладной грамоте мог быть и не быть деловым, то холоп по ссудной записи мог быть только задворным, потому что он и холопом становился лишь вследствие того, что делался по договору задворным. Этим об'ясняется юридический смысл приведенной выше ссудной записи Водопьянова: вступая в положение задворного человека, он дал на себя новую крепость, хотя и без того уже был старинным холопом господина, которому дал эту крепость; прежние крепости были недостаточны, потому что укрепляли дворовое, а не задворное холопство Водопьянова. Эта же ссудная запись помогает понять, чем отличалась задворная крепость от древнего холопства по тиунству и по ключу сельскому. Это холопство также возникало из юридического сочетания неволи с известным хозяйственным положением холопа. Но разница заключалась в том, что служба в долж-

ности тиуна или сельского ключника была только источником холопства, но не была его условием, постоянным хозяйственным состоянием холопа: принимая должность ключника, человек становился холопом; но, став холопом, он мог и не быть ключником, оставаясь холопом. По связи юридических условий с хозяйственными задворная крепость более напоминает докладную грамоту XVI века, по которой вольный человек давался «на ключ, а по ключу и в холопи». Но из актов видно, что это было фиктивное условие, и холопы докладные, как и полные, уже в первой половине XVI века могли и не быть ключниками. Легко понять, что связь крепостной зависимости с известным хозяйственным положением крепостного была заимствована задворным холопством из крестьянского крепостного договора, который весь состоял из обязательств, обусловленных известными хозяйственными выгодами, каковы были барщина и ссуда, земельный участок и тягло. В свою очередь задворное холопство подействовало на жилое: этому действию можно приписывать заметную в жилых записях второй половины XVII века наклонность точно определять свойство работ, обязательных для холопа.

Положив начало слиянию юридических условий холопства с хозяйственными, задворное холопство, с другой стороны, повело к смешению выработавшихся раньше юридических видов крепостной зависимости. Оно само было плодом такого смешения. В задворном человеке исчезал всякий определенный юридический образ: в нем совмещались особенности холопства полного и жилого и сглаживались существенные черты кабального человека. Из крепостного, обязанного личною дворовою службой до смерти господина, он превращался в вечно-обязанного хлебопашца, прикрепленного с потомством к своему двору и к владельческой семье. Из потомков таких холопов к концу XVII века образовалось в составе несвободного сельского населения особое звание старинных задворных людей. Превращая пожизненное холопство в потомственное, задворная крепость стала новым средством привлечения полного дворового холопства к земледельческому труду. Как скоро поземельные отношения кабальных задворных людей начали устанавливаться на условиях вечной кре-

стьянской крепости, ничто не мешало рабовладельцам переводить своих полных дворовых холопов в задворные люди: они не теряли наследственных слуг и приобретали крепостных хлебопашцев. Этим об'ясняется появление полных холопов в положении задворных людей во второй половине XVII века. Наконец, став между холопством и крестьянством, задворная крепость указала путь к переходу как полных, так и кабальных холопов прямо в крестьяне. Один такой случай относится ко времени самого возникновения задворного холопства, когда последнее еще не успело так приблизиться юридически к крестьянству, как оно приблизилось потом: можно думать, что потом, во второй половине XVII века, такие случаи были нередки. Помещик Жеребятичев еще в 1597 году выпросил себе у правительства в поместье пустошь, которая потом оказалась вотчиной Троицкого Сергиева монастыря. Много лет спустя сын Жеребятичева Петр продолжал владеть захваченною землей, но в 1628 году, избегая тяжбы с монастырем, вошел с ним в сделку, по которой получил позволение владеть пустошью еще два года. В сделочную запись он вставил такое любопытное условие: «а которых крестьян я Петр в тое Троицкую вотчину из своего поместья из дер. Андрейкова перевез и своих дворовых кабальных и старинных людей, из старины призвав, во крестьяне посадил и ссуду им давал, и тех моих поместных крестьян и людей, которых во крестьяне сажал, властем из тое Троицкие вотчины велети мне вывесть со всеми их животы крестьянскими, где яз Петр похочу» [1]). Этим об'ясняется юридическое безразличие, с каким землевладельцы во второй половине XVII века меняли дворовых холопов, полных и кабальных, на крестьян, а крестьян на задворных людей. Правительство, утверждая эти сделки, само подчинялось такому безразличному отношению к разным видам крепостной зависимости. Поддерживая строгое различие между холопством и крепостным крестьянством в интересе наследственности общественных состояний, оно рядом указов подтверждало, чтобы при вступлении вольноотпущенных в новую крепость на крестьян брали ссудные записи, а на людей, т.-е.

---

[1]) Сборник Троицко-Сергиева монастыря, № 530, л. 1018.

холопов, служилые кабалы. Еще в 1685 году было строго запрещено брать ссудные записи на кабальных людей и их детей, а на крестьян и крестьянских детей служилые кабалы. Но боярским приговором 30 марта 1688 года было предписано в Холопьем приказе «записывать по кабалам людей и по ссудным крестьян и л ю д е й» [1]). Ссудные записи на людей, как мы видели, были крепости на пахотных задворных холопов; приговор не различает здесь людей полных, кабальных и жилых. По этому указу, как и по частным землевладельческим актам того времени, можно заметить, что смешение юридических видов крепостной зависимости происходило преимущественно, если не исключительно, среди сельского земледельческого холопства. На дворовой службе служилая кабала и жилая запись до первой ревизии строго отличались не только друг от друга, но и от крепости полной и крестьянской. Еще указ 7 сентября 1690 г. предписал давать волю по смерти господ взятым ими во двор крестьянским детям наравне с кабальными людьми: когда вошел в обычай запрещенный Уложением перевод крестьян во двор, закон стал смотреть на таких дворовых, как на уволенных владельцами от крестьянской крепостной зависимости и добровольно без записи вступивших к ним же в дворовую службу и именно в службу кабальную, потому что вступление в дворовое полное холопство лицам православного исповедания было запрещено [2]). Напротив, в кругу поземельных отношений все виды холопства уже к концу XVII века стали сливаться в одно общее понятие к р е п о с т н о г о ч е л о в е к а с теми юридическими и хозяйственными особенностями, какими отличалось холопство задворное. Последнее, таким образом, сделалось типическою формой, какую принимали отношения всякого холопа при его переходе с господского двора на пашню.

Совмещение особенностей различных старых видов крепостной зависимости и слияние юридических условий неволи с хозяйственными превратили задворное холопство во второй половине XVII века из хозяйственного состояния некоторых кабальных людей в особый

---

[1]) П. С. З., №№ 1128 и 1293.

[2]) Там же, № 1383.

юридический вид крепостной зависимости, мало похожий на кабальное холопство. В законодательстве того времени не находим точных определений об этом новом виде; но с таким значением является надворное холопство в частных актах, т.-е. в юридической действительности. Прежде всего, это холопство укреплялось не служилою кабалой или полною грамотой, а особою задворною ссудною записью. Обозначая свойство крепости задворного человека, акты очень редко прилагают к нему название какого-либо прежнего вида холопства, показывая тем, что задворная крепость сама по себе служила достаточным средством укрепления. За гороховским помещиком Дураковым по писцовым книгам 1646 г. числился задворный человек Якушка с сыновьями, которые по смерти отца много лет жили со своими детьми в его дворе, а потом бежали. Наследники Дуракова до 1699 года искали беглецов, как своих наследственных крепостных людей, только на том основании, что они были дети задворного человека их предка. В 1682 г. вдова Хитрова отпустила на волю своего старинного приданого человека, т. е. полного холопа Ларьку и его дочерей. Отпущенные вскоре отдали свою отпускную Ржевскому: это значило по закону, что они вступили в кабальное холопство и на них следовало взять служилые кабалы. Но они бежали и от Ржевского на старину, где родились, к сыну Хитровой, за которым Ларька прожил до своей смерти задворным человеком. Незамужние дочери не могли наследовать задворных поземельных обязательств своего отца и по смерти его, казалось бы, должны были стать простыми кабальными холопками, которые по смерти отцова господина выходили на волю по закону, если не давали на себя служилых кабал его наследникам. Несмотря на это, сын Хитрова, принявшего Ларьку в задворные люди, выдавая по смерти своего отца Ларькину дочь замуж за чужого дворового, взял за нее в ы в о д, не как за холопку, вступившую к нему в кабалу, а как за «старинную свою задворную и крепостную девку», и в выпускной отписи на замужство укрепил ее за жениховым господином, его женой и детьми [1]).

---

[1]) Из собрания актов, принадлежащего автору.

Из этих актов видно, что задворная неволя превратилась в полное холопство, только поземельное, а не дворовое, с безусловною старинoй, по которой зависимость наследовалась потомками задворного холопа даже в том случае, когда они не наследовали его задворных поземельных обязанностей, и не прекращались со смертью первого господина. Задворные ссудные записи показывают, что в это холопство вступали по договору как вольные люди, так и холопы, последние, разумеется, к своим же господам. В том и другом случае задворный человек получал земледельческую крестьянскую ссуду для обработки своего участка. Эта ссуда считалась, повидимому, необходимым юридическим условием вступления в задворное холопство; по крайней мере, в приведенной выше ссудной 1652 года вольный человек выразился с ударением, что он порядился жить за двором, потому что взял ссуду. Все это сближало задворную крепость с крестьянской, от которой она отличалась только тем, что была свободна от государственного тягла. Таким образом, эта крепость стала переходным состоянием между полным дворовым холопством и крепостным крестьянством: сходясь с первым в юридических последствиях она отличалась от него хозяйственным положением крепостного; сходясь со вторым в хозяйственных условиях, она отличалась от него юридическим отношением крепостного к государству.

Получив значение особого юридического вида крепостной зависимости, задворное холопство изменило юридический состав сельской пахотной челяди. Барская усадьба в XVII в. сохраняла ту же хозяйственную физиономию, с какою является она в актах XVI в. Чернорабочая челядь носила прежнее общее название деловых людей, из которых одни жили на барском дворе и содержании, обрабатывая барскую пашню, другие помещались за барским двором в особых избах, имели свои хозяйства и земельные наделы, отбывали барщину и платили оброк. Но эта другая половина деловой челяди, называвшаяся прежде страдными людьми, теперь распалась на два разряда, которые получили новые названия: один разряд составляли задворные люди, другой назывался деловыми людьми, устроенными на пашне. Законодательные памятники второй половины XVII в. обыкновенно ставят оба эти класса рядом, как состояния,

похожие друг на друга. Но при видимом хозяйственном сходстве между ними было существенное юридическое различие. Закон 1624 года, признавая задворных людей в имущественном отношении лицами более правоспособными сравнительно с дворовыми холопами, не распространяет этого преимущества на деловых пахотных людей. Такое предпочтение основывалось на двух важных особенностях задворного состояния. Во-первых, задворный человек получал сельскохозяйственную ссуду по особому письменному договору с господином; деловой человек, садясь на участок со ссудной или без нее, продолжал служить по простой холопьей крепости, которая укрепляла его независимо от полученных им участка и ссуды. Другою особенностью задворных людей был платеж тягла землевладельцам. Деловые отбывали только барщину; об этом можно заключить по указам 3 и 6 июня 1712 г., которые, определяя обычный размер делового участка, говорят, что помещики дают на семью деловым людям «за месячную» по десятине пашни в каждом поле [1]). Если в прибавку к трехдесятинному пахотному наделу помещик давал деловым людям еще месячину, он не мог брать с них денежного или хлебного оброка. Задворные люди получали полные наделы, равные тяглым крестьянским жеребьям, и с них платили владельцам тягло денежное или хлебное, отбывая, сверх того, барщину, как это делали и крестьяне. Этим об'ясняется еще одна черта, отличавшая задворных людей от других видов холопства и сближавшая их с крестьянами. За прием беглых крестьян владелец их взыскивал с приемщика по закону з а ж и л ы е д е н ь г и, служившие ему вознаграждением за потерянный доход с беглецов, и за уплаченные в казну подати с покинутых ими участков. За прием беглых холопов, которые не платили ни казенных податей, ни оброка владельцам, а только работали на последних, закон не назначал зажилых денег; но задворные люди в этом отношении уравнивались с крестьянами [2]). Из этих особенностей задворного состояния

---

[1]) П. С. З., №№ 2536 и 2540.

[2]) Довольно редкое указание на платеж зажилых денег за беглых задворных людей находим в поступной записи Дураковых и Чирковых 1699 г. (из собрания старинных актов кн. П. П. Вяземского, которому приносим искреннюю благодарность за доставленную нам возможность пользоваться его любопытным собранием).

видно, что оно соответствовало тем страдникам XVI века, которые имели наиболее полные земледельческие хозяйства и несли одинаковые с крестьянами поземельные повинности, не только отбывали барщину, но и платили оброк. Но это состояние тем отличалось от страдного, что в него вступали свободные и несвободные лица по договору с землевладельцами, а страдными людьми становились холопы по хозяйственному распоряжению господ. Значит, класс задворных людей выделился при содействии кабального холопства из безразличной прежде в юридическом отношении деловой челяди: вслед за кабальными холопами в этот класс вступали и прежние страдные люди, холопы полные и докладные, которые по своему хозяйственному положению могли нести задворные повинности. Это выделение было новым юридическим успехом земледельческого холопства. Мы видели, что уже в XVI веке имущество страдного холопа юридически отделялось от господской собственности и по этому имуществу страдник мог вступать в обязательства от своего лица даже с собственным господином, например, брать у него ссуду под заемную кабалу. В XVII веке имущество задворного человека прямо было признано его собственностью, а заемная кабала страдника, нисколько не смягчавшая строгости полного холопства, превратилась в ссудный договор задворного человека с господином, ставший источником нового вида холопства, который лишь тонкою политическою чертой отделялся от крепостного крестьянства.

Но и эта политическая черта, свобода от государственных повинностей, скоро сгладилась: к частному господскому тяглу, которое падало на задворного человека, постепенно присоединилось и тягло государственное. Это было требованием юридической логики: если в частных гражданских обязательствах задворный человек так близко подходил к крепостному крестьянству, то современем он должен был уравняться с последним и в государственных обязанностях. Благодаря особенностям хозяйственного устройства Московского государства в XVII в. трудно решить, когда произошло это уравнение; но те же особенности помогают раз'яснить, как оно произошло. Неизвестен прямой закон, который ввел задворных людей в государственное тягло. Но из указа 17 июля 1711 г. знаем, что это произошло еще до

первой ревизии: указ говорит о задворных людях, что они платят всякие подати [1]). Впрочем, едва ли когда-нибудь и был издан такой прямой закон: задворные люди постепенно были введены в государственное тягло самими землевладельцами вследствие перемен, каким подверглась поземельная подать в XVII в.

В XVI в. эта подать падала на все пространство пахотной земли, так что землевладельцы платили ее и с той земли, которую пахали на себя своими дворовыми рабочими, если не имели льготных грамот, которые «обеляли и выкладывали из сошного письма» барскую пашню. В XVII в. подать падала только на пашню крестьянскую и бобыльскую и не касалась той, которую землевладелец обрабатывал на себя, не отдавая ее тяглым людям. Это выделение из тягла господской запашки было следствием введения новой окладной поземельной единицы. В XVI в. такою единицей служила выть, известный участок пашни; в XVII в. ее заменила живущая четь, состоявшая из известного числа тяглых крестьянских и бобыльских дворов. Но эта четь служила только счетною единицей для финансового управления; сумма подати, на нее падавшая, разверстывалась между тяглыми дворами соразмерно с отведенными им земельными участками, размер которых определялся рабочими средствами каждого двора. С установлением крестьянской крепости этою разверсткой на владельческих землях руководили сами владельцы, которые собирали с своих крестьян и платили в казну поземельную подать. Больным местом тогдашнего землевладения были «пустовые доли», участки тяглой пашни, оставшиеся без работников чаще всего вследствие крестьянских побегов и хозяйственного изнеможения, когда у иного крестьянина «могуты не ставало» пахать свой жеребий. Чтобы не платить «с пуста», землевладельцы наваливали такие доли на остальных крестьян или подыскивали новых работников. В этом последнем случае их и выручали задворные люди, которым они раздавали пустовые тяглые участки, обязывая их тянуть наравне с крестьянами барское и казенное тягло, тогда как деловые люди получали наделы из нетяглой барской пашни. Это не значило, что землевладельцы превращали своих задворных

---

[1]) П. С. З. № 2404.

холопов в государственных тяглецов; это было их домашнею хозяйственною сделкой, к которой они прибегали, чтобы не платить за опустевшие участки или чтобы облегчить тягло своим крестьянам. С тех пор, как на землевладельцев положена была ответственность за казенные платежи их крестьян, эти платежи стали для первых вычетом из их валового дохода с крестьян, а для последних частью общего поземельного тягла, которое они несли на себе, не разбирая, что из него шло в казну и что оставалось в барской конторе: то было делом самого владельца, которому предоставлено было изыскивать и средства к тому, чтобы его населенная крепостными работниками, ж и в у щ а я земля, как говорили в XVII в., была исправна перед казной. В юридическом и хозяйственном отношении поселение задворных людей на тяглой пашне было мерой, подобной той, к какой прибегали землевладельцы еще в начале XVII в. и, вероятно, раньше. В 1605 г. подьячий Семенов взял у Троицкого Сергиева монастыря в аренду на 5 лет пустую деревню, обязавшись давать за нее монастырю оброк, «а государевы всякие подати платити с двух вытей» наравне с монастырскими крестьянами того села, к которому принадлежала деревня, и пахать землю в той деревне не наездом, а поселить в ней своих пахотных холопов, которые будут обрабатывать обе выти, не участвуя только в барщинных работах крестьян на монастырь [1]). Разумеется, ни подьячий, ни его холопы вследствие этого контракта не делались тяглыми крестьянами. Таким образом, задворные люди, оставаясь по закону свободными от прямого государственного тягла, участвовали в нем косвенно чрез своих владельцев по тяглым участкам, которыми пользовались, и их привыкали считать тяглыми людьми наравне с крестьянами; этот взгляд и был выражен в упомянутом указе 17 июля 1711 г. Это участие было повсеместным явлением и установилось задолго до первой ревизии, раньше даже преобразовательной деятельности Петра. Так можно думать по одному акту 1683 г. [2]). Пензенский дворянин Свиязев променял Чиркову свое поместье, в котором по переписным книгам 1678 г. значилось всего три двора: один

---

[1]) Сб. Троицко-Сергиева монастыря, № 530, л. 139.

[2]) Из собрания кн. П. П. Вяземского.

помещичий, другой задворного человека, третий бобыльский. Следовало бы ожидать, что Свиязеву приходилось платить подати только с одного тяглого бобыльского двора. Однако, в меновой его записи читаем, что из того поместья с находившимися в нем дворами бобыля и задворного человека он перешел в другое и «всякие великих государей подати с тех дворов будет платить по переписным книгам». Следовательно, Свиязев платил подать и с двора своего задворного человека. В окладных книгах поземельная подать рассчитывалась по податным четям, т. е. по количеству крестьянских и бобыльских дворов, пользовавшихся тяглыми участками, а при сборе подати назначенный на податную четверть оклад разверстывался владельцами по размерам тяглых участков между всеми дворами, которые ими пользовались; все это заставляет придавать словам меновой записи лишь то значение, что задворные люди платили подать по разверстке наравне с крестьянами и бобылями, потому что обыкновенно пользовались такими участками, и что при самой переписи их дворы ставились в счет податных четвертей, если переписчики заставали их на таких участках.

Так задворные люди, оставаясь по закону нетяглыми холопами, на деле стали тяглыми крестьянами. Такое двусмысленное их положение было причиной нерешительного отношения к ним законодательства во второй половине XVII в. Их вносили в податные поземельные описи наравне с крестьянами и бобылями, но не включали прямо в состав тяглого населения. Чрезвычайные налоги на военные нужды то разверстывали и по дворам задворных людей наравне с крестьянскими и бобыльскими, то раскладывали только на крестьян и бобылей, не распространяя сбора на задворных людей [1]). Эта нерешительность служила знаком того, что государственное положение холопства стало уже для правительства вопросом, которому оно не нашло еще решения, и что вопрос этот был возбужден преимущественно положением задворных людей. Еще до начала преобразовательной деятельности Петра в рабовладельческом обществе было распространено опасение, что государство скоро наложит руку на холопью свободу

[1]) П. С. З., №№ 1210 и 1504.

от государственных повинностей, т. е. на господское право свободного распоряжения холопьим трудом. Это опасение обнаружилось по поводу другой части холопства, которая стояла в одинаковом с задворными людьми отношении к государству. В 1681 г. служилым людям высших чинов велено было подать сказки, сколько у кого из них «людей с боем», т. е. боевых служивых холопов; при этом правительство старалось успокоить рабовладельцев, боявшихся, что таких холопов у них «возьмут в службу особо» [1]). Оставалось сделать немногое, чтобы оправдать это опасение. К концу XVII в. холопство уже перестало служить исключительно орудием частного интереса и предметом гражданского права. Чрез своих господ оно принимало двоякое косвенное участие в государственном тягле: одни холопы помогали своим господам, как служилым людям, нести военную повинность, другие помогали им, как землевладельцам, платить государственную поземельную подать. Оставалось заменить это косвенное служение государству прямым, чтобы уничтожить холопство, как юридическое состояние, отличное от других классов русского общества, между которыми были распределены государственные повинности. Эта замена прямо вытекала, как необходимое последствие, из заявленного законодательством XVII в. требования, чтобы каждое лицо, способное служить государству, стояло к нему в непосредственном отношении, приняв на себя ту или другую прямую государственную повинность, и чтобы в государстве не оставалось и з б ы л ы х, т. е. лиц, свободных от таких повинностей. Это требование проводилось в двух правилах, которые уже в том веке настойчиво прилагались законодательством к другим классам общества: 1) государственные повинности, раз принятые лицом, становятся для него вечно обязательными и обязательно переходят на его потомство; 2) государственное служение лиц, свободных от наследственных повинностей, определяется родом их занятий.

Петру оставалось распространить действие этих правил и на холопство. Его законодательство в этом деле отличалось обычными свойствами всей его преобразовательной деятельности, решитель-

---

[1]) П. С. З., № 855.

ностью в стремлении к цели, поставленной предшественниками, и колебаниями в выборе путей для достижения цели, как скоро реформа касалась области права. В вопросе о холопстве причиной этих колебаний были преимущественно его хозяйственные виды; преобразователь, повидимому, долго не мог уяснить себе их значения. Сначала, игнорируя эти виды, он задумал подчинить государственному тяглу все холопство, постепенно зачисляя холопов в военную службу. По указам 1 февраля и 31 марта 1700 г. все вольноотпущенные, годные в службу, записывались в солдаты, а холопы могли вступать в военную службу без отпуска и позволения своих господ. Потом, приняв во внимание хозяйственные разряды холопов, Петр отделил для военной службы дворовую челядь, к которой принадлежали походные спутники господ, а на пахотных холопов решил положить крестьянское тягло. Начав войну с Турцией в 1711 г., он указом 1 марта потребовал у господ третьего из их дворовых людей в солдаты, разъяснив указом 17 июля, что набору не подлежат пахотные холопы: «которые деловые люди в переписных книгах (1678 г.) написаны особыми дворами, а не в вотчинниковых дворах, и задворные, которые платят всякие подати, и тех в число не ставить», как и крестьян; если такие люди или крестьяне уже взяты в службу, по просьбам помещиков их велено «отдавать, попрежнему, на т я г л о» [1]). Таким образом, пахотные холопы, плативщие тягло по частному договору или по хозяйственному распоряжению господ, были признаны тяглыми по закону. Согласно с этим стали взыскивать зажилые деньги за прием не только задворных, но и деловых беглых людей. Так как способную к службе дворовую челядь предположено было зачислять в солдаты поголовно, то рекрутские наборы, распространенные на все тяглое население, производились до ревизии по числу дворов крестьян, бобылей, задворных и деловых людей [2]). Этих людей деловых и задворных, как уже признанных тяглыми по закону, с самого начала ревизии зачисляли в подушный сбор наравне с крестьянами и бобылями. Но из хода переписи мы видели, что некоторое время Петром

---

[1]) П. С. З., №№ 1747, 3754, 2326 и 2404.

[2]) Там же, № № 3743 и 3240.

владело раздумье, как поступить с дворовыми людьми. Сначала их, как вспомогательный запас для комплектования армии, не клали в подушный сбор. Но так как владельцы стали показывать в сказках деловых и задворных людей дворовыми, то в начале 1720 г. велено было распространить подушный оклад и на дворовых, «которые живут в деревнях». Впрочем, злоупотребление едва ли было единственною причиной этой меры: она согласовалась с самою сущностью подушной подати. Эта подать, сменив подворный оклад XVII в., не вносила нового начала в систему государственных повинностей, а только служила более точным и энергическим выражением мысли, заявленной законодательством того века, что каждое лицо должно непосредственно служить государству, неся известные прямые повинности. Потому ревизия должна была сосчитать не земледельческие хозяйства, которые только и принимались в счет при прежних подворных переписях сельского населения, а все рабочие силы, способные нести государственные повинности. Дворовый, работавший в селе, приносил прямой доход владельцу, хотя бы и не имел своей пашни, и потому подлежал подушному сбору. Эта мысль довольно ясно выражена в указе 1 июня 1722 г., предписавшем всякого звания слуг, которые питаются денежною или хлебною дачей от своих владельцев, в подушное расположение не класть, а класть только таких, которые хотя своей пашни не имеют, но пашут на владельцев или даже не пашут и на них, а живут в деревнях [1]). Казна не имела нужды различать пахотных и непахотных, дворовых и задворных сельских слуг: эти различия между ними устанавливались самими владельцами, которые соображали, кого из сельских холопов выгоднее поселить особым двором и кого держать на барском дворе для дворовой пашни и других сельских работ. Казна заботилась только о распределении повинностей между способными нести их крепостными людьми по роду занятий или хозяйственному положению последних. Положив подушную подать на сельскую челядь, Петр оставил городских дворовых для военной службы. Согласно с этим изменен был закон 31 марта 1700 г. о приеме в солдаты вольноопределяющихся холопов: указом

---

[1]) Там же, № 4026.

17 марта 1722 г., когда в подушный оклад зачислялись уже все сельские дворовые, велено было написанных в ревизские сказки дворовых в солдаты не принимать. Но и это различие оказалось неустойчивым: закон не запрещал владельцам переводить городских дворовых в свои сельские усадьбы, а сельских холопов в городские дворы. Поэтому решено было уравнять всех холопов в обеих повинностях, воинской и податной. Указом 4 апреля того же года дозволялось принимать в солдаты всех дворовых слуг, желавших вступить в военную службу, даже записанных в подушную перепись, только зачитывая последних владельцам за рекрутов следующего набора и отказывая в приеме пахотным деловым людям, а через 8 месяцев после этого указа резолюцией 19 января 1723 г. подушный сбор был распространен и на городских дворовых [1]). Значит, Петр кончил устройство государственного положения холопства мерою, обратною той, какою начал: он начал постепенным поголовным зачислением холопов в военную службу, не думая вводить их в податное крестьянское тягло, а кончил поголовным введением их в это тягло наравне с крестьянами.

Резолюцией 19 января завершилось законодательное уничтожение холопства, как особого юридического состояния. Но крепостная зависимость холопов не была отменена, напротив, стала вспомогательным финансовым средством подобно крестьянской. По мере того как нетяглые крепостные люди вводились в тягло, на их господ падала тягловая ответственность за них, какая еще в XVII в. положена была на землевладельцев за крепостных крестьян. С другой стороны, по указам о первой ревизии и вольные нетяглые люди, попадавшие в тягло укреплялись за теми, кто брал на себя такую ответственность за них или на кого она возлагалась законом. Так незаметно изменился характер холопьей крепости: из обязательства по частной сделке она превратилась в зависимость по государственному поручению. Это сообщило ей значение *особой государственной повинности*, обеспечивавшей казне исправное исполнение всех прочих повинностей и ложившейся на тех тяглых людей, тяглая исправность которых не могла быть обеспечена иным способом. Таким зна-

[1]) Там же, №№ 3923, 3995 и 4145.

чением объясняется юридический смысл тех ревизских указов, которые обязывали вольных людей записываться в подушный оклад за теми, на чьих землях их заставала ревизия или кто соглашался принять их на свою ответственность: записанные становились крепостными без всякой крепостной сделки с своими новыми господами, в силу одной ревизской записки, которая заменяла крепость. Согласно с указанным выше законодательным правилом XVII в. эта новая государственная повинность, подобно прежним, получила строго-сословный наследственный характер: она ложилась на холопов пожизненных или кабальных и на срочных или жилых наравне с полными или старинными. Как общее государственное требование, она игнорировала разнообразные условия частных крепостных сделок и делала их излишними. Вот почему со времени первой ревизии исчезают служилые кабалы и жилые записи. В этом отношении ревизия завершила смешение юридических видов древнерусского холопства, начавшееся задолго до нее перенесением в крепость кабальных задворных людей условий крестьянской ссудной записи.

Таким образом, законодательная отмена холопства была не освобождением холопов, а их укреплением на других основаниях, одинаковых с условиями крестьянской крепости. Холопство в XVII в. отличалось от крепостного крестьянства двумя особенностями: холоп не нес на себе прямого государственного тягла, падавшего на крестьян, и укреплялся частным договором или происхождением от лица, укрепившегося таким способом, тогда как зависимость крепостного крестьянина, первоначально возникавшая также из частной сделки, уже в XVII в. была положена законом на всех крестьян, живших на владельческих землях, как специальная государственная повинность, и укреплялась не столько ссудными записями, сколько правительственными писцовыми и переписными книгами. Согласно с этими особенностями и отмена холопства, как особого юридического вида крепостной зависимости, состояла из двух законодательных актов: из распространения на всех холопов крестьянского тягла и из замены договорной и разнообразной по условиям холопьей неволи однообразною потомственною зависимостью по закону. Оба эти акта юридически уравняли холопов с крепостными крестьянами, оставив

только необязательное для владельца хозяйственное различие между ними, как крепостными дворовыми и крепостными хлебопашцами [1]). С тех пор холопство в древнерусском смысле этого слова осталось в воспоминаниях, нравах и понятиях, в литературном и канцелярском языке, но исчезло в праве: считать дворовых и крепостных крестьян со времени первой ревизии холопами большая историческая и юридическая ошибка. Оба означенные акта принадлежат законодательству Петра и выразились в длинном ряде узаконений, завершившемся резолюцией 19 января 1723 года; но они издавна подготовлялись разнообразными условиями, под действие которых становилось холопство. Начала эту подготовку церковь, продолжило землевладельческое хозяйство, а закончила крестьянская крепость, которая, возникнув при содействии кабального холопства, заплатила ему за услугу тем, что помогла уничтожению холопства, превратив нетяглого кабального холопа в тяглого задворного хлебопашца, который увлек за собою в государственное тягло и другие разряды холопов.

---

[1]) Только непахотные дворовые, по указам Петра, отличались от пахотных людей и крестьян тем, что могли вступать охотниками в военную службу; но указом 20 сент. 1727 г. было отменено и это право. П. С. З., № 5161.

Состав представительства на земских соборах древней Руси [1]).

(Посвящается Б. Н. Чичерину).

Земские соборы древней Руси не особенно давно начали привлекать к себе внимание исследователей нашей государственной старины; но они не перестают служить для последних предметом усиленного внимания с тех пор, как было замечено и оценено их значение для понимания всего строя Московского государства. Ученому, которому посвящается настоящая статья, принадлежит едва ли не первое по времени цельное и превосходное изображение устройства, деятельности и значения земских соборов, основанное на изучении актов этого учреждения, какие были известны в то время [2]). После этого образцового опыта ряд других исследователей продолжал изучение земских соборов, оспаривал, поправлял или подтверждал взгляд на них, высказанный г. Чичериным, пересматривая те же самые акты. Мы разумеем здесь почтенные труды Беляева и Костомарова, гг. Сергеевича, Владимирского-Буданова, Загоскина, Платонова. В последнее время литература о земских соборах пополнилась ценными вкладами, разъяснившими с помощью новооткрытых документов, между прочим, действовавший в XVII в. порядок созыва и выбора земских представителей на собор [3]). Благодаря этим

---

[1]) «Русская Мысль» 1890 I, 1891 I, 1892 I и II.

[2]) Б. Чичерин: «О народном представительстве». М., 1866 г.

[3]) И. Дитятин: «К вопросу о земских соборах XVII ст.», в Русской Мысли 1883 г., № 12; В. Латкин: «Материалы для истории земских соборов XVII в.» и «Земские соборы древней Руси»; А. Зерцалов: «Новые данные о земском соборе 1648—1649 гг.», в Чтениях Общ. Ист. и Др. Р. 1887.

работам теперь можно составить себе довольно отчетливое представление о том, как и для чего созывались земские соборы, из каких элементов они составлялись, какие вопросы предлагались им на обсуждение, и как эти вопросы обсуждались, как составлялся соборный приговор, какое влияние оказывали соборы на законодательство и образ действий правительства и т. п. Сделаны были даже попытки оценить общее значение земских соборов в складе и ходе жизни Московского государства, взвесить их политический голос и указать их связь с тем направлением, в каком устанавливались и развивались внутренние политические отношения Московской Руси в XVI и XVII вв.

Впрочем, предмет нельзя считать исчерпанным: в нем остаются еще неясные пункты; иначе было бы меньше разногласия в суждениях о характере и значении земских соборов. В нашей литературе можно уловить два взгляда на земские соборы. Одни видят в них только вспомогательное орудие администрации, никогда не выступавшее деятельным и самостоятельным двигателем политической жизни, никогда не имевшее собственного направления и потому не оказавшее никакого влияния на ход управления и законодательства: отыграв свою кратковременную и малозначительную роль, земские соборы сами собою исчезли вследствие внутреннего ничтожества, чрезмерной слабости представительного начала в древней России. Другие расположены придавать им важное политическое значение, как органу народной оппозиции: служа орудием непосредственного общения государя с землей, представляя интересы народа, соборы, собственно земские выборные, являвшиеся на соборах, противодействовали высшим классам, боярам и духовным властям, которые и уговорили царя Алексея Михайловича не созывать больше соборов, ‹но прежде, чем эти сторонние влияния успели вытеснить их из государственной жизни, земские соборы оказали значительное влияние на законодательство и правительство в оппозиционном противобоярском направлении.

Оба эти взгляда неудобны тем, что трудно решить, который из них верен и даже верен ли который-нибудь из них. Это не значит, что земским соборам приписываются свойства, которых они, может

быть, вовсе не имели; но трудно признать верной и ту характеристику, которая составлена из черт нехарактерных, несущественных, хотя и действительных. Оба взгляда исходят из одной мысли, что для изображения истинного характера такого представительного учреждения, как земский собор, необходимо показать, в какой степени оно было послушно или оппозиционно. Но почему это необходимо? Правда, представительные учреждения Западной Европы, соответствовавшие нашим земским соборам, характеризуются преимущественно с этой стороны, что совершенно понятно. Представительные собрания средневековой Западной Европы были вызваны к жизни политическою борьбой и ею же воспитаны. Средневековое западно-европейское государство было сословною федерацией, союзом нескольких державных сословий, державшимся на таком же договоре, каким определяются взаимные отношения союзных государств. Народное представительство служило наиболее обычным средством установки и поддержания союзного modus vivendi в таком государстве. Здесь каждое свободное сословие должно было завоевывать или отстаивать свое место в государстве, и верховная власть принуждена была приноравливаться к изменчивому соотношению соперничавших политических сил: она то мирила их друг с другом, то поддерживала одни из них в борьбе с другими, то защищалась от их разрозненных либо совокупных нападений. При таких условиях представительные собрания получали тем большее политическое значение, чем чаще и откровеннее сословные представители показывали на них зубы друг другу или правительству. Потому прочность политических гарантий, точная определенность конституционных догматов и обрядов, как цель, и неутолимая политическая притязательность, строгая, неуступчивая оппозиционная дисциплина, как средство, являются наиболее характеристическими чертами западно-европейского представительства.

Очевидно, допытываясь в древне-русских земских соборах таких же боевых качеств, мы становимся на точку зрения, указанную не самими соборами, а заимствованную со стороны, у исследователей западно-европейского представительства, поставленных на такую точку характером всей политической организации, в состав которой

входили западно-европейские представительные собрания. Легко понять, что при другом складе политических отношений и представительные собрания получали другое значение, усвояли иной характер, потому что при различных сочетаниях политических сил не одинаковы и потребности, удовлетворить которым призывается народное представительство, не одинаково и его назначение. Сообразно с этим должна изменяться и точка зрения наблюдателя: нельзя искать одинаковых свойств в учреждениях, вызванных различными потребностями и имевших неодинаковое назначение. Но как угадать эти потребности и это назначение? В этом вопросе скрыт ключ к разгадке исторического значения и характера известного представительного учреждения; в нем же и вся трудность этой разгадки.

В древней Руси было очень мало публицистов, людей, которые старались уяснить себе и растолковать другим смысл действовавших приних учреждений. Лишенный таких живых указаний, исследователь, изучающий древнерусские учреждения, испытывает неловкость, похожую на ту, какая чувствуется среди старинных, давно покинутых зданий. Все здесь говорит о каком-то исчезнувшем складе жизни, о потребностях и привычках, непохожих на те, какие знакомы наблюдателю; но он уже не находит живых следов этого житейского порядка; среди опустелых построек не уцелело даже достаточно сора, по которому можно было бы догадываться, как жили и о чем думали люди, некогда двигавшиеся среди этих немых стен. Приходится вглядываться в расположение всего здания и в конструкцию его отдельных частей, чтобы угадать их назначение. Именно, важнейшие государственные учреждения древней Руси, к которым бесспорно можно причислить земские соборы, и заставляют исследователя с особенною силой испытывать это затруднение. В них вообще нелегко уловить побуждения, вызвавшие их к жизни, и действие, какое они производили на общество и государственный порядок, уловить то, что можно назвать историческою идеей учреждения, а в этой идее все, чем переставшее действовать учреждение может возбуждать научный исторический интерес. Погибшее учреждение не воскреснет, как не загорится вновь угасшая индивидуальная жизнь; но его идея, как живучее семя, притаится где-нибудь в склад-

ках общественной жизни и, постепенно перерождаясь, пустит от себя росток в каком-нибудь понятии или привычке, о которых при поверхностном взгляде трудно и подумать, что они имеют историческое родство с учреждением, когда-то действовавшим. Кажется это затруднение более всего и вынуждало исследователей изучать древне-русские земские соборы сравнительно с западно-европейскими представительными собраниями, чтобы аналогией восполнить недостаток прямых туземных и современных указаний.

Действительно, сравнивая наши земские соборы с представительными учреждениями Западной Европы, давно заметили в первых резкие и важные особенности. На земских соборах не бывало и помину о политических правах; еще менее допускалось их вмешательство в государственное управление; характер их всегда оставался чисто-совещательным; созывались они, когда находило то нужным правительство; на них не видим ни инструкций, данных представителям от избирателей, ни обширного изложения общественных нужд, ни той законодательной деятельности, которою отличались западные представительные собрания; на соборах не встречаем общих прений: часто из соборных совещаний даже не выходило никакого постановления, а подавались только отдельные мнения выборных по заданным правительством вопросам. Вообще земские соборы являются крайне скудными и бесцветными даже в сравнении с французскими генеральными штатами, которые из западно-европейских представительных учреждений имели наименьшую силу [1]).

Таким образом, оказывается, что наиболее характерные особенности земских соборов все суть их крупные недостатки. Можно было бы ничего не иметь против таких отрицательных выводов аналогии, если бы они не производили впечатления, очень неблагоприятного для успешного изучения предмета. В развитии нашего исторического самосознания не раз повторялось одно прискорбное недоразумение. Какое-либо крупное явление отечественной истории, первоначально возбуждавшее в нас живейшее любопытство, тотчас

---

[1]) Б. Чичерин: «О народном представительстве», стр. 363 и сл.

теряло интерес в наших глазах, как скоро в нем не оказывалось свойств однородного с ним или соответствовавшего ему явления западно-европейского. Здесь можно не напоминать о тех неурядицах общественного сознания, которые породили такое своенравное мышление. Происходило ли это от слабости воображения, привыкшего представлять важные явления только в известных, затверженных образах, или от уныния при мысли, что на суде истории отечественное прошлое не выдержит состязательного испытания с прошлым Западной Европы, об этом могут быть разные мнения. Во всяком случае, бесспорно то, что аналогия нередко вносила в наше отношение к изучаемым явлениям отечественной истории разочарование, которым ослаблялась энергия изучения. Такой поворот исторической любознательности испытал и вопрос о земских соборах. От значительного количества основательных исследований, в общем обороте наших исторических сведений много ли отложилось ясных представлений о древне-русских земских соборах, много ли уцелело даже простого любопытства к этому учреждению, прежде так живо возбуждавшему нашу историческую любознательность? Мы никого не хотим обидеть, сказав, что немного, и именно потому, что отрицательные выводы аналогии врезались в общественном сознании прежде и глубже других, ослабляя охоту знать о соборах что-нибудь больше. В этом отношении земские соборы разделили участь явлений, которые, не оправдав преувеличенных ожиданий, потом не удостоиваются и заслуживаемого внимания. Отражение этого поворота можно найти и в нашей исторической литературе. Покойного Костомарова трудно упрекнуть в недостатке внимательности к историческим явлениям, в которых можно заметить участие общества. Его статья о земских соборах была написана после значительного ряда исследований, в которых вопрос о соборах поставлен был вполне серьезно и разъяснено много подробностей в их устройстве и деятельности. Однако, автор статьи счел возможным связать созвание первого земского собора, вопреки указанию источника, непосредственно с московским бунтом 1547 года и выставить причиной этой меры трусость царя Ивана, испуганного народным мятежем, даже утверждать, повторяя давнюю обмолвку К. Аксакова, что этот со-

бор происходил на Красной площади, а не в царских палатах. На вопрос, как возникли земские соборы, автор отвечает, что прежде существовали веча, народные собрания по землям, но теперь, когда Москва подчинила себе такие широкие пространства русских земель, немыслимо было уже сходиться на общий совет людям за 300 или 500 верст и отсюда неизбежно вытекало, «что если призывать на совет русского государства людей, то надобно в областях выбирать нескольких и отправлять в столицу в качестве послов или представителей своей области». Значит, земское представительство, которое и по идее, и по организации надобно причислить к самым сложным политическим явлениям и до которого народы, и то не все, дорабатывались с большим трудом, путем усиленной внутренней борьбы, у нас возникло само собою из неудобства географических расстояний, было делом почтового соображения. Поясняя или поправляя свою догадку, автор в конце статьи замечает, что к мысли созывать соборы пришли, кажется, «главным образом по причине всеобщей малограмотности в оное время»; если бы в XVII в. издавались у нас журналы и газеты, не нужно было бы созывать земских соборов, т. е. последние были для правительства средством узнавать мнения и настроение общества [1]). Такие суждения возможны только со стороны писателя, который видит в соборах вспомогательное правительственное орудие очень невысокой степени и случайного происхождения и в своих читателях предполагает доверие и сочувствие такому взгляду. Автор сам вскрывает точку зрения, на которой составился его взгляд на древне-русские земские соборы: он также определяет их сравнительно с западно-европейскими представительными собраниями и определяет чисто-отрицательными чертами, не считая возможным видеть в соборах что-нибудь похожее на эти собрания.

Нельзя упрекать исследователей за впечатление, какое производят отрицательные выводы их сравнительного изучения земских соборов, если только они сами не поддаются этому впечатлению и их выводы основательны, а такими надобно признать их если не во всех

---

[1]) Н. Костомаров: «Историч. монограф. и исследования», т. XIX, стр. 324 и 403.

подробностях, то в основных чертах. Но, благодаря заимствованной точке зрения, эти выводы страдают недоконченностью и с этой стороны их можно признать невольною причиной того разочарования, которое, ослабляя интерес к земским соборам, мешает их историческому изучению. Въ самом деле полная характеристика явления не может состоять из одних отрицаний; не отвергая последних, насколько они доказаны, надобно поискать другой точки зрения, с которой были бы видны положительные свойства рассматриваемого предмета. Таким образом, предстоит не перерешать вопроса, а только продолжить его решение. Чтобы найти эту другую точку зрения, можно отправиться прямо от наблюдений, сделанных на прежней.

Общим источником недостатков древне-русского соборного представительства, открывающихся при сравнении его с западно-европейским, признана «чрезмерная слабость представительного начала в русском государстве» [1]). Итак, ясно, чего не следует искать в земских соборах,—ничего, что возможно только при сильном развитии представительного начала. Что такое представительное начало? Несмотря на простоту термина, это—довольно сложное политическое явление. В состав его входят, как основные элементы, способность и потребность всего общества, или только некоторых его классов, принять деятельное участие в управлении и законодательстве. Но эти элементы в свою очередь питаются двумя условиями: важностью и солидарностью общественных интересов. Необходимо в обществе присутствие и сознание интересов настолько крупных, чтобы для ограждения их в обществе чувствовалась настойчивая потребность принять участие в управлении или чтобы правительство находило полезным призвать общество к такому участию. Притом, разные классы общества должны настолько сознавать и признавать эти интересы, настолько чувствовать себя солидарными в них, чтобы не только желать, но и уметь принять совместное и дружное участие в управлении, не превращая представительства в арену гражданской усобицы и не становясь, вместо опоры порядка, новым источником анархии.

---

[1]) Б. Чичерин: «О народном представительстве», стр. 381.

Если представительное начало было крайне слабо в Московском государстве XVI века, это значит, что не существовало ни таких крупных интересов, которые возбуждали бы в обществе достаточно настойчивые политические притязания, ни такой солидарности между отдельными классами, которая побуждала бы правительство делать уступки этим притязаниям. Однако, при маловажности и раздробленности общественных интересов,—следовательно, при недостатке способности и потребности в обществе деятельно участвовать в управлении,—попытка Грозного повторяется, и повторяется более столетия: соборное представительство входит в правительственный обычай, хотя не утвержденный и не регулированный законом, общество начинает понимать его пользу и, давая ответы на поставленные правительством вопросы, само обращается через своих выборных с ходатайствами и запросами к правительству, не теряя покорного тона, не допуская оппозиционных замашек. В XVII веке встречаем даже у рядовых людей московского общества признаки довольно отчетливого взгляда на компетенцию земского представительства и на его место в государственном управлении [1]). С другой стороны, в истории

---

[1]) В 1662 г. было указано торговым людям столицы, чтобы они, «меж себя поговоря», помыслили о том, какие меры надобно принять для устранения дороговизны, наступившей вследствие падения курса медных денег. Торговые люди Кадашевской слободы закончили поданную ими на запрос правительства сказку словами: «А о сем великого государя милости просим, чтоб великий государь изволил взять сказки у городовых земских людей, что то дело всего его великого государства». Еще яснее высказалось высшее столичное купечество; описав затруднения, от которых страдала торговля, оно прибавило: «а чем тому помочь, и о том мы ныне одни сказать подлинно недоумеемся для того, что то дело всего государства, всех городов и всех чинов, и о том у великого государя милости просим, чтоб пожаловал великий государь, указал для того дела взять изо всех чинов на Москве и из городов лутчих людей по пяти человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно». Столичное купечество ясно отличает совещание с отдельными классами общества от собрания лучших земских людей всего государства и знает, какие дела могут быть решаемы таким сепаратным совещанием и какие общим земским собранием. (Из дела 1662 г. о медных деньгах, приготовляемого моск. архивом мин. юстиции к изданию).

представительства причины и следствия не везде идут в одном неизменном порядке. Практика представительства питается силой представительного начала, как своего источника, но может и сама воспитывать это начало, возникнув из другого источника. Если на Западе общественные классы чувствовали потребность в представительстве для борьбы друг с другом или с правительством, то в других странах само правительство могло чувствовать потребность в представительных учреждениях, чтобы мирить общественные классы и возбуждать их к дружной деятельности. Апатичное общество, разбитое на мелкие, бессильные элементы, открывая широкий простор развитию сильной власти, вместе с тем, создает ей много неудобств, затрудняя установку государственного порядка, без которого невозможна прочная власть. Тот же ученый, который наиболее резко выставил недостатки древне-русского земского представительства сравнительно с западно-европейским, ярко изобразил такое состояние древне-русского общества в эпоху возникновения земских соборов и метко указал условия, побуждавшие московское правительство обращаться к содействию разрозненных общественных сил и вызвать к жизни соборное представительство [1]). При таких условиях из земских соборов должен был выработаться особый тип народного представительства, отличный от западных представительных собраний. На соборе, разумеется, трудно было встретить сословных представителей, вооруженных оппозиционною дисциплиной, чувствовавших за собой крепко сплоченные, непривычные к уступкам корпорации, готовые поддерживать своих уполномоченных во имя важных интересов, защита которых им доверена. Подобные особенности политического быта могли быть воспитаны в древне-русском обществе разве только продолжительною и непрерывною практикой соборного представительства. Таким образом, явления, бывшие на Западе причинами успехов представительства, у нас могли быть лишь следствиями его успешной деятельности. Очевидно, соборное представительство выросло из политической почвы, мало похожей на ту, какая ростила западные представитель-

---

[1]) Б. Чичерин: «О народном представительстве» стр. 357 и след.

ные собрания: но связь древне-русских земских соборов с выростившей их почвой, с туземными учреждениями представляется недостаточно ясно. Причина этого заключается в одном пробеле, какой остается в изучении соборного устройства: недостаточно уяснен состав представительства на земских соборах. Изображая устройство земского собора, исследователи сосредоточивают свое внимание на его деятельности и на обстановке, в какой он действовал; касаясь состава собора, они обыкновенно останавливаются прямо на том моменте, когда земские выборные занимали свои места в палате соборных заседаний, причем ограничиваются чисто-статистическими наблюдениями, пересчитывают, сколько явилось на собор бояр и духовных лиц, сколько выборных от других классов. Изредка излагаются некоторые подробности избирательной процедуры; но очень мало говорят или совсем умалчивают о составе избирательных обществ и об отношении их к своим представителям. Какие общественные миры посылали на соборы этих представителей, когда возникли и как были устроены эти миры, кого и почему выбирали они своими представителями,—потому ли, что в минуту выбора избранные пользовались наибольшим личным доверием избирателей, или по каким-либо иным, менее капризным причинам, какую ответственность и какие ожидания возлагали избиратели на своих выборных,—все эти вопросы далеко нельзя признать разрешенными. Благодаря тому, в устройстве соборного представительства остается много подробностей, возбуждающих недоумение. Укажем для примера на одну из них. В XVII веке призывали на собор представителей от дворян и детей боярских каждого уезда и от тяглых посадских людей каждого уездного города. Это заставило признать уезд избирательным округом при выборе соборных представителей провинциального населения. Но составляли ли тогда дворяне и дети боярские каждого уезда одну цельную корпорацию? Почему от дворянства каждого уезда являлось на собор обыкновенно по два депутата, а от уездных городов по одному и почему от дворянства Рязанского уезда встречаем на соборах 4 или 8 представителей, когда другие уезды посылали по два депутата? Признание уезда избирательным округом не дает ответа на эти вопросы. Связь соборного представительства с устройством древне-русских земских

миров и общественных классов—вот та другая точка зрения, с которой, может быть, видны будут особенности земских соборов, остающиеся незаметными при сопоставлении их с западными представительными собраниями. Рассматриваемые без этой связи, сами соборы представляются политическою неожиданностью и даже политическим излишеством: не отдаешь себе отчета в том, кому и для чего надобились эти соборы, зачем их редкими и суетливыми созывами прерывалось спокойное и ровное течение боярского законодательства и приказной администрации, соответствовали ли начала соборного представительства общим основаниям действовавшего государственного порядка,—одним словом, были ли земские соборы нормальным завершением земского строя, или только временною пристройкой в исключительных случаях?

С указанным сейчас пробелом в изучении земских соборов связан вопрос, касающийся, так сказать, перспективы в истории соборного представительства; имело ли это учреждение какое-либо развитие, исторический рост, или оно замерло таким же, каким родилось, оставшись политическим недорослком? В исследованиях о земских соборах трудно найти отчетливый ответ на этот вопрос. Замечали, что не все соборы были похожи друг на друга по своему социальному составу и политическому значению: одни представляли преимущественно столицу, другие отличались более широким земским составом; одни имели более решительный голос, чем другие. Но были ли это случайные колебания, отступления от нормы, вынужденные обстоятельствами, или этими колебаниями обозначались успехи последовательной выработки соборной организации? В исследованиях можно заметить наклонность различать соборы по политическим категориям, а не по историческим моментам; соборы делят на избирательные и совещательные, на полные и неполные; находят возможным признать даже фиктивные соборы. Но, если не изменяет нам память, не видят существенного различия в складе и характере представительства между соборами XVI и XVII вв. Таким образом, прилагая к земским соборам довольно сложную, даже несколько изысканную политическую классификацию, отказывают им в историческом движении. В этом отношении все соборы с первого до последнего рассматриваются под одинаковым углом зрения и если не все освещаются одинаковым

светом, то оттенки объясняются внешними обстоятельствами, при которых созывались отдельные соборы, а не внутренним ростом соборного представительства; эти оттенки набрасывались обстановкой, а не постановкой учреждения. Проверяя такой взгляд, можно спросить, всегда ли одни и те же земские миры посылали на соборы своих представителей и с одинаковыми представительными полномочиями, или сфера представительства и состав представительных собраний изменялись в разное время, изменяя и характер самого представителя? Все это разъяснится, как скоро восстановлена будет связь соборного представительства с учреждениями, среди которых действовали соборы. Если эти соборы имели свою историю, фазы их развития прежде и заметнее всего должны были отразиться на составе соборного представительства и характере выборных, как представителей, т.-е. на их отношении к избиравшим их мирам и на источнике и свойствах полномочий, какие они получали от этих миров.

Изучая соборное представительство с этой стороны, в связи с туземными учреждениями, исследователь неминуемо встретится с вопросом о происхождении земских соборов: почему они появляются именно с половины XVI в. и появляются как-то вдруг и неожиданно, повидимому, без всякой подготовки, без политических преданий и привычек? Если они не были случайною механическою накладкой на существовавший правительственный и общественный строй, в этом строе около того времени должны были произойти перемены, вызвавшие потребность в земском представительстве. Здесь, прежде всего, любопытно зарождение самой мысли о земском представительстве; как возникла в московском обществе того времени такая сложная политическая идея, из каких понятий сложилась она при своем возникновении и откуда взялись эти понятия, незаметные прежде?

Были сделаны попытки объяснить побуждения, вызвавшие первый земский собор 1550 г. По мнению одних, этот собор был созван царем для борьбы с боярами, против которых Грозный искал опоры в народе [1]). Это мнение не поддерживается историческими

[1]) С. М. Соловьев: «Шлецер и антп-истор. направление», в Русском Вестн. 1857 г., т. VIII, стр. 444.—Г. Сергеевич: «Земские соборы», в Сборн. Госуд. Знаний, т. II, стр. 5.

свидетельствами. Напротив, именно в 1550 г. царь всего менее мог думать о борьбе с боярством. К тому времени при посредничестве митрополита Макария и Сильвестра он сблизился с лучшими людьми из боярства и составил из них круг советников и сотрудников, которые помогали ему в его смелых внешних и внутренних предприятиях. Чувствуя это затруднение, другие исследователи поправляют догадку, прибавляя, что первый земский собор дал царю твердую почву для будущей борьбы с боярством[1]). Но когда настала эта ожиданная борьба, царь не искал опоры в твердой почве земского собора, а создал для этого новое учреждение совершенно противоземского характера, опричнину. Все, что известно о целях первого земского собора от самого верховного виновника и руководителя его, также не поддерживает догадки о боевых демократических побуждениях, будто бы его вызвавших. В речи на Красной площади, которою публично в присутствии собравшегося народа, повидимому, открыты были заседания этого собора, царь призывал толпившихся перед ним «людей Божиих» не к борьбе с боярами, а ко взаимному прощению и примирению, молил их «оставить друг другу вражды и тяготы свои» и обращался к митрополиту с мольбой помочь ему в этом деле общего земского примирения. Смысл этого воззвания объясняется другою речью царя, прочитанной в следующем году на церковном Стоглавом соборе. Можно с полною уверенностью думать, что царь разумел предложение, сделанное им на земском соборе 1550 года, когда в речи своей напоминал отцам Стоглавого собора, что в предъидущее лето он приказал своим боярам, приказным людям и кормленщикам «помиритися на срок» во всех прежних делах со всеми христианами своего царства. Все это может показаться идиллией и в таком кажущемся идиллическом смысле повторялось иными повествователями. Трудно только представить себе, каким порядком и в какой форме могло совершиться предписанное царем примирение, и, притом, срочное примирение, целых классов общества друг с другом. Но не следует забывать, что речи царя на обоих соборах—ораторские произ-

---

[1]) Г. Загоскин: «История права Московского государства», в Учен. Зап. Казанского Университета 1877 г., № 4, стр. 768.

ведения, в которых под торжественными метафорическими оборотами надобно искать простых действительных явлений, имевших свой простой, будничный язык. Переводя ораторские выражения царя на этот простой деловой язык тогдашнего управления, открываем очень любопытный и малозаметный в других памятниках того времени факт, которым сопровождался первый земский собор и которым ярко освещаются некоторые побуждения, вызвавшие этот первый опыт земского представительства в Московском государстве. Известно, что для сдержки злоупотреблений областных управителей, наместников и волостелей, управляемым ими обществам предоставлялось право жаловаться на них высшей власти в Москве. Еще задолго до первого земского собора московское законодательство старалось установить порядок принесения и разбора таких жалоб, назначая для того известные сроки. В Судебнике 1550 г. царь Иван подтвердил важнейшие постановления своих предшественников по этому предмету. Тяжбы, возникавшие в силу этого права, принадлежали к наиболее характерным явлениям древне-русской жизни: то были не политические процессы демократии с аристократией, а простые гражданские тяжбы о переборах в кормах и пошлинах, т.-е. в прямых и косвенных налогах, взимавшихся в пользу управителей, о проторях и убытках, какие терпели обыватели от административных и судебных действий кормленщика, казавшихся им неправильными. Эти иски велись или отдельными лицами, или целыми обществами через старост и мирских ходоков, с обычными приемами тогдашнего искового процесса, с приставными памятями, свидетельскими показаниями, крестоцелованиями и т. д. Время малолетства Грозного было, повидимому, особенно обильно такими тяжбами, длившимися иногда многие годы, и московские приказы были завалены ими. Эти тяжбы и имел в виду царь, приказав на соборе 1550 г. всем служилым людям, против которых они были направлены, помириться с своими истцами «на срок»: велено было покончить все накопившиеся против областной администрации иски и покончить не обычным исковым, формальным, а мировым порядком, полюбовно. Срок для этой судебно-административной ликвидации назначен был довольно короткий, вероятно, годовой, потому что в

1551 г. царь мог уже сообщить отцам церковного собора, что бояре, приказные люди и кормленщики во всяких делах помирились со всеми землями в назначенный срок. Жалобы земских миров обращались не против бояр, как общественного класса, а против должностных лиц областного управления, большинство которых принадлежало к другим слоям военно-служилого сословия, помещавшимся в общественном складе государства ниже боярства, а на соборе 1550 года, если о его составе можно судить по составу дальнейших соборов XVI века, решительное большинство выборных принадлежало к тем же не боярским слоям служилого сословия. В ком же и против кого мог царь найти опору на соборе с таким составом? Царь, говорят, созвал земский собор, чтобы найти в народе опору против бояр, говоря проще, чтобы возбудить народ против бояр, а на соборе предложил боярам и другим кормленщикам помириться с народом; средством возбуждения народа против бояр должно было служить собрание, на котором, надобно думать, было очень мало представителей народа и огромное большинство которого состояло из служилых людей, вполне солидарных в вопросе о кормленщиках с боярами. Эти несообразности приводят к тому заключению, что на первом земском соборе шло дело не о возбуждении социально-политической борьбы, а об устранении одного судебно-административного затруднения, и молодой царь выступил на нем не демократическим агитатором, а просто—умным и добросовестным правителем. Легко догадаться, что и мысль о боевом противобоярском происхождении собора 1550 г. навеяна явлениями из истории западных представительных собраний. Наконец, если бы первый земский собор имел враждебное боярству происхождение, следовало бы ожидать и со стороны этого влиятельного тогда класса враждебного отношения к земским соборам. Напротив, в самых горячих поборниках боярских интересов второй половины XVI в. это учреждение встречало не только признание, но и полное одобрение. Князь Курбский, который хорошо помнил собор 1550 года, когда писал направленную против Грозного историю этого царя, не только не упрекает его за этот собор в своем произведении, не только не видит ничего вредного в земском представительстве, но даже прямо настаивает на необходимости для царя искать доброго и полезного

совета не у одних советников-бояр, но и у «всенародных человек», а, составляя свой памфлет, автор знал, что всенародные человеки уже дважды собирались в Москве по зову царя, чтобы дать ему добрый и полезный совет. Современник князя Курбского, другой публицист, автор Валаамской беседы о монастырском землевладении, памфлета, горячо отстаивающего правительственное и землевладельческое значение боярства, даже предлагает сделать земский собор ежегодным и всесословным представительным собранием, которое помогало бы правительству в надзоре за областною администрацией, доводя до сведения царя о действиях областных управителей и вообще «о всяком деле мира». Не будет лишним отметить еще одну особенность, какою отличается рассматриваемая причина созыва первого собора, состоявшая будто бы в потребности царя найти народную опору против бояр: эта причина долго существовала, не производя своего действия, и долго действовала, перестав существовать. Столкновения московского государя с боярством становятся заметны с конца XV в. и до половины следующего столетия не пробуждали в московских государях потребности призвать к себе на помощь земское представительство. При царях Михаиле и Алексее таких столкновений, которые сколько-нибудь заслуживали бы названия борьбы, совсем не заметно, и, однако-ж, оба эти царя продолжают созывать земские соборы; первый из них созывал их даже чаще, чем кто-либо из его предшественников и преемников.

Другие исследователи указывают другие причины созыва первого земского собора; эти причины повторяют иногда, как подкрепление своей догадки, и сторонники противобоярского происхождения этого собора. То были: возникшая с объединением Руси Москвой потребность въ общем органе для всей Русской земли, при помощи которого она могла бы заявлять о своих нуждах и желаниях перед образовавшеюся общею верховною властью, необходимость дать общее направление интересам и стремлениям отдельных земщин Московского государства, чтобы могло выработаться сознание целостной общерусской земщины, необходимость для царя вступить в союз с землею, отстранив бояр с пути, который вел к единению царя и земли, ясно понятая царем необходимость непосредственного общения своего

с народом, чтобы иметь в нем твердую опору в правительственной деятельности, и т. п. [1]). Нельзя не признать того удобства этих соображений, что они касаются происхождения соборного представительства вообще, а не первого только собора: трудно объяснить происхождение первого собора отдельно от дальнейших, особенно когда для суждений о первом соборе так мало данных. Но эти соображения страдают туманностью и, как отвлеченные формулы, подобно соборным речам царя Ивана, должны быть переложены на простой конкретный язык московского государственного порядка XVI века, чтобы стать понятными. Притом и эти соображения не решают всей задачи, не дают достаточно прямого ответа на вопрос о том, как возникло соборное представительство в Московском государстве. Положим, могло государство чувствовать потребность в общем органе для заявления нужд и желаний земли, мог и государь понять необходимость непосредственного общения своего с народом; но остается неясным, как и почему таким органом и средством такого общения явился земский собор, учреждение еще небывалое на Руси, и явился именно с таким, а не иным составом и характером. Сказать, что земский собор был созван вследствие понятой царем необходимости общения с народом, значит указать только первое смутное побуждение, завязку мысли о земском соборе; но чтобы исторически объяснить его происхождение, надобно показать, как эта мысль развилась в целую систему представительства, как сложился самый план учреждения. Представительное собрание нельзя проектировать отвлеченно, как математическое построение или канцелярию, штат и регламент которой зависят от соображений и потребностей учредителя. Как бы ни зародилась в уме царя Ивана мысль о земском соборе, он мог строить его только из наличных политических материалов и, если он обладал политическим глазомером, он не мог не сообразовать своих целей и побуждений со складом управляемого им общества и взаимными отношениями разных его классов. Значит, дело не столько в том,

---

[1]) Беляев в университетской речи 1867 г. «о земских соборах»; г. Загоскин в Истории права Московского государства.

что думал или чего желал царь, созывая первый земский собор, сколько в том, как сложились самые формы, усвоенные земскими соборами XVI века, какую связь имели их состав и вся организация с правительственным и общественным складом государства. Так и вопрос о происхождении земских соборов ставит нас на ту же точку зрения, которая сама собою представилась нам при мысли о способе полнее определить характер и значение соборного представительства: она покажет, как и в каком виде могло возникнуть это представительство из всей системы государственных учреждений XVI в.

Сказанным объясняется задача настоящего очерка. Он предпринят с мыслью, что нет нужды в общем пересмотре вопроса о древнерусских земских соборах. Наша историография достигла многих прочных выводов в изучении судьбы и характера этого учреждения. Достаточно выверен политический вес земских соборов сравнительно с западными представительными учреждениями, рассказана история их деятельности и отчасти разъяснено их значение в истории русского законодательства. Доказано, что наши земские соборы никогда не пользовались такими политическими обеспечениями, какими на Западе поддерживалось постоянное и деятельное участие представительных учреждений в законодательстве и управлении: ни закон, ни правительственная практика не давали таких обеспечений земскому представительству в Московском государстве. Въ этом отношении земские соборы далеко отставали даже от Боярской думы московских государей: ей сообщали известную политическую прочность не только вековой обычай, но и закон, прямо выраженный в Судебнике 1550 года, по одной статье которого новые законы издаются «с государева доклада и со всех бояр приговора». Простое хронологическое сопоставление первого и последнего собора отнимает возможность оспаривать, что земские соборы вызывались потребностями, не имевшими продолжительного действия: соборы не созывались до 1650 г. и перестали собираться полтораста лет спустя. Отсюда же можно заключить, что эти временные потребности не были и настолько настойчивы, чтобы самое соборное представительство сделать политической потребностью, ввести его в состав устойчивого обычая, спо-

собного держаться самим собою, без поддержки первоначальных условий, его создавших. Земские соборы созывались вообще довольно редко, не были постоянно напряженною пружиной государственного механизма и потому их деятельность не проходит ровною и непрерывною нитью в ткани московского законодательства, какою проходила деятельность Боярской думы. После полуторавекового прерывистого существования земские соборы прекратились, не оказав заметного действия на дальнейший рост правительственных учреждений: видеть в кодификационных коммисиях XVIII века, даже в самой шумной и нарядной из них, в коммисии 1767 г., прямое продолжение земских соборов, слышать в них отзвук замиравшего соборного предания едва ли не значит преувеличивать некоторые наружные признаки сходства в учреждениях, построенных на совершенно различных началах и вызванных совсем не одинаковыми побуждениями. Сказанное сейчас о земских соборах неоднократно доказывалось и если не всеми охотно признается за доказанное, то довольно редко оспаривается. Обстоятельно исследованы и многие подробности устройства соборов, особенно соборного делопроизводства; но здесь именно и остаются еще заметные пробелы. Выше отмечены те из пробелов, которые нам кажутся наиболее важными; чтобы по возможности восполнить их, попытаемся разобрать три тесно связанные друг с другом вопроса: о составе соборного представительства в связи с устройством местных миров и общественных классов, представители которых призывались на соборы, о происхождении земских соборов, насколько можно судить о том по первоначальному их составу, и о развитии соборного представительства, как оно отражалось в постепенном изменении этого состава. Таким образом, состав соборного представительства является основным вопросом, от решения которого зависит ответ на остальные, а связь соборного представительства с правительственным и общественным строем государства послужит общею точкой зрения, которая укажет путь к решению всех их. Если сопоставление земских соборов с представительными учреждениями других стран достаточно уяснило, чем не были эти соборы, то сопоставление их с туземными учреждениями поможет объяснить, чем они были.

I.

Собор 1566 года.

Изображая состав соборного представительства, мы обыкновенно руководствуемся соборными актами XVII века в молчаливом предположении, что точно такой же состав имели и соборы XVI века, что соборное представительство и на свет явилось с таким составом. Это предположение доселе остается неоправданным и неопровергнутым. Акты соборов XVI века и известия о них, уцелевшие в других памятниках, таковы, что по ним трудно сообразить, какая система представительства принята была для этих соборов, была ли эта система та же, какою руководствовались при созыве земских чинов в XVII веке, или какая-либо иная. Но, не зная этой системы, мы не имеем в руках ключа к решению вопросов о происхождении и развитии земских соборов. Это заставляет нас с особенным вниманием остановиться на соборах XVI века и рассмотреть сохранившиеся указания на их состав.

О цели созыва и о деятельности первого земского собора 1550 г. в нашей литературе высказано несколько предположений и догадок. В дальнейшем изложении, говоря о происхождении соборного представительства, мы увидим, что в памятниках XVI века остались довольно ясные указания на важные вопросы государственного устройства, которые обсуждались на этом соборе и обсуждение которых, по всей вероятности, служило целью его созыва. Таким образом, есть возможность отметить некоторые следы, оставленные в законодательстве собором 1550 г. Но этот собор надобно пока считать потерянным фактом в истории устройства соборного представительства XVI века. О составе его сохранилось краткое и неясное известие, которое гласит, что царь Иван на двадцатом году своей жизни повелел собрать «свое государство из городов всякого чина» [1]). Если даже понимать эти слова вполне в буквальном смысле и предположить, что действительно были созваны в столицу выборные от всех чинов, тогда существовавших, состав собора объяснится очень мало, потому что неизвестно, какие чины тогда существовали.

---

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., II, № 37.

То было переходное время в образовании московской государственной иерархии: дворцовые должности удельного управления превращались в служебные звания, не соединенные с определенными должностными занятиями, а экономические состояния становились служебными рангами, обязанными исполнять известные правительственные поручения. Так складывалась московская иерархия чинов. Полную табель этих чинов можно составить по памятникам первой половины XVII века, когда эти крайне мелкие разряды, на которые дробилось население в Московском государстве по роду и размерам падавших на него повинностей, уже начинали смыкаться в несколько крупных классов с характером сословий. Но к половине XVI века многие из этих чинов еще не успели образоваться, по крайней мере, еще не носили технических названий, какие позднее усвоила им чиновная терминология. Так, в памятниках того времени незаметно еще следов деления высшего московского купечества на гостей и торговых людей гостинной и суконной сотен с периодическими наборами в эти звания низших торговых людей столичных и областных; следы такого деления становятся заметны не раньше царствования Феодора Иоанновича. Точно также не видно, чтобы ко времени первого земского собора успела установиться иерархия чинов высшего столичного дворянства, носивших в XVII веке названия стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов: некоторые из этих званий еще не получили значения чинов, оставаясь придворными должностями, т.-е. должностями дворцовой администрации. Можно думать, что выработка служебной дворянской иерархии началась несколько раньше купеческой: следы ее заметны уже в царствование Грозного. В разрядной книге полоцкого похода 1563 г. перечисляются столичные служилые чины стольников, стряпчих, жильцов и дворян выборных [1]). В этом перечне нет еще коренного столичного чина дворян московских, если только не этот чин обозначен в книге названием с Москвы дворовых, а дворяне выборные, причисляемые в книге к столичному дворянству, в позднейших служи-

[1]) Витебская Старина, изд. А. Сапуновым, т. IV, стр. 27 и 33.

лых списках являются первым чином дворянства городового, т.-е. провинциального. Значит, еще много лет после собора 1550 г. лествица и терминология чинов не получали окончательной установки. Итак, о составе соборного представительства в 1550 г. можно судить только по составу дальнейших земских соборов XVI века.

Второй собор был созван в 1566 г. во время войны с Литвой за Ливонию. Царь хотел узнать мнения чинов о том, мириться ли с Литвой на условиях, предложенных литовским королем. От этого собора сохранилась приговорная грамота, полный протокол с поименным перечнем всех членов собора. Но этот перечень во многих отношениях представляется загадкой. В нем поименовано 374 члена собора. По общественному положению их можно разделить на 4 группы. Во-первых, на соборе присутствовало 32 духовных лица: то были архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и монастырские старцы. В этой группе едва ли были выборные люди: ее составляли лица, одни из которых явились на собор по своему сану, как его непременные члены, другие, вероятно, были приглашены правительством, как сведущие люди, уважаемые обществом и могущие подать полезный совет или усилить нравственный авторитет собрания. Вторая группа состояла из 29 бояр, окольничих, государевых дьяков, т.-е. статс-секретарей и других высших сановников, да из 33 простых дьяков и приказных людей. Здесь не могло быть выборных представителей: это были все сановники и дельцы высшего центрального управления, члены Боярской думы, начальники и секретари московских приказов, приглашенные на собор в силу своего правительственного положения. Третью группу составляли 97 дворян первой статьи, 99 дворян и детей боярских второй статьи, 3 торопецких и 6 луцких помещиков: это группа военно-служилых людей. Наконец, в состав четвертой группы входили 12 гостей, т.-е. купцов высшего разряда, соответствовавшего нынешнему званию коммерции советников, 41 человек простых московских купцов, «торговых людей москвичей», как они названы в соборной грамоте, и 22 человека смольнян: это люди торгово-промышленного класса.

Состав и значение двух последних групп и являются загадкой, благодаря своеобразной социальной терминологии соборного акта

и необычной группировке членов собора в их перечне. Позднее, когда установилась иерархия служилых чинов, в ней не находим дворян и детей боярских первой и второй статьи. Что такое были эти 196 дворян и детей боярских обеих статей, кого они представляли на соборе и даже представляли ли кого-нибудь, были ли выборными от каких-нибудь общественных миров? Не находя в соборной грамоте прямых ответов на эти вопросы и видя рядом с дворянами и детьми боярскими, неизвестно кого представлявшими, помещиков луцких и торопецких, некоторые исследователи признали состав собора ненормальным, неполным. Этот состав некогда даже вызвал небольшой спор в нашей исторической литературе. Не находя достаточного количества областных депутатов на соборе 1566 года, Соловьев не решался признать за ним значения земского представительного собрания. К. Аксаков возражал, признавая этот собор неполным и сравнивая его с молодым деревом, из которого современем вырастет ветвистый дуб,—другими словами, подтверждал мнение противника, заменяя историческое возражение поэтическим сравнением [1]). Присутствие на соборе помещиков двух уездов и торговых людей одного областного города, разумеется, не могло сообщить ему значения земского собрания, представительства всей земли. Появление этих немногих местных областных представителей объясняли довольно искусственно. На соборе обсуждался вопрос о том, отступаться ли от порубежных ливонских городов, которые литовский король удерживал за собою. Вопрос этот обсуждался преимущественно с точки зрения торговых интересов Пскова, Новгорода и других западных коммерческих центров Московского государства [2]). Обсуждая этот вопрос, правительство, значит, хотело выслушать мнения представителей тех областей, которых он преимущественно касался. Выходит нечто довольно неожиданное из этих соображений: обсуждали вопрос преимущественно с точки

---

[1]) Шлецер и анти-истор. направление (Русск. Бестн., т. VIII, стр. 445). Сочинения К. Аксакова, I, 204.

[2]) Ист. права Моск. госуд., г. Загоскина в Уч. Зап. Каз. Унив. 1877 г., № 4, стр. 772 и сл.

зрения торговых интересов Пскова и Новгорода и не позвали ни одного представителя ни псковского, ни новгородского; ни Торопец, ни Вел. Луки не принадлежали к числу коммерческих центров в Московском государстве XVI века и, однако, из их уездов вызвали 9 представителей. Но и это объяснение не касается 196 дворянских представителей обеих статей: их представительное значение остается загадочным. Так как местное происхождение областных дворянских депутатов, хотя и очень немногочисленных, только луцких и торопецких, прямо обозначено в соборном акте, то г. Чичерин высказал предположение, что дворяне и дети боярские обеих статей, местное происхождение которых не обозначено, были представители не областного, а столичного, московского дворянства [1]). Впоследствии столичное дворянство, составлявшее высший слой служилого класса, нечто похожее на гвардию, распадалось, как сказано, на чины с т о л ь н и к о в, с т р я п ч и х, д в о р я н м о с к о в с к и х и ж и л ь ц о в, и каждый чин выбирал на соборы особых представителей. Если предположить, что обе статьи, на которые разделены были перечисленные в соборном акте дворяне и дети боярские, имели в XVI веке значение служилых московских чинов, соответствовавших позднейшему более дробному чиновному делению столичного дворянства, останется непонятным, зачем понадобилось такое огромное, небывалое впоследствии количество соборных представителей того и другого чина.

Есть возможность распутать этот узел и объяснить представительный характер загадочных 196 дворян и детей боярских, присутствовавших на соборе 1566 г. Эти дворяне и дети боярские вместе с 9 торопецкими и луцкими помещиками представляли на соборе многочисленный военно-служилый класс, если только представляли кого-нибудь, и, кроме них, не видим других представителей этого класса в составе собора. Их было 205 человек на 374 члена собора, т.-е. почти 55% всего личного состава собрания. Значит, представители дворянства образовали самый многочисленный элемент этого состава. Незадолго до собора, в 1550-х годах, московское

---

[1]) О н а р о д н о м п р е д с т а в и т е л ь с т в е, стр. 365.

правительство приняло ряд важных мер с целью организовать этот класс, устроить его землевладельческое положение и порядок отбывания лежавших на нем служебных обязанностей. Первою известною мерой из этого ряда был закон 3 октября 1550 г. Царь приговорил с боярами набрать по разным областям государства тысячу лучших служилых людей и у кого из набранных не окажется земельных имений близ Москвы, не далее 70 верст от столицы, тем дать поместья под Москвою на таком же от нее расстоянии. Вместе с простыми служилыми людьми на одинаковых условиях велено было испоместить и бояр и других высших сановников, также не имевших под Москвою ни вотчин, ни поместий. Все эти новые подмосковные помещики назначались на постоянную службу в столице и обязаны быть всегда готовыми «в посылки», для исполнения различных правительственных поручений. Служилые люди, набранные по этому закону из разных уездов, разделялись на три статьи или разряда по размерам назначенных им поместных наделов (по 300, по 225 и по 150 десятин пахотной земли). Составлен был список сановников и простых служилых людей, которых предположено было в силу закона 3 октября испоместить под Москвой, с обозначением уездов, из которых взяты служилые люди, т.-е. в которых находились у них недвижимые имения или к которым они были приписаны по службе до закона 3 октября. Этот список, получивший название Тысячной книги, дошел до нас [1]). Сличая его с перечнем дворян и детей боярских, присутствовавших на соборе 1566 года, получаем возможность уяснить представительное значение последних.

Очень многие имена, помещенные в Тысячной книге 1550 года, повторяются и в соборном перечне 1566 года; нередко в последнем обозначен сын служилого человека, записанного в первой. Сличение обоих этих документов приводит к любопытным наблюдениям. Рассматривая Тысячную книгу, замечаем, что статьи, на которые она делит служилых людей, имеют генеалогическое основание. Из них две первые сравнительно немногочисленны, заключают в себе всего

[1]) Временник Общ. ист. и др. росс., кн. 20, смесь, стр. 41.

112 имен; но это все имена первостепенной или второстепенной знати, будущих сановников. Третья статья, самая многочисленная, отличается смешанным составом: и здесь встречаются родовитые люди, но огромное большинство записанных в эту статью принадлежало к рядовому дворянству. Очевидно, новобранцев столичной службы старались наделить подмосковными поместьями в меру их служебной годности, которая измерялась тогда, прежде всего, степенью родовитости, «отечеством». Этим именно делением Тысячной книги, установленным законом 3 октября, руководился составитель соборного перечня при распределении на статьи дворян и детей боярских, присутствовавших на соборе 1566 г. По Тысячной книге в первой статье обозначен кн. Ю. И. Кашин; в соборном перечне дворянином той же статьи является сын его, кн. Д. Ю. Кашин, заместивший своего отца, который немного лет спустя после набора 1550 г. из столичных дворян произведен был в бояре. Это не значит, что столичные дворяне набора 1550 г. или сыновья их, попавшие на собор в 1566 г., и здесь оставались в тех же статьях, в которые они или их отцы записаны были по Тысячной книге. Статьи эти не были замкнутыми, безысходными кругами, не допускавшими иерархического движения: дворянин, в 1550 г. по своей служебной годности зачисленный в третью статью и потому получивший поместный надел под Москвой в 150 десятин пашни, потом за служебные заслуги получал прибавки к этому наделу до 225 или до 300 десятин и таким образом поднимался во вторую и в первую статью. Вот почему почти все дворяне, зачисленные по книге 1550 г. во вторую или третью статью и присутствовавшие на соборе 1566 года, в соборном перечне являются дворянами второй или первой статьи. Следя за связью генеалогического значения столичных дворян с их служебным положением и общественным весом, насколько эта связь открывается путем сличения обоих рассматриваемых документов, замечаем в дворянском составе собора 1566 года одну черту, которая при первом взгляде кажется непонятной. При такой связи следовало бы ожидать, что из каждой статьи столичного дворянства на соборе явятся наиболее родовитые люди. Сличая Тысячную книгу с соборным перечнем дворян обеих статей, этого не находим. Многие дворяне знатных фамилий, успешно проходившие

служебный путь, почему-то не попали на собор, а весьма многие совсем неродовитые люди попали. Не было на соборе ни кн. П. Д. Пронского, вскоре пожалованного в бояре, ни Д. А. Бутурлина и кн. Ю. И. Токмакова, которые через несколько лет после собора являются в Боярской думе окольничими; между тем, представителями дворянства записаны в соборном списке люди такого скромного происхождения, как Бортенев, Волуев, Коуров, Кобяков, Рясин, Чихачев, Чубаров и множество других, фамилии которых никогда не появлялись в думских списках. Значит, дворянские представители на соборе подбирались не по одной родовитости, но и по другим каким-то соображениям. Этот подбор и заставляет обратить внимание на местное происхождение дворян, имена которых обозначены в соборном перечне обеих статей.

Тысячная книга дает возможность проследить местное происхождение очень многих дворянских представителей на соборе 1566 г.: как было замечено выше, в ней обозначено, по каким уездам служили дворяне, взятые на столичную службу в 1550 г. Параллельное изучение обоих списков, тысячного 1550 г. и соборного 1566 г., приводит к таким наблюдениям. Из 196 соборных представителей дворянства обеих статей можно определить местное происхождение ста одного: имена их или их отцов встречаем и в Тысячной книге, а по закону 3 октября 1550 г. дворянина, выбывшего из набранной тысячи, должен был замещать его сын, если таковой был и оказывался годным к столичной службе. Прибавив к этому числу 9 луцких и торопецких помещиков, местное происхождение которых указано в самом соборном перечне, получим из 205 дворянских представителей 110 таких, о которых несомненно известно, по каким уездам служили они или их отцы в 1550 г., когда их записали на столичную службу. Спрашивается, кто такие были остальные 95 представителей? Судя по большинству их, принадлежавшему к добрым или средним дворянским фамилиям, они также входили в состав столичного дворянства Но ни их самих, ни их отцов не находим в Тысячной книге. Это могло произойти от двух причин. Во-первых, в Тысячной книге записаны далеко не все дворяне, состоявшие на столичной службе в 1550 году а только те зачисленные тогда на эту службу новобранцы и те из ста-

рых столичных служак, у которых не было подмосковных поместий и вотчин и которых тогда же предписано было вновь испоместить под Москвою. Просматривая росписи служебных назначений 1550 годов, сведенные в Разрядной книге, встречаем очень много дворян, которых нет в Тысячной книге, но которые исполняли одинаковые с записанными в ней поручения столичной службы; некоторых из них встречаем на соборе 1566 года в числе дворян и детей боярских первой и второй статьи [1]). Во-вторых, по закону 3 октября 1550 г. дворянин, выбывший из новонабранной столичной тысячи, заменялся другим, сторонним служилым человеком, если не имел сына, годного к столичной службе. Распределив 110 дворянских представителей по месту их происхождения, найдем, что они принадлежали к 38 уездам [2]). Из неполного распределения, захватывающего немного более половины всего количества дворянских представителей на соборе, нельзя вывести никаких надежных заключений ни о том, все ли уезды государства с дворянско-землевладельческим населением были представлены на соборе, ни о том, было ли установлено нормальное число представителей от каждого уезда. Можно только заметить, что около половины всего количества уездов, представители которых известны, принадлежали к западной полосе государства, на границах которой шла вызвавшая собор война, а большинство остальных—к центральным областям, окружавшим столицу; всего менее встречаем уездов южных и восточных. Число представителей от каждого уезда колеблется от 1 до 6; только от уездов Московского и Можайского было на соборе по 9 дворян. Все это приводит к догадке,

---

[1]) Так, например, в тульском походе 1555 г. поручения столичной службы исполняли рядом с записанными в Тысячной книге кн. П. И. Татевым, кн. А. И. Прозоровским, Л. Раковым, Ф. Зезевитовым и дворяне, в ней не записанные, но бывшие потом на соборе 1566 г., Л. Колтовской, кн. И. Ю. Голицын, кн. Ф. В. Сисеев и другие.

[2]) Исков, Вотьская, Шелонская, Деревская и Бежецкая пятины Новгорода Великого, обе Ржевы, Великие Луки, Торопец, Белая, Дорогобуж, Вязьма, Боровск, Малый Ярославец, Калуга, Масальск, Воротынск, Таруса, Тула, Рязань, Коломна, Москва, Можайск, Волок, Дмитров, Тверь, Торжок, Бежецкий Верх, Кашин, Ярославль, Ростов, Переяславль, Юрьев, Суздаль, Стародуб Ряполовский, Муром, Кострома, Галич.

что дворянских представителей подбирали на собор, между прочим, по их местному значению, по их положению среди служилых землевладельцев тех уездов, где находились их вотчины или поместья и к которым они или их отцы были приписаны по службе до набора 1550 г. Если это так, то становится возможно объяснить, почему на собор не попали некоторые знатные дворяне, а многие незнатные попали: в иных уездах родовитых дворян, которые могли явиться представителями на соборе, было больше, чем сколько требовалось для представительства, а в других их было мало или совсем не было. Но сличением соборного акта со списком 1550 г. вскрывается еще одна подробность, всего яснее указывающая на то, что присутствовавшие на соборе дворяне обеих статей явились сюда с местным значением, как представители дворянских обществ известных уездов. Из числа этих дворян в соборном перечне торопецкие и луцкие помещики выделены в две особые группы, которые подали на соборе отдельные мнения, хотя эти мнения были очень сходны с заявлениями дворян обеих статей и дословно повторяли некоторые их выражения. Но эти торопецкие и луцкие помещики были такие же служилые люди московской столичной службы, как и дворяне первой и второй статьи: в числе их встречаем несколько человек, поименованных и в Тысячной книге 1550 года. Группа торопецких помещиков состояла из Рябинина, Алексея Чеглокова и Хрипунова; но А. Чеглоков и Хрипунов записаны и в Тысячной книге, как столичные дворяне третьей статьи. Зато в числе дворян первой статьи соборный перечень пометил Невзора и Мих. Чеглоковых, которые также были торопецкие помещики и по книге 1550 года были записаны в число столичных дворян вместе с Алексеем Чеглоковым и Хрипуновым и по одной с ними статье. Значит, из Торопецкого уезда на соборе присутствовали не три, а пять помещиков. Все они были дворяне столичной службы; но двое из них в соборной грамоте не попали в одну группу с земляками потому, что не принадлежали уже к одному с ними служебному рангу, успели до собора подняться в первую статью, тогда как их земляки оставались в прежней низшей статье. Другими словами, в соборном перечне 9 луцких и торопецких помещиков отделены от 196 дворян первой и второй статьи потому, что они, не принадлежа ни к той, ни к другой статье

и образуя особые местные группы, подавали на соборе мнения отдельно от дворян обеих высших статей. Из этого следует, что дворянские представители на соборе распределялись по статьям только при обсуждении предложенных собору вопросов и при подаче мнений; но это распределение не выражало их представительного значения [1]). По своему служебному положению они все принадлежали к высшему столичному дворянству, делившемуся на три ранга или статьи, но представляли на соборе не одно это дворянство: они явились на собор представителями местных миров, уездных дворянских обществ, с которыми были связаны, несмотря на свою принадлежность к столичному дворянству. Что это были за общества, какое отношение имели к ним столичные дворяне и почему последние являлись их соборными представителями—в этом главный узел вопроса о составе представительства на соборе 1566 года. Самый подбор уездов, к которым принадлежало по месту землевладения большинство дворянских представителей на этом соборе, повидимому указывает путь, которым надобно идти к решению этого вопроса. Мы видели, что, за немногими исключениями, это были уезды западной и центральной полосы государства, откуда шла наибольшая масса боевых сил на войну, вызвавшую собор 1566 г. Здесь необходимо припомнить некоторые особенности нашего старинного военного строя.

---

[1]) Впрочем, трудно сказать, насколько изложенный в соборной грамоте порядок подачи мнений соответствовал действительности и насколько он был делом дьяка, составлявшего грамоту и сводившего соборные мнения по соображениям редакционного удобства. Следы этих соображений можно было бы отметить как в этой, так и в других соборных грамотах, если бы это входило в состав рассматриваемого вопроса. В виду этого можно объяснить, почему составитель приговорной грамоты 1566 года не соединил 9 луцких и торопецких помещиков в третью статью. Помещики новгородские, псковские, ржевские, луцкие и торопецкие в книге 1550 года разделены не на три, а только на две статьи, которые по размерам назначенных им подмосковных поместий соответствовали второй и третьей статье. Девять луцких и торопецких представителей на соборе значились во второй статье своего местного деления, соответствовавшей третьей статье общего деления. Составитель приговорной грамоты, руководившийся классификацией 1550 года, и не знал, по какому делению числить их, по общему или местному.

В Московском государстве всякая армия, большая или малая, выступала в поход обыкновенно пятью отрядами или корпусами, носившими название полков: это были большой полк, правая рука, передовой и сторожевой полки и левая рука. Каждый полк, смотря по величине армии, составлялся из большего или меньшего количества территориальных рот, уездных сотен, составлявшихся каждая из служилых людей одного какого-либо уезда [1]). Во главе полка становилось несколько воевод, двое или более, смотря также по численному составу полка. Первый воевода был главный командир полка; но при этом он непосредственно командовал одною из частей или дивизий, на которые делился полк; непосредственными начальниками остальных дивизий были его товарищи, воеводы второй, третий и т. д. У каждого дивизионного воеводы было под руками по нескольку голов, начальствовавших над сотнями. Эти сотенные головы в XVII в. назначались либо из лучших дворян тех сотен, во главе которых они становились, либо из столичного дворянства. Последнее бывало чаще в тех уездных сотнях, которые не имели в своей среде служилых людей, по своей служебной состоятельности способных занимать офицерские должности, быть «в головстве». Благодаря тому, значительное количество столичных дворян было постоянно занято службой «в начальных людях у служилых людей», т.-е. командованием уездными территориальными отрядами. При этих назначениях в XVII в. не принималось в рассчет, имел ли столичный дворянин какую-либо поземельную связь с тем территориальным отрядом, во главе которого он становился. Но сотенные головы из уездных дворян имели тесную корпоративную связь со своими сотнями. Назначение таких голов принадлежало воеводам полковым или городовым. Но по закону воеводы обязаны были назначать их из сотенных знаменщиков, а этих последних выбирали сами уездные дворяне из верхнего слоя своего общества, который носил название выбора или выборных дворян, «лутчих и полных людей, которым

---

[1]) В больших генеральных походах составлялись и смешанные сотни из обрывков, какие «за расходом оставались» от сотенного распорядка отрядов разных уездов.

служба за обычай». Но в XVI веке, когда корпус столичного дворянства не был еще вполне сформирован, дворяне выборные, как мы видели, причислялись к столичному, а не провинциальному дворянству; по всей вероятности, первоначально это звание носили именно дворяне, набранные из уездов на столичную службу в силу закона 3 октября 1550 г. Потому и подбор голов для уездных дворянских сотен в XVI в. совершался несколько иначе, однообразнее, чем в XVII: головами уездных сотен назначались обыкновенно столичные дворяне, но по месту землевладения принадлежавшие к одним с ними уездам. Этим объясняются некоторые черты военной московской летописи второй половины XVI в. В 1557 г. царь Иван послал на Ливонию большую рать, в состав которой вошли все служилые люди новгородские и псковские с отрядами из центральных уездов. Осенью 1558 г. двинуты были против магистра ордена три корпуса, составленные исключительно из служилых людей Псковского уезда и Шелонской пятины. Сотенные головы, упоминаемые в летописном рассказе об этой войне, почти все помещики тех же уездов, зачисленные в 1550 г. в состав столичного дворянства; из них 8 человек были депутатами на соборе 1566 г. [1]).

В 1559 г. выставлена была большая армия на южной границе против крымских татар, угрожавших нападением. Большой полк находился под начальством четырех воевод. В состав четырех дивизий, на которые разделялся этот полк, входили и отряды новгородских помещиков, находившиеся под начальством 16 голов. Все эти головы были новгородские же помещики; но если не все они, то шестеро из них наверное были, в то же время, столичные дворяне: имена их находим в Тысячной книге [2]). Этим объясняется значение той особенности в составе дворянского представительства на соборе 1566 г., что не меньше половины всего количества дворянских представителей, местное происхождение которых можно определить, принадлежало

---

[1]) Летопись Нормантского во Временнике Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 5, стр. 117—134.

[2]) Разрядная книга в Моск. Арх. Мин. Иностр. Дел, № $^{99}/_{181}$, л. 344.

уездам западной полосы государства: это были уезды, наиболее близкие к театру ливонской войны, откуда, как надобно думать, шло наибольшее количество военно-служилых землевладельцев в состав действовавших на этом театре московских армий. Таким образом, дворянский представитель являлся на собор с двойственным значением, которому и был обязан своими представительными полномочиями: как землевладелец, он не выступал из корпорации военно-служилых землевладельцев известного уезда, несмотря на свою принадлежность к столичному дворянству; как столичный дворянин, он становился на походе во главе дворянского отряда своего уезда; наконец, в том и другом качестве он являлся естественным представителем на соборе уездной дворянской корпорации, которою предводительствовал на походе. В Разрядной книге отмечен один случай, в котором довольно явственно выразилось такое значение дворянских представителей на соборе. Осенью 1564 г. московская рать взяла приступом город Озерище (ныне местечко в Городецком уезде, Витебской губ.). Один из штурмовавших отрядов, состоявший из служилых людей Юрьевского уезда (ныне Владимирской губ.), взял в плен самого ротмистра польского пана Островецкого, защищавшего город. В Разрядной книге XVI в. уездные отряды обозначались обыкновенно именами их командиров, голов. Этим объясняется форма, в какой Разрядная книга отметила подвиг юрьевского отряда: «а ротмистра королева, который в городе сидел, пана Мартына Островецкого в городе взяли сын боярской юрьевец Карп Иванов сын Жеребятичев» [1]). Этого самого Карпа Иванова Жеребятичева встречаем на соборе 1566 г. в числе дворян и детей боярских второй статьи. Значит, он принадлежал к столичному дворянству, не разрывая служебной связи и с областною дворянскою корпорацией, к которой принадлежал по месту землевладения, не переставая быть «сыном боярским юрьевцем». Как столичный дворянин, он был назначен головой дворянского отряда своего уезда, а как голова, был призван представителем этого отряда на соборе.

Впрочем, было бы очень поспешным заключение, что все обозначенные в соборном перечне дворяне и дети боярские обеих статей

[1]) Разрядная книга в Симбирском Сборнике изд. Валуевым ч. I, стр. 7.

были такими представителями уездных дворянских обществ, которыми они предводительствовали в походах. Рассматривая служебные военно-административные назначения 1551—1566 г., отмеченные в Разрядной книге, почти на каждой странице встречаем имена столичных дворян, большею частью из числа занесенных в Тысячную книгу: они являются самыми деятельными орудиями военно-походного управления, исполняют разнообразные «посылки», особые поручения главных воевод или центрального правительства. Всего чаще назначали их годовыми воеводами в пограничные города, где требовалось постоянное присутствие военной силы для бдительного надзора за движениями неприятеля и для отражения его внезапных нападений. Правда, и в этих назначениях можно заметить стремление правительства сообразоваться с местными отношениями назначаемых: так, воеводами в города рязанской украйны, в Пронск, Михайлов, Ряжск, очень часто назначали Сунбуловых, Коробьиных, Сидоровых, а это были все состоявшие на столичной службе рязанские дворяне, потомки старинных бояр бывшего Рязанского княжества. Но гораздо чаще встречаем назначения, в которых незаметно таких соображений: в городах на западной границе, в Смоленске, Пскове, Великих Луках, Ржеве, даже в Полоцке и Юрьеве Ливонском, встречаем воеводами или городничими кн. Шуйского, кн. Прозоровского, кн. Гундорова, кн. Татева, Бутурлиных, столичных дворян из таких центральных уездов, как Суздальский, Переяславский, Стародубский на Клязьме, Московский. Столичные дворяне, сейчас упомянутые, воеводствовали по городам в 1565 и 1566 гг. и присутствовали на соборе 1566 г. Подобно дворянским представителям, которые были головами уездных отрядов, эти дворяне-воеводы явились на собор прямо с театра войны, но те и другие едва ли имели одинаковое представительное значенье. Первые, как походные уездные предводители дворянства в буквальном значении этого слова, пришли на собор уполномоченными от уездных дворянских отрядов, которыми они предводительствовали; вторые едва ли имели такие полномочия: это было бы возможно только при условии, если бы существовало правило ставить гарнизонами в пограничные города дворянские отряды одних уездов с назначаемыми в эти города воеводами или, говоря точнее, назначать городовыми

воеводами голов тех же уездных отрядов, которые ставились гарнизонами в эти города. Но не находим прямых указаний на действие подобного правила. Такие городовые воеводы, не командовавшие дворянскими отрядами своих уездов, являлись на собор по правительственному призыву в качестве сведущих людей, непосредственно знакомых с военным положением границ, где шла война. Надобно думать, что число таких экспертов, не имевших представительного значения, было в составе собора довольно значительно: ограничиваясь только отмеченными в Разрядной книге военно-административными назначениями 1565 и 1566 годов, насчитываем до 50 присутствовавших на соборе дворян, которые по характеру возложенных на них военно-административных поручений едва ли были уполномоченными от уездных дворянских обществ. Во всяком случае, сопоставление соборного списка с Разрядной книгой вскрывает ту характерную особенность в составе этого собора, что бывшие на нем дворяне в большинстве явились прямо с похода. На эту особенность указали в своем мнении и представители торопецких помещиков на соборе. Они писали, что предпочитают сложить свои головы за одну десятину Полоцкого и Озерищского повета, «чем в Полоцке помереть запертым», прибавив к этому: «мы, холопи его государские, н ы н е н а к о н е х с и д и м и мы за его государское с коня помрем».

Итак, члены собора из дворянства все принадлежали к столичным дворянам и детям боярским трех статей, на которые тогда делилось по служебной годности столичное дворянство. Служа исполнителем разнообразных военно-административных поручений, из которых тогда слагалась столичная дворянская служба, это дворянство, вместе с тем, еще не порвало служебных связей с уездами, где у него находились земельные имущества, с теми провинциальными дворянскими обществами, из которых оно набиралось: став столичными, эти дворяне не переставали быть уездными. На собор, созванный по вопросу о продолжении войны, они явились с двояким значением: одни пришли, как командиры мобилизованных для войны уездных дворянских отрядов; другие были призваны, потому что были комендантами или помощниками комендантов пограничных городов, близких к театрам военных действий. Были ли те и другие дворянскими представителями

на соборе в точном значении слова, выборными людьми, специально уполномоченными представлять избирателей, выражать их мнения на этом только соборе и только по вопросу, для обсуждения которого он был созван? Относительно городовых воевод или комендантов это очень сомнительно, относительно сотенных голов или отрядных командиров только вероятно. Но в то время это едва ли считалось существенным условием, необходимым для того, чтобы сообщить головам уездных дворянских сотен характер уездных дворянских представителей: выбор, как специальное полномочие на отдельный случай, тогда не признавался необходимым условием представительства. Столичный дворянин, командовавший дворянами своего уезда, считался их представителем по положению, а не по выбору, повторявшемуся в каждом отдельном случае, и потому даже без выбора мог представлять их во всех случаях, требовавших представительного полномочия. Правительство ли призывало голову уездной дворянской сотни представителем на собор, или сама сотня выбирала его своим депутатом, это было, в сущности, все равно, как скоро то и другое совершалось в силу взгляда на сотенного голову, как на естественного и непременного представителя сотни во всех случаях, когда она нуждалась в представителе: как корпоративный выбор ничего не прибавлял к представительному значению избранного, так и правительственный призыв не отнимал такого значения у призванного. Столичный дворянин из переяславских или юрьевских помещиков являлся на собор представителем переяславских или юрьевских дворян потому, что он был головой переяславской или юрьевской дворянской сотни, а головой он становился потому, что был столичный дворянин, столичным же дворянином он становился потому, что был одним из лучших переяславских или юрьевских служилых людей «по отечеству и по службе», т.-е. по породе и по служебной исправности. Превосходство породы при тогдашних генеалогических понятиях обеспечивало ему, как предводителю уездного дворянства, почет и повиновение со стороны поставленных под его команду дворян, служебная исправность обеспечивала правительству неоплошное несение дворянином сопряженных с званием сотенного головы военно-административных тягостей, а то и другое служило

ручательством за успех порученной дворянину команды. Таким образом, представительное значение сотенного головы не создавалось волей предводимой им дворянской корпорации, а вытекало само собою, как последствие, из целого ряда условий, не зависевших от личного отношения к представителю каждого из представляемых и даже мало зависевших от личных качеств и взглядов самого представителя. Совокупность этих условий составляла служебную годность сотенного головы, которая и была первичным источником его представительного значения на соборе. Потому, вероятно, и в XVI веке, как это было в XVII, назначение сотенных голов предоставлялось не самим дворянам уезда, а полковым или городовым воеводам, хотя в XVII в. и дворянство уезда имело косвенное влияние на это назначение, выбирая сотенных знаменщиков, из среды которых воеводы обязаны были назначать голов [1]).

Из всего сказанного становится ясно, как понимали московские люди XVI в. соборного представителя, с каким политическим обличием являлся он на соборе. Согласно с первичным источником его представительного значения, служебною годностью, необходимым политическим его качеством считалось не доверие к нему представляемого общества, а доверие правительства. Существенным и непременным условием представительства считали не корпоративный выбор представителя, а известное административное его положение, соединенное с властью и ответственностью начальника. Представитель являлся на собор не столько ходатаем известного общества, уполно-

---

[1]) Нет прямых указаний на порядок выбора или назначения представителей на собор 1566 г. и приходится ограничиться догадками. Повидимому, на этот собор были призваны дворянские представители только тех уездов, дворянство которых было мобилизовано. Дворянство каждого уезда делилось на неодинаковое количество сотен и не все сотни уезда поднимались в поход. Судя по большому числу соборных представителей от некоторых уездов, можно подумать, что на собор призваны были головы всех сотен, в минуту призыва сидевших на конях. Если же число вызывавшихся представителей известного уезда было меньше количества мобилизованных сотен этого уезда, дворянству последнего приходилось выбирать требуемое число представителей из наличных своих голов. Может быть, этим и ограничивались соборные выборы дворянства в 1566 г.

моченным действовать по наказу доверителей, сколько правительственным органом, обязанным говорить за своих подчиненных; его призывали на собор не для того, чтобы выслушать от него заявление требований, нужд и желаний его избирателей, а для того, чтобы снять с него, как с командира или управителя, обязанного знать положение дел на месте, показания о том, что хотело знать центральное правительство, и обязать его исполнять решение, принятое на соборе; с собора он возвращался к своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчет в исполнении поручения, а для того, чтобы проводить в нем решение, принятое правительством на основании собранных на соборе справок. Такой тип представителя складывался практикой соборного представительства в XVI веке, сколько можно судить о том по дворянскому составу собора 1566 г. Представителя-челобитчика «обо всяких нужах своей братии», каким преимущественно являлся выборный человек на земских соборах XVII в., совсем еще не заметно в дворянине, бывшем на соборе 1566 г. Этому практическому типу соборного представителя отчасти соответствовал и литературный, как он обрисован въ Бесѣде валаамских чудотворцев, известном памфлете второй половины XVI века, направленном против монастырского землевладения. Автор памфлета советует московскому царю «беспрестанно всегда держати погодно при собе ото всяких мер (чинов) всяких людей и на всяк день их добре и добре распросити царю самому про всякое дело мира», и тогда,—прибавляет публицист в заключение своего совета,—«объявлено будет теми людьми всякое дело пред царем» [1]).

Значение соборного представителя, открывающееся из служебного положения дворянских представителей, присутствовавших на соборе 1566 года, помогает уяснить и состав представительства городского торгово-промышленного населения. Этот состав также возбуждает много недоумений. Кого или что представляли призванные на собор 1566 г. 12 гостей, 41 человек торговых людей-москвичей и 22 человека смольнян? Что значило такое обилие представителей столичного купечества и почему из городского провинциального населения на соборе оказались только смольняне и, притом, в таком

---

[1]) Правосл. Собеседн. 1863 г., I, 304.

значительном количестве? Разъясняя эти недоумения, прежде всего, надобно остановить внимание на иерархическом делении высшего столичного купечества по соборному перечню. На соборе 1566 г. присутствовали гости и торговые люди-москвичи; на дальнейшие соборы призывались обыкновенно гости и торговые люди гостинной и суконной сотен. Если московских гостей можно приравнять к нынешним коммерции советникам, то сотни гостинная и суконная были очень похожи на нынешние первую и вторую гильдии. Соборный акт 1566 г. не знает этих сотен—знак, что к этому году еще не успела установиться иерархия чинов, на которые несколько позднее делилось столичное купечество. С другой стороны, высшее московское купечество в XVII в. отличалось сборным составом, набиралось из разжившихся простых торговых людей столицы и из провинциальных купцов или городовых посадских людей. «Гости, гостинная и суконная сотни полнятся всеми городами и слободами—лучшими людьми»: так писали в 1649 г. сотские и старосты московских торговых сотен и слобод в своей мирской челобитной [1]). Признаки такого же сборного состава заметны и в высшем столичном купечестве XVI века: судя по прозваниям, которыми обозначены в акте собора 1566 г. некоторые из торговых людей москвичей, в числе соборных представителей московского купечества находились два переяславца, один угличанин и один костромитин. Из всего этого можно заключить, что уже в XVI в. завязывалась та самая организация высшего столичного купечества, какую встречаем в памятниках XVII века; только ко времени собора 1566 г. она еще не успела получить окончательной выработки и тех форм, с какими она является позднее. Это дает возможность объяснить значение и тех 22 представителей купечества, которые в акте собора 1566 г. названы смольнянами. Исстари на Руси купечество, ведшее заграничную торговлю и носившее общее название гостей, разделялось на разряды, называвшиеся или по заграничным рынкам, с которыми купцы имели дела, или по роду товаров, которыми они торговали. Так, в XII в. рус-

---

[1]) Доп. к Акт. Ист., III, № 47, стр. 156.

ские купцы, торговавшие с греками, назывались гречниками; точно также в XIV в. московские купцы, имевшие дела с черноморскими и азовскими рынками, татарскими и генуэзскими, назывались сурожанами, вероятно, по имени Сурожа (Судака), торгового города на южном берегу Крыма, где в то время господствовали генуэзцы, или по имени Азовского моря, называвшегося тогда на Руси Сурожским. Летописная повесть о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 году, перечисляя составные элементы московского купечества, говорит о «сурожанах, суконниках и прочих купцах». Великий князь Димитрий, отправляясь в 1380 г. из Москвы против Мамая, взял с собою 10 человек «сурожан гостей», которые могли дать нужные в походе указания, как люди бывалые, знакомые с делами и обычаями дальних земель ордынских и фряжских [1]). Есть основание думать, что и под смольнянами соборный акт 1566 г. разумел не купцов г. Смоленска, а особый разряд столичного московского купечества, называвшийся так, может быть, потому, что принадлежавшие к нему купцы вели торговлю с западною Русью и Литвой через Смоленск. Впоследствии купцы высших торговых сотен или гильдий, гостинной и суконной, торговали в московском Китае-городе особыми рядами, которые назывались по именам сотен и память о которых доселе сохранилась в известной исторической поговорке о суконном рыле, которое некстати лезет в Гостинный ряд чай пить: это—запоздалый отзвук старинной гильдейской спеси и гостинодворского чинолюбия. В XIV в. высшее московское купечество, нося общее звание гостей, разделялось на два разряда, на сурожан и суконников. В XVII в. гости составляли особый первый разряд или чин в составе высшего столичного купечества, которое делилось еще на две сотни, гостинную и суконную. Со значением такого первого чина купеческой иерархии гости являются и на соборе 1566 года; но за ними в этой иерархии высшего купечества следовали тогда, сколько можно о томъ судить по чиновной терминологии соборного акта, торговые люди москвичи и смольняне или, как

---

[1]) Полн. Собр. Лет., VIII, 43. Никон. IV, 101.

еще делит их этот акт, купцы и смольняне. Повидимому, эти два разряда соответствовали позднейшим сотням гостинной и суконной, впрочем, уже носившим эти самые названия на соборе 1598 г. Может быть, на эту связь смольнян соборного акта 1566 г. с суконною сотней последующего времени указывает и одна черта рядской номенклатуры нынешнего Китая-города. Современные нам названия недавно сломанных китай-городских торговых рядов в большинстве старинного происхождения и встречаются уже в актах XVI и XVII веков. В числе этих рядов один доселе называется (т.-е. назывался до сломки) Московским Суконным, а другой Смоленским Суконным рядом. Позднейшие разряды гостей и торговых людей гостинной и суконной сотен были чины, т.-е. служебные звания, в которые государь жаловал за службу. Сличая списки представителей высшего купечества на соборах 1566 и 1598 годов, замечаем, что разряды, на которые акт первого собора делит это купечество, имели значение точно таких же чинов, какими являются позднее звания гостей и торговых людей гостинной и суконной сотни. Соборный акт 1598 года, сказали мы, знает уже это последнее деление. Трое из представителей купечества, поименованные в этом акте с званием гостей, присутствовали и на соборе 1566 года; но тогда они не носили еще этого высшего звания служебной купеческой иерархии, с каким являются 32 года спустя: один из них, И. Чуркин, поименован в соборном акте 1566 г. в числе торговых людей москвичей, стоявших ниже гостей, а двое других, Аф. Юдин и Ст. Котов, в числе смольнян, следовавших по нисходящей линии за москвичами. В одном хронографе рассказывается, что в 1567 г. царь Иван послал за границу 8 купцов с разными поручениями. Из них шестеро были членами собора 1566 г. и в том числе двое, Т. Смывалов и Аф. Глядов, в соборном перечне помещены в разряде смольнян; но хронограф называет их просто купцами одинаково с их товарищами, которые в соборном акте значатся «москвичами торговыми людьми» [1]). Значит, смольняне, присутствовавшие на соборе 1566 года, не группа купеческих представителей уездного

---

[1]) А. Попов: «Изборник», стр. 184.

города, имя которого они носили, а один из разрядов или чинов столичного купечества, ступень иерархической лествицы, по которой шло служебное движение торгово-промышленного класса, подобное тому, какое военно-служилый класс совершал по лествице своих служилых чинов.

Итак, представительство городского торгово-промышленного класса на соборе 1566 г. было устроено совершенно одинаково с представительством служилого класса. На собор были призваны представители только из среды столичного дворянства и столичного купечества; но эти столичные дворяне и купцы не представляли собою исключительно столичного дворянства и купечества. Как столичные дворяне-представители явились на собор выразителями мнений уездных дворянских обществ, так и мнения уездных торгово-промышленных миров нашли себе выражение в голосе высшего купечества столицы. Мы видели, почему столичные дворяне получили на соборе такое широкое представительное значение. Они были ближайшими руководителями военного строя, рассыпанного по государству в виде уездных дворянских обществ, которые поднимались в походы территориальными отрядами. Столичные дворяне становились такими руководителями уездного дворянства потому, что были столичные дворяне, а столичными дворянами они делались потому, что были лучшими уездными дворянами, которых самое положение, т.-е. генеалогическое происхождение и хозяйственное состояние, ставило во главе дворянства их уездов. Это был генеральный штаб армии Московского государства, составленный из уездных предводителей дворянства, составлявшего рядовую массу этой армии. Подобное этому значение, только в другой сфере государственного управления, имело уже в XVI в. высшее купечество столицы. Расширяя по мере роста государственных потребностей источники своих доходов, московская казна постепенно сосредоточила в своем ведомстве много финансовых операций, значительно усложнивших государственное хозяйство. Взимая косвенные налоги, пошлины, с различных народно-хозяйственных оборотов, она, в то же время, сама принимала непосредственное участие в этих оборотах, ведя монопольную продажу питей и соли, торгуя дорогими мехами и проч.

Сбор косвенных налогов и ведение этих торгово-промышленных предприятий требовали торговой опытности, некоторых технических знаний, которыми не обладали приказные люди, коронные органы управления. Правительство старалось восполнить этот недостаток, возлагая ведение таких казенных операций на опытных в торговом деле людей из высшего купечества. Так, люди неслужилые по происхождению привлекались к государственной службе. Это вызывалось требованием не только казенного интереса, но и политической логики. Издавна гости, первостатейные купцы, пользовались на Руси правом земельной собственности. С образованием Московского государства установилось правило, что все земельные собственники обязаны нести государственную службу, ратную или приказную, административную. Высшее купечество сообразно со своими занятиями и общественным положением всего успешнее могло нести службу по финансовому ведомству, заменяя служилых и приказных людей, непривычных к торгово-промышленным делам. С течением времени, но еще до конца XVI века, эта повинность высшего купечества, осложняясь, разрослась в целую систему казенных поручений, исполнение которых правительство, не имея для того своих специальных исполнительных органов среди служилых людей, возлагало на неслужилые земские классы. Это была так называвшаяся в е р н а я (присяжная) служба по сбору казенных пошлин, по надзору за исполнением натуральных государственных повинностей и по ведению казенных торгово-промышленных предприятий.

С высшего купечества эта служба распространена была и на другие классы земского тяглого населения, с тою только разницей, что первое ставило агентов для исполнения казенных поручений по очереди или назначению правительства, а вторые по мирскому выбору, подкрепляемому мирскою порукой за избранника. Но высшее столичное купечество сохраняло в этой службе такое же руководящее значение, какое в службе ратной имело столичное дворянство. Верная служба дала организацию высшему столичному купечеству, определила самый его состав. Эта служба была безмездная, но в высшей степени ответственная. Так как этою ответственностью охранялась казенная прибыль, то главным обеспечением ответственности рядом с

верой, присягой, как гарантией добросовестности, должна была служить имущественная состоятельность агента, материальная способность его возместить причиненный им казне убыток. Со степенью такой способности соразмерялась трудность и ценность казенных поручений, а трудности и ценности поручений соответствовали права и льготы, какими казна вознаграждала своих агентов за успешное ведение порученных им дел. Так высшее купечество распалось на несколько служебных разрядов или чинов, различавшихся между собою степенью тяжести и ответственности, падавшей на каждый из них казенной службы и размерами предоставленных им за то прав и льгот. Около времени собора 1566 года, как видно из соборного акта, эти разряды носили название гостей и торговых людей москвичей и смольнян, а 32 года спустя представители их явились на новый собор уже со званиями гостей и торговых людей гостинной и суконной сотен; эти последние звания высшее купечество столицы удерживает и во весь XVII век. В то же самое время, подобная перемена произошла и в чиновной терминологии столичного дворянства: на соборе 1566 г. оно делилось еще просто по статьям, как делил его закон 1550 г., а на соборе 1598 г. столичные дворяне различались уже званиями стольников, дворян (московских), стряпчих и жильцов, и это деление упрочилось за ними в XVII в. Отсюда можно заключить, что оба класса, имевшие руководящее значение в двух различных областях управления, как ближайшие органы правительства, во второй половине XVI в. еще только складывались и устроялись. Они и складывались одинаковым образом. Зерно столичного дворянства, его первичные кадры составились из старинного московского боярства удельного времени. Потом в эти кадры вошла молодежь знатных титулованных фамилий, бывших прежде владетельными и перешедших на московскую службу из упраздненных уделов. Первоначально и высшее купечество, носившее звание гостей, состояло из богатейших купцов, рассеянных по наиболее промышленным городам государства, в том числе и столичных, и не составляло цельной корпорации. Но потом всех провинциальных гостей стали зачислять в состав высшего столичного купечества, а около половины XVII в. во времена Уло-

жения, закон обязывал их иметь и местожительство в столице. Однако, такое корпоративное сосредоточение класса гостей оказалось недостаточным. С тех пор, как звание гостя получило значение служебного чина, приобретаемого исполнением казенных поручений, и по мере того, как самая служба по казенным поручениям, усложняясь все более, требовала все большего количества опытных и состоятельных безмездных органов, усиливалась потребность от времени до времени пополнять состав высшего столичного купечества годными к казенной службе людьми из низших слоев торгово-промышленного населения. И как в ряды столичного дворянства по примеру 1550 г. вводились лучшие служилые силы, поднимавшиеся из глубины провинциальной служилой массы, так и в сжимавшийся круг высшего московского купечества постоянно приливали лучшие промышленные дельцы из столичных рядовых или черных сотен, из дворцовых и церковных слобод и из рядового купечества областных городов. Это были настоящие рекрутские наборы купечества в казенную службу, наиболее тяжелую и ответственную, производившиеся по казенному наряду, даже против воли тех, кого таким образом возводили в высшие чины торгово-служилой иерархии. Из одного дела 1649 г. о пополнении людьми гостинной и суконной сотен можно заключить, что такие наборы начались в царствование Грозного; по крайней мере, о наборах более раннего времени в Москве не помнили в половине XVII века [1]). Мы отметили выше признаки такого сборного состава высшего московского купечества и в списке его представителей на соборе 1566 г. В том же деле 1649 года приведен и перечень наборов за первую половину XVII века, повторявшихся через год, через 2, 4, 5 и более лет. Но вводимые, часто даже поневоле, в состав высшего столичного купечества, «лутчие люди из городов» не порывали связей с местными го-

[1]) В челобитной 1649 г. гости и гостинной сотни торговые люди писали царю: «А наперед, государь, сего блаженныя памяти при прадеде твоем государеве государе ц. и в. кн. Иване Васильевиче и при деде твоем государеве г. ц. и в. кн. Федоре Ивановиче и при иных прежних государех даваны были из городов и из московских из черных сотен и из слобод и из патриарших лутчие люди в гостинную сотню для того, что из гостинные сотни выбираются в твои государевы службы в головы и в целовальники первыми людми». Доп. к Акт. Ист., III, стр. 158.

*

родскими обществами, к которым прежде принадлежали, напротив, становились во главе их с новым авторитетом. Их записывали в столичные гильдии, потому что они были на местах влиятельными торговцами по своей зажиточности и оборотливости; но как скоро они попадали в столичные гости или суконники, правительство возлагало на них ведение наиболее важных казенных операций обыкновенно в тех же местностях, с хозяйственным бытом которых они были хорошо знакомы по своим собственным оборотам. Таким образом, тузы местных рынков становились ответственными агентами центрального финансового управления. Этим объясняется, почему в XVI и в первой половине XVII в. гости обозначались еще нередко по именам местностей, где имели постоянное местожительство или недвижимое имущество, хотя они все числились уже в составе высшего столичного купечества. В числе столичных гостей, бывших на соборе 1598 года, упомянут в списке некто Иван Юрьев. Может быть, это тот Иван Юрьев сын Петров, о котором вместе с его братом Никифором Писцовая книга 1577 г. замечает, что за этими «коломенскими гостьми» старая их вотчина в Коломенском уезде. Упомянутый выше акт 1649 г. называет в числе московских гостей Григория Никитникова, который был взят в эту столичную корпорацию из ярославских купцов, как это видно из одной меновной грамоты Троицкого Сергиева монастыря 1618 г., в которой этот самый Никитников назван «Ярославля Большого государевым гостем» [1]). Это сборное высшее купечество столицы и стало в такое же отношение к областным торгово-промышленным мирам в делах казенного управления, какое в военном управлении существовало между таким же сборным столичным дворянством и уездными обществами рядовых служилых людей, носивших звания: «городовых дворян и детей боярских». Как московские дворяне рассылались из столицы, по выражению Котошихина, «для всяких дел» по областям, править городами в звании наместников и городовых воевод, командовать полками или ихъ частями в звании полковых воевод или сотенных голов, производить под руководством

---

[1]) Писц. книги XVI века, изд. Н. Калачовым, I, 381. Сборн. грамот Тр.-Сергиева монастыря, № 532, по г. Ярославлю грамота № 125.

боярина смотры и разборы городовым дворянам и детям боярским, верстая их поместными и денежными окладами «по отечеству и по службе», вообще руководить рядовым провинциальным дворянством, так точно и московских гостей и торговцев гостинной и сукопной сотен рассылали из столицы по областным городам в звании верных голов и целовальников направлять наиболее ценные казенные операции, питейные, таможенные и другие. Как ближайшие орудия правительства в управлении провинциальным торгово-промышленным населением, они иногда становились к последнему в отношение доверенных и полномочных руководителей: так московских гостей посылали в областные города верстать местных посадских людей податными окладами; им иногда поручали выбор торговых людей провинциальных городов на должности местных верных голов кабацких и таможенных, не доверяя этого местным городским обществам [1]). Таким образом, высшее московское купечество было, если можно так выразиться, финансовым штабом правительства, составленным из сосредоточенных в столице местных капиталистов, руководивших областными рынками и торгово-промышленными мирами.

Так подбор представителей от купечества на соборе 1566 г. заставляет только повторить те заключения о московском взгляде XVI в. на соборного представителя, к каким раньше привел нас разбор состава дворянского на том же соборе. В соборном представителе видели не столько уполномоченного какой-либо сословной или местной корпорации, сколько призванного правительством от такой корпорации. Он являлся на собор не для того, чтобы заявить перед властью о нуждах и желаниях своих избирателей и потребовать их удовлетворения, а для того, чтобы отвечать на запросы, какие ему сделает власть, дать совет, по какому делу она его потребует, и потом воротиться домой ответственным проводником решения, припятого властью на основании наведенных справок и выслушанных советов. Чтобы обеспечить себе точность справок, основательность советов и надежное исполнение принятых решений, власть призывала на собор не людей, пользовавшихся доверием общества по своим личным качествам и отношениям, а людей,

[1]) Полное Собр. Русск. Лет., IV, стр. 335.

стоявших во главе общества и имевших возможность знать его дела и мнения. Потому источником полномочий соборного представителя было не поручение, возложенное на него по личному к нему доверию избирателей, а доверие правительства, основанное на общественном положении доверенного представителя. Такое положение среди местных обществ, дворянских служилых и городских торгово-промышленных, занимали столичное дворянство и высшее столичное купечество: это были верхушки провинциальных обществ, снятые правительством и сосредоточенные в столице. Но, оставаясь и после такой пересадки во главе местных обществ, оба столичные класса становились, благодаря ей, исполнительными орудиями правительства по делам, касавшимся тех же обществ. Таким образом, собор 1566 г. был в точном смысле совещанием правительства со своими собственными агентами. Таков первичный тип земского представительства в России: это было ответственное представительство по административному положению, а не полномочное представительство по общественному доверию. Этим, между прочим, объясняется такое количество присутствовавших на соборе дьяков. Земского представителя, как доверенного выразителя нужд и желаний известного класса или местного общества, повторим, не знали и не понимали въ Московском государстве XVI в. Этим же объясняются две наиболее существенные особенности представительства на соборе 1566 г., состоявшие в том, что все представители принадлежали к столичным корпорациям и ни из чего не видно, были ли они выбраны какими-либо обществами, или прямо приглашены правительством.

Не будет лишним отметить, в каком направлении изложенный взгляд на соборъ 1566 г. уклоняется от взглядов, выраженных в упомянутом споре Соловьевым и Аксаковым. Первый, видя на соборе рядомъ с представителями столицы депутатов только от двух уездов и только от одного областного города, не соглашался признать его земским, т.-е. всеземским сооранием, а второй признавал его таким в идее или потенциально; но оба они готовы были признать его представительным собранием и в членах его из дворянства и купечества предполагали депутатов в настоящем смысле слова, т.-е. выборных.

Наша речь, напротив, клонится к той мысли, что собор 1566 г. можно признать скорее земским собранием, чем представительным в этом смысле: дворянские и купеческие представители на соборе были земские люди и даже руководители земства, но могли и не быть выборными, специально уполномоченными представлять своих избирателей на этом соборе. Соловьев утверждал, что собор не был земским, не был собором всей России, потому что представлял столицу, а не землю. Состав собора заставляет признать, что он представлял землю посредством столицы и самую столицу представлял лишь настолько, насколько она представляла землю; потому и низшее тяглое население столицы, черные сотни и слободы, не имели особых представителей на соборе, а вместе с тяглым населением областных городов были представлены высшим столичным купечеством. Столичное дворянство и купечество имели тогда значение представителей земли по своему государственному положению, хотя такое представительство не исключало возможности и выборной процедуры. Впрочем, представительство по положению могут признать выражением, соединяющим несовместимые понятия, и тогда собор 1566 г. нельзя признавать ни земским, ни представительным собранием, и употребление самого слова представительство в применении к нему надобно считать злоупотреблением, допущенным в настоящем опыте по неуменью автора подобрать соответствующий предмету термин.

Итак, часть в составе собора 1566 года, имевшая, по крайней мере, некоторое подобие представительства, состояла из военных губернаторов и военных предводителей уездного дворянства, которыми были столичные дворяне, и из финансовых приказчиков правительства, которыми были люди высшего столичного купечества. Что за причудливый состав представительства, как могла родиться мысль о таком составе и на что могло понадобиться представительство, так составленное? Это вопросы, касающиеся происхождения земских соборов.

II.

Собор 1598 года [1]).

Прежде чем отвечать на вопрос о происхождении земских соборов, поставленный в конце первой статьи настоящего опыта, надобно удостовериться, что основания соборной организации, замеченные нами при разборе соборного акта 1566 года, сохранялись и в составе дальнейших соборов. Если же этого не было, если эти основания в дальнейших соборах сменились другими, то в соборном акте 1566 г. можно искать указаний на происхождение только этого собора, который потому останется исключительным, одиноким явлением в развитии московского государственного порядка. Можно пожалеть, что и для изучения состава дальнейших соборов XVI в. нет другого средства, кроме микроскопических наблюдений, которые приводят к выводам только вероятным, но не разъясняющим дела с достаточною очевидностью.

После собора 1566 г. царь Иван уже не созывал более земских собраний, подобных тем, какие были созваны в этом и в 1550 г. Думают, что вскоре по смерти Грозного в 1584 г. был созван земский собор, который избрал на престол царя Феодора. Это мнение опирается, между прочим, на известие одного иностранца, шведа Петрея, писавшего несколько позднее, в начале XVII века: этот иностранец говорит об единодушном *избрании* царя Феодора как высшими, так и низшими сословиями. По русским известиям трудно составить себе отчетливое представление о характере того государственного акта, при котором совершилось воцарение Феодора. Они гласят, что по смерти Грозного «приидоша» к Москве изо всех городов и «молиша со слезами» царевича Феодора, чтоб сел на престоле отца своего, или что поставлен был на царство Феодор Иоаннович митрополитом и «всеми людьми русския земли» [2]). Конечно, молить сына покойного царя о вступлении на престол отца еще не значит избирать на царство и по-

---

[1]) „Русская Мысль“. 1891 г. Кн. I.

[2]) Эти известия сведены г. Латкиным в «*Земских соборах древней Руси*», стр. 86 и след.

сылка депутаций с такой мольбой не дает еще основания предполагать созыв земских уполномоченных в государственное представительное собрание. Но надобно отличать известие о факте от самого факта: возможно и то, что русские повествователи, рассказывая об избирательном соборе, применялись к обычному тогдашнему порядку отношений общества к государю, а соборное представительство еще не входило в этот порядок, знакомый только с челобитенным обращением подданных к верховной власти. Два косвенные указания склоняют к мысли о земском соборе, подтвердившем вступление Феодора на престол отца. Котошихин ведет появление избирательных царей на московском престоле прямо от смерти Грозного, молчаливо включая в ряд таких царей и его преемника [1]). Англичанину Горсею, жившему тогда в Москве и описавшему воцарение Феодора, этот съезд «изо всех городов к Москве именитых людей», как выразился один русский повествователь, почему-нибудь показался похожим на «парламент», составленный из высшего духовенства и «всей знати». Это выражение в с я з н а т ь (all the nobility) есть самая любопытная черта известия: она показывает, что земский собор 1584 года, если только это был собор, по составу своему очень походил на собор 1566 года, который состоял из высшего духовенства, из сановников высшего центрального управления и из представителей служилого класса, принадлежавших к высшему столичному дворянству; представители столичного купечества составляли малозаметный элемент в административно-дворянском составе этого собора.

Известны обстоятельства, при которых собрался другой избирательный собор, возведший на престол боярина Бориса Годунова в 1598 г. Сохранился полный акт этого собора с перечислением его членов. Но, разбирая состав собора, встречаем и в этом акте затруднения не меньше тех, какие представляет протокол собора 1566 г. Первое из них состоит в определении числа членов собора. У четырех писателей находим три различные счета: Соловьев считает 474 члена, Беляев—456, гг. Загоскин и Латкин—457 [2]). Причина такого разно-

[1]) Котошихин, стр. 104 (2-е издание).

[2]) У Карамзина встречаем два счета. В одном месте своей И с т о р и и он пишет, что, к р о м е духовенства, синклита, двора, на соборе присут-

гласия заключается в составе соборного акта 1598 г. Это «утвержденная грамота» или соборный приговор об избрании Бориса Годунова на царство в окончательной редакции, помеченной 1 августа 1598 г. [1]). Но заседания избирательного собора начались еще 17 февраля того года. Личный состав собора указан в двух поименных перечнях, из которых один включен в самый текст грамоты с оговоркой, что поименованные в нем лица присутствовали вместе с патриархом Иовом при избрании царя, а другой составился из подписей или рукоприкладств, какие делали члены собора на оборотной стороне грамоты. Очевидно, наблюдали, чтобы члены собора подписывались в том порядке, как они поименованы в первом перечне; однако, в некоторых местах допущены были значительные отступления от этого порядка. Но самая важная разница между обоими перечнями та, что в каждом из них есть имена, которых нет в другом: в списке присутствовавших на соборе при избрании царя значится много лиц, которые не оставили своих подписей на грамоте; за то подписалось не мало таких лиц, которые не поименованы в перечне избирателей. Некоторые исследователи определяют численный состав собора только по внесенному в текст грамоты списку избирателей, которых действительно обозначено в нем 457 человек; но и имена подписавшихся на грамоте, которых нет в этом списке, несомненно принадлежали членам собора, потому что только члены собора были призваны, как гласит грамота, «руки свои приложити на большое утверждение и единомышление». Почему их нет в списке избирателей? В этом и состоит затруднение. Для устранения его необходимо объяснить происхождение этой разницы между обоими перечнями и их отношение друг к другу,—необходимо тем более, что эти подробности проливают лишний луч света на состав соборного представительства в XVI в.

До нас дошла не подлинная утвержденная грамота 1 августа об избрании царя Бориса с подлинными рукоприкладствами членов-

---

ствовало не менее 500 чиновников и людей выборных, а в другом месте всех членов, подписавших избирательную грамоту, он считает около 500 (X, 228, и XI, 20, по 1 изд.).

[1]) А. Арх. Эксп., II, № 7.

избирателей, а ее копия с позднейшими прибавками, переменами в обоих перечнях членов собора и даже с ошибками в воспроизведении имен некоторых рукоприкладчиков [1]). Это мешает точно обозначить некоторые моменты деятельности собора. Так, например, трудно определить, когда составлен был список членов, внесенный в текст грамоты, и когда члены прикладывали руки к грамоте. Повидимому, между обоими этими актами лег значительный промежуток времени. По смыслу оговорки, предпосланной в грамоте первому списку, он был составлен в начале деятельности собора и в него внесены имена членов, которые присутствовали на первых февральских и мартовских заседаниях собора, посвященных делу избрания царя и обсуждению ближайших последствий этого дела. Но деятельность собора не ограничивалась избранием царя и не кончилась этим актом. В апреле начались обширные сборы в поход на юг для защиты государства от ожидавшегося вторжения крымского хана. В разрядной книге этого похода отмечена военно-административная мера, предложенная собором во время этих сборов и принятая царем [2]). Разрешая местнический спор, затеянный дворянином Полевым против окольничего М. Г. Салтыкова, Борис сказал: «Били мне челом патриарх Иев и весь собор, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне все, чтоб яз пожаловал, велел бояром и воеводам, и вам, дворяном, быти без мест на нашей службе; и ты почему так воруешь?» Большинство служилых членов собора вместе с новоизбранным царем отправилось в поход. Деятельность собора возобновилась по окончании похода в июле и плодом ее была утвержденная грамота 1 августа, скрепленная подписями членов. Но к тому времени наличный состав собора изменился: некоторые члены, бывшие на первых заседаниях собора, по делам службы не вернулись в Москву из похода и не приложили своих рук к грамоте 1 августа или должны были покинуть столицу, прежде

---

[1]) В списке членов, внесенном в текст грамоты. помеченной 1 августа, некоторые члены обозначены чинами, которые они получили уже в сентябре того года по случаю коронации царя Бориса: так, кн. М.П. Катырев-Ростовский, кн. Ф. И. Ноготков, А. Н. Романов и друг. помещены в списке в числе бояр, которыми они стали не раньше 1 сентября, дня коронования.

[2]) Разр. кн. в Моск. Арх. Мин. Иностранных Дел, $^{99}/_{131}$ л. 831.

чем успели приложить свои руки; за то другие, не поспевшие на первые заседания собора, присутствовали на последних и успели подписаться под соборною грамотой. Такова одна причина, которой можно объяснить разницу обоих членских перечней в дошедшей до нас копии соборной грамоты; но была и другая. В списке членов, внесенном в текст грамоты, нет имен 11 московских протопопов, которые, однако, подписались на грамоте. Многие члены не попали в соборный список потому, что не поспели на первые заседания собора из дальних мест, куда были посланы призывные повестки, а составители списка не знали, приедет ли оттуда кто-нибудь и кто именно. Пропуск московских протопопов в списке не мог произойти от подобной причины. Очевидно, первоначально их не думали приглашать на собор и пригласили уже после составления соборного списка. Значит, состав собора не был окончательно определен до его открытия и пополнялся постепенно в продолжение его деятельности. Это наблюдение пригодится при решении вопроса о том, успел ли земский собор к концу XVI в. стать учреждением с твердо-установившимся общественным составом.

Изложенные подробности показывают, как надобно пользоваться членскими подписями на соборной грамоте для определения численного состава собора: из числа членов собора, обозначенных в перечне рукоприкладств, следует выделить тех, которых нет в соборном списке, и прибавить их к поименованным в этом списке 457 членам. Таких мы насчитали 55 человек, следовательно, собор 1598 г. состоял из 512 членов.

Классификация этих членов в соборном акте гораздо сложнее той, какую мы видели в соборном протоколе 1566 г. И теперь, как в 1566 году, на собор приглашено было высшее духовенство с архимандритами, игуменами, соборными монастырскими старцами и даже московскими протоиереями, которых не видим на соборе 1566 г.; всех духовных лиц было на соборе 1598 г. 109. В состав собора вошла, разумеется, боярская дума в числе 52 членов, бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков: призваны были, как в 1566 г., дьяки из московских приказов, теперь в числе 30 человек; но теперь к этим органам центрального государственного управления присоединены были и органы дворцовой администрации, 2 бараша и 16 двор-

цовых ключников, которых не встречаем на соборе 1566 г. Людей военно-служилых явилось на собор 1598 года 267 человек; в составе собора они образовали теперь немного меньший процент, чем в 1566 г., именно 52% вместо прежних 55%. За то теперь они представляли гораздо более дробную иерархию. На соборе 1566 г. люди этого класса, дворяне и дети боярские, распадались на 3 статьи; соборный акт 1598 г. делит их на стольников, дворян, стряпчих, голов стрелецких, жильцов и выбор из городов[1]). Наконец, представителями торгово-промышленного класса явились на соборе 21 человек гостей и 15 старост и сотских московских сотен гостинной, суконной и черных. Эти старосты и сотские явились на собор 1598 г., вместо многочисленных представителей столичного купечества, обозначенных въ соборном акте 1566 года званиями торговых людей москвичей и смольнян. Таким образом в составе собора 1598 г. можно явственно различить те же четыре группы членов, какие обозначались и на прежнем соборе и которые представляли собою церковное управление, высшее управление государственное, военно-служилый класс и класс торгово-промышленный. Состав первых двух групп мало изменился, но в составе двух последних произошли значительные перемены, которые необходимо рассмотреть, чтобы видеть, в какой степени и в каком направлении изменились к концу XVI в. состав соборного представительства и значение представителя.

Столичное дворянство и на соборе 1598 г. сохранило численное преобладание надъ всеми прочими элементами соборного представительства, вместе взятыми. Соборный акт разделил его представителей на чины стольников, дворян, стряпчих и жильцов. Это новое чиновное деление, заменившее собою прежнее статейное, образовалось во второй половине XVI в., и столичные дворяне удерживали его в продолжение всего следующего века. Оно усвоило себе некоторые особенности прежнего деления. В нем, как и в прежнем, можно

---

[1]) Группа, помеченная в соборном списке словом у жильцов, состояла также из дворян, бывших начальными людьми жилецкого отряда; в рукоприкладствах их имена помещены в одной группе с дворянами.

заметить генеалогическое основание: чинами стольника и дворянина начиналось служебное поприще людей знатных фамилий; тогда как менее родовитые лица столичного дворянства наполняли собою списки стряпчих и жильцов. В новой чиновной иерархии, как и в прежней статейной, допускалось движение с низшей степени на высшую: провинциальных дворян и жильцов «за послуги» жаловали в стряпчие и дворяне, стряпчих и дворян возводили в звание стольников. Но удержало ли столичное дворянство в своей новой организации корпоративную связь с уездными дворянскими обществами, какую оно имело еще на соборе 1566 года? Не решив этого вопроса, нельзя ничего сказать о представительном значении, с каким явились на собор 1598 г. многочисленные стольники, дворяне, стряпчие и жильцы, поименованные в соборном акте.

На соборе 1598 года присутствовали 46 стольников, и более сотни столичных дворян. Этого слишком много, чтобы видеть в них выборных представителей своих чиновных корпораций, и слишком мало, чтобы предполагать поголовный призыв на собор всех стольников и столичных дворян, подобно тому, как призывались на собор члены боярской думы. В XVII веке, когда служилые люди являлись на собор с значением выборных представителей своих чиновных или местных корпораций, считалось вообще достаточным не более 20 представителей для «больших статей», т.-е. крупных многолюдных избирательных категорий, и на соборе 1642 г. встречаем всего 10 стольников и 22 чел. столичных дворян. С другой стороны, стольники и другие чины столичного дворянства, бывшие на соборе 1598 года, далеко не составляли и большинства своих чиновных разрядов, сколько можно о том судить по спискам, близким по времени к этому собору. Так, по списку 1577 г. числилось до 240 московских дворян, и то не всех, а только служивших в том году «из выбора», т.-е. отобранных для специальных поручений по случаю царского похода въ Ливонию, а по списку 1616 г. стольников числилось 116, московских дворян 295 и 53 стряпчих, которых на соборе 1598 г. было 22 человека [1]). Чтобы

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов., III, № 113. Акты Моск. государства, изд. под ред. Н. А. Попова, I, №№ 26 и 108.

понять значение, с каким явились на собор многочисленные лица столичного дворянства, надобно искать указаний на их положение в служилом обществе, вне собора. Несколько таких указаний дает разрядная книга упомянутого выше царского похода летом 1598 года[1]). На высшие предводительские должности корпусных командиров и их товарищей в этом походе, согласно с заведенным порядком древней московской военной администрации, назначены были члены боярской думы. Второстепенные места по штабу и по командованию отдельными частями мобилизованных корпусов, должности рынд и поддатней к ним, разного рода голов и ясоулов розданы были стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам, дворцовым ключникам, которые также причислялись к столичному дворянству. Из 130 лиц этого дворянства, поименованных в разрядной росписи похода, 73 человека были членами собора, выбиравшего на царство Бориса Годунова. Следя за служебными назначениями бывших на этом соборе лиц столичного дворянства по разрядным книгам 1598 г. и ближайших к нему лет, можно заметить, что они принадлежали к тому, что мы назвали бы генеральным штабом, или служили главными исполнительными органами высшего военно-гражданского управления. Из 238 представителей столичного дворянства на соборе 1598 г. присутствовало не менее 90 таких, которые только по разрядной книге этого года выполняли подобные штабные или военно-административные поручения, а в этой разрядной книге отмечены далеко не все, на кого возложены были в том году такие поручения. Особенно часто назначались лица столичного служилого корпуса в пограничные города воеводами или осадными головами, т.-е. гарнизонными командирами; в походах они превращались в походных предводителей своих уездных полков или городовых гарнизонов, двинутых в поле. На собор 1598 г. призваны были 15 московских дворян, служивших воеводами в городах по южной украйне; четверо из них в царский поход того года назначены были «головами у украйных городов», т.-е. командирами мобилизованных уездных отрядов юж-

---

[1]) Разрядн. кн. в Москов. Арх. Мин. Ин. Дел, № 99/131 л. 834. и сл.

ной украйны [1]). В упомянутой утвержденной грамоте об избрании царя Бориса и в других оффициальных актах того времени, касавшихся избирательного собора 1598 года, воеводы даже прямо обозначены, как особый разряд членов в составе этого собора.

По всем этим указаниям можно подумать, что чины столичного дворянства уже к концу XVI в. образовали особый служилый корпус, собственный «государев двор», как он назывался на придворном языке XVII века, и что на него уже тогда легли разнообразные служебные обязанности, которые он нес в продолжение всего этого века: он составлял «государев полк», гвардию, и, в то же время, исполнял обязанности генерального штаба; он служил обер-офицерским запасом для отрядов провинциального дворянства и ставил дельцов на второстепенные должности по центральному и областному управлению. Но сохраняли ли чины столичного дворянства и теперь служебную связь с дворянскими обществами тех уездов, где они владели поместьями и вотчинами, и в силу этой связи представляли ли они эти общества в качестве их предводителей и на соборе 1598 года, как это было на соборе 1566 года? Неожиданно косвенный ответ на этот вопрос дает новый элемент в составе собора 1598 г., обозначенный в соборном акте словами из городов выбор.

Во второй половине XVI в., подобно столичному дворянству, и провинциальные дворяне, и дети боярские получили новую организацию, стали делиться на чины по степени своей родовитости и военно-служебной годности. Высший чин служилой провинциальной иерархии получил название выбора или выборных дворян. После набора тысячи провинциальных служилых людей на столичную службу в 1550 г. правительство от времени до времени, по нуждам этой службы, вызывало лучших слуг из провинциального дворянства в подкрепление столичного служилого корпуса. Это были временные вызовы, не вырывавшие вызываемых из состава местных дворянских корпораций, к которым они принадлежали. Этим положено было в некоторых уездах начало особому постоянному разряду слу-

---

[1]) Кн. А. Д. Хилков из г. Новосиля, кн. Ф. В. Туренин из Орла, Гр. Игн. и Тр. Гр. Вельяминовы из Михайлова и Ряжска.

жилых людей, который занял первое место в чиновном распорядке уездного дворянства. Разрядная книга полоцкого похода 1563 года уже отмечает в составе двинутых тогда в поле полков дворян выборных, помещая их в порядке служилых чинов непосредственно после столичных чинов стольников, стряпчих и жильцов и как бы даже причисляя их к столичному дворянству [1]). Выборные дворяне действительно служили связующим звеном между дворянством столичным и провинциальным, городовым. Любопытное указание на их служилое значение находим в записках известного капитана Маржерета, состоявшего на московской службе в самом начале XVII в.: по его словам, кроме дворян, постоянно живших в Москве, каждый город, по возможности, присылал от 16 до 30 лучших поместных владельцев, которые назывались выборными дворянами; по прошествии трех лет они сменялись другими [2]). Отправляя очередную службу в столице, городовой выбор, вместе с тем, служил постоянным запасом, из которого пополнялось столичное дворянство: лучших слуг этого разряда возводили в столичные чины. В XVII веке, когда установилась выборная система соборного представительства, уездное дворянство обыкновенно посылало на земские соборы представителей из выборных дворян своих городов. В оффициальных актах о таком представителе писали, что он «на Москве от города в выборе» [3]). Таким образом, различные понятия выражались одним термином. Недоразумение, в какое может ввести такая двусмысленная терминология, становится тем возможнее, что различные значения, какие выражались словом выбор, часто соединялись в одном лице: выборный представитель уездного дворянства на земском соборе обыкновенно был, по своему служилому чину, выборный дворянин своего уезда.

В соборном списке 1598 г. поименовано 34 представителя в звании из городов выбора. Скорее всего можно было бы подумать,

---

[1]) Витебская старина, кн. IV, стр. 27 и 33.

[2]) Устрялов: «Сказ. соврем. о Дим. Сам.», т. III, стр. 52.

[3]) Десятня, № 207, л. 144, в моск. арх. мин. юст.

что эти члены собора совмещали в себе оба значения этого двусмысленного звания, что это были выборные представители уездного дворянства на соборе, которые и сами принадлежали к тому же уездному дворянству и «служили из выбору», как обыкновенно обозначались в служилых списках XVI в. уездные дворяне, носившие чин городового выбора. Но, сличая соборный перечень с указанным выше списком 1577 года, узнаем, что 10 человек из 34 членов избирательного собора, причисленных в перечне к выбору из городов, еще за 20 лет до этого собора принадлежали к столичному дворянству, именно один носил чин жильца, а остальные значились в списке дворян московских. Отсюда следует, что соборный список группировал членов собора не исключительно по служебным чинам, какие они носили, и, поместив в группе городового выбора людей разных чинов, придавал этому званию значение не служебного чина, а именно выборного представительства на соборе. Из этого сами собою выходят два указания на состав изучаемого собора. Во-первых, если дворяне московские, бывшие на соборе выборными представителями провинциального дворянства, в соборном перечне выделены из своего чиновного списка и помещены в другой группе, надобно из этого заключить, что люди столичных чинов, обозначенные в перечне своими чинами, не были на соборе выборными представителями провинциального дворянства, а явились по призыву правительства в силу своего военно-административного положения, как воеводы городов или командиры уездных дворянских отрядов. С другой стороны, столичное дворянство, очевидно, еще не порвало своей корпоративной связи с провинциальными дворянскими обществами, установленной землевладельческим соседством: звание столичного дворянина не мешало уездным дворянам и детям боярским выбрать земляка по вотчине или поместью своим представителем на земском соборе. Эта связь сквозит и в других явлениях того или близкого к тому времени. Жильцы принадлежали к столичному дворянству, составляя младший его чин. Но в начале XVII в. случалось, что иной жилец просил зачислить его в походе в уездную дворянскую сотню или позволить ему служить «по выбору», т.-е. в чине выборного дворянина, вместе с дворянами известного уезда, по месту землевладения, и правительство уважало

такие просьбы; иногда жильцы, несмотря на свой столичный чин, оставались в списках городовых дворян и детей боярских и служили вместе с ними. Областная администрация также держалась того привычного взгляда, что служилые люди столичных чинов, стряпчие, жильцы и дворяне московские, в случае внешней опасности, обязаны защищать тот город, в уезде которого находятся их поместья и вотчины, на ряду с городовыми дворянами и детьми боярскими этого уезда. В конце XVI в. по городу Брянску служило целое гнездо Зубовых. Один из них, Гр. И. Зубов, дослужился до столичного чина жильца и в этом чине присутствовал на соборе 1598 г. В 1613 г. московский земский собор послал польскому правительству список разного звания русских людей и в том числе городовых дворян, захваченных поляками, требуя их возвращения в отечество; в списке брянских городовых дворян названо несколько Зубовых и между ними Гр. И. Зубов, жилец и член собора 1598 г. [1]). Значит, столичный служилый чин в то время был еще совместим с званием городового дворянина, и, таким образом, можно было одновременно принадлежать к тому и другому дворянству, к столичному и провинциальному. Этим объясняется одна черта в составе собора 1598 года, непонятная при первом взгляде. Сохранился помеченный 1607 годом список бояр, окольничих и прочих думных и столичных служилых чинов, а также «из городов выбора» по 36 уездам [2]). Некоторые из перечисленных здесь городовых дворян выборного чина присутствовали на соборе 1598 г. и в соборном перечне помещены среди выбора из городов. Но шесть дворян из числа членов этого собора, продолжавших и в 1607 г. служить дворянами-выборными в разных уездах и значащихся в этом чине по упомянутому списку, в соборном перечне носят столичные звания жильцов, стряпчих и дворцовых ключников.

Все эти указания заставляют думать, что на собор 1598 г. призвано было много столичных дворян с тем же самым представительным

---

[1]) Акты Моск. государства, изд. под ред. Н. А. Попова, I, №№ 60, 101, 134 и 185. Собр. гос. грам. и догов., т. III, стр. 37.

[2]) В упомянутой выше рукописи г. Барсова.

значением, с каким их предшественники, столичные дворяне и дети боярские присутствовали на соборе 1566 года: те и другие не были выборными представителями уездных дворянских обществ на соборе, но представляли их по своему должностному положению, как их военные предводители, назначенные правительством из землевладельцев тех же уездов. Некоторые явления в составе собора 1598 г. поддерживают ту мысль, что столичное дворянство и в это время еще сохраняло прежнюю связь своего соборного представительства с местом землевладения. Член этого собора, дворцовый ключник Т. Змеев, по своему званию принадлежавший к столичному дворянству, был землевладельцем в одном из южных украйных уездов; в летнем царском походе того года он является в числе голов «с украин», начальников уездных отрядов с южной украйны. Другим головой с той же украйны был в этом походе мещевский землевладелец П. Гр. Совин, присутствовавший на соборе в числе дворян московских. Следы той же связи заметны еще в начале XVII в. в акте избирательного собора 1613 г. По списку 1577 г. П. Наумов служил дворянином по г. Вязьме; сын его принадлежал уже к столичному дворянству и в чине жильца присутствовал на соборе 1598 г.; внук также был жильцом и под соборным актом 1613 г. подписался за выборных вяземских дворян. Беляница Зюзин в чине жильца также был членом собора 1598 г., а на соборе 1613 г. явился в числе выборных дворян-представителей казанского дворянства, хотя уже за 14 лет до этого собора носил столичный чин [1]). Можно объяснить, почему так мало было на соборе 1598 г. выборных представителей уездного дворянства. В соборном списке их поименовано 34 человека; трудно определить количество представленных ими уездов [2]). Многие уезды представлены были без выборов лицами, которые призваны

---

[1]) Собр. гос. гр. и дог., I, 640 и сл.

[2]) От некоторых уездов было по одному выборному, как видно по списку каширских дворян и детей боярских 1599 г., из которых был на соборе один Тутолмин, носивший чин выборного дворянина, хотя в списке только дворян этого чина поименовано 18 чел. Десятня, № 247, в моск. арх. мин. юст. Но из списка 1607 г. можно видеть, что от г. Медыни было 2 выборных представителя, столько же от Юрьева-Польского.

были на собор в силу их должностного положения, как предводители уездных служилых отрядов. Впрочем, можно думать, что и выборных представителей городового дворянства было на соборе больше, чем сколько их поименовано в соборном списке. В числе членов собора, не поспевших на первые его заседания и не попавших в соборный список, было шестеро, которые подписались на соборной грамоте после всех дворян вместе с псковскими купцами. Их подписи, затерявшиеся в конце рукоприкладств, воспроизведены в изданном списке соборной грамоты, повидимому, без всяких перемен и вскрывают некоторые новые черты в составе дворянского представительства. Никита Львов подписался: «и в Воцкие пятины место», Дартуша Дивов: «и во всех Ржевич место», А. Ивашев: «и во всех Белян место». Это представители дворянских обществ Вотской пятины Новгородской области и уездов Ржевского (ныне Тверской губ.) и Бельского (Смоленской губ.); не находим никаких указаний, которые заставляли бы считать этих представителей столичными дворянами. Н. Мотолов (Мотовилов) подписался: «и во всех Ярославля Малого сотни»; это был представитель сотни или роты, состоявшей из дворян и детей боярских Малоярославецкого уезда, может быть, ее командир, сотенный голова, по должности призванный на собор, или же выборный служебный ее представитель на месте. Такие местные служебные представители уездных дворянских обществ, называвшиеся о к л а д ч и к а м и, выбирались всем уездным дворянством и составляли в каждом уезде коллегию ответственных присяжных посредников между правительством и дворянским обществом уезда: когда бывал смотр уездного дворянства, окладчики под присягою давали присланным из столицы ревизорам показания о служебной годности служилых людей своего уезда и, вместе с тем, ручались за них в исправном отбывании ими падавших на них военно-служебных обязанностей. В числе упомянутых запоздалых членов собора 1598 г. подписался на соборной грамоте Второй Тыртов «во всей Шоломенские пятины (место)». По новгородскому списку 1601 г. встречаем этого самого Второго Тыртова в числе 8 окладчиков Шелонской пятины. Если он один из всей коллегии был послан на собор, надобно думать, что он получил свои представительные полномочия

по выбору всего дворянского общества пятины. Значит, он совмещал в себе двоякое значение: был выборным присяжным представителем шелонского дворянства на месте и по выбору же представлял это дворянство на соборе [1]). Таким образом, обнаруживается, что названные члены собора представляли собою местные дворянские общества и сами, по всей вероятности, входили в их состав, не принадлежа к столичному дворянству. Они представляли эти общества, как военно-служилые корпорации, и, по крайней мере, некоторые были их выборными представителями на соборе, хотя и без того стояли во главе этих обществ, как выборные и ответственные пред правительством показатели их военно-служебной годности.

Присутствие представителей местных дворянских обществ из их же среды есть новая черта в составе собора 1598 г., незаметная в составе собора 1566 года, на котором провинциальное дворянство было представлено только столичными дворянами. Этого нового областного элемента совсем не находим и теперь в представительстве городского торгово-промышленного класса, как не нашли мы его и на прежнем соборе. Зато теперь именно в составе представительства этого класса особенно явственно обнаружился основной принцип земских соборов XVI века—представительство по должностному правительственному положению, а не по общественному выбору. На собор 1566 г. были призваны, кроме 12 гостей, еще 63 представителя столичного купечества, обозначенных в соборном акте неясными званиями торговых людей м о с к в и ч е й и с м о л ь н я н. Не видно, были ли призваны на собор лица этих званий поголовно, кого можно было призвать, или с известным разбором, основанным на каких-либо признаках. В соборном списке 1598 г. очень резко выступает правило, которым руководились при решении вопроса, кого призвать представителями столичного торгово-промышленного класса:

---

[1]) А к т ы И с т., I, стр. 363, Д е с я т н я, № 120, в моск. арх. мин. юст. В подписи шестого запоздалого представителя Ивана Кобелева не указано, кого представлял он. Может быть, это сын боярский Вотской пятины Ив. Д. Кобелев, который по десятне 1607 г. является сотником стрелецким в г. Орешке (т а м ж е № 123, л. 27).

призваны были на собор 21 человек гостей, старосты двух высших купеческих сотен или гильдий, гостинной и суконной, и сотские 13 черных сотен и их частей, полусотен и четвертей сотен, которые можно назвать промысловыми цехами древней Руси. Гости, очевидно, были призваны на собор поголовно, сколько можно было их тогда призвать: их и в XVII в. бывало немного, обыкновенно десятка два—три; все они были казенно-служилые люди, главные коммиссионеры казны, и не составляли особой ответственной корпорации, связанной круговою порукой членов друг за друга. Такими корпорациями были сотни, на которые делилось остальное торгово-промышленное население столицы, и его представителями были призваны или посланы на собор люди, и вне собора стоявшие во главе этих корпораций, выборные старосты и сотские. Как ответственные головы своих обществ, они занимали должности по выбору сотен; как их соборные представители, они призывались или посылались на собор по своим должностям.

Изложенные наблюдения, кажется, дают возможность несколько уяснить себе состав избирательного собора 1598 г. Этот собор по составу не вполне был похож на прежний, собиравшийся в 1566 г.: к составным элементам, присутствовавшим на этом последнем, теперь прибавились некоторые новые. На избирательный собор, как и на прежний, явились два высшие правительственные учреждения, церковное и государственное, освященный собор и боярская дума. Многие члены думы с некоторыми стольниками и дворянами московскими и с 30 дьяками представляли еще на соборе центральные судебно-административные учреждения, приказы, во главе которых они стояли. Многие стольники и люди других столичных чинов были призваны на собор, как органы областного управления, городовые воеводы. Все это были представители управления, правительственных учреждений, не общества. Из общественных классов всего сильнее представлено было служилое сословие, если можно назвать сословием совокупность многочисленных чинов столичных и провинциальных, на которые распался к концу XVI в. служилый класс. Трудно сказать, в какой мере это преобладание условливалось степенью корпоративной организованности столичного и провинциального дворянства сравни-

тельно с другими классами. Представительство этого класса по источнику представительных полномочий было двоякое, должностное и выборное. Многие лица столичного дворянства были призваны на собор, как военные командиры, головы уездных дворянских отрядов, находившихся тогда на положении мобилизованных. С таким же значением явились на собор 7 голов стрелецких, вероятно, командовавших стрелецкими полками, расположенными в столице [1]). Наиболее выдающимся новым элементом в составе собора 1598 г. надобно признать присутствие на нем выборных представителей уездных дворянских обществ и, притом, из их же среды. На соборе 1566 г. уездное дворянство было представлено только столичными дворянами, хотя и вышедшими из его среды; притом, ни из чего не видно, получили ли они свои представительные полномочия по выбору дворян своих уездов, или прямо были призваны на собор по должности их военных предводителей. На соборе 1598 г. несомненно выборных представителей провинциального дворянства было 40 человек; из них десятеро принадлежали к столичному дворянству, остальные не носили столичных чинов, но те и другие входили по службе и землевладению в состав уездных дворянских обществ, которые они представляли на соборе. Некоторые из них по своей состоятельности, местному влиянию и служебной исправности могли также получать команду над дворянскими сотнями своих уездов или принадлежали к коллегиям выборных окладчиков и этому были обязаны своим избранием в соборные представители. Во всяком случае, присутствие выборных представителей впервые становится заметно на последнем земском соборе XVI в. и первым классом, которому досталось такое представительство, было провинциальное дворянство. По крайней мере, нет оснований считать выборными бывших на этом соборе представителей столичного купечества: гости были призваны на собор все по своему званию, а старосты и сотские московских сотен по должности. Не

---

[1]) Предполагаем это потому, что пятерых из этих семи голов находим в сохранившемся списке (известен нам по упомянутой выше рукописи г. Барсова XVII в.) голов и сотников, командовавших московскими стрельцами при царях Иоанне Грозном и Феодоре.

вполне ясно положение на соборе столичного дворянства, составлявшего самый многочисленный элемент в его составе: его было на соборе 248 человек, что составляет почти половину всего числа членов собора. Столичные дворяне явились на этот собор с довольно разнообразным значением: одни представляли столичные правительственные учреждения, приказы, как их начальники, другие—областное управление, как городовые воеводы, третьи—уездное дворянство, как головы его уездных сотен или как его выборные депутаты; наконец, некоторые отмечены в соборном списке, как начальные люди в отряде жильцов. Но представляло ли столичное дворянство само себя, были ли на соборе в числе стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов выборные представители своих чиновных корпораций? Не находим никаких указаний, которые бы отвечали на этот вопрос, и на него, кажется, следует дать отрицательный ответ. Таких представителей столичного дворянства не находим даже на соборе 1613 года, на котором выборное представительство является в таком широком развитии; восьми-девяти десятков подписавшихся на грамоте этого собора стольников, стряпчих и дворян московских слишком много, чтобы их можно было признать за выборных депутатов чиновных корпораций столичного дворянства. Распавшись на чины, это дворянство еще не успело вполне обособиться от провинциального, которым оно пополнялось, и не утратило своего прежнего значения его представителя, какое оно имело на соборе 1566 г. С другой стороны, как генеральный штаб, оно исполняло самые разнообразные военно-административные поручения, которые разбрасывали его по разным городам и углам государства, так что его трудно было и собрать в достаточно полном числе для выбора соборных представителей.

Одна русская повесть, близкая по времени составления к собору 1598 года, написанная каких-нибудь 8 лет спустя после него и чрезвычайно враждебная царю Борису, описывает хитросплетенную агитацию, какую устроили «злосоветники и рачители» Годунова, чтобы подготовить и обеспечить его избрание на престол. Повинуясь указаниям своего главы, они по всем сотням и слободам столицы и по всем городам внушали народу, чтобы «на государство всем миром просили Бориса». Подбитый агитаторами, народ волей-неволей

молил его «пред боляры и властьми и вельможи и пред царскими синклиты» принять скипетр. Но лукавый проныр не тотчас подался на народные мольбы и много раз отказывался, «достойных на се избирати повелевая». Но достойные того большие бояре, «от корени скипетродержавных и сродники» царю Феодору, «на се не изволиша поступити и между себя избрати, но даша на волю народу» [1]). Этот тенденциозный рассказ дает понять, что агитация, затеянная клевретами Годунова, ведена была прямо в народной массе мимо собора и не коснулась его состава, не имела целью подбора его членов, подтасовки голосов. Но она заставила собор выпустить из своих рук решение вопроса и отдать его на волю народа, поднятого агентами Годунова. Подстроен был ход дела, а не состав собора. План сторонников Годунова состоял не в том, чтобы обеспечить его избрание на царство подтасованным составом собора, а в том, чтобы вынудить правильно составленный собор уступить народному движению. Годунов, повидимому, придавал одинаково законное и важное значение и голосу возбужденной народной толпы, и приговору земского собора: если он сам настаивал на созыве земского избирательного собора, то в оффициальных актах его царствования с ударением повторялось напоминание, что он принял скипетр «по прошению всего московского и российского н а р о д с т в а». В составе избирательного собора нельзя подметить никакого следа выборной агитации или какой-либо подтасовки членов. В этом отношении собор и в 1598 г. сохранил ту же физиономию, какую он имел в 1566 г. И теперь, как тогда, на соборе сошлись разностепенные носители власти, органы управления, а не уполномоченные общества; это было представительство по служебному положению, а не по общественному доверию. Но это было, по понятиям того времени, все-таки, представительное собрание, хотя в своем роде, не в современном смысле. За собором предполагалось нечто, что только в этом собрании находило себе выражение. На это предполагаемое нечто указывает частью эпитет в с е л е н с к и й, как иногда назывался земский собор в оффи-

---

[1]) В р е м е н н и к Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. XVI, отд. II, стр. 7 и след.

циальных московских актах. Вселенский церковный собор по своей идее—собрание пастырей и учителей всех поместных церквей. Прилагая этот термин к московскому земскому собору, хотели тем выразить представление о собрании руководителей всех частей государственного управления, представителей всех ведомств, действовавших вне собора, раздельно, в кругу своих особых задач. Значит, в земском соборе видели, как бы сказать, представительство государственной организации, соединение того, из чего складывался и чем поддерживался государственный порядок. То живое содержание, которое жило и работало в рамках этой организации, управляемое общество—рассматривалось не как политическая сила, способная говорить на соборе устами своих уполномоченных, не как гражданство, а как паства, о благе которой должны были сообща подумать ее настоятели. Собор был органом ее интересов, но не ее воли, которая за ним не признавалась; члены собора представляли собою общество, насколько управляли им. Такой общей физиономии соборного представительства не изменяло присутствие на соборе 1598 года выборных депутатов провинциального дворянства, если только можно признать доказанной нашу мысль, что члены собора, названные в соборном списке выбором из городов, были выборные депутаты провинциального дворянства, а не провинциальные дворяне выборного чина, прямо призванные на собор по должностному положению, какое они занимали в минуту призыва. Таких депутатов выбирали уездные дворянские корпорации, в данную минуту почему-либо не имевшие у себя во главе предводителей, которых можно было бы призвать на собор, и выбирали либо из столичных дворян, своих земляков, либо из окладчиков, либо, наконец, из своих дворян выборного чина, т.-е. из таких лиц, из среды которых и правительство назначало походных предводителей уездного дворянства. Притом, оба источника представительных полномочий—и общественный выбор, и правительственный призыв по должности—тогда не противополагались один другому, как враждебные начала; напротив, один служил вспомогательным средством для другого: призывая на собор по должностному положению, правительство не обходило и выборных должностей. Так, соборными

представителями столичных торгово-промышленных сотен видим их выборных старост и сотских.

Итак, состав представительства на соборе 1598 г. сложнее, дробнее сравнительно с собором 1566 г. В этом отношении последний собор XVI в. отразил в себе перемены, происшедшие в организации общества при царе Иоанне и еще не успевшие обнаружиться в составе второго земского собора, им созванного. Но значение представителя и основания представительства остались прежние и некоторые из этих оснований на соборе 1598 г. выступили даже явственнее, чем выступали на соборе 1566 г. Это дает возможность при разборе вопроса о происхождении земских соборов рассматривать оба собора XVI века, состав которых известен, как однородные явления, вызванные одинаковыми условиями.

III.

Происхождение земских соборов.

Состав представительства на соборах 1566 и 1598 годов помогает разглядеть и те условия, которым земские соборы обязаны были своим происхождением. Превосходный ответ на вопрос об этих условиях находим в одном из сочинений г. Чичерина [1]). Попытаемся в немногих строках изложить основные мысли, общий план этого ответа, развиваемого автором с последовательностью и ясностью, которые трудно воспроизвести.

При кочевой жизни населения въ древней Руси долго не могли установиться крепкие общественные союзы, долго не могли завязаться корпоративные связи, которые сомкнули бы людей одинакового общественного положения в плотные классы, в сословия с крепкими сословными правами. При отсутствии таких классов не могло возникнуть из жизни и сословное представительство, требующее связности и дружной деятельности сословий. Дело соединения разрозненных общественных сил должна была взять на себя государственная власть, смыкая разобщенные общественные элементы в

---

[1]) О народном представительстве, стр. 358—363.

корпорации, в сословные и местные союзы не правами, а обязанностями, строя весь государственный быт на начале повинности, на государственном тягле. В этом деле власть не могла обойтись без содействия самого общества, не имея достаточно своих средств, не располагая ни достоверными сведениями о положении народа, ни надежными исполнителями своих мероприятий. Для этого она соединяет население в прочные союзы и посредством выборного начала призывает их к участию в государственных делах, сперва в местной администрации и суде, а потом и в высшем центральном управлении в форме земских соборов. Таким образом земское представительство возникло у нас из потребностей государства, а не из усилий общества, явилось по призыву правительства, а не выработалось из жизни народа, наложено было на государственный порядок действием сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества.

Изложенный взгляд на происхождение земских соборов—схема, метко схваченная со всего хода древне-русской жизни. Воспроизводя этот ход, автор привел в связь с ним появление земских соборов, отметил исторический момент, когда они появились, и обозначил общие условия, их вызвавшие. Эта схема останется прочным научным достоянием нашей исторической литературы. Как всякая схема, воспроизводящая закономерный, геометрически-правильный план жизни, изложенный взгляд нуждается в реализации: задача специального изучения указать конкретные явления, с видимо-хаотического потока которых снят этот стройный план, обозначить те частные интересы, борьбой или взаимодействием которых созданы были общие условия, вызвавшие к жизни земские соборы.

Земские соборы, по крайней мере, обыкновенные, не избирательные, являвшиеся в исключительных случаях, созывались не по требованию общества, а по нуждам правительства, которое через них надеялось получить от общества недоставшие ему средства для устроения государства и помимо их не имело других способов найти эти средства. Разумеется, оно созывало соборы в таком составе, какой находило наиболее соответствующим цели их созыва. Нуждами, заставлявшими правительство обращаться к помощи земских собо-

ров, в значительной степени, если не преимущественно, указываем был и их состав. Таким образом, вопрос о происхождении земских соборов сводится к вопросу о том, что могли они дать правительству, чем могли помочь ему в том составе, в каком они созывались в XVI в. При недостатке прямых указаний в уцелевшей от того века письменности на происхождение земских соборов, состав их остается единственным надежным, хотя и косвенным указателем причин, вызвавших к жизни это учреждение, указателем государственных нужд, заставлявших правительство созывать их, и услуг, каких ожидало от них правительство. Рассматривая состав земских соборов с этой стороны, прежде всего предстоит выяснить, воспользовалось ли правительство при созыве первых соборов каким-либо готовым образцом, или ему пришлось при этом создавать учреждение, какого на Руси еще не бывало. Если существовал такой образец, он должен был, сколько то было возможно, навязать свой склад земским соборам XVI века, и в таком случае состав последних мог отражать в себе насущные нужды и наличные цели московского правительства того времени лишь в такой мере, в какой способно было отражать их учреждение, рассчитанное на нужды и цели другого времени и другого порядка.

Еще в 1857 году покойный Соловьев, полемизируя с К. Аксаковым, убедительно доказал в статье Шлецер и анти-историческое направление, что земские соборы в Московском государстве не имели никакой исторической связи с древними областными вечами, от которых они отделены веками [1]). Объясняя происхождение земских соборов, скорее можно припомнить обычай наших древних князей советоваться с своею дружиной, со всей или только со старшей, с боярами, что бывало чаще. Этот более частый обычай потом в московский период превратился в особое правительственное учреждение в Боярскую Думу. Нашел ли и более редкий обычай совещаться со всею дружиной соответствующее выражение в системе московских государственных учреждений? Когда немногочисленная дружина древнего князя разрослась в многотысячный класс слуг московского государя, совещаться с этим классом стало возможно

---

[1]) Русский Вестник 1857 г., т. VIII, стр. 444.

только при посредстве его представителей. В составе земских соборов XVI века можно, пожалуй, даже найти некоторую поддержку этой мысли об их связи с древними дружинными советами: мы видели, что подавляющее большинство на этих соборах принадлежало служилому классу. Трудно сказать, помнил ли царь Иоанн этот обычай своих давних предков и участвовало ли это историческое воспоминание в созыве и в определении состава обоих земских соборов его царствования. Как бы то ни было, въ состав земских соборов XVI в. входил элемент, которого не было ни в дружинных советах древних князей, ни в Боярской Думе московских государей. Как древний дружинник, так и думный московский человек XVI в. никого не представлял в своем лице, имел значение в глазах своего государя сам по себе, по своим личным качествам или генеалогическому происхождению, а не по своей связи с каким-либо классом или местным обществом. В составе земского собора далеко не все члены имели такое непосредственное политическое значение. Весь состав собора по положению его членов в управлении можно разделить на два разряда, на две неравные половины. К одной половине принадлежали члены Боярской Думы, начальники и дьяки московских приказов: это все были руководители центрального управления. Другую половину составляли все те служилые люди, которые призывались на собор по их должностному положению городовых воевод, командиров местных дворянских отрядов и стрелецких полков, или как выборные депутаты уездного дворянства, также гости и старосты московских торгово-промышленных сотен: это были органы местного управления или представители отдельных местных обществ,—те органы и представители тех обществ, которым приходилось исполнять распоряжения центральных властей. Первая половина представляла в управлении элемент распорядительный, вторая—исполнительный. Эта исполнительная половина собора и имела представительное значение, какого не видим ни в дружинах древних князей, ни в Боярской Думе московских государей.

В эту классификацию членов земского собора не вводим очень видного элемента в его составе, Освященного Собора, который имел свое устройство и особое отношение к государственному управлению. Впрочем, и в его составе можно различить те же два разряда членов:

распорядительный, состоявший из иерархов с епископским саном, и исполнительный, к которому принадлежали лица, носившие иерейский сан. Этим сходством возбуждается вопрос, не имел ли влияния, как пример и образец, на зарождение мысли о земском соборе и на самую его организацию совет иерархов, являвшийся во главе русского церковного управления с тех пор, как оно устроилось, и занимавший первенствующее положение на земском соборе, так как члены его писались и подписывались выше других на соборном акте? Это влияние более чем вероятно, только трудно определить его степень и указать его следы. Первый земский собор был созван в то время, когда церковная иерархия въ лице митрополита Макария и священника Сильвестра стояла особенно близко к престолу и ее советы съ особенным вниманием выслушивались молодым царем. Освященный Собор в 1550 г. в составе земского собора и в 1551 г. отдельно от него призываем был царем к прямому и деятельному участию въ предпринятых правительством работах по законодательству и устройству местного управления. В самом устройстве земского собора XVI в. была, кроме указанной, еще одна черта сходства с Освященным: в состав того и другого входили лица п о п о л о ж е н и ю в местном управлении, церковном или государственном, каковыми были обычные непременные члены церковного собора, епархиальные архиереи, к которым иногда присоединялись архимандриты и игумены со старцами монастырских соборов, т.-е. управители монастырей. Из церковного языка заимствован эпитет в с е л е н с к и й, который иногда прилагался к земскому собору. Наконец, самое название с о б о р а, усвоенное нашему собранию государственных и земских чинов, имело в древней Руси значение специального термина церковного управления и усвоялось повременно действовавшим коллегиальным учреждениям церковного происхождения или с участием духовенства [1]). Все это указывает на некоторую

[1]) Так с о б о р а м и назывались соединенные заседания Освященного Собора и Боярской Думы, в конце XVI в. обыкновенно бывавшие по пятницам. Может быть, потому же у нас в XVII в. называли английский парламент, собственно палату общин, з е м с к и м с о б р а н и е м, а не собором.

генетическую связь земского собора с Освященным, нити которой живо чувствовались в древней Руси, но уже трудно уловимы для нас. Во всяком случае Освященный Собор, как авторитетный образец, мог содействовать осуществлению, практической разработке мысли решать важнейшие государственные вопросы с помощью подобного ему по составу земского собрания, как скоро родилась такая мысль; но она родилась из государственных потребностей, возникших в XVI в. и только тогда заставивших обратить внимание на Освященный Собор, как на образец, могущий помочь при изыскании средств их удовлетворения. Московское правительство в ту эпоху вообще стремилось установить соответствие и взаимодействие между церковным и государственным управлением, устрояя то и другое по одному плану и приучая их помогать друг другу в общих делах, насколько допускалось это различием основ и задач того и другого. Особенно явственно обнаружилось это стремление въ начертанном Стоглавым собором плане епархиального управления с его поповскими старостами и другими выборными органами из среды духовенства, которые поставлены были рядом с земскими старостами и целовальниками и в некоторых случаях действовали совместно с ними. Но этот самый план показывает, что тогдашние преобразователи стремились не столько приноровить государственное управление к церковному, сколько ввести в то и другое новые силы.

Эти силы надеялись вызвать к действию привлечением местных обществ к участию в управлении. На земских соборах XVI в. эти силы являлись в лице тех органов местного управления и депутатов местных обществ, которые составляли вторую исполнительную половину собора и которым можно придавать представительное значение. Органы местного управления, призывавшиеся на собор правительством, и депутаты, которых посылали туда по выбору местные общества, конечно, черпали свои представительные полномочия из различных источников: для одних этим источником служила правительственная должность, т.- е. доверие правительства, для других—общественный выбор, т.- е. доверие общества. Но в то время между этими источниками не было такого антагонизма, какой существует теперь. Во второй половине XVI в. правительство старалось подбирать на должности

по местному управлению людей, которые и независимо от своей правительственной должности имели связь с управляемым обществом. Подбор офицеров для уездных дворянских отрядов из лучших дворян тех же уездов был обычным явлением, если не был правилом; нередко воеводой города назначался дворянин, принадлежавший к дворянскому обществу того же города или имевший землю в его уезде. Такой правитель получал двустороннее значение органа—правительственного и общественного: правительство доверяло ему управление, как влиятельному члену управляемого общества, а общество тем охотнее слушалось своего земляка, что он пользовался доверием правительства. Но если даже не существовало корпоративной связи у городового воеводы с дворянством управляемого им уезда, между ними устанавливалась связь служебная: в случае похода, городовой воевода становился главным предводителем уездного дворянства. Таким образом, представительное значение на соборе и должностных и выборных представителей местных обществ слагалось из двух элементов: из должностной ответственности перед правительством за управляемое общество и из корпоративной солидарности с последним. В одних соборных представителях, например, в городовых воеводах, не имевших корпоративной связи с дворянством управляемых ими городов, эти элементы разделялись, в других, например, в предводителях уездного дворянства из его же среды, совмещались. Связь призыва на собор с положением призываемого в местном управлении и обществе особенно явственно обозначилась появлением на соборе 1598 г. старост и сотских московских торгово-промышленных сотен: они были п р и з ы в н ы е, а не выборные представители на соборе; их призвали на собор по должности, как правителей их обществ; но они явились на собор настоящими представителями своих обществ, потому что получили должность по их выбору. Совмещение тех же двух значений можно заметить и в выборных депутатах этого собора. Местные дворянские общества выбирали их из столичных дворян, знакомых им по походной команде или землевладельческому соседству, из коллегий своих присяжных окладчиков, наконец, из высшего слоя своего состава, из разряда, называвшегося в ы б о р о м: все это были классы или разряды лиц, из которых и самим правительством

назначались органы местного управления, военного и гражданского. При таком отношении обеих сторон правительства и общества не могло возникнуть и вопроса о сравнительном значении столь разнородных источников представительных полномочий, как правительственный призыв по должности и общественный выбор по доверию: вопрос, с которой стороны представителю получить свои полномочия, разрешался соображениями административного удобства, а не требованиями политического принципа, как скоро обе стороны и для назначения и для выбора представителей пользовались одним и тем же социальным материалом.

В условиях, установивших такое отношение между правительственным назначением и общественным выбором, и надобно искать зарождения мысли о соборном представительстве. Чтобы призывать на собор в качестве представителей местных обществ их управителей и предводителей, назначенных правительством, надо было и назначать таких управителей и предводителей, которые могли быть и выборными представителями местных обществ, т.-е. при должностных отношениях к последним имели и корпоративную связь с ними. Трудно сказать, в какой степени выдерживалась эта связь в той половине состава земских соборов XVI в., которую мы назвали исполнительной; по крайней мере, она явственно выступает, как мы видели, в некоторых группах, принадлежавших к этой половине соборного состава. Эта связь еще настойчивее проводилась в местном управлении: с половины XVI в. оно перестраивалось по правилу, чтобы во главе местных земских миров становились люди из их среды на место прежних управителей, которые на короткие сроки «наезжали» на свои округа со стороны, обыкновенно не имея никакой постоянной связи с ними. Таким образом, обнаруживается некоторое родство соборного представительства с реформой местного управления в XVI в. Это родство состояло в том, что в происхождении и соборного представительства и нового устройства местного управления участвовала одна политическая идея, практическая разработка которой принадлежит к числу любопытнейших процессов в устроении Московского государства: это была мысль об устройстве ответственности местного управления.

*

Чтобы объяснить происхождение этой мысли, надобно припомнить некоторые черты того управления, которое господствовало в удельные века, продолжало действовать с некоторыми изменениями в эпоху московского объединения Великороссии и только в царствование Грозного подверглось коренному преобразованию. Особенности этого управления, наиболее участвовавшие в возникновении означенной мысли, связаны были с древне-русскою системой кормлений. К о р м л е н и е м называлось управление, функции которого соединены были с доходами в пользу управителя. Эти доходы состояли или из к о р м о в в собственном смысле, особых урочных сборов в пользу кормленщика, или из п о ш л и н свадебных, торговых, судебных, писчих—за составление письменных документов, или из доли общих казенных налогов и пошлин, которая в дворцовом ведомстве называлась п у т е м. Родом и разнообразными сочетаниями этих доходов различались кормления высшие и низшие. В руках крупных кормленщиков, бояр путных, наместников и волостелей соединялись разнообразные административные и судебные дела и связанные с ними доходы, тогда как мелкий кормленщик ведал одно какое-либо дело, одну доходную статью; иной получал какой-нибудь незначительный налог в известном округе или часть этого налога с условием самому собирать его, в чем и состояла его административная функция. Значит, в кормлении правительственные функции и охраняемые ими интересы общественного порядка отдавались в частное пользование из-за соединенных с ними доходов или, что то же, отдавались в такое пользование казенные доходы с теми правительственными функциями, посредством которых они получались. Таким непосредственным соединением правительственного дела с вознаграждением за него надеялись, вероятно, всего легче согласить и уравновесить интересы управителей и управляемых. Но по самой конструкции такого управления сторона кормленщиков должна была получить перевес: такая связь правительственного дела с кормом вела к тому, что не корм служил средством и поощрением к лучшему исполнению правительственного дела, а это дело становилось только средством или поводом к получению корма. Кормления давались служилым людям, но сами не считались службой. Служба, именно военная, была обязанностью, а кормление правом, приобретав-

шимся службой, за которую жаловали кормлением. Потому служилый человек мог отказаться от назначенного ему кормления, мог съехать с него, когда хотел, не испрашивая отставки. Как право, не уравновешенное обязанностями и ответственностью, кормление поощряло управителя к произволу. Издавна приняты были меры с целью предупредить этот произвол и урегулировать аппетит кормленщиков. Кормленщику при назначении на должность давали доходный или наказный список с точною таксой дозволенных ему поборов; подробно указан был порядок сбора кормов; при съезде управителя с кормления производился скрупулезный бухгалтерский учет корма, следующего ему «по исправе», т.-е. по времени управления и по количеству действительно исполненной им правительственной работы [1]). Трудно сказать, с какого времени установился для поддержания этих мер и способ контроля кормлений, состоявший в праве управляемых жаловаться высшему правительству на незаконные действия управителей. Это право подтверждалось в уставных грамотах с конца XV в. и из него ко времени первого земского собора развился своеобразный порядок должностной ответственности кормленщиков. Почин в деле контроля местного управления предоставлен был самому местному населению. По окончании кормления обыватели могли обычным гражданским порядком жаловаться центральному правительству на действия кормленщика, которые находили неправильными. Обвиняемый правитель в этой тяжбе являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им неправды и обиды, если истцы умели надлежащими средствами тогдашнего гражданского процесса оправдать свои претензии, а правительство становилось между обеими сторонами беспристрастным и как бы даже равнодушным третейским судьей, только потому принужденным решать такие сторонние для него споры, что к нему обращались с ними. Таким образом, частный интерес становился блюстителем правительственного порядка и преследование административных злоупотреблений заменялось исками обиженных о возмещении убытков, причиненных местному обществу

---

[1]) Акты Юр., № 161.

или отдельным его членам неправильными действиями органов управления. Конечно, это была для кормленщиков своего рода ответственность, и так как кормленщик отвечал не перед властью, а перед гражданскими истцами, только в присутствии власти, то такую ответственность можно назвать гражданской. Может быть, она и устраняла какие-нибудь неудобства, которые могли произойти от несдерживаемого ничем произвола управителей, но в свою очередь рождала множество новых затруднений, которые очень ярко изображены в памятниках XVI в. Установившийся способ защиты управляемых обществ от произвола управителей послужил источником безконечного сутяжничества. Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом ко вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Изображая положение дел перед реформой местного управления, летописец в своем изложении закона 1555 г. о кормлениях и о службе говорит, что наместники и волостели своими злокозненными делами опустошили много городов и волостей, были для них не пастырями и учителями, но гонителями и разорителями, что с своей стороны и «мужичье» тех городов и волостей натворило кормленщикам много коварств и даже убийств их людям: как съедет кормленщик с кормления, мужики ищут на нем многими исками, и при этом происходит много «кровопролития и осквернения душам» так что многие наместники и волостели лишились и старого своего стяжания, движимого и недвижимого, «животов и вотчин» [1]). Значит, эти тяжбы «мужиков», как называет летописец тяглых земских людей, сопровождались тяжкими имущественными потерями для тех кормленщиков, которые их проигрывали. Слова летописца о кровопролитии и осквернении душам указывают на то, что в этих тяжбах приводились в действие самые сильные средства тогдашнего гражданского процесса, крестоцелование и даже судебный поединок. Литвин Михалон, знакомый с современными ему московскими порядками половины XVI века, прямо подтверждает этот намек московской летописи, с сочувствием рассказывая, что управители в Московском госу-

---

[1]) Ник. лет. VII, 258. Ср. Татищева Судебник, 2 издание 1786 г., стр. 131.

дарстве могут быть привлечены управляемыми к суду и осужденные за взятки принуждены бывают драться на дуэли с обиженными, хотя бы последние принадлежали к низшему сословию, или ставить на поединок вместо себя других, т.-е. своих людей, о которых говорит наша летопись; в случае поражения на поединке, обвиняемый управитель платил пеню [1]).

Таким образом, установившийся в Московском государстве порядок административной ответственности поверг местное управление в состояние судебной борьбы управителей с управляемыми, запутывавшейся все более вследствие краткосрочности кормлений и частых смен кормленщиков. Как бы ни был беспристрастен и строг суд по таким делам и какими тяжкими последствиями ни грозил бы он недобросовестному кормленщику, добрые плоды так устроенной ответственности по управлению покупались на счет общественной дисциплины и порядка: умалчивая о другом, достаточно припомнить судебные драки на площади, которыми разрешались административные споры между бывшими управителями и управляемыми, чтобы представить себе, как эти соблазнительные зрелища должны были спутывать понятия о значении власти и о ее отношении к обществу. Потребность вывести местное управление из такого состояния привела к мысли о новом порядке ответственности его органов, который приводился бы в движение непосредственно высшею властью во имя общего, а не частного интереса. Политические понятия, которые могли служить материалом для устройства такого порядка, были уже готовы к половине XVI в. События, так глубоко изменившие положение московского государя с половины XV века, приподняли и его политическое сознание. По мере того, как он становился единственным хозяином Великороссии и уяснял себе свое национальное значение, его государево дело, т.-е. государственный интерес, также становилось выше всех частных интересов. Складывалось требование, чтобы все общество поддерживало это дело всеми своими наличными силами. Трудно уловимым для нас процессом политических умо-

---

[1]) Н. Калачева: «Арх. ист.-юрид. сведений», кн. II, отд 5, стр. 56 и 57.

заключений и практических соображений установилось такое распределение государственного дела между правительством и обществом: первое с своими непосредственными органами взяло в свои руки всю организацию внешней народной обороны и распорядительную часть по устройству внутреннего порядка; вся подготовительная и исполнительная часть управления должна была лечь на общество, которое, таким образом, становилось не только производителем, но и поставщиком средств, необходимых правительству для устройства внешней обороны. Так как прежние правительственные органы местного управления, кормленщики, признаны были неудовлетворительными, а других с в о и х органов не было в распоряжении правительства, то все местные дела и некоторые общегосударственные, преимущественно дела финансовые исполнительного характера, переданы были земству. Но, оставаясь в местном управлении без рук, без собственных орудий, правительство тем более хотело, чтобы местные земские органы постоянно чувствовали на себе его глаз. И государственная важность дел, входивших в состав местного управления, и земское происхождение его новых органов требовали строгой отчетности, надежного обеспечения, исправности и добросовестности их действий. Между тем, прежние средства этого обеспечения не могли действовать при новом порядке местного управления по самому его устройству. В кормлениях такими средствами служили собственная выгода кормленщиков и потом их страх перед управляемыми: так как правительственные дела соединены были с доходом для управителя, то за небрежность и упущения он наказывал сам себя потерей дохода, а за недобросовестность и притеснения его могли наказать потерпевшие иском и судебным взысканием. Земское управление налагалось на общество, как повинность, и не могло быть соединено с кормом. С другой стороны, неудобно было ограничивать контроль местного управления правом обиженных искать на обидчиках управителях, выбранных миром и в выборе которых они сами участвовали, и это было тем неудобнее, что в делах общегосударственных, составлявших главное содержание земского управления, истцом, прежде всего, могла быть сама казна. Потому прежний порядок ответственности местных управителей не мог быть применен к новому управлению и

должен был уступить место другому порядку. Но именно казенный интерес, получивший господствующее значение в ведомстве земских управителей, заставил воспользоваться для его обеспечения старинным институтом, которым прежде обеспечивалась исправность податных сборов, круговою порукой земских обществ. Теперь этот институт был распространен на все функции земского управления и на самый состав его, потому что земство должно было взять на себя и поставку органов этого управления и отвечать за нее. Так, когда приступили к реформе местного управления, сами собою выяснились элементы нового порядка ответственности его органов,—элементы, послужившие основаниями и самой реформы: 1) управление, как охрана общественного блага, не может быть орудием частного интереса; 2) дела, входящие в состав местного управления, должны вести правительственные органы из среды местных же обществ; 3) ответственность за это управление должна падать не на одни его органы, но и на управляемые ими общества. Из этих понятий, вошедших в запас важнейших политических идей века и выработанных им с большим трудом под гнетом насущных нужд государства, сложился взгляд на ответственность по управлению, существенно отличавшийся от прежнего: не управляемые миры или их члены ищут на органах управления перед правительством за нарушение своих интересов, а правительство взыскивает не только с органов управления, но и с самих управляемых миров за действия мирских управителей, противные интересам общего блага. Такую ответственность в отличие от прежней гражданской можно назвать политической. Необходимыми средствами для установления такой ответственности были мирской выбор органов местного управления и мирская порука за выборных управителей.

Ход самой реформы местного управления достаточно известен; но не будет излишним напомнить некоторые его моменты, которые особенно ясно показывают, с какою осторожною, истинно московскою постепенностью складывалась и проводилась в преобразуемых учреждениях новая мысль о политической ответственности по управлению. Для этого правительство хотело воспользоваться наличными зачатками земского самоуправления. Издавна в местном управлении

удельных княжеств рядом с непосредственными проводниками княжеской власти, кормленщиками, существовал другой ряд учреждений, представлявших собою местные земские миры и служивших вспомогательными орудиями управления при его княжеских руководителях: то были выборные старосты, сотские, дворские и другие земские власти, ведомство которых простиралось только на тяглое население, их выбиравшее, городское и сельское, и состояло преимущественно из хозяйственных дел земских обществ. По мере успехов политического объединения Великороссии московское правительство стало обращать все более заботливое внимание на эти земские учреждения, дотоле скромно и малозаметно действовавшие под властною и своекорыстною рукой княжеских кормленщиков. С конца XV в. эти учреждения заметно поднимаются: их авторитет растет, компетенция расширяется. Между прочим, по уставным грамотам конца XV в. старосты и «лучшие люди» являются на суде наместников и волостелей, как обязательные ассистенты-наблюдатели, следившие за правильностью их судопроизводства. Присутствие таких ассистентов на суде кормленщиков, вероятно, издавна допускавшееся в силу народного обычая, ко времени первого Судебника было установлено законом. Земские миры в то время пользовались уже правом выступить *истцами* перед центральным правительством против кормленщиков, бывших своих управителей, если считали себя обиженными с их стороны; теперь в лице своих судебных заседателей они получали на суде кормленщиков значение правительственных *свидетелей*, которые в случае нужды при проверке дела могли бы дать центральному правительству показания о том, как производился суд. Это был первый шаг в подъеме земства; второй состоял в том, что лучшие люди, простые свидетели дела, случайные понятые, ко времени второго Судебника превратились в *целовальников*, постоянных присяжных заседателей с более деятельным участием в отправлении правосудия, с правом блюсти судебный порядок и справедливые интересы сторон в качестве носителей мирской совести. Таким образом, земство в местном управлении и суде последовательно становилось в различные положения, из которых в каждом дальнейшем все яснее выступала из-за права обязанность: сначала частные истцы против обид кормлен-

щиков, потом обязательные правительственные свидетели-наблюдатели их суда, земские миры теперь в лице своих старост и целовальников стали стражами правды на этом суде с нравственною ответственностью. Этим постепенным усилением элемента обязанности в судебном представительстве земства обозначился рост потребности в устройстве местного управления с строгою государственною ответственностью. Оставалось сделать последний шаг—передать земским мирам самый суд и все местное управление не только с нравственною, но и с формальною ответственностью перед правительством, и тогда на месте служилых кормленщиков с гражданскою ответственностью по искам управляемых миров стали бы мирские органы правительства с политическою ответственностью самих миров перед правительством по его взысканию.

Около половины XVI в. этот последний шаг стал необходим, но его необходимость условливалась такими нуждами, которые, вместе с тем, затрудняли его исполнение. Совокупность этих нужд составила вопрос о военной реформе, который разрешался в одно время с реформой местного управления и так запутанно с ней переплетался, что их трудно разделить. До половины XVI в. военно-служилый класс в Московском государстве имел двойственное значение, сложившееся еще в удельное время: он составлял главную боевую силу государства и вместе служил органом управления. В каждом значительном княжестве удельного времени управление, состоявшее из сложной сети мелких и крупных кормлений, давало занятие и доход массе ратных людей. С расширением Московского государства все сильнее стало чувствоваться неудобство такого совмещения двух различных назначений в служилом человеке. Напряжение народной самообороны росло по мере расширения государственной территории и с начала XVI в. чуть не ежегодно поднимались значительные силы на ту или другую границу государства, даже когда не бывало объявленной войны. Мобилизация должна была встречать крайнее затруднение в том, что множество ратных людей было рассеяно по «кормлениям и доводам», по доходным местам в областном управлении, а порядок управления страдал от того, что его органы должны были покидать правительственные дела для похода. Так, обе ветви управления

мешали одна другой, потому что одни и те же люди действовали в обеих: будучи военными людьми, они становились неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми. Затруднение увеличивалось еще тем, что новые потребности общественного порядка, возникавшие в объединенном государстве, все более усложняли задачи управления, требуя от управителей все большей внимательности к интересам государства и нуждам населения, большей добросовестности и отчетности в делах, а служилые люди искони привыкли и продолжали смотреть на правительственные должности исключительно как на свои кормления, настоящее назначение которых—пополнять исхудалые служилые животы для дальнейшей службы. Отсюда и развились, с одной стороны, те разнообразные злоупотребления управителей, а с другой—то страшное недовольство управляемых, о которых говорят памятники XVI в. Это была превосходная мысль московского правительства Иоанна IV воспользоваться земскими учреждениями одновременно и для лучшего устройства местного управления и для устранения недостатков военного строя. Попытка Грозного совсем устранить кормленщиков из местного гражданского управления, заменив их выборными и ответственными земскими властями, давала правительству возможность найти более надежные и дешевые органы управления и, вместе с тем, предоставить служилых людей в беспрепятственное распоряжение военного ведомства, ничем не отвлекая их от их прямого назначения. Самые крупные законодательные меры XVI в. были прямо или косвенно связаны с этою двойною реформой, земскою и военною.

Какие затруднения встретило московское правительство при разработке и проведении земской реформы и как их побеждало, это всего яснее открывается из самого хода его преобразовательных предприятий. Первые известные грамоты о введении губных учреждений, относящиеся к 1539 году, показывают, что мыслью о передаче важных дел местного управления в руки местных обществ правительство занято было еще в малолетство Грозного. Но некоторые колебания, обнаруженные им в устройстве губных учреждений, заставляют думать, что многие подробности в этом деле тогда еще не были

решены и обдуманы. Так, не было принято определенного решения по вопросу о том, в какие отношения друг к другу должны стать разные классы местного общества в устройстве охраны общественной безопасности от лихих людей. По первым губным грамотам все городские и сельские обыватели для поимки и казни разбойников выбирают голов из служилых людей, детей боярских, человека по 3 или по 4 на каждую волость, то-есть административный округ, и точно так же в помощь этим головам выбирают из своей среды старост, десятских и лучших людей. Значит, органам местной полиции, губным головам и их помощникам, по источнику их полномочий, предполагалось придать всесословный характер. Но по грамоте Соли Галицкой 1540 г. участковые полицейские надзиратели, сотские, пятидесятские и десятские, поставлены были под руководство городового приказчика, т.-е. коменданта, который выбирался только служилыми людьми уезда и был, так сказать, предводителем уездного дворянства, как корпорации, обязанной оборонять свой город. Позднее, при преемнике Грозного, выбор губного головы или старосты одним местным дворянством является нередким случаем. Напротив, там, где было малочисленно служилое население или где его вовсе незаметно, руководство губною полицией, как это видно из уставной Двинской грамоты 1556 года, поручалось начальникам общего земского управления излюбленным головам, выборным судьям, которые выбирались только земским тяглым населением [1]).

В первоначальном устройстве губной полиции еще незаметно намерения не только отменить кормления, но и стеснить права кормленщиков, хотя современники и видели в этом учреждении меру, направленную против наместников [2]). Губным старостам в первое время поручены были такие полицейские дела, которые не входили прямо в компетенцию наместников и волостелей, и власть последних предполагалось точно разграничить с губным ведомством. Так, по губному наказу селам Кириллова монастыря 1549 г., тать, пойманный

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, №№ 187, 192 и 250. Акты Моск. государства, изд. Н. А. Поповым, I, стр. 54.

[2]) Полн. Собр. Р. Лет., IV, стр. 304 и сл.

в первой краже, сначала подвергался простому гражданскому суду и взысканию со стороны кормленщиков, а после того уже поступал в распоряжение губных старост, которые наказывали его кнутом и выгоняли из округа [1]). Речь об отмене кормлений, повидимому, не заходила и на земском соборе 1550 г., хотя некоторые меры, принятые не без его участия, служили прямою или косвенною подготовкой этой реформы. В Судебнике 1550 г. институт кормленщиков является еще без признаков колебания и их компетенция заботливо ограждается от вмешательства губных старост, которым статья 60 строго предписывает ведать только дела о разбое. Почти несомненно, что с ведома собора присутствие на суде кормленщиков особых присяжных судных мужей, выборных старост и целовальников, «которые у наместников в суде сидят», по Судебнику превращено было в повсеместное обязательное учреждение. По крайней мере, в следующем году в речи к отцам Стоглавого собора царь поставил это дело в числе мер, на которые он получил от них благословение «в предъидущее лето», т.-е. на земском соборе 1550 года. Обязательным повсеместным введением в суд кормленщиков особой коллегии земских судных мужей крайне упрощалась отмена кормлений: оставалось только вывести из местного суда самих кормленщиков, передав их функции этой коллегии присяжных земских ассистентов с ее председателем, судным земским старостой. Распространение института, который вскоре лег в основание земского самоуправления, сопровождалось составлением местных уставных грамот, которыми должны были руководиться кормленщики и их земские ассистенты. Из слов царя на Стоглавом соборе можно заключить, что была даже выработана общая, так сказать, нормальная уставная грамота, «которой в казне быти» и которую царь предложил отцам собора на рассмотрение и утверждение вместе с новоисправленным Судебником. Вероятно, эта общая уставная грамота, предназначенная, как образцовая и справочная, для хранения в государственном архиве, также относилась к местным, как наказ губным старостам 1571 г. относился к местным губным грамотам, содержала общие нормальные постановления, применявшиеся

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, № 224. Ср. «Судебник» 1550 г., ст. 60.

в отдельных грамотах к местным условиям. Из всего этого можно заключить, что главным предметом занятий собора 1550 г. были вопросы об улучшении местного управления и суда, чему посвящена едва ли не большая часть статей Судебника, пересмотренных и пополненных в 1550 году; по крайней мере, о других предметах занятий этого собрания не сохранилось известий. Нельзя не отметить этой черты деятельности первого земского собора при изучении происхождения земских соборов вообще. Такая законодательная тема указана была собору 1550 г. самим царем в той знаменитой речи его на Красной площади к митрополиту и народу, которой открыта была деятельность собора. Сущность этой речи, как изложил ее потом сам оратор на Стоглавом соборе, состояла в том, что царь «заповедал» своим боярам, приказным людям и кормленщикам помириться «со всеми хрестьяны» своего царства на срок, т.-е. предложил служилым людям покончить не обычным исковым, а мировым порядком все возникшие у них из-за кормлений тяжбы с «хрестьянами», с земскими людьми, которыми они управляли. Заповедь царя исполнена была с такою точностью, что в следующем году он мог уже сообщить отцам церковного собора, что бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями» помирились во всяких делах. Значит, господствующею мыслью, руководившею царем при созыве первого земского собора, было упорядочить местное управление и начать это дело мировою срочною ликвидацией бесконечных тяжеб земства с кормленщиками: царь надеялся такою решительною операцией устранить главный недуг, мешавший всякому улучшению местного управления и суда. Ни в самой речи царя, как она записана в летописном сборнике, ни в кратком оффициальном изложении ее на Стоглавом соборе нет сколько-нибудь уловимого намека на мысль отменить кормления. Между тем, только эта мысль и делает понятным предложение царя о срочном окончании тяжеб по делам кормлений. Судебник 1550 г. вовсе не предотвращает продолжения таких тяжеб, а только подробнее определяет их порядок. Какую цель могла иметь необычная и спешная ликвидация этих дел, когда сам закон допускал их возобновление, оставляя обе боровшиеся стороны, кормленщиков и земские миры, в прежних отношениях друг к другу? Остается предположить,

что в мере, принятой царем, сказалась впервые смутно почувствованная правительством потребность так или иначе покончить вопрос о кормлениях, но правительство еще недоумевало, какой избрать способ его решения, и пока хотело устранить затруднение, которое мешало разрешить его каким бы то ни было способом. Речь царя бросает некоторый свет и на самый состав собора 1550 г. Если этот собор был созван для того, чтобы при самом открытии своем выслушать заповедь царя кормленщикам—в назначенный короткий срок прекратить миром тяжбы с земскими людьми, и если эта заповедь была в срок исполнена, можно думать, что на собор и призваны были преимущественно кормленщики, люди верхних слоев служилого класса, бывшие ближайшими органами правительства, а таков был, как мы видели, состав и дальнейших земских соборов XVI в. Может быть, для того и речь царя была произнесена на московской площади, чтобы в лице собравшегося здесь простонародья призвать все земство пойти навстречу кормленщикам в деле примирения, исполняя просьбу царя «оставить друг другу вражды и тяготы свои». Так выясняется несколько политическая физиономия этого загадочного земского собора, оставившего по себе такие неясные следы в исторических памятниках. Собор созван был, главным образом, для обсуждения средств устранить беспорядки в местном управлении и суде и состоял из лиц, которые, служа орудиями этого управления и суда, должны были взять на себя исполнение мер, принятых правительством по совещанию с собором.

Однако, после ликвидации тяжеб с кормленщиками вопрос о кормлениях недолго оставался в нерешительном положении. То было время ускоренного движения внутренних реформ и внешних предприятий. Среди забот о церковных преобразованиях и приготовлений к казанскому походу делались, по московской правительственной привычке, предварительные опыты над новым порядком местного управления. Известен один из них, сделанный месяца за 3 до казанского похода: 21 марта 1552 г., по просьбе посадских людей и крестьян Важского уезда, им дана была грамота, отменявшая у них управление наместника и передававшая управу во всяких делах их излюбленным головам. Вскоре по завоевании Казани правительство с развязанными для внутренних дел руками и с необычайно приподн-

нятым духом принялось за дальнейшую разработку вопроса о кормлениях. Тотчас по возвращении из похода, отправляясь в Троицкий Сергиев монастырь, царь приказал боярам «без себя о казанском деле промышляти, да и о кормлениях сидети», т.-е. обсудить в Боярской Думе два вопроса: об устройстве новозавоеванного царства и об отмене кормлений. Бояре придавали второму вопросу такое важное значение, что поставили его на первую очередь, «начаша о кормлениях сидети, а казанское строение поотложиша». Мнение Думы склонилось в пользу отмены кормлений, так что царь в ноябре 1552 г. мог уже оффициально объявить о принятом правительством решении устроить местное управление без кормленщиков. Днем Михаила Архангела началось трехдневное торжество по случаю падения Казанского царства. Служилым людям, героям подвига, розданы были щедрые награды вотчинами, поместьями и деньгами на 48 тыс. руб. (около $2^1/_2$ миллионов на наши деньги). Не было забыто и неслужилое земство, которое понесло на себе финансовые тяготы похода: «а кормлениями государь п о ж а л о в а л всю землю». Этому лаконическому известию, однообразно повторенному в разных летописях, трудно придать другой смысл, кроме того, что царь предоставил земским мирам ходатайствовать об освобождении их от кормленщиков или оставаться под их управлением, если они находили это для себя более удобным[1]). Эту меру современники считали п о ж а л о в а н и е м, льготой для земства, и значительное количество земских обществ, городских и сельских, которые не замедлили ею воспользоваться, оправдывает этот взгляд. Но может показаться неожиданным то, что эту меру считали для себя выгодной и сами бояре, которые в этом случае были солидарны с прочими кормленщиками. Летопись, рассказывая о приказе царя обсудить въ Думе вопросы объ устройстве Казанского царства и о кормлениях, не без горечи объясняет, почему бояре поставили на очередь второй из этих вопросов и отложили первый: «они же от великого такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелеша бога-.

---

[1]) Ник. лет., VII, 197. Временник Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 5, стр. 69. Царств. книга, стр. 330 и 337.

тетства»[1]). Какие богатства могли сулить себе кормленщики от отмены кормлений и как одна и та же мера могла оказаться выгодной для обеих сторон со столь противуположными интересами и с такими враждебными отношениями, в каких стояли тогда друг к другу кормленщики и кормившие их земские общества? Это объясняется условиями, на которых исполнена была земская реформа.

Кормление служилых управителей, как земская повинность, признано было подлежащим выкупу на счет земства. Но переход к управлению выборных земских властей, как право земства, не был сделан для него обязательным, а предоставлен был воле каждого земского мира. Если земское общество возбуждало ходатайство о замене кормления земским самоуправлением, все доходы кормленщиков, им управлявших, как прямые кормы, так и косвенные пошлины, перекладывались в постоянный государственный оброк, который общество платило прямо в казну. Эта перекладка, называвшаяся откупом, облегчалась тем, что в подлежащих приказах издавна велись книги съ обозначением дохода, какой получался с каждого кормления; на существование этих книг указывает одна статья Судебника 1550 г. Из откупных платежей, по мере распространения нового порядка местного управления, должен был составиться служилый бюджет: служилые люди получали из нового государственного оброка «праведные уроки», постоянные оклады денежного жалованья, соображенные с «отечеством и дородством» каждого, т.-е. с его родовитостью и служебною годностью. Вместе с тем, предпринято было «строение воинства», общая реорганизация обязательной службы служилых людей: установлена была «уложенная служба», нормальный размер военно-служебных обязанностей,

---

[1]) Думаем, что летописец поставил слово возжелеша, если только эта форма принадлежит его перу, в смысле вожделеша или возжелаша, а не возжалеша, что сделало бы его рассказ непонятным. Бояре возжелали богатств, которых ожидали от отмены кормлений, а не жалели о богатствах, которых лишала их эта отмена; в последнем случае они не стали бы и обсуждать дела о кормлениях, а оставили бы его в прежнем положении, отсрочив его обсуждение, вместо того, чтобы отсрочивать вопрос о казанском строении.

падавших на служилого человека по его землевладению вотчинному и поместному, вырабатывались правила поместного верстания, надела служилых людей поместною землей. Таким образом, административно-судебные кормы заменялись частью доходом, какой сам помещик извлекал из своего поместья, частью казенным денежным жалованьем, средства для которого казна черпала из управляемого земского населения, став здесь на место кормленщиков. Значит, со введением земского самоуправления устанавливалась, как бы сказать, новая более сложная и правильная канализация содержания служилых людей. Прежде они сами выбирали это содержание из неслужилого населения, главным образом, посредством кормлений и в меньшей мере посредством поместного землевладения, которое было развито еще довольно слабо. Теперь средства первого рода притекали к ним в виде готового денежного жалованья, через казну, которая выбирала их из земства посредством земских учреждений, а поместное землевладение, получив усиленное развитие одновременно с отменой кормлений, становилось все более господствующим источником содержания служилых людей и в этом значении занимало место прежних кормлений в устройстве этого содержания. Так было устранено финансовое затруднение, возникавшее из того, что с отменой кормлений закрывался один из главных источников военного бюджета, питавшего служилых людей. Реформа доставляла существенные выгоды обеим сторонам, и земским мирам, и кормленщикам: первых она освобождала от непосредственного гнета корыстных и часто самовольных управителей, последним давала возможность съ бо̀льшими удобствами, без затруднений и неприятностей, соединенных с кормлениями, получать в виде постоянного оклада жалованья прежний доход и даже больше того. Главное удобство нового порядка состояло в том, что размер этого дохода теперь поставлен был в зависимость не от случайной удачи в получении более или менее сытного кормления, а от условий, находившихся в распоряжении самих служилых людей. Это удобство служилые люди могли почувствовать уже при самом введении реформы.

По генеалогическому достоинству, по личным качествам, продолжительности и исправности службы, размерам вотчинного и помест-

ного владения, вообще по всей совокупности условий, которыми тогда определялась военно-служебная годность, служилые люди были распределены на разряды, с т а т ь и, с особым окладом денежного жалованья, положенным на каждую статью, и занесены по статьям в служебные книги и списки, или в «подлинные разряды», как еще называет их летописец в изложении указа 20 сентября 1555 г. о кормлениях и о службе. Так как кормления считались ж а л о в а н и е м за службу, а денежное жалование заменяло доходы от кормлений, то эти росписи служилых людей стали называться к о р м л е н н ы м и к н и г а м и и самые оклады денежного жалованья, положенные взамен кормлений, к о р м л е н н ы м и о к л а д а м и. Сохранился отрывок одной из таких книг, составленной после издания упомянутого закона 20 сентября и едва ли не бывшей прототипом тех кормленных книг, по которым впоследствии выдавали служилым людям денежное жалованье в приказах, ведавших это дело в ч е т я х Костромской, Устюжской и других [1]). Сколько можно судить по отрывку, в котором описаны всего только статьи 11—25, притом еще с пропуском статей 13-й, 14-й и начала 16-й, это—кормленная книга высшего столичного дворянства, служилых людей, служивших «по московскому списку». Отрывок изображает положение кормленщиков и земских обществ в 1555 г., т.-е. в момент перехода тех и других к новому порядку, первых—к новому устройству содержания служилых людей, вторых—к земскому самоуправлению. Кормлениями—жаловали попрежнему; но земские общества одно за другим «давались в откуп», т.-е. выпрашивали себе выборное управление, так что иные из пожалованных не успевали «наехать» на свои кормления. В отрывке отмечено до 30 обществ, городских и сельских, перешедших на откуп с 25 марта по 6 декабря 1555 г. Этот 1555 год был временем

---

[1]) Калачов: «Арх. ист.-юрид. сведений», кн. 3, II, стр. 27—80. II замечания о Гр. Курчове (л. 79), что на Рождество Христово 64 года б у д е т 2 года, как он сидит на Слободском на Вятке, видно, что книгу начали составлять еще до 25 декабря 1555 г. Но она была закончена или пополнялась в следующем году, потому что о Благовещенье и Пасхе 1556 г. говорится в ней, как о пережитых праздниках (л. 72 и 122).

перелома в ходе земской реформы: убедившись по предварительным опытам, что земство в ней нуждается, правительство решило превратить их в общую меру. Тогда была пересмотрена нормальная уставная грамота, составленная еще в 1550 г., которая была предложена на одобрение Стоглавому собору и предназначена на хранение в казне для справок. Эта грамота еще не имела в виду отмены кормлений и только вводила повсеместно в судъ кормленщиков присяжных земских ассистентов. Согласно с дальнейшею разработкой плана реформы, эти присяжные земские ассистенты по новому закону превращались в самостоятельную судебную коллегию, а кормленщикам, служилым людям, давалась новая сословная организация с более точным и уравнительным распределением между ними служебных обязанностей и служебного вознаграждения, как земельного, так и денежного. Оффициальное указание на новый закон встречаем уже в уставной грамоте, данной 15 августа 1555 г. Рыболовлей слободе в Переяславле, которая, как видно из рассматриваемого отрывка, перешла на откуп 10 июля того же года. В этой грамоте царь говорит, что он велел учинить старост излюбленных «во всех городех и волостех», разумеется, которые этого пожелают. Самый закон дошел до нас не в подлинном виде, а в изложении, помещенном в одном летописном своде и сделанном, по всей вероятности, современным летописцем [1]).

---

[1]) Такое происхождение приписываем мы приговору царя с боярами о «кормлениях и о службе», помещенному в так называемой Летописи по Никонову списку (VII, 258—262; в Летописце Нормантского уцелел только конец приговора—*Временник О. Ист. и Др. Росс.*, V, и сл.). В читаемом здесь тексте следы парафразы очевидны, но легко заметить и черты подлинного закона, сходные с уставными или откупными грамотами того времени, а в конце приговора изложены те самые постановления или правила об уложенной службе, которыми руководились при составлении Кормленной книги 1555—56 гг. для определения служебной повинности и денежного вознаграждения служилых людей и которые в этой книге называются уложением. Татищев («Судебник», § 103 и сл.) пытался исправить неисправный летописный текст приговора и вносил в него пояснительные вставки. В его изложении закон 1555 г. помечен 20 сентября. Нам неизвестно, откуда заимствована эта дата, но она оправды-

Изучая ход дела в момент перелома, произведенного законом 1555 г., как этот момент изображается в уцелевшем отрывке Кормленной книги, легко заметить некоторые неудобства системы кормлений и те выгоды нового устройства содержания служилых людей, которые побудили Боярскую Думу высказаться за отмену этой системы. Во-первых, кормления отличались чрезвычайною дробностью: рядом с многочисленными распорядительными и исполнительными судебно-административными должностями, соединенными с кормами и пошлинами, т.-е. съ окладными и неокладными доходами, встречаем кормления, которые состояли только в получении одного какого-либо мелкого налога, прямого или косвенного, и не соединены были ни с какою особою ни судебною, ни административною функцией, кроме сбора самого налога. Причиной такой дробности, очевидно, было желание дать кормовые места возможно большему числу служилых людей, нуждавшихся в корме. Тою же причиной объясняется и краткосрочность кормлений: их держали обыкновенно по одному или по два года, очень редко более двух лет и нередко менее года, иногда немногие месяцы. Сами кормленщики сокращали срок своих кормлений, иногда бросая их по своему произволу; иные даже не принимали назначенных им мест. Все это указывает на малодоходность многих кормлений. Несмотря на то, спрос на корм превышал наличность кормовых мест. Кормления не были непрерывными, кормленщик не переезжал с одного питательного места прямо на другое, кормился с перерывами. Нередко кормовое пожалование состояло только в том, что пожалованному «давали ждати» назначенного ему места, пока его не очистит предшественник, т.-е. жаловали только кандидатурой на место. Для многих такие голодные промежутки продолжались два, три, даже четыре года. С другой стороны, в отрывке находим много указаний на отношение доходов от кормлений к новым окла-

---

вается ходом дела: именно с сентября 1555 г. и по отрывку Кормленной книги заметно учащаются переходы земских обществ на откуп. Можно подумать, что 20 сентября приговорено было обнародовать закон, решенный ранее.

дам денежного жалованья, назначенным по закону 1555 г. Служилому человеку давали оклад денежного жалованья «на его голову», смотря по статье, в которую его записывали по его служебной годности, потом жалованье на «уложенных людей с земли», сколько их причиталось по штату с числившейся за ним вотчинной и поместной земли, наконец, добавочные деньги за «передаточных», сверхштатных вооруженных людей, которых он выводил с собой в поход, по рассчету в 2½ раза больше против штатных. В отрывке нередко указывается, сколько получал служилый человек с кормления и сколько пришлось ему получать «по новому окладу» в силу закона 20 сентября 1555 г.; из этих сопоставлений можно видеть, что служилый человек при новом порядке обыкновенно получал не меньше прежнего и мог получить значительно больше, если умел и хотел. Этот порядок прямо рассчитан был на исправность, сообразительность и энергию служилых людей. Притом, не надобно забывать, что прежний доход от кормлений был прерывистый, а при новом порядке высшее столичное дворянство, состоявшее на постоянной службе, вместе с лучшими провинциальными дворянами, способными к ежегодной мобилизации, получали денежное жалованье ежегодно по кормленной книге «из чети», как тогда говорили, т.-е. из подлежащего приказа в Москве, в отличие от рядового провинциального дворянства, от городовых детей боярских, которых мобилизовали не каждый год и которые получали денежное жалованье «с городом», т.-е. только перед мобилизацией.

Отмена кормлений сопровождалась важными и разнообразными следствиями для обеих сторон, которые она различала, как для служилого класса, так и для тяглого земского мира. В этих следствиях мы отметим только то, что имеет ближайшее отношение к вопросу о происхождении земских соборов. Прежде всего завершилось устройство сословного управления обеих сторон, и в этом завершенном устройстве со строгою последовательностью проведено было то начало, которое легло в основание соборного представительства XVI в., начало ответственности перед государством. Высшее столичное дворянство сомкнулось в цельный гвардейский

корпус, пополняясь постоянно лучшими служаками, набираемыми из провинциальных дворян. Разбирая состав собора 1566 г., мы видели, что члены этого корпуса не теряли служебной связи с местным дворянством тех уездов, откуда они набирались или где владели землей. Образуя офицерские кадры, столичные дворяне назначались предводителями походных отрядов, составлявшихся из их провинциальных земляков. В свою очередь и провинциальное дворянство сомкнулось в местные уездные общества, связанные землевладельческим и строевым соседством. Каждое такое общество, г о р о д, как оно тогда называлось, выбирало из своей среды присяжных о к л а д ч и к о в, коллегия которых обязана была знать как семейное и хозяйственное положение, так и боевую готовность всех служилых людей уезда и по ответственным показаниям которых присылавшиеся из столицы военные инспекторы, р а з б о р щ и к и, верстали служилых людей уезда поместными и денежными окладами, по этим окладам распределяли их на с т а т ь и или разряды, по этим статьям раскладывали между ними тягости службы, вообще устанавливали хозяйственный и военно-служебный строй уездного дворянского общества. Так как служилые люди уезда, в случае внешнего нападения на их уездный город, составляли его ближайший гарнизон, то они «всем городом», в полном составе своего общества, выбирали из своей среды городового приказчика, который ведал уездный город в качестве его коменданта и полицеймейстера и вел текущие дела всего уездного дворянского общества в качестве постоянного местного его предводителя, как столичный дворянин-земляк, часто бывал его временным походным предводителем. Выбор окладчиков и городового приказчика скреплялся порукой избирателей за избранных. Служебное поручительство развилось в сложную систему: это указывает на важное значение, какое придавали ему в местном сословном устройстве. Выбрав окладчиков, дворянское общество должно было дать правительству в ы б о р (выборный протокол) з а с в о и м и р у к а м и, т.-е. взять на себя ответственность за качество выбора; то же было и при избрании городового приказчика. Все члены уездного дворянского общества и между собою были связаны цепью поручительства, имевшего разные виды.

При верстании поместными и денежными окладами, при раздаче денежного жалованья каждый член общества должен был представить поруку в том, «что ему государева служба служити, на срок на службу приезжати и до роспуску с службы не съезжати». Обычными общими поручителями были те же окладчики, по должности обязанные знать степень служебной благонадежности своих избирателей; впрочем, у каждого могли быть и свои частные поручители из рядовых дворян того же уезда. Кому окладчики «не доверивались в службе и деньгах», тот обязан был представить поручную запись от особого поручителя. В сомнительных случаях, когда окладчики не давали разборщику надежного ответа, «в спорных статьях допрашивали и всего города»; тогда, как и при выборе должностных лиц, все общество принимало на себя ответственность за свое решение. Так устанавливалась своего рода круговая порука уездного дворянского общества. В разнообразии видов поруки, в строгости, с какою правительство ее требовало, выразилась настойчивость, с какою правительство проводило в местном сословном управлении начало государственной ответственности. Такая ответственность по взысканию власти за исполнение военно-служебных обязанностей служилыми людьми заменила собой прежнюю гражданскую, которой подлежали служилые кормленщики по жалобам обиженных.

То же начало настойчиво и последовательно проводилось во всех отраслях управления, сколько это было возможно. Известно, с какою строгостью требовалась общественная порука в губном и земском управлении, как обеспечение личной ответственности выборных властей. Выбрав старосту, целовальников и дьяка, мир должен был протокол выбора, излюбленный список с именами избранных и за руками избирателей прислать в подлежащий московский приказ: здесь этот излюбленный список был нужен, чтобы знать, с кого взыскать в случае, если избранные своими действиями не оправдают ни доверия избирателей, ни ожиданий правительства; сами выборные за недобросовестное или небрежное исполнение своих обязанностей подвергались смертной казни, а их имущество шло на вознаграждение лиц, потерпевших от их неправильных действий, а также тех, кто уличал их в таких действиях.

Такие угрозы закона и общественные заручки объясняют слова царя Иоанна, когда он говорил на церковном соборе 1551. года, что, исправив Судебник и предприняв улучшение судопроизводства и управления, он «великие заповеди написал», тяжкие взыскания положил за нарушение закона, «чтобы то было прямо и бережно и суд бы был праведен».

Еще явственнее выражалось проводимое правительством начало в особом ведомстве, которое стало складываться также со времени Грозного. Издавна таможенные пошлины и другие доходные казенные статьи отдавались на откуп или в кормление. В то время, как правительство стало думать о развитии земских учреждений, начали пробовать новый способ эксплуатации этих финансовых источников, посредством верного управления, в чаянии, что этот способ окажется для казны прибыльнее прежнего. Мысль опытов была та, чтобы таможенных пошлин не отдавать на откуп частным предпринимателям, которые, разумеется, платили в казну только часть валового сбора с откупных статей, а выбирать эти доходы целиком, прямо в казну, посредством даровых и ответственных агентов, которых обязано было ставить земство, которым правительство поручало это дело на веру, под присягой и, разумеется, под ручательством ставившего их земского общества. В значительных торговых пунктах руководителями этого дела назначались с званием верных голов надежные люди из московского купечества, которым давали несколько присяжных помощников, целовальников, выбранных из местного торгового класса. Так, в 1551 г. таможенные сооры в г. Белозерске отданы были на веру двум москвичам и двадцати белозерцам на год. Точно также в 1571 г. указано было в Новгороде на Торговой стороне собирать таможенные пошлины на веру московским и новгородским гостям и купцам, которых новгородские наместники с дьяком «в головы поставят», и целовальникам, которых они «выберут», т.-е. предпишут выбрать новгородскому торговому обществу. Так завязалась новая земская повинность, с течением времени развившаяся в целую сеть верных учреждений и падавшая тяжелым и ответственным бременем на многие земские общества. Новгородская таможенная грамота предостерегает верных голов и целовальников, что если они

не будут исполнять ее предписаний, то государь накажет их опалой и пеней, а недобор перед прежними годами велит взыскать с них вдвое. Характер и цель верных учреждений открываются из того способа, как правительство пользовалось обоими порядками эксплуатации доходных казенных статей, откупным и верным, и как переходило от одного порядка к другому. По местам оно пыталось самому откупу придать характер принудительной повинности. В 1554 г. сдана была одной компании весовая пошлина в Великом Новгороде на год. Но тогда же правительство запретило вывоз сала и воска за границу, вследствие чего откупщики не выбрали откупной суммы и по тогдашнему суровому порядку взыскания долгов и казенных недоимок принуждены были стоять на п р а в е ж е, т.-е. подвергнуться участи неисправных плательщиков, которых пристава били прутьями по разутым ногам перед присутственным местом, приговорившим их к уплате или взыскивавшим с них недоимку. Откупщики били челом правительству пожаловать их, снять с них откуп по прошествии откупного срока, но просьбы их не уважили, продолжили откуп и на 1555 год; только по прошествии второго откупного срока, в силу повторенного ходатайства, откупщиков отставили и предписали новгородским дьякам выбрать из местного общества людей, которые бы собирали пошлину прямо на царя, т.-е. в е р н ы м порядком, но с обязательством собрать не менее той суммы, за какую пошлина была отдана на откуп в 1554 году, именно 233 р. 39 к. (не менее 14,000 р. на наши деньги), хотя откупной недобор того года равнялся целой трети этой суммы, именно 77 руб. 39 коп.; если же новые сборщики соберут больше того, то, как гласила царская грамота, «яз их за то пожалую». Здесь казна перешла от откупа к вере, как скоро откупной опыт указал ей на безобидную для нее норму сбора, какой можно было требовать от верных сборщиков и на которую едва ли можно было найти откупщиков-охотников. В других случаях казна поступала наоборот, пользовалась верною системой для определения нормальной откупной суммы. Таможенные пошлины в г. Орешке на 1563 г. отданы были на веру и верные целовальники собрали 87 руб. 90 коп. (не менее 5,000 руб.). На следующий год казна отдала сборы откупщикам с наддачей 42% на собранную верными сборщиками

сумму, за 125 р. [1]). Чтобы прибыльно устроить систему верных доходов по всем значительным торгово-промышленным пунктам в государстве, казне необходимо было иметь под руками достаточно надежный и многочисленный корпус ответственных агентов по неокладным сборам, своего рода финансовый штаб, подобный военно-административному, какой составлен был из столичного дворянства. Заслуживает внимания то обстоятельство, что оба штаба формировались почти одновременно и комплектовались одинаковым способом, посредством набора годных сил в столицу по провинциям. Лучшие торговые люди областных городов, оставаясь на своих местах, зачислялись в штат высшего московского купечества или же прямо сводились из своих городов в Москву. Так, новгородский летописец рассказывает, что в 1571 г. одновременно свели из Новгорода в Москву 100 семейств лучших купцов гостей. Еще раньше переведена была в Москву партия солидных купцов из Смоленска: эти-то «сведенцы смольняне, паны московские», как их величали в знак важного значения, полученного ими в московской торговой иерархии, положили основание тому классу московского купечества, который в акте земского собора 1566 г. назван смольнянами, а ко времени собора 1598 г. превратился в суконную сотню, как бы сказать, вторую купеческую гильдию, и от которого, по всей вероятности, пошло название Смоленского Суконного ряда в московском Китае-городе [2]). На это московское купечество казна и возлагала важнейшие финансовые поручения, требовавшие торгово-промышленной опытности и ловкости и составлявшие настоящую, очень тяжелую и ответственную службу. Высшие его разряды и причислялись к служилым, пользовались известными привилегиями, даже некоторыми правами военно-служилых людей, например, правом вотчин-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., I, №№ 230 и 282. Доп. к А. И., I, №№ 95 и 116.

[2]) Акты Арх. Эксп., I, № 223. В этой грамоте 1549 г. одним из торговых сведенцов смольнян, панов московских, назван Тиша Смывалов, а этот Тимофей Смывалов присутствовал на соборе 1566 г. в числе кущов смольнян, чем еще более подтверждается высказанная в первой статье настоящего опыта мысль, что смольняне соборного акта 1566 г. были представители не г. Смоленска, а столичного московского купечества.

ного землевладения, получали поместья и могли переходить на приказную службу, бывали дьяками.

Указанные реформы совершенно преобразили как местное управление, так и самый состав местного общества. Прежде служилые люди, как правительственный класс, противуполагались людям земским; теперь провинциальная масса служилых людей вошла в состав земства, сомкнувшись в уездные корпорации, сама становилась земским классом, имея по землевладению и управлению много общих дел с другими классами. Прежде правительство вело местное управление посредством своих собственных органов, но должности, им поручавшиеся, как кормления, эксплуатировались ими в свою пользу, служили частному интересу кормленщиков. Теперь взамен кормлений или рядом с их остатками в местном управлении возникло множество таких дел, назначением которых было служить государственному интересу, но которые поручались не специальным агентам правительства, а людям из управляемого общества по его выбору и поручались, разумеется, не как награда за службу, подобно кормлениям, а как служебная повинность. И задачи управления, и независимое от правительства происхождение его новых органов требовали строгой отчетности, которой не ведали кормленщики, знавшие только гражданскую ответственность по искам отдельных лиц или обществ, которыми они управляли. С проведением частной и общественной поруки в отношения получивших самоуправление местных служилых и тяглых миров к правительству, подо все областное устройство подведено было новое основание, которым послужила государственная ответственность перед центральною властью, контролирующею действия своих органов. Это основание, развившись в сложную и суровую систему взысканий за опущения по службе, стало самою напряженною пружиной в механизме местного управления. Как только началась закладка этого основания, возникла потребность провести его и в центральное управление. Этим основанием указан был состав соборного представительства XVI в., а этим составом определилось политическое значение тогдашних земских соборов.

Представительными элементами в составе земских соборов нельзя считать ни церковного Освященного Собора, ни Боярской Думы,

ни начальников и дьяков московских приказов: это было само правительство, а не представительство управляемого общества перед правительством. Такими элементами можно признать городовых воевод и приказчиков, походных предводителей уездных дворянских отрядов, выборных депутатов уездного дворянства, впервые заметных на соборе 1598 г., и людей из московского купечества. Можно заметить отношение такого состава соборного представительства XVI в. к тому устройству, какое дано было местному управлению во второй половине этого века. В этом отношении р. Ока своим изогнутым средним и нижним течением делила государство на две полосы, северную внутреннюю и южную украйную. Сословное самоуправление, служилое и земское, привилось в первой полосе, где было плотное землевладельческое, земледельческое и торгово-промышленное население, сидевшее на давно насиженных местах. Здесь местными обществами руководили выборные власти, дворянские городовые приказчики, земские излюбленные судьи или старосты и избираемые всеми сословиями губные старосты. За Окой простиралась тогдашняя южная украйна государства с волжским Понизовьем, где шла усиленная земледельческая и военная колонизация и одна за другой вытягивались цепи оборонительных укреплений. В городах, наполняемых военным людом и скудных торгово-промышленным населением, в уездах с крестьянством, еще не обсидевшимся на помещичьих землях, не было удобной почвы для земского самоуправления. Сколько известно по памятникам распространение земских учреждений в XVI веке, из всех городов по Оке только три имели их в полном составе, именно Коломна, Касимов и Муром, а Арзамас был единственным таким городом южнее Оки. В этой боевой полосе все местное управление сосредоточивалось в руках воевод, военных губернаторов, которым были подчинены и выборные дворянские власти. Само тамошнее дворянство, в большинстве пришлое, набиравшееся из разных классов общества, за исключением немногих уездов, имело в своей среде мало значительных людей, которые могли бы править и командовать им в походах. Читая уездные списки заокских служилых людей XVI и начала XVII в., чем дальше от Оки, тем реже встречаешь родословное имя. Потому правительство принуждено было

посылать туда городовыми воеводами и отрядными головами столичных дворян, не имевших корпоративной, землевладельческой связи с дворянскими обществами того края.

Таким образом, местный социально-административный материал, которым могло располагать правительство для устройства ответственного местного управления, был распределен очень неравномерно: во внутренних округах, городах подмосковных и «замосковных», как тогда говорили, было достаточно служилых и земских людей, которые могли стать надежными ответственными агентами местного военного и финансового управления, а в городах заокских, где тех и других требовалось не менее, чем по северную сторону Оки, а первых даже гораздо более, таких агентов было очень мало. Правительство начало собирать эти наличные местные силы и, не порывая их связей с местными обществами, взяло их в свое непосредственное распоряжение, придало им общеземское значение, образовав из них, так сказать, два генеральные штаба, военно-административный и финансовый: так поступило оно в 1550 году, зачислив лучших служак из уездных дворян в столичный дворянский корпус; с тою же целью стягивало оно в столичные гильдии провинциальных капиталистов-гостей. Так нажимом государственных нужд выдавливались из местных миров наиболее крепкие элементы, способные выдержать требования правительства, которое распределяло их по местам, сообразуясь с местными нуждами и тем восстановляя равномерность в распределении общественных сил. В текущих делах местного управления государственный интерес обеспечивался личною ответственностью каждого такого агента, скрепленного, где это было можно, порукой избравшего его общества. Но возникали дела чрезвычайные и касавшиеся всего государства, в которых правительству нужно было обеспечить себе дружное и усиленное содействие всех местных обществ. Держась принятого начала государственной ответственности, скрепленной порукою, и пользуясь силами, какие были налицо, правительство в таких делах могло обратиться только к тем же агентам, которые могли, поручившись за исполнимость соборного приговора, принять на себя и провести в местные общества ответственное его исполнение; призыв таких исполнителей на общее совещание

был мерой простого административного удобства, не возбуждавшею никаких политических пререканий, не затрагивавшею ни установившихся отношений верховной власти к подданным, ни вообще каких-либо основ государственного порядка. Таково было, по нашему мнению, происхождение соборного представительства XVI века: оно само собою выросло из начала государственной ответственности, положенного в основание сложного здания местного управления и слагавшегося из личной ответственности местного правителя и из ответственности ручавшегося за него местного общества. Земский собор того века был завершением этого здания, начинавшегося сельскою волостью, и, по своему представительному составу, служил высшею формой поруки в управлении; только в местном управлении обыкновенно мир ручался за своего мирского управителя, а на земском соборе управитель ручался за свой мир.

Такой поворот поруки против поручителей понятен, когда идет от лица, за которое ручались, которое поручники уполномочили обращать на них свои обязательства. Но каким образом могло ручаться за мир лицо, за которое мир не ручался, которое наслано миру правительством, например, городовой воевода? Чтобы понять это, надобно войти в понятия древней Руси и припомнить значение представительства и поруки в частных юридических ее отношениях. По этим понятиям лица, состоявшие в юридической связи, вольной или невольной, о б я з а н ы были представлять друг друга в суде, когда не могли искать или отвечать лично. Так обязаны были представлять в суде родственники друг друга, выборные общественные власти своих избирателей, крестьяне своих господ. Точно также существовала и обязательная порука: обязательно было в случае надобности ручаться за лицо, с которым поручитель волей или неволей находился в какой-либо юридической связи, и подлежащая власть могла даже требовать этой поруки. Землевладелец сажал пришлого крестьянина на пустой участок в своем селе: соседи обязаны были по требованию землевладельца поручиться за пришельца в исполнении им принятых на себя поземельных обязательств, если не могли прямыми, положительными д о в о д а м и оправдать своего отказа; дать такой отказ значило бы самому разорвать с обществом. Такие понятия из частной

жизни целиком переносились в круг государственных отношений. Ставя д а т о ч н о г о, рекрута, сельское общество по требованию наборщика обязано было поручиться, что новобранец будет служить государю и с государевой службы не сбежит. Дворянские выборные окладчики не могли отказать в поруке своим избирателям, если не могли ничего сказать против кого-либо из них в оправдание своего отказа. Такой взгляд на поруку распространялся и на отношения управляемых к управителю, не только выборному, но и назначенному. Уездное дворянство выбирало городового приказчика и обязано было поручиться за него; полковой воевода назначал командира, сотенного голову тому же дворянству, и оно его принимало,—предполагалось, что оно этим самым молчаливо обязывалось ручаться за него, когда это понадобится: *прием* назначенного равнялся в ы б о р у излюбленного. Иногда правительство само назначало на выборную должность, опасаясь неудобного выбора, и все-таки требовало от общества поруки за назначенного, как за выборного. Так, оно предписывало дворянскому обществу выбрать губным старостой лучшего человека из своей среды, записанного в одну из первых «статей» уездного служилого списка, в противном случае приказывало воеводе самому назначить старосту и взыскать выборную запись по нем «за руками» с тех, кто должен был выбирать старосту. Мы ничего не поймем в древнерусском земском соборе, если выпустим из вида эти древне-русские понятия о представительстве и поруке. Теперь они могут показаться недоразумениями древней политической мысли; тогда они были следствием тяжкой необходимости напрягать на служение государству все наличные силы народа, материальные и нравственные.

По происхождению и составу соборного представительства можно догадываться о тех политических целях или побуждениях, которые заставляли московское правительство созывать соборы именно в таком составе.

Наука государственного права различает несколько видов представительства по различию политических потребностей, которым оно удовлетворяет, и по уровню политического развития, при каком возникает тот или другой вид его. Одним из этих видов признается

народное представительство, назначение которого состоит в обеспечении прав и интересов всего народа, всех граждан, даже тех, которые не избирают представителей, не имеют голоса на выборах. Другим видом является представительство сословное, которым ограждаются права и интересы не всего народа, как их понимает представитель, а одного или нескольких сословий, пользующихся властью, как и в каких пределах уполномочен представитель ограждать права и интересы своего сословия. У обоих этих видов представительства общее то, что собрание и народных, и сословных представителей является участником верховной власти, самостоятельною силой в государственном управлении, облечено законодательным авторитетом. Третий вид представляют совещательные собрания, созываемые не в силу закона, а по усмотрению правительства, и действующие, как его вспомогательное орудие, в пределах, им указанных, всегда неточно обозначенных и обыкновенно очень тесных. Но сходные по политическому весу, совещательные собрания разнятся по политическому употреблению, какое делает из них правительство, и по приноровленной к тому организации. Так, правительство, еще не успевшее запастись достаточными орудиями для изучения состояния народа, может обратиться к совещательному собранию, чтобы узнать народные силы и средства, какими оно может располагать для известного предприятия. В этом случае представительное собрание является заменой статистического бюро при министерстве внутренних дел и всего успешнее исполнит свое назначение, если составится не из лиц, пользующихся наибольшим доверием общества, а из сведущих людей, по своему положению имеющих наиболее возможности наблюдать и узнать состояние общества. Но и правительству, располагающему достаточными статистическими сведениями, может понадобиться совещательное собрание, если оно хочет действовать не только сообразно со средствами народа, но и согласно с его желаниями. В таком случае представительство заменяет периодическую печать и тем скорее достигает своей цели, чем большим доверием избирателей пользуются представители, чем более разделяют они нужды и желания народа и чем полнее, следовательно, могут выразить его мнения и настроение. Такое представительство имеет преимущественно

нравственное значение, поддерживая взаимное доверие между обществом и правительством и их обоюдное расположение к дружному действию.

Земские соборы древней Руси обыкновенно причисляют к последнему из этих трех видов представительства, видя в них чаще прибор для статистических справок правительства о народе, реже—средство взаимного нравственного сближения обоих. Наиболее крупные и видные черты деятельности соборов оправдывают такую классификацию: они не были постоянным учреждением, не имели ни обязательного для власти авторитета, ни определенной законом законодательной компетенции, и потому не обеспечивали прав и интересов ни всего народа, ни отдельных его классов и т. п. Если, забывая общее направление деятельности земских соборов, всмотреться в перечень членов тех из них, которые были созваны в 1566 и 1598 гг., в их составе заметим очень своеобразные черты. В самом деле, что это за представительное собрание, в котором представителями народа являются все должностные, служащие лица? Ведь, каждый из бывших на соборе 1566 г. дворян всех статей потому и попал на него, что был исполнителем каких-либо военно-административных поручений, редко по выбору дворянского уездного общества, к которому он принадлежал, чаще по назначению правительства, командовал сотней своего уезда, был городовым воеводой или приказчиком и т. п. Каждому из гостей и купцов столицы, подававших мнения на соборе, уже приходилось исполнять по очереди казенные поручения правительства и предстояло опять исполнять их, когда приходила очередь. Это были не столько представители народа, земских миров, сколько агенты военных и финансовых учреждений, т.-е. представители самого правительства. Источником полномочий соборного представителя служило гораздо более это оффициальное, должностное его положение в местном обществе, чем выбор последнего. Очевидно, здесь мы встречаемся с таким своеобычным порядком представительства, при котором правительственное назначение и общественный выбор теряли то острое различие, какое обыкновенно им придается. Такое безразличие двух обыкновенно противодействующих источников полномочий объясняется свойством тех правительственных поручений, которые

по выбору общества или по назначению правительства возлагались на земских людей и исполнители которых были призываемы на соборы. Эти поручения, как мы видели, были соединены не только с личною, но часто и с мирскою ответственностью, что сообщало земскому самоуправлению совершенно особый характер. Если предоставленный земству в XVI в. выбор на должности по местному управлению и можно назвать правом, то это было право очень колючее, обоюдоострое: оно больше обязывало и пугало ответственностью, чем уполномочивало и соблазняло властью. Вот почему далеко не все земские миры воспользовались отданным на их волю самоуправлением: неудобства, какие приносил с собою правитель, назначенный правительством, уравновешивались риском ответственного выборного управления.

Тесная органическая связь соборного представительства с местным управлением, построенным на личной ответственности и мирской поруке, дает понять, для чего понадобилось оно правительству. Земский соборный представитель и помимо собора был ответственным дельцом местного управления. Самая важная для правительства особенность такого дельца заключалась в том, что его правительственная деятельность в своих отправлениях была гарантирована личною ответственностью и общественным поручительством. Соборное представительство входило в число этих отправлений; следовательно, и соборный приговор, был ли он внушен земскими представителями правительству или, наоборот, должен был закрепляться таким же обеспечением, а так как на соборе старались соединить, по возможности, все облеченное властью, все руководившее в разных отраслях местного управления и в таком значении признанное самим обществом, то и ответственность за исполнение соборного приговора, принятая представителем, распространялась прямо или косвенно и на руководимые представителями местные миры. Значит, общественная порука служила на соборе таким же приводным ремнем, передававшим соборное обязательство представителей их мирам, каким в современном народном представительстве служат выборы, посредством которых народная воля передается избранным, т.-е. избиратели заранее обязуются подчиняться закону, принятому депутатами. Пови-

димому, собор с своими членами из гарантированных земством или гарантировавших волю земства местных управителей только извилистым путем достигал того же, к чему прямее ведут выборы специальных депутатов в народном представительстве. Однако, есть разница, происходящая от неодинакового способа передачи представительных полномочий, и эта разница такова, что в ней можно видеть существенное отличие древне-русского земского собора не только от законодательного, но и от совещательного собрания описанных выше видов: в последних существенный момент, выражающий самую цель представительства, состоит в передаче воли или мнения общества представителям посредством выборов, а в первом, наоборот, таким моментом служила передача соборного обязательства представителей обществу посредством общественной поруки. Получив от народного собрания согласие народа на известную меру или только приняв во внимание его мнение, правительство действует уже своими собственными средствами; на земском соборе правительство только для того и спрашивало о мнении представителей, чтобы заручиться средствами исполнения, потому что члены собора именно и были главными исполнителями соборного приговора. Земский собор XVI в. тем существенно и отличался от народного собрания, как законодательного, так и совещательного, что на нем правительство имело дело не с народными представителями в точном смысле слова, а с своими собственными орудиями, и искало не полномочия или совета, как поступить, а выражения готовности собрания поступить так или иначе: собор восполнял ему недостаток рук, а не воли или мысли. Собор XVI в. был, конечно, совещательным, но не был вполне народным представительным собранием: это был, повторим еще раз, не столько законодательный совет власти с народом, сколько административно-распорядительный уговор правительства со своими органами,—уговор, главною целью которого было обеспечить правительству точное и повсеместное исполнение принятого решения, и такой характер соответствовал его происхождению: он родился не из политической борьбы, а из административной нужды. Поэтому и главною частью соборного протокола можно признать сопровождавшие его рукоприкладства, которыми члены собора подтверждали, что они «на своих речех госу-

дарю крест целовали», как выразился летописец о соборе 1566 года: этими подписями, сделанными собственноручно или за неграмотностью по доверенности и приложенными к соборному акту в подлинном виде, либо в систематическом перечне дьяка, закреплялись и существенный момент соборного представительства, и его связь с местным управлением. Как дворяне Коломенского уезда, выбрав из своей среды городового приказчика для города Коломны, подавали о нем правительству «выбор за своими руками», ручаясь за благонадежность выбранного, так и столичный дворянин первой статьи А. Ф. Щепотев, лучший человек и походный предводитель, сотенный голова того же коломенского дворянства, в этом качестве явившись на собор 1566 г., своею подписью под соборным приговором ручался за себя и за предводимое им общество в том, что они готовы понести тягости, какие падут на них в силу этого приговора. Потому в составе соборов XVI в. мало заметен выборный элемент, если только он присутствовал. Первое прямое указание на его присутствие встречаем уже в XVII в. Один живший в России иностранец, рассказав в письме 1605 г. о гибели сына царя Бориса, говорит далее, что по распоряжению первого самозванца были созваны выборные от народа для засвидетельствования этого печального события и имена выборных были внесены в списки на тот конец, чтобы в случае нужды они могли удостоверить, если бы кто стал выдавать себя за молодого царевича, что они видели его мертвым собственными глазами [1]). У такого состава собора была и своя особая цель: представительство по должностному положению рассчитано было на то, чтобы призвать на собор наличных ответственных исполнителей соборного приговора; призыв выборных имел целью заставить само общество указать новых таких исполнителей, когда в них нуждалось правительство. Но при различии целей основа представительства оставалась одна и та же: это порука представителей перед правительством в исполнении того, на чем они дали ему свои руки.

---

[1]) Русск. Истор. Библиотека, III, стр. 278; VIII, стр. 47.

ПОПРАВКА. В конце статьи о составе представительства на земских соборах древней Руси, об'ясняя, почему в составе соборов XVI века мало заметен выборный элемент, если только он присутствовал, я прибавил, что первое прямое указание на его присутствие встречаем уже в XVII в. Именно один живший в России иностранец, рассказав в письме 1605 г. о гибели сына царя Бориса, говорит далее, что, по распоряжению первого самозванца, «были созваны выборные от народа для засвидетельствования этого печального события и имена выборных были внесены в списки на тот конец, чтобы, в случае нужды, они могли удостоверить, если бы кто стал выдавать себя за молодого царевича, что они видели его мертвого собственными глазами». Так гласит русский перевод итальянского письма неизвестного по имени иностранца, напечатанный в издаваемой археографическою комиссией Русской Исторической Библиотеке (т. 8, стр. 74). Но по справке с подлинником перевод оказался не вполне верным. О составе созванного тогда собрания подлинник говорит: tutti li principali del popolo si sono chiamati etc. По указанию знающих итальянский язык, это выражение можно понимать в том смысле, что были созваны все власти или старейшины, вообще лучшие, выдающиеся люди народа. Значит, в этих li principali del popolo скорее можно видеть представителей, призванных на собор по должностному положению или общественному значению, чем по специальному ad hoc мирскому выбору, и в таком случае это собрание как по составу, так и по цели созыва было совершенно похоже на земские соборы XVI в.: властные или влиятельные люди были призваны, чтобы обязаться засвидетельствовать, когда это понадобится, факт, который они видели собственными глазами. Во всяком случае, в приведенном свидетельстве нельзя видеть прямого указания на выборный состав собора 1605 г. После этого первым таким указанием остается известное свидетель-

ство капитана Маржерета о другом соборе того же года, созванном неделями тремя позднее, на суд которого самозванец отдал кн. В. Шуйского, обвинявшегося в распространении слухов об его самозванстве. Капитан Маржерет, служивший тогда в Москве, в иноземной гвардии самозванца, пишет, что кн. Шуйский fut accusé et convaincu en présence de personnes choisies de tous estats (по изданию 1669 г., стр. 127). Это известие слишком лаконично, чтобы дать ясное представление о составе судившего кн. Шуйского собора, но бесспорно говорит о присутствии выборных на этом соборе: лица, выбранные из всех чинов или сословий, едва ли могут значить что-нибудь другое.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

(Приготовлены к печати А. А. Кизеветтером).

Дополнительные заметки к трем последним статьям, вошедшим в состав настоящего сборника, помещены здесь в виде приложений в виду того, что они представляют большой интерес как по существу затронутых в них вопросов, так и для освещения хода научной работы В. О. Ключевского. Большинство этих заметок содержат в себе либо варианты, либо дальнейшее развитие отдельных мест первоначального печатного текста статей, преимущественно тех мест, которые посвящены анализу различных разновидностей несвободных состояний в древней Руси в их последовательном развитии и взаимоотношении. Сопоставление этих вариантов и дополнений с соответствующими местами первоначального текста статей дает любопытный материал для изучения процесса научного творчества Ключевского для обрисовки той настойчивой и необычайно-тонкой аналитической работы, которая непрерывно велась им по исследованию юридических институтов нашей древности.

Другая категория заметок представляет собою цитаты и ссылки на документы. И здесь внимательный читатель найдет важные указания, освещающие исследовательские приемы Ключевского. Особенно любопытны указания на документальную основу некоторых эффектных заключений покойного историка, которые ранее почитались чисто априорными его домыслами. В этом отношении обращаем внимание читателей, напр., на те цитаты, которыми автор подкрепляет свое известное толкование термина «смольняне» въ статье о «Составе представительства на земских соборах древней Руси».

Особый характер носит заключительная приписка В. О. Ключевского к статье о представительстве на земских соборах. Эта приписка приподнимает завесу над теми интимными переживаниями, которые испытывал знаменитый историк, вдумываясь в наше историческое прошлое, и которые он с истинным целомудрием об'ективного ученого не считал возможным вносить в текст своих научных трудов. В этой короткой, но столь характерной для Ключевского заметке не слышится ли автобиографический намек на ту суровую самодисциплину, при помощи которой он во имя научного ,об'ективизма побеждал в себе безотчетное желание перенести в родную старину собственные политические идеалы и симпатии?

Кроме дополнительных заметок автора к

отдельным статьям настоящего сборника в приложениях печатается еще нашедшийся въ бумагах В. О. Ключевского довольно большой подбор всякого рода выписок, цитат и заметок, относящихся до занятий В. О. Ключевского историей крепостного права. (Приложение IV).— Это как бы отрывок из черновой, рабочей тетради автора. Есть полное основание предполагать, что дальнейшая разборка бумаг покойного историка даст ряд еще и других находок того же рода, которые со временем также могут быть опубликованы. Печатаемое теперь извлечение из черновых бумаг В. О. Ключевского представляет интерес с той точки зрения, что оно вводит нас, хотя отчасти, в лабораторию историка. Цитаты и ссылки, собранные в этих записях, освещают до некоторой степени то, как вел В. О. Ключевский подбор материалов для определенной темы. Большинство этих ссылок будет ясно для всех читателей. Лишь в немногих случаях мы сочли необходимым в примечаниях раскрыть слишком сокращенно сделанные ссылки. Цитаты и ссылки местами перемежаются небольшими рассуждениями, в которых автор либо полемизирует с представителями противоположных воззрений, либо излагает собственные соображения по затрогиваемым им вопросам. Заметки полемические интересны в особенности потому, что в своих печатных произведениях В. О. Ключевский за самыми немногими исключениями совер-

щенно воздерживался от полемики. Заметки второго рода имеют большое значение, так как в них высказаны интересные и оригинальные соображения по различным специальным вопросам из истории возникновения крепостного права; такова, напр., заметка о значении «крестьянской старины».

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Пометы, вставки и цитаты в тексте авторского экземпляра статьи: «Происхождение крепостного права в России».

Стр. 215 (186)*, строки 9—13 (31—34). *Помета.*

Личная крепость.

..... В другом месте автор утверждает, что проводимый в Уложении взгляд на поземельную крепость основан на мысли, впрочем, не выраженной прямо и положительно: «крестьянин принадлежит землевладельцу».

Стр. 219 (190), строки 25—28 (23—26). *Вариант.*

..... Эта попытка выразилась в законе 15 февраля 1827 г., предписывавшем, чтобы у помещика вообще в пользовании крестьян, поселенных на его земле, находилось не менее $4^1/_2$ десятин земли на душу;

Стр. 225 (195), строки 6—11 (8—12). *Помета.*

Плен.

... Не говоря о политическом способе обращения в рабство по судебному приговору за известное преступление, можно сказать, что Русская Правда знает только два гражданских источника холопства: продажу и безусловное вступление в личное услужение (по тиунству и по ключу «без ряду»).

Стр. 225 (195), строки 19—24 (19—23). *Помета.*

Без выкупа.

..... Личная зависимость закупа создавалась заемным обязательством, которое состояло в обязательной работе закупа на хозяина заимодавца до уплаты долга. Перечисляя источники холопства, Русская Правда прямо говорит, что они установляют холопство обельное, т.-е. полное...

---

*) В скобках цифры страниц и строк настоящего издания.

Стр. 231 (200), строка 32 (32—33). *Вставка.*

..... однако положение осиротелой семьи холопа по смерти заимодавца, повидимому, в кабалах не определялось;

Стр. 237 (266), строки 30—34 (3—6). *Помета.*

..... вследствие преждевременной смерти отца дети докладного холопа по праву не могли получить свободы и, как потомки купленного холопа, попадали в вечную неволю, из которой могла их вывести только милость господина.

Некому вывести из неволи.

Стр. 239 (207), строка 6 (7—9). *Вставка.*

..... В 1560 г. казначеи, докладывая царю о том, что господа ищут по служилым кабалам денег или службы за рост, но холопам нечем платить заемных.....

Стр. 239 (207), строка 17 (15—18). *Вставка.*

.... Царь указал несостоятельных кабальных выдавать до искупа, запретив им продаваться в полные и докладные, т. е. указал оставлять их в кабальном холопстве до расплаты или отработки, не переводя въ более тяжелую неволю.

Стр. 239 (207), строка 27 (24—26). *Вариант.*

..... закон дозволял кредитору продать жену и детей выданного головой должника навсегда или на известное число лет.....

Стр. 240 (208), строки 20—31 (14—23). *Вставка и пометы.*

.... Закон не предписывал, чтобы кабальная служба всегда непременно продолжалась только до господской смерти; он только давал норму для разрешения спорных случаев и запрещал продажу и заклад кабальных детей. По полюбовному уговору сторон кабальный мог по смерти господина служить его семье, по воле господина мог выйти на волю раньше его смерти. Пушкин в духовной, писанной в сентябре того же 1597 г., считал себя

Но с новой кабалой?

в праве написать: людей моих кабальных во дворе и в деревнях всех отпустити на свободу, опричь тех, которых я приказывал жене моей по ее живот.

С их согласия? И по новой кабале?

Стр. 241 (208—209), строки 9—15 (35—5). *Помета.*

Так, одно из последствий прежнего источника кабального холопства, личная служба за рост, незаметно само превратилось в источник холопства: прежде крепила долговая ссуда, соединенная с личной службой должника; теперь возникла мысль, что может крепить личная служба во дворе сама по себе, независимо от ссуды.

Закон о бескабальной службе 1555 г. Буд.*) 3, 5

Стр. 242 (210), строки 27—31 (8—12). *Цитата.*

..... В том же году боярским приговором восстановлен был закон 1597 г. о шестимесячном сроке давности для превращения бескабальной службы в кабальную, а Уложение сократило и этот срок на половину; но в Уложение попал и закон 1555 г. .....

XX, 16 и 17.**)

Стр. 244 (211—212), строки 30—31 (35—2). *Цитата.*

.... Против такого взгляда был интерес господ, нашедший себе выражение в мысли о законном сроке давности добровольной службы.....

Ул. XX, 30.

Стр. 252 (218), строки 26—33 (18—22). *Цитата.*

..... 6) Закладные. Олеарий, воспроизводя московские отношения первой половины XVII века, пишет, что несостоятельные должники могли за долги закладывать кредиторам своих детей, зачитывая по 10 талеров в год за работу сына и по 4 талера за работу дочери.

По Уложению XX, 40.

Стр. 267—268 (231), строки 34—2 (15—18). *Помета.*

..... Этим об'ясняется явление, которое становится заметно во второй половине XVI века: крестьянское право выхода замирает само собою без всякой законодательной отмены его, прямой или косвенной.....

Вследствие задолженности их.

*) Владимирский-Буданов—Христоматия по истории русского права.

**) Уложение 1649 г.

Стр. 270 (233), строки 25—29 (26—28). *Цитата.*

68. Съ начала XVII века действовал пятилетний срок, законом 1607 г. был установлен 15-тилетний срок, какому подлежали всякие иски по обязательствам.....

Стр. 274 (236), строки 2—11 (19—26). *Цитата.*

..... восторжествовал тот взгляд, что владельческих крестьян нельзя вывозить без согласия их владельцев. Этому взгляду давал некоторую опору настойчиво повторявшийся во второй половине XVI века запрет землевладельцам, получавшим от правительства по-
А. И. 2 р. 74. датные льготы для успешнейшего заселения пустых земель, перезывать на эти пустоши тяглых крестьян, хотя этот запрет имел в виду не столько владельческих, сколько черных казенных крестьян. На том же взгляде стали и ноябрьские указы 1601 и 1602 гг.

Стр. 288 (248), строки 1—7 (2—6). *Помета и вставки.*

..... Сохранилась одна порядная 1628 года, в которой вольный
За ссуду жить вечно человек обязуется «за государем своим жить в крестьянех по свой живот безвыходно». В одной ссудной 1630 года крестьяне, обязуясь в
Дьякон. № 62*). случае самовольного ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, прибавляют: «и впредь мы Тихвина монастыря крестьяне».

Стр. 290 (249—250), строки 13—16 (35—2). *Помета.*

.... Господскую власть над личностью крестьянина они определяют как совокупность прав хозяйственного распоряжения крестьянином, т. е. его трудом.

Труд, не земля.

Стр. 295 (254), строки 22—24 (14—16). *Вставка.*

В обычные условия служилой кабалы и жилой записи не входили отношения господина к имуществу холопа.

Стр. 299 (257), строки 9—17 (13—20). *Цитаты.*

..... Но Уложение допускает случаи, когда животы отрывались от крестьянина. Если при-

---

*) М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I, № 62: порядная запись вольного человека с обязательством жить за монастырем «вечно».

XI, 26*). нявший беглого крестьянина по иску его владельца сознавался в приеме, но показывал под присягой, что принял его без животов, животы беглеца не выдавались вместе с ним его
XI, 12. владельцу. Далее, беглая крестьянская дочь, вышедшая в бегах за крестьянина чужого владельца, выдавалась своему вместе с мужем; но животы последнего оставались у его прежнего владельца.

Стр. 309 (265), строки 3—7 (24—27). *Вставка.*

..... наконец, кабальная старина под влиянием тягла переродилась в старину писцовую, т. е. наследственную власть владельца над потомством записанного за ним крестьянина, обусловленную обязанностью его хозяйственного обзаведения.

Стр. 309 (266), строки 28—30 (10—12). *Вставка.*

2) С половины XVI века, вместе с развитием частного землевладения, усилилась и задолженность крестьян своим владельцам и ссуда стала почти общим условием поземельных крестьянских договоров.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Дополнительные цитаты и пометы в тексте авторского экземпляра статьи: «Подушная подать и отмена холопства в России».

Стр. 319 (275), строки 13—29 (3—13). *Цитаты.*

.....Несмотря на это, именными указами предписано было проверку сказок «все конечно» кончить в 1723 г. и самим ревизорам к новому году вернуться в столицу, «понеже по указу Его Величества с предбудущего 1724 г. подушный сбор зачнется». Ревизоры, однако, к новому году не вернулись и заранее донесли сенату, что к 1724 г. своего дела они не кончат; указом 14 января 1724 г. им назначен был крайний срок в марте. Несмотря на то, не только в марте, но еще и в мае сенат продолжал

№ 4340**). № 4413.

*) Уложение.

**) Эти и все последующие номера означают ссылки на Полное Собрание Законов.

рассылать разъяснения и дополнительные инструкции ревизорам, не успевшим покончить своих работ в губерниях. Пришлось отказаться от надежды начать правильный подушный сбор с 1724 г., и сенат указом 19 мая отложил его до 1725 года.

№ 4503.

Стр. 319 (275), выноска под строками. *Дополнительная цитата.*

(П. С. З., №№ 4335, 4139, 4145, 4162, 4294, 4229, 4224, 4332, 4340, 4413, 4485, 4515), но местами с 1724. Горч. влад. 545*).

Стр. 321 (276), подстрочная выноска I-я. *Вставка.*

П. С. З., № 4503.

19 мая 1724 (указ царя в сенате 1 мая) роспись, сколько на какую губернию и каких душ, стр. 283.

Стр. 324 (279), строки 3—6 (1—6). *Помета.*

..... Петр в своих многочисленных указах о первой ревизии не разъяснил порядка разверстки этого налога, и подушная подать была понята в самом буквальном смысле; ее не только рассчитывали в податных росписях, но и раскладывали при самом сборе прямо по ревизским душам, а не по работникам.....

Уравнение в подушном сборе по состоянию граждан в Инстр. Магистратам 1724 г. Сол. 18, 180.

Стр. 325 (279, 280), подстрочные выноски. *Дополн. цитаты.*

К 1-ой (2-ой). Горчак. влад. 545.

Ко 2-ой (1-ой) № 4534 (VII, стр. 318) сбор и расходование.

---

*) Это ссылка на книгу Горчакова: «О земельных владениях российских митрополитов, патриархов и св. Синода».

Стр. 413 (254—255), строки 5—15 (32—7). *Цитаты.*

Согласно с этим изменен был закон 31 марта 1700 г. о приеме в солдаты вольноопределяющихся холопов: указом 17 марта 1722 г., когда в подушный оклад зачислялись уже все сельские дворовые, велено было написанных в ревизские сказки дворовых в солдаты не принимать. Но и это различие оказалось неустойчивым: закон не запрещал владельцам переводить городских дворовых в свои сельские усадьбы, а сельских холопов в городские дворы. Поэтому решено было уравнять всех холопов в обеих повинностях, воинской и податной. Указом 4 апреля того же года дозволялось принимать в солдаты всех дворовых слуг..... VI, 518. VI, 672[2].

Стр. 414 (355—356), строки 14—19 (33—4). *Цитата.*

..... Таким значением объясняется юридический смысл тех ревизских указов, которые обязывали вольных людей записываться в подушный оклад за теми, на чьих землях их заставала ревизия или кто соглашался принять их на свою ответственность..... VI, 715.

Стр. 411 (353), подстрочная выноска 2-я. *Дополн. цитата.*

П. С. З., VI, 358[2] V, 595.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Пометы, вставки и цитаты в тексте авторского экземпляра статьи: «Состав представительства на земских соборах древней Руси».

Стр. 451 (386—387), строки 11—16 (25—3). *Помета.*

Все это приводит к догадке, что дворянских представителей подбирали на собор, между прочим, по их местному значению, по их положению среди служилых землевладельцев тех уездов, где находились их вотчины или поместья.... А не по количеству ли уездных мобилизационных сотен?

Стр. 464 (398), строки 32—34 (13—16). *Помета.*

..... Есть основание думать, что и под смольнянами соборный акт 1566 г. разумел не купцов г. Смоленска, а особый разряд столичного московского купечества.....

Смольняне, живущие в Москве, А. Э. I, p.323. Смольняне сведенцы № 223. Тим. Смывалов был на соборе 1566 г. *).

Стр. 476 (407). *Приписка.*

Земское представительное собрание в Москве XVI в! Целый рой заманчивых политических представлений поднимается при этих словах и всего более отрады доставляет исследователю возможность поместить эти представления в XVI в., в умах москвичей того отдаленного времени и поклониться этим умам, умевшим додуматься до таких возвышенных представлений. А что если там ничего такого не было и исследователь поклоняется делу собственных рук, им сотворенному кумиру или, что еще хуже, своему собственному призраку?

---

*) На стр. 323 тома I Акт. Археогр. Экспед. помещена таможенная новгородская грамота 1571 г. марта 17 (№ 282). Ссылка относится к следующим словам грамоты: «а изо всех городов московские земли, изо всех городов и из волостей тверские земли и Смолнянин, которые на Москве и в Смоленске живут....» и т. д.

В том же томе № 223—царская грамота в Дмитров 1549 г. июня 4. Ссылка относится к следующему месту грамоты: «да, в Дмитров же деи и на Кимру и в Рогачово приезжают торговати сведенцы Смолняне паны Московские, Тима Смывалов да Федко Кадигробов с товарищи...»

Стр. 476 (408). *Помета пред текстом II главы.*

Борис требовал на собор от города по 8 или 10 чел. Маржер. у Устр. 22.

Стр. 494 (423), строки 7—9 (5—6). *Вставка.*

..... Гости, очевидно, были призваны на собор поголовно по своему званию, сколько можно было их тогда призвать: их и в XVII в. бывало немного....

Стр. 494 (423), строка 18-я (15-я). *Поправка.*

Вм. слова соборные—выборные.

Стр. 500 (428). *Пометки пред текстом III главы.*

А. А. Э. I, р. 262[2]. Буссов I, С. Маржер. 22.

Стр. 516 (442), строки 31—34 (19—21). *Цитата* *).

..... Земские миры в то время пользовались уже правом выступать истцами перед центральным правительством против кормленщиков... | Суд. р. 45.

Стр. 519 (444), строки 20—24 (30—33). *Цитата.*

Первые известные грамоты о введении губных учреждений, относящиеся к 1539 году, показывают, что мыслью о передаче важных дел местного управления в руки местных обществ правительство занято было еще в малолетство Грозного. | Белоз. Губ Гр. Буд. 2, 100 пр.

---

*) Пред этими цитатами написано: Гражд. ответственность 147; 147 означает страницу оригинального издания (Русск. М. 1892 г. кн. I), заключавшую в себе стр. 510 (436—437), от 14-й (34-й) строки, и 511 (437—438), до строки 33-й (11-й), настоящего издания.

Стр. 550 (471). *Пометы пред текстом.*

Бер и Маржерет о соборе 1598 г. Дума 1605 г. Гос. Гр. и Дог. II, 207. Ник. о соборе 1598.

Стр. 551 (472), строки 1—4 (4—7). *Цитата.*

Сказ. о Д. С. 88 *). .... Капитан Маржерет, служивший тогда в Москве, в иноземной гвардии самозванца, пишет, что кн. Шуйский fut accusé et convaincu en présence de personnes choisies de tous estats....

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Примечания на авторском экземпляре статей.

Платеж за крестьян Происх. III, 33, Тетр. IV, p. 18, № 1. Итоги 38i. Задворные ib. 44.

Прежде при сошном обложении какая доля сошного оклада падает на каждую наличную платежную единицу—двор.

Прежде через дворы облагалась пашня, теперь через пашню облагались дворы.

Писцовая укрепляла к месту по состоянию крестьянина, как тяглеца, а ссудная—к лицу по месту записи; полицейская тенденция сталкивалась с владельческой.

Земля исчезала из под ног крестьянина, как основа его положения в государстве, и он оставался висящим на ссудной записи и платежной отписке помещика. Ссудная укреплялась тяглым участком, а тягло обеспечивалось ссудной крепостью.

Челядь—Очерки Мансвет. 93.

Кабальные люди в селе Чт. О. И. 1888, кн. 4, 88.

Иски о крестьянстве ib. 1884, кн. 4, смесь.

Продажа крестьян без земли. Лебед. Собр. акт. Беляева стр. 70.

---

*) Устрялов. Сказания о Димитрии Самозванце.

О рабском житии Посошков в завещании стр. 178.

О челяди Статут Лит. 1529 г. раздел XI, 1566 г. разд. XII.

Заклад жен Мак. Ист. Ц. *) II, 38.

Одерноватые в Новгороде Костом. Народопр. 2, 33.

О рабах Ист. Пок. **) 414 и сл.

Феодосий Косой—родом моск. холоп. Ист. Пок. 934.

«Пословица» на литерат. языке XVI в. Ист. Показ. стр. XI.

О дворовых Крижан., 162. Олеарий Зкн. 188.

Адрианов.—К вопросу о крестьянском прикреплении Ж. М. Н. Пр. 1895, № 1.

Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные—ibid.

Запись в крестьяны (Шуя) Чт. О. И. 1847 № 5, смесь.

Отметки на пам. отречен. лит. и Труд. Ряз. Архивн. Ком.

Крепостное право в народных песнях Р. Стар. 1886 г. февр. и март.

Смерд-селянин Кирик 89.

Призыв в государеву слободу кабальных и в 1572 г. оставшихся после убитых в разгроме? П. С. Лет. 3, 174.

— Два момента закрепления крестьян: 1) превращение бессрочной порядной в вечность крестьянскую неуплатой ссуды и пожилого, 2) старина посредством приема родившимся в вечности обязательств отца.

— Попытки сравнить кабальных с полными Будан. Христ. 3, стр. 113 п. 51.

— И докладные подобно кабальным по смерти господ на волю. ibid. 112.

Приговор бояр о порядке укрепления Дворц. Разр. IV, 875.

---

*) История церкви м. Макария.

**) Ссылка на сочинение Зиновия Отенского «Истины показание».

— Задворные Карновича П. С. З. столб. 143 п.

— Крестьян не вывозить и не выпускать до указу. Акты Левш. № 1.

— Переписная кабальных—отметка на Опис. докум. Моск. Арх. Юст. I № 151.

— Запись в крестьяне. Чтения 1847, № 5, смесь.

— Кабальные наравне с полными передаются завещанием мачехе Тр. а. 641.

— Крестьян старинных насильством выводили волостью крестьяне Тр. а. 523. Отпуск крестьянина при продаже пустоши (ibid. 522) в 1622. С с у д а у ж е прикрепляла 621.

— О дворовых гл. 26 Домостроя в Чтен. О холопстве и крестьянской ссуде 79 и 81. 84 гл. 32.

— Виды холопства у Котоших. стр. 93, 31.

— П о р у ч н ы е по крестьянах. А. Ю. № 290, VIII и др. Ср. № 304, III, прикрепление к посаду.

— Записи полных в Новгороде. А. Э. I. стр. 231^2 и 223^2.

— Земский приговор 1611 г. о крестьянах Сол. *) 8, 434.

— Кабальные в селе. Чтен. О. И. и Др. 1888, IV, 88. Переписная кабальных в О п и с а н. А р х. Ю. I, № 151.

— П. С. З. № 329, I, p. 571; дворовые люди церковных и государевых служилых людей, которые торгуют на Москве и в городах и в уездах, платят пятую деньгу—Указ 2 ноября 1662 г. наравне с к р е с т ь я н а м и и пр.

— Жить по записи а не во крестьянех. Десятня Мценская 1622 г. стр. 4.

— О священстве рабов послание патриарха 1228 г. Макар. 3, 234.

— Дела о рабах в патриаршем Разряде А. Э. IV, № 155 и 309.

---

*) Соловьев. История России.

— Ивашка Пересветов Крмзн. IX, прим. стр. 289.

— В ответ Буданову: вопрос не о дате закона, а об ист. происхождении нормы креп. права на крестьян. Закон мог быть и в 101 г., но 1) удался ли, 2) откуда взялся?

— З а д в о р ь е Врем. *) 6, 97. Тр. акты № 421.

— Заклады жен Сол., IX, 449.

— Выдача крестьянина за убитого ibid.

— Жалобы рабов на господ в Патр. Разряд А. Э. IV, № 155.

— Служилые по отечеству в к р е с т ь я н с т в е П. С. З. З., 476—7.

— Выход крестьян массами 1578 г. А. И. I, стр. 366.

— Церковь против холопства Пр. Соб. 1860—5, стр. 184.

— Духовные из несвободных. Д. А. И. 5, № 102, стр. 490. П. С. З. № 412.

— Рядный список—крепость и др. и дети б. на частной службе Писц. Калач. 2, 181—194 конца XVI в., стр. 141.

— Где писали полные и докладные С. г. гр. I, 397.

— Закладчики Тр. а. Балахна.

— Костромитин—Шуйского холоп А. И. 2, р. 178 Сельцо из с т а р и н. и к а б а л ь н о г о. Мой словарь, налоги—оборот.

— Запрет перехода частный в XV в. А. Ю. 145.

— Крепости и ссуда крестьян П. С. З. III, стр. 430.

— О задворных отметки на Извлеч. Замысловского **).

— Закладень—Иванова. О межевании въ России, словарь 131.

— О рабах в Риме Ешев. ***) I, 351 и 474.

— Право продажи детей в XI в. Голуб. ****) I, 520, пр. 110.

---

*) Временник Общ. Ист. и Др.

**) Извлечения из переписных книг, сост. Замысловским.

***) Ешевский.

****) Голубинский—История церкви.

— Выпуск со жребия в XVI в. Р. Беседа 1858, II, крит. II.

— Кабалы по Сильвестру А. Э. I, стр. 249.

— Послание Иосифа о рабах. Доп. А. 1, № 213.

— Закупни Лит. Руси Ил., 3, 83 по стат. 1529?

— Одерноватый хлебопашец на месячине А. Э. 1, № 32.

— Вольноотпущенные—Труды Ряз. Уч. Комиссии 1890, № 8, 3, 23.

— Палицын о дворянах во дворах вельмож. Крмз. XI. пр. 186. Буд.

— Вечность—положение по происхождению, наследственное. Улож. 19, 1. Пожизненное Котош. 78.

— Документы в приложениях у Победоносцева.

— Закладчики—за долги отданы Сол. 18, 179i.

— О рабах по церк. суду А. Э. 4, р. 206.

— Задворные несут воинскую повинность по книгам 186 г. А. И. 5, № 29.

— Соловьев о жилой записи 14, 82.

— Усиление холопства при царе Федоре—причина законодательной разработки института Авр. Пал. 12—13.

— Когда начались служил. кабалы Забел. Минин и Пожарский 201 Сл. Тат. Суд. § 106.

— Татищев о законе Шуйского 1, 531.

— О кабалах и ссудных П. С. 2, 313 р.

— О рабах Гербершт. 76: продажа детей и кабалы.

— Сл. с служилой кабалой заемную у Флетчера 45: служба за рост после срока без срока.

— Взгляд 1840-х г. на крепостного, как вещь, собственность владельца. Сухомл., Истр. Р. Академии V, 230.

— Отдача крестьянина без земли за долг. Горчак. Владен. *) Прил. 146, 136 на двор. 128, 126, 91 беглые. Текст 438, п.

---

*) Горчаков «О земельных владениях росс. митроп.» и проч.

— Посадка вольных во крестьяне—десятина ржи. ib. 89. Стеснение семейных разделов 178. О вывозе крестьян пр. ib. 372, п. 2. Передача жеребьев ib. 378, п. 1 и 2: какой № книги?

— По робе холоп—Михалон 47f.

— Обложение дворовых Млк. 259 *).

— Запись в крестьянство Чтен. О. И. 1847, № 5, смесь 23.

— Деловые и задворные. Ворон. писц. книги, т. 2, 261.

— О непереводе крестьян с вотчин. на поместн. земли ук. 13 дек. 1680. П. С. З. 2, р. 287.

— Отдача зарубежных выходцев в крестьянство и насильств. закабаление воеводами в Пскове П. С. Лет. 4, 334—1631 г.

— Возврат беглых для уравнения в податях черных крестьян А. И. т. 3, р. 458.

— Стрел. хлеб в ук. 24 сент. 1688 г. с задворных и деловых. А. Э. 4, № 299 по переписным 186 г.

— Заместительство на участке и выделение новых дворов. А. И. 3, № 211.

— Кабальные в 1566 г. вместе с докладными Чт. О. И. 1892, 3, смесь, № 1.

— Взгляд Кривцова (5 февр. 1842) на крепостных и казенных крестьян—(против палат(ы) гос. имуществ). Записка в бумагах кн. М. Гр. Голицына. Ркп. Рум. музея № 1035, Сухомл. Ист. Рос. Ак. 5, 230.

— Грибовского, О состоянии крестьян господских в России, Харьк. 1816: до поры рабство и власть господ необходимы. Власть сия заменяет часть власти полицейской в государстве (доктор обоих прав).

— Перри—о склонности к рабству московитов. Ceux sont nés libres, mais pauvres, se vendent avec toute leur

---

*) П. Милюков, Государственное хозяйство и реформа Петра Великого.

famille pour peu de choses et ils ne font pas difficulté de se vendre encore une fois après avoir recouvré leur liberté par la mort de leur maître ou par quelque autre occasion (сословие кабальных).

— Прв. мысль, будто зло крепостного права не в недостатке свободы крепостных, а в излишестве своеволия владельцев («не в закрепощении крестьян, а в свободе и своеволии помещиков, которое превращало законное закрепощение в незаконное рабство»)—М. Вед. 92 г. № 336.

— Ограничение права крестьянского перехода не касается истории крепостного права на крестьян: оно не давало помещику никакого нового права на крестьянина, а стесняло права того и другого в пользу кого-то третьего (государства), одного права уйти, другого права сослать; оно не прикрепляло крестьянина к землевладельцу, а приковывало обоих друг к другу.

— Указ 1597 г. о возврате беглых не лишал крестьянина права в пользу помещика, а только восстановлял обязательство, нарушенное побегом—работать за долг, ибо предполагалось, что он не может его уплатить: еслибы мог уплатить, не был бы и беглым. По указу о кабальном холопстве того же года хозяин мог не принять выкупа, мог и отпустить холопа даром.

— Старина крестьянская, вероятно, была юридическим уравновешением в пользу помещиков права давности крестьянского побега (по указу Шуйского 15-летней): если продолжительный самовольный побег превращался в законный уход, то и продолжительное добровольное непользование правом ухода превращалось в добровольный молчаливый отказ от права уходить, как сверхсрочное держание кабального без кабалы считалось молчаливым согласием отпустить холопа, когда ему вздумается уйти. Если давность могла снимать обязательство крестьянина, то она же могла давать право и владельцу;

признание за одной стороной права отказываться от уплаты долга возмещалось признанием права отказа в приеме уплаты, как хозяин кабального мог не принять от него выкупа.

— Юридический состав крепостного права в XVIII в. становился проще по мере осложнения его правами судебными, полицейскими и обязанностями экономическими; владелец крепостной личности закрывался попечителем крепостной души.

После Судебника указом 1556 г. узаконено и пленникам быть в холопях токмо до смерти господина кроме женившихся на рабах их; последние оставались в холопях и дети их вечно. Голиков, XIII, 301 (2 изд.).

В 192 г. крестьянин стольн. Ан. Ильича Безобразова Игошка Нижегородской вотчины села Маликова бил челом, что приказчик Федька набавил на него тягла к полосмухе еще осмуху, что ему не в мочь, человечейцо он одинокой и и бессемейный, работать не с кем.—Федька сказывает: «Тебе он, государю, не крепок де», а за ним твоя боярская крестьянка. На обороте: Сыскать всеми крестьяны буде Федька находит на Игошку не делом и грит, что он мне не крепок, за то его бить кнутом нещадно, только лишь чуть душу в нем оставить. Старосту за воровство ржи барской бить кнутом, а рожь на нем доправить (50 четв.). Крестьяне села Маликова били челом 192 г. Есипов оттягал нашу землю в двух полях и с сенными покосы и разорил нас и заставил с ребятишки в мире шататься. Дрова покупаем дорого у дворцовой Мордвы, и скотины нет и недород, погибаем студеною и голодною смертью. Просят досмотреть их домишек и животишек; вели нам быть на оброке против нашей мочи, а пахать нам стало нечего; просят отменить винное сиденье, моск. и симб. подводы и подужные деньги и мяса свиные и Столовой запас и «вели

с нас должной оброк имати противу нашея мочи» и приказчика переменить. Подписался поп за детей духовных, кои в челобитной имена писаны, а таких 6 с прибавкой: и все сироты твои. Помета: «Сыскать, все ли крестьяне ту челобитную писали, а будет скажут, что они про эту челобитную не ведают и не писывали, бить того крестьянина, который челобитную писал, нещадно, только лишь чуть душу оставить».—За брань крестьянином приказчика батоги нещадно. Сыскать всеми крестьяны: за подстрекательство свойственников и друзей убить приказчика, если крестьяне про то скажут, бить батоги нещадно, только лишь душу оставить. За покражу 2 ведер вина у приказчика дворовую женку, если крестьяне скажут, бить батоги, снем рубашку: не воруй! Все сыскать всеми крестьяны. Р. Стар. 1890 г. февр. 575—580: «Помещик XVII в.» А. Востокова. Ср. Чт. О. И. и Др. 1883 I, 1—59.

Важская грамота 1552 г. (А. Э. I, р. 238) об обязательном возврате выходцев—старых тяглецов, крестьян должно сажать на старые места, где кто жил. Это не старина, как источник личной зависимости, а полицейская мера против переселений, распространявшаяся и на черных. (Ист. Б-ка т. XIV. № 72. Адрианов Ж. М. Н. Пр. 1895, № 1).

Влияние холопства на крестьянскую крепость не дело законодательства, всегда различавшего эти состояния, как Сергеевич, а договорной практики. Законодательство под условием ненарушимости государственных интересов допускало в частных отношениях всякие нормы; тоже и в ссудных записях—не применять к крестьянам все условия служилой кабалы, а принцип долговой крепости, которая переработалась в (вид) бессрочную жилую запись с тяглыми обязанностями. Калач. в Лет. зан. Арх. Ком. вып. 3, стр. 3.

Фиксация крестьянских крепостных договоров наказом 1646 г. с потомственной неволей—повторение апрель-

ского указа 1597 г., превратившего кабальные договоры бессрочные в пожизненные с лишением права возврата долга.

Право продажи и залога крестьянина в ссудной записи 1690 г. (Акты Юр. быта, I, № 94), а продажа свободных Улож. запрещена.

Мысль Градовского о прикреплении к тяглу через владельца, кому выгоднее открепить от тягла, совсем неясна. Ист. мест. упр. 119. Вернее—не смотря на владельца или к владельцу под условием тягла, а не наоборот.

Наделы и оброки Забелин в В. Евр. 1871, № 1, р. 25.

Податная ответственность за крестьян (против Дьяконова). До XVII в., когда крестьяне были свободны, вотчинники не могли быть их хозяйственными опекунами и отвечать за их разорение. Платить дань по силе за своих крестьян—платить по числу крестьян с земли, занятой крестьянами, тяглой—полицейское поручение в связи с вотчинной юрисдикцией (1576 г. А. И. I; 195). При крепостном праве, на поместных особенно землях, это поручение стало обязанностью владельческой поддерживать платежную способность крестьян с наказанием за их разорение и запустение поместья или вотчины (Котош.) Здесь связь с вечностью крестьянской.

Порука за год по крестьянине—не срочный договор крестьянина, а срок поруки. Белев. В-ка 1681 г.

Сергеевич относит указ о прикреплении к 1584 или 1585. (Юр. Др. I, 246).

Усиленное закрепощение людей при Годунове, Ист. Б. 19, 482—3.

Выбежавшие и вывезенные крестьяне около 1580 г. Калач. Писц. 2, 336.

Татищева примечание на § 81 Суд. 1550 г. об отставных дворянах.

Изучая крепостное помещичье порядочное хозяйство, видишь, как бессмысленный произвол старался

обшиться разумом, подобно стыдливому и осторожному телу, старающемуся прикрыть платьем свой стыд от чужих глаз и защитить его от вредных влияний природы.

О челяди—Опис. славян. русск. рукоп. Титова. т. 2, стр. 70.

Полоняники Таннер Чтения 1891, III, 93. Холопы Гербершт. 16: каб. по живот не заметно.

Поместные крестьяне наряду с вотчинным в приданое. А. до юр. б. 3., р. 485, XVI, 1694 г.

Наказание за просьбу в холопство № 1099. П. С. З.

Разорит. вывоз крестьян № 1001. ib.

Наказ сыщикам о беглых. ib. № 998 и 987. Ср. № 998 и 997.

Переход мирского крестьянина на выморочный жеребий с согласия мира. Чтения в О. И. 1902, кн. IV. смесь, 16.

Юридический момент в возникновении крепостной неволи крестьян. — Поместные дела, изд. Самоквасовым, ч. 2.

Договоры крестьян 1628—9 гг.

— Поступные на крестьян без земли. Сотницы Шумакова, ч. 4. Чт. в О. Ист. 1908, IV.

— Крестьянин давал крепость помещику, его жене и детям. Чтен. О. И. 1846, V.

30.
402
ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТ. ОТДЕЛ НАРОДН. КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИ
ц 30 р.

Поступили в продажу следующие издания:

	Цена за каждый том:
В. О. Ключевский. Курс русской истории 1, 2, 3 и 4 части	3 р. 50
Его-же. История сословий в России . . .	3 » 50
Его-же. Сказания иностранцев о Московском государстве	3 » 25
Его-же. Опыты и исследования. Первый сборник статей	7 » 50
Его-же. Очерки и речи. Второй сборник статей	5 » 50
Его-же. Отзывы и ответы. Третий сборник статей	4 » 50
Гейнрих Шульц. Школьная реформа. . . .	5 » —
Карл Каутский. Экономическое учение Карла Маркса.	1 » 50

ПЕЧАТАЕТСЯ:

В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси.

Его-же. Курс русской истории, 5 часть.

Его-же. Древнерусские жития святых, как историческ источник.